Iordanes

GETICA

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сочинение позднего римского историка Иордана `О происхождении и деяниях гетов (Getica)` – одно из крупнейших произведений эпохи раннего европейского средневековья, один из интереснейших источников по истории всей эпохи в целом. Иордан излагает исторические судьбы гетов (готов), начиная с того времени, когда они оставили Скандинавию и высадились близ устья Вислы. Он описывает их продвижение на юг, к Черному морю, а затем на запад вплоть до Италии и Испании, где они образовали два могущественных государства– вестготов и остготов. Написанное рукой не только исследователя, опиравшегося на письменные источники, но и очевидца многих событий, Иордан сумел представить в своем изложении грандиозную картину `великого переселения народов` в IV-V вв. Он обрисовал движение племен с востока и севера и их борьбу с Римской империей на ее дунайских границах, в ее балканских и западных провинциях. В гигантскую историческую панораму вписаны яркие картины наиболее судьбоносных для всей европейской цивилизации событий – нашествие грозного воина Аттилы на Рим, `битва народов` на Каталаунских полях, гибель Римской империи, первые религиозные войны и т. д. Большой интерес представляют и сведения о древнейших славянах на Висле, Днепре, Днестре и Дунае. Сочинение доведено авторомдо его дней. Свой труд он закончил в 551 г. Текст нового издания заново отредактирован и существенно дополнен по авторскому экземпляру Е.Ч.Скржинской. Прилагаются новые материалы. Текст латинского издания `Getica` воспроизведен по изданию Т.Моммзена.

- Иордан
  - Вступительные материалы и приложения
    - Предисловие
    - Иордан и его «GETICA».
    - Приложения
      - Приложение I
        - О сумме времен или о происхождении и деяниях римлян
        - DE SUMMA TEMPORUM VEL ORIGINE ACTIBUSQUE GENTIS ROMANORUM
      - Приложение II
      - Приложение III

- Литература
- Список сокращений
- Иордан. О происхождении и деяниях гетов (GETICA)*
  -
  - I
  - II
  - III
- Е. Ч. Скржинская – исследователь и публикатор исторических источников[212]

○ «GETICA»
- О происхождении и деяниях гетов
- DE ORIGINE ACTIBUSQUE GETARUM

• notes
○ 1
○ 2
○ 3
○ 4
○ 5
○ 6
○ 7
○ 8
○ 9
○ 10
○ 11
○ 12
○ 13
○ 14
○ 15
○ 16
○ 17
○ 18
○ 19
○ 20
○ 21
○ 22
○ 23
○ 24
○ 25
○ 26
○ 27
○ 28
○ 29
○ 30

- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74

- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118

- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162

- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206

- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14

- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58

- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102

- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146

- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190

- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234

- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278

- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322

- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366

- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410

- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454

- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498

- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542

- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586

- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630

- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674

- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718

- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762

- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806

- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820
- ○ 821
- ○ 822
- ○ 823
- ○ 824
- ○ 825
- ○ 826
- ○ 827
- ○ 828
- ○ 829
- ○ 830
- ○ 831
- ○ 832
- ○ 833
- ○ 834
- ○ 835
- ○ 836
- ○ 837
- ○ 838

Иордан
Гетика

Вступительные материалы и приложения

Предисловие

[Предисловие к первому изданию 1960 г. (Прим. Издателя).]

{Нумерация страниц и ссылки на страницы приводятся здесь по «бумажному» изданию – Ю. Ш.}

Настоящее издание является результатом работы над сочинением историка VI в. Иордана, которое в научной литературе носит название «Getica»[1].

«Getica» – одно из крупнейших произведений эпохи раннего европейского средневековья. Иордан посвятил его истории готов[2], он показал их судьбы, начиная с того времени, когда они покинули Скандинавию и высадились близ устьев Вислы, а затем продвинулись к Черному морю, и оттуда на запад, вплоть до пределов Италии и Испании. История готов, образовавших в V в. государства вестготов (везеготов) и остготов (остроготов), доведена автором до его дней. Свой труд он закончил в 551 г.

Значение «Getica» как важного исторического источника определяется тем, что Иордан, развивая основную тему, окружил ее множеством сообщений из истории всей эпохи в целом. Таким образом, вовсе не будучи талантливым писателем, он тем не менее сумел представить в своем изложении грандиозную картину «переселения народов» в IV—VI вв. Он обрисовал движение племен с востока и севера и их борьбу с империей на ее дунайских границах, в ее балканских и западных провинциях; он дал некоторые не только ценные, но уникальные описания и сообщил существенные подробности тех или иных исторических событий; он показал образование ранних варварских государств; он дал возможность уловить черты отношений между пришельцами-варварами и слабеющим Римом.

Кроме того, Иордан привел сведения из истории Северного Причерноморья и драгоценные, хотя и скудные свидетельства о древнейших славянах на Висле, на Днепре, на Днестре, на Дунае. В этих частях его сочинение представляет особенный интерес для советских историков и археологов, занимающихся вопросами истории племен на территории СССР и соседних государств.

«Getica» – настолько богатый источник, что его вполне можно поставить в центр изучения, сопровождая исследованием других – и немалочисленных – дошедших до нас источников IV—VI вв. Сопоставление данных из «Getica» и из трудов других раннесредневековых писателей иногда приводит к новому или хотя бы более яркому освещению событий одной из сложнейших в истории Европы эпох – эпохи распада рабовладельческого строя и

зачатков феодализма. Подобного способа исследования «Getica» придерживался и автор предлагаемого здесь комментария при составлении крупных примечаний-статей.

Труды Иордана стали издаваться уже в начале XVI в. Editio princeps относится к 1515 г.; книга вышла в Аугсбурге, подготовленная к печати знаменитым Конрадом Пейтингером (ум. в 1547 г.), объединившим в своем издании два средневековых источника – «Getica» Иордана и «Historia Langobardorum» Павла Дьякона. За первым изданием (в том же веке) последовало еще несколько изданий, которые появились в Базеле, Лионе, Париже, Лейдене, во Франкфурте-на-Майне. В XVII в. продолжали интересоваться трудами Иордана; среди изданий этого века одно было подготовлено известным голландским ученым Гуго Гроцием (ум. в 1645 г.) и вышло в 1665 г. в типографии Эльзевиров в Амстердаме, являясь приложением к «Historia Gothorum, Vandalorum et Langobardorum», написанной Гроцием. В XVIII в. оба сочинения Иордана были включены в первый том (Mediolani, 1723) известного собрания Л. А. Муратори (ум. в 1750 г.) «Rerum Italicarum scriptores»[3]. Неоднократно издавали труды Иордана в XIX в.: «Getica» имеется и в латинской патрологии Миня (т. 69), и в других многотомных собраниях (Panckoucke, t. 71, 1842, 1883; Nisard, 1849)[4]. Однако, если более старые издания могут быть в какой-то мере интересны, так как иногда отражают текст древних, уже неизвестных нам рукописей, то издания XIX в. потеряли в наше время всякое значение, так как, повторяя предыдущие, изобилуют к тому же ошибками и опечатками.

Оба труда Иордана как исключительно важный исторический источник без всяких колебаний были включены в состав «Monumenta Germaniae historica». Моммсен* [* Здесь и далее везде по тексту книги сохранена авторская орфография (*Прим. Издателя*).] со свойственным ему искусством работы над рукописями исследовал лучшие известные в его время списки «Romana» и «Getica» и издал их в очередном выпуске серии «Auctores antiquissimi»[5]. Это превосходное издание полностью заменило предыдущие.

В связи с открытием в 20-х годах нашего столетия неизвестной до тех пор рукописи VIII в., содержащей большую часть «Getica», в Италии подготавливается новое издание этого текста профессором Палермского университета Франческо Джунта, автором вышедшего в 1952 г. исследования о Иордане.

Наше издание содержит вступительную статью, русский перевод (печатаемый впервые) и латинский текст «Getica»[6], комментарий, три приложения, список литературы и указатели.

Вступительная статья представляет собой исследование ряда вопросов, связанных с биографией, политическими взглядами и литературной деятельностью Иордана, выразителя идеологии одной из группировок правящего класса остроготов и италийцев.

Текст «Getica» Иордана нелегко поддается переводу на русский язык. Переводчик должен был постоянно остерегаться слишком гладких фраз, так как латынь Иордана неправильна и грамматически иногда совершенно непоследовательна; если невозможно передать стиль Иордана, то, с другой стороны, конечно, не следует в переводе и скрывать его. Поэтому публикуемый перевод может показаться порой тяжелым. Переводчик стремился к тому, чтобы русский текст как можно более точно соответствовал оригиналу и вместе с тем был понятен и удобочитаем. Переводчик хотел бы еще отметить, что текст Иордана требовал очень пристального вглядывания в него, осмотрительного отношения к передаче некоторых слов и оборотов. Хотелось бы надеяться, что такая исследовательская работа над текстом и его передачей на другом языке будет способствовать в дальнейшем более углубленному пониманию сложного и выдающегося труда Иордана.

Как в латинском тексте оригинала, так и в русском переводе сохранено деление на параграфы, принятое в издании Моммсена. Впрочем, эти параграфы при наборе другим форматом не могут во всех случаях точно совпадать с моммсеновскими, и прежде всего потому, что в издании Моммсена деление текста проведено не по фразам, а по группам строк. Чтобы облегчить чтение текста и сделать его доступнее, переводчик, со своей стороны, исходя из содержания, разбил его на абзацы.

Комментарий составлен с целью максимально широкого освещения источника, с непременным привлечением ряда других, латинских и греческих, текстов; автор комментария стремился показать историю события, племени, отдельной личности, государственного института или географического определения с наибольшей полнотой и в тесной связи с тем, что по этому поводу дано у Иордана. Особое внимание в комментарии обращено на вопросы, относящиеся к истории древнейшего славянства, на темы, касающиеся судеб причерноморских областей и Подунавья. Мелкие примечания, иногда содержащие общеизвестные исторические и географические сведения, даты и т. п., даются только для удобства ориентировки как в тексте оригинала, так и в соответственных объяснениях в комментарии.

В кропотливой и длительной работе над настоящим изданием мне оказывали содействие и помощь товарищи по Институту истории Академии наук СССР (Сектор

византиноведения) и по Институту истории материальной культуры Академии наук СССР (Сектор славяно-русской археологии), за что я приношу им мою благодарность.

Иордан и его «GETICA».

В середине VI в. родилось сочинение, определяемое в рукописях названием «О происхождении и деяниях Гетов» («De origine actibusque Getarum»)[7]. Создал его писатель, имя которого известно нам благодаря тому, что он сам упомянул его один раз в тексте своего труда. Это Иорда́н (Iordannis), один из наиболее замечательных авторов эпохи раннего европейского средневековья.

С 1882 г., когда сочинение Иордана появилось в составе «Monumenta Germaniae historica», было принято предложенное Моммсеном искусственное, но удобное название – «Getica»[8]. Однако ни полное, основное, ни краткое, условное, наименование труда, указывая, что он посвящен истории готов, не охватывает всего остального, поистине громадного содержания, которое вложил автор в свое произведение. «Getica» Иордана – это сумма известий о чрезвычайно важном времени в Европе и преимущественно в Средиземноморье, о времени, которое условно и неполно называется эпохой «переселения народов». В «Getica» Иордана отражается, хотя и не всесторонне, процесс распада рабовладельческой системы и формирования феодальных отношений, описывается передвижение многочисленных вновь появившихся племен и начальная пора образования ими раннефеодальных государств.

На страницах «Getica» Иордан сказал о себе немного, но и это немногое является для современного историка интереснейшим свидетельством о человеке и писателе. Ведь в VI веке, как, впрочем, и в последующие средние века, редко встречалась у авторов склонность расширять свои сочинения в сторону автобиографий.

Иордан был готом, остроготом. Это не вызывает никакого сомнения, так как он сам сообщил о своем происхождении: заканчивая «Getica», он заверяет читателя, что не прибавил ничего лишнего в пользу племени готов, из которого происходит («nec me quis in favorem gentis praedictae, quasi ex ipsa trahenti originem, aliqua addidisse credat», – § 316)[9].

Принято считать, что такие крупные ученые, как Моммсен, а за ним Ваттенбах, склонялись к признанию Иордана аланом[10]. На наш взгляд, они этого в категорической форме не высказывали, и ни один из них не пропустил общеизвестного замечания Иордана (§316), что он гот.

Несколько «сдвинутым» и потому неточным представляется утверждение Л. Ранке: «Кто же был этот Иордан? По его

собственному рассказу он был готско-аланского происхождения» («von gothisch-alanischer Abkunft»)[11]. Как известно, Иордан сказал (§ 316), что он ведет свое происхождение от готов, но нигде ни словом не обмолвился, что он алан. Однако в корне ошибочное мнение, что Иордан – алан, укрепилось.

Например, Эд. Вельффлин, говоря о латыни Иордана, признает в ней черты упадка, тем более для него понятные, что их проявил «алан, назвавший себя agrammatus»[12].

Такому уклону в сторону аланского происхождения Иордана косвенно способствовал Моммсен[13]. Он доказывал, что Иордан, объявивший себя готом, мог быть тем не менее одновременно и аланом. Для объяснения такого странного положения Моммсен в качестве примера приводит полководца по имени Бесса (Bessa, Βέσσας). По Иордану, Бесса был сарматом (§ 265), а по Прокопию – готом (Bell. Goth., I, 16, 2; Bell. Vand., I, 8, 3). Моммсен пришел к неожиданному заключению, что Иордан в отношении Бессы прав, а Прокопий ошибается, но ошибка последнего объясняется тем, что в широком смысле Бесса мог все же причислять себя к готам[14] как представитель племени, тесно связанного с готами[15]. По такой же причине, думал Моммсен, и Иордан, алан по происхождению[16], мог назвать себя готом (§ 316) только потому, что находился среди готов, вне исконной родины аланов[17].

Подобное разъяснение представляется натянутым и даже неестественным: ведь совершенно нет необходимости превращать Иордана, сказавшего о самом себе, что он гот, в алана; кроме того, трудно представить (судя по тексту § 265), чтобы Бесса происходил из одного из трех племен[18] – сарматов, кемандров и гуннов (Prooem., p. VII). У Иордана (§ 265) первая фраза: «Sauromatae … coluerunt» выглядит случайной, может быть, по небрежности вкравшейся вставкой; поэтому следующую за ней фразу: «…ex quo genere…» надо рассматривать как *вытекающую из фразы о готах в Паннонии*. Отсюда получается, что упоминаемые здесь Бливила и Фроила, а также Бесса – готы, и, таким образом, сообщения Иордана и Прокопия (он-то мог знать Бессу лично!) сходятся.

Однако не это разъяснение определяет в «Prooemium» Моммсена племенную принадлежность Иордана. По ряду дальнейших упоминаний о его происхождении видно, что *Моммсен все же считал его готом, а не аланом*. Он называет его «готом, живущим в Мезии или Фракии» («Gothus in Moesia Thraciave degens») или «автором, ведущим свое происхождение от мезийских готов» («auctor oriundus ex Gothis Moesiacis»), а о готах, живущих в Мезии и Фракии, говорит как о тех именно, «из

которых происходил, как мы видели, Иордан» («ex quibus Iordanem vidimus oriunduiri esse»)[19].

Что же касается Ваттенбаха, то он лишь вскользь упоминает об указанной Моммсеном[20] симпатии Иордана к аланам и тут же – о его, «как кажется», аланском происхождении[21] (без доказательства, почему Иордан – алан). В последней обработке книги Ваттенбаха, сделанной В. Левисоном[22], который дал общий обзор новейших исследований и мнений историков-медиевистов, уже нет колебаний в отношении того, кем был Иордан – готом или аланом: «Иордан сам причисляет себя к готскому племени» («Jordanis rechnet sich selbst zum gotischen Volke»). Таким образом, точка зрения Моммсена о родственных связях Иордана с аланами признается неправильной[23]. С этим нельзя не согласиться.

В кратких словах (§ 266) Иордан очертил свой род и сообщил о «фамильной», так сказать, профессии: его дед и он сам были нотариями. Имя отца Иордана скрыто в явно испорченном переписчиками длинном слове Alanoviiamuthis (в разночтениях Alaniuuamuthis, Alanouuamocthis). Наиболее убедительной представляется такая осмысливающая это нелепое слово поправка: «Cuius Candacis, Alan [orum ducis], Viiamuthis, patris mei, genitor Paria, id est meus avus, notarius... fuit»[24]. Если допустимо такое расчленение слова «Alanoviiamuthis», то, следовательно, отец Иордана носил готское имя Вийамутис или Вийамут (Viiamuthis – Veihamôts у И. Фридриха[25] или Wiljamops у Ф. А. Брауна)[26]. В автобиографической справке в § 266 Иордан как бы старается дать уточняющее пояснение: он повторяет, что Кандак, которому служил его дед, и есть тот самый Кандак, который был вождем аланов, и что его, Иордана, дед, по имени Пария, и есть, естественно, родитель его отца Вийамута.

Надо думать, что Пария состоял нотарием при аланском вожде Кандаке долгое время, во всяком случае до смерти последнего. По стопам деда пошел и внук. Он был нотарием у крупного военачальника Гунтигиса Базы, который приходился племянником Кандаку по матери. По отцу Гунтигис База был готом из знатнейшего рода Амалов. Иордан указывает имена двух Амалов: отца Гунтигиса звали Андагом (Andagis, Andag), деда – Анделой (Andela).

Конечно, пытаясь очертить биографию Иордана, было бы существенно наметить какие-нибудь хронологические вехи, установить, например, в какие годы он был нотарием, а в связи с этим, когда примерно он родился и в каком возрасте приступил к работе над «Romana» и «Getica». Некоторый свет на годы, когда Иордан был нотарием, проливают сведения, сообщаемые, с одной

стороны, Прокопием, с другой – Марцеллином Комитом, и относящиеся, по всей вероятности, к Гунтигису. Путем сопоставления свидетельств этих авторов И. Фридрих пришел к остроумной и настолько убеждающей догадке, что с ней трудно не согласиться. Он предположил, что называемый Прокопием (Bell. Pers., I, 8, 3) военачальник Годидискл (Γοδίδισκλος), участвовавший в войне между Персией и империей в 502—505 гг., был не кем иным, как Гунтигисом[27]. Эта мысль подкрепляется еще и тем, что у Прокопия Годидискл упомянут вместе с Бессой, и оба они определяются как готы (και Γοδίδισκλος τε καί Βέσσας, Γότθοι άνδρες) из тех, что не последовали за Теодерихом из Фракии в Италию. У Иордана Бесса также упомянут почти рядом с Гунтигисом и также назван происходящим из тех готов[28], которые после смерти Аттилы поселились в Паннонии (а впоследствии имели предводителем Теодериха). Кроме Прокопия Гунтигиса, но уже под именем Базы, упоминает Марцеллин Комит под 536 г. как полководца, воевавшего на евфратской границе; у того же автора База назван в числе других военачальников, приведших в 538 г. византийские войска в Италию в помощь осажденному готами Риму[29].

По данным Прокопия и Марцеллина Комита, Гунтигис База воевал с персами дважды: в 502—505 гг. и в 536 г. Был ли Иордан, нотарий Гунтигиса, при нем во время этих походов на Восток? Прямого ответа на этот вопрос, конечно, нет, но едва ли Иордан сопровождал Гунтигиса в походах против персов: казалось бы, его участие в этих походах должно было бы хоть слабо отразиться на страницах «Getica». Но писатель не проявил никаких особых познаний касательно областей по Евфрату. Вот на этом наблюдении И. Фридрих и основал свои соображения о времени, когда Иордан мог быть нотарием Гунтигиса. Это – время после персидского похода 502—505 гг. и до войны на Евфрате в 536 г.[30] С подобным общим выводом надо согласиться, хотя нельзя утверждать, что Иордан был нотарием, да еще при одном и том же лице, в течение целых тридцати лет. Если он начал свою карьеру в самом начале предполагаемого периода – 505—536 гг. – и ему было тогда примерно лет двадцать, то, следовательно, он родился около 485 г. и ему было лет 65—66, когда он писал «Romana» и «Getica» (в 550—551 гг.). Но все эти даты – начало службы, год рождения и возраст к 550—551 гг. – могут быть передвинуты, так как Иордан мог приступить к службе не в 505 г., а значительно позднее. Неясно также из его слов, сколь длительной была его деятельность в качестве нотария именно у Гунтигиса. Быть может, она была и краткой, но Иордан отметил ее, так как служить при крупном военачальнике было почетно.

Быть может, с Гунтигисом, прибывшим с войсками на помощь Риму, как записал Марцеллин Комит под 538 г., связано переселение Иордана в Италию. Ясно лишь следующее: обучившись своему делу, очевидно, под руководством опытного специалиста, каким был его дед, Иордан служил не аланскому роду Кандака, а готскому роду Амалов[31]. Через службу у Гунтигиса могли укрепиться связи Иордана и с представителями правящей фамилии Амалов, а отсюда – с Италией, со столицей остроготского государства, Равенной.

Вполне вероятно и то, что дед Иордана был нотарием в Малой Скифии и Нижней Мезии, правителем которых был Кандак, получивший эти области при всеобщем перемещении племен и распределении земель в 453—454 гг. после смерти Аттилы.

Естественно предположить, что Иордан родился в этих краях, здесь же провел молодость и служил нотарием у Гунтигиса. Такое предположение косвенно подкрепляется помещенным непосредственно после упоминания о семье и профессии (§ 266) обстоятельным описанием (§ 267) многочисленного племени («gens multa») готов, известных под названием «малых» («minores»). Кажется, будто Иордан, вспомнив о первой половине жизни, когда он был нотарием, вспомнил и те места, где он жил в юности. «Малые» готы жили в Мезии, в районе Никополя, у подножия Гема, как точно указал Иордан; они занимались скотоводством. Но когда Иордан писал об этой знакомой ему стране, он уже был вдалеке от нее: видно, что он говорит как человек, находящийся в местах, где виноградники обычны, а «малые» готы, по его словам, не имеют о них представления; иногда они покупают у купцов вино, вообще же питаются молоком.

В жизни Иордана, судя по его же скудным сообщениям, произошел перелом: он был нотарием «до своего обращения» («ante conversionem meam»), затем вступил в новую полосу существования. О ней Иордан не записал ровно ничего. Неизвестно поэтому, кем он стал, где жил, где и почему писал исторические сочинения.

По поводу деятельности Иордана после его «обращения» встает ряд вопросов, которые до сих пор решаются учеными по-разному. Имеющиеся в распоряжении историков данные недостаточны для того, чтобы то или другое решение можно было считать окончательным. Из спорных предположений приходится выбирать наиболее убедительные.

К числу «загадок» или своеобразных quaestiones vexatae, контроверзных вопросов, об Иордане (ср. заглавие статьи И.

Фридриха) продолжает принадлежать прежде других вопрос о его *conversio.* Термин *conversio*в средневековом употреблении имеет, как правило, два значения. Преимущественно это – вступление в монашество; но иногда это – вступление в группу лиц, называемых *religiosi,*которые, оставаясь мирянами, соблюдали некоторые правила монашеской жизни. Оба значения отмечены в глоссарии Дюканжа[32]. Вопрос о *conversio* Иордана важен потому, что ответ на него отчасти может определить социальное положение Иордана в тот период его жизни, когда он писал «Romana» и «Getica». Соответственно разному значению слова *conversio*исследователи высказывали различные мнения.

Моммсен твердо стоял на том, что Иордан был монахом (Prooem., p. XIII, n. 32), писавшим во Фракии (ibid., p. XV)[33].

Ваттенбах, сопоставив высказывания некоторых ученых, нарисовал картину жизни Иордана после его «обращения». Ваттенбах решительно возражал против монашества Иордана; он считал «совершенно немыслимым» («vollkommen undenkbar»), чтобы Иордан-монах, находясь в глухом мезийском монастыре, мог написать серьезный исторический трактат, пользуясь даже разными вспомогательными сочинениями и, между прочим, новейшими для его времени анналами Марцеллина Комита[34]. Опираясь на выводы Симеона[35] о *conversio* (они были сделаны на основе анализа постановлений соборов), Ваттенбах предпочел видеть в Иордане не монаха, а священника[36] и привлек для уточнения фактов его биографии некоторые, еще ранее высказанные, соображения. В одном из посланий папы Вигилия от 551 г. упомянут епископ города Кротона (Кротоне в нынешней Калабрии) по имени Иордан. Более того, этот епископ был близок к папе и находился в числе лиц, состоявших при Вигилии во время его пребывания в Константинополе в 547—554 гг., когда происходил богословский диспут о так называемых «трех главах». Все это наводило на весьма убедительное, казалось бы, заключение, что Иордан, епископ Кротона, и Иордан, готский историк, – одно и то же лицо[37] и что «Getica» и «Romana» были написаны кротонским епископом в Константинополе[38].

Ваттенбах был увлечен стройностью этого ряда фактов, которые не только дополняли скудную биографию Иордана, но и освещали сопутствовавшие написанию «Getica» обстоятельства. Действительно, получалось, что: а) Иордан, как епископ калабрийского города, имел возможность получить от диспенсатора * [* См. ниже стр. 61 и 123 (в письме-обращении к Касталию).] Кассиодора рукопись – «Историю готов», так как она должна была храниться поблизости, в библиотеке Вивария; уехав же в Константинополь, этот епископ уже не мог пользоваться

сочинением Кассиодора; б) автор «Getica», пребывая в Константинополе, назвал своего друга Касталия, для которого писал, «соседом племени» готов («vicinus genti») именно потому, что сам находился вдали от Италии; в) живя в крупнейшем культурном центре, он мог иметь под руками недавно написанное сочинение Марцеллина Комита.

В итоге Ваттенбах считал вероятность в данном случае настолько значительной, что она казалась ему переходящей в достоверность. И доныне в большинстве научных работ принята именно эта, сведенная в цельную картину Ваттенбахом версия об авторе «Getica» как о епископе кротонском, создавшем свой труд в Константинополе.

Тем не менее гипотеза, казавшаяся Ваттенбаху почти достоверной, теперь сильно поколеблена. С полным основанием указывается[39], что Вигилий, к которому автор обращается в предисловии «Romana»[40], не мог быть папой Вигилием, потому что форма «nobilissime et magnifice frater» совершенно неприемлема в обращении к духовному лицу, тем более к папе. Приведенные эпитеты могли относиться только к высокопоставленному светскому лицу. Кроме того, было бы более чем странно, если Иордан – безразлично, мирянин, монах или епископ – увещевал папу «обратиться к Богу, возлюбить Бога» («...ad deum convertas ...estoque toto corde diligens deum»)[41]. Если Вигилий – адресат предисловия к «Romana» – не папа, то слабеет предположение о связи Иордана с папой Вигилием, и, следовательно, сомнительно, чтобы Иордан в 551 г., когда были созданы оба его сочинения, жил в Константинополе.

Однако наряду с догадкой – едва ли правильной, – что Иордан, возможно, был епископом города Кротона, есть прямые указания, что автор «Romana» и «Getica» был епископом: они зафиксированы в заглавиях ряда рукописей[42]. В использованных Моммсеном рукописях, – а им учтено значительное их большинство, – встречаются такие обозначения: «incipit liber Jordanis episcopi...»; «incipit historia Jordanis episcopi...»; «chronica Jordanis episcopi...»; «incipit praefatio Jordanis episcopi Ravennatis...»; «chronica Jordanis episcopi Ravennatis civitatis...»[43]. Еще Муратори отметил, что во многих старых изданиях принято считать Иордана епископом равеннским, что это уже в XVII – XVIII вв. стало общим мнением. Тем не менее ни в одном из списков епископов Равенны (включая «Liber pontificalis» равеннской церкви, составленный в IX в. Агнеллом), как проследил Муратори, нет «никаких следов» о епископе с именем Иордан[44]. Остается добавить, что в интересующие нас 550-е годы епископом в Равенне был Максимиан (с 546 по 566 г.), известный по

изображению на знаменитой мозаике в церкви св. Виталия в группе лиц, окружающих Юстиниана.

Высказывалось предположение[45], что Иордан был одним из африканских епископов, которые присутствовали в Константинополе вместе с папой Вигилием во время диспутов о «трех главах». Основанием к одному из доводов Б. Симсона, автора этой гипотезы, послужило впечатление от отношения Иордана к особо почитаемому в Карфагене св. Киприану, которого Иордан назвал «нашим» (в смысле «местным»): «noster... venerabilis martyr... et episcopus Cyprianus» (§ 104). На это можно возразить: ведь и Кассиодор в своей предельно краткой «Хронике» под 257 г. отметил как выдающееся явление мученическую смерть епископа карфагенского Киприана, а Марцеллин Комит в предисловии к своей хронике назвал Иеронима «нашим», нисколько не подчеркивая этим ограниченного, «местного значения» известного писателя[46]. Следовательно, эпитет «noster» в применении к Киприану едва ли определяет место деятельности Иордана. Гипотеза Симсона не нашла приверженцев.

Можно было бы думать, что вследствие какой-то путаницы Иордана стали называть епископом лишь в самых поздних рукописях с его произведениями, но это не так: в одном из ранних кодексов, содержащих «Getica», а именно в кодексе середины VIII в., принадлежавшем аббатству Фонтенелль (или св. Вандрегизила) в Нормандии, в заглавии значилось: «Historia Jordanis episcopi Ravennatis ecclesiae»[47]. Епископом назван Иордан и в кодексе IX в. из аббатства Рейхенау[48].

Упоминание о Иордане как епископе в древнейших рукописях, конечно, не может не остановить внимания, но вне сомнения остается только то, что он не был епископом в Равенне[49]. Примечательно, что так называемый равеннский географ, писавший не позднее VIII в., многократно с подчеркнутой почтительностью ссылаясь на Иордана (причем всегда в связи с теми странами, которые Иордан действительно описал), во всех случаях называет его только космографом или хронографом[50]. Если бы Иордан был епископом, тем более в родном городе географа, то, вероятно, последний не преминул бы указать на духовный сан авторитетного писателя. Это соображение представляется нам веским. На протяжении всего текста Иордана нет даже намека на его духовное звание. Судя по изложению, языку, мелькающим кое-где образам, автор «Romana» и «Getica» едва ли был клириком или монахом.

По поводу современных ему вопросов религии, вроде волновавшего высшее восточное и западное духовенство, самого императора, чуть ли не весь Константинополь и многие другие

города, спора о «трех главах», который в 550—551 гг. достиг большой остроты, Иордан не проронил ни слова. Единственная определенная и притом резко прозвучавшая у него нота относится к арианству. Иордан был «ортодоксом»(«католиком») и отрицал, как сторонник «вселенской церкви», арианство, признанное огромным большинством готов[51]. Он называет арианство лжеучением, «вероломством» («perfidia») в противоположность христианству, которое определяет как «истинную веру» («vera fides»)[52]. Он осуждает императора Валента за то, что тот способствовал распространению арианства среди готов, вливая в их души «яд» лжеучения. Для Иордана православие и арианство – две враждебные «партии» («partes»); арианство в его глазах отщепенство («secta»; Get., § 132—133, 138).

В связи с этим вполне допустимо рассматривать *conversio*Иордана (который, находясь в готской среде еще в Мезии, был, вероятно, арианином) как переход из арианства в православие[53]. Этому не противоречит возможная принадлежность Иордана к группе мирян – так называемых *religiosi*. И. Фридрих, разбирая вопрос о *conversio*Иордана, пришел к наиболее, по его мнению, вероятному выводу, что в результате *conversio*Иордан вступил в число *religiosi*[54]. Они не были монахами, но соблюдали известные правила монашеской жизни, что в отдельных случаях могло вести к посвящению в клирики или к поступлению в монастырь. Думается, что таким же *religiosus*стал и Кассиодор, когда он отошел от политической деятельности: в булле папы Вигилия от 550 г. упомянуты «gloriosus vir patricius Cethegus» и «religiosus vir item filius noster Senator»[55]. Есть предположение, что когда Кассиодор находился в Константинополе (и был уже religiosus vir, но еще не монах), он ознакомился с устройством теологических школ в Низибисе и в Александрии и в связи с этим обдумал план своего будущего монастыря в Виварии[56].

Итак, для окончательного решения вопроса о том, в чем состояло *conversio*Иордана, нет исчерпывающих данных, но более другого убеждает предположение Фридриха, что Иордан скорее всего был *religiosus*, причем – добавим и подчеркнем это! – переменивший арианство на православие. В силу последнего он и проявил резкость в своих суждениях об арианстве, когда по ходу событий в его рассказе ему пришлось о нем говорить.

По одновременным с «Getica» источникам не удается установить, в каком именно смысле употреблялись слова *conversio*, *convertere*и т. п. Следует отметить, что в тексте «Анонима Валезия» есть выражение, обозначающее переход из арианства в

православие: «in catholicam *restituere*religionem»; бывшие ариане назывались «reconciliati», обратный переход обозначался тем же глаголом: «reconciliatos, qui se fidei catholicae dederunt, Arrianis restitui nullatenus posse»[57]. Само собой разумеется, что употребление глагола *restituere*отнюдь не исключает возможности употребления глагола *convertere*[58].

В § 266 в небольшой вставке, где Иордан в немногих словах сообщил о своей деятельности нотария, он сказал в тоне несколько уничижительном, что он был «agrammatus»[59]. Автор настолько скуп на сведения, что это определение иногда принимается чуть ли не за характеристику его образованности, его кругозора. Конечно, *agrammatus*в средневековом тексте не значит неграмотный, не умеющий писать (αγράμματος); оно значит вообще неученый, непросвещенный[60]. Только в таком, самом общем, смысле и должно понимать это выражение у Иордана. Будучи нотарием, он, разумеется, был грамотен и обучен не только письму, но и правильному, соответственно установленным формулам, составлению грамот. Однако латынь официальных и, быть может, не очень сложных грамот, исходивших от аланского, готского или другого варварского князя, просто не годилась для литературного труда. Иордану во второй половине его жизни пришлось стать именно писателем, и он, по-видимому, нередко бывал в затруднении, так как хорошо понимал недочеты в своем риторическом и грамматическом образовании. Ничего не известно о том, посещал ли он какую-либо школу, да и были ли школы в местах, где он провел детство и юность. Может быть, не имея школьного образования, не имея случая углубиться в «studia litterarum», Иордан не стал тем, кого называли «litteris institutus»[61].

Если Иордан не прошел регулярного школьного курса и не изучал «тривия»[62], то, следовательно, не имел образования, которое называлось «грамматическим»[63]. Это и сказалось на его стиле, тяжелом, вязком и скучном, полном неправильностей. Но, с другой стороны, он, несомненно, обладал значительным запасом достаточно широких познаний, приобретенных, надо думать, не школьным путем.

Иордану был знаком греческий язык. Несомненно, от себя, а не следуя Кассиодору, написал он такие слова: «ut a Graecis Latinisque auctoribus accepimus» (Get., § 10). Нет никаких оснований предполагать, что Иордан лишь для эффекта вставил в предисловие к «Getica» замечание о сделанных им самим добавлениях из греческих и латинских авторов[64]. Трудно думать, что объяснения, даваемые в § 117 («in locis stagnantibus quas Graeci ele [hele, haele] vocant») и § 148 («αινετοί id est

laudabiles»), были удержаны в памяти и вписаны механически, а не внесены, исходя из собственного понимания языка и его толкования. К тому же Иордан, по мнению Моммсена, имел возможность с детства слышать и понимать греческую речь, живя в местах, где как раз соприкасались латинский и греческий языки («когда жил во Фракии, т. е. у самых границ обоих языков» – «cum vixerit in Thracia, id est in ipsis confiniis linguarum duarum» – Prooem., p. XXVII). Добавим, что и Кассиодор, родиной которого была южная Италия, знал, вероятно, греческий язык с детства.

Вряд ли все упоминаемые, а иногда не названные, но использованные в «Getica» авторы прошли только через руки Кассиодора, вряд ли исключительно он мог привлекать латинские и греческие источники. Ведь и сам Иордан, только что просматривавший тексты, нужные для компилирования «Romana»[65], мог и в «Getica» – иной по форме и назначению работе – применить материал из проштудированной им литературы.

Нет данных для категорического отрицания знакомства Иордана с древними историками и географами. В его трудах есть то явные, то скрытые следы Ливия и Тацита, Страбона и Мелы, Иосифа Флавия и Диона Кассия; он пользовался географическими картами и читал Птолемея, не был чужд и более «новой» литературе, обращаясь к Дексиппу, Аммиану Марцеллину, Орозию, Иерониму, Сократу, готскому историку Аблавию и др. Иордану были знакомы «Энеида» и «Георгики» Вергилия, откуда он иногда брал цитаты, чаще же заимствовал некоторые обороты[66]. Наконец, для последних страниц обоих произведений он отчасти использовал новейший труд своего современника Марцеллина Комита.

Требуется только одна оговорка при анализе источников работ Иордана: в «Romana» можно констатировать его собственные кропотливые выборки из авторов, но в «Getica» невозможно до конца выяснить, какие авторы были привлечены Кассиодором (и, следовательно, только перенесены в сочинение Иордана) и какие из них были использованы непосредственно составителем «Getica»[67]. Во всяком случае едва ли было бы возможно поручить написание ответственного труда (который предполагалось составить по произведению автора, не только просвещенного, но и влиятельного, да к тому же еще здравствовавшего в те годы) человеку, незнакомому с литературой. Изучение того, что написал Иордан, не допускает вывода, что он был стилистом, но вполне доказывает, что он был начитан и образован.

Возвращаясь к слову «agrammatus», нельзя не добавить, что

прием самопринижения был, как известно, обычен у средневековых авторов. Так, например, Григорий Турский, несколько раз сопоставлявшийся нами с Иорданом, объявляет себя невежественным и глупым («insipiens»), неумелым («inperitus»), чуждым искусства писателя («iners»); он представляет себе, что *litterati*могли бы обратиться к нему со словами: «O rustice et idiota!» С этими словами созвучны и слова равеннского географа (VII—VIII вв.), который написал: «Licet idiota, ego huius cosmographiae expositor» (IV, 31), рекомендуя себя как автора географического обозрения и украшаясь смиренным эпитетом «idiota» (ιδιώτης) – «необученный», «несведущий». Оба эпитета – «agrammatus» и «idiota», вероятно, восходят к фразе из «Деяний апостольских» (IV, 13): апостолы Петр и Иоанн были «люди некнижные и простые» («homines essent sine litteris et idiotae», ότι άνθρωποι αγραμματοι εισιν καί ι'διωται).

Вместе с эпитетом «agrammatus» Иордан – единственный раз на протяжении всего текста «Getica» – назвал свое имя: «Iordannis»[68]. Не будучи одним из обыкновенных и самых частых имен в раннем средневековье, это имя все же встречается в дошедших до нас источниках. Например, в хрониках Кассиодора, Марцеллина Комита, Ма́рия Аваншского (Aventicensis) и Виктора Тоннонского (Tonnonnensis)[69] под 470 г. указан на Востоке консул Иордан («Severus et Iordanes», «Iordanis et Severi», «Severus et Iordano»). В бумагах, оставшихся после смерти К. Бетманна, одного из деятельных сотрудников изданий «Monumenta Germaniae historica», был обнаружен список лангобардских имен, составленный Бетманном по рукописным материалам монастыря Фарфы; в этом списке отмечено имя «Jordanis»[70]. В 864—865 гг. в защите судебных исков монастыря св. Амвросия около Милана принимал участие скавин монастыря Иордан («Iordannis scavinus avocatus ipsius monasterii»); в грамоте 941 г. относительно продажи земли в окрестностях Милана среди подписей значится подпись Иордана, свидетеля «signum manum (sic!) Iordanni negotians (sic!)... teste»[71].

Ко второму периоду жизни Иордана, когда он, как мы предполагаем, стал «ортодоксом», католиком, и вступил в число так называемых *religiosi*(после того как отказался от арианства и оставил профессию нотария), относится его литературная деятельность. Она длилась недолго, всего только в течение двух лет, но была плодотворна.

Иордан написал два довольно больших сочинения. Одно посвящено истории Римской империи, второе – истории готов. Автор представил в своих трудах две стороны политической и идеологической жизни раннего средневековья: продолжала жить

«Romania», вступила в жизнь противостоящая ей «Gothia».

Изданию текстов обоих произведений[72] Иордана Моммсен предпослал обширное вступление – «Prooemium», представляющее собой исследование о Иордане, о его трудах и их источниках, о рукописной традиции и о предшествовавших изданиях. Многое в этом исследовании и до наших дней сохранило научную ценность.

В предисловиях к своим сочинениям Иордан дал им определения, которые и принимаются как их заглавия; но определение истории Рима как «Сокращение хроник»[73] (что вполне соответствует сущности работы) неясно, а наименование истории готов – «О происхождении и деяниях гетов»[74] – длинно, поэтому принято пользоваться теми обобщающими названиями, которые предложил Моммсен: «Romana», «Getica».

Оба предисловия[75] Иордана написаны в форме обращения к лицам, побудившим автора создать эти труды. «Romana» преподносится Вигилию, которого автор называет другом и братом, употребляя при этом эпитеты «благороднейший» («nobilissime») и «превосходный» («magnifice»), что указывает на высокое общественное положение и знатность Вигилия, который, по-видимому, был крупным должностным лицом[76]. Общим другом (communis amicus) Иордана и Вигилия был Касталий, для которого написано второе сочинение – «Getica». Касталия Иордан называет просто другом и братом, без каких-либо эпитетов.

Отчасти следуя традиции, по которой пишущий обычно изображал себя недостойным своего дела и уничижительно определял свое произведение, отчасти же, вероятно, и оттого, что оба его труда были в значительной мере компиляциями, Иордан говорит и о «Romana» и «Getica» как о «работенке», «произведеньице» («opusculum»); плод своих усилий он называет «историйкой» («storiuncula», – Rom., § 6), «малой, весьма малой книжечкой» («parvus, parvissimus libellus», – Get., § 1; Rom., § 4); признается, что составляет свои труды «бесхитростно» («simpliciter»), без всякого «словесного украшательства» («sine aliquo fuco verborum», – Rom., § 7) и вообще не имеет к этому дарования, не обладая ни опытом («nec peritiae»), ни общим знанием жизни, людей, дел, что передано широким понятием *conversatio*.

Уже по предисловиям видно, в чем, собственно, состояла работа Иордана. Для «Romana» он делал выписки из трудов древних авторов[77], которые затем соединил в хронологическом порядке; это и было «Сокращением хроник». Конец «Romana», где представлены последние годы существования остроготского королевства в Италии, Иордан написал по собственным

наблюдениям и, может быть, по каким-либо современным источникам. Бóльшую трудность представляла работа над «Getica». В ее основу, по указанию Касталия, было положено крупное, не сохранившееся до нашего времени произведение Кассиодора, посвященное истории готов («duodecim Senatoris[78] volumina de origine actibusque Getarum»). Эту большую книгу Иордан взялся передать «своими словами» («nostris verbis»), не имея перед собой оригинала, который предварительно был предоставлен ему для просмотра всего на три дня[79].

Таким образом создавались оба произведения Иордана: «Romana» – более легкое для автора, менее ценное для нас, и «Getica» – несомненно трудное для автора и очень ценное для нас.

Следует отметить одну особенность предисловия к «Getica»: Иордан включил в него значительный отрывок из чужого произведения, не называя имени его автора. Приступая к написанию книги, Иордан вдохновился образами морских плаваний и сравнил работу над «Romana» с медленным и безопасным продвижением на лодочке для ловли мелкой рыбы вдоль тихого берега; а работу над «Getica» уподобил выходу в открытое море на парусном корабле. Еще Зибель[80] в связи с этими сравнениями указал на «плагиат», якобы совершенный Иорданом. Действительно, с первых же слов Иордан повторил, местами буквально, местами с небольшими изменениями, предисловие Руфина (ум. в 410 г.), которое тот приложил к своему комментарию на одну из работ Оригена[81]. Обычно Иордана порицают за подобное литературное «воровство». Моммсен даже написал, что Иордан, допустив плагиат, проявил в этом бесстыдство[82]. Такая оценка неверна. Нельзя забывать об особой психологии средневековых писателей, а к ним, конечно, уже принадлежал и Иордан. В его глазах подобное заимствование не только не казалось плагиатом, а, наоборот, было проявлением высшей почтительности к авторитету, даже если он не был упомянут. Руфин, будучи известным писателем, происходил к тому же из Аквилейи и был, значит, близок к культурным кругам Равенны, в которые входил впоследствии и Иордан. Кроме того, и сам Руфин привел, а может быть и повторил, привычные риторические формулы, понятные образованному читателю. Например, образ «трубы» («tuba»), применяемый в тех случаях, когда нужно было подчеркнуть красноречие, был привычен и понятен[83].

Иордан дает достаточно ясные указания о времени написания им своих произведений.

В предисловии к «Romana»[84] автор говорит о «Getica» как о сочинении, написанном «совсем недавно» («jam dudum»)[85].

Время же создания «Romana» указано как в тексте (§ 363) – «император Юстиниан царствует („regnat“) с божьей помощью уже двадцать четыре года», так и в предисловии: автор собрал в «одну книжечку» исторические сведения «вплоть до двадцать четвертого года императора Юстиниана». Годы правления Юстиниана считались с 1 апреля 527 г., когда он был коронован как соправитель Юстина (умершего спустя четыре месяца, 1 августа 527 г.) Двадцать четыре года правления Юстиниана истекли к 1 апреля 551 г.

Последними событиями, которые отмечены и в «Romana» и в «Getica», являются смерть полководца Германа (летом или осенью 550 г.)[86] и рождение его сына, тоже Германа, во второй половине 550 либо в начале 551 г. Таким образом, оба труда Иордана завершаются описанием одного и того же события, которое автор выделяет как особо важное: Герман-сын соединил в себе род Юстиниана (его отец был племянником Юстиниана) и род Теодериха (его мать, Матасвинта, вдова Витигеса, была внучкой Теодериха).

Окончания обоих произведений Иордана отличаются одно от другого только тем, что изложение «Getica» обрывается на 540 г., когда Велисарий завоевал королевство Амалов, прекратившее самостоятельное существование в момент капитуляции Витигеса, мужа Матасвинты, а изложение «Romana» в общих чертах касается дальнейших судеб остроготов и их последующих предводителей, включая события при Тотиле. Последний в 550—551 гг. продолжал борьбу с Византией, весьма «обрадованный» смертью столь серьезного противника, каким мог быть для него Герман[87].

Основываясь на данных предисловий к «Romana» и к «Getica» и учитывая хронологический предел, до которого доведены оба сочинения, можно представить работу Иордана таким образом. Иордан поздно начал заниматься литературным трудом; он говорит о себе, что «спал длительное время» («me longo per temporo dormientem»). Затем, по предложению Вигилия, он занялся «сокращением хроник» («de adbreviatione chronicorum»). Потом по просьбе Касталия Иордан отложил «сокращение хроник» и занялся спешным, по-видимому, составлением того, что он сам (в предисловии к «Romana») назвал «de origine actibusque Geticae gentis» или, соответственно произведению Кассиодора, «de origine actibusque Getarum» (в предисловии к «Getica»). По окончании «Getica» Иордан послал Касталию эту «маленькую книжечку» и вернулся к временно отложенной работе над «сокращением хроник», которую вскоре и закончил. Завершая ее, он написал, что Юстиниан «царствует» («regnat») уже двадцать

четыре года, следовательно, к моменту окончания «Romana» шел 551 г., в котором к 1 апреля кончался двадцать четвертый год правления Юстиниана. К этому времени уже было написано сочинение о готах, и, посылая Вигилию «Romana», Иордан присоединил к нему и «Getica»; «Romana» Иордан также назвал «весьма малой книжечкой».

Итак, если нельзя установить, когда Иордан начал свою литературную деятельность, то с достаточной точностью можно определить время завершения «Getica» и «Romana» – между концом 550 г. и 1 апреля 551 г.

До нас не дошло сочинение Кассиодора, тот большой его труд в двенадцати «томах», или «книгах», о котором как об основе своей работы говорит Иордан[88] и о котором неоднократно упоминает сам автор, называя его то «Historia gothica»[89], то «Gothorum historia»[90], то просто «historia nostra» или «origo gothica»[91]. Не отмечено это крупное, по-видимому, произведение и в старых каталогах средневековых библиотек, где нередко названы «Getica» и «Romana» Иордана. Очевидно, ни в самых богатых книгохранилищах средневековых монастырей (таких, как Корби, Луксей, Боббьо, Рейхенау, Туль, Лобб, Фонтенелль, Монтекассино и др.)[92], ни даже в папской библиотеке не было труда Кассиодора. О нем нет нигде никаких упоминаний. Кассиодора целиком заменил Иордан.

Рукописи с произведениями Иордана хранились во многих библиотеках, переписывались во многих скрипториях. Иногда они всплывают как вновь открытые даже в наши дни. Таковы, например, фрагменты «Getica» из университетской библиотеки в Лозанне[93] и так называемый «Codice Basile» с большей частью текста «Getica» из Государственного архива Палермо[94].

Почему же так бесследно исчезла «История готов» Кассиодора? Думается, что причиной этого была политическая направленность автора, его определенная тенденция. Ее можно установить по тем немногим упоминаниям о его деятельности как историка и писателя, которые встречаются в обращении короля Аталариха к римскому сенату в конце 533 г. по поводу провозглашения Кассиодора префектом претория[95]. В этом послании сенату, составленном, конечно, самим Кассиодором (что гарантирует точность), указывается, что он занялся древним родом остроготских королей («tetendit se in antiquam prosapiem nostram») и путем розысков почти исчезнувших преданий («maiorum notitia cana») и рассеянных по книгам сведений вывел готских королей из тьмы забвения и возродил («restituit») Амалов во всем блеске их рода. Таким образом, «начало», или происхождение, готов «он превратил в римскую историю», сделал

историю готов частью истории римской («originem Gothicam historiam fecit esse Romanam»).

Следовательно, Кассиодор сумел приравнять историю готов, древность готских королей к славной истории Рима, к древности античных героев. Таково было его достижение как автора первой «Истории готов». Но какова была практическая цель такого приравнивания, кого оно интересовало? Иначе говоря, зачем писалась книга Кассиодора?

Многие современные историки давно уже отметили намерение Кассиодора возвеличить готов и род Амалов и тем самым «дотянуть» их до уровня непререкаемой славы римлян. На основе текста Иордана были детально разработаны все случаи искусственного включения истории гетов и скифов в историю готов[96]. Предполагалось также, что Кассиодор умышленно причислил к Амалам Евтариха[97], мужа дочери Теодериха, Амаласвинты (на самом деле, может быть, и не Амала), чтобы показать непрерывность династии остроготских королей. Однако осталась неразъясненной более глубокая цель, ради которой Кассиодор произвел подобную фальсификацию истории[98].

Сочинение Кассиодора было написано по приказанию Теодериха[99], оно было нужно королю. Последний, быть может, сам высказал основную идею будущего произведения или же поддержал замысел автора. А идея вытекала из общего социально-политического положения в остроготском королевстве. До конца правления Теодериха в его молодом и, казалось бы, хорошо устроенном государстве, не было того твердого, укоренившегося порядка, который мог бы вселить в короля уверенность в будущем его династии и его страны. Прокопий, человек чрезвычайно наблюдательный и близкий к политике, на первых страницах «Готской войны» весьма выразительно описал правление Теодериха. Теодерих держал в своих руках «власть (κράτος) над готами и италийцами»[100]. Это было основой его внутренней политики. Варварский вождь, «рикс», захвативший фактически выпавшую из империи страну, был, с точки зрения византийца, «тираном», но тот же византиец признавал, что по самостоятельности положения, по значительности власти, по международным связям и по размерам подчиненной территории с коренным италийским и неиталийским населением, с «главой мира» – Римом и с древнейшим его институтом, каким был римский сенат, этот тиран был подобен «истинному императору»[101]. Как пишет Прокопий, Теодерих снискал себе горячую «любовь» («эрос», ἔρως) и среди готов, и среди италийцев по той причине (здесь же и разъясняемой автором «Готской войны»), что Теодерих был непохож на тех правителей, которые в

своей государственной деятельности «вечно» избирают какую-либо одну сторону, в результате чего вызывают одобрение одних и порождают недовольство других, мнению которых «идут наперекор»[102]. Так как Теодерих не следовал, как полагает Прокопий, такой пагубной политике, а соблюдал равновесие в своем отношении как к готам, так и к италийцам, он и вызвал к себе «любовь» с их стороны. Однако, таким могло быть только поверхностное впечатление; рассказ, непосредственно следующий за приведенными выше заключениями византийского историка, нарушает нарисованную им картину всеобщей «любви» к правителю.

Конспектируя исследование итальянского историка Ботта, Карл Маркс обратил внимание на двойственность политики Теодериха и на связанные с этим трудности. В «Хронологических выписках» он отметил, что этот король совершил «большую ошибку», потому что «не только сохранил римскую экономику, законы, магистратуру и т. д., но и обновил их в известной мере»[103].

Замечание Маркса связано с изложением событий у Карло Ботта, который в своей книге «История народов Италии» (1825) писал об уважении Теодериха к римским законам: «Он их не отменял и не заменял законами своей родной страны, как это сделал Хлодвиг в Галлии, он, наоборот, их сохранял, придавая им новую силу благодаря своему могуществу. Для своего дела он считал более полезным сохранить часть старого здания, нежели разрушить его до основания»[104].

Маркс не развил своей мимоходом брошенной мысли о «большой ошибке» Теодериха, но с присущим ему острым чутьем историка кратко оценил политику первого остроготского короля в Италии как неудачную по существу и негодную с точки зрения дальнейшего развития остроготского государства в Италии.

Действительно, Теодерих хотел спаять подвластное ему население Италик – готов и италийцев. В течение почти всех тридцати семи лет правления внешне это ему удавалось[105], но в среде италийской аристократии, в среде крупных землевладельцев, высшего чиновничества и представителей католической церкви, т. е. в тех общественных слоях, которые стояли наиболее близко к королю, не угасало недовольство, вызванное подчинением варварскому вождю.

В то же время не прекращались то единичные, то массовые выступления угнетенных против угнетателей. Теодерих стремился создать себе популярность у господствующего класса и имел в его среде немало приверженцев[106]. Однако к концу правления, когда Теодериху было уже около семидесяти лет, он

изменил свою политику, так как увидел, что в римском сенате созрел план освобождения от готского владычества и передачи Италии империи. В Константинополе тайным вдохновителем этого плана был, вероятно, приближавшийся к императорской власти Юстиниан. Теодерих, чувствуя атмосферу заговора, в последние три года жизни резко изменил отношение к тем италийцам, которых прежде стремился приблизить к себе и надеялся постепенно подчинить готам. Не доверяя римскому сенату и опасаясь переворота, король, окруженный доносчиками, пошел по пути преследований и пыток. Обнаружение антиготской переписки патриция Альбина с императором повело к падению виднейших представителей римской аристократии, несомненно мечтавших о «libertas Romana» и действовавших против «regnum» Теодериха. Были казнены Боэций, магистр оффиций (magister officiorum), и Симмах, глава сената (caput senati [sic!], πρωτος της βουλης των Ρωμαίων)[107]. По-видимому, пал жертвой Теодериха и не повиновавшийся ему папа Иоанн I, бывший главой посольства из Равенны в Константинополь и умерший, быть может, насильственной смертью сразу по возвращении[103].

Изменение отношения короля к «римлянам» прекрасно отражено в цитированной выше современной событиям анонимной хронике («Anonymus Valesii»). В ней говорится, что Теодерих в течение тридцати лет, с 493 по 523 г., был исполнен «ко всем доброй воли» («bonae voluntatis in omnibus»); в те времена «благополучие наступило в Италии» («felicitas est secuta Italiam...») и «мир среди племен» («ita etiam pax gentibus», – § 59); король «не совершал плохих поступков» («nihil enim perperam gessit»). Но в дальнейшем наступил перелом: «Дьявол нашел путь, чтобы забрать под свое влияние человека, правившего государством без придирок» («hominem bene rem publicam sine querela gubernantem»), и тогда «начал король вдруг яриться на римлян, находя для этого случай» («coepit adversus Romanos rex subinde fremere inventa occasione», – § 83—85). Вот в это-то время и понадобилось Теодериху сочинение Кассиодора. Уничтожая наиболее сильных врагов, король не оставлял, по-видимому, мысли переубедить италийцев, доказать, что им лучше повиноваться готским королям, правящим в Италии, чем далекому византийскому императору.

Склонить верхушку италийского общества на свою сторону заставляли Теодериха и те трудности, справиться с которыми он или его преемники могли бы лишь при условии единения с администрацией страны и крупными землевладельцами и рабовладельцами. Даже в скудных свидетельствах источников, которыми располагают современные историки, заметны признаки

непрекращавшейся классовой борьбы в остроготской Италии[108]. Частичные проявления недовольства колонов и рабов, их нападения на поместья, поджоги и расхищение имущества были, несомненно, обычны, но иногда разгорались и общие восстания (seditiones) как в провинциях, так и в городах. Для борьбы с этим упорным народным сопротивлением нужно было соединить силы остроготских королей и италийского имущего класса. Последний же требовалось всеми способами привлечь к прочному союзу с остроготами, к естественному, как казалось Теодериху, подчинению Амалам. Одним из способов достижения этой цели была особая политическая «пропаганда» в виде сочинения, вышедшего из-под пера одного из высших сановников государства, магистра officiorum и патриция Кассиодора, и посвященного официальной истории готов, издревле будто бы сплетенной со знаменитой историей римлян. Книга Кассиодора писалась и для укрепления национального сознания остроготов, и для убеждения италийцев в необходимости быть заодно с варварами, государство которых – как должно было внушить сочинение Кассиодора – ничуть не хуже и ничуть не слабее империи. Книга Кассиодора должна была способствовать противопоставлению остроготского королевства империи и отрыву Италии от последней.

Стремление Теодериха опереться именно на италийскую земельную и чиновную аристократию, на Рим с его папским престолом и на римский сенат ярко отражено в обращении Аталариха в 533 г. к членам знаменитой коллегии. «Обратите внимание (взвесьте, оцените – „perpendite!“), – сказал король, говоря о заслугах автора „Истории готов“, – какая любовь к вам (римлянам) заложена в этой его (Кассиодора) похвале нам (готам) – „quantum vos in nostra laude dilexerit“: ведь он показал, что племя вашего повелителя удивительно своей древностью, и вами, издавна благородными еще со времен предков, и теперь повелевает древний королевский род»[109].

Замыслом представить династию Амалов и окружающих их готов достойными повелителями римлян, стремлением склонить на свою сторону, приблизить к себе римский сенат как собрание представителей всей италийской аристократии, окраской всего сочинения как трактата, подготовляющего укрепление власти остроготов в Италии, и определялась цель предложенного Кассиодору и выполненного им задания. Его труд должен был, возвысив варваров до уровня римлян, подготовить дальнейшее преобладание варваров над римлянами.

Подобная тенденция не только не годилась для времени, когда Иордану пришлось писать сочинение, но она была бы тогда

бесполезной и даже опасной. Уже не требовалось отстаивать равенство готов и италийцев с тем, чтобы оправдать подчинение вторых первым, но было необходимо, с точки зрения италийской и части готской знати, преклониться перед императором, вероятным победителем, и отмежеваться от тех остроготов, которые еще боролись под предводительством Тотилы. Поэтому труд Кассиодора, в котором за остроготами признавалось господствующее положение в Италии, надо было устранить. Лучше всего этого можно было достичь путем спешной замены его компиляцией, близкой по содержанию, но проникнутой *другим замыслом*и сведенной к *иному заключению*. Такая неотложная и, в сущности, нелегкая задача и была поручена Иордану.

В результате этого труд Кассиодора, уже знакомый определенному кругу читателей, как бы сохранялся в новом труде Иордана (полностью воспроизводилось Кассиодорово возвеличение готов с их искусственно разукрашенным прошлым), но имел другую тенденцию. Она не только обратилась в византийско-верноподданническую – что было нужно ввиду приближавшейся победы Юстиниана в Италии, – но и удачно маскировала ставшую неуместной политическую направленность труда Кассиодора[110]. В силу этих соображений допустимо предполагать, что Касталий, побудивший Иордана составить «Getica», выражал желание самого Кассиодора и близких ему общественных кругов. Во всяком случае книга Кассиодора в ее первоначальной редакции ко времени перелома в ходе войны в Италии в 550—551 гг. устарела, а впоследствии, по-видимому, была уничтожена.

За четверть века, прошедшую после смерти Теодериха, изменились, вернее, сильно обострились политические отношения в остроготском государстве. К моменту, когда Иордан написал «Getica», резко определились зародившиеся еще при Теодерихе «партии».

Первый остроготский король и его правительство обеспечили преобладающее положение итало-готскому дуализму (правда, он мог быть и был только внешним). Кассиодор, хотя и принадлежал к провинциальной италийской знати, был одним из наиболее выдающихся его сторонников и идеологов; для укрепления союза готов с италийцами (а в этом союзе подразумевалось, по крайней мере готами, нарастание готского влияния и все больший отход от Восточной Римской империи) он написал «Историю готов». Однако, это политическое мировоззрение в неустроенном и еще не спаянном обществе остроготского государства не могло быть прочным и длительным. Уже в правлении Теодериха наметились

два крайних крыла: условно их можно назвать «итало-византийским» («партия» Альбина, Боэция и Симмаха) и «ультраготским» (его к концу жизни, после казни Боэция, придерживался, собственно, сам король). Хотя в 533 г. перед римским сенатором восхвалялось сочинение Кассиодора, но король (вернее, его готское окружение) уже видел в этом труде идеалы того направления, которое выше названо «ультраготским». Трудно думать, что Кассиодор, «vir clarissimus» и «illustrissimus», патриций, мог всецело примкнуть к нему, хотя он и был до 537 г. префектом претория, высшим сановником в остроготском правительстве. Вероятнее всего, что он с чрезвычайной осторожностью лавировал между приверженцами «ультраготского» и «итало-византийского» течений, втайне склоняясь ко второму. При Аталарихе оба течения резко противостояли одно другому, обе «партии» определились с полной отчетливостью. Амаласвинта не восприняла идеалов своего отца. Уступив сына представителям «ультраготского» направления[111], она вела с ними ожесточенную борьбу. Наследница Амалов симпатизировала только римлянам и преследовала несогласных с ней готов. «Партию» ультраготов возглавляли три родовитых готских военачальника, не названные Прокопием по именам. Считая их своими злейшими врагами, Амаласвинта добилась их удаления из Равенны, а затем и уничтожения. Прокопий говорит о заговоре (στάσις)[112] этих готских военачальников против Амаласвинты и о том, что она, дочь Теодериха, была ненавистна (προσκεκρουκυία) самым знатным готам[113]; опасаясь за свою жизнь, она задумала отдать Италию Юстиниану[114]. В полном смысле слова «византийская» (и «гото-византийская», и «итало-византийская») «партия» существовала в остроготском королевстве в ярко выраженной форме еще до 535 г., до того момента, когда Амаласвинта была убита по приказанию своего мужа Теодахада. Сторонники Амаласвинты – а к ним принадлежали все италийцы и часть готов – были глубоко потрясены ее смертью: они потеряли в лице королевы вождя их «партии»[115]. Преобладающее влияние перешло к «ультраготам», не признававшим подчинения императору. Их представителями были Витигес, еще связанный с династией Амалов через брак с Матасвинтой (внучкой Теодериха), Ильдибад (540—541) и наиболее выдающийся из последних остроготских правителей Бадвила-Тотила (541—552). Борьба с империей была очень тяжела для готов, и потому их вожди, хотя и стремились вернуть своему народу власть над всей Италией[116], но, не рискуя прибегать к решительным мерам, пробовали склонить императора к переговорам[117]. Еще до 540 г.

Витигес выдвинул предложение, чтобы византийцы заняли Италию южнее реки По, а остроготы распоряжались лишь областями севернее этой реки[118], где главными их центрами были города Тицин (Ticinum, Τικινόν, иначе – Павия) и Верона. Отсюда, с левобережья По, остроготы и вели войну (в ее последний период)[119].

Общее положение в последний период войны, соотношение сил и наличие двух направлений в политических взглядах и действиях готов и италийцев определили замысел, которым должен был руководствоваться Иордан при составлении «Getica». Естественно, что политическая установка Иордана в 551 г. была иной, чем Кассиодора в 526—527 гг., когда он приступил к своему сочинению.

Политическая направленность Иордана выражена в последних фразах «Getica» и сквозит в конце «Romana». Автор представил племя готов как весьма древнее и прославленное, но он признавал, что в его время высшая слава и господство над всеми племенами принадлежали только императору. Иордан подчеркивает, что, воздав хвалу готам и роду Амалов, он – и в этом главное – признает, что еще большей хвалы достойны Юстиниан и его военачальник Велисарий: «сам достойный хвалы, род этот („haec laudanda progenies“) уступил достохвальнейшему государю („laudabiliori principi cessit“), покорился сильнейшему вождю». В этих словах – преклонение перед империей, пренебрежение былой фактической независимостью своего государства; хотя оно названо *famosum regnum*, хотя готы – *fortissima gens*, тем не менее их «покорил победитель всяческих племен („victor gentium divesarum“), Юстиниан император».

В заключительных словах – двукратное, настойчивое повторение глагола *vicit*: трактат написан «во славу того, кто победил» («ad laudem eius qui vicit»), и на этом закончен труд о «древности и деяниях гетов, которых победил („devicit“ – „окончательно осилил“) Юстиниан император».

При каких же обстоятельствах и где написал Иордан «Getica»?

Прежде всего надо напомнить, что хотя в 540 г. Велисарий и был победителем, хотя он и привез в Константинополь сдавшегося ему готского короля и жену его, внучку Теодериха, вместе с захваченными в Равенне сокровищами Амалов, тем не менее на этом война в Италии, как известно, не кончилась. Иордан же намеренно прервал свое повествование именно на моменте, который был победоносным для Византии и финальным для остроготского королевства со столицей в Равенне и с династией Амалов во главе.

В дальнейшем военные действия принесли удачу готам,

отчаянно боровшимся под руководством Тотилы. Вначале готы имели небольшое войско и чуть ли не один город, оплот готов в северной Италии – Тицин. Но с годами их сила (причем не только военная, но и моральная) очень возросла. К Тотиле стекались, кроме его соплеменников, и солдаты, переходившие к готам из римского войска[120]. К Тотиле бежали крестьяне (γεωργοί), «поля которых он старался щадить»[121], и рабы, которым он твердо обещал защиту от бывших господ[122].

Таким образом, с ходом войны положение Тотилы заметно укреплялось не только в результате значительных территориальных завоеваний, но и потому, что к нему обратились симпатии широких масс местного населения и его поддерживало большинство италийцев[123].

Простые обитатели Италии испытывали бедствия от войны и от «обоих войск»[124], но они сочувствовали готам[125] и ждали их победы. Характерно, что, когда Велисарий в 544 г. обратился к людям, ушедшим к Тотиле, никто из них не пожелал вернуться к византийцам, причем Прокопий записал, что «не пришел никто из врагов – ни гот, ни римлянин»[126]. Не менее показательно и то, что если в «готском» войске Тотилы были римляне, то в римском войске против своих же сражались, правда единичные, готы. Это были, по-видимому, только крупные командиры[127]. Таким образом, противники в готской войне в Италии в значительной мере различались по классовому признаку, а не только по происхождению или по подданству.

После больших военных успехов, двукратного взятия Рима и захвата многих областей Италии[128] вплоть до Сицилии силы Тотилы стали истощаться, силы же византийцев укреплялись. Свидетельства Прокопия об этом периоде поистине замечательны своими подробностями. В его сообщениях о посольствах Тотилы к Юстиниану видно, как менялось соотношение сил в пользу империи. После первого захвата Рима готами (17 декабря 546 г.) Тотила предлагал императору мир на условиях, которые, как он писал в своем послании, должны были возродить «прекраснейшие примеры» (παραδείγματα κάλλιστα) отношений, установившихся некогда между Анастасием и Теодерихом. Если бы Юстиниан согласился на это, то Тотила звал бы его отцом, а готы стали бы его союзниками[129]. Юстиниан принял послов (это были дьякон Пелагий и ритор Феодор) и ответил Тотиле письмом. Однако он уклонился от определенного решения, сославшись на то, что Велисарию предоставлены чрезвычайные полномочия по всем делам в Италии.

После того как готы вторично заняли Рим (6 января 550 г.), Тотила снова отправил посольство к Юстиниану, предлагая

кончить войну и заключить с готами договор (ἐνσπόνδους δε Γότθους ποιεῖσθαι)[130]. На этот раз Юстиниан не разрешил послу (это был римлянин Стефан) явиться к нему («не пустил его на глаза») и не нашел нужным как-либо реагировать на предложения Тотилы. Хотя Велисарий был недавно отозван из Италии и там не было главнокомандующего, но Юстиниан, объявив выдающегося полководца Германа «автократором войны с готами и Тотилой»[131], надеялся на победу. После этого было еще несколько посольств[132] от готов в Константинополь, но император не обращал на них внимания, не допускал к себе послов и проявлял полное пренебрежение к своим врагам, не желая даже слышать их имени[133]. Война подошла к решающему моменту, значительность которого понимали обе стороны. Таким моментом стал морской бой за Анкону. Ему Прокопий посвятил немало страниц (Bell. Goth., IV, 23, 1—42). Анкона находилась во власти византийцев: она была единственной их опорой на Адриатическом побережье, и отстоять ее значило выиграть войну, тянувшуюся уже почти семнадцать лет. Для готов же было предельно важно захватить эту прибрежную крепость и, таким образом, отрезать Равенну по берегу от богатого продовольствием юга Италии. Серьезность предстоящей схватки отражена Прокопием в приводимых им «речах»[134] византийских полководцев (Иоанна и Валериана) и Тотилы. Как бы риторичны ни были эти, вероятно, никогда не произносившиеся речи, все же они рисуют подлинную картину той фазы войны, которая проходила в интересующие нас 550—551 гг. Обе «речи» недлинны, выразительны и даже взволнованны. Византийцам положение представлялось особенно трудным. В их «слове» констатируется, что готы занимают бóльшую часть италийских земель и даже господствуют на море (θαλασσοκρατούντων των πολεμίων), что предстоит бой не за одну Анкону, а за победу в целом: наступил кульминационный момент борьбы (το τοῦ πολέμου κεφάλαιον), исход битвы определит окончательный поворот судьбы (της τύχης το πέρας). Тотила же, видя, что война разгорается с новой силой, был еще полон решимости и уверенности в победе[135], хотя знал, что для его противника Анкона – решающая ставка, и потому натиск может оказаться неодолимым. Так и случилось. Византийский флот выиграл сражение, потопив или разогнав все готские корабли. Если в 544 г. начальник византийских войск в Италии Константиниан писал из Равенны императору, что он бессилен (αδύνατος) противостоять готам, а византийские командиры не могут скрыть страха перед этой войной (τηςες την αγωνίαν οκνήσεως)[136], то теперь, в 550 г., после поражения при Анконе, готы впервые пали

духом: «Эта битва совершенно разрушила и самоуверенность, и мощь Тотилы и готов»[137]. К 551 г, война для готов, несмотря на то, что они продолжали сопротивляться, была, собственно, кончена. Они понимали это, и силы их от такого сознания еще более слабели; в страхе (περίφοβοί τε γεγενημένοι), испытывая настоящее страдание (περιαλγουῦτες), они после разгрома под Анконой «оставили мысль о войне» (τον πόλεμον απεγίνωσκον) [138]. Допуская в данном случае со стороны Прокопия некоторое преувеличение слабости и отчаяния готов, нельзя не видеть в его словах и большой доли истины.

На этом-то фоне, взятом в целом, с учетом положения на войне и перспектив дальнейшего развития событий, при явном повороте успеха в сторону Византии, в определенных общественных кругах было решено создать трактат о готах, в прошлом славных и непобедимых, а в настоящем преклоняющихся перед императором-победителем. Это решение выразить свои политические идеалы, которые не противоречили бы политике империи и вместе с тем сохраняли бы значение племени остроготов, родилось в среде италийской знати и связанных с ней готов провизантийской ориентации. К этим же кругам принадлежали многие влиятельные лица, эмигрировавшие из Италии в Константинополь; среди них были сенатор и патриций Либерий[139], сенатор, консуляр и патриций Цетег (Κέθηγος, Γόθιγος, Caetheus, Cethegus)[140]; в Константинополе, возможно, находился тогда и Кассиодор[141]. Такое сочинение должно было наводить на мысль о готах, утерявших свою правящую династию, которая влилась в семью византийского императора, о готах, уже и не мечтающих о своем государстве и не имеющих якобы не только надежды, но и желания владеть «Гесперией», – хотя в бесплодной борьбе за нее они потеряли большинство своего народа, – о готах, якобы готовых раствориться в громадной массе подданных византийского василевса[142].

Сочинение Иордана является не чем иным, как политическим, если не своеобразно-публицистическим трактатом, созданным по требованию определенной общественной группы в известный переломный для нее политический момент.

Следует отметить, что приблизительно к подобному толкованию, но совсем не раскрыв его, подошел еще Л. Ранке. В последних фразах своего очерка об Иордане, в приложении к «Всемирной истории»[143], он очень осторожно высказал предположение, что Кассиодор был «der intellektuelle Urheber der Schrift des Jordanes» и что книгу Иордана надо рассматривать как

работу, основанную на предварительных исторических исследованиях и в то же время как политико-исторический труд по истории готов, приуроченный к определенному моменту («zwar als eine auf historische Vorstudien basierte, aber zugleich auf den Moment angelegte politisch-historische Arbeit über die Geschichte der Gothen anzusehen ist»)[144]. Никто из историков после Л. Ранке не подхватил его мысли; ее лишь иногда цитировали без дальнейшего разъяснения[145]. Только в самое последнее время появились некоторые более свежие суждения о характере и целях литературного творчества Иордана и вновь возникла мысль о политическом содержании «Getica», подобная той, какую некогда вскользь высказал Л. Ранке.

Выше уже говорилось о статье советского филолога В. В. Смирнова. Автор поставил перед собой задачу пересмотреть литературу об Иордане и «воссоздать», как он пишет, его биографию. Правда, он смог посвятить этой важной теме очень короткий очерк – всего 22 страницы, и поэтому далеко не все его соображения развиты и доказаны. Соглашаясь с некоторыми ранее высказывавшимися предположениями относительно фактов биографии готского писателя, В. В. Смирнов пришел к выводу, что Иордан был выразителем политических идеалов именно Кассиодора (закончившего книгу о готах еще в период правления Аталариха, до 533 г.) и согласной с ним готской и италийской знати, эмигрировавшей в Константинополь. Иордан, по мнению В. В. Смирнова, был «преданным слугой Амалов» и «ярым сторонником византийской ориентации», «ярым пропагандистом провизантийской политики»[146] готов во время войны между империей и готами Тотилы. Однако колебаний и поворотов в политике гото-италийской среды в течение бурного времени с 30-х по начало 50-х годов VI в. В. В. Смирнов не отметил и в связи с этим не увидел особенностей политической установки Иордана и той политической направленности, которая диктовалась временем, когда Кассиодор создавал свое, несомненно соответствующее моменту сочинение.

Другой работой, где творчество Иордана, биографические данные о нем и обстановка, в которой он писал, подвергнуты тщательному исследованию, является уже упоминавшаяся нами книга итальянского историка Фр. Джунта. Автор усматривает в произведениях Иордана плод единого замысла, отражение двух миров его времени – мира римского и мира варварского, готского. Он проводит четкую грань между политическим идеалом Кассиодора и политической тенденцией Иордана, различая условия, в которых проявляли свое отношение к окружающим событиям оба писателя. Если Кассиодор возвышал

Готию, то Иордан (в иной исторический момент) возвеличивал Романию – империю Юстиниана, Велисария. В труде Иордана, по мнению Джунта, любовь к своему народу сочетается с преклонением перед Романией; он мечтал о мирном их слиянии и возлагал надежду на молодого Германа – потомка дома Амалов по матери и дома Юстиниана по отцу. Однако необоснованным кажется представление Джунта об Иордане, – в главе о политической мысли Иордана (стр. 165– 185), – который будто бы вырабатывал, а затем письменно выражал свои политические убеждения и планы независимо от среды, как бы не принадлежа к определенным слоям современного ему общества.

В связи с политическим направлением, выраженным в «Getica» интересен вопрос о том, где же Иордан мог написать свое сочинение.

Трудно представить себе, чтобы произведение с яркой политической окраской могло быть создано вдали от мест крупных событий.

Поэтому мнение Моммсена о каком-то (?) мезийском монастыре, где будто бы писал Иордан, не соответствует исторической обстановке. В те годы, когда рождался труд Иордана, даже столица империи, охваченная беспокойной атмосферой богословских диспутов, которые тогда приобрели широкий международный характер, кажется несколько отдаленной от событий, вызвавших составление «Getica». В Константинополе едва ли были люди, столь живо интересовавшиеся судьбой остроготов (именно политическим и социальным положением последних, а не только территорией бывшей Западной империи в Италии), чтобы читать сочинение, посвященное лишь одному варварскому народу, а не всемирной истории с империей в центре. Острый, животрепещущий интерес к теме труда Иордана и его выводам мог возникнуть только в Италии: с одной стороны, в Равенне – недавней столице остроготского королевства и центре возвращающейся в «Гесперию»[147] византийской власти, с другой стороны – в областях к северу от Пада (реки По), где лежали земли, наиболее крепко захваченные остроготами, где был город Тицин, новый их центр после потери Равенны в 540 г.

В силу сказанного естественнее всего местом написания «Getica», местом работы автора, который имел целью склонить представителей своего народа к покорности империи, считать Равенну[148].

После того как капитулировал Витигес и была вывезена в Константинополь королевская чета вместе с сокровищами из дворца Амалов, Равенна оставалась в руках византийцев весь

последующий период войны. Там образовалась военная и административная база империи, туда прибывало греческое и сочувствовавшее грекам население, и оттуда уходило население готское. Вскоре после того как Велисарий занял Равенну, с его разрешения готы стали покидать город, как об этом сообщает Прокопий, бывший свидетелем вступления войск Велисария в Равенну[149] и первых административных мер, принятых победителями. Когда общее положение определилось, в городе стало ромеев столько же, сколько и готов»[150], а позднее готов стало, вероятно, значительно меньше. Тогда же сдались окружающие Равенну готские крепости в Венетиях, в том числе Тревизо. Форпостом готских владений осталась хорошо защищенная Верона, а средоточием готских сил и готского влияния стал город Тацин – Павия (Τικινον). На многих страницах «Готской войны» мелькают упоминания о Равенне, которая в изложении Прокопия выступает как опорный пункт империи, соединяющий ее с Италией[151]. Равенна в то время была и частью Византии и частью Италии, за которую шла война. Равенна объединяла в себе как империю, с которой была постоянно связана, так и варварский борющийся мир, все еще близкий и опасный, хотя понемногу и отступающий. Отступление остроготов, сначала едва намечавшееся, а после разгрома флота Тотилы в морском бою за Анкону ставшее несомненным, ярче всего сказывалось в Равенне. В Равенне же быстрее всего стала ощущаться соответственная реакция готского центра в Тицине. Именно из Равенны должна была идти в готскую (правящую, конечно) среду пропаганда за признание остроготами власти императора, за отказ от собственной политической самостоятельности.

Место создания «Getica» как бы обусловлено некоторыми замечаниями, сделанными Иорданом, правда не совсем понятными. Иордан, взявшийся за такую работу, которая должна была быть построена на основе пространного сочинения Кассиодора, не мог иметь этого сочинения перед глазами. Иордан пишет с огорчением и даже беспокойством, что главная тяжесть («super omne autem pondus») для него как автора состояла в том, что он – всего в течение трех дней – «предварительно перечитал эти книги» («libros ipsos antehac relegi») и то лишь по милости диспенсатора[152], т. е. управляющего Кассиодора, а в дальнейшем писал ответственное и длинное сочинение по памяти, не воспроизводя, конечно, подлинный текст образца, но опираясь на удержанные в сознании смысл («sensus») и ход событий («res actas»).

Трудно было объяснить, почему Иордан оказался в таком

положении[153]. Но в связи со сказанным выше это объяснение получается само собой. Сочинение Кассиодора не было, по-видимому, распространено (ведь оно было закончено тогда, когда готская правящая верхушка склонялась не только к союзу, но и к подчинению Юстиниану)[154]; оно, надо думать, сохранялось в Равенне, где чаще всего жил Кассиодор, который в 550—551 гг. был, как уже отмечалось, по всей вероятности, в Константинополе. Сочинение Кассиодора, как и все его имущество, находилось в ведении диспенсатора, который и выдал Иордану нужный ему кодекс, причем только на очень короткое время, потому что книгу из-за выраженной в ней тенденции (утверждение права остроготов на полную независимость их королевства, почти противопоставление его империи) надо было скрывать, чтобы не скомпрометировать автора* [* Иордана?] в тот острый политический момент. Этим объясняется «трехдневное чтение» («triduana lectio») труда Кассиодора. Теперь не покажется каким-то, так сказать, «кокетством» со стороны автора его сетование на «трехдневное чтение» двенадцати книг Сенатора. К тому же нельзя забывать, что Иордан не брался воспроизвести оригинал дословно; он получил заказ на сокращение и на передачу его «своими словами» («nostris verbis»). Несомненно, что Иордан прежде имел возможность спокойно и внимательно прочесть всю книгу Кассиодора и, быть может, сделать для себя некоторые выписки из нее; теперь же, взяв на себя обязательство кратко изложить обширный труд, он, конечно, должен был освежить его в памяти. Он получил сочинение Кассиодора для кратковременного просмотра и действительно только просмотрел его, но при этом ему пришлось напрягать внимание, чтобы сохранить в памяти просмотренный материал. Иордан об этом говорит дважды. Не в состоянии запомнить текст Кассиодора буквально («verba non recolo»), он заставил себя целиком запомнить («integre retinere») содержание и ход изложения. Вероятно, он снова сделал для себя некоторые необходимые выписки (не втайне ли от бдительного диспенсатора, хранителя интересов Кассиодора?) Такого рода работа, только не в условиях спешки, бывала обычной в практике средневекового писателя: требовалось ссылаться на предшественников, особенно на тех, которые считались «авторитетами», более того, обильно цитировать их (чаще всего без указания имени), а книг было мало, и не всегда они лежали под рукой. Зато выручала тренированная богатая и цепкая память средневекового автора и писца.

Сторонники того, что Иордан был епископом в калабрийском городе Кротоне, считали, что диспенсатор Кассиодора выдал

Иордану книгу своего господина из библиотеки Вивария, расположенного поблизости от Кротона. Почему в таком случае был столь скуп на сроки этот диспенсатор, остается неясным. Надо принять во внимание, что Виварий был основан после 550 г. [155] и книги Кассиодора в 550—551 гг., накануне отправки их в Калабрию (в Виварий), были, надо думать, еще в Равенне. Поэтому едва ли мог человек из Кротона – каковым хотят видеть Иордана – уже в 550—551 гг. брать книги из библиотеки Вивария.

В предисловии Иордан предлагает Касталию добавить в его труд все, что тот найдет нужным, так как Касталий, будучи «соседом племени» готов («ut vicinus genti»), может лучше, чем Иордан, развить то, о чем сказано недостаточно («si quid parum dictum est»). Конечно, эти дополнения могли касаться лишь выражения тенденции труда Иордана, а не его содержания, которое базировалось на авторитете Кассиодора, первого специалиста по истории готов. Но почему же Иордан, находясь в Равенне, назвал Касталия «соседом племени», указывая тем самым на его более близкое соседство с остроготами? Это можно объяснить тем, что Касталий находился в пределах владений готов, например, – что вероятнее всего, – в их центре, в городе Тицине, или в тех землях, к северу от р. Пада, которые готы, даже уступая империи, хотели сохранить за собой[156]. Иордан же пребывал в византийской стороне, в Равенне.

Думающие, что Иордан написал свой труд в Константинополе, считают, что Касталий, находился в Италии и был таким образом «соседом племени» остроготов, а Иордан, живший в Константинополе, был вдалеке от них. Нам кажется более ярким и более убедительным противопоставление Иордана, находившегося в византийской Равенне, Касталию, находившемуся в остроготском Тицине, или в Вероне, или еще где-либо к северу от реки Пада.

Можно подкрепить мысль о месте работы Иордана еще следующими соображениями. Подробные описания областей на Балканском полуострове, преимущественно Мезии, на что указывал Моммсен, не обязательно связывать с присутствием автора «Getica» в столице Византии. Эти описания вполне естественны для человека, хорошо знавшего и помнившего свою родину где-то на правобережье нижнего Дуная. Пребыванию Иордана в Равенне совершенно не противоречит его интерес к делам Восточной империи, на что также указывал и Моммсен и другие ученые. Равенна всегда, а в интересующие нас годы особенно, была связана не только с Далмацией, но и с Иллириком, с Паннонией, со всем Подунавьем; через Балканский полуостров и с севера, и из-за моря к ней шли пути из

Константинополя. Этой же близостью Равенны к событиям на Балканском полуострове надо объяснять и тревогу, которую Иордан, сам уроженец Подунавья, выразил в конце «Romana» (и в § 37 «Getica»), говоря о страшных набегах антов, склавенов и булгар.

Даже беглые наблюдения наводят на мысль о Равенне как месте написания «Getica». Едва ли в Константинополе, в крупнейшем городском центре, где в любых социальных кругах жизнь развивалась интенсивно, а интерес в области внешней политики отнюдь не сосредоточивался только на италийских делах, был бы почитаем Кассиодор, некогда главная фигура в остроготском королевстве, и было бы эффективно восхваление варварской династии Амалов. Не в Константинополе, а в Равенне стал известен тот писатель, которого так часто и с таким уважением упоминал на страницах своей «Космографии» анонимный равеннский географ. Не с Константинополем, а с Равенной связывали Иордана переписчики его труда в различных монастырских мастерских письма; это они в VIII—IX вв. назвали его, хотя, по-видимому, и ошибочно, епископом равеннским.

Еще некоторые детали. Когда Иордан писал о приходе в Италию Алариха, который шел по обычному пути через Эмону и Аквилейю на Равенну, то он, Иордан, выразил это так: «правой стороной („dextroque latere“) вошел он в Италию» (Get., § 147). Эти слова о появлении войска «справа» могли принадлежать только человеку смотревшему с юга из Италии, точнее – из Равенны, к которой приближался Аларих, обогнув северное побережье Адриатического моря, перейдя реку Изонцо, миновав Аквилейю. Когда же Иордан писал о месте поселения свавов в западной части Пиренейского полуострова, то он сказал, что Галлиция и Лузитания «тянутся по правой стороне Испании („in dextro latere Spaniae“), по берегу Океана» (§ 230), т. е. он как бы смотрел с севера, через Галлию, по направлению воображаемого пути из Италии в Испанию.

Таким образом, все данные о Иордане и его книге, будучи поставлены в естественную связь с исторической обстановкой, сходятся на том, что он мог написать свой труд скорее всего в Равенне.

Читающего «Getica» с первой до последней страницы не покидает неприятное чувство, что автору было чрезвычайно трудно облечь в литературную форму свое сочинение. В нем встречаются неуклюжие фразы, грубые нарушения синтаксиса, нагромождения, неожиданная путаница в падежах. Иордану тяжело далось построение его труда, На первый взгляд читателю может показаться, что автора вовсе не беспокоила композиция его

работы и что он ограничился беспорядочным «выкладыванием» всего имевшегося у него материала.

Несомненно, что тема, заданная Иордану Касталием, была гораздо сложнее и труднее, чем тема, заданная ему Вигилием. Когда Иордан не спеша занимался «сокращением хроник», составляя «Romana», ему почти не приходилось заботиться о композиции: без особых размышлений нанизывал он один за другим факты, черпаемые из того или иного авторитетного источника; план заменяла хронологическая последовательность, и компиляция вырастала сама собой. Такая работа требовала известных познаний, большой аккуратности при распределении материала, однако она была проста. Но вовсе не легко было, оторвавшись от выборок из чужих трудов, написать специальную историю одного племени, хотя и пользуясь для этой цели образцом в виде крупного произведения Кассиодора. В этом случае нельзя было ограничиться расстановкой фактов в хронологическом порядке; надо было передать по памяти цельный, нелегко написанный текст и, не нарушая его идеи, одновременно выразить в нем новый замысел.

Сложность подобной задачи и зачастую тщетное старание автора преодолеть эту сложность, не потерять основную линию темы сказались на построении «Getica».

Как было сказано выше, Иордан не имел целью повторить сочинение Кассиодора; он лишь в основном опирался на него, заимствуя, конечно, факты и показывая их взаимосвязь, сохраняя тенденцию прославления племени готов, воспроизводя ссылки на античных авторов, привлеченных в известной степени Кассиодором, а не им самим. Но необходимость сократить большой труд и передать его «своими словами» принудила Иордана попытаться в какой-то мере по-своему построить произведение и определить в нем соотношение частей. Поэтому едва ли следует предполагать в «Getica» точную копию Расположения материала «двенадцати томов» Кассиодора.

Композицию произведения Иордана нельзя считать удачной. Она лишена ясности и четкости, отягчена плохо осуществленным переплетением главного и побочных сюжетов, затемнена изобилием крупных и мелких отступлений.

Как же построено сочинение Иордана, из каких основных частей оно состоит?

Начало «Getica» трафаретно. Основываясь на сочинении Орозия, Иордан дает географический обзор мира[157]. Однако он сразу же сокращает это обычное для многих писателей его времени вступление, занявшись только островами, что выдает желание автора поскорее подойти к рассмотрению «острова»

Скандзы, откуда, подобно «пчелиному рою», появилось то племя (gens), судьбам которого посвящено все сочинение. Уже здесь, по-видимому, намечается монографический характер труда Иордана. «Propositum» Иордана (он сам употребляет это слово), его основная тема – история готов, разделившихся на две ветви – везеготов и остроготов. Соответственно этому повествование в «Getica» распадается условно на три отдела:

1) о готах, которые со Скандзы переплыли к устьям Вислы, затем передвинулись на юг в « Скифию» и жили на побережье Черного моря до гуннского нашествия[158];

2) о везеготах, ушедших из Причерноморья за Дунай, затем продвинувшихся на запад – в Италию, Галлию, Испанию[159];

3) об остроготах, также, но позднее, чем везеготы, покинувших Причерноморье и после пребывания в Мезии и Паннонии осевших в Италии[160].

Автор не представил ни одного из этих отделов в виде особой, цельной главы. В ходе изложения он делал отступления[161], которые, при всей их необходимости, рвут ткань рассказа. Еще дальше уводит от темы наиболее искусственная часть «Getica» – отягощающее первый отдел длиннейшее наращивание истории готов, нарочитое углубление ее «древности» путем прибавления истории скифов и гетов; ценное, интересно развитое начало темы – о выходе готов на историческую арену – резко нарушено включением неживых, застывших фактов из античной мифологии (амазонки, троянские герои) и истории (Кир, Дарий и Ксеркс, Бурвиста и Дикиней, даки и геты, их войны с Римом и т. п.)[162], обедненных под пером средневекового писателя.

Последовательному распределению материала в отделах о везеготах и остроготах мешало то, что автор не сумел или не успел достаточно обдуманно разместить рядом с доминирующей темой темы, если и не маловажные, то все же побочные по отношению к центральной. Описывая события одной из сложнейших эпох в истории Европы и Средиземноморья, Иордан, конечно, был обязан говорить и о множестве племен, и об обеих империях, и о варварских союзах и государствах, и о державе Аттилы, и о крупных политических деятелях, достойных подробной характеристики. Из всего этого вырастали значительные и ценнейшие экскурсы. Иордан сохранил, например, великолепные отрывки из фрагментарно дошедших до нас записей Приска – самое детальное описание Каталаунской битвы, поход Аттилы в северную Италию, портрет Аттилы, погребение Аттилы и т. п.[163] Таким же образом Иордан сообщил существенные данные о склавенах и антах[164], о вандалах[165] и

гепидах[166], о готах, оставшихся на нижнем Дунае[167], и т. п. Все это – драгоценнейшие исторические свидетельства, но от их присутствия в некоторой мере пострадала монография Иордана. Отдельные экскурсы, неожиданно возникая то там, то здесь на страницах труднейшего по языку текста, создают впечатление, что автор его перекидывается с одной темы на другую, а самые темы надвигаются друг на друга и как бы не помогают, а препятствуют уяснению главных вопросов[168].

Автор «Getica» несомненно понимал, что в процессе литературного изображения сложной эпохи многое отвлечет его от основной темы. Поэтому он непрестанно одергивает себя, заставляя вернуться к главному, Напоминания о том, что следует обратиться к исходному, самому существенному материалу повествования, попадаются у Иордана очень часто. Свыше десяти раз автор заявляет почти одними и теми же словами: «ad nostrum propositum redeamus», «unde digressimus ordine redeamus», «redeundum est», «necesse est nobis... redire», «ad gentem revertamur» и т. п.[169] Но при всей примитивности такого приема эти напоминания даже полезны: они облегчают читателю выяснение ведущих элементов изложения.

И тем не менее невозможно не признать, что, несмотря на общую перегруженность и даже «сумбурность» писаний Иордана, он не только не забывает, но старательно выдвигает главное. На протяжении всего труда видно, что автор напряженно следит за тем, как бы не ушла с первого плана именно история готов, в дальнейшем – везеготов и особенно остроготов. И вот это-то ощутимое напряжение автора, эти его скучные подчас возвраты к прерванному, эти длинные, отвлекающие, иногда самодовлеющие экскурсы и мелкие отступления в целях пояснить, углубить главное, – все это в конце концов подчеркивает смысл и значение основной «заданной» темы и своеобразно оттеняет композицию его труда.

Для современников Иордана, для его единомышленников главное в «Getica» состояло в политической тенденции сочинения, в котором сочетается восхваление готов и их королей с призывом к подчинению побеждавшей в то время империи. Сейчас это, разумеется, малозаметно. Только кропотливый анализ сопутствующих явлений и их отражения в ряде источников дает возможность восстановить обстановку, обусловившую рождение подобного труда, и, следовательно, правильно характеризовать его. С веками произведение Иордана приобрело новую ценность. При всех его недостатках оно занимает почетное место среди источников своего времени; более того, оно в своем роде уникально и может стоять в одном ряду с другими

историческими памятниками VI в. Со страниц произведения выступает то, о чем едва ли помышлял его автор: грандиозная картина становления нового мира, вытесняющего мир старый, картина упорной и длительной борьбы отживающего с нарождающимся. У Иордана нет столь интересующих нас и ценных данных о социальной и экономической жизни его эпохи, тем не менее из его неяркого рассказа это новое видно в натиске и распространении многочисленных варварских племен (ни у одного автора нет такого количества этнических названий как у Иордана)[170], старое – в идеалах уже нереального всемирного господства отживающей, хотя в тот период, когда пишет Иордан, победоносной, империи. Автор «Getica» даже не критикует империю, предвидя ее ближайшее торжество, но недостаточность ее сил, выступающих против варваров, угадывается и в почти бесстрастном, несмотря на определенную направленность, повествовании. В то же беспокойное и для Италии, и для многих других стран Европы время, осветил это положение Прокопий. Достаточно напомнить одну из первых фраз «Готской войны», фразу, которую нельзя не воспринять как лейтмотив этого произведения: «В той же мере, в какой дела варваров в отношении ромеев процветали, честь ромейских солдат падала, и под благоприличным названием союзничества над ними тиранствовали эти пришельцы» (όσω τε τα των βαρβάρων εν αυτοΐς ήκμαζε, τοσούτω το των 'Ρωμαίων στρατιωτων αξίωμα ήδη υπέληγε, και τω ευπρεπει της ξυμμαχίας ονόματι προς των επηλύδων τυραννούμενοι εβιάζοντο)[171]. Неизмеримо более искусный как писатель, Прокопий здесь созвучен Иордану, а их произведения вместе созвучны событиям, которые происходили в Византии и в Италии, на Дунае и на берегах Средиземного и Черного морей, даже в более отдаленных западных и восточных, северных и южных областях отражаемого ими мира.

Как проникнутый умом и наблюдательностью труд Прокопия, так и не блещущее талантом творение Иордана донесли до нас достаточно полное изображение одной из важнейших эпох в истории Европы. Само собой разумеется, что труды этих двух писателей дополняются, более того, непременно обрастают сведениями из сочинений многих, часто замечательных авторов V—VI вв., но, на наш взгляд, отобразить широкую картину событий того времени удалось главным образом Прокопию и... Иордану. Поэтому Иордан, слабый писатель, но не лишенный известного уменья компилятор[172], должен быть признан выдающимся историком, а его произведение – зачислено в разряд первоклассных исторических источников.

В «Getica» интересно и важно почти все. Учитывая

политическую установку автора и соответственный социально-политический смысл его сочинения (о чем речь шла выше), нельзя отказать ему в своеобразном, хотя и нелегко уловимом единстве. Наряду с тем, что труд Иордана является специальным трактатом, он служит источником по многим особым темам. В «Getica» нашли отражение элементы истории разных германских и негерманских племен (без чего трудно было бы появиться названным выше книгам Л. Шмидта, Э. Шварца и др.), история движения гуннов в их европейских походах, описания различных событий на дунайской границе и на Балканском полуострове, одной из главных арен столкновения «пришельцев» (ἐπήλυδες) и империи, и многое другое. Кроме перечисленного, большой интерес вызывают скудные, но единственные в своем роде сообщения о древнейших славянах[173], а также известия, относящиеся к Причерноморью и Приазовью.

Одним словом, «Getica» Иордана заключает в себе огромный и крайне разносторонний исторический материал, серьезная обработка которого поддается только усилиям многих исследователей, специалистов в различных областях истории. Жаль, что Моммсен, столь крупный знаток исторической литературы V—VI вв., не только не оценил всего значения труда Иордана, но, введя в научный оборот труднейший текст его «Getica» и осветив это сочинение в мастерски написанном введении и в подробных индексах, дал вместе с тем уничтожающий отзыв о важнейшей для раннего средневековья работе готского историка. Моммсен назвал «Getica» Иордана сокращенной и запутанной сводкой Кассиодоровой истории («mera epitome, luxata ea et perversa, historiae Cassiodorianae»). Он нашел, что Иордан не понял центрального сюжета своего предшественника: Кассиодор прославлял римско-готское государство Теодериха («regnum Romanum pariter atque Gothicum magni Theododici»), преклонявшегося перед «Romana humanitas», Иордан же вместо этого выставил на первый план, «по-варварски раздул и возвеличил» тему о федератах-наемниках и о судьбах придунайских провинций; если под пером Кассиодора готская история превратилась в римскую, то под пером Иордана, как полагает Моммсен, эта же готская история стала только «мезийской»: «historia Gothica a Cassiodorio... Romana facta per Iordanem facta est Moesiaca» («Готская история, Кассиодором сделанная римской... Иорданом обращена в мезийскую»)[174].

Ввиду того что до сих пор существуют разные мнения в решении вопросов, связанных с личностью Иордана, его деятельностью как писателя и его произведениями, нам представляется небесполезным дать вкратце свои выводы, а также

подтвердить некоторые из ранее высказанных предположений.

1. По поводу происхождения Иордана. Иордан – гот, острогот, но не алан. Его собственное заявление в конце «Getica» (§ 316) вполне достаточно и ясно.

2. По поводу имени *Alanoviiamuthis*. Это явно испорченное переписчиками слово; вероятнее всего, как предположил Т. Гринбергер и признал за ним И. Фридрих, первая часть слова относится к предыдущему «Candacis» и расшифровывается как Alan[orum] d[ucis], а вторая является именем отца Иордана – Viiamuthis (Viiamuth).

3. По поводу времени службы Иордана нотарием у Гунтигиса Базы. Следует принять весьма убедительные доводы И. Фридриха о том, что нотариат Иордана относится к периоду между 505 и 536 г. В связи с этим наиболее ранним годом рождения Иордана можно считать примерно 485 г.

4. По поводу *conversio*Иордана. «Обращением» Иордана был, вероятнее всего, переход из арианства в православие («католицизм»). Нет никаких указаний или намеков на то, что Иордан был монахом. Если в дальнейшем он и стал епископом (однако не в Равенне), то не из монахов, а, быть может, из группы так называемых religiosi.

5. По поводу определения *agrammatus*. Иордан не получил регулярного школьного образования, не прошел школьного «тривия», в программу которого входила грамматика; поэтому он был agrammatus и отчасти поэтому он плохо писал; но вместе с тем он был начитанным, не лишенным достаточно широких познаний человеком.

6. По поводу места, где могло быть написано такое сочинение, как «Getica». Если принять во внимание цепь событий, развернувшихся к 551 г. в Италии в связи с борьбой между остроготами и империей, то трудно представить, чтобы Иордан писал эту работу где-либо, кроме Италии. Подобное сочинение, составлявшееся в связи с определенной исторической ситуацией, могло быть создано лишь в крупном городском центре, подчиненном Византии и недалеком от театра военных действий между готами и войсками Юстиниана. Таким городом, вероятнее всего, была ставшая с 540 г. византийской Равенна. Местом написания «Getica» едва ли был Константинополь, тем более им не была Фессалоника, а также фракийский, мезийский или какой-то из восточных монастырей. Если признать Равенну местом написания «Getica», то находят свое объяснение и «triduana lectio», трехдневное спешное прочтение Иорданом сочинения Кассиодора, и «vicinus genti», каким был Касталий, пребывавший на территории готов к северу от реки По, в Тицине или Вероне.

7. По поводу того, почему бесследно исчезло крупное и уже прославленное сочинение Кассиодора. Кассиодор придерживался определенной политической линии, которая проводилась в последние годы правления Теодериха. Эта тенденция, которая должна была привести к разрыву какой бы то ни было политической связи остроготского королевства с империей, оказалась вовсе неподходящей в пору борьбы готов с Юстинианом в 550—551 гг., когда победа клонилась в сторону Византии. Сочинение Кассиодора было как бы «забыто» и заменено другим на ту же тему, но с другой политической установкой. Так исчез труд Кассиодора и родился труд Иордана.

Приложения

Приложение I

О сумме времен или о происхождении и деяниях римлян

(Предисловие к «Romana»)

Я приношу благодарность вашей неусыпности, благороднейший брат Вигилий: * [* Заметна игра слов между именем Вигилий и словом неусыпность, бдительность – vigilantia; дальше глагол vigilare (...et alüs vigiletis).] вопрошаниями вашими вы, наконец, пробудили меня, давно уже спящего.

Благодарю и бога великого, создавшего вас настолько заботливым, что вы неусыпно следите не только за собой самим, но столько же и за другими.

Слава добродетели и заслуге!

Ты хочешь знать о злоключениях нынешнего мира или же о том, когда он начался и что вплоть до наших времен претерпел; к этому ты, кроме того, добавляешь [пожелание], чтобы я, срывая цвет сказаний предков, сообщил тебе, каким образом зародилась Римская республика, как она держала и подчинила себе чуть ли не весь мир, да и до сего дня – хотя бы в воображении – [продолжает] держать [его]; иначе, чтобы я – будь то совсем бесхитростно! – показал тебе в своем изложении, как родословная царей, начинаясь от Ромула, а затем от Августа Октавиана, дошла до Августа Юстиниана.

Хотя то, к чему ты меня понуждаешь, и не может соответствовать ни моему знанию людей, ни моему опыту, однако, чтобы не перечить просьбам друга, мы, в меру сил, собрали все широко рассеянные [сведения].

Прежде всего мы начали с авторитета священного писания, которым подобает руководствоваться, и достигли, продвигаясь по [ряду] возглавителей родов, всемирного потопа; так, затем, дошли мы до царства Нина, который, повелевая ассирийским народом, подчинил себе почти всю Азию; и до Арбака Мидийского, который, разрушив царство ассирийцев, присоединил его к мидийцам и держал его до [времени] перса Кира; последний, подобным же образом покорив мидийское царство, присоединил его к парфянам. Отсюда [дошли мы] до Александра Великого Македонского, который, победив парфян, обратил их государство в подчиненное грекам. После этого [показали мы], как Октавиан Август Цезарь, покорив царство

греков, привел его к закону и власти римлян.

Еще ведь до Августа благодаря искусству своих консулов, диктаторов и царей Римская республика, ведя начало от Ромула-зиждителя, в течение семисот лет подчинила себе многие [страны]; и вот я собрал теперь все вплоть до двадцать четвертого года императора Юстиниана – хотя и кратко—в одну [посвящаемую] твоему имени, весьма малую книжку, присоединяя к ней и другой том – о происхождении и деяниях гетского племени, который я написал совсем недавно для нашего общего друга Касталия; ты же, узнав из нее о бедствиях, постигавших разные племена, стремись стать свободным от всякой невзгоды и обращайся к богу, который и есть истинная свобода.

Итак, читая обе книжечки, знай, что нам всегда угрожает неизбежное побуждение любить мир. Но ты прислушайся [к словам] Иоанна апостола, который говорит: «Возлюбленные, не любите мира, ни яже в мире... и мир преходит, и похоть его; а творяй волю божию пребывает вовеки»** [** Иоанн, I Посл. 2, 15, 17.]. Люби всем сердцем бога и ближнего, чтобы исполнить закон! Молись обо мне, благороднейший и превосходнейший брат!

DE SUMMA TEMPORUM VEL ORIGINE ACTIBUSQUE GENTIS ROMANORUM

{1} Vigilantiae vestrae, noblissime frater Vigili, gratias refero, quod me longo per tempore dormientem vestris tandem interrogationibus excitastis. deo magno gratias, qui vos ita fecit sollicitos, ut non solum vobis tantum, quantum et aliis vigiletis. mactae virtutis et meriti. vis enim praesentis mundi erumnas {2} cognuscere aut quando coepit vel quid ad nos usque perpessus est, edoceriaddes praeterea, ut tibi, quomodo Romana res publica coepit et tenuit totumque pene mundum subegit et hactenus vel imaginariae teneat, ex dictis maiorum floscula carpens breviter referam : vel etiam quomodo regum series a Romulo et deinceps ab Augusto Octaviano in Augustum venerit Iustinianum, quamvis simpliciter, meo tamen tibi eloquio pandam. {3} licet nec conversationi meae quod ammones convenire potest nec peritiae, tamen, ne amici petitionibus obviemus, quoquo modo valuimus, late sparsa collegimus. {4} et prius ab auctoritate divinarum scripturarum, cui et inservire convenit, inchoantes et usque ad orbis terrae diluvium per familiarum capita currentes, devenimus ad regnum Nini, qui Assyriorum in gente regnans omnem pene Asiam subiugavit, et usque ad Arbacem Medum, qui distructo regno Assyriorum in Medos eum convertit tenuitque

usque ad Cyrum Persam, qui itidem Medorum regnum subversum in Parthos transtulit, et exinde usque ad Alexandrum Magnum Macedonem, qui devictis Parthis in Grecorum dicione rem publicam demutavit, post hec quomodo Octavianus Augustus Cesar subverso regno Grecorum in ius dominationemque Romanorum perduxit. et quia ante Augustum iam per septingentos annos consolum, dictatorum regumque suorum sollertia Romana res publica nonnulla subegerat, ad ipso Romulo aedificatore eius originem sumens, in vicensimo quarto anno Iustiniani imperatoris, quamvis breviter, uno tamen in tuo nomine et hoc parvissimo libello {5} confeci, iungens ei aliud volumen de origine actusque Getice gentis, quam iam dudum commani amico Castalio ededissem, quatinus deversarum gentium dalamitate conperta ab omni erumna liberum te fieri cupias et ad deum confertas, qui est vera libertas. legens ergo utrosque libellos, scito quod diligenti mundo semper necessitas imminet. to vero ausculta Iohannem apostolum, qui ait: ‘carissimi, nolite dilegere mundum neque ea que in mundo sunt. quia mundus transit et concupiscentia eius: qui autem fecerit voluntatem dei, manet in aeternum’. estoque toto corde diligens deum et proximum, ut adimpleas legem res pro me, novilissime et magnifice frater.

Приложение II
Лозаннский фрагмент (FRAGMENTUM LAUSANNENSE)

(В электронной версии книги не включены рисунки, упоминаемые в ПРИЛОЖЕНИЯХ II и III – Ю. Ш.).

Мы не имеем таких списков «Getica», которые были близки ко времени написания этого труда Иордана, т. е. относились бы к VI в. Наиболее ранней рукописью считался Гейдельбергский кодекс (Codex Heidelbergensis 921), содержавший оба произведения Иордана и хранившийся в библиотеке Гейдельбергского университета. Рукопись вышла, по всей вероятности, из знаменитого скриптория аббатства в Фульде, одного из крупных каролингских монастырей в Германии, возникшего в 40-х годах VIII в. Моммсен, положивший Гейдельбергский кодекс в основу своего издания «Romana» и «Getica», датировал рукопись по типу ее письма VIII веком[175], предпочитая эту датировку более поздней – IX и даже X вв. На первой странице кодекса 1479 г. была сделана интересная запись некоего М. Синдика, который отметил, что «книга принадлежит книгохранилищу (libraria) церкви св. Мартина в Майнце». Монастырь св. Мартина в Майнце, основанный в 1037 г., был связан с монастырем в Фульде, и потому допустимо предположение, что кодекс с сочинениями Иордана мог быть привезен в Майнц в 60-х годах XI в. известным

средневековым писателем, ирландцем Марианом Скоттом, перешедшим из монастыря Фульды в майнцский монастырь св. Мартина. В течение долгого времени рукопись хранилась в Гейдельбергском университете, где с момента его основания (в конце XIV в.) постепенно создавалось обширное собрание рукописей, а затем и печатных книг – знаменитая гейдельбергская Bibliotheca Palatina. В дальнейшем кодексу № 921 пришлось пережить множество «скитаний»; в период Тридцатилетней войны он попал в библиотеку Ватикана, затем в Париж, потом, после наполеоновских войн, снова в Ватикан, откуда в 1816 г. был возвращен вместе с сотнями других рукописей опять в Гейдельберг. Но здесь эту рукопись ждала самая печальная участь: в 1874 г. она сгорела без остатка при пожаре[176] в доме Моммсена, куда она была взята, как и другие манускрипты, для подготовки издания в серии Monumenta Germaniae historica.

Еще ученые XVII в. (филолог Иоанн Грутер – библиотекарь «Палатины», французский историк Клод Сомэз) отмечали ценность гейдельбергской рукописи № 921. Рукопись указана и в списке манускриптов, возвращенных в Гейдельберг из Рима. Но мы, к сожалению, имеем о ней лишь смутное представление. Небольшую характеристику гейдельбергской рукописи оставил нам знаток немецких рукописных собраний Фридрих Вилькен, посвятивший целую книгу описанию судеб гейдельбергских книжных собраний[177]. Вилькен относит кодекс № 921 к X в.; он сообщает, что текст его написан на пергамене и имеет 220 листов, но лишен как начала (т. е. начала «Romana»), так и конца (т. е. конца «Getica»). Особенно интересен образец письма кодекса № 921, данный Вилькеном на таблице[178]. Однако на ней изображены все три строки из «Romana» (§ 215: «Macedonia... a Flamminio», см. рис. 1); письмо Вилькен определяет еще мабильоновским названием, как «лангобардское».

Последнее, далеко не полное описание Гейдельбергского кодекса принадлежит Моммсену[179], который сообщает некоторые сведения, почерпнутые из книги Вилькена, но относит рукопись к VIII в., а ее шрифт считает «англосаксонским письмом лучшего стиля» («letteratura est evidentissima et optima ormae Anglosaxonicae»). Известно, что «островное» – англосаксонское и ирландское – письмо процветало в скрипториях многих монастырей на европейском континенте, основанных выходцами из Британии и Ирландии и в дальнейшем посещавшихся многочисленными монахами – нередко искусными писцами – с этих островов. Подобным монастырем была и Фульда. Однако Моммсен только упомянул об образце письма Гейдельбергского

кодекса на более чем скромной таблице в книге Вилькена, но сам не раскрыл его особенностей; он отметил лишь форму двух букв – часто открытого *a*(*a littera saepe aperta est*) и несколько повышающегося над строкой *i*(*i eminens aliquoties adest*)[180]. Эти черты недостаточны для характеристики письма погибшей рукописи и к тому же не подтверждаются образцом, приведенным на таблице Вилькена[181].

Но как будто след от этого замечательного кодекса все-таки остался в виде фрагмента рукописи, хранящегося до сих пор в Лозанне, в кантональной и университетской библиотеке под № 398 (размер 167x145 мм)[182]; см. рис. 2 и 3.

На обеих сторонах листка пергамена нанесен текст из «Getica» Иордана. На recto – 12 строк (§ 310—312) от слов «[bar]baricos Vitiges» до слов «evellere cupiunt». На verso – 12 строк, составляющих самый конец произведения (§ 315—316), от слов «et virorum fortium» до слов (почти стершихся) «belesarium consulem».

Лозаннский фрагмент – лишь нижняя половина последнего листа кодекса, так как между текстом на recto и текстом на verso имеется разрыв (§ 313—314) – отсутствует текст, находившийся на верхней половине verso. Верхнюю же половину recto занимал текст § 308—309.

С Гейдельбергским кодексом Лозаннский фрагмент сближается в силу следующего обстоятельства. Моммсен указал, что в Гейдельбергском кодексе, состоявшем из пятнадцати кватернионов (или тетрадей), отсутствовал полностью первый кватернион, а в пятнадцатом не хватало двух листов – предпоследнего и последнего. Быть может, Лозаннский фрагмент является половинкой последнего листа Гейдельбергского кодекса. Это предположение было высказано М. Бессоном, изучавшим средневековые памятники материальной культуры швейцарского кантона Во, центром которого является Лозанна[183].

Текст Лозаннского фрагмента написан острым англосаксонским минускулом красивого, выработанного рисунка. Это письмо определяется с первого взгляда по известной, здесь ярко выраженной, особенности: хасты длинных букв (*f*, *p*, *r*, *s*), уходящие вниз под строку, заканчиваются тонкими остриями, иногда слегка отогнутыми влево[184].

Для Лозаннского фрагмента характерны все буквы, присущие лучшим образцам англосаксонского минускула.

Верхние хасты *b*, *d*, *h*, *l*имеют на концах расширения в виде треугольничков, получающихся от нажима пера; «и так как стволы этих букв на половине высоты слегка изгибаются, то своим грациозным расширением вверху они напоминают

качающийся стебелек с цветком колокольчика»[185].

Буква *d*встречается не только в унциальной (круглой) форме, но и в полуунциальной (прямой), причем последняя форма ставится в начале слова, а первая – в середине (см., например, слово «dedit» на второй строке verso).

Буква *e*всегда высокая, т. е. ее петля всегда возвышается над строкой. Кроме того, *e*неизменно лигирована с последующей буквой («regem» на третьей строке recto, «cernens» на десятой строке recto, «referuntur» на восьмой строке verso).

Буква *g*вместо круглой головки, как в унциальном письме, имеет горизонтальную черточку; под строку спускается широкая петля (имя «Vitigis», «Vitiges» на шестой и десятой строках recto, «originem», «legi» на седьмой строке verso).

Буква *n*иногда имеет капитальную форму («inter» на четвертой строке recto).

Буквы *f*, *p*, *r*и длинное *s*не возвышаются над верхней строкой, кроме отдельных случаев, когда длинное *s*выходит поверх строки в виде крючка («Justinianus», на третьей строке verso, «exponens» на девятой строке verso). Кроме того, буква *s*лигируется с последующей буквой i («sibi» на третьей и восьмой строках recto, «residentem», «obsidionem» на двенадцатой строке recto). На заключительных строках (explicit), которые написаны красными чернилами, буква *s*круглая.

Буква *f*(равно как и длинное *s)*имеет расщепление в верхней части; от его начала отходит направо поперечный язычок, лежащий на нижней строке («filiam» на седьмой строке recto, «flores» на четвертой строке verso).

Правая часть буквы *r*спускается до нижней строки, что делает букву похожей на *p*(«egressus imperialis» на девятой строке recto, «flores» на четвертой строке, «prato» на пятой строке, «coronam» на шестой строке verso).

Наконец, буква *a*– закрытая, причем ее брюшко доходит до верха наклонной ножки.

Таковы особенности наиболее характерных букв в шрифте Лозаннского фрагмента. Вообще же каждая буква в отдельности и весь шрифт в целом отличаются выдержанностью стиля и высоким графическим искусством. Кодекс, от которого сохранилась доныне только половинка последнего листа, был дорогой и нарядной книгой, исполненной твердой рукой опытного переписчика. Такая работа могла родиться скорее всего в крупном монастырском скриптории с развитыми традициями письма. Есть предположение, что Лозаннский фрагмент является частью кодекса, вышедшего из мастерской письма аббатства Фульды[186].

Если теперь сравнить шрифт Лозаннского фрагмента с шрифтом тех трех строк Гейдельбергского кодекса, которые издал Фр. Вилькен, то можно сказать следующее. Характер письма, его дукт, особенности рисунка букв у них общее. Естественно признать письмо Лозаннского фрагмента и Гейдельбергского кодекса (в части его трех строк) однородным; это известное, встречающееся в ряде рукописей островное письмо, красивый островной минускул. Однако на фоне общего сходства имеются незначительные расхождения в очертаниях немногих букв. Например: буква *a*Лозаннского фрагмента – закрытая, с брюшком, доходящим, как правило, до верха наклонной ножки, а на таблице Вилькена закрытое *a*приближается к начертанию каролингского минускула, так как правая ножка этой буквы в ряде случаев возвышается над брюшком. Длинного минускульного *d*, которое встречается на Лозаннском фрагменте в начале слов, нет на таблице Вилькена (из-за краткости образца). Буква *e*на Лозаннском фрагменте часто возвышается своей петлей над верхней строкой, чего не видно на таблице Вилькена (здесь эта буква попадается девять раз). Отмеченные различия в буквах не снимают окончательно остроумного предположения (М. Бессон), что Лозаннский фрагмент представляет собой часть последнего листа погибшего Гейдельбергского кодекса № 921, тем более что столь длинную рукопись, каким был кодекс, содержавший оба произведения Иордана, могли писать несколько переписчиков.

Приложение III
Палермский кодекс (CODEX PANORMITANUS («CODICE BASILE»))

В 1929 г. появилась небольшая заметка, в которой сообщалось, что Государственный архив в Палермо получил неизвестную до того рукопись, содержащую «Getica» Иордана. По фотографии одной из страниц этой рукописи автор заметки Эд. Штамер датировал ее концом IX в. и предположил, что она происходит из Англии на том основании, что написана англосаксонским письмом и близка к Кэмбриджскому кодексу из Trinity College (0.4.36), хотя последний и датируется XI в.[187]

Эти скудные сведения о ценнейшем манускрипте, значение которого возрастает еще оттого, что наиболее ранняя рукопись, содержащая «Getica» Иордана (а именно Гейдельбергский кодекс VIII в.), погибла при пожаре, остались незамеченными. Со времени появления указанной заметки в печати не было сказано ни слова о замечательном кодексе Палермского архива, пока не

появилась работа Франческо Джунта, опубликованная в 1946 г. [188] Позднее тот же автор поместил в конце своей книги «Jordanes e la cultura dell'alto Medioevo» (Palermo, 1952) обстоятельное приложение под названием «II ms. dei „Getica" nell'Archivio di Stato di Palermo» (p. 187—202). Приложение к книге Джунта, хотя и не сопровождаемое иллюстрациями, представляет собой тщательно сделанное, но очень сжатое исследование Палермского кодекса как его палеографии, так и вопросов его происхождения и даты. Надо надеяться, что в скором времени итальянский ученый подготовит – как он сам заявил об этом – полное критическое издание, и новая рукопись «Getica» Иордана войдет в научный оборот.

Здесь мы имеем целью дать лишь общую характеристику этой рукописи[189], исследованной пока только в работах Джунта.

После длительных скитаний, обычных в судьбе древних рукописей, Палермский кодекс был приобретен в 1925 г. историком Нино Базиле, который в октябре 1927 г. преподнес его в дар Государственному архиву в Палермо. В архиве и стали называть новый кодекс «кодексом Базиле» – «codice Basile».

Размер Палермского кодекса 327x251 мм. Материал – пергамен. Книга имеет 12 листов, т. е. 24 страницы. Текст расположен двумя столбцами на каждой странице (всего 48 столбцов). Почерк убористый, так что в столбце умещено по 45—50 строк и даже более.

Сохранность кодекса хорошая. Пострадал только первый лист, наружный верхний угол которого погиб, по-видимому, от воздействия сырости. Кое-где на листах имеются небольшие неправильной формы отверстия. Других повреждений незаметно; чернила сохранили цвет, и письмо целиком доступно для чтения.

«Codice Basile» содержит, к сожалению, не весь текст «Getica» Иордана. Текст обрывается на сообщении о походе императора Майориана (457—461) против аланов, напавших на Галлию. Последние слова: «contra Alanos qui Gallias...». Таким образом, в Палермском кодексе сохранилось около четырех пятых всего сочинения Иордана или, соответственно изданию Моммсена, в нем имеются § 1—236 (стр. 61—105) и отсутствуют § 236 (с половины) – 316 (стр. 105—121). Между прочим, не сохранились строки § 266, в котором Иордан говорит о себе и называет загадочное имя «Alanoviiamuthis».

На рис. 4 дана репродукция той страницы, где сообщаются сведения о местах расселения венетов, склавенов и антов (строки 34—44 левого столбца); выше – текст с упоминанием Каспийского моря, гуннов, Скифии, причерноморских городов (строки 16—18), Данубия, Понтийского моря, Мэотиды. На строках 38—39: «а

civitate Novietunense et lacu qui appellatur Mursiano». Текст этой страницы соответствует Get., § 30—41.

На рис. 5 дана репродукция страницы, содержащей генеалогию готских королей; здесь передается интересная транскрипция имен (например, строки 25, 27, 29—30 левого столбца: Hermenerig; Vinitarius и рядом Venetharius; Thiudimer, Valamir et Vidimir; Theodericus и др.). Текст этой страницы соответствует Get., § 76—79.

На рис. 6 дана репродукция страницы, содержащей описание наружности гуннов (строки 15—34 левого столбца), сообщения о смерти Германариха и нападении гуннов на остроготов, о переходе везеготов через Дунай и др. Текст этой страницы соответствует Get., § 125—134.

На рис. 7 дана репродукция страницы, содержащей детальное описание города Равенны (вся верхняя половина правого столбца), рассказ о движении Алариха в Италию и др. Текст этой страницы соответствует Get., § 143—154.

Письмо «Godice Basile» одинаково на протяжении всей рукописи. С достаточной убедительностью Джунта показал, что оно является докаролингским минускулом типа Боббьо (la scrittura è una minuscola precarolina bobbiese)[190], т.е. принятым писцами Боббьо, одного из самых известных раннесредневековых монастырей, находившегося в северо-западной Италии (южнее реки По и города Пьяченцы). Основанный в начале VII в. выходцами из Ирландии во главе с Колумбаном, Боббьо был знаменит своей библиотекой и скрипторием, хранившим ирландские традиции. Созданный, по всей вероятности, в Боббьо Палермский кодекс имеет на себе отпечаток приемов, вкуса и даже произношения ирландских писцов, но вовсе не повторяет в точности островного письма ирландского или англосаксонского. Письмо «Godice Basile» как бы объединяет (органически) ирландский и италийский шрифты, но с определенным преобладанием последнего в виде элементов хорошо известного римского полукурсива, широко применявшегося в Боббьо[191]. Общий характер письма «Codice Basile» в известной мере сходен с письмом двух кодексов, происходящих из Боббьо; это трактат «De spiritu sancto» Амвросия, VII– VIII вв.[192] и «Этимологии» Исидора Севильского, VIII в.[193] Фр. Стеффенс определяет это письмо как «ирландско-италийское», иногда как «северно-итальянский минускул». Стеффенсу в этом вопросе следует О. А. Добиаш-Рождественская: «Старое итальянское книжное письмо – прямое продолжение римского курсива. Оно оставило больше всего следов на севере, подверглось во многих разновидностях влиянию ирландских писцов Боббьо»[194]. Джунта видит в письме «Codice

Basile» три влияния: письма ирландского с элементами полуунциала, письма унциального и письма полукурсивного[195].

Наиболее характерной буквой в палеографии Палермского кодекса является буква *a*открытой формы, похожая на *u*.Слова *amala*, *albanos, thanais* и другие при первом взгляде могут быть прочтены как *umula, ulbunos, thunuis*. Подобные примеры открытого *a*встречаются во всех указанных выше образцах боббийского полукурсива[196].

Характерную черту островного письма следует отметить в вытянутых хастах букв *b, h, l*и иногда *d*(хотя последнее в «Codice Basile» чаще**имеет** круглую унциальную, а не прямую форму): они слегка утолщены на верхних концах и порой немного изогнуты.

Буква *e*либо укладывается в ряд с другими буквами и имеет унциальную форму, либо – и это чаще – выдвигается петлей выше строки, особенно в лигатурах.

Буква *f*длинная с толстой поперечной чертой, тянущейся к следующей букве.

Бросается в глаза резко выписанная буква *g*в полуунциальной форме.

Сходны между собой длинное *r*и длинное *s,*но у первой буквы правая ее часть несколько опускается вниз, у второй же иногда загибается в легкий завиток.

Буква *t*обыкновенна, но принимает вид с в многократной лигатуре с *i* = *ti.*

Буквы *u*и *v*одинаковы и сходны с открытым *a*.

В общем почерк «Codice Basile» очень выдержан; привыкнув к нему, его можно читать без особого труда. Аббревиатуры (близкие ирландским правилам) не очень многочисленны и несложны; они преимущественно относятся к контракционным (per contractionem), реже к суспенсионным (per suspensionem).

В некоторых особенностях написания слов, выдающих иностранца, Джунта замечает ирландские черты и полагает, что писец, переписывавший «Codice Basile», был ирландцем, работавшим в Италии, в данном случае – в Боббьо[197].

Данное здесь беглое описание Палермского кодекса уже подсказывает его дату. Это скорее всего VIII в. Джунта датирует «Codice Basile» концом VIII—началом IX в.: «Pensiamo, che il codice fu scritto tra la fine del secolo VIII e l'inizio del IX, nell' epoca carolingia...» (p. 197). Он ссылается на сходство «Codice Basile» с рукописью из монастыря Санкт-Блазиен, которую В. Арндт[198] датирует IX в., и усматривает небольшую разницу с рукописью Национальной библиотеки в Неаполе (раньше Vindob. 16, Lat. 2), которую А. Хруст датирует VIII в.[199]

В заключение следует указать, какое место занимает «Codice

Basile» в группах рукописей, классифицированных Моммсеном в его Prooemium к изданию «Romana» и «Getica». «Codice Basile» принадлежит к третьему классу рукописей, т. е. к группе, содержащей только «Getica»[200]. Моммсен работал над двумя кодексами этой группы: Кэмбриджским (XI в.) и Берлинским (XII в.). К ним он причислял еще Аррасский (Atrebatensis). Как известно, оба первые кодекса сгорели, последний же и при Моммсене был утерян. Теперь представителем этой группы является «Codice Basile», к тому же более ранний, чем погибшие рукописи.

В связи с пополнением третьего класса рукописей экземпляром «Codice Basile» Джунта изменил схему, в которой Моммсен показал преемственность рукописей[201]. На основании исследования текста Джунта полагает, что Палермский кодекс исходит непосредственно из архетипа третьего класса и поэтому становится в ряд с одним из древнейших (хотя и давно утерянных) кодексов с «Getica» Иордана. Это – список начала VIII в., принадлежавший Вандону, аббату (в течение 742—747 гг.) нормандского монастыря Fontanella (иначе – монастыря св. Вандрегизила, St. Vandrille). В «Gesta abbatum Fontanellensium»[202]сказано, что Вандон подарил своему монастырю множество книг (codicum copiam non minimam) и что между ними была «Historia Jordannis episcopi Ravennatis ecclesiae de origine Getarum».

Если Моммсен, готовя свое издание сочинений Иордана, писал о погибшем Гейдельбергском кодексе VIII в., что он был лучшим из всех, «codex omnium optimus», то теперь эти же слова надо отнести к «Codice Basile», лучшей в наши дни и древнейшей рукописи с текстом «Getica» Иордана.

Литература

Аммиан Марцеллин, *История*, вып. 1—3, пер. и предисл. Ю. А. Кулаковского, Киев, 1906—1908 (2-е издание – СПб, «Алетейя», 1996).

Ангелов Д., *Сведения за славяните у византийските писатели*, – «Исторически преглед», II, 1945—1946, стр. 240—244.

Арсений, *Готская епархия в Крыму*, – ЖМНП, 165, 1873.

Артамонов М. И., *Венеды, Невры и Будины в славянском этногенезе*, – «Вестник Ленинградского университета», 1946, № 2, стр. 70—96.

Баришић Ф., *Када и где су написани Псеудо-Цезарщеви Диалози*– «Зборник радова Византолошки институт САН», 1, Београд, 1952, стр. 29—51.

Баришић Ф., *О најстарији Прокопјевој вести о Словенима*, – «Зборник радова Византолошки институт САН», 2, 1953, стр. 25—31.

Беркут Л. Н., Зачатки местной историографии в ранних варварских государствах. Остготы и вестготы. Вандалы, – «Труды исторического факультета Киевского университета», 1, 1939.

Богуш Сестренцевич С., *История о Тавриии*, т. I, СПб., 1806.

Брайчевский М. Ю., *Антский период в истории восточных славян*, – «Археологія», 1952, вып. VII, Киев, стр. 21—42.

Брайчевский М. Ю., *Об антах «Псевдомаврикия»*, – «Советская этнография», 1953, № 2, стр. 21—36.

Браун Ф. А., Разыскания в области гото-славянских отношений, 1. Готы и их соседи до V в., СПб., 1899.

Брун Ф. К., *Нечто о Добрудже*, – Сб. «Черноморье», т. I, Одесса, 1879, стр. 33—47.

Брун Ф. К., *Остров Певки*, – Сб. «Черноморье», т. I, Одесса, 1879, стр. 48—59.

Брун Ф. К., *Черноморские готы и следы долгого их пребывания в южной России*, – Сб. «Черноморье», т. II, Одесса, 1880, стр. 189—241.

Вайнштейн О. Л., *Этническая основа так называемых государств Одоакра и Теодориха*, – «Историк-марксист», 1938, № 6, стр. 134—158.

Васильев А. А., *Готы в Крыму. I. Ранняя пора христианства и эпоха переселения народов*, – «Известия Рос. Академии истории материальной культуры», т. I, 1921, стр. 1—80.

Васильев А. А., *Готы в Крыму. II. Время византийского, хазарского и русского влияния* (*с VI до нач. XI в.*), – «Известия Рос. Академии истории материальной культуры», т. V, 1927, стр. 179

—254.

Вестберг Ф., *К анализу восточных источников о Восточной Европе*, – ЖМНП, февраль 1908, стр. 364—412; март 1908, стр. 1—52.

Вестберг Ф., *О передвижении лангобардов*, – «Записки Академии наук», сер. V11I, Историко-филологическое отделение, т. VI, № 5, 1904.

Голубцова Н. И., *Италия в начале V в. и вторжение Аларихa в Рим*, – ВДИ, 1949, № 4, стр. 62—74.

Готье Ю. В., Железный век в Восточной Европе, М.—Л., 1930.

Греков Б. Д., *Киевская Русь*, М., 1949.

Дилигенский Г. Г., *Аграрные отношения в вандальском королевстве*, – ВВ, XI, 1956, стр. 5—28.

Дмитрев А. Д., Движение багаудов (К истории революционного движения рабов в Римском государстве в III в. н. э.), – ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 101—114.

Дмитрев А. Д., Движение latrones как одна из форм классовой борьбы в Римской империи, – ВДИ, 1951, № 4, стр. 61—72.

Дмитрев А. Д., *Движение скамаров*, – ВВ, V, 1952, стр. 3—14. Дмитрев А. Д., К вопросу об агонистиках и циркумцеллионах, – ВДИ, 1948, № 3, стр. 66.

Дмитрев А. Д., Падение Дакии. (К вопросу о связи освободительных движений в Римской империи с вторжениями варваров), – ВДИ, 1949, № 1, стр. 76—85.

Дмитрев А. Д., *Социальные движения в Римской империи в связи с вторжениями варваров*, Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, Л., 1950.

Дуйчев И., *Балканският Югоизток през първата половина на VI в. Начални славянски нападения*(резюме: «Das europäische Südosten während der ersten Hälfte des VI Jahrh»), – «Беломорски преглед», I, София, 1942, стр. 229—270.

Дьяконов А. П., *Известия Псевдо-Захария о древних славянах*, – ВДИ, 1939, № 4, стр. 83—90.

Дьяконов А. П., Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах. VI—VII вв., – ВДИ, 1946, № 1, стр. 20—34.

Жебелев С. А., Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи, М. —Л., 1953.

Жебелев С. А., *Что понимать под Борисфеном в IosPE*, 24, – Сб. «Ольвия», т. I, Киев, 1940.

Забелин И. Е., *Заметка о древности днепровского Олешья*, – «Археологические известия и заметки», М., 1895, № 1, стр. 1—3.

Златарски В. Н., Насельяване Словена на Балканском полуострову. Книга о Балкану I, София, 1936, стр. 82—100.

[Константин Порфирородный] «Известия византийских писателей о Северном Причерноморье» (выпуск первый), – ИГАИМК, вып. 91, М.—Л., 1934.

Корсунский А. Р., *Движение багаудов*, – ВДИ, 1957, № 4, стр. 71—87.

Корсунский А. Р., К вопросу о византийских завоеваниях в Испании VI—VII вв., – ВВ, XII, 1957, стр. 31—45.

Корсунский А. Р., *О колонате в Восточной Римской империи V—VI вв.*, – ВВ, IX, 1956, стр. 45—77.

Кулаковский Ю. А., *Аланы по сведениям классических и византийских писателей,* – «Чтения в историческом обществе Нестора Летописца», кн. 13 Киев, 1899.

Кулаковский Ю. А., Епископа Феодора «Аланское послание». 300, 21, 1898.

Кулаковский Ю А., *Где начинается территория славян по Иордану?* – ЖМНП, Март, 1905, стр. 123—136.

Кулаковский Ю. А., *История Византии,* т. I (395—518), изд. 2, Киев 1913; т. II (518—602), изд. I, Киев, 1912.

Кулаковский Ю. А., *К вопросу об имени города Керчи,* —«Сборник статей в честь Ф. Е. Корша», М., 1896.

Кулаковский Ю. А., *Славянское слово«плот» в записях византийцев,* – ВВ, VII, 1900, стр. 107—112.

[В. В. Латышев] «Scythica et Caucasica», – «Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе», т. I, «Греческие писатели», СПб., 1893: т. II, «Латинские писатели», СПб., 1906.

Левченко М. В., *Византия и славяне в VI—VII вв.,* —ВДИ, 1938 № 4, стр. 23—48.

Левченко М. В., Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв., – «Византийский сборник», М.—Л., 1945 стр. 12—95.

Левченко М. В., Церковные имущества V—VI вв. в Восточно-Римской империи, – ВВ, II, 1949, стр. 11—59.

[Маврикий] *«Из Стратегикона Маврикия»,* пер. С. А. Жебелева и С. П. Кондратьева, – ВДИ, 1941, № 1, стр. 253—257.

Маврикий, *Тактика и стратегия,* пер. капитана Цыбышева, СПб., 1903.

Мавродин В. В., *К вопросу об антах Псевдо-Маврикия,* —«Советская этнография», 1954, стр. 32—41.

Мацулевич Л. А., Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховье реки Суджи, – ИГАИМК, вып. 112, М.—Л., 1934.

Машкин Н. А., К вопросу о революционном движении рабов и колонов в Римской Африке, – ВДИ, 1949, № 4, стр. 51—61.

Мишулин В. И., Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи, – ВДИ, 1939, № 1, стр. 290—307.

Мишулин В. И., Материалы к истории древних славян. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э., – ВДИ, 1941, № 1 (14), стр. 230—280.

Нидерле Л., *Славянские древности,* пер. с чешского, М., 1956.

Пичета В. И., Славяно-византийские отношения в VI—VII вв. в освещении советских историков (1917—1947), – ВДИ, 1947, № 3, стр. 95—99.

Погодин А. Л., *Эпиграфические следы славянства,* —«Сборник статей по археологии и этнографии», СПб., 1902, стр. 163—165.

Преображенский А. Г., *Этимологический словарь русского языка,* I—II, М., 1959 (репродуцировано с издания 1910—1914 гг.).

[Приск] *«Сказания Приска Панийского»,* пер. с греческого С. Дестуниса, – «Ученые записки 2-го отделения Академии наук», кн. VII, вып. 1, СПб., 1861.

[Прокопий] «История войн римлян с вандалами», пер. С. Ю. Дестуниса, – «Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета», ч. 28, 1891.

[Прокопий] «История войн римлян с персами», пер. С. Ю. Дестуниса, – «Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета», ч. 1, 1876; ч. 6, 1880.

«Прокопий из Кесарии. Война с готами», пер. С. П. Кондратьева, вступ. статья З. В. Удальцовой, М., 1950.

Ременников А. М., Борьба племен Северного Причерноморья с Римом, М., 1954.

Рыбаков Б. А., *Анты и Киевская Русь,* – ВДИ, 1939, № 1, стр. 319– 337.

Рыбаков Б. А., *Ремесло древней Руси,* М., 1948.

Середонин С. М., *Историческая география,* Пг., 1916.

Синезий Киренский, О *царстве,* пер. и предисл. М. В. Левченко, – ВВ, VI, 1953, стр. 337—357.

Сиротенко В. Т., Взаимоотношения племен и народностей Северного Причерноморья и Подунавья с Византией, Автореферат диссертации. М., 1954.

Скржинская Е. Ч., *«История» Олимпиодора,* пер., ст., прим. и указ., – ВВ, VIII, 1956, стр. 223—276.

Скржинская Е. Ч., О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне. (Из комментария к Иордану), – ВВ, XII, 1957, стр. 2—30.

Смирнов В. В., «Гетика» Иордана как памятник поздней латыни (фонетика и грамматика). Автореферат диссертации, М., 1956.

Смирнов В. В., *Готский историк Иордан,* – «Ученые записки

Казанского гос. педагогического института», вып. 11, 1956, стр. 149—161.

Спицын А. А., *Древностиантов*, – «Сборник в честь акад. А. И. Соболевского», Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР, 101, М.—Л., 1928, стр. 492—495.

Спицын А. А., *Фаларыюжной Россиц,* —ИАК, вып. 29, 1909.

[Тацит] *«Сочинения Корнелия Тацита»,* пер., прим., статья о Таците и его сочинениях В. И. Модестова, т. 1—2, СПб., 1886—1888.

Толстов С. П., «Нарцы» и «волхи» на Дунае. (Из историка-этнографических комментариев к Нестору), – «Советская этнография», 1948, № 2, стр. 8—38.

Третьяков П. Н., *Анты и Русь,* – «Советская этнография», 1947, № 4, стр. 71—83.

Третьяков П. Н., *Восточнославянские племена,* изд. 1, М., 1948; изд. 2, М., 1953.

Удальцов А. Д., *Основные вопросы этногенеза славян,* —«Советская этнография», 1947, № 6—7, стр. 3—13.

Удальцов А. Д., *Племена европейской Сарматии II в. н. э.,* – «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 41—50.

Удальцова З. В., Италия и Византия в VI веке, М., 1959.

Удальцова З. В., К вопросу о мелком свободном землевладении в Италии накануне византийского завоевания, – ВВ, XI, 1956, стр. 29—54.

Удальцова З. В., Классовая борьба в Италии накануне византийского завоевания, – ВВ, X, 1956, стр. 9—26.

Удальцова З. В., Крупное светское и церковное землевладение в Италии VI в. – ВВ, IX, 1956, стр. 78—116.

Удальцова З. В., Народные движения в Северной Африке при Юстиниане, – ВВ, V, 1952, стр. 15—48.

Удальцова З. В., Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане, – ВВ, VI, 1953, стр. 88—112.

Удальцова З. В., *Сельское зависимое население Италии VI в.* – ВДИ, 1955, № 3, стр. 85—117.

Удальцова З. В., Социально-экономические преобразования в Италии в период правления Тотилы, – ВВ, XIII, 1958, стр. 9—27.

Успенский Ф. И., *История Византийской империи*, I, СПб., 1912.

Феофилакт Симокката, *История*. Вступ. статья Н. В. Пигулевской, пер. С. П. Кондратьева, прим. К. А. Осиповой, – «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы», М., 1957.

Шафарик П. И., *Славянские древности,* т. 1—11, М., 1848.

Шахматов А. А., Древнейшие судьбы русского племени, Пг.,

1919.

Alföldi A., *Der Untergang der Römerherrschaft in Pannomen*, Bd. I—II, Berlin-Leipzig, 1924—1926.

Bachmann A., *Zu Jordanis*, – NA, Bd 23, Hannover—Leipzig, 1898, S. 175—176.

Balzani U., Le cronache italiane nel Medio evo, Milano, 1909.

Bergmüller L., *Einige Bemerkungen zur Latinität des Jordanes*, – Programm des Gymnasiums bei St. Anna in Augsburg, 1903.

Berneker E., *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, I, Heidelberg, 1908– 1913.

Bessel W., *Gothen*, – «Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste», hrsg. von J. S. Ersch und J. G. Gruber, I. Sektion, 75. Teil, Leipzig, 1862, S. 98—242.

Besson Mar., L'art barbare dans l'ancien diocèse de Lausanne, Lausanne, 1909.

Bianchi D., *Note sui «Getica» di Giordano e le loro clausule*, – «Aevum», anno XXX, 1956, fasc. 3, Milano, 1956.

Bierbach E., *Die letzten Jahre Attilas*, Berlin, 1906.

Birt Th., Charakterbilder Spätroms und der Entstehung der modernen Europa, Leipzig, 1919.

Boehmer H., «*Wulfila*», – «Realencyklopädie für protestantische Theologie», 3. Aufl. Bd 21, 1908, S. 548—558.

Boguslawski W., Rozpatrzenie textu Jordanesa o granicach Slowian w polowie VI wieku, – «Roczniki Tow. Przyj. Nauk», 20, 1894.

Boissier G., *La fin du paganisme*, Paris [s. a.].

Bury J. B., A History of the later Roman Empire from the death of Theodosius I to the death of Justinian I (395—565), I—II, London, 1923; 2nd ed. , New York, 1958.

Cantarelli L., *L'ultimo rifugio di Romolo Augustulo*, – «Historia», II, 1928, p. 185—190.

Cassel S., *Magyarische Altertümer*, Berlin, 1848, S. 293—310.

Cessi R., «*Regnum*» e«*Imperium*» *in Italia*, I, Bologna, 1919.

Cipolla C., *Considerazioni sut concetto di stato nella monarchia di Odoacre,* – «Rendiconti d. R. Accademia dei Lincei», classe moral-stor., 5a serie, XX, Roma, 1911.

Cipolla C., Considerazioni sulle Getica di Iordanes e sulle loro relazioni colla Historia Getarum di Cassiodoro, «Memorie della R. Accademia di Torino», 2a serie, t. 43, Torino, 1893, p. 99—134.

Cipolla C., *Della occasione in cui Ennodio compose il suo Panegirico a re Teodorico,* —«Archivio storico italiano», 4a série, t. XI, Firenze 1883, p. 351– 353.

Cipolla C., Della supposta fusione degli Italiani coi Germani nei primi secoli del Medio Evo, – «Rendiconti d. R. Accademia dei Lincei»,

5a serie, IX, Roma, 1901.

Courtois Chr., *Les Vandales el l'Afrique,* Paris, 1955.

Dagron G. et Marin L., Discours utopique et récit des origines. 1. Une lecture de Cassiodore—Jordanès: les Goths de Scandza à Ravenne. – 2. De l'«Utopia» de More à la Scandza de Cassiodore—Jordanès. – Annales. Economies, sociétés, civilisations. Mars—avril 1971, N 2. pp. 290—327.

Dahn F., *Die Könige der Germanen,* I—XII, München, 1861—1909.

Dahn F., *Jordanis,* —«Allgemeine Deutsche Biographie», Bd XIV, Leipzig, 1881, S. 522—526.

Deanesley Margaret, A History of early medieval Europe (476—911), London, 1956.

Delbrück R., *Die Consulardiptychen,* Berlin—Leipzig, 1929.

Demougeot E., De l'unité à la division de l'Empire romain. Paris, 1951.

Diculescu C. C., Die Wandalen und die Goten in Ungarn und Rumänien, Leipzig, 1923.

Diculescu C. C., Die Gepiden. Forschungen zur Geschichte Daziens im frühen Mittelalter und zur Vorgeschichte des rumänischen Volkes, Bd I, Halle– Leipzig, 1923.

Diesner H.–J., *Spätantike, Widerstandsbewegungen: das Circumcellwnentum,* – «Aus der byzantinischen Arbeit der Deutschen Demokratischen Republik», Bd I, hrsg. von Johannes Irmscher, Berlin, 1957, S. 106—112.

Dolger F., *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches,* – «Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit», Serie I, l, München, 1941.

Dujcev Iv., *Le témoignage du Pseudo-Césaire sur les slaves,* —«Slavia antiqua», IV, 1953, p. 193—209.

Dumoulin, M., Le gouvernement de Théodoric et la domination des Ostrogoths en Italieďaprès les oeuvres ďEnnodius, – «Revue historique», 78, 1902.

Dvornik F., The Making of Central and Eastern Europe, London, 1949.

Dvornik F., The Slavs, their early history and civilization, Boston, 1956.

Ebert Ad., Allgemeine Geschichte der Literatur des Mittelalters im Abendlande, Bd I. «Geschichte der christlichlateinischen Literatur von ihren Anfängen bis zum Zeitalter Karls des Grossen», 2. Aufl., Leipzig, 1889.

Ensslin W., *Einbruch in die antike Welt: Völkerwanderung,* – «Historia mundi Ein Handbuch der Weltgeschichte», begründet von Fr. Kern, hrsg. von Fr. Valjavec, Bd 5: «Frühes Mittelalter», Bern, 1956, S. 78—132.

Ensslin W., Germanen... Das Römerreich unter germanischer Waltung von Stilicho bis Theoderich, – «Das Neue Bild der Antike», II, Berlin, 1942.

Ensslin W., *Theoderich der Grosse,*München, 1947.

Ensslin W., *Die Ostgoten in Pannomen,* —«Byzantinisch—Neugriechische Jahrbücher», VI, 1927—1928.

Ensslin W., *Des Symmachus Historia Romana als Quelle für Jordanes,* – «Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften», Philos.-hist. Abt., Jahrg. 48, Heft 3, München, 1949.

Ensslin W., *Zu den Grundlagen von Odoakers Herrschaft,* —«Serta Hoffileriana», Agram, 1940.

Erhardt L., Jordanis Romana et Getica recensuit Theod. Mommsen (Monumenta Germaniae Historica Auctorum antiquissimorum tomi V pars prior, Berlin, 1882, LXXIV, 200 S), – «Göttingische gelehrte Anzeigen», II, [1] 17, Göttingen, 15 Aug., 1886. S. 669—708.

Fiebiger O. u. Schmidt L., *Inschriftensammlung zur Geschichte der Ostgermanen,* —«Denkschriften der Akademie der Wissenschaften in Wien», Philos.-hist. Kl., Bd 60, Wien—Leipzig, 1917.

Fiebiger O., *Inschriftensammlung zur Geschichte der Ostgermanen. Neue Folge,* —«Denkschriften der Akademie der Wissenschaften in Wien», Philos.-hist. Kl., Bd 70, Abhandung 3, Wien—Leipzig, 1939.

Förster M., *Der Name der Donau,* —«Zeitschrift für slavische Philologie», I, Leipzig, 1925.

Friedrich J., *Über die kontroversen Fragen im Leben des gothischen Geschichtschreibers Jordanes.* —«Sitzungsberichte der philosophisch-philologichen und der historischen Klasse der Akademie der Wissenschaften zu München», Jahrg. 1907, München, 1908, S. 379—442.

Friesen O., *Sopra un passo della descrizione della Scandinavia di Jordanes,* —«Strena philologica uppsaliensis. Festskrift tillägnad prof. Per Persson», Uppsala, 1922.

Gaudenzi A., *L'opera di Cassiodoro a Ravenna,* —«Atti e memorie della R. Deputazione di soria patria per le provincie di Romagna», 3a serie, t. III, 1885, p. 235—334; t. IV, 1886, p. 426—463.

Gauthier E. F., *Geiserich, König der Wandalen,*Frankfurt a. M., 1935.

Gelzer H., Μέδος *bei Priskos,* – BZ, 24, 1924, S. 313—314.

Giunta Fr., Considerazioni sulla vita e suite opere di Jordanes, – «Italica», XXV, 1948.

Giunta Fr., *Jordanes e la cultura dell'alto Medioevo. Contributo allo studio del problema gotico,*Palermo, 1952; рецензия: Ch. C. Mierow, «Speculum», 28, N 3, 1953, p. 568—571.

Giunta Fr., Il manoscritto delle Getica di Jordanes conservato nell' Archivio di Stato di Palermo, – «Archivio storico Siculo», 3a serie, I,

1946.

Gottlieb Th., Über mittelalterliche Bibliotheken, Leipzig, 1890; G. Meier, Nachträge zu Gotlieb...«Centralblatt für Bibliothekswesen», Jahrg.XX, Heft 1u. 2, Leipzig, 1903, S. 16—32.

Goubert P., *Byzance avant l'Islam,* t. I, Paris, 1951.

Grafenauer B., *Nekaj vprasanj iz dobe naseljevanja juznih Slovanov,* – «Zgodovinski casopis», IV, Ljubijana, 1950, стр. 23—126.

Grienberger Th., *Die nordischen Volker bei Jordanes,* —«Zeitschrift für deutsches Altertum», 47, Neue Folge, 35, Berlin, 1904.

Grienberger Th., *Die Vorfahren des Jordanes,* —«Germania. Vierteljahrschrift für deutsche Altertumskunde», Bd 34, Neue Reihe 22, Stuttgart—Wien, 1889, S. 406—409.

Grimm Jac., *Über Jomandes und die Geten,* —«Kleinere Schriften», III, Berlin, 1866, S, 171—235.

Grosse R., Römische Militargeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung, Berlin, 1920.

Grousset R., *L'Empire des steppes,* Paris, 1939.

Guilland R., *Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire Byzantin. Le consul,* ο ὑπατος, – Byz., XXIV, 1954, fasc. 2, Bruxelles, 1956, p. 545—578.

Gutschmid A., *Zu Jordanis,* —«Jahrbücher für classische Philologie», 8. Jahrg., Leipzig, 1862, S. 124—151; «Kleine Schriften», V, Leipzig, 1894, S. 293—336.

Halphen L., Les Barbares, des grandes invasions aux conquêtes turques du XI-e siècle, Paris, 1930.

Hartmann L. M., Geschichte Italiens im Mittelalter, I. (Das italienische Königreich), Gotha, 1897.

Hartmann L. M., Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien (540—750), Leipzig, 1889.

Hartmann L. M., *Der Untergang der antiken Welt,* I—III, Gotha, 1921– 1923.

Hauptmann L., Les rapports des Byzantins avec les Slaves et les Avares pendant la seconde moitié du VI s., – Byz., IV (1927—1928), Paris—Liège, 1929, p. 137—170.

Haury J., Zur Beurteilung des Geschichtschreibers Procopius von Cäsarea, München, 1896.

Hayes C. H., *An Introduction to the sources relating to the German invasions,* —«Studies in history of Columbia University», 33, 3, New York, 1942.

Herschell *Die Tetraxitischen Gothen,* – «Anzeiger für Kunde der deutschen Vorzeit», Neue Folge, VI, 1859.

Hodgkin Th., Italy and her invaders, I—VIII, Oxford, 1885—1889.
Hodgkin Th., Theodoric the Goth, the barbarian champion of civilization, New York—London, 1891.

Holder-Egger O., J. Friedrich, Über die kontroversen Fragen im Leben des gotischen Geschichtschreibers Jordanes (1907), – NA, 34, Hannover u. Leipzig, 1908—1909, S. 235—236.

Hoops J., Reallexikon der germanischen Altertumskunde, I—IV, Strassburg, 1911—1919.

Jordan H., Geschichte der altchristlichen Literatur, Leipzig, 1911.

Jordan Joh., Jordanes. *Leben und Schriften*– «Gymnasium zu Ansbach», 1843.

Jorga N., *La «Romania» danubienne et les barbares au VI siècle,* —«Revue belge de philologie et l'histoire», III, Bruxelles, 1924.

Kappelmacher A., *Jordanis,* – RE, Bd IX, 2, Stuttgart, 1916. S. 1908—1929.

Kappelmacher A., *Zur Lebensgeschichte des Jordanis,* – «Wiener Studien. Zeitschrift für klassische Philologie», 36. Jahrg., 1914, Wien, 1915, S. 181—188.

Kaufmann, G., *Kritische Untersuchungen der Quellen zur Geschichte Ulfilas,* – «Zeitschrift für deutsches Altertum», 27, 1883, S. 193—261.

Kiepert H., *Formae orbis antiqui.*36 Karten im Format von 52x64 cm mit kritischem Text und Quellenangabe zu jeder Karte. Bearbeitet und herausgegeben von Richard Kiepert, Berlin, 1906.

Koepke R., Deutsche Forschungen. Die Anfange des Königtums bei den Cothen, Berlin, 1859.

Körbs O., Untersuchungen zur ostgotischen Geschichte, Eisenberg, 1913.

Kudrnac J., *Slovane na uzemi byvale Dacie*, – «Vznik a pocatky Slovanu» I, Praha, 1956.

Labuda Ger., *Vidivarii Jordanesa*, – «Slavia Occidentalis», XIX, Poznan, 1948, p. 63—81.

Lamma P., Ricerche sulla storia e la cultura del VI secolo, Brescia, 1950.

Lamma P., *Teoderico nella storiografia bizantina*, – «Studi Romagnoli», 3, 1952, p, 87—95.

Latouche R., Les grandes invasions et la crise de l'Occident au V-e siècle, Paris, 1946.

Lemerle P., Invasions et migrations dans les Balkans depuis la fin de l'époque romaine jusqu'au VII siècle, – «Revie historique», 211, 1954, p. 265– 308.

Lot F., *La fin du monde antique et le début du moyen âge*, – «Histoire du moyen âge», publiée sous la direction de Gustave Glotz, t. X, Paris, 1927.

Lot F., Les invasions germaniques. La pénétration mutuelle du monde barbare et du monde romain, Paris, 1935.

Lukman N., *Ermanaric hos Jordanes of Saxo*, – «Stud. fra Sprog-og Oldtidsforskning», 58, № 298, Köbenhavn, 1949.

Maenchen-Helfen O., *The Legend of the origin of the Huns*, – Byz., XVII, 1944—1945, p. 244—251.

Manitius M., *Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters*, I. Teil, «Von Justinian bis zur Mitte des X Jahrhunderts», München, 1911.

Manitius M., *Geschichtliches aus mittelalterlichen Bibliotheken*, – NA, 32, Hannover—Leipzig, 1907, S. 651.

Markwart (Marquart) Jos., Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, Leipzig, 1903.

Martens W., *Iordanis Gothengeschichte*, – «Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit», 3. Aufl., 1913.

Martroye F., L'Occident à l'époque byzantine. Goths et Vandales, Paris, 1904.

Martroye F., Genséric. La conquête vandale en Afrique et la destruction de l'empire l'Occident, Paris, 1907.

Maspero J. «Φοιδερατοι»*et* «Στρατιωται»*dans l'armée byzantine au VI S*., – BZ, 21, 1912, S. 97—109.

Mazzarino V. S., *Stilicone. La crisi imperiale dopo Teodosio*, – «Studi pubblicati dal Istituto Italiano per la storia antica», III, Roma, 1942.

Mierow Ch. Chr., *The Gothic history of Jordanes*, London, 1915.

Mierow Ch. Chr., *Some remarks on the literary technique of the Gothic historian J*ordanes, – «Classical Weekly», Pittsburgh, XVI.

Mikkola J. J., *Poludniova granica Słowian u Jordanesa*, – «Symbolae gramm, in honorem Ioannis Rozwadowski», t. II, Kraków, 1928.

[Miller K.] «Mappae mundi». *Die ältesten Weltkarten, hrsg, und erläutert von Konrad Miller*, Heft I—VI, Stuttgart, 1895—1898.

Minasi G., *Cassiodoro Senators*, Napoli, 1895.

Momigliano A. *Gli Anici et la storiografia latino del VI sec*. – Rendiconti dell 'Acc. dei Zincei. Cl. morale, stor. etc. Ser. 8a, XI, 1956.

Mommsen Th., *Jordanis Romana et Getica. Prooemium,* —MGH, Auct. antiquiss., t. V, pars I, Berlin, 1882, p. V—LXXIII.

Mommsen Th., *Stilicho und Alarich,* – «Hermes», 38, 1903, S. 101—115; «Gesammelte Schriften», Bd IV, Berlin, 1906, S. 516—530.

Mommsen Th., *Aetius,* —«Hermes», 36, 1901, S. 516—547; «Gesammelte Schriften», IV, 1906, S. 531—560.

Mommsen Th., *Ostgothische Studien,* – NA, 14, 1889, S. 225—249; 453– 44; 15, 1890, S. 181—186; «Gesammelte Schriften», VI, Berlin, 1910, S. 362– 84.

Moore, Clifford H., *The Pagan reaction in the VI-th century,* – «Transactions and proceedings of the American philological association», 50, Boston, 1919.

Moravcsik Gy., Byzantinoturcica: I – «Die byzantinischen Quellen der Gecschichte der Türkvölker»; II – «Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen», – «Magyargörög tanulmanyok», 20, 21,

Budapest, 1942, 1943; 2 ed., Berlin, 1958.

Moravcsik Gy., *Attilas Tod in Geschichte und Sage,* —«Zeitschrift der Körösi Csoma-Gesellschaft», 2, 1926—1932, S. 83—116.

Moricca U., Storia delta letteratura latina cristiana, I—Ill, Torino, 1923—1934.

Müllenhoff K., *Deutsche Altertumskunde,*I—V, Berlin, 1870—1900; 2. Aufl., I, 1891; II, 1906; V, 1908.

Müllenhoff K., *Donau, Dunavъ, Dunaj,* —«Archiv für slavische Philologie», hrsg. von Jagic, I, Berlin, 1876, S. 290—298.

Nady T. La campagne ľAttila aux Balkans ef la valeur du Temoignage de Jordanes concernaut les Germains. – Acta antiqua Acad. Scaent. Hung. 4, 1956, p. 251—260.

Niederle L., *Manuel de ľantiquité slave,* I,Paris, 1923; II, Paris, 1926.

Niederle L., Rukovet slovanskych starozitnosti, Praha, 1953.

Niederle L., Slovanskè starozitnosti, II. Puvod a pocatky slovanu jiznich, Praha, 1906.

Niederle L., *Über die*Σπόροι *des Procop,* —«Archiv für slavische Philologie», 23, 1901, S. 130—133.

Norden E. Alt-Germanien. Völker– und Namengeschichtliche Untersuchungen. Berlin, 1934.

Olrik A., Ragnarök. Die Sagen vom Weltuntergang, Berlin—Leipzig, 1922.

Ostrogorsky G., Geschichte des byzantinischen Staates, München, 1952.

Ostrogorsky G., *Histoire de l'Etat byzantin.*Traduction française de J. Rouillard, enrichie de nombreuses additions par ľauteur, Paris, 1956.

Ostrogorsky G., *History of the Byzantine state.*Translated from the German Joan Hussey, New Brunswick—New Jersey, 1957.

Oxenstierna Eric C. G., *Die Urheimat der Goten,* —«Manus-Bücherei», Bd 73, Leipzig, 1945.

Paratore E., Storia della letteratura latina, Firenze, 1950.

Peisker T., *The Expansion of the Slavs,* – «The Cambridge medieval history», vol II, Cambridge, 1913, p. 418—458.

Pepe G., Il medioevo barbarico d'ltalia, Torino, 1942.

Pepe G., *Ilmediocvo barbarico d'Ewopa,*Milano—Verona, 1949.

Pfeilschifter G., *Theoderich der Grosso,*Mainz, 1910.

Picotti G. B., *Sulle relazioni fra re Odoacre e il Senato e la Chiesa di Roma*, – «Rivista storica Italiana», Ser. V, t. IV, Torino, 1939.

Polaschek E., *Noviodunum*, – RE, 33, Stuttgart, 1936, S. 1191—1194.

Rand E. K., *Founders of the Middle Ages*, Cambridge Mass., 1928.

Ranke L., *Weltgeschichte*, 4. Teil, 2. Abt. «Kaiser Justinian und die

definitive Festsetzung germanischer Völker im Westen des römischen Reiches» (Analecten, IV, «Jordanes», S. 313—327), Leipzig, 1883.

Reynold, *Gonzague de, Le monde barbare et sa fusion avec le monde antique*, t. II, «Les Germains et la formation de l'Europe», Paris, 1953.

Reynolds R. L., and Lopez, R. S., *Odoacer: German or Hun?*– «American Historical Review», 52, Oct. 1946, p. 36—53.

Rinaudo C., Le fonti della storia l'Italia dalla caduta dell'Impero Romano d'Occidentc all'invasione dei Longobardi (467—568), Torino, 1883.

Roesler R., *Über den Zeitpunkt der slavischen Ansiedlung an der unteren Donau*, – «Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften», Philos.-hist. Kl., Bd 73, Heft I, Wien, 1873.

Romano G., Solmi, A., Le dominazioni barbariche in Italia (395—888), Milano, 1940.

Romano Dom., Due storici di Attila. *Il greco Prisco e il goto Jordanes*, – «Antiquitas», a. 2, 1947, p. 65—71.

Rooth E., *Got. strawa «Gerüst, Paradebett»*, – «Annales Academiae scientiarum Fennicae», 84, 2, Helsinki, 1954, S. 37—52.

Rubin B., Theoderich und Justinian. Zwei Prinzipien der Mittelmeerpolitik, München, 1953.

Runkel F., *Die Schlacht bei Adrianopel*, Rostock, 1903.

Safarik P. J., *Slowanske starozitnosti*, Praha, 1837.

Salvatorelli L., L'Italia dalle invasioni barbariche al sec. XI. Milano, 1939.

Saria R., *«Neviodunum»*, – RE, 33, Stuttgart, 1936, S. 152—156.

Schanz M., *GeschichtederrömischenLiteratur*, – «Handbücher der Altertumswissenschaft», begr. v. Iwan von Müller, 8; Bd 4. l; 2 Aufl., München, 1914; Bd 4, 2, München, 1920.

Schirren C., De ratione que inter Jordanem et Cassiodorium intercedat commentatio, Dorpat, 1858.

Schmidt L., Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Die Ostgermanen, München, 1934.

Schnetz J., *Jordanes beim Geographen von Ravenna*, – «Philologus», Bd 31, 1925; NR, Bd XXXV, Leipzig, 1926.

Schuster M., Die Hunnenbeschreibungen bei Ammianus, Sidonius und Jordanis, – «Wiener Studien», 58, 1940, S. 119—130.

Schwarz E., *Flussnamen und Völkerbewegungcn in Oberpannonien*, – «Zeitschrift für slawische Philologie», I, Leipzig, 1925.

Schwarz E., *Germanische Stammeskunde*, Heidelberg, 1956.

Schwarz E., *Die Krimgoten*, – «Saeculum», 4, 1953, p. 156—164.

Schwarz E., *Zu Cassiodor und Prokop*, – «Sitzungsberichte d. bayerischen Akademie d Wissenschaften», Philos.-hist. Abt., 1939. Heft 2.

Seeck O., Geschichte des Untergangs der antiken Welt, I—VI,

Stuttgart, 1920—1923.

Sevin H., *Die Gepiden*, München, 1955.

Simson B., *Zu Jordanis*, – NA 22, Berlin, 1897, S. 741—747.

Šisić F., Geschichte der Kroaten, I (bis 1102), Zagreb, 1917

Stahlberg, *Beiträge zur Geschichte der deutschen Historiographie im Mittelalter. I. Jornandes*, – «Programm der höheren Bürgerschule zu Mülheim an der Ruhr», Mülheim, 1854.

Steffens Fr., *Lateinische Paläographie*, III, Freiburg (Schweiz), 1903.

Stein E., Geschichte des spätrömischen Reiches. I. Vom römischen zum byzantinischen Staate (284—476), Wien, 1928.

Stein E., Histoire du Bas-Empire. II. De la disparition de l'Empire l'Occident à la mort de Justinien (476—565), Paris—Bruxelles—Amsterdam, 1949.

Stein E., Untersuchungen über das Officium der Prätorianer Präfektur, Wien, 1922.

Sthamer Ed., *Eine neue Jordanes Handschrift in Palermo*, – «Forschungen u. Fortschritte», 5. Jahrg., 1929, N 4, S. 45.

Sundwall J., Abhandlungen zur Geschichte des ausgehenden Römertums, Helsinki, 1919.

Sybel H., *Entstehung des deutschen Königtums*, 2. Aufl., Frankfurt a. M., 1881.

Sybel H., De fontibus libri Jordanis de origine actuque Getarum, Berlin, 1838.

Tackenberg K., *Zu den Wanderungen der Ostgoten*, – «Mannus», Leipzig, 1930.

Terzaghi N., Storia della letteratura latina da Tiberio a Giustiniano, Milano, 1941.

Teuffel W. S., *Geschichte der römischen Literatur*, 5. Aufl. von L. Schwabe, Leipzig, 1890.

Thompson E. A., A History of Attila and the Huns, Oxford, 1948.

Thorbecke A., *Cassiodor Senator*, – «Programm des Heidelberger Lyzeums», 1867.

Torsten E. Karsten. *Les anciens Germains*, P. 1931.

Tymieniecki Kaz., *Droga Gotow na poludnie*, – «Archeologia», t. 3, Wroclaw, 1949—1952, S. 112—122, 425—427.

Usener Herm., *Anecdoton Holderi. Ein Beitrag zur Geschichte Roms in ostgothischer Zeit*, – «Festschrift zur Begrüssung der XXXII. Versammlung deutscher Philologen u. Schulmänner zu Wiesbaden», Bonn, 1877.

Vamos F., *Attilas Hauptlager und Holzpaläste*, – «Seminarium Kondakovianum», 5, Praha, 1932, S. 131—148.

Vasiliev A. A., *Histoire de l'Empire byzantin*, t. I, Paris, 1932.

Vasiliev A. A., *The Goths in the Crimea*, Cambridge Mass., 1936.

Vasmer M., Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slawen, I, Leipzig, 1923.

Vasmer M., *Russisches etymologisches Wörterbuch*, I—III, Heidelberg, 1953—1958.

Vassili L., Rapporti tra regni barbarici ed impero nella seconda metàdel quinto secolo, – «Nuova rivista storica», Milano, XXI, 1937.

Velkov V. *Das Schicksal einer frühbyzantinischen Stadt zur Zeit der Völkerwanderung* (Odessos—Varna am Schwarzen Meer) – Akten des XI. Internationalen Byzantinisten kongresses München 1958. Hrsg. von Fr. Dölger und H.-G. Beck. München, 1960, S. 654—659.

Vernadsky G., *Ancient Russia,*New Haven, Yale University press, 2d ed., 1943.

Vernadsky G., *Flavius Ardabur Aspar,* —«Südost-Forschungen», 6, Leipzig, 1941.

Vernadsky G., *Goten und Anten in Südrussland,* —«Südost-Forschungen», 3, Leipzig, 1938, S. 265—279.

Vernadsky G., *Note on the name Antes,* —«Journal of American Oriental society», 73, 1953.

Vernadsky G., *On the origins of the Antae,* —«Journal of American Oriental society», 59, 1939, p. 56—66.

Vernadsky G., The Spali of Jordanis and the Spori of Procopius, – Byz., 13, 1938, p. 263—266.

Vetter G., *Die Ostgoten und Theoderich,*Stuttgart, 1938.

Villari P., Le invasioni barbariche in Italia, Milano, 1901.

Vyver A. van de, *Cassiodore et son oeuvre,* —«Speculum», VI, l, Cambridge Mass., Jan. 1931, p. 244—292.

Wattenbach W., *Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, bis zur Mitte des dreizehnten Jahrhunderts,*Bd I, Siebente von Ernst Dümmler umgearbeitete Auflage, Stuttgart und Berlin, 1904.

Wattenbach—Levison., Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Vorzeit und Karolinger. Heft I – Die Vorzeit von den Anfangen bis zur Herrschaft der Karolinger, bearbeitet von W. Levison, Weimar, 1952.

Weibull L., *Skandza und ihre Völker in der Darstellung des Jordanis,* – «Archiv för Nordisk filologi», 41, 2, Lund, 1925, S. 213—246.

Werner F., Die Latinitat der Getica des Jordanes, Diss., Halle, 1908.

Werner J. *Beiträge zur Archäologie des Attila—Reiches.*A. Textteil B. Tafelteil. München, 1956 (Bayerische Akademie d. Wissenschaften. Philos.-Hist. Kl. Abhandlungen, Neue Folge, H. 38A–B).

Wolfflin Ed., *Zur Latinitat des Jordanes,* —«Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik», XI, Leipzig, 1900, S. 361—368.

Zeumer K., Geschichte der westgotischen Gesetzgebung, – NA, 23,

1898, S. 424—426.

Zeuss K., *Die Deutschen und die Nachbarstamme,*München, 1837; 2. Aufl., Heidelberg., 1925.

Zlatarski V., *Die Besiedelung der Balkanhalbinsel durch die Slaven,* – «Revue internationale des études balcaniques», II, Belgrade, 1936, p. 358—375.

Zupanić N. i *Der Anten Ursprung und Namen,* —«Actes du III-e Congres ďétudes byzantines», Athènes, 1932, p. 331—339.

Zupanić N., *K antskemu problemu,* —«Zgodovinski casopis», II—III, Ljubljana, 1948—1949, p. 145—152.

Список сокращений

ВВ – «Византийский временник».

ВДИ – «Вестник древней истории».

ЖМНП – «Журнал министерства народного просвещения».

ИАК – «Известия археологической комиссии».

ИГАИМК – «Известия Государственной академии истории материальной культуры».

КСИИМК – «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР».

ПСРЛ – «Полное собрание русских летописей».

Acta Sabae – «Acta s. Sabae Gotthi martyris in Cappadocia» — Acta Sanctorum Bolandiana, 12, April II.

Aed. – Procopius Caesariensis, *De aedificiis*, ed. J. Haury, vol. III, 2, Lipsiae, 1913.

Agath. – Agathias Myrinaeus, *Historiae*, ed. B. G. Niebuhr, – CSHB, Bonn, 1928; ed. L. Dindorf, – HGM, II, 1871, p. 132—392.

Agn. – Agnellus, Liber Pontificalis ecclesiae Ravennatis, ed. O. Holder-Egger,—MGH SS rer. Langob., 1878, p. 265—397; ed. Testi —Rasponi, 1924.

Ambr. Epist. – Ambrosius, Epistulae.—MPL, 14.

Amm. Marc. – Ammianus Marcellinus, *Rerum gestarum libri qui supersunt*, ed. V. Gardthausen, I—II, Leipzig, 1874—1875; ed. C. Clark, I—II, 1910– 1915, ed. J. C. Rolfe, I—III, Cambridge Mass., London, 1935—1939.

Anecd – Procopius Caesarensis, *Anecdota*, ed. J. Haury, vol. III, l, Lipsiae, 1906.

Anecdoton Holderi – Usener, Herm., *Anecdoton Holderi*. Ein Beitrag zur Geschichte Roms in ostgothischer Zeit, – «Festschrift zur Begrüssung der XXXII Versammlung deutscher Philologen u. Schulmänner zu Wiesbaden», Bonn, 1877, – MCH Auct. antiquiss., XII, 1894.

Anon. Vales. – Anonymus. Valesii, ed. V. Gardthausen, Leipzig,

1875, p. 280—305; ed. Th. Mommsen, – MGH Auct. antiquiss., IX, 1892, p. 306—328.

Aur. Vict. Epit. – Aurelius Victer, *Epitome de caesaribus,* ed. Fr. Pichimayr, Leipzig, 1911.

Auson. Epigr. – Ausonius Decimus Magnus, *Opuscula,* ed. C. Schenkl, – MGH Auct. antiquiss., V. 2 1883.

Bell. Goth. – Procopius Caesariensis, *Bellum Gothicum, ed.* J. Haury, vol. II, Lipsiae, 1905.

Bell. Pers. – Procopius Caesariensis, *Bellum Persicum,* ed. J. Haury, vol. I, Lipsiae, 1905.

Bell. Vand. – Procopius Caesariensis, *Bellum Vandalicum,* ed J. Haury, vol. I, Lipsiae, 1905.

Boeth. de consol. philos. – Boethius, Anicius Manlius Severinus, *De consolatione philosophiae,* ed. G. Weinberger. – CSEL, LXVII, 1934; ed. Peiper, 1871; ed. Stewart et Rand, 1918; ed. Forti—Scuto et Smith, 1925.

Byz. – Byzantion.

BZ – Byzantinische Zeitschrift.

Candid. – Candidus Isaurus, *Fragmenta,* ed. B. G. Niebuhr, – CSHB, Bonn, 1829, p. 472—477; HGM, I, 1870, p. 441—445; FHG, IV, 1868, p. 135—137.

Cass. Chron. – Cassiodorus Senator, *Chronica, ed.* Th. Mommsen, – MGH Auct. Antiquiss., XI, 1894, p. 120—161.

Cedren. – Cedrenus, Georgius, *Synopsis historiae, ed.* Imm. Bekker, – CSHB, Bonn, I—II, 1838.

Chron. Gall. – Chronica Gallica, ed. Th. Mommsen, – MGH Auct. antiquiss., IX, 1892, p. 629—666.

CIL – Corpus inscriptionum latinarum.

Claud. Carm. – Claudianus (Claudius Claudianus), *Carmina,* ed. Th. Birt.—MGH Auct. antiquiss., X, 1892, p. 260-283; ed. I. Koch, Leipzig, 1893; ed. A. Ludwich, Leipzig, 1897; ed. Platnauer, 1929.

Cons. Const. – Consularia Constantinopolitana, ed. Th. Mommsen, – MGH Auct. antiquiss., IX, 1892, p. 205—247.

Cons. Rav. – Consularia Ravennatia (Anonymus Cuspiniani, Fasti Vindobonensis), ed. Th. Mommsen, – MGH Auct. antiquiss., IX, 1892, p. 274—299.

CSEL – Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum.

CSHB – Corpus scriptorum historiae byzantinae.

De adm. imp. – Constantinus Porphyrogenitus, *De administrando imperio,* ed. Imm. Bekker, – CSHB, Bonn, 1840; ed. U. Ph. Boissevain, C. de Boor et Th. Buttner-Wobst, 4 vol., 1903—1906; Greek text ed. by Gy. Moravcsik, englisch transl. by R. J. H. Jenkins, Bydapest, 1949.

Dexipp. – Dexippus Atheniensis, *Historia,* ed. B. G. Niebuhr, – CSHB, Bonn, 1829, p. 11—38; FHG, III, 1849, p. 667—687; HGM, I,

1870, p. 165– 200.

Dio Cass. Hist. Rom. – Dio Cassius, *Historia Romana,* ed. L. Dindorf, recogn. I. Melber, I—III, Leipzig, 1890—1928; ed. U. Ph. Boissevain, vol. III, Berlin, 1895—1901.

Dio Chrys. – Dio Chrysostomus, *Orationes,* ed. L. Dindorf, I—II, Leipzig, 1857.

Ennod. Panegyr. – Ennodius (Magnus Felix Ennodius), *Panegyricus* Theodorici regis Ostrogothorum, ed. Fr. Vogel. MGH Auct. antiquiss. VII, 1885, p. 203—214; ed. W. Hartel, CSEL, VI, 1882.

Eugipp. V. Sev. – Eugippius, *Vita sancti Severini,* de. H. Sauppe, – MGH Auct. antiquiss., I, 12, 1877, p. 1– 30. – Eugippius. *Das* Leben des heiligen Severin. Lateinisch u. deutsch. Einführung, Uberset zung u. Erläuterungen von Rudolf Noll. 1963, VIII – 150 pp. 1 Karte. (Shriften u. Quellen der alten Welt, Bd. 11).

Eunap. – Eunapius, Χρονικη ιστορία, ed. Imm. Bekker, – CSHB, Bonn, 1829, p. 41—118; FHG, IV, 1868, p. 11—56; HGM, I, 1870, p. 205—274.

Euseb. – Eusebius, *Historia ecclesiastica,* ed. E. Schwartz et Th. Mommsen, Leipzig, 1903—1909.

Eutrop. – Eutropius, *Breviarium ab urbe condita,* —MGH Auct. antiquiss. II, 1879; ed. F. Ruehl, Leipzig, 1887.

Evagr. Hist. eccl. – Evagrius, *Historia ecclesiastica,* ed. J. Bidez et L. Parmentier, London, 1898; MPG, 86, col. 2405—2905.

FHG – Fragmenta Historicorum Graecorum, ed. C. Miller.

Fredegar – Fredegarius, *Chronicorum libri IV,* ed.Br. Krusch, – MGH SS rer. Meroving, II, 1889.

Getq – Iordanis Romana et Getica, ed. Th. Mommsen, – MGH Auct. Antiquiss., V. 1, 1882.

Greg Turon. Hist. Franc. – Gregorius Turonensis, *Historia Francorum,* ed. W. Arndt et Br. Krusch, – MGH SS rer. Meroving., I, 1, 1885, p. 31—450; Grégoire de Tours, *Histoire des Francs,* texte des manuscrits de Corbie et de Bruxelles, publié par H. Omont et G. Collon, ed par Reno Poupardin, Paris, 1913.

Greg. Turon. In gloria – Gregorius Turonensis, *Liber in gloria confessorum,* conf. ed. Br. Krusch, – MGH SS rer. Meroving., I, 2, 1885, p. 744—822.

Greg. Turon. Vitae patrum – Gregorius Turonensis, *Vitae patrum,* ed. Br. Krusch, – MGH SS rer. Meroving., I, 2, 1885, p. 661—744.

Herod. – Herodotus, *Historiae,* ed. C. Hude, I—II, Oxford, 1912.

HGM – Historici graeci minores, ed. L. Dindorf.

Hieron. Epist. – Hieronymus, Epistolae 150, MPL, 22.

Hieron. Hist – Hieronymus, *Chronicon,* —MPL, 27.

Idat. Chron. – Idatius (Hydatius) Lemicus (Lemovicensis), *Chronicon,* ed. Th. Mommsen, – MGH Auct. antiquiss., XI. 1894.

Ioh. Antioch. – Iohannes Antiochenus, – *Fragmenta,* —FHG, IV, p. 538—622; ed. Th. Mommsen, «Bruchstücke des Iohannes von Antiochia und des Iohannes Malalas», – «Hermes», VI, Berlin, 1872, p. 323—383; «Excerpta historica iussu imperatoris Constantini Porphyrogeniti confecta», ed. U. Ph. Boissevain, C. de Boor, Th. Büttner-Wobst, III, Berlin, 1906.

IosPE – Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini (B. Latyschev).

Isid. Etymol. – Isidorus Hispalensis, *Origines sive Etymologiae,* MPL, 82; «Isidori Etymologiae. Codex Toletanus (nunc Matritensis) 15, 8», phototypice editus, – «Codices graeci et Latini photographice depicti», t. XIII, Lugduni Batavorum, 1909; ed. W. M. Lindsay, I—II, Oxford, 1911.

Isid. Hist. – Isidorus Hispalensis, *Historia Gothorum, Wandalorum, Sveborum,* ed. Th. Mommsen, – MGH Auct, antiquiss., XI, 1894, p. 267—303.

Malal. – Iohannes Malala, *Chronographia,* ed. L. Dindorf, – CSHB, Bonn, 1831; ed. Schenk von Stauffenberg, 1931.

Malchi fr. – Malchus Philadelphensis, *Fragmenta* (Βυζαντιακά), ed. B. G. Niebuhr, – CSHB, Bonn. 1829, p. 231—278; FHC, IV, 1868, p. 112—132; HGM, I, 1870, p. 383—424.

Mar. Avent. – Marius Aventicensis, *Chronica,* ed. Th. Mommsen, – MGH Auct. antiquiss., XI, 1894, p. 232—239.

Marcell. Comit. – Marcellinus Comes, *Chronicon ad a. 518, continuatum ad* a. 534 cum additamento ad. a. 548, ed. Th. Mommsen, – MGH Auct. antiquiss., XI, 1894, p. 60—108.

Maur. Strateg. – Arriani Tactica et Mauricii ars militaris, ed. I. Scheffer, Upsala, 1664.

Mela – Pomponius Mela, *Chorographia,* ed. Carolus Frick, Leipzig, 1880.

Men. fr. – Menander Protector, *Fragmenta,* ed. B. G. Niebuhr, CSHB, Bonn, 1829, p. 281—444; FHG, IV, 1868, p. 201—269; HGM, 11, 1871, p. 1– 131; ed. C. de Boor, – «Excerpta historica iussu imperatoris Constantini Porphyrogeniti confecta». I, «De legationibus», 1903; ed. U. Ph. Boissevain, – «Excerpta historica iussu imperatoris Constantini Porphyrogeniti confecta», III, «De sententiis», 1906.

MGH – Monumenta Germaniae historica.

MGH Auct. antiquiss. – Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi.

MGH SS – Monumenta Germaniae historica. Scriptores.

MGH SS rer. Langob. – Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum

Langobardicarum.

MGH SS rer. Meroving – Monumenta Germaniae historica.

Scriptores rerum Merovingicarum.

MPG – J. P. Migne, *Patrologiae cursus completus.*Series graeca.

MPL – J. P. Migne, *Patrologiae cursus completus.*Series latina.

NA – Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde.

Nicet. Chon. – Nicetas Choniata, *Historia,*ed. Imm. Bekker, CSHB, Bonn. 1835.

Niceph. Greg. – Nicephorus Gregoras, *Historia,*ed. Imm. Bekker, CSHB, Bonn, 1829.

Olymp – Olympiodorus, *Fragmenta (Historia),*ed. B. G.

Niebuhr., – CSHB, Bonn, 1829, p. 447– 471; FHG, IV, 1868, p. 58—68; HGM, I, 1870, p. 450—472. – Photius. *Bibliotheque.*Texte etabli et traduit par Rene Henry. Tome I («Codices» 1—84), Paris, 1959, p. 166—187.

Orient – Orientius, *Commonitorium,*ed. R. Ellis, – CSEL, XVI, I, 1888, p. 205—243.

Oros. – Orosius (Paulus), *Historiae adversum paganos,* ed. C. Zangemeister, Leipzig, 1889.

Pauli Diac. Hist. Lang. – Paulus Diaconus, *Historia gentis Langobardorum,*ed. L. Bethmann et G. Waitz, MGH SS rer. Langob., 1878, p. 45—187.

Pauli Diac Hist. Rom. – Paulus Diaconus, *Historia Romana,*ed. H. Droysen, – MGH Auct. antiquiss., II, 1879, p. 185– 224.

Philostorg. Hist. eccl. – Philostorgius, *Historia ecclesiastica,*MPG, 65; ed. J. Bidez, «Die Griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte», Leipzig, 1913.

Plin. – C. Plinius Secundus, *Naturalis historia,*ed. D Detlefsen, I—VI, Berlin, 1866—1882; ed. C. Mayhoff, I—VI, Leipzig, 1892—1898 (t. I, Leipzig, 1906); Pliny, *Natural history.*With an English translation, I—V, ed. H. Rackham, London—Cambridge Mass., 1938—950.

Prisci fr. – Priscus Panites, *Fragmenta,* ed.Imm. Bekker et B. G. Niebuhr, – CSHB, 1829, p. 137—228; FHG, IV, p. 69—110; HGM, I, p. 275—352 ed. C. de Boor, Exc. de leg., 1903.

Prooem. – Th. Mommsen, *Prooemium,* —MGH Auct. antiquiss. V, I, 1882.

Prosp. Aquit. Chron. – Prosper Aquitanus (Prosper Tiro), *Chronicon,*ed Th. Mommsen, – MGH Auct. antiquiss., IX 1892, p. 385—485.

Prosp. Auct. – Prosperi Auctarium, ed. Th. Mommsen, MGH Auct. antiquiss., IX, 1892, p. 307—339.

Prosp. Cont. Havn. – Prosperi Continuatio Havniensis, ed. Th. Mommsen, – MGH Auct. antiquiss., IX, 1892, p. 298—339.

Prudent. – Prudentius, Cl. Aurelius, *Contra Symmachum libri II,*ed. A. Dressel, – CSEI, 61, 1860.

Ptol. – Ptolemaeus (Claudius Ptolemaeus), *Geographia,* ed. C. Müller, C. T. Fischer, I—II, Paris, 1883– 1901. – *Claudii Ptolemaei Geographiae*codex Urbinas graecus 82, phototypica depictus. Tomus prodromus Josephi Fischer (De Cl. tolemaei vita, operibus, geographia, praesertim eiusque fatis. Pars prior. Commentatio. Textus Pars altera. Tabulae geographicae LXXXIII (graecae, arabicae, latinae e codicibus LIII selectae). *Lugduni Batavorum* —Lipsiae, 1932.

Rav. anon. – Ravennatis anonymi cosmographia, ed. M. Pinder et G. Parthey, Berlin, 1860; ed. I. Schnetz «Itineraria romana», II, Leipzig, 1940.

RE – Pauly—Wissowa, Real – Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft, hrsg, von. W. Kroll.

Rom. – Iordanis Romana et Getica, ed. Th. Mommsen, MGH Auct. antiquiss., V. I, 1882.

Rutil. – Rutilius Claudius Namatianus, *De reditu suo,* ed. Aem. Bährens, – Poetae latini minores, V, Leipzig, 1883; ed. J. Vessereau, Paris, 1904; ed. C. H. Keene and G. F. Savage-Armstrong, London, 1907.

Salv. Ad eccl. – Salvianus Massiliensis, *Ad ecclesiam,* —MGH Auct. antiquiss., I, 1, 1877, p. 138.

Salv. De gub. Dei – Salvianus Massiliensis, *De gubernatione Dei,*ed. C. Halm, – MGH Auct. antiquiss., I, 1, 1877, p. 1—108.

SC – [В. В. Латышев], «Scythica et Caucasica». – «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе», I—II, СПб., 1893—1906.

L. Schmidt – L. Schmidt, *Geschichte der deutschen Stämme,* München, 1934.

SHA – Scriptores Historiae Augustae, ed. E. Hohl, I—II, Leipzig, 1927.

Sidon. Apoll. Carm. – Sidonius Appolinaris, *Carmina,*ed. Chr. Luetjohann, – MGH Auct. antiquiss., VIII, 1887; ed. P. Mohr, Leipzig, 1895; ed. W. B. Andersen, London, 1930.

Sidon. Apoll. Epist. – Sidonius Apollinaris, *Epistulae,*ed. Chr. Luetjohann, – MGH Auct. antiquiss., VIII, 1887.

Socr. Hist. eccl. – Socrates, *Historia ecclesiastica,*ed. R. Hussey, I—III, Oxford, 1853—1860; MPG, 67; ed. W. Bright, Oxford, 1878.

Solin. – Solinus (C. Julius Solinus), *Collectanea rerum memorabilium,*ed. Th. Mommsen, Berlin, 1895.

Soz. Hist. eccl. – Sozomenus, Hermias, *Historia ecclesiastica,*ed. R. Hussey, I—III, Oxford, 1853—1860; MPG, 67.

[Strabo] Geogr. – Strabo, *Geographica,*ed. Aug. Meinecke I—III, Leipzig, 1895—1899; ed. H. L. Jones and J. R. S. Sterret, I—VIII, London – New York, 1917—1933.

Suet. – Suetonuis C. Tranquillus, *De vita Caesarum,*ed. M. Ihm,

Leipzig, 1908; ed. J. C. Rolfe, vol. I– II, London, 1914.

Theoph. – Theophanes Confessor, *Chronographia,* ed. J. Classen – Imm. Bekker, – CSHB, Bonn, 1839—1841; ed. C. de Boor, I—II, Leipzig, 1883—1885.

Theophyl. Sim. – Theophylactus Simocatta, *Historiae,* ed. Imm. Bekker, – CSHB, Bonn, 1834; ed. C. de Boor, Leipzig, 1887.

Trog. Pomp. – Trogus Pompeius, Iuniani Iustini Epitoma historiarum *Philippicarum Pompei Trogi,* ed. O. Seel, Leipzig, 1935.

V. Caes. – Vita Caesarii episcopi Arelatensis, ed. Br. Krusch, – MGH SS rer. Meroving., III, p. 433– 501.

Var. – Cassiodorus Senator, *Variae,* ed. Th. Mommsen, – MGH Auct. antiquiss., XII, 1894.

Wattenbach – Levison – Wattenbach W.—Levison W., *Deutschlands* Geschichtsquellen im Mittelalter. Vorzeit... Karolinger, H, I.

Weimar, 1952.

Vict. Tonn. – Victor Tonnennensis, *Chronica,* ed. Th. Mommsen, – MGH Auct. antiquiss., XI, 1894, p. 184—206.

Zonar – Iohannes Zonaras, *Epitome historiarum,* ed. L. Dindorf, Lipsiae, 1868—1875; ed. Th. Büttner—Wobst, 1897.

Zos. – Zosimus, *Historia nova,* ed. Imm. Bekker, – CSHB, Bonn, 1837; ed. L. Mendelssohn, Leipzig, 1887.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (GETICA)*

Вступительная статья, перевод, комментарии Е. Ч. Скржинской М., 1960

[Одна из рецензий на 1-ое издание «Getica». Опубликована в «Византийском временнике», т. XXII за 1963 г. На отдельном оттиске, предоставленном издательству, имеется надпись: «Дорогой и многоуважаемой Елене Чеславовне Скржинской – на память о 1/XII 1961 от автора» и пояснение Е. Ч. Скржинской: «1 декабря 1961 г. был днем моей докторской защиты в Уч. Совете Института археологии АН СССР, под председательством акад. Б. А. Рыбакова (в Москве, на Б. Черемушкинской ул. – теперь ул. Дмитрия Ульянова). (Прим. Издателя).]*

Лежащее перед нами научно комментированное издание известного сочинения Иордана, впервые выпущенное у нас в свет в латинском оригинале с параллельным русским переводом, представляет собой большой научно-исследовательский труд крупного размаха и значения.

Подход к комментированному изданию нарративного источника может быть весьма различным, но научно наиболее плодотворным следует считать такой метод комментирования,

при котором данный источник становится исходным пунктом целого ряда исследований комментатора, освещающих и разъясняющих исторические процессы и события, упомянутые или отраженные в данном источнике. Е. Ч. Скржинская избрала именно этот метод, и поэтому ее комментарии в своей совокупности дают целую энциклопедию не только по Иордану, а и по всей эпохе, которая так или иначе затронута в его работе. Многие комментарии Е. Ч. Скржинской являются значительными исследовательскими статьями, в которых автор впервые (не только в советской, но и в зарубежной историографии) самостоятельно вскрывает различные пласты в истории упомянутых у Иордана племен и устанавливает целый ряд фактов, относящихся к происхождению этих племен, их взаимоотношениям друг с другом, особенностям социального строя, к деятельности их вождей и королей и т. д.

В большинстве случаев комментатор достигает этого путем самостоятельного решения спорных вопросов и посредством критического сопоставления различных точек зрения, высказанных в научной литературе на различных европейских языках (русском, немецком, французском, английском и итальянском). Возможность такого самостоятельного решения научных контроверз и уточнения ряда выводов исторической науки проистекает из углубленного изучения комментатором весьма обширного круга разнообразных источников по истории раннего средневековья: сочинений греческих и римских писателей, византийских хроник, законодательных памятников, агиографии, надписей и др. (с привлечением данных археологии) [203]. Только такое глубокое исследование всех этих исторических источников, прекрасным знатоком которых является Е. Ч. Скржинская, позволило ей идти указанным выше путем и в своих комментариях к Иордану не ограничиться его собственными данными и известиями его современников, а все время последовательно проводить сопоставление произведений писателей VI в. с более ранними и более поздними памятниками. В результате комментарий к Иордану превратился в большой исследовательский труд по истории славянских, германских, иранских и других племен раннего средневековья, их передвижений и столкновений в пределах Восточной, Центральной и Западной Европы, а также – изменений в их общественном строе. Этот труд проливает свет как на исторические судьбы готов, так и на всю эпоху переселения народов и смены старого, рабовладельческого, греко-римского мира новым, феодальным строем, развившимся впоследствии у германских и славянских народов.

Большая научная заслуга Е. Ч. Скржинской заключается не только в весьма ценных толкованиях самого текста Иордана, данных в переводе и обоснованных в примечаниях, но и в самостоятельном исследовании указанных выше вопросов в ряде обстоятельных примечаний, носящих характер статей, которые в целом рисуют широкую картину освещаемой комментатором эпохи. Показательно соотношение объема примечаний с размером переведенного Е. Ч. Скржинской и комментированного ею источника: латинский текст Иордана занимает примерно 3—3,5 печатных листа (несколько больше – перевод), между тем примечания составляют около 20 печатных листов (набранных петитом).

Вступительная статья Е. Ч. Скржинской, где высказан ряд весьма важных и новых в науке точек зрения относительно характера работы Иордана, места и времени ее написания, политической тенденции и т. д., представляет еще одно исследование автора, вносящее существенный вклад в источниковедение раннего средневековья.

В книге даны три приложения; во втором и третьем из них содержится ценное палеографическое исследование двух списков «Getica» Иордана – Лозаннского фрагмента, в некоторых отношениях близкого к утраченному Гейдельбергскому кодексу (самой ранней рукописи труда Иордана), и Палермского кодекса, найденного в 1927 г. и описанного итальянским историком Ф. Джунта в 1946 г. Палермский кодекс, стоящий в ряду одного из древнейших утраченных кодексов «Getica» (список начала VIII в.), представляет особую ценность – может быть, не меньшую, чем утерянный Гейдельбергский кодекс VIII в. Поэтому его исследование (так же как и Лозаннского фрагмента) весьма существенно, тем более что обследование этих кодексов впервые публикуется на русском языке и сопровождается репродукциями отрывков из рукописей на основании фотокопий и микрофильмов, присланных из Лозанны и Палермо.

I

Приступая к более подробному разбору труда Е. Ч. Скржинской, мы остановимся прежде всего на комментариях, затем перейдем к анализу вступительной статьи и в заключении выскажем некоторые замечания по отдельным конкретным вопросам.

Так как сочинение Иордана посвящено, главным образом, истории готов, которых автор отождествляет с гетами, то большой интерес представляет выяснение вопроса о причинах

такого отождествления и о том, насколько достоверны свидетельства Иордана о происхождении готов и ходе их передвижений с I до IV в. н. э. Обращаясь прежде всего к трактовке Е. Ч. Скржинской всего этого круга вопросов, мы констатируем, что в ее комментариях убедительно показан исторический путь готов от Скандинавии к берегам Вислы, а затем – к Северному Причерноморью. Распутывая очень сложные нагромождения этнических названий у Иордана, Е. Ч. Скржинская показывает, что отождествление гетов с готами связано с политической тенденцией этого историка, с его стремлением преувеличить древность готов путем включения в их историю событий из истории фракийского (дакийского) племени гетов. Эта операция облегчалась самим характером того материала источников, которым пользовался Иордан: уже Кассиодор сочетал имевшиеся у него данные о готах с известиями, найденными им у римских и греческих писателей с гетах, а между тем греческие писатели часто называли и гетов, и готов скифами, откуда и произошло наблюдаемое у Иордана смешение готов с гетами, а отчасти и со скифами. При этом Иордан опирался на не дошедшее до нас произведение греческого писателя конца I—начала II в. н. э. Диона Хризостома, озаглавленное «Getica» (как и сочинение Иордана). Для событий начала III в. н. э., когда готы передвинулись с берегов Вислы в район Северного Причерноморья, важным источником послужили Иордану данные Аблавия, готского писателя, произведение которого утрачено и который упоминается только у Иордана. Возможно, что к Аблавию в первую очередь и восходит отождествление Иорданом готов с гетами, изображенными в труде Диона Хризостома. Это отождествление (в духе указанной традиции античной историографии), усугубленное отмеченной выше политической тенденцией Иордана (а может быть, и его ближайшего источника – Кассиодора, а также Аблавия), могло корениться в принятом у писателей I—IV вв. н. э. обычае называть то или иное племя по названию занимаемой ими в данное время территории; а так как готы в конце III в. н. э. заняли бывшую римскую провинцию Дакию, где раньше обитали геты, то отсюда и возникло перенесение названия «геты» на готов. Опираясь на свидетельство писателя начала V в. Орозия о том, что «недавно считались гетами те, которые теперь считаются готами», Иордан вперемежку употребляет и то и другое название[204].

На основании изложенного, Е. Ч. Скржинская намечает такую последовательность этнического наименования области, которую Иордан обозначает как Дакию: вдоль течения реки Тиссы, далее по Карпатам и по течению Днестра до берега Черного моря: в I в.

н. э. Дакия выступает у Иордана как Гетия, потом она становится римской Провинцией (с 107 по 271 гг.), а после 271 г. и до V в. Дакия превращается в Готию (позднее, в V—VI вв., ее занимают гепиды) (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 239—241)*[* Здесь и далее везде нумерация страниц дается по настоящему изданию (Прим. Издателя).]. Эта последовательность подтверждает справедливость приведенного выше объяснения перенесения названия гетов на готов географическим размещением этих двух племен В разные периоды их истории (независимо от использования Иорданом этого смешения названий в политических целях).

Мы считаем очень важной аргументацию Е. Ч. Скржинской в пользу того, что готы не произошли от гетов и что Иордан, несмотря на сознательное смешение этих обоих названий, хотел в своем произведении проследить историю древнегерманского племени готов, происшедших из скандинавских и прибалтийских племен, впоследствии продвинувшихся к Черному морю. Этим, конечно, еще не решается вся совокупность весьма сложных вопросов, входящих в так называемую «готскую проблему». Однако, уже доказательство этого кардинального тезиса проливает свет на многие из них, тем более что Е. Ч. Скржинская отнюдь не ограничивается этим, а делает ряд ценных экскурсов в раннюю и более позднюю историю готов.

Из числа экскурсов в раннюю историю готов отметим прежде всего соображения исследовательницы о том, что Скандинавия не случайно названа Иорданом officina gentium и vagina nationum («Getica», § 25): из нее выселились не только готы, но и другие германские племена; предположение о переселении готов из Скандинавии на побережье Балтийского моря (близ дельты Вислы) подтверждается как археологическими данными, так и сопоставлением со свидетельством более позднего, но весьма достоверного памятника VIII в. – «Origo gentis Langobardorum» (см. стр. 184—187). Значительную ценность представляет уточнение района поселения остготов (остроготов, или грейтунгов) и вестготов (везеготов, или тервингов) после их передвижения с берегов Балтийского моря в область Северного Причерноморья. Опираясь на указание Иордана о происхождении названий остроготов и везеготов от места их расселения, а также на филологический анализ названия той области, в которую первоначально переселились готы с Нижней Вислы в результате своего передвижения на юг, а именно – Ойум, Е. Ч. Скржинская приходит к выводу, что, вопреки мнению Г. В. Вернадского, готы могли продвинуться к берегам Днепра лишь в том месте, которое окружено топями и болотами, и на восток от которого, еще по

свидетельству Геродота, тянулся большой лес (это – единственный в то время обширный лесной массив на всем северном побережье Азовского и Черного морей). Ввиду затруднительности перехода Днепра из-за болот, готы, по-видимому, пересекли реку в нижнем течении, недалеко от ее лимана; оседание части переселявшегося племени на островах и на разных берегах Нижнего Днепра, может быть, и послужило основанием для разделения готов на западных и восточных, которое произошло, вероятно, именно в это время. Остготы заняли левобережье Нижнего Днепра, а вестготы – его правобережье; часть готов переселилась в Крым, откуда некоторые из них передвинулись на Таманский полуостров (см. стр. 188—189, 245).

Значительно позднее (в 365—367 гг.) вестготы – еще до того, как на готов обрушились гунны, – передвинулись под предводительством короля Атанариха к Днестру, как об этом сообщают и Иордан, и Аммиан Марцеллин (см. стр. 282).

Значительный интерес представляют данные об общественном строе готов и политической роли их родовой знати, из среды которой выходили племенные вожди, а также собранные Е. Ч. Скржинской свидетельства византийского писателя начала V в. Зосимы и сведения из фрагментов утраченного произведения афинского историка III в. Дексиппа о грабительских набегах готов в 50—60-х годах III в. на Малую Азию и Балканский полуостров, в частности, на Грецию (стр. 258—259). Эти походы, предпринимавшиеся из разных пунктов, расположенных на побережье Северного Причерноморья (от устьев Днепра и Буга, Днестра и Дуная), указывают на сравнительно раннюю экспансию готов за пределы основной области их расселения в III в., а также могут служить, по нашему мнению, косвенным подтверждением социального расслоения в среде готов, обусловившего, в конечном счете, такие отдаленные походы дружинников с их вождями. В этой связи любопытно указание Иордана на наличие у готов уже в давние времена (якобы уже при Дикинее, т. е. в I в. до н. э.) собственных «законов», которые, по словам историка, до сих пор (т. е. до VI в.) называются «белагины» («Getica», § 69). Е. Ч. Скржинская справедливо отвергает возможность существования ранней записи обычного права готов, хотя Иордан и говорит о писаных законах (впрочем, записанных, по его словам, впоследствии: Quas usque nunc conscriptas belagines nuncupant, § 69); однако весьма существенна ссылка Иордана на возможность позднейшей записи древней устной традиции каких-то старинных обычаев, тем более, что слово «белагины», по Гримму, означает Satzung (см.

Е. Ч. Скржинская, стр. 236—237). Это свидетельство Иордана, по нашему мнению, открывает путь к возможным предположениям о тех истоках устного обычного права, из которых черпала формулировку старинных готских обычаев первая по времени сводка писаного готского обычного права – кодекс короля Эвриха конца V в. (поскольку в нем – наряду с романизованными правовыми нормами – содержатся и элементы варварского, древнегерманского права). В примечаниях Е. Ч. Скржинской подробно прослежена – параллельно с комментированием изложения Иордана и на основании всей совокупности доступных нам источников – также и более поздняя история готов, вплоть до образования Вестготского королевства в Южной Галлии и Испании и Остготского королевства в Италии. Попутно рассматриваются и взаимоотношения готов с другими германскими (гепиды, герулы, ругии, вандалы, свевы и др.) и славянскими племенами.

Из специальных экскурсов в позднюю историю готов следует особо отметить прежде всего примечание № 365, где подчеркнута разноплеменность «готского» военно-племенного союза под властью короля Германариха: по справедливому мнению автора этого экскурса, готы были не столь многочисленны в составе так называемой готской державы Германариха, ибо, кроме них, в нее входили многие другие племена, обитавшие в районе Северного Причерноморья, так что «готской» эта держава называется лишь по признаку правивших ею готских вождей (см. стр. 265). Но в ее состав не могли входить, вопреки ошибочному мнению Иордана, вызванному его стремлением прославить могущество Германариха, следующие отдаленные от области расселения готов в IV в. племена, покорение которых Иордан приписал Германариху на основании сведения воедино различных отрывочных свидетельств, а именно: северные племена (чудь, весь, меря, мордва), славянское племя венетов, оказавшее, согласно данным самого Иордана, сильное сопротивление готам, а также и эстии, жившие на берегу Балтийского моря. Е. Ч. Скржинская вполне правомерно отвергает некритическое отношение к тексту Иордана, которое вызвало неправильное утверждение, будто «Германарих властвовал над областями между Черным и Балтийским морями и между Мэотидой и Карпатами» (см. стр. 265), а следовательно, и над всеми перечисленными выше негерманскими племенами.

Большой интерес представляют также наблюдения Е. Ч. Скржинской над терминологией Иордана; они приводят ее к выводу, что в IV в. у готов, кроме королей, были и такие военные вожди, которые правили своим племенем вместо королей (regum

vice) и которых Иордан называет reguli: таковыми были Фритингерн у вестготов, Алатей и Сафрак у остготов, которых упоминает и Аммиан Марцеллин (Иордан в § 134 называет их primates et duces qui regum vice illis praeerant) (см. стр. 284)[205].

Следуя за изложением Иордана, Е. Ч. Скржинская, не ограничивается, конечно, в своих комментариях историей ранних и более поздних передвижений готов (из Причерноморья за Дунай, а затем – в Мезию, Паннонию, Италию и Галлию)[206], но дает также ряд экскурсов и в историю Остготского и Вестготского королевств (особенно подробно – по понятным причинам – комментируются события из времен Остготского королевства в Италии, вплоть до капитуляции короля остготов Витигеса в 540 г.)

Не имея возможности останавливаться на анализе всех этих экскурсов, отметим лишь, что они проливают свет на многие спорные вопросы истории Остготского и Вестготского королевства. Е. Ч. Скржинская делает также ряд ценных примечаний к свидетельствам Иордана и о других германских племенах – бургундзионах (бургундах), вандалах, свевах, гепидах, ругиях, маркоманнах и квадах, алеманнах, бастарнах (певкинах), лангобардах, рипариях (рипуарских франках), герулах, скирах и др.

Отметим, в частности, содержащиеся в этих примечаниях соображения Е. Ч. Скржинской о происхождении названия племени певкинов от острова Певки и его локализацию в устье Дуная, в одном из рукавов этой реки, выше ее дельты, возле селения Новиодун. Эта локализация Певки установлена на основании сопоставления данных Иордана со свидетельствами Страбона, Плиния Старшего, Птолемея и Тацита; в связи с этим в примечаниях № 248 и № 304 прослежено отождествление и сопоставление певкинов с бастарнами (кельтское название того же, по-видимому, германского племени или союза племен, в который входили певкины) и Страбона, Плиния, Тацита и др. (бастарны упоминаются еще у Тита Ливия – 40, 57, 7 – как племя конца III в. до н. э.). Эти уточнения названий и локализации данного племени представляют весьма значительный интерес ввиду наличия разноречий у античных авторов в вопросе об этнической принадлежности этого племени: Тацит в своей «Германии» колебался, следует ли причислить певкинов (наряду с венедами и феннами) к германским или сарматским племенам, но все же, указывая на то, что певкинов называют бастарнами, склонялся к тому мнению, что они – германцы, так как похожи на этих последних по языку, образу жизни и характеру жилищ[207]. К германским племенам еще раньше Тацита причислял бастарнов

Страбон (Geogr., VII, 3, 17). Плиний Старший в своей «Естественной истории» считал певкинов и бастарнов одной из основных групп германских племен (наряду с вандилиями, ингвэонами, иствэонами и гермионами – см. Plinius Sec., Nat. Hist., IV, 99—101), а эта классификация Плиния (о бастарнах см. также ibid., IV, 81), как известно, легла в основу классификации важнейших групп древнегерманских племен, принятой наукой нового времени (в том числе и Ф. Энгельсом).

Весьма интересно также произведенное Е. Ч. Скржинской точное разграничение древнегерманского племени герулов, которых Иордан в § 23 выводит из Скандинавии, и «скифского» племени степных кочевников элуров (или герулов), которые, по данным этнического и географического словаря Стефана Византийского (V в. н. э.), ссылающегося на Дексиппа, а также по свидетельству Аблавия, жили в болотистой местности близ Мэотиды, откуда и их название: по-гречески ele – местность стоячих вод (см. «Getica», § 117); по-видимому, Иордан в разных местах своего труда обозначил одним и тем же названием два различных племени – одно германское, которое впоследствии выступало в войсках Алариха и Одоакра и участвовало в междоусобных войнах после смерти Аттилы, и другое – негерманское (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 266).

В подробном специальном примечании № 314 выяснен вопрос о происхождении бургундов (бургундзионов) из Скандинавии и окружающих ее с юга островов (наряду с другими крупными германскими племенами – вандалами, готами, герулами и ругиями), а также и о том, обитала ли когда-либо какая-нибудь часть бургундов на берегах Азовского моря. Этот последний вопрос, возникший в связи с упоминанием буругундов и уругундов у Агафия и Зосимы в качестве племен Причерноморья, Е. Ч. Скржинская, на наш взгляд, совершенно правильно решает отрицательно (путем сопоставления данных Плиния, Птолемея, Аммиана Марцеллина, Орозия и Прокопия); Е. Ч. Скржинская приходит к тому выводу, что под приазовскими «буругундами» Агафия следует разуметь одно из гуннских племен, – тем более, что тот же Агафий наряду с «понтийскими бургундами» называет и «бургундзионов», которых он считает готским племенем. Таким образом, у Агафия произошло то же смешение двух разных племен со сходным названием, как и у Иордана в случае с герулами (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 253—256). В следующих примечаниях прослежены дальнейшие передвижения бургундов (их переход через Рейн и вторжение в Галлию).

В комментариях Е. Ч. Скржинской намечены также и

основные этапы передвижений другого крупного германского племени – вандалов (делившихся на две ветви – «вандалов-асдингов» и «вандалов-силингов»), от их перехода через Рейн в конце 406 г. и вторжения в Галлию (вместе со свевами, бургундами и аланами), а затем и в Испанию (вместе со свевами и аланами) (см. стр. 262—265, 278—280, 304 и др.) и вплоть до возникновения в дальнейшем Вандальско-Аланского королевства в Северной Африке. При этом Е. Ч. Скржинская указывает на ошибочность сообщения Иордана о пребывании вандалов в Паннонии в IV в.: сведения об этом встречаются только у одного Иордана и не подтверждаются археологическим материалом, между тем как о пребывании вандалов между Тиссой и Дунаем в IV в. имеются археологические данные [не исключена, впрочем, возможность, что Иордан имел в виду переселение в Паннонию лишь какой-нибудь части племени вандалов, ибо в § 115 он говорит о небольшом количестве вандалов (perpauci Vandali), переселившихся в Паннонию с разрешения Константина Великого после нанесенного им готами поражения (см. Е. Ч. Скржинская, прим. № 362)].

Отмечая сложность состава различных древнегерманских (и не только германских) племен по Иордану, Е. Ч. Скржинская подчеркивает сбивчивость его терминологии при попытках разграничения рода, племени и народа: так, иногда Иордан употребляет слово natio для обозначения самой мелкой ячейки, слово gens – при определении более крупного этнического целого, а populus – для обозначения народа, состоящего из двух ветвей-племен (gentes): например в § 42 сказано, что populus готов разделился на везеготов и остроготов, которых при отдельном их упоминании Иордан обозначает словом gentes; однако готов в целом (для древнейшего времени) Иордан тоже называет gens; в некоторых случаях gens и populus у Иордана равнозначны (см. Е. Ч. Скржинская, прим. № 313 и прим. № 316). По нашему мнению, возможно, это эти колебания Иордана объясняются не только неустойчивостью его терминологии (как и при употреблении терминов «rex», «regulus» и др. – см. выше), но и, с одной стороны, незавершенностью самого процесса образования новых племенных объединений из нескольких прежних, более мелких племен, а с другой – процесса перестановок внутри племенных союзов в результате их передвижений, постоянных войн, отщепления одной ветви того или иного племени от другой и т. д.

В комментариях Е. Ч. Скржинской подробно истолкованы также данные Иордана о славянских племенах. В IV в. славяне делились на три основные группы: а) склавенов, составлявших тогда западную группу южной ветви славянских племен, б) антов

– восточную группу той же южной ветви славян и в) венетов, составлявших северную ветвь славянских племен (см. прим. № 108).

Венеты, или венеды, упоминаются у античных писателей, начиная с I в. н. э., и локализуются этими авторами (Плинием, Тацитом и Птолемеем) на берегах Вислы и Балтийского моря. При этом Тацит подчеркивал, что они не были кочевниками, и на этом основании склонен был считать их германцами, между тем как Плиний относил их к сарматам; и то, и другое этническое приурочение венетов, конечно, неверно, но правильно их противопоставление кочевникам (Tac., Germ,, 46). В отличие от античных авторов, византийские писатели (Прокопий, Агафий, Менандр и Феофилакт Симокатта), дающие обычно достоверные сведения, не упоминают названия венетов; по мнению Е. Ч. Скржинской, это подтверждает точность свидетельства Иордана, согласно которому название «венеты» к VI в. уже перестало служить общим обозначением славян и либо стало употребляться наряду с названием «склавены» и «анты», либо – вытесняться этими последними (что, по мнению автора комментария, несомненно для южных областей распространения славянских племен) (см. «Getica», § 34 и § 119; прим. № 107). В § 34 Иордан подчеркивает многолюдность венетов и обширность занимаемой ими территории; указанные античными авторами пределы этой территории соответствуют действительности, так как следы пребывания венетов именно в этих пределах в I в. н. э. подтверждаются археологическими данными – памятниками так называемой пшеворской культуры. По-видимому, венеты были в начале нашей эры обширной совокупностью славянских племен (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 203—204).

В отличие от названия «венеты», наименование «склавены» распространилось на все славянские племена лишь после VI в., а в VI в. имело только частное значение. На основании анализа эпиграфического памятника конца VI в. – эпитафии, посвященной бургундскому аббату (впоследствии епископу в Северо-Западной Испании) Мартину (ум. в 580 г.), в которой в числе племен, приобщенных им к христианству, указаны «склавы» и «нары» («нарцы»), Е. Ч. Скржинская приходит к выводу, что склавены обитали в VI в. в пределах Норика (отсюда и Nara) и что западная граница их расселения проходила близ реки Савы, между тем как на восток их поселения простирались до Днестра. Этот вывод подтверждается разбором названия Мурсианского озера, упомянутого лишь у Иордана (в §§ 30 и 35): из сопоставления результатов этого разбора с локализацией приводимого Иорданом в § 35 названия города Новиетун на среднем течении р.

Савы Е. Ч. Скржинская извлекает убедительные аргументы в пользу предложенной ею локализации склавенов в VI в.; при этом она отвергает возможность отождествления Новиетуна с одноименным поселением в области племени бастарнов на правом берегу Дуная, немного выше его дельты, и отмечает ошибочность отнесения А. В. Мишулиным эпитафии Мартину к произведениям античных писателей: эта ошибка породила неверное представление о названии «склава» как о древнейшем упоминании славян.

Примечания № 108, 109 и 110, содержащие разбор всех указанных вопросов, представляют собой специальное исследование, выясняющее весьма важные для истории древних славян проблемы (см. стр. 204– 214). Это – краткое резюме части статьи Е. Ч. Скржинской «О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне» (см. ВВ, XII, 1957). Но и за многими комментариями Е. Ч. Скржинской к Иордану стоит столь же глубокая и фундаментальная исследовательская работа, результатом которой являются подчас кратко изложенные примечания.

Уточняя локализацию восточной группы южной ветви славянских племен, т. е. племен антов в VI в., Е. Ч. Скржинская сопоставляет свидетельство Иордана с данными Прокопия и отмечает, что Прокопий в этом вопросе менее точен, чем Иордан. Проделанное комментатором сопоставление сообщений обоих писателей VI в. приводит его к тому выводу, что восточная граница расселения антов в VI в. не заходила на левобережье Нижнего Днепра и что они жили в это время к востоку от склавенов, т. е. между Днестром и Днепром, у северозападных берегов Черного моря. Несмотря на большую расплывчатость определения территории антов у Прокопия, чем у Иордана, Прокопий в сущности не противоречит Иордану; безусловно правильным является свидетельство Прокопия о многочисленности антов: об этом говорят и такие факты, как наличие у них многих предводителей («архонтов» – по Менандру) и обмен посольствами между ними и Юстинианом (Прокопий. «Война с готами»), но с конца VI—начала VII в. упоминания об антах становятся все реже, а потом и вовсе прекращаются (см. стр. 214—216).

Особо следует рассматривать, по мнению Е. Ч. Скржинской, вопрос относительно области расселения антов в IV в. ввиду неясности хода их передвижений с IV по VI в. Во всяком случае весьма возможно, что в IV в. они обитали на правом берегу Нижнего Днепра, где у них был свой вождь по имени Бож, упоминаемый только Иорданом, и притом один раз (в § 247);

разбирая различные толкования этого имени, Е. Ч. Скржинская предлагает поставить его в связь со славянским словом «вождь» и считать его не именем собственным, а синонимом слова «dux» (хотя она подчеркивает, что и слово «вождь» могло быть собственным именем предводителя антов) (см. стр. 325—327). Столкновение остготского вождя Винитария (одного из преемников Германариха) с Божем комментатор, вопреки принятому мнению, предлагает относить не к году смерти Германариха, а к самому концу IV или началу V в. (см. стр. 325); при этом отвергается мнение Шмидта о легендарности Божа и Винитария, а также – всего рассказа Иордана о борьбе готов Винитария с антами и гуннами и указывается на историчность имени «Винитарий», сохранившегося вплоть до VIII в. (имя писца-монаха Сен-Галленского аббатства) (стр. 325). Точно так же не принимает Е. Ч. Скржинская и гипотезу Ольрика и Шмидта, отождествляющих (на основании филологического анализа этнического названия «анты») ранних антов IV в. с кавказскими аланами: не отрицая того, что это название может происходить от аланского корня, Е. Ч. Скржинская подчеркивает, что этим именем могли называться не только аланские, но и славянские племена, впоследствии подпавшие под господство аланских родов, которые подверглись славянизации (эту возможность признал впоследствии – в 1953 г. – Г. В. Вернадский, который в своих прежних работах еще примыкал к аланской гипотезе происхождения антов) (см. стр. 326—327).

Таким образом, Е. Ч. Скржинская присоединяется к мнению советских славистов (М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова и Д. С. Лихачева) о принадлежности антов к славянским племенам (см. стр. 327).

В примечании № 70 к слову «спалы» (у Иордана в § 28, где речь идет о племени, на которое напала часть готов после их продвижения в область Ойум) Е. Ч. Скржинская вполне обоснованно придает большое значение упоминанию Иордана о спалах на Нижнем Днепре, ибо у Прокопия близкое к слову «спалы» название «споры» (так же, как и слово «венеты») служило общим наименованием для двух будущих крупных групп славянских племен – склавенов и антов; поэтому указание Иордана на пребывание спалов в области нижнего течения Днепра существенно для локализации славян в III—IV вв. (см. стр. 189).

Свидетельство Иордана о подвластных Германариху «росомонах», упоминающихся только Иорданом (в § 129), Е. Ч. Скржинская предлагает не смешивать с данными о «роксоланах», упоминаемых Страбоном, Птолемеем и тем же Иорданом;

отвергая предположение Шмидта о фиктивности племени «росомонов», Е. Ч. Скржинская указывает на существенное значение начала их названия – «рос», которое происходит либо от осетинского (аланского) «рохс» – «светлый», либо от названия народа «рос» – по свидетельству писателя VI в. Захария Ритора. Если принять это последнее толкование, то «росомоны» могут считаться «ядром» будущей русской народности (по мнению Б. А. Рыбакова; ср. также проделанное Н. В. Пигулевской исследование сирийских источников VI в. – хроник Иоанна Эфесского и Захария Ритора). Однако, Е. Ч. Скржинская подчеркивает, что историческая наука еще не разгадала окончательно смысл названия «росомоны» и не произвела их точного этнического приурочения (см. стр. 280—281).

Отмечая упоминание Иорданом в § 24 германского племени ругиев, а также вышедших из Скандинавии («с острова Скандзы») ульмеругов – островных ругиев (§ 26), Е. Ч. Скржинская сопоставляет это свидетельство Иордана с данными Тацита о ругиях, живущих у самого «океана» (т. е. Балтийского моря) (Tac., Germ., 44), и о большом племени лугиев, занимающем обширную территорию между Одером и Вислой и распадающемся на целый ряд более мелких племен, частично перечисленных Тацитом[208].

В примечаниях о часто упоминаемых Иорданом сарматах Е. Ч. Скржинская, указывая на собирательный характер этого названия, исходящего в сущности из географического признака (племена Сарматии, т. е. средней и южной части Восточно-Европейской равнины от Карпат до Волги), разбирает отдельно исторические судьбы различных племен, именуемых сарматами: 1) мэотов (к востоку от Мэотиды, т. е. Азовского моря); 2) аланов, живших в степях Северного Кавказа; 3) роксоланов, обитавших между Доном и Днепром; 4) язигов, обитателей степей к востоку от Дуная и берегов Тиссы (в том районе, где Дунай течет с севера на юг) (см. стр. 228—230). Из этих сарматских племен большую историческую роль в III—V вв. играли аланы, которые уже в начале нашей эры обитали к северу от Кавказа, вокруг Азовского моря и на левобережье Дона, откуда совершали походы в Закавказье (ср. данные об этом у Иосифа Флавия, Птолемея и Лукиана). Согласно свидетельствам Аммиана Марцеллина, в III—IV вв. название «аланы» имело уже собирательное значение, из чего Е. Ч. Скржинская делает вывод о существовании мощного племенного союза аланов за Доном в III—IV вв. (см. стр. 275—276).

Сопоставляя сообщение Аммиана Марцеллина о кочевом обзоре жизни аланов с данными археологических исследований советских ученых, Е. Ч. Скржинская подчеркивает наличие

оседлых аланских поселений на Северном Кавказа в IV—V вв.; на основании данных того же Аммиана Марцеллина об общественном строе аланов – равенство всех аланов друг с другом, выбор старейшин (iudices) за военные заслуги, отсутствие упоминаний о рабстве (Amm. Marc., XXXI, 2, 25) – Е. Ч. Скржинская считает, что в социальном строе аланов «заметны черты военной демократии» (стр. 276). Однако до IV в. многие аланские племена, по-видимому, были кочевниками, как это видно из Аммиана Марцеллина, хотя он и неправильно сближает их с гуннами (см. стр. 277).

Прослеживая участие аланов в переселении народов в V в., Е. Ч. Скржинская указывает, что, несмотря на слияние значительной части аланов с вандалами в Испании и Африке после совместного их продвижения через Испанию и после основания Вандальского королевства в Африке, следы аланов встречаются впоследствии (в XI– XIII вв.) по Нижнему Дунаю, на северо-западном побережье Черного моря и в Крыму, как это явствует из сообщения византийских писателей и из императорских хрисовулов (эти аланы иногда называются массагетами) (см. стр. 277—279). Возвращаясь к событиям V в., Е. Ч. Скржинская упоминает о неоднократном участии аланской конницы в сражениях то на стороне Стилихона и Аэция, то на стороне Одоакра (стр. 289, 307 и др.).

Комментируя сообщения Иордана о гуннах и сопоставляя их со свидетельствами Аммиана Марцеллина, Орозия и Приска, Е. Ч. Скржинская отмечает недостаточность представлений европейских авторов о происхождении гуннов; оставляя эту проблему в стороне ввиду того, что она выходит за пределы излагаемых Иорданом событий (если не считать его легендарного экскурса, содержащего фантастическое объяснение происхождения этого племени), Е. Ч. Скржинская прослеживает (на основании более точных данных Аммиана Марцеллина и, особенно, Приска, а также заимствованных у него свидетельств самого Иордана и отчасти Прокопия) весь последующий путь гуннов по Европе в течение IV—V вв. – от правобережья Дона до Балканского полуострова, Галлии и Италии. При этом она отмечает этническое многообразие гуннского союза и подчеркивает влияние славян на гуннов (соприкосновение гуннов с антами в конце IV в. на Днепре и возможность пребывания славян на Тиссе и в Паннонии уже в V в.) (см. стр. 268—271, 272, 328). Попутно прослежены и взаимоотношения гуннов с готами, вандалами, аланами и другими племенами (см. стр. 278, 306—307, 311—312 и др.).

Вполне обоснованно отвергает Е. Ч. Скржинская выдвинутый

А. Н. Бернштамом тезис о прогрессивной исторической роли гуннов в уничтожении античных рабовладельческих отношений в качестве участников событий, которые создали новую, феодальную социально-экономическую формацию (см. стр. 307—308).

В нашей рецензии мы, естественно, не могли исчерпать все многообразие конкретного материала, содержащегося в комментариях Е. Ч. Скржинской к Иордану: мы стремились лишь показать на целом ряде примеров ценность проделанных ею исследований и сопоставлений данных разных источников по истории упомянутых Иорданом германских, славянских, иранских и других племен. Заканчивая разбор комментариев, считаем нужным отметить, что Е. Ч. Скржинская не только прослеживает исторические судьбы этих племен, но анализирует и восстания рабов, колонов и солдат, происходившие параллельно с передвижениями тех или иных варваров: так, она останавливается на истории поддержанного вандалами восстания Стотзы в Африке вскоре после завоевания Вандальского королевства Византией (по данным Иордана и Прокопия) (стр. 303—304), на движении багаудов (с III по V в.), решающее поражение которым нанес в 448 г. король аланов Гоар по приказанию Аэция (стр. 305—306), а также на движении скамаров в Верхней Мезии в конце V – начале VI в. Е. Ч. Скржинская вносит много нового в истолкование этого последнего движения путем сопоставления данных Иордана (§ 300—301) и «Жития св. Северина», написанного в 511 г. Евгиппием и представляющего собою памятник, близкий к узколокальной хронике. Это сопоставление позволяет Е. Ч. Скржинской точнее выяснить социальный состав скамаров и внести ряд существенных поправок в прежние работы на эту тему (в частности, в работы А. Д. Дмитрова). Проделанный комментатором анализ подтверждает не только связь движения скамаров с набегами варваров (алеманнов, туринговъ, готов) из-за Дуная на Балканский полуостров, но и наличие в составе скамаров простых земледельцев-крестьян, которые собственными руками производили полевые работы (opus agrale, по словам Евгиппия).

Весьма существенны также соображения Е. Ч. Скржинской, касающиеся этимологии слова «скамары». Е. Ч. Скржинская отвергает предположение Брукнера о связи этого слова с языком лангобардов и на основании данных Евгиппия показывает, что оно употреблялось в Норике и Паннонии уже в V в., когда лангобардов там еще не было; наличие слова «скамары» (scamarae) в лангобардском эдикте Ротари 643 г. (§ 5) может быть объяснено заимствованием лангобардами этого местного

придунайского выражения во время их пребывания в Паннонии (стр. 365).

II

Во вступительной статье Е. Ч. Скржинская подробно останавливается на следующих вопросах: об этнической принадлежности и происхождении Иордана, о времени его службы в качестве нотария, о его «обращении» (conversio), о месте, где было написано его сочинение, и политической тенденции последнего.

Вопреки принятому в специальной литературе толкованию точки зрения Т. Моммзена и Г. Ваттенбаха, и в отличие от мнения других ученых (Л. Ранке, Вельфлина и др.), Е. Ч. Скржинская считает Иордана готом: она основывается на его собственном прямом заявлении о том, что он гот (§ 316). Предположение Моммзена, что Иордан, будучи по происхождению аланом, мог назвать себя готом только потому, что находился среди готов, а не на исконной родине аланов, Е. Ч. Скржинская считает малоубедительным; при этом она отмечает ряд колебаний Моммзена в вопросе об этнической принадлежности Иордана, которого Моммзен в других местах введения к его изданию «Getica» называет «готом, живущим в Мезии или Фракии», «автором, ведущим свое происхождение от мезийских готов». Е. Ч. Скржинская полагает, что в этом вопросе прав Левисон, который в последнем издании известного труда Ваттенбаха (1952 г.) ссылается на то, что сам Иордан причисляет себя к готскому племени (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 10– 12).

Кратко упоминая в § 266 «Гетики» о своем происхождении, о деде и отце, Иордан ставит рядом с именем аланского вождя Кандака странное слово Алановийямутис (Alanoviiamuthis), которое Е. Ч. Скржинская, вслед за Гринбергером (1889 г.) и Фридрихом (1907 г.), предлагает читать, как Alan [orum ducis] Viiamuthis... Такое чтение позволяет считать, что отец Иордана носил готское имя Вийамут. Смысл текста в § 266 Е. Ч. Скржинская разъясняет следующим образом: дед Иордана Пария служил нотарием у аланского вождя Кандака; сыном этого Пария был отец Иордана Вийамут; сам же Иордан служил нотарием у племянника Кандака (сына его сестры), Гунтигиса-Базы (см. стр. 12—13 и 112). При таком толковании слово Viiamuthis следует относить к словам patris mei (в род. падеже). Но если принять возражения Моммзена против расчленения слова Alanoviiamuthis, то следует отнести его не к patris, а к предшествующему слову Candacis; в таком случае вышеприведенное загадочное слово придется (как это и сделано в переводе на стр. 112) считать прозвищем аланского вождя Кандака (ибо в этом слове

несомненно наличие этнического названия аланов) и полагать, что Иордан назвал имя его нотария, своего деда (Пария), но не упомянул вовсе имени своего отца (Е. Ч. Скржинская, прим. № 660). Как бы то ни было, но при том и другом толковании остается несомненным, что и дед Иордана, и он сам (Иордан до своего «обращения») служили нотариями и что Иордан занимал эту должность у крупного военачальника Гунтигиса-Базы, который по матери происходил от аланов, а по отцу – из знатнейшего готского рода Амалов. По-видимому, Иордан служил нотарием в начале VI в. (между 505 и 536 гг.).

Весьма возможно, по мнению Е. Ч. Скржинской, что дед Иордана был нотарием в Нижней Мезии и Малой Скифии, правителем которых являлся Кандак; может быть, сам Иордан родился в Мезии, на что косвенно указывает описание им «многочисленных племен» так называемых малых готов (в § 267 – вслед за автобиографическими данными, сообщенными им в § 266), ибо малые готы жили как раз в Мезии. Если это так, то во время своего пребывания в готской Мезии Иордан мог быть арианином, а так как впоследствии он называл арианство «лжеучением», то возможно, что упомянутое им «обращение» (conversio) следует понимать как его переход из арианства в «правоверие», в православие (т. е. в «католицизм»). Это не исключает, впрочем, того, что в результате conversio Иордан вступил в группу лиц, называемых religiosi, которые, оставаясь мирянами, соблюдали некоторые правила монашеской жизни; но, как полагает Е. Ч. Скржинская, Иордан не был монахом (ср. стр. 15—16, 20—21, 57). Наличие упоминаний о Иордане как епископе еще не дает оснований говорить о его вступлении в монашество, так как он мог стать епископом непосредственно из группы religiosi. Во всяком случае он никогда не был епископом в Равенне, хотя в заглавиях ряда древнейших рукописей его работ Иордан назван равеннским епископом: этой возможности противоречит, во-первых, отсутствие упоминаний о епископе по имени «Иордан» в списке епископов Равенны («Liber pontificalis» равеннской церкви), составленном в IX в., а во-вторых, то обстоятельство, что равеннский географ VIII в., неоднократно ссылающийся на Иордана, и притом всегда в связи с описанными им странами, не называет его епископом, а только космографом или хронографом; это было бы невероятно, если бы Иордан в самом деле являлся епископом в родном городе географа – Равенне (см. стр. 16—20).

Несмотря на то, что Иордан в уже цитированном § 266 своей «Getica» называет себя agrammatus, он, несомненно, был человеком начитанным, знакомым с сочинениями многих

античных авторов – греческих и римских историков и географов. Выражение agrammatus не надо понимать буквально: оно означало лишь человека, не получившего систематического школьного образования, т. е. не прошедшего школьного «тривия», в программу которого входила грамматика; называя себя agrammatus, Иордан хотел лишь подчеркнуть, что он недостаточно хорошо владеет латинским литературным языком; к тому же это выражение могло быть продиктовано стремлением автора к самоуничижению (подобное стремление очень явственно проступает и у Григория Турского, который писал по-латыни гораздо лучше Иордана) (см. стр. 22—26, 57).

Изложенные соображения Е. Ч. Скржинской вносят много нового в наши сведения о происхождении, этнической принадлежности и биографии Иордана, что очень важно для уяснения характера и исторического значения его труда.

Но наиболее существенными представляются нам исследования Е. Ч. Скржинской, посвященные следующему кругу вопросов: взаимоотношение утраченной «Истории готов» Кассиодора и «Getica» Иордана, политическая тенденция сочинений этих обоих авторов, место написания «Getica». Е. Ч. Скржинская датирует время завершения «Getica» и «Romana» 550—551 годами и отмечает при этом, что изложение в «Getica» обрывается на 540 г. (т. е. на капитуляции остготского короля Витигеса), между тем как в «Romana» оно доведено до 551 г. (хотя о смерти византийского полководца, племянника Юстиниана Германа, преемника Велисария, и о рождении Германа – сына упомянуто и в конце «Getica»»). Е. Ч. Скржинская подчеркивает, что «Getica» и «Romana» Иордана нередко упоминаются в старых каталогах средневековых библиотек, между тем как такое крупное произведение, как «История готов» Кассиодора в 12 книгах, о котором неоднократно говорит сам Кассиодор в своих «Variae» и которым пользовался Иордан, там не отмечается. Отсюда автор делает вывод, что хроника Кассиодора не дошла до нас отнюдь не в силу случайных причин: в изменившейся к 550—551 гг. политической ситуации надо было устранить труд Кассиодора, заменив его компиляцией, близкой по содержанию, но с другим замыслом и другим заключением: «Кассиодора целиком заменил Иордан» (стр. 31, 37, 38). Этот вывод Е. Ч. Скржинская подробно аргументирует разбором политических событий от последних лет правления Теодориха до 551 г.

Во время существования Остготского королевства в Италии на международной арене действовали три политические силы: готы (во главе с остготской знатью и королевской властью), италийцы (т. е. коренное римское население Италии, высшие

социальные слои которого составляли крупные итальянские землевладельцы, чиновничество и представители католической церкви) и Византийская империя (см. стр. 34, а также стр. 357, 369). Теодорих хотел «спаять» готов и италийцев, хотя он и не стремился к слиянию готов с населением Италии; при этом он намеревался сохранить римскую экономику и законы, лишь до известной степени обновив их; тем самым он хотел сохранить и итало-готский дуализм – при полной независимости Остготского королевства, этого «гибридного государственного организма» (стр. 369) от восточно-римской империи. Это основное направление политики Теодориха хорошо сформулировано современным анонимным хронистом в следующих словах: «И так он правил двумя народами – римлянами и готами, слитыми воедино» (Anonymus Valesii 60).

Однако такую политику можно было вести лишь временно, и она могла удаваться только внешним образом; вернее – некоторое время могло казаться, что она удается. Но уже к концу правления Теодориха недовольство высших классов италийского общества господством остготов настолько усилилось, что в «римском сенате созрел план освобождения Италии от готского владычества» (стр. 34); сторонники этого плана вступили в союз с Византией (может быть, с Юстинианом, как раз в это время стремившимся к императорской власти). Раскрытие заговора Теодорихом, казнь главы римского сената Симмаха и магистра оффиций Боэция и низложение папы Иоанна I знаменовало поворот в политике Теодориха и его стремление усилить преобладание остготов над римлянами в Италии. При Аталарихе и Амаласвинте уже шла открытая борьба двух течений – одного, стремившегося продолжить политику последних лет правления Теодориха (Е. Ч. Скржинская называет его «ультраготским»), и другого – готового идти на тесное сближение Италии с Византией, которое должно было привести к подчинению остготской Италии империи (Е. Ч. Скржинская называет это течение «итало-византийским» – см. стр. 37—38).

Политическая тенденция хроники Кассиодора, задуманной и начатой еще при Теодорихе, отражала политику последних лет его правления; труд Кассиодора «должен был, возвысив варваров до уровня римлян, подготовить дальнейшее преобладание варваров над римлянами» (стр. 36). «Книга Кассиодора должна была способствовать противопоставлению Остроготского королевства империи и отрыву Италии от последней» (стр. 35). В обращении короля Аталариха к римскому сенату в конце 533 г. (составленном, конечно, самим Кассиодором и дошедшем до нас в тексте его «Variae», IX, 25) Кассиодору ставилось в заслугу то,

что он своим прославлением готов и Амалов «превратил происхождение готов в римскую историю, сделал историю готов частью истории римской» (стр. 32). Однако, несмотря на это, в 533 г. король и его готское окружение уже видели в этом труде идеалы «ультраготского» направления. Что же касается самого Кассиодора, то, по мнению Е. Ч. Скржинской, он, скорее всего, осторожно «лавировал между приверженцами ультраготского и итало-византийского течения, втайне склоняясь ко второму» (стр. 37—38)

За четверть века после смерти Теодориха обстановка резко изменилась: после капитуляции остготского короля Витигеса в 540 г. и далее – во время длительной борьбы Тотилы с Византийской империей – произошли существенные перемещения внутри остготского общества, и «провизантийская» позиция италийской знати очень усилилась. Если на сторону Тотилы переходили крестьяне и рабы, а также римские солдаты, то италийская знать и часть готской знати были ему враждебны. После взятия Равенны и окружающих ее готских крепостей Велисарием и после того, как война остготов с империей продолжалась с переменным успехом, решающим поворотом в этой борьбе послужил в 550 г. морской бой за Анкону – единственный опорный пункт византийцев на Адриатическом побережье (исключительное значение этого сражения для обеих сторон видно из характера речей византийских полководцев и Тотилы перед боем – речей, включенных Прокопием в его историю готских войн). После поражения готов при Анконе исход войны был предрешен (стр. 42—43). В этой обстановке, по мнению Е. Ч. Скржинской, «в определенных общественных кругах было решено создать трактат о готах, в прошлом славных и непобедимых, а, в настоящем преклоняющихся перед императором-победителем» (стр. 43); это было, полагает автор вступительной статьи, в интересах италийской и части готской знати, которую не устраивала тенденция Кассиодора – это стремление «отстаивать равенство готов и италийцев с тем, чтобы оправдать подчинение вторых первым» (стр. 36). Историческим трудом, проникнутым новой тенденцией, и послужила «Getica» Иордана, которую Е. Ч. Скржинская считает «не чем иным, как политическим, если не своеобразно публицистическим трактатом, созданным по требованию определенной общественной группы в известный переломный для нее политический момент» (стр. 44).

По мнению Е. Ч. Скржинской, весьма возможно, что сочинение Иордана, «полностью воспроизводящее Кассиодорово возвеличение готов», но с другой тенденцией, «удачно маскировало ставшую неуместной политическую направленность

труда Кассиодора» (стр. 36). В силу этих соображений Е. Ч. Скржинская считает допустимым «предполагать, что Касталий, побудивший Иордана составить „Getica“, выражал желание самого Кассиодора и близких ему общественных кругов» (стр. 37). «Во всяком случае книга Кассиодора в ее первоначальной редакции ко времени перелома в ходе войны в Италии в 550—551 гг. устарела, а впоследствии, по-видимому, была уничтожена» (Е. Ч. Скржинская, стр. 37).

Изложенная аргументация служит Е. Ч. Скржинской подтверждением ее другого предположения, а именно, что «Getica» была написана Иорданом в Равенне. Равенна выступает в изложении Прокопия «как опорный пункт империи, соединяющий ее с Италией» (стр. 47). Вряд ли «Getica» могла быть составлена в Константинополе, ибо в столице Византийской империи не пользовался бы таким почетом Кассиодор, бывший некогда главной фигурой в Остготском королевстве, и не стал бы так известен Иордан, которого с уважением упоминает анонимный равеннский географ (стр. 49—50). Между тем Иордан, как известно, не только широко обращается к труду Кассиодора, но и сообщает, что, приняв поручение Касталия написать «Getica», он получил хронику Кассиодора (конечно, уже ранее ему известную) от его управителя для повторного «трехдневного чтения», т. е. для просмотра (см. стр. 47—48). При этом Иордан называет Касталия «соседом племени готов» («vicinus genti»), а это, по мнению Е. Ч. Скржинской, можно объяснить только тем, что Касталий находился в это время в пределах владений готов – к северу от реки По, а может быть, в их центре, в городе Тицине, между тем как Иордан был в византийских владениях, т. е. в Равенне (см. стр. 49).

Военно-политическая ситуация после поражения готов при Анконе, когда средоточием готских сил стал именно город Тицин (Павия) и когда готы были оттеснены к северу от реки По, а Равенна противостояла Тицину, была такова, что естественно было составление труда с политической тенденцией «Getica» Иордана именно в Равенне, ибо как раз оттуда, по мнению Е. Ч. Скржинской, «должна была идти в правящую готскую среду пропаганда за признание остроготами власти императора, за отход от собственной политической самостоятельности» (стр. 47). В пользу того предположения, что «Getica» была составлена в Равенне, Е. Ч. Скржинская приводит еще несколько дополнительных аргументов, из которых отметим следующий. По мнению Е. Ч. Скржинской, сторонники того, что Иордан был епископом в калабрийском городе Кротоне, неправильно считали, что диспенсатор Кассиодора выдал Иордану книгу Кассиодора

для просмотра из библиотеки основанного им Вивария (близ Кротона): Виварий был основан после 550 г., и рукописи Кассиодора в 550—551 гг., накануне их отправки в Виварий, вероятнее всего, находились еще в Равенне (см. стр. 49).

Кратко изложенные нами выводы вступительной статьи, дающие ряд новых решений спорных вопросов, сжато сформулированы автором в заключительной части статьи (стр. 56—58).

Что касается перевода Иордана, то мы считаем нужным прежде всего отметить, что всякий перевод исторического памятника есть его толкование. Ценность перевода в значительной степени зависит поэтому не только от эрудиции переводчика, но и от его общей концепции значения и характера переводимого источника. Как мы уже видели, Е. Ч. Скржинская имеет хорошо продуманное и самостоятельное представление о «Getica» Иордана как об историческом источнике. Это – основное условие, обеспечивающее научные достоинства перевода и определяющее плодотворность предлагаемых Е. Ч. Скржинской толкований. Преодолевая значительные трудности в передаче неправильного латинского языка Иордана и его сложного и неудачного литературного стиля, Е. Ч. Скржинская стремилась сочетать близость к оригиналу с доступностью русского перевода для читателя, чего она и достигла.

III

Приступая к изложению наших критических замечаний, мы обратимся прежде всего к комментариям. Начнем с некоторых дополнений, которые, как нам кажется, были бы уместны в примечаниях к Иордану. Эти дополнения касаются, главным образом, тех случаев, когда напрашиваются некоторые параллели между теми или иными явлениями из истории готов и других (частично более ранних) древнегерманских племен.

1. В примечании № 477 приводится свидетельство Орозия о смерти вестготского короля Атаульфа, убитого «из-за козней своих» («dolo suorum», т. е. готов). Может быть, не лишним было бы указать в том же примечании, что Тацит дает аналогичное объяснение убийству Арминия, который, по его словам, пал жертвой коварства своих родных («dolo propinquorum cecidit». – Tac., Annales, II, 88). Как нам представляется, это стоило бы отметить потому, что подобные случаи, – по-видимому, часто имевшие место в истории древнегерманских племен, – указывают на недостаточную прочность королевской власти и на ее борьбу с племенной знатью у древних германцев вплоть до начала V в.

2. В примечании № 248 правильно отмечено, что название крупного – по-видимому, германского – племени «бастарны» – слово кельтское, а не германское, что само по себе еще не решает вопроса об этнической принадлежности бастарнов. Этот факт представляет интересную параллель к тому, что и общеплеменное обозначение древних германцев – «Germani» – слово не германского происхождения, а, может быть, иллирийского; в пользу последней возможности привел интересные аргументы (в том числе эпиграфические данные из придунайских областей) Э. Норден (E. Norden) в своей книге «Alt-Germanien. Völker– und Namengeschichtliche Untersuchungen» (Berlin, 1934). Разбор известного текста «Германии» Тацита (Germ., 2), в котором содержится объяснение переноса названия «Germani» с племени тунгров на всех германцев, см. в другой, более ранней работе Нордена (E. Norden. Germanische Urgeschichte in Tacitus Germania. Berlin, 1922, S. 314—352). Однако указанный текст Тацита еще не дает разгадки самого происхождения названия «Germani», хотя Тацит и указывает, что так называли галлы вытеснившее их с берегов Рейна германское племя тунгров; поэтому гипотеза Нордена об иллирийском, а не о кельтском происхождении названия «Germani» представляет интерес. С другой стороны, указание Тацита на то, что название одного племени, перенесенное галлами на остальные германские племена из страха (ob metum) перед победителем, т. е. тунграми, распространилось на весь «народ» (Germ., 2: ita nationis nomen, non gentis evaluisse paulatim), является любопытной параллелью к отмеченному Е. Ч. Скржинской употреблению Иорданом понятия natio и gens.

3. В примечании № 250 «Аламаннские поля» (Alamannica arva) в § 75 «Getica» Иордана совершенно правильно сопоставляются и отождествляются с так называемыми «Десятинными полями» (agri decumates между верховьями Дуная и Рейном), упомянутыми Тацитом в 29-й главе его «Германии». Нам представляется, что и в этом случае следовало бы упомянуть предложенное Норденом толкование названия agri decumates, которое он производит не от латинского обозначения подати в виде десятины, уплачиваемой римскими колонистами в казну, а от кельтского слова decumat, обозначавшего, по его мнению, «десяток» населявших эти «поля» родоплеменных групп. Книга Нордена «Alt-Germanien» вообще не цитируется в примечаниях к Иордану (ее нет и в списке литературы), между тем она представляет значительный интерес – независимо от согласия или несогласия с теми или иными утверждениями Нордена – в том отношении, что Норден проявляет большую осторожность к

смысловому истолкованию названий древнегерманских племен, в частности, таким, как «тевтоны» (teutoni) и др. Это тем более существенно, что такую же осторожность совершенно правомерно проявляет Е. Ч. Скржинская по отношению к смысловому истолкованию названий остроготов и везеготов, отмечая, что у Иордана нет данных о происхождении этих названий от austr – «блестящий» и от weise – «мудрый» (см. прим. № 277). Кроме того, в этой книге Нордена имеется специальный экскурс, посвященный анализу данных Аммиана Марцеллина об аламаннах.

4. В примечании № 709 совершенно правильно проведена параллель между сообщением Иордана (§ 283) о том, что готам, «которым некогда война доставляла пропитание, стала противна мирная жизнь» (quibus dudum bella alimonia prestitissent, pax coepit esse contraria), и утверждением Тацита, что германцам тягостен мир (Tac., Germ., 14: ingrata genti quies).

Однако следовало бы тут же отметить и различие свидетельств Тацита (в той же главе его «Германии») об отношении древних германцев к труду и войне и сообщения Иордана о готах в § 290 «Getica»: Тацит в знаменитом общем выводе из своего описания быта германских дружинников (гл. 14) подчеркивает, что «их не так легко убедить пахать землю и выжидать урожая, как вызывать на бой врага и получать раны» (nec arare terram aut exspectare annum tam facile persuaseris quam vocare hostem em et vulnera mereri); между тем Иордан в § 290 делает попутно как будто противоположное наблюдение, отмечая, что Теодорих «избрал по испытанному обычаю своего племени (разрядка наша. – *Л. Н.*): лучше трудом снискивать пропитание, чем самому в бездействии пользоваться благами от Римской империи, а людям прозябать в жалком состоянии» (elegit potius solito more gentis suae labore querere victum quam... gentem suam mediocriter victitare). Правда, нам представляется, что по существу противоположности между свидетельствами Тацита и Иордана в данном пункте нет, ибо, с нашей точки зрения, описание Тацита в гл. 14 «Германии» относится лишь к дружинникам – рядовые свободные германцы и землю пахали, и урожай собирали (будучи одновременно и воинами, и земледельцами); тем не менее отметить различие в этих формулировках Тацита и Иордана, как нам кажется, следовало бы.

5. В примечании № 735 Е. Ч. Скржинская считает, что, сообщая о назначении королем готов Тиудимером сына своего Теодориха наследником (Get., § 288: filium regni sui designat heredem), Иордан модернизировал порядок назначения и

избрания королей, ибо, по ее мнению, решающую роль при этом играло народное собрание, которое обычно и аккламировало нового вождя. По этому поводу следует заметить, что передача королевской власти у древних германцев издавна происходила путем сочетания решения народного собрания и избрания королем заранее намеченного лица из среды знати: ср. Tac., Germ., 7: reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt, а также Tac., Annales, XI, 16, 17, где подробно изображается избрание королем херусков Италика, причем одним из аргументов его сторонников в пользу его избрания служит то обстоятельство, что он происходил из королевского рода (stirpis regiae) и был племянником знаменитого Арминия; см., кроме того, сообщение Веллея Патеркула («Historia Romana», I, 108) о знатном происхождении короля маркоманнов Маробода (начало I в. н. э.). К этому же в примечании № 806 к параграфам 169—172 «Getica» отмечено, что у вандалов к концу V в. назначение преемников вошло уже в обычай и что Гейзерих перед смертью (в 477 г.) завещал передать трон старейшему в королевском роде. Эта победа наследования королевской власти над выборностью королей – явление, конечно, более позднее, и притом она не является окончательной: так, в Меровингском государстве королевская власть еще долгое время оставалась выборно-наследственной. Тем не менее, перелом в характере королевской власти и в порядке ее наследования у древнегерманских племен за время от I до V в., несомненно, имел место, но он оформился именно в эпоху основания варварских королевств на территории бывшей Римской империи. До этого провозглашение того или иного лица королем в народном собрании и назначение данного лица его предшественником в качестве наследника королевской власти могло иметь место в самых различных сочетаниях, причем первое и второе могло играть то бóльшую, то меньшую роль – в зависимости от конкретной ситуации[209].

Кроме того, мы имеем следующие замечания по разделу «Комментарий».

1. Правильно разграничивая в примечании № 59 ругиев и лугиев и считая вторых славянским племенем, Е. Ч. Скржинская не ставит вопроса об этнической принадлежности каждого из более мелких племен, входящих в племенной союз лугиев (согласно гл. 43 «Германии» Тацита). Между тем описанный Тацитом культ двух божеств, называемых Алки и напоминающих, по его словам, Кастора и Поллукса, у одного из этих племен, входящего, по мнению Тацита, в состав лугиев, а именно у наганарвалов, очень напоминает древнегерманские культы. Весьма возможно, что Тацит допустил ошибку, причислив

наганарвалов к лугиям, – тем более что он не отмечает наличия подобного культа у других названных им племен «лугийского» союза.

Е. Ч. Скржинская справедливо указывает, что «в источниках, содержащих этнические (почти всегда чуждые автору) названия и описания расселения племен, часто бывают не только неточности, но и путаница». Хотя комментатор совершенно правомерно не относит это общее положение к Тациту, к которому оно и в самом деле менее всего применимо, тем не менее не исключена возможность указанной выше ошибки Тацита (см. стр. 185). Однако вопрос об этнической принадлежности племени наганарвалов этим замечанием еще не разрешается. Кстати, Тацит говорит о ругиях в 44, а не в 43 гл. «Германии»; в 43 гл. (вслед за маркоманнами, квадами и другими примыкающими к ним племенами) упоминаются только лугии, а в 44 гл. – сначала идет речь о лугиях и готонах, а потом о ругиях и лемовиях; в конце же 44 гл. описывается быт свионов; в 43 гл. ругии не упоминаются[210].

2. В примечании № 388 Е. Ч. Скржинская цитирует текст Аммиана Марцеллина об отсутствии рабства у аланов (servitus quid sit ignorabant. – Amm. Marc., XXXI, 2, 25). Интересно было бы поставить вопрос, о каком именно рабстве здесь идет речь. Ибо если в общественном строе аланов «заметны черты военной демократии» (как полагает Е. Ч. Скржинская на стр. 276), то у них могло иметь место так называемое патриархальное рабство, которое на аналогичной стадии развития наблюдается у германских и славянских племен. Отсутствие его у аланов представляет интересную особенность и требует дальнейшего объяснения.

3. В примечании № 379 Е. Ч. Скржинская справедливо отмечает воздействие славян на культуру гуннов (в результате соприкосновения последних с антами в конце IV в. на Днепре и пребывания славян на Тиссе и в Паннонии уже в V в.). Не сказалось ли это влияние (кроме приведенных в примечаниях заимствований отдельных славянских слов) и на изменении уровня хозяйственного развития гуннов, которые постепенно превращались в оседающих на землю кочевников, частично переходивших к низшим формам земледелия? Возможно, что подобный переход происходил и у аланов: трафаретность изображения гуннов и аланов у Аммиана Марцеллина (см. Е. Ч. Скржинская, стр. 277) отмечается некоторыми исследователями, на наш взгляд, совершенно правильно.

4. В примечании № 245 сказано, что название «Каталония» произошло от племенных названий готов и аланов (собственно

«Готоалания») – подобно тому, как «Андалузия» – от названия вандалов; между тем в примечании № 388 это предположение, касающееся Каталонии, отвергается в такой форме: «выражается сомнение относительно того, что имя „аланы“ содержится в некоторых географических названиях; например, Каталония едва ли получалась из Gothalania (стр. 280)». Следовало бы либо точнее указать, кем именно и на каком основании выражается это сомнение, либо как-нибудь согласовать утверждения на стр. 240 и 280.

5. В примечании № 610, посвященном антам, сказано: «не имеется пока в распоряжении историков и достаточно четких следов пребывания готов в Причерноморье». Так как Е. Ч. Скржинская на протяжении всего текста «Комментариев» подробно прослеживает по письменным памятникам пребывание остготов и вестготов в различных областях Северного Причерноморья (см., например, стр. 190—191), то вышеприведенное утверждение, очевидно, имеет в виду отсутствие достаточно определенных археологических данных о пребывании готов в Северном Причерноморье.

6. В примечании № 314 следовало бы несколько уточнить датировку Бургундской Правды: вместо «свод законов конца V– VI вв.» – лучше было бы сказать: «конца V—начала VI вв.»

Большой научной заслугой Е. Ч. Скржинской следует считать установление во вступительной статье («Иордан и его „Getica“») политической тенденции «Getica» и раскрытие ее социального смысла. В пользу своего понимания этой политической направленности «Getica» Е. Ч. Скржинская привела целый ряд весьма существенных аргументов и построила хорошо продуманную систему логических умозаключений. Отнюдь не оспаривая их убедительность, мы позволим себе заметить только следующее.

При всем различии политической тенденции утерянной «Истории готов» Кассиодора и дошедшей до нас «Getica» Иордана историческое содержание обоих сочинений очень близко друг к другу, ибо и то, и другое посвящено истории готов с древнейших времен. Более того, и Кассиодор, и Иордан производят готов от гетов; оба в одинаковой мере прославляют могущество готов на всем протяжении их истории и мощь королевского дома Амалов. Конечно, заключительная часть труда Кассиодора естественным образом отличается от заключения труда Иордана, так как у Иордана и изложение событий доведено до более позднего срока, и политическая тенденция иная. Однако, хотя «Getica» Иордана и может быть названа в известном смысле публицистическим трактатом (см. стр. 72), это обозначение все же далеко не

исчерпывает ее содержания: наряду с этим «Getica» Иордана, как и хроника Кассиодора, есть историческое сочинение, излагающее не только современные авторам события, но всю прошлую историю готов. Это изложение готской истории с I до начала VI в. тоже имеет свою тенденцию, но она у обоих авторов одинакова и заключается в отмеченном выше прославлении готов и преувеличении древности их истории. Преклонение Иордана перед победителями Юстинианом и Велисарием в заключительном параграфе (§316) его «Getica» можно объяснить и как своего рода captatio benevolentiae автора. Поэтому применительно к исторической стороне «Getica» понятно утверждение большинства исследователей (за исключением, может быть, только одного Джунта), что она написана «в духе Кассиодора»[211].

В связи с этим возникает вопрос: для какой цели нужно было, с точки зрения италийской и части готской знати, в изменившейся в 550—551 гг. военно-политической ситуации сохранять в новом труде Иордана прежнее прославление готов и тем более королевского рода Амалов, которому посвящена была хроника Кассиодора? Ведь политическая программа италийской знати ко времени приближавшегося полного поражения Тотилы заключалась, по-видимому, в стремлении к ликвидации Остготского королевства и к включению Италии в состав Восточной империи. Правда, в разделе «Комментарий» Е. Ч. Скржинская отмечает, «что в период написания „„Getica“ Иорданом такая тенденция (преувеличение древности истории готов. – А. Н.) была весьма важна и нужна для политики еще оставшихся в Италии остроготов“ (прим. № 344). Однако, по справедливому мнению Е. Ч. Скржинской, интересами этих „оставшихся в Италии остготов“ нельзя объяснять самый факт изменения общей политической тенденции в „„Getica“ Иордана“ по сравнению с тенденцией хроники Кассиодора, да еще в обстановке окончательного поражения остготов.

В свете высказанных нами соображений представляется не до конца доказанной гипотеза об уничтожении хроники Кассиодора (стр. 37). Почему не предположить, что она просто пропала в обстановке непрестанных военных столкновений, особенно во время начавшегося вскоре после кратковременного византийского господства вторжения лангобардов в Италию? Ведь многие хроники постигла та же участь без их нарочитого уничтожения. Весьма возможно, что хроника Кассиодора именно потому и была утрачена, что ввиду ее больших размеров она была размножена, как полагает Е. Ч. Скржинская, в малом количестве экземпляров, между тем как небольшое сочинение Иордана, так сказать,

«популярно» излагавшее готскую историю Кассиодора, переписано было в большом количестве списков.

По вопросу об отношении самого Кассиодора к составлению «Getica» во вступительной статье Е. Ч. Скржинской заметны некоторые колебания: с одной стороны, она предполагает, что «Касталий, побудивший Иордана составить „Getica“, выражал желание самого Кассиодора и близких ему общественных кругов» (см. стр. 37), а с другой стороны, она считает весьма вероятным, что рукопись Кассиодора была выдана Иордану на очень короткое время именно из боязни скомпрометировать автора в острый политический момент (см. стр. 48) и, более того, что Иордан делал выписки «втайне от бдительного диспенсатора, хранителя интересов Кассиодора» (стр. 49).

Как явствует из изложенного, наши замечания касаются лишь отдельных пунктов построения Е. Ч. Скржинской и некоторых деталей в разделе «Комментарий».

В целом выполненный Е. Ч. Скржинской труд дает советским историкам (в первую очередь, медиевистам, славяноведам и византинологам) образцовое научно комментированное издание одного из важнейших нарративных памятников по истории раннего средневековья в Европе и представляет ценный вклад в науку.

Создание такого труда является большим научным достижением, тем более что в западной историографии нет такого издания Иордана. Большим достоинством этого издания является также и наличие трех подробных указателей (имен, географических и этнических названий), составленных отдельно к переводу и комментарию, и к латинскому тексту «Getica».

Так как рецензируемая книга представляет большой интерес не только для специалистов-историков, но и для более широкого круга читателей, интересующихся историей, а также для аспирантов и студентов, то остается лишь пожелать, чтобы было выпущено второе издание этого труда, первое издание которого уже разошлось.

А. И. Неусыхин

Е. Ч. Скржинская – исследователь и публикатор исторических источников [212]

Елена Чеславовна Скржинская (1894—1981) принадлежала к поколению отечественных историков, сформировавшихся в пору наивысшего подъема гуманитарной науки в России. Собственное редкое дарование Е. Ч., благоприятные условия его созревания и, в особенности, превосходная профессиональная выучка,

полученная ею в молодые годы, позволили Е. Ч. добиться самого высокого мастерства в деле изучения и издания исторических источников. Подготовленное ею русское издание исторического труда Иордана может служить примером лучших достижений отечественной науки о европейском средневековье. В пору подготовки первого издания, вышедшего из печати в 1960 г., Е. Ч. опубликовала часть своего комментария к тексту Иордана в виде отдельной статьи «*О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне*» (*Византийский временник*, т. XII, 1957, с. 3—30). Выдающийся представитель русской исторической науки за рубежом Г. А. Острогорский (1902—1976) так отозвался об этой публикации в своем письме к Е. Ч. от 19 февраля 1958 г.:

«Вот настоящее исследование, – можно сказать, образцовое исследование, по тщательности анализа источников и строгости научного метода. Ваша аргументация, столь же ясная и уверенная, сколь и осторожная, совершенно убедительна, – как в положительных выводах, так и в критических замечаниях. Я читал эту статью с истинным удовольствием». (Наследница Е. Ч., М. В. Скржинская, передала письмо Г. А. Острогорского в недавнее время в Архив С.-Петербургского филиала Института российской истории.)

Уже после выхода в свет основного труда видный венгерский филолог и византинист Г. Моравчик (1892—1972) направил Е. Ч. письмо, датированное 12 декабря 1961 г., где, ссылаясь на мнение венгерских и других европейских коллег, выражал полное согласие с критикой, которой Е. Ч. подвергла толкование отдельных мест в тексте Иордана, предложенное авторитетнейшим ее предшественником Т. Моммзеном (1817—1903). (Ныне это письмо хранится в указанном Архиве.) Одобрение коллег не мешало Е. Ч. критически смотреть на свою работу, и Е. Ч. не переставала вносить исправления и дополнения в изданный труд, которые теперь учтены в новом издании «Getica» Иордана.

Автор этих строк не может претендовать на глубокое знание исторического сочинения Иордана и традиции его изучения, но ему посчастливилось на протяжении нескольких лет близко наблюдать, как работала Е. Ч. В настоящем издании будет уместно дать общий очерк научного творчества Е. Ч. Скржинской, в центре которого всегда находилось обстоятельное изучение и публикация отдельных исторических источников. Мы постараемся показать, что в постоянном сосредоточении внимания на отдельных памятниках истории Е. Ч. повторяла опыт научных изысканий, характерный для лучших представителей отечественной науки.

Е. Ч. Скржинская родилась и выросла в Петербурге в семье, как она сама говорила, трудовой интеллигенции. Ее отец, Чеслав Киприанович Скржинский (1849—1912), был одним из ведущих в России инженеров-электриков. Непосредственным воспитанием Е. Ч., ее сестры и братьев занимался родственник матери, учитель-естественник Я. И. Ковальский (1845—1917), имя которого вошло в историю методов преподавания физики. Но самое глубокое влияние на Е. Ч. оказала ее мать, Елена Владимировна Головина-Скржинская (1856—1930), которая оставалась самым близким другом и конфидентом своих детей и тогда, когда они стали взрослыми людьми. С молодых лет она самостоятельно строила свою жизнь, стала одной из первых в России женщин-врачей, а позднее приобрела и всероссийскую известность как первая женщина, выступившая в качестве судебного эксперта. Незаурядные свойства ее ума и характера привлекали к ней внимание видных общественных деятелей и ученых. Другом семьи стал А. Ф. Кони (1844– 1927); юную Е. Ч. он сделал своей любимицей, наблюдал за развитием ее интересов и приветствовал первые ее научные опыты. Сама Е. Ч. запомнила А. Ф. Кони как человека удивительно ясного ума.

Думается, именно из обстановки семейного воспитания вынесла Е. Ч. заметно ее отличавшую привычку к самостоятельному осмыслению любой, даже самой малой вещи, с которой она сталкивалась, а равно и особый вкус к точному, верному знанию. Отсюда же она, несомненно, вынесла и склонность к постоянному любованию разнообразными человеческими способностями и умениями. В своей семье она восприняла и пронесла через всю жизнь и то воодушевление перед наиболее совершенными творениями европейской и мировой культуры, которое было столь характерно для осознавшей свои силы русской интеллигенции XIX века. Е. Ч. часто говорила, что ощущает русскую культуру XIX века как живую и свою.

Уже в школьные годы у Е. Ч. определилась склонность к внимательному изучению памятников духовной культуры Европы. Ее привлекало западное средневековье, исполненное необыкновенного психологического напряжения и драматизма. Как важнейшие события школьных лет в памяти Е. Ч. запечатлелись работа над сочинением о Бернаре Клервоском и признание, которое эта работа получила: учитель попросил автора сочинения прочитать его перед классом. Тогда же восприняла она и особый культ Италии как страны, исключительно богатой памятниками культуры. Вполне осознанным было для нее поступление в 1912 г. на историко-

филологический факультет Санкт-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов, где тогда преподавали одновременно несколько выдающихся отечественных медиевистов, изучавших прежде всего духовную историю западного средневековья с особым вниманием к истории Италии.

Одно важное свойство как свидетельство высокого уровня, достигнутого к тому времени отечественной наукой о западном средневековье, отличало научное творчество петербургских медиевистов: сколь бы широкими и смелыми ни были их построения, в какие бы головокружительные выси умозрения эти ученые не пускались, всегда в своем творческом воображении они отправлялись от основательного и всестороннего изучения источников. В этом отношении все учителя Е. Ч. были крупными эрудитами. Именно умению понимать разнообразные источники, самостоятельно разбирать их во всех деталях, пользуясь справочной литературой, в первую очередь и учили тогда начинающих историков на Бестужевских курсах. Семинарские занятия, посвященные всегда изучению памятников определенного рода, превратились к тому времени в главную форму обучения, что составляло основу так называемой «предметной системы».[213] Таким образом, уже на первых подступах к исторической науке Е. Ч. была приучена получать знание об истории непосредственно из многочисленных и строго интерпретированных источников, невзирая на их сложность, и проверять по источникам любой научный труд.

Подготовка, полученная Е. Ч. в школьные годы, вполне отвечала тем требованиям, которые предъявлялись к курсисткам, избравшим своей специальностью историю западного средневековья. Е. Ч. знала основные европейские языки, включая начала итальянского, и латинский. На курсах она испробовала свои силы и в чтении греческих авторов в семинарских занятиях у М. И. Ростовцева (1872—1952).

Душой историко-филологического факультета был тогдашний его декан, патриарх петербургской медиевистики И. М. Гревс (1860—1941). Именно ему принадлежит главная честь введения «предметной системы», давшей столь замечательные результаты, что курсистки показывали себя на заключительных экзаменах по специальным отделам так, как если бы они держали экзамен на ученое звание магистра наук. Велико было нравственное влияние И. М. Гревса на начинающих историков. Он умел выразить важные общественные настроения, последовательно утверждал ценности духовной культуры в своей преподавательской и научной деятельности. Исходя из восприятия всей человеческой культуры как целого, он призывал

обращаться от умозрительных занятий текстами к подлинным памятникам общественного быта в их реальном историческом и природном окружении и прежде всего к памятникам эстетически полноценным. Е. Ч. непосредственно развила идеи И. М. Гревса в своих последующих разработках экскурсий по монументальным памятникам Крыма. Знаменательно, что именно ей принадлежит первый развернутый очерк жизни и деятельности И. М. Гревса – достойный памятник этому замечательному человеку[214].

Еще большую роль в становлении Е. Ч. как ученого сыграла О. А. Добиаш-Рождественская (1874—1940). Ко времени поступления Е. Ч. на Бестужевские курсы бывшая ученица И. М. Гревса О. А. Добиаш-Рождественская, по собственному его признанию, уже превзошла учителя своим мастерством, развитым ею в занятиях у классиков французской историографии Ф. Лота (1866—1952) и Ш. Ланглуа (1863—1929). Позднее Е. Ч. стала сотрудницей О. А. Добиаш-Рождественской и в свою очередь заслужила высокое признание со стороны бывшего учителя. В письме к О. Л. Вайнштейну (1894—1980) от 19 июля 1938 г. О. А. Добиаш-Рождественская писала: «Е. Ч. Скржинская – такая давняя моя ученица, а в последние годы – сотрудница, которую из старших моих учеников не могу по совести не признать лучшей как по ее глубокой, разносторонней и тонкой учености... так и по яркой и живой талантливости, литературной, педагогической и научной...»[215]

Вместе с М. А. Тихановой, в будущем известным археологом (1898—1981), и Р. Н. Блох (1899—1943), позднее сотрудницей немецкого исторического института Monumenta Germaniae Historica и признанной поэтессой, Е. Ч. занималась в семинаре по истории средневековых ересей, которым руководил видный историк и философ Л. П. Карсавин (1882—1952). Учитель был покорен личностью молодой Е. Ч. Об этом свидетельствуют, в частности, около 300 писем, адресованных Е. Ч. в разные годы Л. П. Карсавиным. Когда в 1919 г. Е. Ч. закончила Петроградский университет, в состав которого были ранее включены Бестужевские курсы, то по рекомендации именно Л. П. Карсавина Е. Ч. была зачислена в штат вновь образованного научного учреждения – Российской Академии истории материальной культуры, более известной под сокращенным названием ГАИМК (Государственная Академия истории материальной культуры), которое она получила в 1926 г.

В этом высоком учреждении, в окружении крупнейших отечественных ученых окончательно определилась творческая индивидуальность Е. Ч. История этого учреждения освещена в историографии главным образом как история Института

археологии. Но ГАИМК была учреждением, организующим научную деятельность отнюдь не только в области археологии. Непосредственные задачи, поставленные перед вновь образованной Академией, были вполне практическими и внешне ограниченными: изучение «памятников древности, искусства и старины», открытие новых памятников путем раскопок, иные виды их разыскания и сбора, оценка памятников, разработка основ охраны и реставрации, а равно и популяризация знаний о культурно-исторических памятниках[216]. Однако изучение конкретных памятников истории, культуры и быта оказалось весьма подходящей основой для объединения крупнейших историков России – исследователей докапиталистических обществ, этнографов, историков искусства. Позднее, вспоминая пору создания ГАИМК, академик С. А. Жебелев мог с достаточным основанием сказать, что в составе возглавлявших ее действительных членов оказались собраны «почти все наличные в нашей стране научные силы из лиц старшего и среднего поколения»[217].

Ведущие ученые ГАИМК были редкой силы исследователями, сформировавшимися в обстановке общественного подъема в предреволюционные десятилетия; они заново открывали или существенно обновляли обширные области исторического знания на основе самостоятельной проработки часто ими же найденных источников. И можно смело сказать, что для этих ученых, умевших достичь живого видения изучаемой эпохи, памятники истории и культуры не только служили источником знания, не только заключали в себе стимул к упражнению критических способностей и профессионального мастерства, но и являлись предметом настоящего культа как подлинные свидетели и нередко совершенные порождения былой жизни и культуры.

В ГАИМК Е. Ч. перешла от изучения текстов к самостоятельному исследованию подлинных памятников средневековья – надписей на камне, оставленных итальянцами в бывших их колониях в Крыму. На склоне лет она с гордостью вспоминала о замечательных ученых, рядом с которыми пришлось ей работать в начале ее научного поприща. В своих рассказах она рисовала их живые портреты, исполненные достоинства и вместе с тем не лишенные иронических черт. В их числе были сам основатель и глава ГАИМК, лингвист и кавказовед академик Н. Я. Марр (1864—1934), ученый секретарь, историк античности и искусствовед Б. Ф. Фармаковский (1870—1928), византинист А. А. Васильев, возглавивший позднее византинистику в США, и многие другие замечательные ученые. Вероятно, именно в ГАИМК Е. Ч. развила всегда отличавший ее

интерес к смыслу и стилю работы историков самых разных специальностей.

В 1930 г. Е. Ч. была уволена из ГАИМК вследствие проводившейся тогда «чистки». Ей были поставлены в вину посещение церковной службы и приверженность идеям Л. П. Карсавина. Продолжительное время Е. Ч. жила случайными заработками, но не оставляла научной работы и в первой половине 30-х годов сумела опубликовать некоторые свои исследования в авторитетных зарубежных периодических изданиях[218]. Важную веху в ее научной судьбе составило участие в трудах Института истории естествознания и техники, где было собрано большое число высококультурных и талантливых работников. Накануне Великой Отечественной войны Е. Ч. стала доцентом кафедры истории средних веков Ленинградского университета и приступила к чтению курса латинской палеографии. Самый трудный период блокады Е. Ч. провела в осажденном Ленинграде, но затем она была переправлена в Москву и вновь принята на работу в Институт истории материальной культуры (бывшую ГАИМК). В Московском и Ленинградском отделениях этого института она работала с 1943 г. по 1953 г. В период очередных чисток и сокращений в академических институтах Ленинграда Е. Ч. была снова уволена уже в качестве пенсионера.

Начавшаяся в стране политическая реабилитация принесла и Е. Ч. признание ее научных заслуг, и в 1956 г. Е. Ч. была зачислена в штат Ленинградского отделения Института истории Академии наук. Время работы в этом институте (до 1970 г.) оказалось для Е. Ч. наиболее плодотворной порой в ее научной деятельности. Именно здесь она подготовила и осуществила издание труда Иордана. Архив института хранит уникальное собрание средневековых западноевропейских документов. Е. Ч. очень скоро приобрела репутацию самого крупного исследователя этой части архивных сокровищ Института истории. Не лишено символического значения то обстоятельство, что еще на заре своей научной деятельности, в 1916 г., Е. Ч. посетила создателя коллекции западноевропейских документов, унаследованной впоследствии Институтом истории, Н. П. Лихачева (1862—1936), в его доме под номером 7 на Петрозаводской улице, где и поныне размещается эта коллекция. С той поры не прекращалось общение Е. Ч. с Н. П. Лихачевым вплоть до его смерти в 1936 г. Однажды Николай Петрович даже принес папские буллы из своей коллекции в дом Скржинских на Крестовском острове.

Академик Н. П. Лихачев соединял в своих трудах глубокие познания одновременно в русской, византийской и

западноевропейской истории. Важнейшее дело своей жизни он видел в том, чтобы исследовать конкретные пути восприятия Россией мировой культуры с самого начала Русского государства и прежде всего показать культурную преемственность средневековой Руси по отношению к Византии и Италии. Именно такой размах приняли исследования Е. Ч. в зрелую пору ее творчества, и именно такую основную научную и гражданскую задачу она поставила в свою очередь перед собой.

Трудно охватить одним взглядом все многообразие тем, к которым обращалась Е. Ч. В этом отношении ее научное творчество представляет редкий феномен. Коллеги знали Е. Ч. обычно по ее трудам в той области, которой они сами занимались. Между тем Е. Ч. соединяла в себе ряд самых разных исторических специальностей. Как автора русского издания сочинения Иордана более всего ценили Е. Ч. археологи, ведь в этом сочинении содержатся единственные в своем роде свидетельства о народах, населявших Северное Причерноморье, Подунавье и земли к востоку от Балтийского моря в IV—VI вв., в том числе свидетельства о славянских племенах.

Историки Московской Руси знали ее как исследователя итало-русских связей в XV в. (некоторые оригинальные исследования Е. Ч., посвященные этой теме, еще ждут опубликования). Известна ее исключительная роль в воссоздании истории итальянских колоний в Северном Причерноморье в XIV—XV вв. Хотя исследования Е. Ч. затрагивали главным образом периферию византийских владений на севере и западе, наибольшее признание она получила именно как знаток истории Византии. Свое достойное место заняла Е. Ч. среди историков средневекового Запада, хотя она и работала несколько обособленно, так что даже не все коллеги-медиевисты знали о ее фундаментальных познаниях в истории западноевропейского средневековья. Сама Е. Ч. своей основополагающей специальностью считала историю Италии, а главным своим учителем – выдающегося отечественного медиевиста О. А. Добиаш-Рождественскую. Среди работ Е. Ч. по истории западноевропейского средневековья выделяется единственный в нашей историографии большой (в восемь авторских листов) очерк истории средневековой техники[219]. Е. Ч. была крупным знатоком средневекового латинского документа; немногие среди отечественных ученых знали латинских писателей средних веков (историков, бытописателей, агиографов, эрудитов и ученых) в таком широком охвате и разнообразии, со столь интимным проникновением в их творчество, как Е. Ч.

Ряд важных специальностей Е. Ч. представлен пока

преимущественно или даже исключительно в ее обширном рукописном наследии. В ожидании более подробного обзора научного архива Елены Чеславовны, ныне хранящегося в С.-Петербургском филиале Института российской истории РАН, укажем только на те работы, которые свидетельствуют о наименее известных сторонах ее деятельности как историка. К раннему периоду (конец 10-х—первая половина 20-х гг.) относятся работы, посвященные истории Южной Италии (очерк о хронике аббатства Монте-Кассино, материалы к истории Неаполитанского королевства в XIII в. и др.), транскрипции и резюме папских булл из собрания Российской Национальной библиотеки, весьма интересное исследование по литургике. Из более поздних работ остались неопубликованными, в частности, переводы греческих и латинских свидетельств о хазарах, которые вместе с вводной статьей и комментарием к ним составляют целую книгу. По тематике к этой работе примыкает опубликованная посмертно большая статья о половцах (о русском названии этого народа и о главной области его расселения[220]. Замечательные находки содержатся в законченных, хотя и оставшихся во фрагментарном изложении, исследованиях последних лет жизни Елены Чеславовны о русско-византийских связях в XII в.

Уже один этот далеко не полный перечень тем, которыми Е, Ч. занималась в продолжение своей научной деятельности, заставляет признать в ней фигуру, редкую в исторической науке. Правда, в целом исследовательские интересы Елены Чеславовны сосредоточены вокруг одной обширной историко-географической области – Северного Причерноморья и соседствующих с ним земель по течению Дуная. Однако и в этих пределах материал, который она исследовала, чрезвычайно пестр и относится к самым разным эпохам и народам.

И все же в трудах Е. Ч. можно проследить некоторый объединяющий мотив. Вскрыв его, мы по-настоящему оценим своеобразие ее творчества, особое его место в современной исторической науке и подойдем к источнику той одухотворенности, которой веет от научных произведений Е. Ч. Скржинской. При более внимательном взгляде мы увидим, что разнообразные научные опыты Елены Чеславовны объединяются уже самим чрезвычайно строгим и последовательным методом изучения исторических источников, а главное, что в своей работе она настойчиво преследовала одни и те же сознательно поставленные цели в тесном единстве задачи и метода.

При чтении работ Е. Ч. нетрудно заметить, что исторический памятник для нее не менее важен, чем сами

засвидетельствованные в нем события, и, пожалуй, можно сказать, что в большинстве ее исследований именно конкретные памятники являются главным предметом изучения, и эти исследования воспринимаются как законченные произведения, выполняющие свою задачу независимо от того значения, которое они могут иметь для будущих обобщающих трудов. Е. Ч., как правило, описывает памятник «со всех сторон», старается с исчерпывающей полнотой обрисовать его, так сказать, внутреннюю и внешнюю форму. Передавая черты более внутреннего, умозрительного свойства, она учитывает особенности фонетического правописания, грамматики и синтаксиса, способы сокращения слов, формулярий (если речь идет о документе или памятной надписи), в частности, способы датировки, а равно и характерные риторические приемы, лексический состав и особенности построения мысли; она не оставляет нераскрытым ни один символ (объясняя, к примеру, каждый геральдический знак, которым сопровождается надпись на камне), восстанавливает иконографические традиции, которым следовал автор памятника (скажем, в изображении верхнего облачения того или иного персонажа, представленного на печати). Е. Ч. умела создать зримое, пластическое представление о внешней форме памятника, учитывала свойства материала, пропорции памятника, особенности искусства резьбы по камню (причем за письмом надписей, высеченных на камне, она всегда представляла современное ему письмо на мягком материале) или способ, которым была отлита печать, все особенности письма.

Таким образом, в исходе своего исследования Е. Ч. подходила к памятнику с предельно четким представлением о тех знаниях, умениях и навыках, которыми руководствовался и которые применял автор памятника, и до известной степени она как бы воспроизводила сам процесс создания памятника. В свете обстоятельных сведений, которые сообщает о нем Е. Ч., памятник истории выступает всегда и как памятник культуры того народа и той эпохи, к которым принадлежал древний писатель, нотарий или мастер, создатель памятника. С другой стороны, сосредоточивая внимание на самих исторических памятниках, Е. Ч. почти никогда не ограничивалась описанием только их формы и внутренних свойств или их конкретного назначения и судьбы в веках, но старалась осветить и все отображенные в памятнике дела, события и обстоятельства[221]. Описывая то, как работал писатель или мастер, как справлялся он с теми частными задачами, которые перед ним возникали, Е. Ч. показывала, в конечном счете, как он умел придать строгую, общепонятную и

часто художественную форму сырому материалу истории. В ее трудах ощутимо переживание самого культурного творчества, совершавшегося много столетий назад. Так на собственном опыте осуществляла она настойчиво выдвигаемое ею требование «теснейшего и вразумительного соприкосновения с источником»[222]. Это проникновение в создание автора памятника, более чем что-либо другое, и делало возможной ту полноту эмоционального восприятия прошлого, которой отличаются работы Е. Ч.

Памятники, которыми занималась Елена Чеславовна, почти все без исключения относятся к разряду письменных исторических источников, хотя содержащийся в них (например, в поминальной надписи на кресте или в легенде на печати) текст и ограничивался порой немногими словами. Исследовательское мастерство Е. Ч. проявилось прежде всего в тонком разборе способов выражения мысли, передачи сообщения; ее пристальное внимание было одинаково направлено и на общую композицию произведения и на смысл отдельных понятий[223]. Превосходно владея искусством слова, она глубоко сознавала всю сложность этого искусства, его беспредельные возможности, и за неясным, часто неумелым или слишком свободным выражением мысли в древнем памятнике она не спешила предполагать отсутствие смысла. Большое доверие к уму и знаниям древних авторов заметно отличает ее от многих ученых, в чем сказалась ее твердая убежденность в разумных началах культуры и культурного творчества в каждую историческую эпоху. Свою правоту в этом отношении она многократно и блестяще доказывала, в частности, в толковании тех мест в тексте «Getica» Иордана, где речь идет о западной границе расселения славян в VI в.[224] Столь же замечательным образом, заново прочитав дату надгробия монаха и архитектора Иоанникия, Елена Чеславовна освободила автора надгробной надписи XI в. от незаслуженного обвинения со стороны прежнего исследователя, академика В. В. Латышева (1855—1921), в незнании правильного летосчисления[225]. С подлинным вдохновением раскрывает она значение исторических свидетельств любимого ею поэта, писателя и мыслителя XIV в. Франческо Петрарки[226].

Пафос научной деятельности Е. Ч. в немалой мере определялся страстным желанием показать, что памятники истории часто намного содержательнее, чем принято считать в науке[227]. Исследовательница умела прочитать древний текст на редкость внимательно. Е. Ч. говорила о самой себе, что она «чувствительна к неясности», и останавливалась на тех местах в тексте, мимо которых проходили другие исследователи, либо

вообще не осознав их своеобразного и важного значения, либо удовлетворившись ранее предложенным толкованием, далеким от точного смысла текста. Терпеливо и неспешно разворачивала она в ясной последовательности мысль древнего автора, и в конце концов ей удавалось убедительным образом показать, что именно хотел сказать этот автор. Весьма существен вклад Е. Ч. в объяснение содержания важных исторических источников, в восстановление их правильного чтения[228]. Исходя из внутреннего смысла памятника, прибегая к взаимному освещению источников, она впервые раскрыла реальное содержание ряда понятий, личных имен, географических наименований, прежде казавшихся в источниках темными и загадочными. К сожалению, многие положительные сведения, которыми Елена Чеславовна обогатила историческое знание и которые непременно должны войти в словари и справочники, пока остаются лишь частью ее рукописного наследия.

Детальное изучение содержания каждого исторического источника в неразрывной связи с формой, в которую оно отлилось, превращается в исследование судеб многих народов и их культуры и вообще важных связей и перипетий в истории европейской цивилизации, особенно, когда это касается памятников истории и культуры Северного Причерноморья и Нижнего Подунавья в средние века. Ведь здесь на протяжении более чем тысячелетнего периода, с V по XV вв., который изучала Е. Ч., взаимодействовали и сменяли друг друга самые разные народы, происходившие здесь события глубоко потрясали греко-римский мир на его закате, а затем весьма сильно отражались на делах Византии и вновь образовавшихся на Балканах государств, как и средневековой латинской Европы, непосредственно затрагивали жизнь Древней Руси. Между тем письменные свидетельства об истории этой обширной области весьма скупы, и почти всякий памятник, изученный исследовательницей, уникален. Рассматривая каждый текст и его древнее материальное воплощение, когда он в таковом дошел до нас, как памятник культуры того или иного народа (умственной, правовой, художественной, а равно и технической), Е. Ч. не менее увлеченно и, как правило, с предельной обстоятельностью исследовала все выступающие в этом историческом памятнике отношения письменных народов между собой и с кочевой Евразией – отношения политические, торговые, культурные и церковные. С особо живым вниманием наблюдала она ту незримую духовную связь разных народов, которая устанавливалась, когда люди, писавшие на разных языках – греческом, латинском или древнерусском, – освещали одни и те

же события и явления, по-разному проявляя свое искусство в увековечении памятных дел, и по-своему изображали другие народы, обнаруживая свой интерес к ним.

В доскональном знании памятников истории и культуры одновременно нескольких, во многом мало похожих народов и заключается главным образом редкий характер исторических исследований Е. Ч. На протяжении всей своей жизни она терпеливо подбирала ключи к этим памятникам, овладевая одной за другой множеством вспомогательных исторических дисциплин: историческим языкознанием, палеографией, сначала латинской, затем греческой и, наконец, русской эпиграфикой, в такой же последовательности, дипломатикой, специальными разделами истории права, сфрагистикой, нумизматикой, исторической географией, ономастикой, генеалогией и т. д. Уже в 1928 г. труды Е. Ч. в области латинской эпиграфики увенчались изданием в Италии ее корпуса латинских надписей генуэзских колоний в Крыму[229] – книги, которую в свое время О. А. Добиаш-Рождественская назвала «классической»[230].

В первой половине 30-х гг., будучи прекрасно осведомленной на основе изучения оригинальных источников в истории Южной Италии в средние века, Елена Чеславовна исправила почти на два столетия датировку изученного и опубликованного В. Н. Бенешевичем документа на греческом языке из сицилийского города Мессины и тем самым доказала его особо редкий характер. При этом она воссоздала всю историческую обстановку, в которой документ возник, что позволилло датировать его в пределах двух десятилетий[231]. Таким образом, первый значительный опыт Е. Ч. в византинистике был выполнен в успешном соревновании с европейски признанным знатоком византийского права, каким был В. Н. Бенешевич (1874—1938). Четверть века спустя благодаря основательному владению средневековой греческой палеографией и дипломатикой, а главное, благодаря хорошему знанию древнерусского летописания, Е. Ч. не только впервые правильно прочла уже упомянутую нами греческую надпись из Тмутаракани, прежде изученную Латышевым, но и весьма убедительным образом связала имя монаха и архитектора Иоанникия, героя надписи, с деятельностью первого русского летописца – Никона.

Накопленная с годами эрудиция позволяла найти путеводную нить в решении чрезвычайно трудных вопросов, которые встают перед исследователем памятников средневековой письменности, в особенности при толковании имен и названий, при разборе хронологических показаний. И Е. Ч. не жалела сил и времени, когда чувствовала себя в состоянии раскрыть памятник, в той или

иной части еще неведомый науке.

В последние десятилетия ее долгой жизни настоящей страстью Е. Ч. становилось изучение тех исторических источников, которые отразили различные связи молодого Русского государства с Византией и Италией – теми средневековыми странами, в которых она видела прежде всего главных восприемников античной культуры, перевоплотивших к тому же ее в наиболее совершенных формах. Здесь-то и развернулась с новой силой эрудиция ученой. К сожалению, ей не удалось в полной мере осуществить замысел написания большого труда «Италия, Византия и Русь в XII в.». Но среди ее рукописных материалов находится несколько в основном законченных исследований, выполненных в русле этой общей работы. Все они чрезвычайно ценны для отечественной истории: благодаря главным образом тщательному сопоставлению с византийскими источниками исследовательница заново прочитала ряд свидетельств русских летописей, разъяснила некоторые географические названия и имена действующих лиц, убедительно перестроила принятую в науке хронологию событий. Есть основания надеяться, что научная общественность познакомится и с этой, до сих пор еще почти неизвестной, стороной исследовательской деятельности Е. Ч. Скржинской.

Взаимные связи стран средиземноморской Европы и Руси, судьбы культуры греческой, латинского Запада и русской, исследуемые на конкретных памятниках, представляют увлекательнейшее – Елена Чеславовна сказала бы «упоительное» – зрелище. Но не одна любознательность, пусть связанная с сознательным стремлением достичь эмоционального переживания истории и с привычкой к предельно тщательной работе, двигала и направляла научные изыскания Е. Ч. Настоящий нерв ее научного творчества надо искать глубже.

В постоянном сосредоточении на конкретных исторических памятниках, в неизменном восприятии их в качестве памятников культуры для Елены Чеславовны заключалось по-своему осознанное служение истине и общественной пользе; на этой же основе вырастал ее интерес к традициям отечественной культуры.

Как всякий настоящий ученый, испытывая живейшее чувство глубины непознанного и одновременно острое желание точного знания, Е. Ч. начинала себя чувствовать достаточно уверенно в изучении истории лишь тогда, когда ей удавалось отчетливо рассмотреть, как, по каким правилам построен конкретный исторический источник и какие смысловые связи в нем проведены. Свое отношение к источнику в деле исторического познания Е. Ч. умела передать в прочувствованных образах.

Например, в статье 1940 г. «Неиспользованные источники преподавания истории», к которой выше мы уже обращались, она так говорит о важности твердого знания источников: оно необходимо для того, «чтобы в невольном иногда уклоне в модернизацию не исказить трудно проявляемого, часто туманного лица далекого прошлого»[232].

Мера понимания реальной исторической обстановки для Е. Ч. определялась в первую очередь мерой проникновения во внутренний смысл конкретных источников. В другой программной статье того же времени, посвященной преподаванию латинской палеографии, курс которой в предвоенные годы она вела в Ленинградском университете, Е. Ч. писала: «Если историк не знает источников, если он не опирается на них и не исходит из них в своих построениях – он не историк, а только начетчик исторических книг, пусть даже образованный, но неизбежно подверженный опасности оказаться во власти концепций тех или иных авторов использованных им сочинений»[233].

Свойственная Е. Ч. Скржинской манера работы – в общем подходе к историческому источнику постоянно выделять, высоко их оценивая, сами по себе формы былой культуры, в которых выражено историческое свидетельство – коренилось в глубокой личной потребности и в то же время была связана с заветными мыслями об общественном призвании ученого-историка. Имея в виду определяющее значение исторически сложившейся культуры для всей нашей умственной деятельности, Елена Чеславовна не уставала повторять: «Мы пронизаны культурой». Изучение памятников истории и культуры давало возможность составить представление о функциях конкретных форм культуры в прошлом и воспринять культуру в ее реальном становлении. Иными словами, изучение подлинных памятников истории как памятников культуры в трудах Е. Ч. было устремлено в конечном счете на то, чтобы придать собственному сознанию и сознанию тех, к кому ее творчество было обращено, большую ясность и тем самым увеличить человеческие возможности для плодотворной деятельности.

Именно такой высокий смысл вкладывала Е. Ч. в свои научные занятия. В рецензии на книгу академика И. Ю. Крачковского (1883—1951) «Над арабскими рукописями» она писала по поводу содержащихся в книге очерков жизни и деятельности трех ученых-арабистов (Рейске, Гиргаса, Сольхани): «Все три образа убедительно говорят о высокой миссии науки в человеческой культуре, об ученом как вершителе большого дела, нужном для роста и совершенствования человечества»[234]. Эти

слова вполне могут быть восприняты как определение смысла собственного творчества Е. Ч. – только с таким пониманием своей задачи могло быть связано часто повторяемое ею требование «вдохновенной» работы.

Естественно возникает вопрос, как можно видеть культуру в ее историческом генезисе, сосредоточивая всякий раз внимание на конкретном памятнике, будучи, так сказать, привязанным к его неповторимому лику. Но при той полноте анализа, которой Е. Ч. обычно добивалась в исследовании частного предмета, было неминуемым детальное знакомство с различными сторонами культуры общества, в котором тот или иной памятник возник. Коллеги Е. Ч. неоднократно отмечали, что в ее трудах можно почувствовать само дыхание или, говоря по-иному, движение истории. Ее метод будет правильно определить латинской формулой: pars pro toto.

В упомянутой выше рецензии на книгу академика И. Ю. Крачковского – надо заметить, приветственно встреченной самим автором – Е. Ч. привела следующее высказывание автора по поводу судьбы в веках одного выдающегося памятника средневековой литературы, дошедшего до нового времени в единственном списке, а равно и по поводу истории его изучения: «(Получилась. – *В. М.*) картина величественная и поучительная, в которой, „как солнце в малой капле вод“, отражается неустанное движение человеческой культуры»[235]. Здесь же поместила она и другое, более общее суждение автора о самом широком и актуальном значении исследования конкретных памятников письменности: «Рукописи сближают людей. Знакомство с ними, как проникновение в природу, как восприятие искусства, расширяет горизонт человека, облагораживает всю его жизнь, делает его участником великого движения человечества на пути культуры»[236]. Е. Ч. нашла в И. Ю. Крачковском, ученом, казалось бы, далеком от нее по области специальных занятий, человека, наиболее близкого ей по духу своей деятельности; она всегда с большим воодушевлением говорила о былом дружеском общении с ним и особенно ценила его способность верно и емко, с тонким вкусом выражать те самые мысли, которые ее волновали. Приведенные слова почтенного академика-арабиста с полным правом могут быть отнесены к научным трудам Е. Ч. как еще одно весьма существенное определение их смысла.

Особенно ярко личная причастность Е. Ч. к «движению человечества на пути культуры» проявилась в ее деятельности по изданию исторических памятников. Она умела по-настоящему ввести памятники прошлого в нашу живую культуру, как бы восстанавливая связь времен. Благодаря не только

основательному владению рядом европейских языков в их различных исторических состояниях, но и художественному чувству родного слова, тонкому знанию его богатых смысловых и стилистических возможностей Е. Ч. дала важным историческим памятникам вторую жизнь в стихии русского языка. Своей кропотливой интерпретацией каждого малопонятного в оригинале или особо значимого слова она сделала эти памятники для нас внятными, доступными нашему пониманию в их наиболее существенных и своеобразных деталях. Так мы получили лишнюю возможность увидеть прошлое как бы глазами его свидетелей, в их часто красочном, драматичном и порой высокохудожественном изображении, проникнуться их переживаниями, познакомиться с мастерством авторов, творивших в самые разные периоды средневековья, в самых разных исторических и культурных условиях в течение более тысячи лет, начиная с живших в V—VI вв. Олимпиодора и Иордана и кончая писателями эпохи Возрождения, великим Петраркой и принявшимися на склоне лет за мемуары венецианскими купцами и дипломатами Иосафатом Барбаро и Амброджио Контарини.

В. И. Мажуга

«GETICA»
Перевод и латинский текст

О происхождении и деяниях гетов

{*1*} Хотел я, влекомый малым своим суденышком, плыть вдоль тихого берега и – как говорит кто-то – ловить мелкую рыбешку в стоячих водах предков, а ты, брат мой Касталий, понуждаешь меня пуститься на всех парусах в открытое море, отбросив ту работенку, которая сейчас у меня в руках, а именно – сокращение хроник, Ты убеждаешь меня передать своими словами, – втиснув вот в такую малую книжку, – целых двенадцать томов Сенатора о происхождении и деяниях гетов, где изложение спускается по поколениям и королям от древнейших времен и доныне. {*2*} Повеление весьма жестокое, данное человеком, который как бы и знать не желает о всей тягости подобного труда.

Не замечаешь ты того, что дыхание у меня слишком слабо, чтобы наполнить воздухом столь великолепную трубу его [Кассиодора] красноречия. Превыше же всего тягость в том, что не дано нам возможности пользоваться теми книгами, поскольку мы послушно следуем именно за его [Кассиодора] мыслью: ведь я предварительно перечел эти книги, по милости его управителя, – если не ошибаюсь, – в течение всего трех дней. Хотя я и не припоминаю самых слов этих книг, однако я уверен, что целиком удержал в памяти и их замысел, и [описанные] события. {*3*} Кроме того, я добавил к ним кое-что соответственное из некоторых историй как греческих, так и латинских, перемежая и начало, и конец, и многое в середине собственным своим рассказом.

Прими поэтому то, чего ты требовал, без осуждения, но благосклонно, читай же с наивысшей благосклонностью.

Если о чем-нибудь сказано мало, а ты сам, живущий в соседстве с [описываемым] племенем, припоминаешь большее, сделай свои добавления, дорогой брат, вознося за меня молитву.

Господь с тобой. Аминь.

{*4*} Предки наши, как передает Орозий[1], утверждали, что земной круг, ограниченный океаном, оказывается трехчастным[2], и назвали три его части Азией, Европой и Африкой.

Об этом трехчастном пространстве земного круга писали едва ли не бесчисленные писатели; они не только рассказывают о местоположении городов и стран, но, – что гораздо убедительнее, – измеряют количество шагов[3] и миллиариев[4]; они также определяют вмешанные в морские течения острова как большие, так и меньшие, называемые {*5*} ими то Кикладами[5], то Спорадами[6] и лежащие в неизмеримых водах огромного моря.

Однако не только никто не принимался за описание недосягаемых крайних пределов океана, но никому даже не удалось доплыть туда, {6} потому что из-за сопротивления водорослей и затишья в дыхании ветров он [океан] считается непереходимым и никому не ведомым, кроме разве того, кто его создал.

Ближайший к нам берег этого моря, который мы и назвали кругом всего мира, охватывает его пределы наподобие венца, но повсюду известен тем любознательным людям, которые захотели бы писать об этих вещах, потому что круг земли заселен и многие острова того моря обитаемы. Таковы на востоке, в Индийском океане, Гиппод[7], Ямнесия[8], «Солнцем сожженный»[9], хотя и необитаемый, однако достаточно протяженный пространством своим в длину и в ширину; затем Тапробана[10], красующийся десятью сильно укрепленными городами, не считая крепостей и поместий[11]; еще один, вообще приятнейший, остров {*7*} Силефантиида[12], а также Терон[13]; оба они, хотя о них и не дал пояснения ни какой писатель, вдоволь заселены местными землевладельцами[14].

На западе тот же океан имеет несколько островов, известных почти всем, потому что множество людей посещают их и возвращаются обратно. Есть неподалеку от Гадитанского пролива[15] один остров, называемый «Блаженным», и другой, именуемый «Счастливым»[16].

Несмотря на то что многие считают оба мыса – как Галиции[17], так и Лизитании[18] (те, на которых до сих пор виднеются: на одном храм Геркулеса, а на другом – памятник Сципиону[19]), также островами, тем не менее, ввиду того что они составляют оконечность земли Галиции, они принадлежат скорее к большой земле Европы, чем к {*8*} островам океана.

Содержит он среди волн своих еще острова, именуемые Балеарскими[20], и Меванию[21], а кроме того, острова Оркады; числом их 33 впрочем, не все из них обитаемы[22]. На крайнем же западе есть в {*9*} океане еще один остров, по имени Туле, о котором Мантуанец, между прочим, сказал: «Да служит тебе крайняя Фула»[23].

Это же самое громадное море с арктической, т. е. северной стороны имеет обширный остров по названию Скандза[24]. С него-то и надлежит нам, с божьей помощью, повести нашу речь, потому что то племя, о происхождении которого ты с нетерпением хочешь узнать пришло на европейскую землю, вырвавшись подобно пчелиному рою[25] из недр именно этого острова; каким образом и как это случилось мы – даст бог – изложим в дальнейшем[26].

{*10*} Теперь, насколько смогу, вкратце расскажу об острове Британии[27], расположенном в лоне океана, между Испаниями, Галлиями[28] и Германией. Хотя, как сообщает Ливий[29], издревле никто не объезжал всего острова целиком, у многих, тем не менее, появились различные догадки в беседах о его величине.

Британию, долго недоступную оружию, открыл римлянам Юлий Цезарь[30] в сражениях, которых искал для одной лишь славы. Ставшая затем доступной для многих смертных как ради торговли, так и по иным причинам, она вполне раскрылась последующему, не лишенному пытливости, поколению.

К [описанию] ее положения мы и переходим, поскольку восприняли [сведения] о ней от греческих и латинских авторов. {*11*} Большинство из них считают ее сходной с треугольником; она простирается к северо-западу и обращена большим своим углом к устьям Рейна; сжимаясь затем по ширине, она вытягивается косо назад, заканчиваясь двумя другими углами; обеими дальнейшими сторонами она тянется вдоль Галлии и Германии.

{*12*} По рассказам, Британия там, где она шире всего, простирается на 2310 стадиев, а длина ее не превышает 7132 стадиев[31]. Покрытые то кустарником, то лесом, лежат ее равнины, местами все же вырастающие в горы; ее обтекает недвижное море, которое нелегко отступает под напором весел и не вздувается от веяния ветров; я думаю, что весьма далеко отодвинутые земли не создают причин к движению: ведь морская гладь простирается там шире, чем где бы то ни было.

Страбон[32], славный греческий писатель, рассказывает, что Британия испаряет такие сильные туманы, – будучи увлажнена в своей почве частыми наводнениями с океана, – что прикрытое [ими] солнце недоступно зрению в течение почти всего такого весьма сумрачного, хотя [на самом деле] и ясного дня. Ночь же, как повествует автор {*13*} «Анналов» Корнелий[33], в наиболее удаленной части [Британии] весьма светла и чрезвычайно коротка.

Британия обильна множеством металлов и богата растениями, причем более всего такими, которыми питаются преимущественно овцы, а не люди.

Там много очень больших рек; они текут то в ту, то в другую сторону[34] и катят [в своих волнах] драгоценные камни и жемчужины.

У силуров лица смуглые; они рождаются по большей части с курчавыми черными волосами; у жителей же Каледонии[35] волосы рыжие, тела крупные, но вялые; они сходны либо с галлами, либо с {*14*} испанцами, смотря по тому, живут ли они

против тех или других[36]. Отсюда некоторые домышляют, что Британия из них-то [из числа галлов и испанцев] и приняла своих обитателей, призванных благодаря соседству. Эти племена вместе со своими королями[37] одинаково дики; по словам Диона[38], знаменитейшего составителя анналов, все они согласились [принять] имена каледонцев и меатов.

Живут они в хижинах из прутьев, под общей кровлей с овцами, но нередко леса служат им домом. Не знаю, ради ли украшения или {*15*} по другой какой-то причине расписывают они себе тела железом[39].

Весьма часто ведут они войну между собою, то из-за стремления к власти, то ради увеличения своих владений, и не только на конях или пешими, но также на бигах и на снабженных косами колесницах, которые они в просторечии называют эсседами[40].

Вот то немногое об острове Британии, о чем я и рассказал; этого достаточно.

{*16*} Возвратимся к положению острова Скандзии, который мы оставили выше.

О нем упомянул во второй книге своего сочинения Клавдий Птолемей[41], знаменитый описатель земного круга; он говорит, что на просторах северного океана расположен большой остров по имени Скандза[42], подобный лимонному листу, с изогнутыми краями, вытянутый в длину и закругляющийся. О нем же сообщает и Помпоний Мела[43], говоря, что Скандза расположена в Коданском заливе[44] моря и что берега ее омывает океан.

{*17*} Скандза лежит против реки Вистулы[45], которая, родившись в Сарматских горах[46], впадает в северный океан тремя рукавами в виду Скандзы, разграничивая Германию и Скифию.

Скандза имеет с востока обширнейшее, углубленное в земной круг озеро[47], откуда река Ваги[48], волнуясь, извергается, как некое порождение чрева, в океан. С запада Скандза окружена огромным морем, с севера же охватывается недоступным для плавания широчайшим {*18*} океаном, из которого, будто какая-то выступающая рука[49], образуется Германское море, вытянутое вроде залива. Говорят, что там расположены также какие-то мелкие, но многочисленные острова; рассказывают еще, что если в случае замерзания моря от сильного мороза на них переходят волки, то [волки] лишаются зрения. Таким {*19*} образом, эта земля не только негостеприимна для людей, но жестока даже для зверей.

Хотя на острове Скандзе, о котором идет речь, живут многие различные племена, но Птолемей упоминает названия лишь семи

из них[50]. Из-за страшного холода там не найти нигде медоносного пчелиного роя[51].

В северной части [острова Скандзы] живет племя адогит; рассказывают, что в местах его [обитания] в середине лета сорок дней и сорок ночей продолжается непрерывный свет, а в зимнее время в течение того же числа дней и ночей племя это не знает ясного света. Так чередуются печаль с радостью, но это не похоже на иные [чередования] {*20*} благополучия и несчастья. Почему это так? Потому что в более длинные дни люди видят, как солнце возвращается на восток по краю неба; в более же короткие дни оно у них видно не так, но по-иному, потому что оно проходит через южные знаки; нам кажется, что солнце поднимается снизу, а им, – как рассказывают, – что оно идет кругом по краю земли[52].

{*21*} Есть там еще племя – скререфенны; они не требуют хлебного питания, но живут мясом диких зверей и птичьими яйцами. В болотах там рождается столько живности, что возможно и размножение породы и полное насыщение людей[53].

Другое племя, живущее там же, – суэханс; они, подобно туринган[54], держат превосходных коней. Это они-то [суэханс?] и пересылают посредством торговли через бесчисленные другие племена сапфериновые {*22*} шкурки[55] для потребления римлян и потому славятся великолепной чернотой этих мехов. Племя это, живя в бедности, носит богатейшую одежду.

Следует затем целая толпа различных племен: тевсты, вагот, бергио, халлин, лиотида[56]; населенная ими местность представляет собой плодородную равнину, почему они и подвергаются там нападениям и набегам других племен.

За ними живут ахельмил, финнаиты, фервир, гаутигот, племя жестокое и в высшей степени склонное к войнам.

{*23*} За ними – миксы, евагры, отингис. Все они живут по-звериному в иссеченных скалах, как бы в крепостях. С внешней стороны от них находятся остроготы, раумариции, эрагнариции, кротчайшие финны – наиболее низкорослые[57] из всех обитателей Скандзы, а также похожие на них виновилот; светиды, известные в этом племени как превосходящие остальных [величиною] тела, хотя и даны, вышедшие из того же рода, – они вытеснили герулов[58] с их собственных мест, – пользуются среди всех племен Скандии славой по причине своего {*24*} исключительного роста. Однако статностью сходны с ними также граннии, аугандзы, евниксы, тэтель, руги[59], арохи, рании.

Над ними был немного лет тому назад королем Родвульф[60]. Он, презрев свое королевство, укрылся под защиту Теодериха, короля готов, и нашел там то, чего искал.

Все эти племена, превосходящие германцев как телом, так и

духом, сражались всегда со звериной лютостью.

{*25*} С этого самого острова Скандзы, как бы из мастерской, [изготовляющей] племена, или, вернее, как бы из утробы, [порождающей] племена, по преданию вышли некогда готы[61] с королем своим по {*26*} имени Бериг. Лишь только, сойдя с кораблей[62], они ступили на землю, как сразу же дали прозвание тому месту. Говорят, что до сего дня оно так и называется Готискандза[63]. Вскоре они продвинулись оттуда на места ульмеругов[64], которые сидели тогда по берегам океана; там они расположились лагерем, и, сразившись [с ульмеругами], вытеснили их с их собственных поселений. Тогда же они подчинили их соседей вандалов[65], присоединив и их к своим победам.

Когда там выросло великое множество люда, а правил всего только пятый после Берига король Филимер, сын Гадарига[66], то он постановил, {*27*} чтобы войско[67] готов вместе с семьями двинулось оттуда. В поисках удобнейших областей и подходящих мест [для поселения] он пришел в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум[68].

Филимер, восхитившись великим обилием тех краев, перекинул туда половину войска, после чего, как рассказывают, мост, переброшенный через реку, непоправимо сломался, так что никому больше не осталось возможности ни прийти, ни вернуться.

Говорят, что та местность замкнута, окруженная зыбкими болотами и омутами; таким образом, сама природа сделала ее недосягаемой, соединив вместе и то и другое.

Можно поверить свидетельству путников, что до сего дня там раздаются голоса скота и уловимы признаки человеческого [пребывания], {*28*} хотя слышно это издалека.

Та же часть готов, которая была при Филимере, перейдя реку[69], оказалась, говорят, перемещенной в области Ойум и завладела желанной землей. Тотчас же без замедления подступают они к племени спалов[70] и, завязав сражение, добиваются победы.

Отсюда уже, как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем[71], как это и вспоминается в древних их песнях как бы наподобие истории и для всеобщего сведения; о том же свидетельствует и Аблавий[72], выдающийся описатель {*29*} готского народа, в своей достовернейшей истории. С такими предположениями согласны и многие из старших писателей; однако Иосиф[73], правдивейший рассказчик анналов, который повсюду блюдет правило истины и раскрывает происхождение вещей от самого их начала, опустил,

неведомо почему, сказанное нами о началах племени готов. Упоминая лишь о корнях их от Магога[74], он уверяет, что зовутся они скифами и по племени, и по имени[75].

Раньше чем перейти к другому предмету, необходимо рассказать о том, где расположены пределы вышеназванной земли.

{*30*} Скифия пограничена с землей Германии вплоть до того места, где рождается река Истр[76] и простирается Мурсианское озеро[77]; она [Скифия] тянется до рек Тиры[78], Данастра и Вагосолы[79], а также великого того Данапра[80] и до горы Тавра[81] – не той, что в Азии, а собственной, т. е. скифской, – по всей прилегающей к Мэотиде[82] местности и за Мэотиду, через Босфорские проливы[83] до Кавказских гор и реки Аракса; затем она [Скифия], загнувшись в левую сторону, за Каспийское море (а это последнее возникает на крайних границах Азии, от северо-восточного океана, в виде гриба[84], сначала тонкого, потом – широчайшей круглой формы), склоняется к области гуннов {*31*} и отступает до албанов[85] и серов[86].

Эта, повторяю, страна, а именно Скифия, вытягиваясь в длину и развертываясь в ширину, имеет с востока серов, живущих у самого ее начала на берегу Каспийского моря; с запада – германцев и реку Вистулу; с севера она охватывается океаном, с юга – Персией, Албанией, Иберией[87], Понтом и нижним течением Истра, который называется {*32*} также Данубием[88] от устья своего до истока.

С той своей стороны, которой Скифия достигает Понтийского побережья, она охвачена небезызвестными городами; это – Борисфенида[89], Ольвия[90], Каллиполида[91], Херсона[92], Феодосия[93], Кареон[94], Мирмикий[95]и Трапезунта[96], основать которые дозволили грекам непокоренные скифские племена, с тем, чтобы греки поддерживали с ними торговлю[97].

Посередине Скифии есть место, которое разделяет Азию и Европу одну от другой; это – Рифейские горы[98], которые изливают широчайший {*33*} Танаис[99], впадающий в Мэотиду. Окружность этого озера равна 144 тысячам шагов[100], причем оно нигде не опускается глубже чем на 8 локтей[101].

В Скифии первым с запада живет племя гепидов[102], окруженное великими и славными реками; на севере и северо-западе [по его области] протекает Тизия[103]; с юга же [эту область] отсекает сам великий Данубий, а с востока Флютавзий[104]; стремительный и полный {*34*} водоворотов, он, ярясь, катится в воды Истра. Между этими реками лежит Дакия, которую, наподобие короны, ограждают скалистые Альпы[105]. У левого их склона[106], спускающегося к северу, начиная от места

рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов[107]. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами.

{*35*} Склавены[108] живут от города Новиетуна[109] и озера, именуемого Мурсианским[110], до Данастра, и на север – до Висклы[111]; вместо городов у них болота и леса[112]. Анты же[113] – сильнейшие из обоих [племен] – распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину; эти реки удалены одна от другой на расстояние многих переходов.

{*36*} На побережье океана, там, где через три гирла поглощаются воды реки Вистулы, живут видиварии[114], собравшиеся из различных племен; за ними берег океана держат эсты[115], вполне мирный народ. {*37*} К югу соседит с ними сильнейшее племя акациров[116], не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты.

Далее за ними тянутся над Понтийским морем места расселения булгар[117], которых весьма прославили несчастья, [совершившиеся] по грехам нашим.

А там и гунны, как плодовитейшая поросль из всех самых сильных племен, закишели надвое разветвившейся свирепостью к народам[118]. Ибо одни из них зовутся альциагирами[119], другие – савирами[120], но места их поселений разделены: альциагиры – около Херсоны, куда жадный купец ввозит богатства Азии; летом они бродят по степям, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота; зимой же переходят к Понтийскому морю. Хунугуры[121] же известны тем, что от них идет торговля шкурками грызунов[122]; их устрашила отвага столь многочисленных мужей[123].

{*38*} Мы читали, что первое расселение [готов] было в Скифской земле, около Мэотийского болота; второе – в Мизии, Фракии и Дакии; третье – на Понтийском море, снова в Скифии; однако мы нигде не обнаружили записей тех их басен, в которых говорится, что они были обращены в рабство в Бриттании или на каком-то из островов, а затем освобождены кем-то ценою одного коня.

Но, конечно, если кто-нибудь сказал бы, что они появились на нашей земле иначе, чем мы об этом рассказали, то он окажется в некотором противоречии с нами; ибо мы больше верны прочитанному, чем старушечьим россказням[124].

{*39*} Все же вернемся к нашей основной теме. Когда вышеназванные племена, о которых мы сейчас ведем речь, жили на первом месте своего расселения, в Скифии у Мэотиды, то

имели, как известно, королем Филимера; на втором месте, т. е. в Дакии, Фракии и Мизии, – Залмоксеса[125], о котором свидетельствуют многие летописцы, что он обладал замечательными познаниями в философии. Но и до того был у них ученый Зевта[126], а после него Дикиней[127], третьим же был Залмоксес, о котором мы говорили выше. К тому же не было недостатка в людях, которые обучили бы их премудрости. Поэтому {*40*} среди всех варваров[128] готы всегда были едва ли не самыми образованными, чуть ли не равными грекам, как передает Дион[129], составивший их историю и анналы по-гречески. Он говорит, что тарабостезеи, впоследствии именовавшиеся «пиллеатами»[130], были среди них [готов] благородными; из их числа поставлялись и короли, и жрецы. По вышесказанной причине геты были восхвалены до такой степени, что говорилось, будто бы некогда Марс, провозглашенный в вымыслах {*41*} поэтов богом войны, появился именно у них. Отсюда и Вергилий: «Как Градива отца, полей покровителя гетских»[131].

Этого Марса готы постоянно ублажали жесточайшим культом, (жертвою ему было умерщвление пленных), полагая, что возглавителя войн пристойно умилостивлять пролитием человеческой крови[132]. Ему посвящалась первая добыча, в его честь подвешивали на стволах деревьев трофеи. Готы более, чем другие, проникнуты были религиозным к нему горением, и казалось, что поклонение их воздается родителю.

{*42*} В третьей области на Понтийском море, став уже более человечными и, как говорили мы выше, более просвещенными, они разделились между двумя родами своего племени: везеготы служили роду Балтов, остроготы – преславным Амалам[133].

{*43*} Первой их страстью, [выделяющей их] среди других соседних племен, было натягивание лука тетивою. Лукан[134], более историк, чем поэт, свидетельствует: «Армянские луки натягивайте гетскими тетивами».

Перед [этим племенем] воспевали в песнях с припевами и [в сопровождении] кифар деяния предков – Этерпамары, Ханалы, Фридигерна, Видигойи и других; о них у этого племени высокое мнение, и едва ли сама достойная восхищения древность может похвалиться, что были у нее подобные герои[135].

{*44*} Тогда, как рассказывают, Весозис[136] начал плачевную для себя войну со скифами, теми самыми, которых древние авторы называют мужьями амазонок. Как с полной ясностью свидетельствует Орозий[137] в первом томе, у них [скифов] и женщины – воительницы.

Мы с очевидностью доказали, что с готами воевал тогда

именно тот, о котором мы знаем достоверно, что он сражался с мужьями амазонок[138], жившими в те времена от реки Борисфена – местные жители называют его Данапром[139] – до реки Танаиса, вокруг залива {*45*} Мэотийского болота. Это тот, говорю, Танаис, который, срываясь с Рифейских гор[140], низвергается настолько круто, что, когда соседние реки, а также Мэотида и Босфор затвердевают от мороза, он единственный из всех рек, согретый испарениями в скалистых горах, никогда не замерзает от скифской стужи[141].

Этот именно Танаис[142] считается знаменитым рубежом Азии и Европы, потому что есть еще и другой, который, возникая в Хриннских горах[143], впадает в Каспийское море.

{*46*} Данапр рождается великим болотом, источаясь как бы из материнской утробы. Отсюда и до середины он пресен и годен для питья и порождает рыб отменного вкуса, лишенных костей, но имеющих только хрящи в строении своего тела[144]. Однако, приближаясь к Понту, он принимает в себя небольшой поток по прозванию Экзамфей[145], до того горький, что – хотя он [Данапр] судоходен на длину целых 40 дней пути – он так изменяется благодаря [притоку] этих малых вод, что впадает в море между греческими городами Каллипидами[146] и Гипаннисом[147] уже зараженный и сам на себя непохожий. Близ его [Данапра] устий, против них, есть остров по имени Ахиллов[148], а между ними лежит обширнейшая земля, заросшая лесами и страшная болотами[149].

{*47*} И вот, когда готы жили там, ринулся на них войною Весозис, царь египетский; у готов был тогда королем Танаузис. На реке Фазисе[150], откуда в изобилии происходят фазийские птицы для пиров владык во всем мире[151], Танаузис, готский король, встретился с Весозисом, царем египетским, и, жестоко его поражая, преследовал до Египта; если бы не воспрепятствовало течение непереходимой реки Нила и укрепления, которые Весозис приказал некогда воздвигнуть для себя по причине набегов эфиопов, то Танаузис прикончил бы его там же, в его стране. Когда же он, не имея никакой возможности нанести ему, засевшему там, вред, возвращался обратно, то покорил себе чуть ли не всю Азию, принудив покоренных платить дань {*48*} Сорну, царю мидян, который тогда был дорогим ему другом. Многие победители из его войска, обозрев подчиненные провинции во всем их могучем плодородии, покинули боевые отряды своего племени и по собственному желанию поселились в разных областях Азии. Помпей Трог[152] говорит, что от их имени и рода произошли поколения парфян. Потому-то и до сего дня их называют на скифском языке беглецами, т. е. парфянами. Они, соответственно своему происхождению, являются единственными стрелками среди племен почти всей Азии и отважнейшими воинами. Некоторые выводили такую этимологию из их имени (о котором мы сказали, что парфяне означает «беглецы»); те зовутся парфянами потому, что бежали от своих родичей. Готского же того короля Танаузиса после его смерти они стали почитать в числе богов своего племени.

{*49*} После его кончины, когда войско при его преемниках совершало походы в других странах, некое соседнее племя попыталось захватить готских женщин как добычу. Они же, наученные мужьями, сильно сопротивлялись и прогнали наступавших на них врагов с большим позором. Достигнув такой

победы и полагаясь на еще большую свою отвагу, они, возбуждая друг друга, спешно вооружились и избрали двух храбрейших жен, Лампето и Марпезию, которых и поставили во главе государства. Обе они в заботе о том, чтобы и свои владения {*50*} защищать и чужие опустошать, бросили жребий, причем Лампето осталась охранять родные границы, а Марпезия, собрав ополчение из женщин, повела такой новый род войска в Азию. Она покорила войной различные племена, а иные присоединила, заключая мир, и таким образом дошла до Кавказа; пробыв там некоторое время, она дала тому месту название «Утес Марпезии», почему и Вергилий говорит: «Точно твердый кремень иль недвижный Марпезии камень»[153].

{*51*} Впоследствии Александр Великий поставил здесь ворота, назвав их Каспийские Пилы[154]; это место и ныне стережет племя лазов[155] ради защиты Римской империи.

Итак, задержавшись тут на известное время, амазонки[156] набрались сил; выйдя же оттуда и перейдя реку Алис[157], протекающую у города Гаргары[158], они с одинаковым успехом покорили Армению[159], Сирию[160] и Киликию[161], Галатию[162], Писидию[163] и все области Азии[164]. Обратившись затем в сторону Ионии[165] с Эолией[166], они сделали их подчиненными себе по договору провинциями. Долгое время господствуя там, они назвали своим именем и города[167], и укрепления. А в Эфесе[168], расточив [большие] богатства, они воздвигли храм дивной красоты в честь Дианы по причине рвения своего к стрельбе и охоте, каковым искусствам они предавались. Таким вот образом женщины {*52*} родом из Скифии овладели царствами Азии, которые и держали почти сто лет; наконец, возвратились они к своим подругам в Марпезийские скалы, о которых мы упоминали выше[169], т. е. в горы Кавказа[170].

Я полагаю, что не будет излишним описать и направление и положение этих гор, потому что это уже вторичное о них упоминание; ведь они, как известно, обходят непрерывной цепью большую часть земного {53} круга. Кавказский хребет поднимается от Индийского моря, и там, где он обращен на юг, он пламенеет, исходя парами на солнце; там же, где он открыт к северу, он покорствует студеным ветрам и обледенению. Вскоре после этого он заворачивает, изогнувшись углом, в Сирию[171] и, высылая множество [всяких] рек, в Васианской области[172] он, по наиболее распространенному мнению, изливает судоходный Евфрат и Тигр из изобильных сосцов неиссякаемых источников. Эти реки, охватывая землю сиров[173], придают ей и название, и вид Месопотамии[174]; они несут течение свое в залив Красного моря[175].

{*54*} Затем вышеупомянутая горная цепь, поворачивая на север, проходит крупными изгибами по скифским землям и там изливает в Каспийское море славнейшие реки Аракс, Киз[176] и Камбиз[177]; продолжаясь, она тянется вплоть до Рифейских гор[178]. Далее, составляя хребтом своим предел для скифских племен, она спускается до Понта, а затем, сплошными холмами, примыкает к течению Истра. Рассеченная {*55*} этой рекой и [как бы] расколовшись, называется она в Скифии уже Тавром[179]. Кавказский хребет, огромный и обширный, едва ли не величайший из всех, вознося высокие свои вершины, предоставляет народам неодолимые укрепления, воздвигнутые природой. Местами пересеченный – там, где, прорвав горы, открывается зиянием своим долина, – он образует здесь Каспийские ворота, далее – Армянские, а там – Киликийские[180] или еще какие-либо другие, [называемые] соответственно месту. Но едва ли он проходим для повозки, так как с обеих сторон обладает обрывистыми сверху до низу склонами. По многоразличию племен зовется он разными именами. Индус называет его здесь Ламмом, а далее Пропаниссом; парфянин – сначала Кастрой, затем – Нифатом; сириец и армянин – Тавром; скиф – Кавказом и Рифеем, а на конце снова именует его Тавром; да и другие названия дают этому хребту многочисленные племена[181].

Коснувшись несколько протяжения этих гор, вернемся снова к амазонкам, от которых мы отвлеклись[182].

{*56*} Опасаясь, как бы не поредело их потомство, они искали сожительства с соседними племенами; единожды в год устраивалось сборище с тем, чтобы на будущее время, когда все вновь придут в тот самый день для того же дела, отцам отдавали то, что дарует рождение мужского пола; матери же должны были приучать к воинскому оружию рожденное женского пола. Иногда же, если некоторым так хочется, в случае рождения мальчика они, исполненные ненавистью мачехи, прерывали жизнь несчастного младенца: до того было им ненавистно рождение мальчика, которое повсюду, как известно, являлось {*57*}вожделенным! Эта жестокость умножала в общем мнении величайший страх перед ними. Ибо, спрашиваю, какая могла быть надежда для пленника там, где быть милостивым даже к сыну считалось богопротивным делом?

С амазонками, как рассказывают, воевал Геркулес, подчинивший себе Меланию[183] больше, пожалуй, хитростью, чем доблестью. Тезей же захватил как военную добычу Ипполиту, от которой и родил Ипполита[184]. У этих амазонок была потом царица по имени Пентесилея[185], о которой существуют

достославные свидетельства времен Троянской войны. Эти женщины, как говорят, держали свое царство вплоть до Александра Великого.

{*58*} Однако, чтобы ты не сказал: «начал, мол, речь свою о готских мужах, так чего же столь долго останавливаться на женах?» – послушай и о славной, похвалы достойной храбрости мужей. Дион, историк и прилежнейший исследователь древности, давший произведению своему заглавие «Гетика»[186] (а геты эти, как мы уже показали выше, то же, что и готы, по словам Павла Орозия[187]), – этот самый Дион упоминает спустя много времени об их короле по имени Телеф[188]. А чтобы кто-либо не сказал, что имя это вовсе чуждо готскому языку, [напомню]: ведь все знают и обращали внимание, насколько в обычае у племен перенимать по большей части имена: у римлян – македонские, {*59*} у греков – римские, у сарматов[189] – германские. Готы же преимущественно заимствуют имена гуннские[190].

Этот самый Телеф, сын Геркулеса, рожденный от Авги и сочетанный браком с сестрой Приама[191], был высок телом, но еще более ужасен силою. Равняясь собственной доблестью с отцовской мощью, он проявлял сходство с Геркулесом как умом, так и внешним подобием[192]. Царство его предки называли Мезией[193]. Эта провинция имеет с востока устья реки Данубия, с юга – Македонию, с запада – Истрию, с севера – {*60*} Данубий[194]. Вышеупомянутый царь вел войну с данайцами, в сражении с которыми он убил Тесандра[195], вождя Греции; когда он враждебно напал на Аякса и преследовал Улисса, лошадь его упала, [запутавшись] в виноградных лозах, и он рухнул, раненный в бедро Ахилловым копьем, отчего долго не мог вылечиться; тем не менее, хотя и раненый, он вытеснил греков из пределов своих владений. Когда Телеф умер, ему наследовал на троне сын его, Еврифил, рожденный от сестры Приама, царя фригов. [Еврифил] участвовал в Троянской войне из-за любви к Касандре[196] и, стремясь оказать помощь родичам и зятю, вскоре по своем появлении там погиб.

{*61*} Тогда Кир[197], царь персов, после большого промежутка, почти после 630 лет, во времена (по свидетельству Помпея Трога) царицы гетов Томиры[198], пошел на нее гибельной войной. Возгордившись победами в Азии, он стремился подчинить себе гетов, у которых, как мы сказали, царицей была Томира. Хотя она и могла бы запереть путь Киру рекою Араксом[199], но допустила его переправу, предпочитая победить его оружием, чем теснить его, [пользуясь] благоприятными {*62*} свойствами местности. Так и произошло. Когда Кир пришел, то первая удача далась парфянам[200] и настолько, что они убили и сына Томиры, и

большую часть ее войска. Но война возобновилась, и геты со своей царицей покорили и истребили побежденных парфян, а также захватили у них богатую добычу; тогда-то готское племя впервые увидало шелковые шатры.

Тогда царица Томира, усилившись благодаря победе и огромной, захваченной у врагов добыче, пошла в ту часть Мезии, которая, восприняв имя от Великой Скифии, ныне называется Малой Скифией[201], и там на мезийском берегу Понта построила город Томы[202], [назвав его] по своему имени.

{*63*} Затем Дарий[203], царь персов, сын Гистаспа, пожелал сочетаться браком с дочерью Антира[204], короля готов; просил он этого и в то же время опасался, как бы не отклонили они его пожелания. Готы, презрев родство с ним, оставили его посольство ни с чем. Отвергнутый, он воспламенился обидой и выставил против готов войско из 700 тысяч вооруженных воинов; он стремился отомстить за свой позор общественным бедствием. Чуть ли не от Халкедона[205] до самого Византия[206] он поставил рядами свои корабли подобно мостам и, тесно сдвинув их, перешел во Фракию и Мезию; тем же способом он опять построил мост на Данубии и, [проведя] два полных месяца в утомительной войне, потерял в Тапах[207] восемь тысяч воинов; тогда, опасаясь, как бы мост через Данубий не оказался занятым его противником, он быстрым бегом отступил во Фракию, полагая, что для него не было бы безопасно помедлить хоть немного даже в Мизии.

{*64*} После смерти Дария снова сын его Ксеркс[208], считая себя [обязанным] отомстить за нанесенные отцу оскорбления, пошел на готов войной с 700 тысячами своих и 300 тысячами союзных воинов, с 200 ростральными кораблями и 3 тысячами грузовых судов. Но он {*65*} не посмел даже попробовать сразиться, уже побежденный их [готов] 65 мужеством и твердостью. Как пришел, так и ушел он со всей своей силой без всякого сражения. Филипп[209] же, отец Александра Великого, связав себя дружбой с готами, принял в жены Медопу[210], дочь короля Гудилы[211], с целью укрепления Македонского царства через такое родство.

В то время, как сообщает историк Дион[212], Филипп страдал от недостатка денег и решил при помощи строевого войска опустошить город Одисс[213] в Мезии, который, будучи в соседстве с городом Томы[214], подчинился готам. Поэтому готские жрецы – те самые, которые назывались праведными, – сразу же распахнув врата, вышли навстречу с кифарами и в светлых одеждах, [обращаясь] с пением молящими голосами к богам отцов, чтобы они были к ним милостивы и отогнали македонян.

Македоняне, увидев их, так уверенно к ним приближающихся, остолбенели, и тогда, если можно так сказать, – безоружные привели в ужас вооруженных. Немедленно распустив войско, которое они построили для нападения, [македоняне] не только воздержались от разрушения города, но вернули и тех людей, которые, находясь вне [города], были захвачены в порядке войны; затем они заключили союз и возвратились в свою землю.

Вспомнив это вероломство спустя много времени, славный вождь {*66*} готов Ситалк[215] собрал 150 тысяч мужей и напал войною на афинян, [двинувшись] против Пердикки[216], царя македонян, которого Александр, после того как благодаря козням прислужника испил в Вавилонии свою гибель[217], оставил своим преемником на основе наследственного права в государстве Афинском. Завязав большое сражение с этим [царем], готы оказались победителями. Так за вред, который македоняне некогда нанесли в Мезии, готы, распространившись по Греции, опустошили всю Македонию.

{*67*} Затем, в царствование у готов Бурвисты[218], пришел в Готию Дикиней[219] в те времена, когда верховенством в Риме завладел Сулла[220]. Бурвиста принял этого Дикинея и дал ему чуть ли не царскую власть; по его совету готы разорили земли германцев, те самые земли, {*68*} которые ныне занимают франки. Цезарь[221] же, первый из всех присвоивший себе [императорскую] власть над Римом, подчинивший своему господству почти весь мир и покоривший чуть ли не все царства, вплоть до того, что и вне нашего [земного] круга занял острова[222], расположенные в лоне океана, а тех, кто даже и слухом не слыхал имени римлян, сделал плательщиками дани этим самым римлянам, – Цезарь не смог, тем не менее, покорить готов, несмотря на частые попытки. И когда Гай Тиберий[223], уже третий, правит {*69*} римлянами, готы все еще твердо сидят, невредимые, в своем государстве.

Им было и спасительно, и удобно, и желательно приводить в исполнение все, что бы ни приказал им Дикиней, их советник, потому что они считали это заслуживающим всяческого домогательства и полезным. Он же заметив, что души их во всем ему повинуются и что они обладают природным умом, обучил их почти всей философии[224], а он был в этом деле опытный учитель. Наставляя их в этике, он обуздал [их] варварские нравы; преподавая физику, он заставил их жить в соответствии с природой, по собственным законам, которые, будучи записаны, и до сих пор зовутся «белагины»[225]; обучая логике, он сделал их превыше остальных народов сведущими в (искусстве]

рассуждения; показывая практику[226], он убедил их жить в добродеянии; открывая теоретику[227], научил созерцать двенадцать знаков[228] и бег через них планет[229], а также всю астрономию; он объяснил и то, каким образом лунный диск[230] испытывает увеличение или претерпевает ущерб, и показал, насколько огненный солнечный шар превосходит размерами земной круг[231], и изложил, под какими именами и под какими знаками на небосводе[232], все более и более склоняясь, низвергаются в своем падении с востока на запад 346 звезд[233].

{*70*}Каково же было, спрашиваю я, удовольствие, когда отважнейшие мужи, имея маленькую передышку от военных дел, впитывали философские учения?[234] И ты мог видеть, как один исследует положение неба, а другой – природу трав и кустарников; этот наблюдает прирост и ущерб луны, а тот – работу солнца[235] и то, как подхваченные вращением небосводы приводят обратно на западную сторону те [светила], которые спешат идти к восточной, получив отдых по установленному закону[236].

{*71*} Передав готам из своих знаний все это и многое другое, Дикиней прославился у них как чудодей и повелевал не только меньшими, но даже королями. Выбрал он тогда из них благороднейших и благоразумнейших мужей и, научив их теологии, убедил их почитать некоторых богов и святилища и сделал их жрецами, придав им название {*72*} «пиллеатов» оттого, я думаю, что они совершали жертвоприношения, покрывая головы тиарами, которые иначе мы зовем «войлочными шапками»[237]; остальной же народ он приказал называть «простоволосыми»[238]. Это имя и приняли готы в большинстве своем, и до сего дня они поминают его в своих песнопениях.

{*73*} После смерти Дикинея почти таким же почитанием пользовался {*74*}у них Комозик[239], потому что не был он неравен тому в искусстве. Он был у них и королем, и первосвященником по причине своей учености; и судил он народ с высшей справедливостью. После того как и этот ушел от человеческих дел, воцарился над готами король Корилл[240], и он правил своим племенем в Дакии в течение сорока лет. Я имею в виду древнюю Дакию[241], которой, как известно, владеют теперь гепиды[242]. Страна эта, лежащая напротив Мезии, через Данубий, охвачена короной гор и имеет лишь два подхода: один – через Боуты[243], другой – через Тапы[244].

Эту Готию[245], которую предки называли Дакией и которая теперь, как мы сказали, именуется Гепидией[246], тогда ограничивали с востока ароксоланы[247], с запада язиги, с севера сарматы и бастерны[248], с юга – река Данубий. Язиги же от

ароксолан отделяются только рекой Алутой[249].

{*75*} Ввиду того что упомянут был Данубий, нелишним считаю я сказать кое-что о столь великой реке. Рождаясь среди Аламаннских полей[250], он принимает в себя то отсюда, то оттуда на протяжении 1200 римских миль[251], – начиная от истока своего до устьев, впадающих в Понт, – 60 рек[252], наподобие спинного хребта, в который вплетаются ребра вроде решетки[253]. Это вообще огромнейшая река. На языке бессов он называется Истром[254] и имеет в русле своем воду глубиной всего на двести стоп[255]. Среди остальных рек эта река по величине превосходит все другие, кроме Нила[256]. Сказанного о Данубии достаточно. К предложенному нами изложению, от которого мы уклонились, с помощью божией возвращаемся.

{*76*} После долгого промежутка времени, в правление императора Домициана[257], готы[258], относясь с опаской к его скупости, нарушили союз, который они некогда заключили с другими императорами, и опустошили берег Данубия, уже давно принадлежавший Римской империи, уничтожив солдат вместе с их начальником. Во главе этой провинции стоял тогда – после Агриппы – Оппий Савин[259], у готов же главенство осуществлял Дорпаней[260]. Тогда-то готы, пойдя войной и одолев римлян, отсекли голову Оппию Савину, напали и открыто ограбили многие крепости и города на императорской стороне.

{*77*} Вследствие этого бедствия своих подданных Домициан пришел в Иллирик со всеми своими силами и с воинами чуть ли не всего государства под предводительством военачальника их Фуска[261]; с избраннейшими мужами, составив корабли наподобие моста, он перешел реку Данубий против войска Дорпанея. И тут готы, едва ли {*78*} оказавшиеся ленивыми, хватают оружие, сразу в первом же столкновении побеждают римлян и, убив предводителя их Фуска, грабят сокровища в воинских лагерях; одержав повсеместно большую победу, они провозгласили представителей своей знати, – благодаря фортуне которых они будто бы и оказались победителями, – не простыми людьми, но полубогами, т. е. «Ансами»[262].

Теперь, читатель, послушай меня, без клеветы говорящего правду, об их генеалогии[263], которую я изложу вкратце: кто от какого отца родился или откуда пошло его начало и где свершился конец.

{*79*} Первым из героев, как сами они передают в своих сказаниях, был Гапт[264], который родил Хулмула. Хулмул же родил Авгиса. Авгис родил того, которого называют Амал; от него-то и ведут происхождение Амалы[265]. Этот Амал родил Хисарну; Хисарна же родил Остроготу; Острогота родил Хунуила,

а Хунуил родил Атала. Атал родил Агиульфа и Одвульфа; Агиульф же родил Ансилу и Эдиульфа, Вультвульфа и Германериха[266]; а Вультвульф родил Валараванса; {*80*} Валараванс родил Винитария; Винитарий же родил Вандилиария; Вандилиарий же родил Тиудемера и Валамира и Видимира; Тиудемер родил Теодериха[267]; Теодерих родил Амаласвенту; Амаласвента родила Аталариха и Матесвенту от Евтариха, мужа своего, род которого соединен с ней следующим образом: вышесказанный Германарих, сын {*81*} Агиульфа, родил Гунимунда, Гунимунд же родил Торисмунда, а Торисмунд родил Беримуда; Беримуд родил Ветериха, Ветерих же родил Евтариха, который, сочетавшись с Амаласвинтой, родил Аталариха и Матесвенту; Аталарих умер в отроческих годах, а с Матесвентой сочетался Витигис[268], от которого не восприняла она детей. Оба они были приведены Велезарием в Константинополь. Так как Витигис отошел от дел человеческих[269], Герман[270], патриций[271], племянник императора Юстиниана, взял [Матесвенту] в жены и сделал патрицианкой; от него и родила она сына, по имени также Герман[272]. Когда же Герман скончался[273], [жена его] решила остаться вдовой. Как и каким образом было разрушено королевство Амалов, я расскажу, если поможет господь, в своем месте[274].

{*82*} Теперь же вернемся к тому, от чего сделали отступление, и поведаем, как то племя, о котором мы ведем речь, достигло предела своего пути. Историк Аблавий[275] сообщает, что там, на берегах Понта, где они, как мы говорили[276], остановились в Скифии, часть их, владевшую восточной стороной, возглавлял Острогота; либо от этого его имени, либо от места, т. е. «восточные», называются они остроготами; остальные же – везеготами, т. е. с западной стороны[277].

{*83*} Как рассказали мы выше, они, перейдя Данубий, некоторое время жили в Мизии и Фракии; от них произошел император Максимин[278], [правивший] после Александра, [сына] Мамеи[279]. По словам Симмаха[280] в книге его истории, Максимин, как говорит он, после смерти цезаря Александра провозглашен был войсками императором[281], а родом он был из Фракии от родителей низкого происхождения, от отца гота по имени Микка и от матери аланки, которую звали Абаба. Он правил три года, но когда повернул оружие на христиан, то сразу потерял власть и жизнь.

{*84*} Когда правил император Север[282] и праздновали день рождения его сына, [Максимин], проведший юность в деревенской жизни, пришел прямо на военную службу с пастбища. Принцепс устраивал военные игры; узнав об этом, Максимин, хотя и был полуварваром и юнцом, после того как были предложены награды, попросил на своем родном языке, чтобы император дал ему разрешение вступить {*85*} в борьбу с опытными воинами. Север, чрезвычайно удивленный величиной его тела, – а рост его, рассказывают, был свыше восьми стоп[283], – приказал ему бороться с обозниками способом сцепления тел для того, чтобы не приключилось какого-либо увечья военным мужам от этого грубого человека. Тогда Максимин уложил на спину шестнадцать обозников с такой легкостью, что, одолевая каждого в отдельности, не давал себе даже никакой передышки в виде перерывов. После того как он забрал все награды, приказано было отправить его в войско, и первая его служба была в коннице. На третий день после того события, когда император приехал в лагерь, он увидел Максимина скачущим [на коне] по-варварски; тогда он приказал трибуну, чтобы тот заставил его научиться римским военным приемам. Максимин же, поняв, что император говорит о нем, приблизился к {*86*} нему и пеший пошел перед ним, едущим на лошади. Император, заставив шпорами свою лошадь идти медленной рысью, стал запутывать множество кругов, туда и сюда, различными поворотами, чтобы довести его до утомления; наконец, он сказал Максимину: «Ну, чего же теперь, после бега, хочешь, фракиец?» – «Бороться, – ответил тот, – сколько тебе будет угодно, император». Тут Север, спрыгнув с лошади, приказал самым сильным[284] из воинов сразиться с ним. Он же повалил на землю семерых самых могучих юношей, причем так же, как и в первый раз, не передохнув в промежутках; и был он один одарен цезарем и серебряными наградами и витой золотой цепью[285]; затем ему приказали пребывать среди императорских телохранителей. {*87*} После того, при Антонине Каракалле[286], он предводительствовал отрядами и, многократно увеличивая славу своими подвигами, получил ряд военных чинов и звание центуриона в награду за свое мужество.

Когда впоследствии вступил на престол Макрин[287], Максимин отказался от военной службы почти на три года и, неся почетную должность трибуна, никогда не показывался Макрину на глаза, так как считал его недостойным власти, приобретенной через совершенное преступление.

{*88*} Затем он покинул свой трибунат и вернулся к Элиогабалу[288], как сыну Антонина. Впоследствии он поразительно сражался против парфян при Александре, [сыне]

Мамеи. Когда же последний был убит во время военного мятежа в Могонтиаке[289], сам он, Максимин, сделался императором по избранию войска без определения сената. Все добрые действия свои он исказил злонамеренным преследованием христиан. Был он убит Пуппионом в Аквилейе и оставил государство Филиппу[290].

Я же по той причине заимствовал все это из «Истории» Симмаха[291] для своего произведеньица, чтобы показать, как племя[292], о котором идет речь, достигло вершины римской власти.

Впрочем, дело требует, чтобы мы по порядку перешли к тому, от чего отклонились.

{*89*} Племя это чудесным образом прославилось в той стране, где жило, т. е. на понтийском побережье скифской земли; оно без страха держало огромные пространства земель и столько морских заливов, столько течений рек! Под его десницей нередко лежал [распростертый] вандал, принуждаем был к дани маркоманн[293], обращены были в рабство вожди квадов[294].

Когда римлянами правил вышесказанный Филипп, единственный бывший до Константина христианином, вместе с сыном своим, также Филиппом[295], то во второй год его правления Риму исполнился тысячный год[296]. Готы же, после того как была у них отнята их стипендия, что случалось обычно, переносили это с неудовольствием и из друзей стали врагами. Они, хотя и жили в отдалении под управлением своих королей, были федератами[297] римского государства и получали ежегодное вознаграждение. Что же дальше? Острогота {*90*} со своим племенем перешел Данубий и опустошил Мезию и Фракию[298]. К нему, восставшему, был направлен Филиппом сенатор Деций. Когда он прибыл и ничего не смог поделать с готами, он отпустил своих воинов с военной службы и заставил их вести частную жизнь, как бы за то, что по их небрежности готы перешли Данубий, т. е. он перенес вину на своих и вернулся к Филиппу. Воины же, видя, что после таких трудов они изгнаны с военной службы, возмущенные прибегли к помощи Остроготы, короля готов. {*91*} Тот принял их и, зажегшись их речами, вскоре вывел, – чтобы начать войну, – триста тысяч своих вооруженных людей, имея при этом помощь со стороны многочисленных тайфалов[299] и астрингов[300]; было также и три тысячи карпов[301]; это чрезвычайно опытные в войне люди, которые часто бывали враждебны римлянам. Впоследствии, в правление Диоклетиана и Максимиана[302], их победил и подчинил римскому государству цезарь Галерий Максимин[303]. Присоединив к ним [к карпам] готов и певкинов с острова

Певки [304], который лежит при устьях Данубия, впадающего в Понт, он [Острогота] поставил вождями во главе [всех этих племен] Аргаита и Гунтериха[305], знатнейших людей их [готов] племени.

{*92*} Вскоре они перешли вброд Данубий, вновь опустошили Мезию и подступили к главному городу той страны, славному Маркианополю[306]. {*93*} Они долго его осаждали, но, получив выкуп от осажденных, отошли. Назвав Маркианополь, следует кратко сообщить об его положении. Город этот построил император Траян по следующему, как рассказывают, поводу: служанка сестры его Маркии умывалась в той реке, воды которой отличаются необычайной прозрачностью и вкусом и которая, под именем Потама[307], рождается посреди города. Когда служанка хотела затем зачерпнуть воды, то принесенный ею золотой сосуд случайно упал в глубину, но, хотя и отяжеленный весом металла, спустя длительное время вынырнул со дна. Конечно, необыкновенно и то, что поглощается пустое, и то, что благодаря выталкиванию волн всплывает раз уже поглощенное. С удивлением обнаружив это, Траян поверил, что в источнике том пребывали какие-то божества, и, заложив город, назвал его по имени сестры своей Маркианополем.

{*94*} Итак, после длительной осады, как мы уже сказали, и получив выкуп, отступил обогащенный гет [от этого города] в свои земли. Заметив, что он сразу повсюду побеждает и обогащается добычей, племя гепидов[308], побуждаемое завистью, двинулось с оружием на родичей. Если же ты спросишь, каким образом геты и гепиды являются родичами, я разрешу [недоумение] в коротких словах. Ты должен помнить, что вначале я рассказал[309], как готы вышли из недр Скандзы {*95*} со своим королем Берихом, вытащив всего только три корабля на берег по эту сторону океана[310], т. е. в Готискандзу. Из всех этих трех кораблей один, как бывает, пристал позднее других и, говорят, дал имя всему племени, потому что на их [готов] языке «ленивый» говорится «gepanta». Отсюда и получилось, что, понемногу и [постепенно] искажаясь, родилось из хулы имя гепидов. Без сомнения, они родом из готов и оттуда ведут свое происхождение; однако, так как «gepanta» означает, как я сказал, нечто «ленивое» и «отсталое», то имя гепидов родилось, таким образом, из случайно слетевшего с языка {*96*} попрека; тем не менее я не считаю его чересчур неподходящим: они как раз отличаются медлительным умом и тяжелыми движениями своего тела.

Эти самые гепиды прониклись завистью, пока жили в области Спезис[311], на острове, окруженном отмелями реки Висклы,

который они на родном языке называли Гепедойос[312]. Теперь, говорят, этот остров населяет племя вивидариев, тогда как они [гепиды] перешли на лучшие земли. Известно, что эти вивидарии собрались из разных родов как бы в одно убежище и образовали [отдельное] племя[313].

{*97*} Итак, как мы уже сказали, король гепидов Фастида поднял свое неповоротливое племя и расширил оружием пределы своей области. Он разорил бургундзонов почти до полного истребления[314] и покорил многочисленные другие племена. Затем, злобно вызвав готов, он дерзким сражением прежде всего нарушил союз кровного родства, высоко возомнив о себе в горделивой надменности; и начал он прибавлять земель своему умножающемуся племени и разредил обитателей родных {*98*} мест. Он-то и послал послов к Остроготе[315], власти которого тогда подлежали как остроготы, так и везеготы, т. е. обе ветви одного племени[316]. [Он послал послов], чтобы выискали они его, засевшего в горах, охваченного дикостью и чащей лесов, и требовали одного из двух: чтобы тот готовил ему либо войну, либо просторы своих земель.

{*99*} Тогда Острогота, король готов, будучи тверд духом, ответил послам, что подобная война ужасает его и что жестоко и вообще преступно оружием спорить с родичами, но что земли он не отдаст. Что же больше? Гепиды ринулись в битву, а против них, дабы не показать себя слабейшим, двинул и Острогота свое войско. Они сходятся у города Гальтис[317], около которого протекает река Ауха[318], и там бьются с большой доблестью с обеих сторон, потому что их бросило друг на друга подобие и в оружии и в уменье сражаться. Однако более справедливое дело и быстрота соображения помогли {*100*} готам. С наступлением ночи, когда гепиды ослабели, сражение было прервано. Тогда, бросив избиение своих же, Фастида, король гепидов, отправился на родину настолько же униженный постыдными укорами, насколько возвышен был ранее надменностью. Победителями возвращаются готы, довольные отступлением гепидов.

Они счастливо и мирно жили в своей стране до тех пор, пока жив был вышеупомянутый их Острогота.

{*101*} После его смерти Книва[319], разделив войско[320] на две части, многих направил на опустошение Мезии, зная, что и императоры ею пренебрегают, и защитников она лишена; сам же он с 70 тысячами пошел к Евсции, иначе – к Новам[321].

Оттесненный оттуда военачальником Галлом[322], Книва подошел к Никополю[323], замечательному [городу], лежащему близ реки Ятра[324]. Этот город построил Траян[325] после победы над сарматами, дав ему имя города Победы. Когда там вдруг

появился император Деций[326], то Книва отошел, наконец, в области Гема[327], которые были неподалеку; {*102*} оттуда, построив свои войска, он поспешил к Филиппополю[328]. Узнав об его отступлении, император Деций перевалил через горный хребет Гема и, чтобы оказать помощь тому городу, подошел к Берое[329].

Пока он расположил на отдых утомленных лошадей и войско, обрушился на него, как молния, Книва со своими готами и, уничтожив римское войско, погнал императора с немногими [спутниками], пытавшимися бежать обратно через Альпы[330] в Мизию, к Евсции, где военачальник Галл стоял тогда с большим отрядом на границах. Собрав войско как отсюда, так и [с реки] Уска[331], Галл стал готовиться к предстоящей войне.

{*103*} Книва же после долгой осады ворвался в Филиппополь и, завладев добычей, заключил союз с бывшим там военачальником Приском будто бы для борьбы с Децием. Вступив в сражение, [готы] пронзают стрелой сына Деция, жестоко ранив его насмерть. Увидев это, отец, как рассказывают, произнес для укрепления духа воинов: «Пусть никто не печалится; потеря одного воина не есть ущерб для государства». Однако, не будучи в состоянии перенести горе отца, он нападает на врагов, ища либо смерти, либо отмщения. Под Абриттом[332], городом в Мезии, он был окружен готами и убит, достигнув, таким образом, конца своего правления и предела жизни. Это место до сих пор называется «Алтарем Деция», потому что здесь перед битвой он совершил пышные жертвоприношения идолам.

{*104*} После кончины Деция римским государством овладели Галл и Волузиан[333]. Тогда заразный мор, подобный тому бедствию, которое испытали и мы девять лет назад[334], обезобразил лицо всего [земного] круга; особенно он опустошил Александрию и другие города по всему Египту. Историк Дионисий[335] до слез жалостно повествовал об этом несчастье, которое описал и наш почитаемый Христов мученик и епископ Киприан[336] в книге под заглавием «О смертности».

{*105*} Тогда-то некий Эмилиан[337], из-за того что по причине небрежения императоров готы нередко разоряли Мизию, усмотрел, что возможно отнять ее без большого убытка для государства, а также сообразил, что тут-то и может случиться ему удача. Поэтому он захватил тираническую власть в Мезии и, перетянув к себе все военные отряды, начал разорять города и население. В течение немногих месяцев, пока вырастало нужное для борьбы с ним множество военного снаряжения, он причинил государству немалый вред. Однако, пустившись на это {*106*} нечестивое дело, он в самом начале его и погиб, потеряв и жизнь,

и власть, которой так домогался.

Вышеупомянутые же императоры Галл и Волузиан, хотя и пробыли у власти всего какие-нибудь два года, после чего покинули сей мир, тем не менее за это двухлетие, что они здесь находились, повсюду водворили мир, повсюду правили милостиво. Одно только ставилось в упрек их фортуне, а именно – всеобщий мор, но и то лишь со стороны непонимающих и клеветников, привыкших рвать злобным клыком чужую жизнь.

Эти императоры, лишь только достигли власти, заключили союз с готским племенем. Спустя недолгое время, после того как пали оба правителя, Галлиен захватил принципат[338].

{*107*} Дав волю своему буйству, Респа, Ведук и Тарвар, предводители готов, взяли корабли и, переправившись через пролив Геллеспонтский[339], перешли в Азию[340]; в этой провинции они разграбили много городов, а в Эфесе[341] сожгли славнейший храм Дианы, который, как мы раньше уже рассказали, был основан амазонками[342]. Перейдя в область Вифинии, они разрушили Халкедон[343]; впоследствии частично восстановленный Корнелием Абитом[344]; и до сегодня[345], несмотря на то, что Халкедон имеет счастье быть в соседстве со столицей, он тем не менее сохраняет некоторые знаки своего разрушения как указание потомству.

{*108*} При такой удаче готы, вторгшиеся в области Азии, забрав добычу и награбленное, снова переплывают Геллеспонтский пролив; по пути они разоряют Трою[346] и Илион, которые, едва успев лишь немного восстановиться после Агамемноновой войны[347], снова оказались разрушенными вражеским мечом.

После такого разорения Азии испытала их зверство Фракия. Там они приблизились и подступили к городу Анхиалу[348], у подножия горы Эма, близ моря. Этот город некогда поставил между морским {*109*} побережьем и подножием Эма Сарданафал, царь парфянский.

Рассказывают, что [готы] оставались там много дней, восхищенные банями на горячих водах, расположенными на двенадцатой миле[349] от города Анхиала, где из глубины пробиваются огненные источники; среди всех остальных неисчислимых в мире мест с [горячими] термами это, несомненно, главные и наиболее действенные для здоровья страждущих.

{*110*} Оттуда вернулись они в свои места, а затем были отправлены императором Максимианом[350] в помощь римлянам против парфян; посланные туда как вспомогательные отряды, они соблюдали верность в сражениях. Но, после того как цезарь

Максимин[351] с их помощью обратил в бегство царя персидского Нарсея[352], внука великого Сапора, и захватил все его богатства, а также жен и сыновей, Диоклетиан[353] же одолел Ахилла в Александрии, а Максимиан Геркулий уничтожил {*111*} в Африке квинквегентианов[354] – в государстве был достигнут мир, и готами начали как бы пренебрегать. А было время, когда без них римское войско с трудом сражалось с любыми племенами.

Часто бывало, что их так и приглашали: например, при Константине их позвали, и они подняли оружие против его родственника Лициния[355]; победив, они заперли его в Фессалонике и, лишенного власти, пронзили мечом от имени Константина-победителя. Помощь {*112*} готов была использована и для того, чтобы [Константин] смог основать знаменитейший в честь своего имени город, который был бы соперником Риму: они заключили с императором союз и привели ему для борьбы против разных племен 40 тысяч своих [воинов]. До настоящего времени в империи остается их войско; зовутся же они и до сего дня федератами. Так они прославились в империи при своих королях Ариарихе и Аорихе[356]. После их кончины преемником их в королевстве стал Геберих, отличавшийся доблестью и благородством.

{*113*} Он родился от отца Хильдерита, деда Овиды, прадеда Нидады и блеск своих деяний приравнял к славе своего рода[357]. В начале своего правления, стремясь расшириться в сторону [земель] племени вандалов, Геберих [пошел] против их короля Визимара. Последний происходил из поколения Астингов[358], отличного среди них [вандалов] и показывающего себя как воинственнейший род. Так говорит историк Девксипп[359], свидетельствующий и о том, что они [вандалы] всего на протяжении одного года пришли от океана к нашим границам, несмотря на огромную протяженность [промежуточных] земель.

{*114*}В то время они жили на том месте, где теперь сидят гепиды, по рекам Маризии, Милиаре, Гильпиль и Гризии[360] (последняя превосходит все названные выше). С востока [от вандалов] жили тогда готы, с запада маркоман, с севера гермундол, с юга находился Истр, который называется также Данубием[361]. Когда здесь жили вандалы, то Геберих, король готов, начал с ними войну на берегу вышесказанной реки Маризии; недолго сражались они с равным успехом, но скоро король вандалов Визимар с большей частью своего племени был уничтожен. {*115*} Геберих же, выдающийся вождь готов, после одоления вандалов и захвата добычи вернулся в свои места, откуда вышел. Тогда небольшая кучка вандалов, которые бежали, собрали отряд своих небоеспособных [соплеменников] и

покинули несчастливую страну; у императора Константина[362] они испросили для себя Паннонию и, устроив там селения, служили как местные жители по императорским декретам в течение приблизительно 60 лет. Спустя уже много времени приглашенные Стилихоном, магистром армии[363], экс-консулом и патрицием, они заняли Галлии[364], где, ограбив соседние [племена], тем не менее все так же не имели определенных мест для жизни.

{*116*} После того как король готов Геберих отошел от дел человеческих, через некоторое время наследовал королевство Германарих[365], благороднейший из Амалов, который покорил много весьма воинственных северных племен и заставил их повиноваться своим законам. Немало древних писателей[366] сравнивали его по достоинству с Александром Великим. Покорил же он племена: гольтескифов, тиудов, инаунксов, васинабронков, меренс, морденс, имнискаров, рогов, тадзанс, атаул, {*117*} навего, бубегенов, колдов[367].

Славный подчинением столь многих [племен], он не потерпел, чтобы предводительствуемое Аларихом[368] племя герулов, в большей части перебитое, не подчинилось – в остальной своей части – его власти.

По сообщению историка Аблавия[369], вышеуказанное племя жило близ Мэотийского болота, в топких местах, которое греки называют «ele»[370], и потому и именовалось элурами.

{*118*} Племя это очень подвижно[371] и – еще более – необыкновенно высокомерно. Не было тогда ни одного [другого] племени, которое не подбирало бы из них легковооруженных воинов[372]. Хотя быстрота их часто позволяла им ускользать в сражении от иных противников, однако и она уступила твердости и размеренности готов[373]: по воле судьбы они [элуры] также, наряду с остальными племенами, покорились королю гетов[374] Германариху.

{*119*} После поражения герулов Германарих двинул войско против венетов, которые, хотя и были достойны презрения из-за [слабости их] оружия, были, однако, могущественны благодаря своей многочисленности и пробовали сначала сопротивляться. Но ничего не стоит великое число негодных для войны, особенно в том случае, когда и бог попускает и множество вооруженных подступает. Эти [венеты], как мы уже рассказывали в начале нашего изложения, – именно при перечислении племен, – происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов[375]. Хотя теперь, по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно, но тогда все они подчинились власти Германариха[376].

{*120*} Умом своим и доблестью он подчинил себе также племя эстов, которые населяют отдаленнейшее побережье Германского океана. Он властвовал, таким образом, над всеми племенами Скифии и Германии, как над собственностью[377].

{*121*} Спустя немного времени, как передает Орозий, взъярилось на готов племя гуннов[378], самое страшное из всех своей дикостью. Из древних преданий мы узнаем, как они произошли[379].

Король готов Филимер, сын великого Гадариха, после выхода с острова Скандзы, пятым по порядку держал власть над гетами и, как мы рассказали выше, вступил в скифские земли. Он обнаружил среди своего племени несколько женщин-колдуний, которых он сам на родном языке * [* Patrio sermone.] называл галиуруннами[380]. Сочтя их подозрительными, он прогнал их далеко от своего войска и, обратив их таким {*122*} образом в бегство, принудил блуждать в пустыне. Когда их, бродящих по бесплодным пространствам, увидели нечистые духи, то в их объятиях соитием смешались с ними и произвели то свирепейшее племя, которое жило сначала среди болот, – малорослое, отвратительное и сухопарое, понятное как некий род людей только лишь в том смысле, что обнаруживало подобие человеческой речи.

Вот эти-то гунны, созданные от такого корня, и подступили к {*123*} границам готов. Этот свирепый род, как сообщает историк

Приск[381], расселившись на дальнем берегу[382] Мэотийского озера, не знал никакого другого дела, кроме охоты, если не считать того, что он, увеличившись до размеров племени[383], стал тревожить покой соседних племен коварством и грабежами.

Охотники из этого племени, выискивая однажды, как обычно, дичь на берегу внутренней[384] Мэотиды, заметили, что вдруг перед {*124*} ними появился олень[385], вошел в озеро и, то ступая вперед, то приостанавливаясь, представлялся указующим путь. Последовав за ним, охотники пешим ходом перешли Мэотийское озеро, которое [до тех пор] считали непереходимым, как море. Лишь только перед ними, ничего не ведающими, показалась скифская земля, олень исчез[386]. {*125*} Я полагаю, что сделали это, из-за ненависти к скифам, те самые духи, от которых гунны ведут свое происхождение.

Вовсе не зная, что, кроме Мэотиды, существует еще другой мир, и приведенные в восхищение скифской землей, они, будучи догадливыми, решили, что путь этот, никогда ранее неведомый, показан им божественным [соизволением]. Они возвращаются к своим, сообщают им о случившемся, расхваливают Скифию и убеждают все племя отправиться туда по пути, который они узнали, следуя указанию оленя.

Всех скифов, забранных еще при вступлении, они принесли в жертву победе, а остальных, покоренных, подчинили себе. Лишь только они {*126*} перешли громадное озеро, то – подобные некоему урагану племен – захватили там алпидзуров, алцилдзуров, итимаров, тункарсов и боисков[387], сидевших на побережье этой самой Скифии. Аланов[388], хотя и равных им в бою, но отличных от них [общей] человечностью, образом жизни и наружным видом, они также подчинили себе, обессилив частыми {*127*} стычками. Может быть, они побеждали их не столько войной, сколько внушая величайший ужас своим страшным видом; они обращали их [аланов] в бегство, потому что их [гуннов] образ пугал своей чернотой, походя не на лицо, а, если можно так сказать, на безобразный комок с дырами вместо глаз. Их свирепая наружность выдает жестокость их духа: они зверствуют даже над потомством своим с первого дня рождения. Детям мужского пола они рассекают щеки железом, чтобы, раньше чем воспринять питание молоком, попробовали они испытание {*128*} раной. Поэтому они стареют безбородыми, а в юношестве лишены красоты, так как лицо, изборожденное железом, из-за рубцов теряет своевременное украшение волосами.

Ростом они невелики, но быстры проворством своих движений и чрезвычайно склонны к верховой езде; они широки в плечах, ловки в стрельбе из лука и всегда горделиво выпрямлены

благодаря крепости шеи. При человеческом обличье живут они в звериной дикости.

{*129*} Когда геты увидели этот воинствующий род – преследователя множества племен, они испугались и стали рассуждать со своим королем, как бы уйти от такого врага. Германарих, король готов, хотя, как мы сообщили выше, и был победителем многих племен, призадумался, однако, с приходом гуннов.

Вероломному же племени росомонов[389], которое в те времена служило ему в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему. Одну женщину из вышеназванного племени [росомонов], по имени Сунильду, за изменнический уход [от короля], ее мужа, король [Германарих], движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав ее к диким коням и пустив их вскачь. Братья же ее, Сар и Аммий, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечом. Мучимый {*130*} этой раной, король влачил жизнь больного. Узнав о несчастном его недуге, Баламбер[390], король гуннов, двинулся войной на ту часть [готов, которую составляли] остроготы; от них везеготы, следуя какому-то своему намерению, уже отделились[391]. Между тем Германарих, престарелый и одряхлевший, страдал от раны и, не перенеся гуннских набегов, скончался на сто десятом году жизни[392]. Смерть его дала гуннам возможность осилить тех готов, которые, как мы говорили, сидели на восточной стороне и назывались остроготами.

{*131*} Везеготы же, т. е. другие их сотоварищи[393], обитавшие в западной области, напуганные страхом своих родичей, колебались, на что им решиться в отношении племени гуннов; они долго размышляли и наконец, по общему согласию, направили послов в Романию к императору Валенту[394], брату императора Валентиниана старшего[395], с тем чтобы подчиниться его законам и жить под его владычеством, если он передаст им для поселения область Фракии или Мезии. Кроме того, чтобы больше было им веры, они обещают стать христианами[396], {*132*} если только будут им даны наставники, учащие на их языке. Получив такое известие, Валент тотчас же с радостью согласился на это, так как и сам, помимо всего, собирался просить о том же. Приняв гетов[397] в Мезию, он поставил как бы стену[398] государству своему против остальных [варварских] племен[399]. А так как император Валент, увлеченный арианским лжеучением, закрыл все церкви нашего толка[400], то и послал к ним проповедниками сочувствующих своему направлению[401]; они придя туда, стали вливать [в души] этих грубых и невежественных людей яд своего лжеучения. Так вот везеготы

{*133*} благодаря императору Валенту сделались арианами, а не христианами. В дальнейшем они, движимые доброжелательством, просвещали как остроготов, так и гепидов, своих родичей, уча их преклоняться перед этим лжеучением; таким образом, они склонили все племена своего языка к признанию этой секты[402]. Сами же [везеготы], как уже сказано, перешли Данубий и осели, с разрешения императора, в Дакии Прибрежной, в Мезии и в обеих Фракиях[403].

{*134*} Их постигли, – как это бывает с народом, когда он еще непрочно обосновался на месте, – оскудение и голод; тогда приматы их и вожди, которые возглавляли их вместо королей – а именно Фритигерн[404], Алатей и Сафрак[405], сострадая нуждам войска, попросили римских полководцев Лупицина[406] и Максима открыть торжище. И действительно, на что только не принудит пойти «проклятая золота жажда»[407]? Военачальники, побуждаемые алчностью, пустились продавать не только мясо, баранье или бычье, но даже дохлятину – собачыо и других нечистых животных, причем по высокой цене; дело {*135*} дошло до того, что любого раба продавали за один хлеб или за десять фунтов говядины. Когда же ни рабов, ни утвари не стало, жадный купец, побежденный [чужой] нуждой[408], потребовал их сыновей. Видя в этом спасение своих детей, родители поступают, следуя рассуждению, что легче потерять свободу, чем жизнь: ведь милосерднее быть продану, но питаему в будущем, чем оставаться у своих, но умереть.

Случилось в то бедственное время, что Лупицин, как римский военачальник, пригласил готского князька[409] Фритигерна на пир, сам же {*136*}замыслил против него коварный обман. Фритигерн, не подозревая об обмане, пришел на пиршество с небольшой дружиной и, когда угощался в помещении претория, услышал крик несчастных умерщвляемых: солдаты военачальника по приказу последнего пытались перебить его товарищей, запертых в другой части [здания]; однако резко раздавшийся голос погибающих отозвался в настороженных ушах Фритигерна; поняв и открыв обман, он обнажил меч, покинул пир, с великой отвагой и стремительностью избавил своих соратников от угрожавшей им смерти и воодушевил их на избиение римлян. {*137*} Воспользовавшись случаем, эти храбрецы предпочли лучше погибнуть в сражении, чем от голода, и вот тотчас же поднимают они оружие, чтобы убить Лупицина и Максима. Этот самый день унес с собой как голод готов, так и безопасность римлян[410]. И начали тогда готы, уже не как пришельцы и чужаки, но как [римские] граждане и господа повелевать землевладельцами[411] и держать в своей власти все северные области[412] вплоть до

Данубия.

{*138*} Узнав об этом в Антиохии, император Валент немедленно вооружил войско и выступил в области Фракии. После того как там произошла плачевная битва[413], причем победили готы, римский император бежал в какое-то поместье около Адрианополя; готы же, не зная, что он скрывается в жалком домишке, подложили [под него] огонь, как это обычно для озверевшего врага, и император был сожжен с царственным великолепием. Едва ли не по божьему, поистине, суду случилось так, что спален он был огнем теми самыми людьми, коих он, когда просили они истинной веры, склонил в лжеучение и огонь любви извратил в геенну огненную[414].

С того времени везеготы после столь великой и славной победы расселились в обеих Фракиях и в Дакии Прибрежной, владея ими, как родной землей.

{*139*} После того как Феодосий[415], родом из Испании, был избран императором Грацианом[416]и поставлен[417] в восточном принципате вместо Валента, дяди своего по отцу, военное обучение пришло вскоре в лучшее состояние, а косность и праздность были исключены. Почувствовав это, гот устрашился, ибо император, вообще отличавшийся острым умом и славный доблестью и здравомыслием, призывал к {*140*} твердости расслабленное войско как строгостью приказов, так и щедростью и лаской. И действительно, там, где воины обрели веру в себя, – после того как император сменился на лучшего, – они пробуют нападать на готов и вытесняют их из пределов Фракии. Но тогда же император Феодосии заболел, и состояние его было почти безнадежно. Это вновь придало готам дерзости, и, разделив войско, {*141*} Фритигерн отправился грабить Фессалию, Эпиры[418] и Ахайю[419], Алатей же и Сафрак с остальными полчищами устремились в Паннонию. Когда император Грациан, – который в то время по причине нашествия вандалов[420] отошел из Рима в Галлию, – узнал, что в связи с роковым и безнадежным недугом Феодосия готы усилили свою свирепость, то немедленно, собрав войско, явился туда; однако он добился с ними мира и заключил союз, полагаясь не на оружие, но намереваясь победить их милостью и дарами и предоставить им продовольствие.

{*142*} Когда в дальнейшем император Феодосий выздоровел и узнал, что император Грациан установил союз между готами и римлянами, – чего он и сам желал, – он воспринял это с радостью и со своей стороны согласился на этот мир; короля Атанариха, который тогда наследовал Фритигерну, он привлек к себе поднесением ему даров и {*143*} пригласил его со свойственной

ему приветливостью нрава побывать у него в Константинополе. Тот охотно согласился и, войдя в столицу, воскликнул в удивлении: «Ну, вот я и вижу то, о чем часто слыхивал с недоверием!» – разумея под этим славу великого города. И, бросая взоры туда и сюда, он глядел и дивился то местоположению города, то вереницам кораблей, то знаменитым стенам. Когда же он увидел толпы различных народов, подобные пробивающимся со всех сторон волнам, объединенным в общий поток, или выстроившиеся ряды воинов, то он произнес: «Император – это, несомненно, земной бог, {*144*} и всякий, кто поднимет на него руку, будет сам виноват в пролитии своей же крови». Был он, таким образом, в превеликом восхищении, а император возвеличил его еще бóльшими почестями, как вдруг, по прошествии немногих месяцев, он переселился с этого света[421]. Мертвого, император почтил его милостью своего благоволения чуть ли не больше, чем живого: он предал его достойному погребению, причем {*145*} сам на похоронах шел перед носилками[422].

После смерти Атанариха все его войско[423] осталось на службе у императора Феодосия, предавшись Римской империи и слившись как бы в одно тело с римским войском; таким образом было возобновлено то ополчение федератов, которое некогда было учреждено при императоре Константине, и эти самые [готы] стали называться федератами[424]. Это из них-то император, понимая, что они ему верны и дружественны, повел более двадцати тысяч воинов против тирана Евгения, который убил Грациана[425] и занял Галлии; одержав над вышесказанным тираном победу, император совершил отмщение.

{*146*} После того как Феодосий, поклонник мира и друг рода готов, ушел от дел человеческих, сыновья его[426], проводя жизнь в роскоши, принялись губить оба государства, а вспомогательным войскам [т. е. [готам] отменять обычные дары; вскоре у готов появилось к ним презрение, и они, опасаясь, как бы от длительного мира не ослабела их сила, избрали себе королем Алариха[427]; он отличался чудесным происхождением из рода Балтов, второго по благородству после Амалов; род этот некогда благодаря отваге и доблести получил среди своих имя Балты, т. е. отважного.

{*147*} Вскоре, когда вышеназванный Аларих поставлен был королем, и, держа совет со своими, убедил их, что лучше собственным трудом добыть себе царство, чем сидя в бездействии подчиняться [царствам] чужим. И, подняв войско, через Паннонию – в консульство Стилихона и Аврелиана[428] – и через Сирмий[429], правой стороной[430] вошел он в Италию, которая

казалась опустошенной от мужей[431]: никто ему {*148*} не сопротивлялся, и он подошел к мосту Кандидиана[432], который отстоял на три милиария[433] от столицы Равенны.

Этот город открыт всего только одному подступу, находясь между болотами, морем и течением реки Пада[434]; некогда землевладельцы [в окрестностях] города, как передают старшие писатели, назывались αινετοί, что значит хвалы достойные[435]. Равенна лежит в лоне римского государства над Ионийским морем и наподобие острова заключена в разливе текущих вод[436]. {*149*} На восток от нее – море; если плыть по нему прямым путем из Коркиры[437] и Эллады, то по правую сторону будут сначала Эпиры, затем Далмация, Либурния и Истрия[438], и так весло донесет, касаясь [все время берега], до Венетий[439]. На запад [от Равенны] лежат болота, на которых, как ворота, остается единственный крайне узкий вход. С северной стороны находится тот {*150*} рукав реки Пада, который именуется Рвом Аскона[440]. С юга же[441] – сам Пад, величаемый царем рек италийской земли, по прозванию Эридан[442]; он был отведен императором Августом посредством широчайшего рва, так что седьмая часть потока проходила через середину брода, образуя у своего устья удобнейший порт, способный, как некогда полагали, принять для безопаснейшей стоянки флот из двухсот пятидесяти кораблей, по сообщению Диона[443]. Теперь же, как говорит {*151*} Фавий[444], то, что когда-то было портом, представляется обширнейшим садом, полным деревьев, на которых, правда, висят не паруса, а плоды[445]. Город этот славится тремя именами и наслаждается трояким расположением, а именно: первое из имен – Равенна, последнее – Классис, среднее – Цезарея между городом и морем; эта часть изобилует мягким [грунтом] и мелким песком, пригодным для конских ристаний.

{*152*} Итак, когда войско везеготов приблизилось к окрестностям Равенны, то послало к императору Гонорию, который сидел внутри города, посольство: если он позволил бы готам мирно поселиться в Италии, они жили бы с римским народом так, что можно было бы поверить, что оба народа составляют одно целое; если же нет, то надо решить дело войной, – кто кого в силах изгнать, – и тогда победитель пусть и повелевает, уверенный [в своей силе]. Но император Гонорий опасался и того, и другого предложения; созвав на совет свой сенат, он раздумывал, как бы {*153*} изгнать готов из пределов Италии. И пришло ему, наконец, в голову такое решение: пусть Аларих вместе со своим племенем, если сможет, отберет и возьмет в полную собственность далеколежащие провинции, т. е. Галлии и Испании[446], которые император почти потерял, так как

их разорило нашествие короля вандалов Гизериха[447]. Готы соглашаются исполнить это постановление[448] и принять дар, подтвержденный {*154*} священным прорицанием, и отправляются в переданную им землю. После их ухода, – а они не причинили в Италии никакого вреда, – патриций Стилихон[449], зять императора Гонория (потому что император взял в замужество обеих его дочерей, Марию и Термантию, одну за другой, но бог призвал к себе их обеих сохранившими девственность и чистоту); так вот этот Стилихон тайно подошел к Полентии[450], городу в Коттийских Альпах[451], – готы же не подозревали ничего дурного, – {*155*} и, на погибель всей Италии и бесчестье себе, бросился в бой. Внезапно завидев его, готы сначала ужаснулись, но вскоре собрались с духом и, по своему обычаю возбудив себя ободряющими кликами, обратили чуть ли не все войско Стилихона в бегство и, отбросив его, уничтожили полностью; затем, разъяренные, они меняют предпринятый путь и возвращаются в Лигурию[452], по которой только что прошли. Захватив там награбленную добычу, они также опустошают Эмилию[453] и земли по Фламиниевой дороге[454] между Пиценом[455] и Тусцией[456]; они хватают как добычу все, что попадается по обеим ее сторонам, и в {*156*} набегах доходят вплоть до Рима. Наконец, вступив в Рим[457], они, по приказу Алариха, только грабят, но не поджигают, как в обычае у варваров, и вовсе не допускают совершать какое-либо надругательство над святыми местами. Выйдя из Рима, они двинулись по Кампании[458] и Луканию[459], нанося тот же ущерб, и достигли Бриттиев[460]. Там они осели надолго и предполагали идти на Сицилию, а оттуда в африканские земли.

Ведь область Бриттиев лежит на крайнем конце Италии, расположенная в южной ее части; ее выступ составляет начало Апеннинскиих гор; вытянутая наподобие языка, она отделяет Адриатическое море[461] от Тирренского; название свое она получила некогда от имени царицы Бриттии[462].

{*157*} Итак, туда-то и пришел Аларих, король везеготов, с богатствами целой Италии, захваченными как добыча, и оттуда, как было сказано, предполагал через Сицилию переправиться в спокойную страну Африку, но, так как не дозволено, чтобы кто-либо из людей располагал [судьбой своей] без ведома божия, страшная пучина морская поглотила несколько его кораблей, а многие разбросала. Пока Аларих, потрясенный этой неудачей, размышлял, что ему предпринять, он был внезапно застигнут преждевременной смертью и удалился от дел человеческих. {*158*} Готы оплакивали его по своей огромной любви к нему; они отвели из русла реку Бузент около города Консенции[463], а река

эта, ниспадая от подножия горы, течет целебной струей как раз близ этого города; посередине русла этого потока они, собрав толпу пленных, вырыли место для погребения и туда, в лоно этой могилы, опустили Алариха со множеством сокровищ, а затем вернули воды обратно в их русло. Но, чтобы никто никогда не узнал того места, землекопы были все умерщвлены. Королевскую же власть над везеготами они передали Атаульфу[464], кровному родичу Алариха, выдающемуся и внешностью, и умом, потому что он был похож на Алариха, если не высотою роста, то красотою тела и благообразием лица.

{*159*} Атаульф, приняв власть, вернулся в Рим и, наподобие саранчи, сбрил там все, что еще оставалось, обобрав Италию не только в области частных состояний, но и государственных, так как император {*160*} Гонорий не мог ничему противостоять. Его сестру Плацидию[465], дочь императора Феодосия от второй жены, он увел из столицы пленницей[466]. Однако, принимая во внимание благородство ее происхождения, внешнюю красоту и девственную чистоту, он сочетался с ней законным браком в Форуме Юлия, городе [провинции] Эмилии[467], с той целью, чтобы варвары, узнав об этом союзе, сильнее боялись империи, как соединенной с готами[468]. Гонория же августа, хотя и истощенного силами, он, – полный расположения к нему, – не тронул, теперь уже как родственника, и двинулся к Галлиям[469]. Когда {*161*} он туда прибыл[470], все соседние племена из страха стали придерживаться своих пределов; раньше же они, как франки, так и бургундионы, жесточайшим образом нападали на Галлии.

А вандалы и аланы, о которых мы рассказывали, как они, по разрешению римских императоров, осели в той и другой Паннониях[471], рассудив, что там едва ли им будет безопасно из-за страха перед {*162*} готами, – если бы последние вернулись, – перешли в Галлии[472].

Однако вскоре бежали они и из Галлий, которые незадолго до того заняли, и заперлись в Испаниях[473]; они до сих пор помнили, по рассказам своих предков, какое некогда бедствие причинил их народу король готов Геберих[474] и как он силою своею согнал их с {*163*} родной земли. По такой вот причине Галлии были открыты для прихода Атаульфа[475].

Укрепив свою власть в Галлиях, гот начал сокрушаться о положении в Испаниях, помышляя освободить их от набегов вандалов; он оставил свои сокровища с некоторыми верными людьми и с небоеспособным народом в Барцилоне[476], затем проник во внутренние Испании, где сражался непрестанно с вандалами; на третий же год, после того как покорил и Галлии и

Испании, он пал[477], пронзенный мечом Эвервульфа в живот, – того самого [Эвервульфа], над ростом которого он имел обыкновение насмехаться. После его смерти королем был поставлен Сегерих[478], но и он, умерщвленный из-за коварства своих же людей, еще скорее покинул как власть, так и жизнь.

{*164*} Затем уже четвертым после Алариха королем был поставлен Валия[479], человек весьма строгий и благоразумный. Против него император Гонорий направил с войском Констанция[480], мужа сильного в военном искусстве и прославленного во многих битвах; император опасался, как бы Валия не нарушил союза, некогда заключенного с Атаульфом, и не затеял снова каких-либо козней против империи, изгнав соседние с нею племена; наряду с этим он хотел освободить сестру свою Плацидию от позора подчинения [варварам], условившись с Констанцием, что если {*165*} тот войной ли, миром ли или любым способом, как только сможет, вернет ее в его государство, то он отдаст ее ему в замужество. Констанций, торжествуя, отправляется в Испании со множеством воинов и почти с царской пышностью. С неменьшим войском спешит ему навстречу, к теснинам Пиринея, и король готов Валия. Там от обеих сторон были снаряжены посольства, которые сошлись на таком договоре: Валия вернет Плацидию, сестру императора, и не будет отказывать римской империи в помощи, если в ней случится нужда.

В это время некий Константин[481], присвоив власть в Галлиях, сына своего Константа из монаха сделал цезарем. Однако он недолго держал захваченную власть, так как вскоре готы и римляне стали союзниками; сам он был убит в Арелате[482], а сын его – во Вьенне[483]. Вслед за ними Иовин и Себастиан[484] с той же дерзостью надеялись захватить власть, но погибли той же смертью,

{*166*} В двенадцатый год[485] правления Валии гунны были изгнаны римлянами и готами из Паннонии после почти пятидесятилетнего обладания ею[486].

Тогда же Валия, видя, как вандалы, примерно во время консульства Иерия и Ардавура[487], с дерзкой смелостью выступив из внутренних частей Галлиции[488], куда некогда загнал их Атаульф[489], пустились опустошать и грабить все кругом в пределах его владений, {*167*} т. е. на землях Испании, немедля двинул на них свое войско. Но Гизерих[490], король вандалов, был уже призван в Африку Бонифацием[491], который, будучи обижен императором Валентанианом, не мог иначе, как [подобным] злом, отомстить империи. Он склонил их своими упрашиваниями и перебросил через переправу в теснине, которая называется

Гадитанским проливом[492]; он отделяет Африку от Испаний {*168*} едва семью милями[493] и выводит устье Тирренского моря в бушующий океан.

Гизерих был весьма известен в Риме в связи с поражением, которое он нанес римлянам[494]; был он невысокого роста и хромой из-за падения с лошади, скрытный, немногоречивый, презиравший роскошь, бурный в гневе, жадный до богатства, крайне дальновидный, когда надо было возмутить племена, готовый сеять семена раздора и возбуждать ненависть. {*169*} Такой-то человек вошел, приглашенный, как мы сказали, уговорами Бонифация, в империю в Африке; там он долго правил, получив, как говорится, власть от бога. Перед кончиной[495] призвал он ряд своих сыновей и приказал им, чтобы не было между, ними борьбы в домогательстве власти, но чтобы каждый по порядку и по степени своей, в случае если переживет другого, т. е. старейшего, чем он, становился наследником; а за ним шел бы следующий. Они соблюдали это на протяжении многих лет и в благоденствии владели королевством, не запятнав себя, как обычно бывало у других варварских племен, {*170*} междоусобной войной, потому что каждый, в свою очередь, один за другим принимал власть и правил народом в мире. Порядок же их наследования был таков: первый – Гизерих, отец и владыка, следующий – Гунерих, третий – Гунтамунд, четвертый – Тразамунд, пятый – Ильдерих. Этого последнего, на беду собственному племени и позабыв наставления прародителя, изгнал из королевства и убил Гелимер; {*171*} сам же, как тиран, преждевременно захватил власть. Но сделанное не прошло ему безнаказанно, потому что вскоре он испытал отмщение со стороны императора Юстиниана: вместе со всем своим родом и сокровищами, над которыми он, награбивши их, трясся, был он привезен в Константинополь Велезарием[496], мужем славнейшим, магистром армии на Востоке, ординарным экс-консулом и патрицием, и предстал в цирке великим для народа посмешищем; он испытал позднее раскаяние, когда узрел себя низвергнутым с {*172*} вершины королевского величия и, оказавшись вынужденным вести частную жизнь, к которой не желал привыкнуть, умер.

Так Африка, которая по делению земного круга описывается как третья часть мира, на сотый почти год вырванная из-под вандальского ига и освобожденная[497], была вновь возвращена Римской империи. Некогда, при ленивых правителях и неверных полководцах, была она отторгнута варварской рукой от тела Римского государства, теперь же, при искусном государе и верном полководце, она возвращена и радуется этому поныне.

Хотя немного спустя после того она и плакала, ослабленная внутренней войной и изменой мавров, однако победа императора Юстиниана, дарованная богом ей на пользу, довела до мира начатое дело. Но зачем говорить о том, чего не требует предмет [нашего рассказа]? Вернемся к основной теме.

{*173*} Валия, король готов, до того свирепствовал со своими войсками против вандалов, что намеревался было преследовать их и в Африке[498], если бы только не отвлек его тот же случай, который приключился некогда с Аларихом, когда тот направлялся в Африку[499]. Прославившийся в Испаниях, одержав там бескровную победу, он [Валия] возвращается в Толозу и оставляет Римской империи, после изгнания врагов, несколько ранее обещанных провинций. Много позднее его {*174*} постиг недуг, и он удалился от дел человеческих в то самое время, когда Беремуд, рожденный Торисмундом, – на него мы указывали выше[500] в списке рода Амалов, – вместе с сыном Витирихом переселился в королевство везеготов, [уйдя] от остроготов, все еще подчиненных гуннскому игу в землях Скифии. Сознавая свою доблесть и благородство происхождения, он тем легче мог считать, что родичи передадут верховную власть ему, известному наследнику многих королей. Кто же, в самом деле, мог колебаться относительно Амала, если бы был волен избирать? Однако, он сам до известного времени не хотел обнаруживать, кто он такой. Готы же после смерти Валии {*175*} поставили преемником ему Теодерида[501]. Придя к нему, Беремуд скрыл выгодным молчанием, с присущей ему великой уравновешенностью духа, блеск своего происхождения, зная, что царствующим всегда подозрительны рожденные от царского поколения. Итак, он претерпевал безвестность, чтобы не смущать установленного порядка. Вместе с сыном своим был он принят королем Теодоридом с высшими почестями, вплоть до того, что король не считал его чужим ни в совете, ни на пиру, и все это не из-за благородства происхождения, о чем он не знал, но по причине твердости духа и силы ума, чего тот не мог скрыть.

{*176*} Что же дальше? По смерти Валии, – повторяем мы то, о чем уже сказали, – который был не слишком счастлив у галлов, ему наследовал Теодорид, гораздо более благополучный и счастливый. Он был человеком, исполненным высшей осторожности и умевшим использовать как душевные, так и телесные свои способности.

Во время консульства Феодосия и Феста[502] римляне, нарушив {*177*} мир, пошли против него [Теодорида] войной в Галлию, присоединив к себе гуннские вспомогательные войска. Их тревожила [память об] отряде готов-федератов, который под

предводительством Гайны[503] ограбил Константинополь. Тогда военачальником был патриций Аэций[504]; он происходил из рода сильнейших мезийцев из города Доростора[505], отцом его был Гауденций[506]. Выносливый в воинских трудах, особенно [удачно] родился он для Римской империи: ведь это он после громадных побоищ принудил заносчивое варварство свавов и франков служить ей. Римское войско двинуло против готов свои силы вместе с гуннскими вспомогательными отрядами под предводительством Литория. Долго стояли вытянутые ряды воинов обеих сторон: и те, и другие были сильны, и ни те, ни другие не оказались слабее [противника]; тогда, протянув друг другу десницу, они вернулись к прежнему соглашению, и после того, как был заключен союз и установлен обоюдный крепкий мир, войска разошлись.

В этом мирном договоре (участвовал] Аттила[507], повелитель всех 178 гуннов и правитель – единственный в мире – племен чуть ли не всей Скифии, достойный удивления по баснословной славе своей среди всех варваров. Историк Приск, отправленный к нему с посольством от Феодосия Младшего, рассказывает, между прочим, следующее: переправившись через громадные реки, а именно через Тизию, Тибизию и Дрикку[508], мы пришли к тому месту, где некогда погиб от сарматского коварства Видигойя[509], храбрейший из готов; оттуда же неподалеку достигли селения, в котором стоял король Аттила; это селение, говорю я, было подобно обширнейшему городу; деревянные стены его, как мы заметили, были сделаны из блестящих досок, соединение между которыми было на вид так крепко, что едва-едва удавалось заметить – и то при старании – стык между ними. Видны {*179*} были и триклинии, протянувшиеся на значительное пространство, и портики, раскинутые во всей красоте. Площадь двора опоясывалась громадной оградой: ее величина сама свидетельствовала о дворце. Это и было жилище короля Аттилы, державшего [в своей власти] весь варварский мир; подобное обиталище предпочитал он завоеванным городам[510].

{*180*} Этот самый Аттила был рожден от Мундзука, которому приходились братьями Октар и Роас; как рассказывают, они держали власть до Аттилы, хотя и не над всеми теми землями, которыми владел он. После их смерти Аттила наследовал им в гуннском королевстве вместе с братом Бледою.

{*181*} Чтобы перед походом, который он готовил, быть равным [противнику], он ищет приращения сил своих путем братоубийства и, таким образом, влечет через истребление своих к всеобщему междоусобию. Но, по решению весов справедливости, он, взрастивший могущество свое искусным

средством, нашел постыдный конец своей жестокости. После того как был коварно умерщвлен брат его Бледа, повелевавший значительной частью гуннов, Аттила соединил под своей властью все племя целиком и, собрав множество других племен, которые он держал тогда в своем подчинении, задумал покорить {*182*} первенствующие народы мира[511] – римлян и везеготов. Говорили, что войско его достигало пятисот тысяч[512].

Был он мужем, рожденным на свет для потрясения народов, {*183*} ужасом всех стран, который, неведомо по какому жребию, наводил на все трепет, широко известный повсюду страшным о нем представлением. Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество. Любитель войны, сам он был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутый сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом [кожи], он являл все признаки своего происхождения[513]. Хотя он по самой природе своей всегда отличался самонадеянностью, но она возросла в нем еще от находки Марсова меча, признававшегося священным у скифских царей. Историк Приск рассказывает, что меч этот был открыт при таком случае. Некий пастух, говорит он, заметил, что одна телка из его стада хромает, но не находил причины ее ранения; озабоченный, он проследил кровавые следы, пока не приблизился к мечу, на который она, пока щипала траву, неосторожно наступила; пастух выкопал меч и тотчас же принес его Аттиле. Тот обрадовался приношению и, будучи без того высокомерным, возомнил, что поставлен владыкою всего мира и что через Марсов меч ему даровано могущество в войнах.

{*184*} Поняв, что помыслы Аттилы обращены на разорение мира, Гизерих[514], король вандалов, о котором мы упоминали немного выше, всяческими дарами толкает его на войну с везеготами, опасаясь, как бы Теодорид[515], король везеготов, не отомстил за оскорбление своей дочери; ее отдали в замужество Гунериху[516], сыну Гизериха, и вначале она была довольна таким браком, но впоследствии, так как он отличался жестокостью даже со своими детьми, она была отослана обратно в Галлии к отцу своему с отрезанным носом и отсеченными ушами только по подозрению в приготовлении яда [для мужа]; лишенная естественной красы, несчастная представляла собой ужасное зрелище, {*185*} и подобная жестокость, которая могла растрогать даже посторонних, тем сильнее взывала к отцу о мщении.

Тогда Аттила, порождая войны, давно зачатые подкупом

Гизериха, отправил послов в Италию к императору Валентиниану[517], сея таким образом раздор между готами и римлянами, чтобы хоть из внутренней вражды вызвать то, чего не мог он добиться сражением; при этом он уверял, что ничем не нарушает дружбы своей с империей, а вступает в борьбу лишь с Теодеридом, королем везеготов. Желая, чтобы [обращение его] было принято с благосклонностью, он наполнил остальную часть послания обычными льстивыми речами и приветствиями, стремясь {*186*} ложью возбудить доверие. Равным образом он направил письмо и к королю везеготов Теодериду, увещевая его отойти от союза с римлянами и вспомнить борьбу, которая незадолго до того велась против него. Под крайней дикостью таился человек хитроумный, который, раньше чем затеять войну, боролся искусным притворством.

{*187*} Тогда император Валентиниан направил к везеготам и к их королю Теодериду посольство с такими речами: «Благоразумно будет с вашей стороны, храбрейшие из племен, [согласиться] соединить наши усилия против тирана, посягающего на весь мир. Он жаждет порабощения вселенной, он не ищет причин для войны, но – что бы ни совершил это и считает законным. Тщеславие свое он мерит [собственным] локтем, надменность насыщает своеволием. Он презирает право и божеский закон и выставляет себя врагом самой природы. Поистине {*188*}заслуживает общественной ненависти тот, кто всенародно заявляет себя всеобщим недругом. Вспомните, прошу, о том, что, конечно, и так забыть невозможно: гунны обрушиваются не в открытой войне, где несчастная случайность есть явление общее, но – а это страшнее! – они подбираются коварными засадами. Если я уж молчу о себе, то вы-то ужели можете, неотмщенные, терпеть подобную спесь? Вы, могучие вооружением, подумайте о страданиях своих, объедините все войска свои! Окажите помощь и империи, членом которой вы являетесь. А насколько вожделенен, насколько ценен для нас этот {*189*} союз, спросите о том мнение врага!»

Вот этими и подобными им речами послы Валентиниана сильно растрогали короля Теодорида, и он ответил им: «Ваше желание, о римляне, сбылось: вы сделали Аттилу и нашим врагом! Мы двинемся на него, где бы ни вызвал он нас на бой; и хотя он и возгордился победами над различными племенами, готы тоже знают, как бороться с гордецами. Никакую войну, кроме той, которую ослабляет ее причина, не счел бы я тяжкой, особенно когда благосклонно императорское Величество и ничто мрачное не страшит». {*190*} Криками одобряют комиты ответ вождя; радостно вторит им народ; всех охватывает боевой пыл;

все жаждут гуннов-врагов.

И вот выводит Теодорид, король везеготов, бесчисленное множество войска; оставив дома четырех сыновей, а именно: Фридериха и Евриха, Ретемера и Химнерита, он берет с собой для участия в битвах только старших по рождению, Торисмуда и Теодериха. Войско счастливо, подкрепление обеспечено, содружество приятно: все это налицо, {*191*} когда имеешь расположение тех, кого радует совместный выход навстречу опасностям. Со стороны римлян великую предусмотрительность проявил патриций Аэций, на котором лежала забота о Гесперйской стороне[518] империи; отовсюду собрал он воинов, чтобы не казаться неравным против свирепой и бесчисленной толпы. У него были такие вспомогательные отряды: франки, сарматы[519], арморицианы[520], литицианы[521], бургундионы, саксоны, рипариолы[522], брионы – {*192*} бывшие римские воины, а тогда находившиеся уже в числе вспомогательных войск, и многие другие как из Кельтики, так и из Германии[523].

Итак, сошлись на Каталаунских полях, которые иначе называют Мавриакскими[524]; они тянутся на сто лев (как говорят галлы)[525] в длину и на семьдесят в ширину. Галльская лева измеряется одной тысячью и пятьюстами шагами. Этот кусок земли стал местом битвы бесчисленных племен. {*193*} Здесь схватились сильнейшие полки с обеих сторон, и не было тут никакого тайного подползания, но сражались открытым боем. Какую можно сыскать причину, достойную того, чтобы привести в движение такие толпы? Какая же ненависть воодушевила всех вооружиться друг против друга? Доказано, что род человеческий живет для королей, если по безумному порыву единого ума совершается побоище народов и по воле надменного короля в одно мгновение уничтожается то, что природа производила в течение стольких веков[526]!

{*194*} Но раньше чем сообщить о самом ходе битвы, необходимо показать, что происходило вначале, перед сражением. Битва была настолько же славна, насколько была она многообразна и запутанна. Сангибан, король аланов, в страхе перед будущими событиями обещает сдаться Аттиле и передать в подчинение ему галльский город Аврелиан[527], {*195*} где он тогда стоял. Как только узнали об этом Теодорид[528] и Аэций, тотчас же укрепляют они город, раньше чем подошел Аттила, большими земляными насыпями, стерегут подозрительного Сангибана и располагают его со всем его племенем в середине между своими вспомогательными войсками.

Аттила, король гуннов, встревоженный этим событием и не доверяя своим войскам, устрашился вступить в сражение. Между

тем, обдумав, {*196*} что бегство гораздо печальнее самой гибели, он приказал через гадателей вопросить о будущем. Они, вглядываясь по своему обычаю то во внутренности животных, то в какие-то жилки на обскобленных костях, объявляют, что гуннам грозит беда. Небольшим утешением в этом предсказании было лишь то, что верховный вождь противной стороны должен был пасть и смертью своей омрачить торжество покинутой им победы. Аттила, обеспокоенный подобным предсказанием, считал, что следует хотя бы ценой собственной погибели стремиться убить Аэция, который как раз стоял на пути его – Аттилы – движения. Будучи замечательно изобретательным в военных делах, он начинает битву около девятого часа дня, причем с трепетом, рассчитывая, что, если дело его обернется плохо, наступающая ночь выручит его.

{*197*} Сошлись стороны, как мы уже сказали, на Каталаунских полях. Место это было отлогое; оно как бы вспучивалось, вырастало вершиной холма. Как то, так и другое войско стремилось завладеть им, потому что удобство местности доставляет немалую выгоду; таким образом, правую сторону его занимали гунны со всеми своими [союзниками], левую же – римляне и везеготы со своими вспомогательными отрядами. И они вступают в бой на самой горе за оставшуюся [ничьей] вершину.

Правое крыло держал Теодерид с везеготами, левое – Аэций с римлянами; в середине поставили Сангибана, о котором мы говорили выше и который предводительствовал аланами; они руководствовались военной осторожностью, чтобы тот, чьему настроению они мало доверяли, {*198*} был окружен толпой верных людей. Ибо легко принимается необходимость сражаться, когда бегству поставлено препятствие.

По-иному было построено гуннское войско. Там в середине помещался Аттила с храбрейшими воинами: при таком расположении обеспечивалась скорее забота о короле, поскольку он, находясь внутри сильнейшей части своего племени, оказывался избавленным от наступающей опасности. Крылья его войск окружали многочисленные народы и различные племена, подчинявшиеся его власти. {*199*} Среди них преобладало войско остроготов, под предводительством братьев Валамира, Теодемира и Видемера, более благородных по происхождению, чем сам король, которому они служили, потому что их озаряло могущество рода Амалов. Был там и Ардарих[529], славнейший тот король бесчисленного полчища гепидов, который, по крайней преданности своей Аттиле, участвовал во всех его замыслах. Аттила же, взвешивая все с присущей ему проницательностью,

любил его и Валамира, короля остроготов, больше, чем других царьков. {*200*} Валамир отличался стойкостью в сохранении тайн, ласковостью в разговоре, уменьем распутать коварство. Ардарих же был известен, как сказано, преданностью и здравомыслием. Не без основания Аттила должен был верить, что они будут биться с сородичами своими, везеготами. Остальная же, если можно сказать, толпа королей и вождей различных племен ожидала, подобно сателлитам, кивка Аттилы: куда бы только ни повел он глазом, тотчас же всякий из них представал перед ним без малейшего ропота, но в страхе и трепете, или же исполнял то, что ему приказывалось. {*201*} Один Аттила, будучи королем [этих] королей, возвышался над всеми и пекся обо всех.

Итак, происходила борьба за выгодную, как мы сказали, позицию этого места. Аттила направляет своих, чтобы занять вершину горы, но его предупреждают Торисмунд и Аэций, которые, взобравшись на верхушку холма, оказались выше и с легкостью низвергли подошедших гуннов благодаря преимущественному положению на горе.

{*202*} Тогда Аттила, увидев, что войско его по причине только что случившегося пришло в смятение, решил вовремя укрепить его следующими речами: «После побед над таким множеством племен, после того как весь мир – если вы устоите! – покорен, я считаю бесполезным побуждать вас словами как не смыслящих, в чем дело. {*203*} Пусть ищет этого либо новый вождь, либо неопытное войско. И не подобает мне говорить об общеизвестном, а вам нет нужды слушать. Что же иное привычно вам, кроме войны? Что храбрецу слаще стремления платить врагу своей же рукой? Насыщать дух мщением – это великий дар природы! {*204*} Итак, быстрые и легкие, нападем на врага, ибо всегда отважен тот, кто наносит удар. Презрите эти собравшиеся здесь разноязычные племена: признак страха – защищаться союзными силами. Смотрите! Вот уже до вашего натиска поражены враги ужасом: они ищут высот, занимают курганы и в позднем раскаянии молят об укреплениях в степи. Вам же известно, как легко оружие римлян: им тягостна не только первая рана, но сама пыль, когда идут они в боевом порядке и смыкают строй свой под черепахой щитов[530]. Вы {*205*} же боритесь, воодушевленные упорством, как вам привычно, пренебрегите пока их строем, нападайте на аланов, обрушивайтесь на везеготов. Нам надлежит искать быстрой победы там, где сосредоточена битва. Когда пересечены жилы, вскоре отпадают и члены, и тело не может стоять, если вытащить из него кости. Пусть воспрянет дух ваш, пусть вскипит свойственная вам ярость! Теперь гунны, употребите ваше разумение, примените ваше

оружие! Ранен ли кто – пусть добивается смерти противника, невредим ли – пусть насытится кровью врагов. Идущих к победе не достигают никакие стрелы, а идущих к смерти рок повергает и во время мира. Наконец, к чему {*206*} фортуна утвердила гуннов победителями стольких племен, если не для того, чтобы приготовить их к ликованию после этого боя? Кто же, наконец, открыл предкам нашим путь к Мэотидам[531], столько веков пребывавший замкнутым и сокровенным? Кто же заставил тогда перед безоружными отступить вооруженных? Лица гуннов не могло вынести все собравшееся множество. Я не сомневаюсь в исходе – вот поле, которое сулили нам все наши удачи! И я первый пущу стрелу во врага. Кто может пребывать в покое, если Аттила сражается, тот уже похоронен!»

И зажженные этими словами все устремились в бой.

{*207*} Хотя событие развивалось ужасное, тем не менее присутствие короля подбадривало унывающих. Сходятся врукопашную; битва – лютая, переменная, зверская, упорная. О подобном бое никогда до сих пор не рассказывала никакая древность, хотя она и повествует о таких деяниях, величественнее каковых нет ничего, что можно было бы наблюдать в жизни, если только не быть самому свидетелем этого {*208*} самого чуда. Если верить старикам, то ручей на упомянутом поле, протекавший в низких берегах, сильно разлился от крови из ран убитых; увеличенный не ливнями, как бывало обычно, но взволновавшийся от необыкновенной жидкости, он от переполнения кровью превратился в целый поток. Те же, которых нанесенная им рана гнала туда в жгучей жажде, тянули струи, смешанные с кровью. Застигнутые несчастным жребием, они глотали, когда пили, кровь, которую сами они – раненые – и пролили.

{*209*} Там король Теодорид, объезжая войска для их ободрения, был сшиблен с коня и растоптан ногами своих же; он завершил свою жизнь, находясь в возрасте зрелой старости. Некоторые говорят, что был он убит копьем Андагиса[532], со стороны остроготов, которые тогда подчинялись правлению Аттилы. Это и было тем, о чем вначале сообщили Аттиле гадатели в их предсказании, хотя он и помышлял это об Аэции.

{*210*} Тут везеготы, отделившись от аланов, напали на гуннские полчища и чуть было не убили Аттилу, если бы он заранее, предусмотрев это, не бежал и не заперся вместе со своими за оградами лагерей, которые он держал окруженными телегами, как валом; хотя и хрупка была эта защита, однако в ней искали спасения жизни те, кому незадолго до того не могло противостоять никакое каменное укрепление.

{*211*} Торисмуд[533], сын короля Теодорида, который вместе с Аэцием захватил раньше холм и вытеснил врагов с его вершины, думая, что он подошел к своим войскам, в глухую ночь наткнулся, не подозревая того, на повозки врагов. Он храбро отбивался, но, раненный в голову, был сброшен с коня; когда свои, благодаря догадке, освободили его, он отказался от дальнейшего намерения сражаться. {*212*} Аэций, равным образом оторванный от своих в ночной сумятице, блуждал между врагами, трепеща, не случилось ли чего плохого с готами; наконец, он пришел к союзным лагерям и провел остаток ночи под охраной щитов. На следующий день на рассвете [римляне] увидели, что поля загромождены трупами и что гунны не осмеливаются показаться; тогда они решили, что победа на их стороне, зная, что Аттила станет избегать войны лишь в том случае, если действительно будет уязвлен тяжелым поражением. Однако он не делал ничего такого, что соответствовало бы повержению в прах и униженности: наоборот, он бряцал оружием, трубил в трубы, угрожал набегом; он был подобен льву, прижатому охотничьими копьями к пещере и мечущемуся у входа в нее: уже не смея подняться на задние лапы, он все-таки не перестает ужасать окрестности своим ревом. Так тревожил своих победителей этот воинственнейший король, хотя и окруженный. {*213*} Сошлись тогда готы и римляне и рассуждали, что сделать с Аттилой, которого они одолели. Решили изнурять его осадой, так как он не имел запаса хлеба, а подвоз задерживался его же стрелками, сидевшими внутри оград лагерей и беспрестанно стрелявшими. Рассказывают, что в таком отчаянном положении названный король не терял высшего самообладания; он соорудил костер из конских седел и собирался броситься в пламя, если бы противник прорвался, чтобы никто не возрадовался его ранению и чтобы господин столь многих племен не попал во власть врагов.

{*214*} Во время этой задержки с осадой везеготы стали искать короля, сыновья – отца, дивясь его отсутствию, как раз когда наступил успех. Весьма долго длились поиски; нашли его в самом густом завале трупов, как и подобает мужам отважным, и вынесли оттуда, почтенного с песнопениями на глазах у врагов. Виднелись толпы готов, которые воздавали почести мертвецу неблагозвучными, нестройными голосами тут же в шуме битвы. Проливались слезы, но такие, которые приличествуют сильным мужам, потому что, хотя это и была смерть, но смерть – сам гунн тому свидетель – славная. Даже вражеское высокомерие, {*215*} казалось, склонится, когда проносили тело великого короля со всеми знаками величия. Отдав должное Теодориду, готы, гремя оружием, передают [наследнику] королевскую власть, и

храбрейший Торисмуд, как подобало сыну, провожает в похоронном шествии славные останки дорогого отца.

Когда все было кончено, сын, движимый болью осиротения и порывом присущей ему доблести, задумал отомстить оставшимся гуннам за смерть отца; поэтому он вопросил патриция Аэция, как старейшего и зрелого благоразумием, что́ надлежит теперь делать. Тот же, {*216*} опасаясь, как бы – если гунны были бы окончательно уничтожены – готы не утеснили Римскую империю, дал по этим соображениям такой совет: возвращаться на свои места и овладеть королевской властью, оставленной отцом, чтобы братья, захватив отцовские сокровища, силою не вошли в королевство везеготов и чтобы поэтому не пришлось ему жестоким или, что еще хуже, жалким образом воевать со своими. Торисмуд воспринял этот совет не двусмысленно, – как он, собственно, и был дан, – но скорее в свою пользу и, бросив гуннов, вернулся в Галлии. Так непостоянство человеческое, {*217*} лишь только встретится с подозрениями, пресекает то великое, что готово совершиться.

В этой известнейшей битве самых могущественных племен пало, как рассказывают, с обеих сторон 165 тысяч человек, не считая 15 тысяч гепидов и франков; эти, раньше чем враги сошлись в главном сражении, сшиблись ночью, переколов друг друга в схватке – франки на стороне римлян, гепиды на стороне гуннов.

{*218*} Аттила, заметив отход готов, долго еще оставался в лагере, предполагая со стороны врагов некую хитрость, как обыкновенно думают обо всем неожиданном. Но когда, вслед за отсутствием врагов, наступает длительная тишина, ум настраивается на мысль о победе, радость оживляется, и вот дух могучего короля вновь обращается к прежней вере в судьбу.

Торисмуд же, по смерти отца на Каталаунских полях, где он сражался, вступает в Толозу[534], вознесенный в королевском величии. Здесь, правда, толпа братьев и знатных радостно его приветствовала, но и сам он в начале правления был настолько умерен, что ни у кого не появилось и в мыслях начать борьбу за наследование.

{*219*} Аттила же, воспользовавшись уходом везеготов и заметив распад между врагами на два [противоположных] лагеря, – чего он всегда желал, – успокоенный двинул скорее войско, чтобы потеснить римлян. Первым его нападением была осада Аквилейи[535], главного города провинции Венетии; город этот расположен на остром мысу, или языкообразном выступе, Адриатического залива; с востока стену его лижет [водами своими] река Натисса[536], текущая с горы Пикцис[537]. {*220*} После долгой и усиленной осады Аттила почти ничего не смог там сделать; внутри города сопротивлялись ему сильнейшие римские воины, а его собственное войско уже роптало и стремилось уйти. Однажды Аттила, проходя возле стен, раздумывал, распустить ли лагерь или же еще задержаться; вдруг он обратил внимание, что белоснежные птицы, а именно аисты, которые устраивают гнезда на {*221*} верхушках домов, тащат птенцов из города и, вопреки своим привычкам, уносят их куда-то за поля. А так как был он очень проницателен и пытлив, то и представил своим следующее соображение: «Посмотрите, – сказал он, – на этих птиц: предвидя будущее, они покидают город, которому грозит гибель; они бегут с укреплений, которые падут, так как опасность нависла над ними. Это не пустая примета, нельзя счесть ее неверной; в предчувствии событий, в страхе перед грядущим меняют они свои привычки» [*Этот рассказ об аистах, улетевших вместе с птенцами из гнезда на башне осажденного города, есть и у Прокопия (Bell. Vand., I, 4), также в описании осады Аквилейи войском Аттилы. По всей вероятности, оба автора, то есть и Иордан, и Прокопий, заимствовали рассказ об аистах в Аквилейе у Приска. Ср. Gy. Moravcsik, Byzantinoturcica, I, p. 486. – Прим. автора*]. Что же дальше? Этим снова воспламенил он души своих на завоевание Аквилейи. Построив осадные машины и применяя всякого рода метательные орудия[538], они немедля врываются в город, грабят, делят добычу, разоряют все с такой жестокостью, что, как кажется, не оставляют от города никаких следов. {*222*} Еще более дерзкие после этого и все еще не пресыщенные кровью римлян, гунны вакхически неистовствуют по остальным венетским[539] городам. Опустошают они также Медиолан[540], главный город Лигурии, некогда столицу; равным образом разметывают Тицин[541], истребляя с

яростью и близлежащие окрестности, наконец, разрушают чуть ли не всю Италию. Но когда возникло у Аттилы намерение идти на Рим, то приближенные его, как передает историк Приск, отвлекли его от этого, однако не потому, что заботились о городе, коего были врагами, но потому что имели перед глазами пример Алариха, некогда короля везеготов, и боялись за судьбу своего короля, {*223*} ибо тот после взятия Рима[542] жил недолго и вскоре удалился от дел человеческих. И вот, пока дух Аттилы колебался относительно этого опасного дела – идти или не идти – и, размышляя сам с собою, медлил, подоспело к нему посольство из Рима с мирными предложениями. Пришел к нему сам папа Лев[543] на Амбулейское поле[544] в провинции Венетии, там, где река Минций[545] пересекается толпами путников. Аттила прекратил тогда буйство своего войска и, повернув туда, откуда пришел, пустился в путь за Данубий, обещая соблюдать мир. Он объявил перед всеми и, приказывая, угрожал, что нанесет Италии еще более тяжкие бедствия, если ему не пришлют Гонорию[546], {*224*} сестру императора Валентиниана, дочь Плацидии Августы, с причитающейся ей частью царских сокровищ. Рассказывали, что эта Гонория по воле ее брата содержалась заточенная в состоянии девственности ради чести дворца; она тайно послала евнуха к Аттиле и пригласила его защитить ее от властолюбия брата – вовсе недостойное деяние: купить себе свободу сладострастия ценою зла для всего государства.

{*225*} Аттила вернулся на свои становища и[547], как бы тяготясь бездействием и трудно перенося прекращение войны, послал послов к Маркиану[548], императору Восточной империи, заявляя о намерении ограбить провинции, потому что ему вовсе не платят дани, обещанной покойным императором Феодосием[549], и ведут себя с ним обычно менее обходительно, чем с его врагами. Поступая таким образом, он, лукавый и хитрый, в одну сторону грозил, в другую – направлял {*226*} оружие, а излишек своего негодования [излил], обратив свое лицо против везеготов. Но исхода тут он добился не того, какой имел с римлянами. Идя обратно по иным, чем раньше, дорогам, Аттила решил подчинить своей власти ту часть аланов, которая сидела за рекой Лигером[550], чтобы, изменив после их [поражения] самый вид войны, угрожать еще ужаснее. Итак, выступив из Дакии и Паннонии, провинций, где жили тогда гунны и разные подчиненные им племена,

{*227*} Аттила двинул войско на аланов. Но Торисмуд, король везеготов, предвосхитил злой умысел Аттилы с не меньшим, чем у него, хитроумием: он с крайней быстротой первый явился к аланам и, уже подготовленный, встретил движение войск

подходившего Аттилы. Завязалась битва почти такая же, какая была до того на Каталаунских полях; Торисмуд лишил Аттилу всякой надежды на победу, изгнал его из своих краев без триумфа и заставил бежать к своим местам. Так достославный Аттила, одержавший так много побед, когда хотел унизить славу своего погубителя и стереть то, что испытал когда-то от везеготов, претерпел теперь вдвойне и бесславно отступил.

{*228*} Торисмуд же, отогнав гуннские полчища от аланов без всякого ущерба для себя, отправился в Толозу, но, создав для своих мирное существование, заболел на третий год царствования и, когда выпускал кровь из вены, был убит[551], потому что Аскальк, враждебный ему его клиент, рассказал, что (у больного] отсутствовало оружие. Однако при помощи одной руки, которая оставалась у него свободной, он схватил скамейку и убил несколько человек, покушавшихся на него, став таким образом мстителем за кровь свою.

{*229*} После его смерти ему наследовал в королевстве везеготов брат его Теодерид[552], который скоро нашел себе врага в Рикиарии[553], короле свавов, своем зяте. Этот самый Рикиарий, опираясь на родство свое с Теодеридом, решил, что ему надлежит захватить чуть ли не всю Испанию. Он считал удобным для отторжения время, когда еще можно было попробовать [пошатнуть] неустановившееся начало правления. {*230*} Местом поселения свавов были раньше Галлиция[554] и Лизитания[555], которые тянутся по правой стороне Испании по берегу океана, имея с востока Австрогонию[556], с запада на мысу – священный монумент Сципиону Римскому[557], с севера – океан, с юга – Лизитанию и реку Таг[558], которая, перемешивая с песками своими золотой металл, влечет богатство вместе с дрянным илом. Оттуда-то и вышел Рикиарий, король свавов, намереваясь захватить целиком Испании. {*231*} Зять его Теодорид, по умеренности своей, послал к нему послов и миролюбиво передал, чтобы он не только отступил из чужих пределов, но и не дерзал покушаться на них и подобным честолюбием не вызывал к себе ненависти. Он же преспесиво изрек: «Если уж и на {*232*} это ты ропщешь и упрекаешь меня, что я пришел только сюда, то я {*233*} приду в Толозу, в которой ты сидишь; там, если будешь в силах, сопротивляйся!» Услышав это, разгневался Теодорид и, заключив мир с остальными племенами, пошел походом на свавов, имея верными себе помощниками Гнудиуха и Гильпериха, королей бургундзонов. Дело дошло до сражения близ реки Ульбия[559], которая протекает между Астурикой[560] и Иберией[561]. Завязав бой, Теодерид вместе с везеготами вышел из него победителем, так как боролся за справедливое дело, а племя свавов было

повержено чуть ли не все вплоть до полного уничтожения. Их король Рикиарий бежал, покинув разбитое войско, и сел на корабль, но, отброшенный назад бурей на Тирренском море, попал в руки везеготов. Переменою стихии несчастный не отсрочил смерти.

{*234*} Теодерид-победитель пощадил побежденных и не дозволил зверствовать вне битвы; он поставил над покоренными свавами своего клиента по имени Агривульф. Но тот через короткое время, под воздействием уговоров со стороны свавов, вероломно изменил свое намерение и стал пренебрегать выполнением приказаний, возносясь скорее наподобие тирана: он полагал, что получил провинцию в силу той доблести, с которой он некогда вместе с господином своим ее покорил. Был он мужем из рода Варнов, значительно отдаленный от благородства готской крови, и потому ни к свободе не прилежал, ни верности патрону не соблюдал. Узнав об этом, Теодорид сразу же направил против него отряд, который должен был изгнать его, [лишив] захваченной власти. [Воины] явились без замедления, в первой же стычке одолели его и потребовали соответственной его поступками кары. Тут-то он и почувствовал гнев господина, милостью которого думал пренебречь; схваченный и лишившийся помощи своих, он был обезглавлен. Свавы же, видя погибель правителя, послали жрецов своей страны к Теодериду, чтобы умолить его. Он принял их с подобающей их жреческому сану почтительностью и не только снизошел к свавам, не изгнав их, но, движимый милосердием, разрешил им поставить князя из своего рода. Так и случилось: свавы выбрали себе царьком Римисмунда. Совершив все это и укрепив все кругом миром, Теодерид умер на тринадцатом году своего правления.

{*235*} С жадной поспешностью наследовал ему брат его Еврих[562] и потому был попрекаем неправильным подозрением. Пока все это и многое другое происходило в племени везеготов, император Валентиниан был убит[563] вследствие коварства Максима[564], сам же Максим захватил власть как тиран. Услышав об этом, Гизерих[565], король вандалов, пришел из Африки в Италию с вооруженным флотом, вступил в Рим и все разорил. Максим бежал и был убит неким Урсом, римским воином. {*236*} После Максима, по повелению Маркиана, императора Восточного, Западную империю получил в управление Майюриан[566], однако, и он правил недолго, потому что, когда двинул войско против аланов, нападавших на Галлии, был убит в Дертоне[567], около реки по названию Гира[568]. Место его занял Север[569], который умер в Риме на третий год своего правления. Учтя это, император Лев, который в Восточной империи наследовал Маркиану, послал

своего патриция Анфемия[570] в Рим, сделав его там принцепсом. Тот, прибыв туда, направил против аланов зятя своего Рекимера[571], мужа выдающегося и чуть ли не единстве иного тогда в Италии полководца. В первой же битве он нанес поражение всему множеству аланов и {*237*} королю их Беоргу[572], перебив их и уничтожив. Тогда Еврих[573], король везеготов, примечая частую смену римских императоров, замыслил занять и подчинить себе Галлии. Обнаружив это, император Анфемий потребовал помощи у бриттонов.

Их король Риотим[574] пришел с двенадцатью тысячами войска и, высадившись у океана с кораблей, был принят в городе битуригов[575]. {*238*} Ему навстречу поспешил король везеготов Еврих, ведя за собой бесчисленное войско; он долго сражался, пока не обратил Риутима, короля бриттонов, в бегство еще до того, как римляне соединились с ним. Тот, потеряв большую часть войска, бежал с кем только мог и явился к соседнему племени бургундзонов, в то время римских федератов. Еврих же, король везеготов, занял Ареверну[576], галльский {*239*} город, когда император Анфемий уже умер. Он [Анфемий] соперничал в Риме с зятем своим Рикимером; свирепствовала междоусобная война, и он был убит зятем[577], оставив государство Олибрию[578]. В это самое время в Константинополе, израненный мечами евнухов, во дворце умер Аспар[579], первый из патрициев, славный готским своим родом вместе с сыновьями Ардавуром и Патрикиолом: первый был давно патрицием, второй же – цезарем и считался зятем императора Льва[580]. Когда Олибрий на восьмом: месяце по вступлении на престол умер[581], цезарем сделан был в Равенне Гликерий[582], причем скорее путем захвата, чем избрания. Но не успело пройти и одного года[583], как Непот[584], сын сестры покойного патриция Марцеллина, сверг его и поставил епископом в Римском порту[585].

{*240*} Как мы уже сказали выше, Еврих, замечая столько превратностей и перемен, занял город Ареверну, где в то время римским военачальником был Экдиций, благороднейший сенатор и сын бывшего недавно императором Авита[586], который захватил престол всего на несколько дней (пробыв у власти лишь немного дней перед Олибрием, он затем ушел в Плаценцию[587], где был поставлен епископом). Итак, сын его Экдиций, после длительной борьбы с везеготами и не будучи в силах им противостоять, оставил врагу страну и, что особенно важно, город {*241*} Аревернский и укрылся в более защищенных местах. Услышав об этом, император Непот приказал Экдицию покинуть Галлии и явиться к себе, поставив вместо него магистром армии Ореста[588]. Этот же Орест, приняв командование над войском и

выступив из Рима на врагов, пришел в Равенну, где задержался и поставил императором сына своего Августула. Когда Непот узнал об этом, он бежал в Далмацию и там, сложив с себя власть, стал частным человеком; бывший недавно императором Гликерий имел там епископию в Салоне.

Спустя некоторое время после того как Августул отцом своим {*242*} Орестом был поставлен императором в Равенне, Одоакр[589], король торкилингов, ведя за собой скиров, герулов и вспомогательные отряды из различных племен, занял Италию и, убив Ореста[590], сверг сына {*243*} его Августула с престола и приговорил его к каре изгнания в Лукулланском укреплении в Кампании[591].

Так вот Гесперийская империя римского народа, которую в семьсот девятом году от основания Рима[592] держал первый из августов – Октавиан Август, погибла[593] вместе с этим Августулом в год пятьсот двадцать второй правления всех его предшественников[594], и с тех пор Италию и Рим стали держать готские короли.

Между тем Одоакр, король племен[595], подчинив всю Италию, чтобы внушить римлянам страх к себе, с самого же[596] начала своего правления убил в Равенне комита Бракилу; укрепив свою власть, он держал ее почти тринадцать лет, вплоть до появления Теодориха[597], о чем мы будем говорить в последующем.

{*244*} Впрочем, вернемся к тому порядку, от которого мы отступили, а именно, каким образом Еврих, король везеготов, заметив шаткость[598] Римского государства, подчинил себе Арелат[599] и Массилию[600]. Гизерих, король вандалов, заманил его подарками[601] на это дело, потому что сам он, сильно опасаясь козней против себя со стороны Льва и Зинона[602], подстраивал, чтобы остроготы разоряли Восточную империю, а везеготы – и Гесперийскую[603] и чтобы, пока враги будут раздирать друг друга в обеих империях, самому спокойно править в Африке. Еврих с сочувствием отнесся к этому и, держа в подчинении все Испании и Галлии, покорил также бургундзонов; он умер в Арелате, на девятнадцатом году своего правления[604]. Ему наследовал собственный его сын Аларих, воспринявший королевство везеготов девятым по счету[605], начиная от того великого Алариха. То же самое, что было с Августами, о которых мы говорили выше, произошло, как известно, и с Аларихами: царства часто кончаются на тех самых именах, с каковых они начались. Однако, включив все это между прочим, продолжим, по нашему обещанию, сплетать [историю] происхождения готов.

Ввиду того что, следуя сказанному старшими писателями, я,

насколько {*245*} сумел, развил [те события], когда оба племени, остроготы и везеготы, составляли еще одно целое, а также с достоверностью проследил [историю] везеготов, уже отделившихся от остроготов, придется нам вновь вернуться к древним их скифским поселениям[606] и представить так же последовательно генеалогию и деяния остроготов. Про них известно, что по смерти короля их Германариха[607] они, отделенные от везеготов и подчиненные власти гуннов, остались в той же стране[608] причем Амал Винитарий удержал все знаки своего господствования[609]. Подражая доблести деда своего Вультульфа, он, {*246*} хотя и был ниже Германариха по счастью и удачам, с горечью переносил подчинение гуннам. Понемногу освобождаясь из-под их власти и пробуя проявить свою силу, он двинул войско в пределы антов[610] и, когда вступил туда, в первом сражении был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распял короля их Божа[611] с сыновьями его и с семьюдесятью старейшинами для устрашения, {*247*} чтобы трупы распятых удвоили страх покоренных[612]. Но с такой свободой повелевал он едва в течение одного года: [этого положения] не потерпел Баламбер[613], король гуннов; он призвал к себе Гезимунда, сына великого Гуннимунда, который, помня о своей клятве и верности, подчинялся гуннам со значительной частью готов, и, возобновив с ним союз, повел войско на Винитария. Долго они бились; в первом и во втором сражениях победил Винитарий. Едва ли {*248*} кто в силах припомнить побоище, подобное тому, которое устроил Винитарий в войске гуннов! Но в третьем сражении, когда оба [противника] {*249*} приблизились один к другому, Баламбер, подкравшись к реке Эрак[614], пустил стрелу и, ранив Винитария в голову, убил его; затем он взял себе в жены племянницу его Вадамерку и с тех пор властвовал в мире над всем покоренным племенем готов, но однако {*250*} так, что готским племенем всегда управлял его собственный царек, хотя и [соответственно] решению гуннов.

Вскоре после смерти Винитария стал править ими Гунимунд, сын могущественнейшего покойного короля Германариха, отважный в бою и выдающийся красотою тела. Он впоследствии успешно боролся против племени свавов. После его смерти наследовал ему сын его Торисмуд, украшенный цветом юности, на второй год своего правления он двинул войско против гепидов и одержал над ними большую {*251*} победу, но убился, как рассказывают, упав с коня. Когда он умер, остроготы так оплакивали его, что в течение сорока лет никакой другой король не занимал его места, для того чтобы память о нем всегда была у них на устах и чтобы подошло время, когда Валамер обретет

повадку мужа; [этот Валамер] родился от Вандалария, двоюродного брата [Торисмуда]; сын же последнего Беремуд, как мы сказали выше, пренебрег племенем остроготов из-за гуннского господства [над ними] и последовал за племенем везеготов в Гесперийские страны; от него-то и родился Ветерих. У Ветериха был сын Евтарих, который, вступив в брак с Амаласвентой, дочерью Теодериха, вновь объединил разделившийся было род Амалов и родил Аталариха[615] и Матесвенту[616]. Аталарих умер в отроческих годах, а Матесвента, привезенная в Константинополь, родила от второго мужа, а именно от Германа[617] (племянника императора Юстиниана), но уже после смерти мужа, сына, которого назвала Германом.

{*252*} Однако, чтобы соблюдался порядок [изложения], с которого мы начали, следует нам вернуться к потомству Вандалария, распустившегося тройным цветком[618]. Этот Вандаларий, племянник Германариха и двоюродный брат вышеупомянутого Торисмуда[619], прославился в роде Амалов, родив троих сыновей, а именно Валамира, Тиудимира и Видимира[620]. Из них, наследуя сородичам, вступил на престол Валамир в то время, когда гунны вообще еще властвовали над ними [остроготами] в числе других племен. {*253*} И была тогда между этими тремя братьями такая [взаимная] благосклонность, что удивления достойный Тиудимер вел войны, [защищая] власть брата, Валамир способствовал ему снаряжением, а Видимер почитал за честь служить братьям. Так оберегали они друг друга взаимной любовью, и ни один не остался без королевства, которым и владели они все втроем в мире [и согласии]. Однако так им владели, – о чем часто уже говорилось, – что сами [в свою очередь] подчинялись власти Аттилы, гуннского короля[621]; им не было возможности отказаться от борьбы против своих же родичей, везеготов, потому что приказание владыки, даже если он повелевает отцеубийство, должно быть исполнено. И не иначе смогло любое скифское племя[622] вырваться из-под владычества гуннов, как только с приходом желанной для всех вообще племен, а также для римлян смерти Аттилы, которая оказалась настолько же ничтожна, насколько жизнь его была удивительна.

{*254*} Ко времени своей кончины он, как передает историк Приск[623], взял себе в супруги – после бесчисленных жен, как это в обычае у того народа, – девушку замечательной красоты по имени Ильдико. Ослабевший на свадьбе от великого ею наслаждения и отяжеленный вином и сном, он лежал, плавая в крови, которая обыкновенно шла у него из ноздрей, но теперь была задержана в своем обычном ходе и, изливаясь по смертоносному пути через горло, задушила его. Так опьянение

принесло постыдный конец прославленному в войнах королю.

На следующий день, когда миновала уже большая его часть, королевские прислужники, подозревая что-то печальное, после самого громкого зова взламывают двери и обнаруживают Аттилу, умершего без какого бы то ни было ранения, но от излияния крови, а также плачущую девушку с опущенным лицом под покрывалом. Тогда, {*255*} следуя обычаю того племени, они отрезают себе часть волос и обезображивают уродливые лица свои глубокими ранами, чтобы превосходный воин был оплакан не воплями и слезами женщин, но кровью мужей[624].

В связи с этим произошло такое чудо: Маркиану, императору Востока[625], обеспокоенному столь свирепым врагом, предстало во сне божество и показало – как раз в ту самую ночь – сломанный лук Аттилы, именно потому, что племя это много употребляет такое оружие. Историк Приск говорит, что может подтвердить это [явление божества] истинным свидетельством. Настолько страшен был Аттила для великих империй, что смерть его была явлена свыше взамен дара {*256*} царствующим.

Не преминем сказать – хоть немногое из многого[626] – о том, чем племя почтило его останки. Среди степей[627] в шелковом шатре поместили труп его, и это представляло поразительное и торжественное зрелище. Отборнейшие всадники всего гуннского племени объезжали {*257*} кругом, наподобие цирковых ристаний, то место, где был он положен; при этом они в погребальных песнопениях так поминали его подвиги: «Великий король гуннов Аттила, рожденный от отца своего Мундзука, господин сильнейших племен! Ты, который с неслыханным дотоле могуществом один овладел скифским и германским царствами[628], который захватом городов поверг в ужас обе империи римского мира и, – дабы не было отдано и остальное на разграбление, – умилостивленный молениями принял ежегодную дань. И со счастливым исходом совершив все это, скончался не от вражеской раны, не от коварства своих, но в радости и веселии, без чувства боли, когда племя пребывало целым и невредимым. Кто же примет это за кончину, когда никто не почитает ее подлежащей отмщению?»

{258} После того как был он оплакан такими стенаниями, они справляют на его кургане «страву»[629] (так называют это они сами), сопровождая ее громадным пиршеством. Сочетая противоположные [чувства], выражают они похоронную скорбь, смешанную с ликованием.

Ночью, тайно труп предают земле, накрепко заключив его в [три] гроба – первый из золота, второй из серебра, третий из крепкого железа. Следующим рассуждением разъясняли они,

почему все это подобает могущественнейшему королю: железо – потому что он покорил племена, золото и серебро – потому что он принял орнат[630] обеих империй. Сюда же присоединяют оружие, добытое в битвах с врагами, драгоценные фалеры[631], сияющие многоцветным блеском камней, и всякого рода украшения[632], каковыми отмечается убранство дворца. Для того же, чтобы предотвратить человеческое любопытство перед столь великими богатствами, они убили всех, кому поручено было это дело, отвратительно, таким образом, вознаградив их; мгновенная смерть постигла погребавших так же, как постигла она и погребенного[633].

{259} После того как все было закончено, между наследниками Аттилы возгорелся спор за власть, потому что свойственно юношескому духу состязаться за честь властвования, – и пока они, неразумные, все вместе стремились повелевать, все же вместе и утеряли власть. Так часто преизбыток наследников обременяет царство больше, чем их недостаток. Сыновья Аттилы, коих, по распущенности его похоти, [насчитывалось] чуть ли не целые народы, требовали разделения племен жребием поровну, причем надо было бы подвергнуть жеребьевке, подобно челяди, воинственных королей вместе с их племенами

{260} Когда узнал об этом король гепидов Ардарих[634], то он, возмущенный тем, что со столькими племенами обращаются, как будто они находятся в состоянии презреннейшего рабства, первый восстал против сыновей Аттилы и последующей удачей смыл с себя навязанный его позор порабощения; своим отпадением освободил он не только свое племя, но и остальные, равным образом угнетенные, потому что все с легкостью примыкают к тому, что предпринимается для общего блага. И вот все вооружаются для взаимной погибели, и сражение происходит в Паннонии, близ реки, название которой – Недао[635]. {*261*} Туда сошлись разные племена, которые Аттила держал в своем подчинении; отпадают друг от друга королевства с их племенами, единое тело обращается в разрозненные члены; однако они не сострадают страданию целого, но, по отсечении главы, неистовствуют друг против друга. И это сильнейшие племена, которые никогда не могли бы найти себе равных [в бою], если бы не стали поражать себя взаимными ранами и самих же себя раздирать [на части].

Думаю, что там было зрелище, достойное удивления: можно было видеть и гота, сражающегося копьями[636], и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламывающего дротики в его [гепида?][637] ране, и свава, отважно действующего дубинкой[638],

а гунна – стрелой, и алана, строящего ряды с тяжелым, а герула – с легким оружием[639].

{*262*} Итак, после многочисленных и тяжелых схваток, победа неожиданно оказалась благосклонной к гепидам: почти тридцать тысяч как гуннов, так и других племен, которые помогали гуннам, умертвил меч Ардариха вместе со всеми восставшими. В этой битве был убит старший сын Аттилы по имени Эллак, которого, как рассказывают, отец настолько любил больше остальных, что предпочитал бы его на престоле всем другим детям своим. Но желанию отца не сочувствовала {*263*} фортуна: перебив множество врагов, [Эллак] погиб, как известно, столь мужественно, что такой славной кончины пожелал бы и отец, будь он жив. Остальных братьев, когда этот был убит, погнали вплоть до берега Понтийского моря, где, как мы уже описывали, сидели раньше готы[640].

Так отступили гунны, перед которыми, казалось, отступала вселенная. Настолько губителен раскол, что разделенные низвергаются, тогда как соединенными силами они же наводили ужас. Дело Ардариха, короля гепидов, принесло счастье разным племенам, против своей воли подчинявшимся владычеству гуннов, и подняло их души, – давно пребывавшие в глубокой печали, – к радости желанного освобождения. Явившись, в лице послов своих, на римскую землю и с величайшей милостью принятые тогдашним императором Маркианом, они получили назначенные им места, которые и заселили.

{*264*} Гепиды, силой забравшие себе места поселения гуннов[641], овладели как победители пределами всей Дакии и, будучи людьми деловыми[642], не требовали от Римской империи ничего, кроме мира и ежегодных даров по дружественному договору[643]. Император охотно согласился на это, и до сего дня племя это получает обычный дар от римского императора. Готы же, увидев, что гепиды отстаивают для себя гуннские земли, а племя гуннов занимает свои давние места[644], предпочли испросить земли у Римской империи, чем с опасностью для себя захватывать чужие, и получили Паннонию, которая, протянувшись в длину равниною, с востока имеет Верхнюю Мезию, с юга – Далмацию, с запада – Норик, с севера – Данубий[645]. Страна эта украшена многими городами, из которых первый – Сирмий, а самый крайний – Виндомина[646]. Из этого[647] же рода был Бливила, пентаполитанский вождь[648], и его брат Фроила и, в наше время, патриций Бесса[649].

{*265*} Савроматы же, которых мы называем сарматами[650], и кемандры[651], и некоторые из гуннов поселились в части Иллирика[652], на данных им землях у города Кастрамартена[653].

Скиры[654], садагарии[655] и часть {*266*} аланов со своим вождем по имени Кандак[656] получили Малую Скифию[657] и Нижнюю Мезию[658]. Нотарием[659] этого Кандака Алановийямутиса[660] до самой его смерти был Пария[661], родитель отца моего, т. е. мой дед. У сына же сестры Кандака, Гунтигиса[662], которого называли еще База, магистра армии, сына Андагиса[663] (сына Анделы из рода Амалов), нотарием – до своего обращения – был я, Иорданнис, хотя и не обученный грамматике[664].

Руги же и многие другие племена испросили себе для поселения Бицциюю[665] и Аркадиополь[666]. Эрнак, младший сын Аттилы, вместе со своими избрал отдаленные места Малой Скифии. Эмнетзур и Ултзиндур, единокровные братья его, завладели Утом, Гиском и Алмом[667] в Прибрежной Дакии. Многие из гуннов, прорываясь то тут, то там, подались тогда в Романию[668]; до сих пор из их числа называют сакромонтизиев и фоссатизиев.

{*267*} Были еще и другие готы, которые называются Малыми, хотя это – огромное племя; у них был свой епископ и примат Вульфила[669], который, как рассказывают, установил для них азбуку. По сей день они пребывают в Мезии[670], населяя местность вокруг Никополя[671], у подножия Эмимонта[672]; это – многочисленное племя, но бедное и невоинственное, ничем не богатое, кроме стад различного скота, пастбищ и лесов; земли [их] малоплодородны как пшеницей, так и другими видами [злаков]; некоторые люди там даже вовсе не знают виноградников[673], – существуют ли они вообще где-либо, – а вино они покупают себе в соседних областях, большинство же питается молоком.

{*268*} Итак, возвратимся к тому племени[674], о котором идет речь, т. е. к (племени] остроготов, которые жили в Паннонии[675] [под властью] короля Валамира и его братьев, Тиудимера и Видемира; хотя области их были поделены, но цели объединены (ведь Валамер сидел между реками Скарниунгой и Черной Водой[676], Тиудимер – близ озера Пелсойс[677], Видимер – между тем и другим). И вот случилось, что сыновья Аттилы пошли против готов, как против бежавших из-под {*269*} их господства и как бы разыскивая беглых рабов; они напали на одного Валамера, тогда как другие братья ничего не подозревали. Но он, хотя и встретил их с малыми [силами], долго изнурял их и разбил настолько, что от врагов едва осталась небольшая часть; обращенные в бегство, они направились в те области Скифии, по которым протекают воды реки Данапра; на своем языке гунны называют его Вар[678]. В то же время он [Валамер] послал к брату Тиудимеру гонца с радостной вестью, гонец же, в тот самый день как прибыл, обрел в доме Тиудимера еще бóльшую радость: в этот день родился сын Тиудимера Теодорих[679]; правда, младенец [происходил] от конкубины Эрелиевы[680], но [возлагали на него] большие надежды.

{*270*} Немного спустя король Валамир и братья его Тиудемир и Видимир, – ввиду того что запоздала обычная выплата от императора Маркиана, которую они получали наподобие стрены[681] и за это соблюдали мирный договор, – послали посольство к императору[682] и узнали, что Теодерих, сын Триария[683], также готского происхождения, но из другого рода, не из Амалов, процветает вместе со своими, {*271*} связан дружбою с римлянами и получает ежегодную выплату; на них же смотрят с презрением. Охваченные гневом, они взялись за оружие и, пройдя почти по всему Иллирику[684], разграбили и разорили его. Тогда император сразу изменил свое настроение и вернулся к прежней дружбе; он послал [к ним] посольство и не только принес с последним и пропущенные дары, но и обещал в будущем выплачивать их без всякого пререкания; как заложника мирных отношений он получил от них сына Тиудимера Теодориха, о котором мы рассказали выше; он достиг тогда уже полных семи лет и входил в восьмой год жизни. Отец медлил его выдавать, но дядя Валамир умолил его, только бы сохранился прочный мир между римлянами и готами[685].

Итак, Теодорих был дан готами заложником и отвезен в Константинополь к императору Льву; мальчик был красив и заслужил императорскую благосклонность.

{*272*} После того как установился прочный мир готов с римлянами, готы увидели, что им не хватает того, что они

получали от императора; в то же время стремились они проявить присущую им отвагу и потому начали грабить соседние племена, [жившие] кругом; прежде всего двинулись они походом против садагиев, владевших внутренней Паннонией[686]. Когда узнал об этом король гуннов Динтцик[687], сын Аттилы, то он собрал вокруг себя тех немногих, которые пока что оставались все-таки под его властью, а именно ултзинзуров, ангискиров, биттугуров, бардоров[688]; они подошли к Базиане[689], городу в Паннонии, и, окружив ее валами, начали грабить окрестности. Поняв это, {*273*} готы там же, где были, приостановили поход, предпринятый против садагиев, и обратились на гуннов; так вытеснили они их, покрыв бесславием, из своих пределов, и с тех пор до сего дня остатки гуннов боятся готского оружия.

Однако уже после того как племя гуннов было, наконец, усмирено готами, Гунумунд, вождь свавов[690], проходя мимо [и направляясь] на ограбление Далмации, захватил бродившие в степях готские стада, потому что ведь Далмация соседит со Свавией[691] и расположена невдалеке от пределов Паннонии, особенно тех мест, где жили тогда готы. Что {*274*} же дальше? Гунимунд со свавами, опустошив Далмации, возвращался в свои земли, а Тиудимер, брат Валамера, короля готов, не столько скорбя о потере стад, сколько опасаясь, как бы свавы – если эта нажива прошла бы для них безнаказанно – не перешли к еще большей разнузданности, так [бдительно] следил за их прохождением, что глухой ночью, когда они спали, напал на них у озера Пелсода[692] и, неожиданно завязав бой, настолько их потеснил, что даже взял в плен самого короля Гунимунда, а все войско его – ту часть, которая избежала меча, – подчинил готам. Но так как был он любителем милосердия, то, свершив отмщение, проявил благоволение и, примирившись со свавами, пленника {*275*}своего усыновил[693] и отпустил вместе с соплеменниками в Свавию. Тот же, забыв об отчей милости, через некоторое время затаил в душе коварный замысел и возбудил скиров, которые сидели тогда на Данубии и жили в мире с готами, чтобы они, отколовшись от союза с последними и соединив свое оружие с ним, выступили и напали на готский народ. Готы не ждали тогда ничего плохого, будучи особенно уверены в обоих дружественных соседях. Но внезапно возникает война. Вынужденные необходимостью, они хватаются за оружие и, бросившись в привычный (для них] бой, отмщают за свои обиды. В этом бою был {*276*} убит король их Валамир: чтобы ободрить своих, он скакал перед войском верхом на коне; испугавшись, конь упал и сбросил седока, который тут же был пронзен вражескими копьями.

Готы так сражались, отплачивая мятежникам и за смерть своего короля и за нанесенное им оскорбление, что от племени скиров почти никого, кто бы носил это имя, – да и то с позором, – не осталось; так все они и погибли[694].

{*277*} Устрашенные их погибелью, короли свавов Гунимунд и Аларик двинулись походом на готов, опираясь на помощь сарматов, которые подошли к ним как союзники с королями своими Бевкой и Бабаем[695]. Они призвали остатки скиров, чтобы те вместе с их старейшинами Эдикой[696] и Гунульфом[697] жестоко сразились, как бы в отмщение за себя; были с ними [со свавами] и гепиды, и немалая подмога от племени ругов[698], и другие, собранные отовсюду племена; так, набрав {*278*} огромное множество [людей], они расположились лагерем у реки Болии[699] в Паннониях.

После смерти Валамера готы поспешили к брату его Тиудимеру; некогда правивший вместе с братьями, но принявший тем не менее знаки высшей власти, он призвал младшего брата Видимера, разделил с ним заботы войны и, вынужденный [положением], выступил в поход. Завязалось сражение; готам удалось одержать верх настолько, что поле, смоченное кровью павших врагов, казалось красным морем, {*279*} а оружие и трупы были нагромождены наподобие холмов и заполняли собой [пространство] более чем на десять миль. Увидев это, готы возрадовались несказанным ликованием, потому что таким величайшим избиением врагов они отомстили и за кровь короля своего Валамера, и за свою обиду. А из поистине неисчислимого и разнообразного множества врагов, если кто и смог убежать, то эти, кое-как ускользнувшие, едва вернулись восвояси, покрытые бесславием[700].

{*280*} Через некоторое время, когда установилась зимняя стужа, река Данубий по обыкновению замерзла, а замерзает поток этот таким образом, что, как скала, держит пешее войско, телеги и сани и любые другие повозки, не требуя уже ни лодок, ни челноков[701]. Когда Тиодимер, король готов, увидел, что [река] так застыла, то он повел пешее войско и, перейдя Данубий, внезапно появился в тылу у свавов[702]. Та свавская область имеет с востока байбаров[703], с запада – франков, с юга – бургундзонов, с севера – туринго в. {*281*} Со свавами в союзе были тогда аламанны[704], которые владели вообще круто вздымающимися Альпами, откуда, низвергаясь с сильным шумом, текут многие потоки в Данубий. Вот в это столь укрепленное место король Тиудимер зимним временем и повел войско готов и победил, разорил и чуть ли не подчинил как племя свавов, так и аламаннов, которые были во взаимном союзе. Оттуда он

победителем вернулся в свои места, т. е. в Паннонию, и радостно встретил сына своего Теодориха, которого отдавал заложником в Константинополь и который был [теперь] отпущен обратно императором Львом с большими дарами[705].

{*282*} Теодорих уже приблизился к годам юности, завершив отрочество; ему исполнилось восемнадцать лет. Пригласив некоторых из сателлитов отца и приняв к себе желающих из народа и клиентов, что составило почти шесть тысяч мужей, он с ними, без ведома отца, перешел Данубий и напал на Бабая, короля сарматов[706], который только что одержал победу над Камундом, римским полководцем, и правил с напыщенной гордостью. Настигнув его, Теодорих убил его, захватил семью с челядью и имущество и повернул с победой обратно к своему родителю. Затем напал на город Сингидун[707], который занимали эти сарматы; и, не возвратив его римлянам, подчинил его своей власти[708].

{*283*} Ввиду того что со временем уменьшилась добыча от грабежа * [* Tac. Germ. 14: ... per bella ef raptus.] соседних племен, возник у готов недостаток в продовольствии и одежде. Людям, которым некогда война доставляла пропитание, стала противна мирная жизнь[709]; и вот все они с громким криком приступают к королю Тиудимеру и просят его: куда ему ни вздумается, но только вести войско в поход[710]. Он же, призвав брата своего и метнув жребий, убедил его идти в Италию[711], где тогда правил император Гликерий[712], а сам как более сильный [решил] двинуться на восточную империю, как на государство более могущественное. Так и случилось.

{*284*} Вскоре Видимер вступил в италийские земли, но, отдав последний долг судьбе, отошел от дел человеческих; преемником он оставил одноименного с собой сына Видимера. Этого последнего император Гликерий, поднеся ему дары, направил[713] из Италии в Галлии, теснимые тогда со всех сторон разными племенами; он уверил [остроготов], что там по соседству владычествуют их родичи везеготы[714]. Что же еще? Видимер принял дары вместе с поручением от императора Гликерия, отправился в Галлии и, объединившись с родственными везеготами, образовал с ними одно целое, как было некогда[715]. Так, удерживая и Галлии, и Испании, [готы] отстаивали их ради своего господства, [следя] чтобы никто другой там не возобладал.

{*285*} Тиудимер же, старший брат, перешел со своими реку Сав[716], грозя сарматам[717] и римским воинам войной, если бы кто-либо из них пошел против него. Они же [действительно] боялись его и сидели тихо, тем более что им было не одолеть столь великое множество народа. Тиудимер, видя, что со всех

сторон ему прибывает удача, нападает на Наисс[718], первый город в Иллирике, а сына своего {*286*} Теодориха, приобщив к нему комитов Астата и Инвилию, посылает через «лагерь Геркулеса»[719] к городу Ульпиане[720]. Явившись туда, они вскоре подчиняют как его, так и Стобис[721], а затем впервые делают для себя проходимыми многие недоступные местности Иллирика. В городах Фессалии – Гераклее[722] и Ларисе[723] – они сначала захватывают добычу, а потом по праву войны овладевают и ими.

Тиудимер, учитывая, конечно, как свои, так и сыновние удачи, не удовлетворился все же этим; он вышел из Наисса, оставив там только немногих для охраны, и направился к Фессалонике[724], где находился патриций Гелариан с войском, посланный туда императором[725]. {*287*} Когда Гелариан увидел, что Фессалоника окружается валом и что он не сможет сопротивляться их [готов] дерзости, то, отправив посольство к королю Тиудимеру и поднеся ему дары, склоняет его отказаться от разрушения города; затем, заключив союз с готами, римский военачальник уже по собственному побуждению передал им все те населенные ими города[726], а именно – Церры[727], Пеллы[728],

{*288*} Европу[729], Медиану[730], Петину[731], Берею[732] и еще один, именуемый Сиумом[733]. Там готы, сложив оружие и установив мир, зажили спокойно со своим королем. Немного спустя после этого король Тиудимер, захваченный роковой болезнью в городе Церрах[734], призвал к себе готов и назначил наследником власти своей сына Теодориха[735], сам же вскоре отошел от дел человеческих.

{*289*} Когда император Зинон услышал, что Теодорих поставлен королем своего племени[736], он воспринял это благосклонно и направил к нему пригласительное послание, повелевая явиться в столицу. Там он принял его с подобающим почетом и посадил между знатнейшими придворными. Через некоторое время, чтобы умножить почести, ему оказываемые[737], он усыновил его по оружию[738] и на государственные средства устроил ему триумф[739] в столице, а также сделал его ординарным консулом[740], что считается высшим благом и первым в мире украшением. {*290*} Этим он не ограничился, но во славу столь великого мужа поставил еще и конную статую[741] перед императорским дворцом.

Но вот Теодорих, состоя в союзе с империей Зинона и наслаждаясь всеми благами в столице, прослышал, что племя его, сидевшее, как мы сказали, в Иллирике[742], живет не совсем благополучно и не в полном достатке. Тогда он избрал, по испытанному обычаю своего племени: лучше трудом снискивать пропитание, чем самому в бездействии пользоваться благами от

Римской империи, а людям – прозябать в жалком состоянии. Рассудив сам с собою таким образом, он сказал императору: «Хотя нам, состоящим на службе империи вашей, ни в чем нет недостатка, однако, если благочестие ваше удостоит [меня], {*291*} да выслушает оно благосклонно о желании сердца моего». Когда ему с обычным дружелюбием была предоставлена возможность говорить, [он сказал]: «Гесперийская сторона[743], которая недавно управлялась властью предшественников ваших, и город тот – глава и владыка мира[744] – почему носятся они, как по волнам, подчиняясь тирании короля торкилингов и рогов[745]? Пошли меня с племенем моим, и если повелишь, – и здесь освободишь себя от тяжести издержек, и там, буде с помощью господней я одержу победу, слава благочестия твоего воссияет. Полезно же, – если останусь победителем, – чтобы королевством этим, по вашему дарению[746], владел я, слуга ваш и сын[747], а не тот, неведомый вам, который готов утеснить сенат ваш тиранническим игом, а часть государства [вашего] – рабством пленения. Если смогу победить, буду владеть вашим даянием, вашей благостынею; если окажусь побежденным, благочестие ваше ничего не потеряет, но даже, как мы говорили, выиграет расходы». {*292*} Хотя император с горечью отнесся к его уходу[748], тем не менее, услышав эти слова и не желая опечалить его, подтвердил то, чего он добивался, и отпустил, обогащенного многими дарами, поручая ему сенат и народ римский [749].

Итак, вышел Теодорих из столицы[750] и, возвратясь к своим[751], повел все племя готов, выразившее ему свое единомыслие[752], на Гесперию; прямым путем[753] через Сирмий поднялся он в соседящие с Паннонией области[754], откуда вошел в пределы Венетий[755] и остановился лагерем у так называемого Моста Сонция[756]. {*293*} Пока он там стоял, чтобы дать отдых телам как людей, так и вьючных животных, Одоакр направил против него хорошо вооруженное войско. Встретившись с ним близ Веронских полей[757], Теодорих разбил его в кровопролитном сражении. Затем он разобрал лагери, с еще большей отвагой вступил в пределы Италии[758], перешел реку Пад[759] и стал под столицей Равенной, на третьей примерно миле от города, в местности под названием Пинета[760]. Завидя это, Одоакр укрепился внутри города, откуда часто прокрадывался ночью со своими и беспокоил готское войско. Это случалось не раз и не два, но многократно и {*294*} тянулось почти целое трехлетие[761]. Однако труд его был напрасен, потому что вся Италия уже называла Теодориха своим повелителем и его мановению повиновалось все то государство[762]. И только один Одоакр с немногими

приверженцами и бывшими здесь римлянами, сидя внутри Равенны, ежедневно претерпевал и голод, и войну. И когда это не привело ни к чему, он выслал посольство и попросил {*295*} милости. Сначала Теодорих снизошел к нему, но в дальнейшем лишил его жизни[763].

На третий, как было сказано, год по вступлении своем в Италию[764] Теодорих, по решению императора Зинона, снял с себя частное платье и одежду своего племени и принял пышное царское облачение уже как правитель готов и римлян[765]. Затем он послал посольство к {*296*} Лодоину[766], франкскому королю, испрашивая себе в супружество дочь его Аудефледу [767], на что тот благосклонно и милостиво согласился; он полагал, что таким браком он [побудит] сыновей своих – Кельдеберта, Хельдеберта и Тиудеберта[768] – заключить с готами соглашение и пребывать в союзе с ними. Однако это брачное соединение не оказалось достаточно полезным для мира и согласия, и весьма часто жестоко воевали они из-за галльских земель[769]. Но пока жив был Теодорих, гот никогда не уступал франкам.

{*297*} Еще до того как Теодорих получил потомство от Аудефледы, имел он двух внебрачных дочерей, которых породил еще в Мезии от наложницы: одну по имени Тиудигото, другую – Острогото. Вскоре по приходе в Италию он сочетал их браком с соседними королями, а именно: одну он отдал Алариху[770], королю везеготов, а другую – Сигизмунду[771], {*298*} королю бургундзонов. От Алариха родился Амаларих, которого дед Теодорих, когда тот в отроческих годах лишился своих родителей, лелеял и опекал. [Тогда] Теодорих узнал, что в Испании живет Евтарих, сын Ветериха, внук Беретмода[772] и Торисмода[773], потомок рода Амалов, который и в юношеском возрасте выделялся благоразумием, доблестью и совершенством телосложения. Он призвал его к себе и сочетал его браком с дочерью своей Амаласвентой[774]. А для того чтобы вполне широко распространить свой род, он сестру свою Амалафриду[775], мать Теодахада, который впоследствии стал королем[776], отправил в Африку в жены Тразамунду[777], королю вандалов; дочь же ее – племянницу свою Амалабергу – сочетал с королем туринго Герминефредом.

{*299*} Своего комита Питцама[778], избранного в число старейшин, он {*300*} направляет на завоевание города Сирмия, который тот и захватил, изгнав короля Тразариха, сына Трапстилы[779], но удержав его мать. Потом он [двинулся] против Савиниана[780], магистра армии Иллирика, готовившегося тогда к борьбе с Мундоном[781]; придя на помощь последнему с двумя тысячами пехотинцев и пятьюстами всадниками к городу по

названию Ровный Марг[782], лежащему между реками Данубием и Маргом, Питцам разбил иллирийское войско[783]. {*301*} Этот самый Мундон происходил от каких-то родичей Аттилы; он бежал от племени гепидов за Данубий[784] и бродил в местах необработанных и лишенных каких-либо земледельцев; там собрал он отовсюду множество угонщиков скота, скамаров и разбойников[785] и, заняв башню, которую называют Герта и которая стоит на берегу Данубия, вел там дикую жизнь и грабежами не давал покоя соседним обитателям; он провозгласил себя королем своих бродяг. Его-то, почти уже отчаявшегося и помышлявшего о сдаче, появившийся там Петца вырвал из рук {*302*} Савиниана и обратил – полного благодарности – в подчиненного своего короля Теодориха.

Не меньшей победы добился Теодорих над франками в Галлиях через Иббу[786], своего комита, когда в сражении было убито более тридцати тысяч франков.

Оруженосца Тиудиса[787] после смерти зятя своего Алариха он поставил опекуном над внуком Амаларихом в королевстве Испании. Этот Амаларих потерял и королевство, и самую жизнь еще юношей, попав в сети франкского коварства; после же него опекун Тиудис захватил королевскую власть, избавил Испании от злокозненных {*303*} происков франков и до конца жизни властвовал над везеготами[788]. За ним принял власть Тиудигисглоза[789], но правил недолго, так как погиб, убитый своими. Ему наследовал Агил[790], который держит власть до сей поры. Против него восстал Атанагильд[791], который призвал [себе на помощь военные] силы Римского государства[792], и туда назначен патриций Либерий[793] с войском. Не было на западе племени, которое, пока жив был Теодорих, не служило бы ему либо по дружбе, либо по подчинению[794].

{*304*} Когда он достиг старости и осознал, что через короткое время уйдет с этого света, он созвал готов – комитов[795] и старейшин[796] своего племени – и поставил королем Аталариха[797], сына дочери своей Амаласвенты, мальчика, едва достигшего десяти лет, но уже потерявшего отца своего, Евтариха. Он [Теодорих] объявил им в повелениях, звучавших как завещание, чтобы они чтили короля, {*305*} возлюбили сенат и римский народ, а императора Восточного, – [храня] всегда мир с ним и его благосклонность – почитали [вторым] после бога[798]. Это повеление, пока были живы король Аталарих и его мать, они всячески соблюдали и царствовали в мире почти восемь лет[799], хотя [Аталарих] и отдал франкам то, что было занято его отцом и дедом в Галлиях[800], потому что франки, не только не веря в эту отроческую власть, но даже презирая ее, принялись готовиться к

войне. Остальным он владел в мире и спокойствии. Когда же Аталарих достиг юношеского возраста, то он препоручил императору Восточному[801] как свою молодость, так и вдовство матери, но через короткое время этого несчастливца постигла преждевременная смерть, {*306*} и он отошел от дел человеческих. Тогда мать, чтобы не терпеть презрения со стороны готов[802] к слабости ее пола, поразмыслила и призвала, пользуясь родством, своего двоюродного брата Теодахада из Тусции; он жил там как частное лицо около своих ларов[803], она же посадила его на царство. Но, забыв об единокровии, через некоторое время он вывез ее из равеннского дворца[804] и заточил в изгнании на острове Бульсинийского озера[805], где она, прожив в печали весьма немного дней, была задушена в бане его приспешниками.

{*307*} Когда об этом услышал Юстиниан, император Восточный, он был так потрясен, будто смерть его подопечных обращалась на него самого как оскорбление[806]. В это же время через преданнейшего ему патриция Велезария он одержал победу над вандалами[807] и тотчас же, без замедления, пока оружие еще было обагрено вандальской кровью, {*308*} двинул против готов войско из Африки, предводительствуемое тем же вождем.

Этот крайне предусмотрительный военачальник понял, что он покорит племя готов не иначе, как заняв раньше Сицилию, кормилицу их[808], что он и исполнил. Когда он вступил в Тринакрию[809], тотчас же готы, засевшие в городе Сиракузах, увидели, что им не одержать верх, и вместе с предводителем своим Синдеритом по собственной воле сдались Велезарию. И вот когда римский вождь занял Сицилию, Теодахад, узнав об этом, направил зятя своего Эвермуда[810] с войском к проливу для его охраны. Этот пролив пролегает между Кампанией и Сицилией и извергает из недр Тирренского моря {*309*} волнующиеся адриатические просторы[811]. Подойдя к городу Регию[812], Эвермуд стал лагерем, но тут же заметил ухудшившееся положение своих; тогда вместе с немногими, самыми преданными и единомышленными ему приближенными двинулся он в направлении к победителю и, бросившись к стопам Велезария, просил принять его на службу императорам Римской империи. Готскому войску это кажется подозрительным, и оно криком требует свергнуть Теодахада с престола и поставить королем вождя их Витигеса, который был теодахадовым оруженосцем[813]. Так и было сделано. Тут же[814], на Варварских {*310*} полях[815], Витигес вознесен на престол и входит в Рим, в Равенну же посылает вперед самых верных своих мужей, которым поручает убить Теодахада. Они являются туда и исполняют приказание; после убийства Теодахада прибывает[816] королевский посланец

(Витигис все еще был на Варварских полях) и объявляет об этом народу[817].

Между тем римское войско, переправившись через пролив[818], {*311*} достигает Кампании, опрокидывает [сопротивление] Неаполя и вступает в Рим[819]; король Витигис за несколько дней до того вышел оттуда и направился к Равенне, где взял в супружество Матесвенту[820] дочь Амаласвенты и внучку покойного короля Теодориха. Пока он наслаждался этим новым браком и сидел под защитой царского дворца в Равенне, императорское войско, выйдя из Рима, нападает на крепости в обеих Тусциях[821]. Осведомленный об этом через гонцов, Витигес посылает вооруженный отряд готов под начальством Гунилы в Перузию[822]. Пока они пытаются длительной осадой выгнать оттуда комита Магна[823], засевшего там с небольшим войском, подходит римское войско, {*312*} и они сами оказываются отброшенными и вообще уничтоженными. Услышав об этом, Витигес, как разъяренный лев, собирает все готское войско, покидает Равенну и начинает томить долгой осадой твердыни Рима[824]. Но отвага его бесплодна: через четырнадцать месяцев он отступается от осады Рима[825] и вот уже готовится теснить Аримин[826]! Но и здесь все тщетно; гонимый, он запирается в Равенне. Там он осажден, однако вскоре сам предается победителю[827], вместе {*313*} с Матесвентой, супругой своей, и царскими сокровищами.

Так славное королевство и сильнейшее племя, столь долго царившее, наконец, почти на 2030 году[828], покорил победитель всяческих племен Юстиниан-император через вернейшего ему консула Велезария[829]. Витигес был приведен в Константинополь и почтен саном патриция; он прожил там более двух лет, пребывая в милости у императора, после чего ушел от дел человеческих[830]. {*314*} Матесвенту же, супругу его, император сочетал браком с братом[831] своим Германом, патрицием. От них – уже после смерти Германа-отца – родился сын, тоже Герман. В нем соединился род Аниciев[832] с поколением Амалов, и он, с божьей помощью, таит в себе надежду и того, и другого рода[833].

{*315*} На этом я заканчиваю повествование о происхождении гетов, о благородных Амалах, о содеянном храбрыми мужами[834].

Сам достойный хвалы, род этот уступил достохвальнейшему государю, покорился сильнейшему вождю. Слава о них не умолкнет ни в веках, ни в поколениях, и пребудут они оба – и император {*316*} Юстиниан, победитель и триумфатор, и консул Велезарий – под именем Вандальских-Африканских и Гетских[835].

Читатель, знай, что, следуя писаниям старших[836], я собрал с

обширнейших их лугов лишь немногие цветы, и из них, в меру ума своего, сплел я венок для пытливого.

Но пусть никто не подумает, что я, как ведущий свое происхождение от вышеназванного племени[837], прибавил что-либо в его пользу против того, что прочел или узнал. Если я и не охватил всего, что пишут и рассказывают об этих [людях], то изобразил[838] я это ведь не столько во славу их самих, сколько во славу того, кто победил *. [* Текст (по Гейдельбергскому, ныне не существующему, кодексу VIII в.), которого придерживался Моммсен, обрывается на этих словах.** {** Это неверно. См. Приложение II, где указано, что Гейдельбергский кодекс обрывался раньше и Моммсен дополнил его по другим рукописям (Позднее примечание Е. Ч. Скржинской от руки в тексте первого издания. – *Прим. Издателя*).} Но после них автор добавил еще заключительную фразу (explicit), которая сохранена в ряде других рукописей: «Окончен труд о древности и деяниях гетов, которых победил Юстиниан-император через верного империи Велезария-консула» («Explicit de antiquitate Getarum actusque eorum quos devicit Justinianus imperator per fidelem rei publicae Belesarium consulem»)]

DE ORIGINE ACTIBUSQUE GETARUM

{1} Volentem me parvo subvectum navigio oram tranquilli litoris stringere et minutos de priscorum, ut quidam ait, stagnis pisciculos legere, in altum, frater Castali, laxari vela compellis relictoque opusculo, quod intra manus habeo, id est, de adbreviatione chronicorum, suades, ut nostris verbis duodecem Senatoris volumina de origine actusque Getarum ab olim et usque nunc per generationes regesque descendentem in uno et hoc parvo libello choartem: dura satis imperia et tamquam ab eo, qui pondus operis {2} huius scire nollit, inposita. nec illud aspicis, quod tenuis mihi est spiritus ad inplendam eius tam magnificam dicendi tubam: super omne autem pondus, quod nec facultas eorundem librorum nobis datur, quatenus eius sensui inserviamus, sed, ut non mentiar, ad triduanam lectionem dispensatoris eius beneficio libros ipsos antehac relegi. quorum quamvis verba non recolo, sensus tamen et res {3} actas credo me integre retinere. ad quos et ex nonnullis historiis Grecis ac Latinis addedi convenientia, initium finemque et plura in medio mea dictione permiscens. quare sine contumelia quod exigisti suscipe libens, libentissime lege; et si quid parum dictum est et tu, ut vicinus genti, commemoras, adde, orans pro me, frater carissime. Dominus tecum. Amen.

{4} Maiores nostri, ut refert Orosius, totius terrae circulum Oceani limbo circumseptum triquadrum statuerunt eiusque tres partes Asiam, Eoropam et Africam vocaverunt. de quo trepertito orbis terrarum spatium innumerabiles pene scriptores existunt, qui non solum urbium locorumve positiones explanant, verum etiam et quod est liquidius, passuum miliariumque dimetiunt quantitatem, insulas quoque marinis fluctibus intermixtas, tam maiores {5} quam etiam minores, quas Cycladas vel Sporadas cognominant, in inmenso maris magni pelagu sitas determinant. Oceani vero intransmeabiles ulteriores fines non solum describere quis adgressus est, verum etiam nec cuiquam licuit transfretare, quia resistente ulva et ventorum spiramine quiescente inpermeabilis {6} esse sentitur et nulli cognita nisi ei qui eam constituit. ceterior vero eius pelagi ripa, quam diximus totius mundi circulum, in modum coronae ambiens fines suos, curiosis hominibus et qui de hac re scribere voluerunt perquaquam innotuit, quia et terrae circulum ab incolis possidetur et nonnullae insule in eodem mare habitabiles sunt, ut in orientali plaga et Indico Oceano Hyppodem, Iamnesiam, Solis perustam quamvis inhabitabilem, tamen omnino sui spatio in longo latoque extensam; Taprobanem quoque, in qua (excepto oppida vel possessiones) decem munitissimas urbes decoram; sed et aliam omnino gratissimam Silefantinam: nec {7} non

et Theron, licet non ab aliquo scriptore dilucidas, tamen suis possessoribus affatim refertas. habet in parte occidua idem Oceanus aliquantas insulas et pene cunctis ob frequentiam euntium et redeuntium notas. et sunt iuxta fretum Gaditanum haut procul una Beata et alia quae dicitur Fortunata. quamvis nonnulli et illa gemina Galliciae et Lysitaniae promuntoria in Oceani insulas ponant, in quarum una templum Herculis, in alia monumentum adhuc conspicitur Scipiones, tamen, quia extremitatem Galiciae terrae {8} continent, ad terram magnam Europae potius quam ad Oceani pertinent insulas. habet tamen et alias insulas interins in suo estu, quae dicuntur Baleares, habetque et alia Mevania, nec non Orcadas numero XXXIII quamvis non omnes excultas. habet et {9} in ultimo plagae occidentalis aliam insulam nomine Thyle, de qua Mantuanus inter alia: «tibi serviat ultima Thyle». habet quoque is ipse inmensus pelagus in parte artoa, id est septentrionali, amplam insulam nomine Scandzam, unde nobis sermo, si dominus iubaverit, est adsumpturus, quia gens, cuius originem flagitas, ab huius insulae gremio velut examen apium erumpens in terram Europae advinit: quomodo vero aut qualiter, in subsequentibus, si dominus donaverit, explanavimus.

{10} Nunc autem de Brittania insula, que in sino Oceani inter Spanias, Gallias et Germaniam sita est, ut potuero, paucis absolvam. cuius licet magnitudine olim nemo, ut refert Libius, circumvectus est, multis tamen data est varia opinio de ea loquendi. quae diu si quidem armis inaccensam Romanis Iulius Caesar proeliis ad gloriam tantum quesitis aperuit: pervia deinceps mercimoniis aliasque ob causas multis facta mortalibus non indiligenti, quae {11} secuta est, aetati certius sui prodidit situm, quem, ut a Grecis Latinisque autoribus accepimus, persequimur. triquadram eam plures dixere consimilem, inter septentrionalem occidentalemque plagam projectam, uno, qui magnus est, angulo Reni hostia spectantem, dehinc correptam latitudine oblique retro abstractam in duos exire alios, geminoque latere longiorem Galliae praetendi atque Germaniae. in duobus milibus trecentis decem stadiis latitudo eius ubi {12} patentior, longitudo non ultra septem mil. centum triginta duo stadia fertur extendi; modo vero dumosa, modo silvestrae iacere planitiae, montibus etiam nonnullis increscere: mari tardo circumfluam, quod nec remis facile inpellentibus cedat, nec ventorum flatibus intumescat, credo, quia remotae longius terrae causas motibus negant: quippe illic latius quam usquam aequor extenditur. refert autem Strabo Grecorum nobilis scriptor tantas illam exalare nebulas, madefacta humo Oceani crebris excursibus, ut subtectus sol per illum pene totum fediorem, qui serenus est, diem negetur aspectui. noctem quoque clariorem in extrema eius {13} parte minimamque Cornelius etiam annalium scriptor enarrat, metallis plurimis cupiosam, herbis frequentem et his

feraciorem omnibus, que pecora magis quam homines alant: labi vero per eam multa quam maximae relabique flumina gemmas margaritasque volventia. Silorum colorati vultus; torti pleroque crine et nigro nascuntur; Calydoniam vero incolentibus rutilae cumae, corpora magna, sed fluuida: Gallis sive Spanis, ut quibusque {14} obtenduntur, adsimiles. unde coniectavere nonnulli, quod ea ex his accolas contiguo vocatos acceperit. inculti aeque omnes populi regesque populorum; cunctos tamen in Calydoniorum Meatarumque concessisse nomina Dio auctor est celeberrimus scriptor annalium, virgeas habitant casas, communia tecta cum pecore, silveque {15} illis saepe sunt domus, ob decorem nescio an aliam quam ob rem ferro pingunt corpora. bellum inter se aut imperii cupidine, aut amplificandi quae possident, saepius gerunt, non tantum equitatu vel pedite, verum etiam bigis curribusque falcatis, quos more vulgare essedas vocant. haec pauca de Brittaniae insulae forma dixisse sufficiat.

Ad Scandziae insulae situm, quod superius reliquimus, redeamus, {16} de hac etenim in secundo sui operis libro Claudius Ptolomeus, orbis terrae discriptor egregius, meminit dicens: est in Oceani arctoi salo posita insula magna, nomine Scandza, in modum folii cetri, lateribus pandis, per longum ducta concludens se. de qua et Pomponius Mela in maris sinu Codano positam {17} refert, cuius ripas influit Oceanus. haec a fronte posita est Vistulae fluminis, qui Sarmaticis montibus ortus in conspectu Scandzae septentrionali Oceano trisulcus inlabitur, Germaniam Scythiamque disterminans. haec ergo habet ab oriente vastissimum lacum in orbis terrae gremio, unde Vagi fluvius velut quodam ventrae generatus in Oceanum undosus evolvitur, ab occidente namque inmensu pelago circumdatur, a septentrione quoque innavigabili {18} eodem vastissimo concluditur Oceano, ex quo quasi quodam brachio exiente, sinu distento, Germanicum mare efficitur. ubi etiam parvae quidem, sed plures perhibentur insulae esse dispositae, ad quas si congelato mari ob nimium frigus lupi transierint, luminibus feruntur orbari. ita non solum inhospitalis hominibus, {19} verum in etiam beluis terra crudelis est. in Scandza vero insula, unde nobis sermo est, licet multae et diversae maneant nationes, septem tamen eorum nomina meminit Ptolemaeus, apium ibi turba mellifica ob nimium frigore nusquam repperitur, in cuius parte arctoa gens Adogit consistit, quae fertur in aestate media quadraginta diebus et noctibus luces habere continuas, itemque brumali tempore eodem dierum noctiumque numero luce {20} clara nescire. ita alternato merore cum gandio benificio aliis damnoque impar est. et hoc quare quia prolixioribus diebus solem ad orientem per axis marginem vident redeuntem, brevioribus vero non sic conspicitur apud illos, sed aliter, quia austrinis signis percurrit, et

quod nobis videtur sol ab imo surgere, illos {21} per terrae marginem dicitur circuire, aliae vero ibi sunt gentes Screrefennae, que frumentorum non queritant victum, sed camibus ferarum atque ovis avium vivunt; ubi tanta paludibus fetura ponitur, ut et augmentum prestent generi et satietatem ad cupiam genti. alia vero gens ibi moratur Suehans, quae velud Thyringi equis utuntur eximiis, hi quoque sunt, qui in usibus Bomanornm sappherinas pelles commercio interveniente per alias innumeras {22} gentes transmittunt, famosi pellium decora nigridine, hi cum inopes vivunt, ditissime vestiuntur, sequitur deinde diversarum turba nationum, Theustes, Vagoth, Bergio, Hallin, Liothida, quorum omnium sedes sub uno plani ac fertilis, et propterea inibi aliarum gentium incursionibus infestantur, post hos Ahelmil, Finnaithae, Fervir, Ganthigoth, acre hominum genus et at bella prumtissimum. dehinc Mixi, Evagre, Otingis. hi omnes excisis {23} rupibus quasi castellis inhabitant ritu beluino, sunt et his exteriores Ostrogothae, Raumarici, Aeragnaricii, Finni mitissimi, Scandzae cultoribus omnibus mitiores; nec non et pares eorum Vinoviloth; Suetidi, cogniti in hac gente reliquis corpore eminentiores: quamvis et Dani, ex ipsorum stirpe progressi, Herulos propriis sedibus {24} expulerunt, qui inter omnes Scandiae nationes nomen sibi ob nimia proceritate affectant praecipuum. sunt quamquam et horum positura Grannii, Augandxi, Eunixi, Taetel, Rugi, Arochi, Rauii, quibus non ante multos annos Roduulf rex fuit, qui contempto proprio regno ad Theodorici Gothorum regis gremio convolavit et, ut desiderabat, invenit, hae itaque gentes, Germanis corpore et animo grandiores, pugnabant beluina saevitia.

{25} Ex hac igitur Scandza insula quasi officina gentium aut certe velut vagina nationum cum rege suo nomine Berig Gothi quondam memorantur egressi: qui ut primum e navibus exientes terras attigerunt, {26} ilico nomen loci dederunt. nam odieque illic, ut fertur, Gothiscandza vocatur. unde mox promoventes ad sedes Vlmerugorum, qui tunc Oceani ripas insidebant, castra metati sunt eosque commisso proelio propriis sedibus pepulerunt, eorumque vicinos Vandalos iam tunc subiugantes suis aplicavere victoriis. ubi vero magna populi numerositate crescente et iam pene quinto rege regnante post Berig Filimer, filio Gadarigis, consilio sedit, ut {27} exinde cum familiis Gothorum promoveret exercitus. qui aptissimas sedes locaquae dum quereret congrua, pervenit ad Scythiae terras, quae lingua eorum Oium vocabantur: ubi delectatus magna ubertate regionum et exercitus mediaetate transposita pons dicitur, unde amnem traiecerat, inreparabiliter corruisse, nec ulterius iam cuidam licuit ire aut redire. nam is locus, ut fertur, tremulis paludibus voragine circumiecta concluditur, quem utraque confusione natura reddidit inpervium. verumtamen hodieque illic et voces armentorum

audiri et indicia hominum depraehendi commeantium {28} attestationem, quamvis a longe audientium, credere licet. haec ergo pars Gothorum, quae apud Filemer dicitur in terras Oium emenso amne transposita, optatum potiti solum, nec mora ilico ad gentem Spalorum adveniunt consertoque proelio victoriam adipiscunt, exindeque iam velut victores ad extremam Scythiae partem, que Ponto mari vicina est, properant, quemadmodum et in priscis eorum carminibus pene storicu ritu in commune recolitur: quod et Ablavius descriptor Gothorum gentis egregius {29} verissima adtestatur historia, in quam sententiam et nonnulli consensere maiorum: Ioseppus quoque annalium relator verissimus dum ubique veritatis conservet regulam et origines causarum a principio revolvat. haec vero quae diximus de gente Gothorum principia cur omiserit, ignoramus: sed tantu Magog eorum stirpe comemorans, Scythas eos et natione et vocabulo asserit appellatos, cuius soli terminos, antequam aliud ad medium deducamus, necesse est, ut iacent, edicere.

{30} Scythia si quidem Germaniae terre confines eo tenus, ubi Ister oritur amnis vel stagnus, dilatatur Morsianus, tendens usque ad numina Tyram, Danastrum et Vago. solam, magnumque illu Danaprum Taurumque montem, non illum Asiae, sed proprium, id est Scythicum, per omnem Meotidis aditum, ultraque Meotida per angustias Bosfori usque ad Caucasum montem amnemque Araxem ac deinde in sinistram partem reflexa post mare Caspium, quae in extremis Asiae finibus ab Oceano eoroboro in modum fungi primum tenuis, post haec latissima et rotunda forma exoritur, {31} vergens ad Hunnus, Albanos et Seres usque digreditur, haec, inquam, patria, id est Scythia, longe se tendens lateque aperiens, habet ab oriente Seres, in ipso sui principio litus Caspii maris commanentes; ab occidente Germanos et flumen Vistulae; ab arctu, id est septentrionali, circumdatur oceano, a meridiae Persida, {32} Albania, Hiberia, Ponto atque extremo alveo Istri, qui dicitur Danubius ab ostea sua usque ad fontem, in eo vero latere, qua Ponticum litus attingit, oppidis haut obscuris involvitur, Boristbenide, Olbia, Callipolida, Chersona, Theodosia, Careon, Myrmicion et Trapezunta, quas indomiti Scytharum nationes Grecis permiserunt condere, sibimet commercia prestaturos, in cuius Scythiae medium est locus, qui Asiam Europamque ab alterutro dividit, Riphei scilicet montes, qui Thanain vastissimum fundunt intrantem {33} Meotida cuius paludis circuitus passuum mil. CXLIII, nusquam octo ulnis altius subsidentis, in qua Scythia prima ab occidente gens residet Gepidarum, que magnis opinatisque ambitur fluminibus. nam Tisia per aquilonem eius chorumque discurrit; ab africo vero magnus ipse Danubius, ab eoo Flutausis secat, qui {34} rapidus ac verticosus in Istri fluenta furens divolvitur. introrsus illis Dacia est, ad coronae speciem arduis Alpibus

eniunita, iuxta quorum sinistrum latus, qui in aquilone vergit, ab ortu Vistulae fluminis per inmensa spatia Venetbarum natio populosa consedit, quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutentur, principaliter tamen Sclaveni et Antes nominantur, Sclaveni a civitate {35} Novietunense et laco qui appellatur Mursiano usque ad Danastrum et in boream Viscla tenus commorantur: hi paludes silvasque pro civitatibus habent. Antes vero, qui sunt eorum fortissimi, qua Ponticum mare curvatur, a Danastro extenduntur usque ad Danaprum, quae flumina multis mansionibus ab invicem {36} absunt, ad litus autem Oceani, ubi tribus fancibus fluenta Vistulae fluminis ebibuntur, Vidivarii resident, ex diversis nationibus adgregati; post quos ripam Oceani item Aesti tenent, pacatum hominum genus omnino. quibus in austrum adsidet gens Acatzirorum {37} fortissima, frugum ignara, quae pecoribus et venationibus victitat, ultra quos distendunt supra mare Ponticum Bulgarum sedes, quos notissimos peccatorum nostrorum mala fecerunt, hinc iam Hunni quasi fortissimorum gentium fecundissimus cespes bifariam populorum rabiem pullularunt. nam alii Altziagiri, alii Saviri nuncupantur, qui tamen sedes habent divisas: iuxta Chersonam Altziagiri; quo Asiae bona avidus mercator importat, qui aestate campos pervagant effusas sedes, prout armentorum invitaverint pabula, hieme supra mare Ponticum se referentes, Hunuguri autem hinc sunt noti, quia ab ipsis pellium murinarum venit {38} commercium: quos tantorum virorum formidavit audacia, quorum mansione prima in Scythiae solo iuxta paludem Meotidem, secundo in Mysiam Thraciamque et Daciam, tertio supra mare Ponticum rursus in Scythia legimus habitasse: nec eorum fabulas alicubi repperimus scriptas, qui eos dicunt in Brittania vel in unaqualibet insularum in servitute redactos et in unius caballi praetio a quodam ereptos, aut certe si quis eos aliter dixerit in nostro urbe, quam quod nos diximus, fuisse exortos, nobis aliquid obstrepebit: nos enim potius lectioni credimus quam fabulis anilibus consentimus.

{39} Ut ergo ad nostrum propositum redeamus, in prima sede Scythiae iuxta Meotidem commanentes praefati, unde loquimur, Filimer regem habuisse noscuntur, in secunda, id est Daciae, Thraciaeque et Mysiae solo Zalmoxen, quem mirae philosophiae eruditionis fuisse testantur plerique scriptores annalium, nam et Zeutam prius habuerunt eruditum, post etiam Dicineum, tertium {40} Zalmoxen, de quo superius diximus, nec defuerunt, qui eos sapientiam erudirent, unde et pene omnibus barbaris Gothi sapientiores semper extiterunt Grecisque pene consimiles, ut refert Dio, qui historias eorum annalesque Greco stilo composuit. qui dicit primum Tarabosteseos, deinde vocatos Pilleatos hos, qui inter eos generosi extabant, ex quibus eis et reges et sacerdotes ordinabantur, adeo ergo

fuere laudati Gaetae, ut dudum Martem, quem poetarum fallacia deum belli pronuntiat, apud eos fuisse dicant {41} exortum, unde et Vergilius: ‘gradivumque patrem, Geticis qui praesidet arvis’, quem Martem Gothi semper asperrima placavere cultura (nam victimae eius mortes fuere captorum), opinantes bellorum praesulem apte humani sanguinis effusione placandum, huic praede primordia vovebantur, huic truncis suspendebantur exubiae, eratque illis religionis preter ceteros insinuatus affectus, {42} cum parenti devotio numinis videretur inpendi, tertia vero sede ao super mare Ponticum iam humaniores et, ut superius diximus, prudentiores effecti, divisi per familias populi, Vesegothae familiae Balthorum, Ostrogothae praeclaris Amalis serviebant.

{43} Quorum studium fuit primum inter alias gentes vicinas arcum intendere nervis, Lucano plus storico quam poeta testante: ‘Armeniosque arcus Geticis intendite nervis’. ante quos etiam cantu maiorum facta modulationibus citharisque canebant, Eterpamara, Hanale, Fridigerni, Vidigoiae et aliorum, quorum in hac gente {44} magna opinio est, quales vix heroas fuisse miranda iactat antiquitas. tunc, ut fertur, Vesosis Scythis lacrimabile sibi potius intulit bellum, eis videlicet, quos Amazonarum viros prisca tradit auctoritas, de quas et feminas bellatrices Orosius in primo volumine professa voce testatur, unde cum Gothis eum tunc dimicasse evidenter probamus, quem cum Amazonarum viris absolute pugnasse cognoscimus, qui tunc a Borysthene amne, quem accolae Danaprum vocant, usque ad Thanain fluvium circa sinum paludis {45} Meotidis consedebant Thanain vero hunc dico, qui ex Ripheis montibus deiectus adeo preceps ruit, ut, cum vicina flumina sive Meotis et Bosforus gelu solidentur, solus amnium confragosis montibus vaporatus, numquam Scythico duriscit algore, hic Asiae Europaeque terminus famosus habetur. nam alter est ille, qui montibus {46} Chrinnorum oriens, in Caspium mare dilabitur, Danaper autem ortus grande palude, quasi ex matre profunditur. hic usque ad medium sui dulcis est et potabilis, piscesque nimii saporis gignit, ossa carentibus chartellagine tantum habentes in corporis continentiam, sed ubi fit Ponto vicinior, parvum fontem suscipit, cui Exampheo cognomen est, adeo amarum, ut, cum sit quadraginta dierum itinere navigabilis, huius aquis exiguis inmutetur, infectusque ac dissimilis sui inter Greca oppida Callipidas et Hypannis in mare defluat, ad cuius ostia insula est in fronte, Achillis nomine. inter hos terra vastissima, silvis consita, paludibus dubia.

{47} Hic ergo Gothis morantibus Vesosis, Aegyptiorum rex, in bellum inruit, quibus tunc Tanausis rex erat, quod proelio ad Phasim fluvium, a quo Fasides aves exortae in totum mundum epulis potentum exuberant, Thanausis Gothorum rex Vesosi Aegyptiorum

occurrit, eumque graviter debellans in Aegypto usque persecutus est, et nisi Nili amnis intransmeabilis obstetisseut fluenta vel munitiones, quas dudum sibi ob incursiones Aethiopum Vesosis fieri praecepisset, ibi in eius eum patria extinxisset, sed dum eum ibi positum non valuisset laedere, revertens pene omnem Asiam subiugavit et sibi tunc caro amico Somo, regi Medorum, ad persolvendum tributum subditos fecit, ex cuius exercitu victores tunc nonnulli provincias subditas contuentes {48} et in omni fertilitate pollentes deserta suorum agmina sponte in Asiae partibus residerunt, ex quorum nomine vel genere Pompeius Trogus Parthorum dicit extitisse prosapiem, unde etiam hodieque lingua Scythica fugaces quod est, Parthi dicnntur, suoque generi respondentes inter omnes pene Asiae nationes soli sagittarii suxit et acerrimi bellatores. de nomine vero, quod diximus eos Parthos, fugaces, ita aliquanti aethymologiam traxerunt, ut dicerent Parthi, quia suos refugerunt parentes, hunc ergo Thanausim regem Gothorum mortuum inter numina sui populi coluerut.

{49} Post cuius decessum et exercitu eius cum successores ipsius in aliis partibus expeditione gerentibus feminae Gothorum a quadam vicina gente temptantur in praeda, quae doctae a viris fortiter resisterunt hostesque super se venientes cum magna verecundia abigerunt, qua patratae victoria fretaeque maioris audacia invicem se cohortantes arma arripiunt elegentesque duas audentiores {50} Lampeto et Marpesia principatui subrogarunt. quae dum curam gerunt, ut et propria defenderent et aliena vastarent, sortitae Lampeto restitit fines patrios tuendo, Marpesia vero feminarum agmine sumpta novum genus exercitui duxit in Asiam, diversasque gentes bello superans, alios vero pace concilians; ad Cauchasum venit, ibique certum tempus demorans loci nomen dedit Saxum Marpesiae, unde et Vergilius: ‘ac si dura silex aut stet Marpesia cautes’, in eo loco, ubi post haec Alexander Magnus portas constituens {51} Pylas Caspias nominavit, quod nunc Lazorum gens custodit pro munitione Romana. hic ergo certum temporis Amazonas commanentes confortati sunt. unde egressi et Alem fluvium, quod iuxta Gargaram civitatem praeterfluit, transeuntes, Armeniam, Syriam Ciliciamque, Galatiam, Pisidiam omniaque Asiae loca aequa felicitate domuerunt; Ioniam Eoliamque conversae deditas sibi provincias effecerunt. ubi diutius dominantes etiam civitates castraque suo in nomine dicaverunt, Ephesi quoque templum Dianae ob sagittandi ac venandi studium, quibus se artibus tradidissent, effusis opibus mirae pulchritudinis condiderunt, tale {52} ergo Scythiae genitae feminae casu Asiae regna potitae per centum pene annos tenuerunt et sic demum ad proprias socias in cautes Marpesios, quas superius diximus, repedarunt, in montem scilicet Caucasi, cuius montis quia facta iterum mentio est, non ab re arbitror eius tractum situmque describere, quaudo

maximam {53} partem orbis noscitur circuire iugo continuo. is namque ab Indico mare surgens, qua meridiem respicit, sole vaporatus ardescit; qua septentrione patet, rigentibus ventis est obnoxius et pruinis, mox in Syriam curvato angulo reflexus, licet amnium plurimos emittat, in Vasianensem tamen regionem Eufratem Tigrimque navigeros ad opinionem maximam perennium fontium cupiosis fundit uberibus, qui amplexantes terras Syrorum Mesopotamiam et appellari faciunt et videri, in sinum rubri maris fluenta deponentes. {54} tunc in boream revertens Scythicas terras iugus antefatus magnis flexibus pervagatur atque ibidem opinatissima flumina in Caspium mare profundens Araxem, Cysum et Cambisen continuatoque iugo ad Ripheos usque in montes extenditur, indeque Scythicis gentibus dorso suo terminum praebens ad Pontum usque discendit, consertisque collibus Histri quoque fluenta contingit, quo amne {55} scissus dehiscens Scythia quoque Taurus vocatur, talis ergo tantusque et pene omnium montium maximus excelsas suas erigens summitates naturali constructione praestat gentibus inexpugnanda munimina. nam locatim recisus, qua disrupto iugo vallis hiatu patescit, nunc Caspias portas, nunc Armenias, nunc Cilicas, vel secundum locum quale fuerit, facit, vix tamen plaustro meabilis, lateribus in altitudinem utremque desectis, qui pro gentium varietate diverso vocabulo nuncupatur, hunc enim Lammum, mox Propanissimum Indus appellat; Parthus primum Castram, post Nifatem edicit; Syrus et Armenus Taurum, Scytha Cauchasum ac Bifeum, iterumque in fine Taurum cognominat; aliaeque conplurimae gentes huic iugo dedere vocabulo, et quia de eius continuatione pauca libabimus, ad Amazonas, unde divertimus, redeamus.

{56} Quae veritae, ne eorum prolis rarisceret, vicinis gentibus concubitum petierunt, facta nundina semel in anno, ita ut futuri temporis eadem die revertentibus in id ipsum, quidquid partus masculum edidisset, patri redderet, quidquid vero feminei sexus nasceretur, mater ad arma bellica erudiret: sive, ut quibusdam placet, editis maribus novercali odio infantis miserandi fata {57} rumpebant, ita apud illas detestabile puerperium erat, quod ubique constat esse votivum. quae crudelitas illis terrorem maximum comulabat opinionis vulgatae, nam quae, rogo, spes esset capto, ubi indulgi vel filio nefas habebatur contra has, ut fertur, pugnavit Herculia, et Melanis pene plus dolo quam virtute subegit Theseus vero Hippoliten in praeda tnlit, de qua et genuit Hypolitum, hae quoque Amazones post haec habuere reginam nomine Penthesileam, cuius Troiano bello extant clarissima documenta. nam hae feminae usque ad Alexandrum Magnum referuntur tenuisse regimen.

{58} Sed ne dicas: de viris Gothorum sermo adsumptus cur in feminas tamdiu perseverat? audi et virorum insignem et laudabilem

fortitudinem. Dio storicus et antiquitatum diligentissimus inquisitor, qui operi suo Getica titulum dedit (quos Getas iam superiori loco Gothos esse probavimus, Orosio Paulo dicente) – hic Dio regem illis post tempora multa commemorat nomine Telefum, ne vero quis dicat hoc nomen a lingua Gothica omnino peregrinum esse, nemo qui nesciat animadvertat usu pleraque nomina gentes amplecti, ut Romani Macedonum, Greci Romanorum, {59} Sarmatae Germanorum, Gothi plerumque mutuantur Hunnorum. is ergo Telefus, Herculis filius natus ex Auge, sororis Priami coniugio copulatus, procerus quidem corpore, sed plus vigore terribilis, qui paternam fortitudinem propriis virtutibus aequans Herculis genium formae quoque similitndinem referebat, huius itaque regnum Moesiam appellavere maiores, quae provincia habet ab oriente ostia fluminis Danubii, a meridie Macedonia, {60} ab occasu Histria, a septentrione Danubium. is ergo antefatus habuit bellum cum Danais, in qua pugna Thesandrum ducem Greciae interemit et dum Aiacem iniestus invadit Vliximque persequitur, vitibus equo cadente ipse corruit Achillisque iaculo femur sauciatus diu mederi nequivit; Grecos tamen, quamvis iam saucius, e suis finibus proturbavit, Thelepho vero defnncto Euryphylna filius successit in regno, ex Priami Frygum regi germana progenitus. qui ob Casandrae amorem bello interesse Troiano, ut parentibus soceroque ferret auxilium, cupiens, mox venisset extinctus est.

{61} Tunc Cyrus, rex Persarum, post grande intervallum et pene post DCXXX annorum tempore (Pompeio Trogo testante) Getarum reginae Thomyre sibi exitiabile intulit bellum, qui elatus ex Asiae victoriis Getas nititur subiugare, quibus, ut diximus, regina erat Thomyris, quae cum Abraxem amnem Cyri arcere potuisset accessum, transitum tamen permisit, elegens armis eum vincere {62} quam locorum beneficio submovere; quod et factum est et veniente Cyro prima cessit fortuna Parthis in tantum, ut et filium Thomyris et plurimum exercitum trucidarent. sed iterato Marte Getae cum sua regina Parthos devictos superant atque prosternunt opimamque praedam de eis auferunt, ibique primum Gothorum gens sirica vidit tentoria, tunc Thomyris regina aucta victoria tantaque praeda de inimicis potita, in partem Moesiae, quae nunc a magna Scythia nomen mutuatum minor Scythia appellatur, {63} transiens, ibi in Ponti Moesiaco litore Thomes civitatem suo de nomine aedificavit. dehinc Darius, rex Persarum, Hystaspis filius, Antyri, regis Gothorum, filiam in matrimonio postulavit, rogans pariter atque deterrens, nisi suam peragerent voluntatem, cuius affinitatem Gotlii spernentes, legationem eius frustrarunt. qui repulsus dolore fiammatus est et DCC milia armatorum contra ipsos produxit exercitum, verecundiam suam malo pubtico vindicare contendens; navibusque pene a Chalcedona usque ad Bizantium in instar pontium tabulatis atque consertis Thraciam

petit et Moesiam; pontemque rursus in Danubio pari modo constructum duobus mensibus crebris fatigatus in Tapis VIII milia perdidit armatorum, timensque, ne pons Danubii ab eius adversariis occuparetur, celeri fuga in Thracia repedavit, nec Mysiae solum {64} sibi credens tutum fore aliquantulum remorandi, post cuius decessum iterum Xerses filius eius paternas iniurias ulcisci se aestimans, cum sua septingenta et auxiliarium CCC milia armatorum, rostratas naves mille ducentas, onerarias tria milia, super Gothos ad bellum profectus nec temptare in conflictu praevaluit, eorum {65} animositate et constantia superatus. sic namque ut venerat, absque aliquo certamine suo cum robore recessit, Philippus quoque, pater Alexandri Magni, cum Gothis amicitias copulans Medopam Gudilae regis filiam accepit uxorem, ut tali affinitate roboratus Macedonum regna firmaret, qua tempestate Dio storico dicente Philippus inopia pecuniae passus, Odyssitanam Moesiae civitatem instructis copiis vastare deliberat, quae tunc propter vicinam Thomea Gothia erat subiecta, unde et sacerdotes Gothorum illi qui pii vocabantur subito patefactis portis cum citharis et vestibus candidis obviam egressi patriis diis, ut sibi propitii Macedonas repellerent, voce supplici modulantes, quos Macedones sic fiducialiter sibi occurrere contuentes stupiscent et, si dici fas est, ab inermibus terrentur armati, nec mora soluta acie quam ad bellandum construxerant, non tantum ab urbis excidio abstinuerunt, verum etiam et quos foris fuerant iure belli adepti, reddidernnt, {66} foedusque inito ad sua reversi sunt, quod dolum post longum tempus reminiscens egregius Gothorum ductor Sithalcus, CL virorum milibus congregatis Atheniensibus intulit bellum adversus Perdiccam Macedoniae regem, quem Alexander apud Babylloniam ministri insidiis potans interitum Atheniensium principatui hereditario iure reliquerat successorem, magno proelio cum hoc inito Gothi superiores inventi sunt, et sic pro iniuria, qua illi in Moesia dudum fecissent, isti in Grecia discurrentes cunctam Macedoniam vastaverunt.

{67} Dehinc regnante Gothis Buruista Dicineus venit in Gothiam, quo tempore Romanorum Sylla potitus est principatum, quem Dicineum suscipiens Buruista dedit ei pene regiam potestatem; cuius consilio Gothi Germanorum terras, quas nunc Franci optinent, {68} populati sunt. Caesar vero, qui sibi primus omnium Romanum vindicavit imperium et pene omnem mundum suae dicioni subegit omniaque regna perdomuit, adeo ut extra nostro urbe in oceani sinu repositas insulas occuparet, et nec nomen Romanorum auditu qui noverant, eos Romanis tributarios faceret, Gothos tamen crebro pertemptans nequivit subicere, Gaius Tiberius {69} iam tertius regnat Romanis: Gothi tamen suo regno incolume perseverant, quibus hoc erat salubre, hoc adcommodum, hoc votivum, ut, quidquid Dicineus eorum consiliarius precepisset, hoc modis omnibus expetendum, hoc

utile iudicantes, effectui manciparent, qui cernens eorum animos sibi in omnibus oboedire et naturalem eos habere ingenium, omnem pene phylo– sophiam eos instruxit: erat namque huius rei magister peritus. nam ethicam eos erudiens barbaricos mores conpescuit; fysicam tradens naturaliter propriis legibus vivere fecit, quas usque nunc conscriptas belagines nuncupant; logicam instruens rationis eos supra ceteras gentes fecit expertes; practicen ostendens in bonis actibus conversare suasit; theoreticen demonstrans signorum duodecem et per ea planetarum cursus omnemque astronomiam contemplari edocuit, et quomodo lunaris urbis augmentum sustinet aut patitur detrimentum, edixit, solisque globum igneum quantum terreno orbe in mensura excedat, ostendit, aut quibus nominibus vel quibus signis in polo caeli vergente et revergente trecentae quadraginta et sex stellae ab ortu in occasu precipites ruant, exposuit. {70} qualis erat, rogo, voluptas, ut viri fortissimi, quando ab armis quantolumcumque vacassent, doctrinis philosophicis inbuebantur? videris unum caeli positionem, alium herbarum fruticumque explorare naturas, istum lunae commoda incommodaque, illum solis labores adtendere et quomodo rotatu caeli raptos retro reduci ad partem occiduam, qui ad orientalem plagam ire festinant, {71} ratione accepta quiescere, haec et alia nonnulla Dicineus Gothis sua peritia tradens mirabilis apud eos enituit, ut non solu mediocribus, immo et regibus imperaret, elegit namque ex eis tunc nobilissimos prudentioresque viros, quos theologiam instruens, numina quaedam et sacella venerare suasit fecitque sacerdotes, nomen illis pilleatorum contradens, ut reor, quia opertis capitibus {72} tyaris, quos pilleos alio nomine nuncupamus, litabant: reliquam vero gentem capillatos dicere iusait, quod nomen Gothi pro magno suscipientes adhuc odie suis cantionibus reminiscent.

{73} Decedente vero Dicineo pene pari veneratione habuerunt Comosicum, quia nec inpar erat sollertiae. hic etenim et rex illis et pontifex ob suam peritiam habebatur et in summa iustitia populos iudicabat. et hoc rebus excedente humanis Coryllus rex Gothorum in regno conscendit et per quadraginta annos in Dacia {74} suis gentibus imperavit Daciam dico antiquam, quam nunc Gepidarum populi possidere noscuntur. quae patria in conspectu Moesiae sita trans Danubium corona montium cingitur, duos tantum habens accessus, unum per Boutas, alterum per Tapas, haec Gotia, quam Daciam appellavereo maiores, quae nunc, ut diximus, Gepidia dicitur, tunc ab oriente Aroxolani, ab occasu Iazyges, a septentrione Sarmatae et Bastemae, a meridiae amnis {75} Danubii terminabant, nam Iazyges ab Aroxolanis Alnta tantum fluvio segregantur, et quia Danubii mentio facta est, non ab re iudico pauca de tali amne egregio indicare, nam hic in Alamannicis arvis exoriens sexaginta a fonte suo usque ad ostia in Ponto mergentia per mille ducentorum passuum milia hinc inde

suscipiens flumina in modum spinae, quem costas ut cratem intexunt, omnino amplissimus est, qui lingua Bessorum Hister vocatur, ducentis tantum pedibus in altum aquam in alveo habet profundam, hic etenim amnis inter cetera fiumina in magnum omnes superans praeter Nilum. haec de Danubio dixisse sufficiat. ad propositum vero, unde nos digressimus, iubante domino redeamus.

{76} Longum namque post intervallum Domitiano imperatore regnante eiusque avaritiam metuentes foedus, quod dudum cum aliis principibus pepigerant, Gothi solventes, ripam Danubii iam longe possessam ab imperio Romano deletis militibus cum eorum ducibus vastaverunt, cui provinciae tunc post Agrippam Oppius praeerat Savinus, Gothis autem Dorpaneus principatum agebat, quando bello commisso Gothi, Romanos devictos, Oppii Savini caput abscisum, multa castella et civitates invadentes de parte {77} imperatoris publice depraedarunt qua necessitate suorum Domitianus cum omni virtute sua Illyricum properavit et totius pene rei publicae militibus ductore Fusco praelato cum lectissimis viris amnem Danubii consertis navibus ad instar pontis transmeare {78} coegit super exercitum Dorpanei. tum Gothi haut segnes reperti arma capessunt primoque conflictu mox Romanos devincunt, Fuscoque duce extincto divitias de castris militum spoliant magnaque potiti per loca victoria iam proceres suos, quorum quasi fortuna vincebant, non puros homines, sed semideos id est Ansis vocaverunt, quorum genealogia ut paucis percurram vel quis quo parente genitus est aut unde origo coepta, ubi finem effecit, absque invidia, qui legis, vera dicentem ausculta.

{79} Horum ergo heroum, ut ipsi suis in fabulis referunt, primus fuit Gapt, qui genuit Hulmul. Hulmul vero genuit Augis: at Augis genuit eum, qui dictus est Amal, a quo et origo Amalorum decurrit: qui Amal genuit Hisarna: Hisarnis autem genuit Ostrogotha: Ostrogotha autem genuit Hunuil: Hunuil item genuit Athal: Athal genuit Achiulf et Odunlf: Achiulf autem genuit Ansila et Ediulf, Vultuulf et Hermenerig: Vultuulf vero genuit Valaravans: Valaravans autem genuit Vinitharium: Vinitharius quoque genuit {80} Vandiliarium: Vandalarius genuit Thiudemer et Valamir et Vidimir: Thiudimir genuit Theodericum: Theodericus genuit Amalasuentham: Amalasuentha genuit Athalaricum et Matesuentham de Eutharico viro suo, cuius affinitas generis sic ad eam coniuncta {81} est, nam supra dictus Hermanaricus, filius Achiulf, genuit Hunimundum: Hunimundns autem genuit Thorismundo: Thorismund vero genuit Berimud: Berimud autem genuit Vetericum: Vetericus item genuit Eutharicum, qui coniunctus Amalasuinthae genuit Athalaricum et Mathesuentam, mortuoque in puerilibus annis Athalarico Mathesuenthae Vitigis est copulatus, de quo non suscepit liberum; adductique simul a Belesario Constantinopolim: et Vitigis rebus

excedente humanis Germanus patricius fratruelis Iustiniani imp. eam in conubio sumens patriciam ordinariam fecit; de qua et genuit filium item Germanum nomine, Germano vero defuncto ipsa vidua perseverare disponit, quomodo autem aut qualiter regnum Amalorum distructum est, loco suo, si dominus iubaverit, edicimus.

{82} Nunc autem ad id, unde digressum fecimus, redeamus doceamusque, quomodo ordo gentis, unde agimus, cursus sui metam explevit, Ablabius enim storicus refert, quia ibi super limbum Ponti, ubi eos diximus in Scythia commanere, ibi pars eorum, qui orientali plaga tenebat, eisque praeerat Ostrogotha, utrum ab ipsius nomine, an a loco, id est orientales, dicti sunt Ostrogothae, residui vero Vesegothae, id est a parte occidua.

{83} Et quia iam superius diximus eos transito Danubio aliquantum temporis in Mysiam Thraciamque vixisse, ex eorum reliquiis fuit et Maximinus imp. post Alexandrum Mamaeae. nam, ut dicit Symmachus in quinto suae historiae libro, Maximinus, inquiens, Caesar mortuo Alexandro ab exercitu effectus est imp., ex infimis parentibus in Thracia natus, a patre Gotho nomine Micca, matre Halana, quae Ababa dicebatur. is triennio regnans, dum in Christianos arma commoveret, imperium simul et vitam amisit, nam {84} hic Severo imp. regnante et natalis die filii celebrante, post prima aetate et rusticana vita de pascuis in militiam venit, princeps si quidem militares dederat ludos; quod cernens Maximinus, quamvis semibarbarus aduliscens, propositis praemiis patria lingua petit ab imperatore, ut sibi luctandi cum expertis militibus licentiam daret. Severus, ammodum miratus magnitudinem formae – {85} erat enim, ut fertur, statura eius procera ultra octo pedes – iussit eum lixis corporis nexu contendere, ne quid a rudi homine militaribus viris eveniret imuriae. tum Maximinus sedecim lixas tanta felicitate prostravit, ut vincendo singulos nullam sibi requiem per intercapidinem temporis daret, hic captis praemiis inssus in militiam mitti, primaque ei stipendia equesiria fuere. tertia post haec die, cum imperator prodiret ad campum, vidit eum exultantem more barbarico iussitque tribuno, ut eum cohercitum ad Romanam inbueret disciplinam, ille vero, ubi de se intellexit principem {86} loqui, accessit ad eum equitantemque praeire pedibus coepit, tum imperator equo ad lentum cursum calcaribus incitato multos urbes huc atque illuc usque ad suam defatigationem variis deflexibus impedivit ac deinde ait illi: «num quid vis post cursum, Thracisce, luctare?» respondit: “quantum libet, imperator”. ita Severus, ex equo desiliens, recentissimos militum cum eo decertari iussit, at ille septem valentissimos iuvenes ad terram elisit, ita ut antea nihil per intervalla respiraret, solusque a Caesare et argenteis praemiis et aureo torque donatus est; iussus deinde inter {87} stipatores degere corporis

principalis. post haec sub Antonino Caracalla ordines duxit ac saepe famam factis extendens plures militiae grados centuriatumque strenuitatis suae praetium tulit. Macrino tamen postea in regno ingresso recusavit militiam pene triennio, tribunatusque habens honore numquam se oculis Macrini {88} optulit, indignum ducens eius imperium, qui perpetrato facinus fuerat adquisitum. ad Eliogabalum dehinc quasi ad Antonini filium revertens tribunatum suum adiit et post hunc sub Alexandrum Mamaeae contra Parthos mirabiliter dimicavit. eoque Mogontiaco militari tumulto occiso ipse exercitus electione absque senatus consultu effectus est imperator, qui cuncta bona sua in persecutione Christianorum malo voto foedavit, occisusque Aquileia a Puppione, regnum reliquid Philippo. quod nos idcirco huic nostro opusculo de Symmachi hystoria mutuavimus, quatenus gentem, unde agimus, ostenderemus ad regni Romani fastigium usque venisse. ceterum causa exegit, ad id, unde digressimus, ordine redeamus.

{89} Nam gens ista mirum in modum in ea parte, qua versabatur, id est Ponti in litore Scythiae soli, enituit, sine dubio tanta spatia tenens terrarum, tot sinos maris, is tot fluminum cursus, sub cuius saepe dextera Vandalus iacuit, stetit sub praetio Marcomannus, Quadorum principes in servitute redacti sunt Philippo namque ante dicto regnante Romanis, qui solus ante Constantinum Christianus cum Philippo idem filio fuit cuius et secundo anno regni Roma millesimum annum explevit, Gothi, ut adsolet, subtracta sibi stipendia sua aegre ferentes, de amicis effecti sunt inimici. nam quamvis remoti sub regibus viverent suis, rei publicae tamen Romanae {90} foederati erant et annua munera percipiebant quid multa transiens tunc Ostrogotha cum suis Danubio Moesiam Thraciasque vastavit, ad quem rebellandum Decius senator a Philippo dirigitur, qui veniens dum Getis nihil praevalet, milites proprios exemptos a militia fecit vitae privatae degi, quasi eorum neglectu Gothi Danubium transfretassent, factaque ut puta in suis vindicta ad Philippnm revertitur, milites vero videntes se post tot labores militia pulsos, indignati ad Ostrogothae regis Gothorum auxilium {91} confugerunt, qui excipiens eos eorumque verbis accensus mox tricenta milia suorum armata produxit ad bellum adhibitis sibi Taifalis et Astringis nonnullis, sed et Carporum trea milia, genus hominum ad bella nimis expeditum, qui saepe fuere Romanis infesti; quos tamen post haec imperante Dioclitiano et Maximiano Galerius Maximinus Caesar devicit et rei publicae Romanae subegit. his ergo addens Gothos et Peucinos ab insula Peucis, quae in ostia Danubii Ponto mergentia iacet, Argaithum et Gunthericum {92} nobilissimos suae gentis doctores praefecit, qui mox Danubium vadati et de secundo Moesiam populati, Marcianopolim eiusdem patriae urbem famosam metropolim

adgrediuntur, diuque {93} obsessam accepta pecunia ab his qui inerant reliquerunt. et quia Marcianopolim nominavimus, libet aliqua de eius situ breviter intimare. nam hanc urbem Traianus imperator hac re, ut fertur, aedificavit, eo quod Marciae sororis suae puella, dum lavat in flumine illo qui nimii limpiditatis saporisque in media urbe oritur Potami cognomento, exindeque vellit aquam haurire, casu vas aureum quod ferebat in profundum decidit, metalli pondere praegravatum longeque post ab imis emersit; quod certe non erat usitatum aut vacuum sorberi aut certe seme voratum undis respuentibus enatare, his Traianus sub admiratione conpertis fontique numinis quoddam inesse credens conditam civitatem germanae suae in nomine Marcianopolim nuncupavit.

{94} Abhinc ergo, ut dicebamus, post longam obsidionem accepto praemio ditatus Geta recessit ad propria, quem cernens Gepidarum natio subito ubique vincentem praedisque ditatum, invidia ductus arma in parentibus movit. quomodo vero Getae Gepidasque sint parentes si quaeris, paucis absolvam, meminisse debes me in initio de Scandzae insulae gremio Gothos dixisse egressos cum {95} Berich rege suo, tribus tantum navibus vectos ad ripam Oceani citerioris, id est Gothiscandza. quarum trium una navis, ut adsolet, tardior nancta nomen genti fertur dedisse; nam lingua eorum pigra gepanta dicitur, hinc factum est, ut paulatim et {96} corruptae nomen eis ex convicio is nasceretur Gepidas, nam sine dubio ex Gothorum prosapie et hi trahent originem; sed quia, ut dixi, gepanta pigrum aliquid tardumque designat, pro gratuito convicio Gepidarum nomen exortum est, quod nec ipsud credo falsissimum: sunt etenim tardioris ingenii et graviores corporum velocitate, hi ergo Gepidae tacti invidia, dum Spesis provincia commanerent in insulam Visclae amnis vadibus circumactam, quam patrio sermone dicebant Gepedoios. nunc eam, ut fertur, insulam gens Vividaria incolit ipsis ad meliores terras meantibus, qui Vividarii ex diversis nationibus ac si in unum asylum collecti {97} sunt et gentem fecisse noscantur. ergo, ut dicebamus, Gepidarum rex Fastida quietam gentem excitans patrios fines per arma dilatavit. nam Burgundzones pene usque ad internicionem delevit aliasque nonnullas gentes perdomuit, Gothos quoque male provocans consanguinitatis foedus prius inportuna concertatione violavit superba admodum elatione iactatus, crescenti populo {98} dum terras coepit addere, incolas patrios reddidit rariores, is ergo missis legatis ad Ostrogotham, cuius adhuc imperio tam Ostrogothae quam Vesegothae, id est utrique eiusdem gentes populi, subiacebant, inclusum se montium quaeritans asperitate silvarumque densitate constrictum, unum poscens e duobus, ut aut bellum sibi aut locorum suorum spatia praepararet, tunc Ostrogotha {99} rex Gothorum ut erat solidi animi, respondit legatis bellum se quidem talem horrere durumque fore et

omnino scelestum armis confligere cum propinqis, loca vero non cedere. quid multa? Gepidas in bella inruunt, contra quos, ne minor indicaretur, movit et Ostrogotha procinctum, conveniuntque ad oppidum Galtis, iuxta quod currit fluvius Auha, ibique magna partium virtute certatum est, quippe quos in se et armorum et pugnandi similitudo commoverat; sed causa melior vivacitasque ingenii iubit {100} Gothos. inclinata denique parte Gepidarum proelium nox diremit. tunc relicta suorum strage Fastida rex Gepidarum properavit ad patriam, tam pudendis obprobriis humiliatas, quam fuerat elationis erectus. redeunt victores Gothi Gepidarum discessione contenti, suaque in patria feliciter in pace versantur, usque dum eorum praevius existeret Ostrogotha.

{101} Pos cuius decessum Cniva, exercitum dividens in duas partes, nonnullos ad vastandum Moesiam dirigit, sciens eam neglegentibus principibus defensoribus destitutam; ipse vero cum LXX milibus ad Eusciam, id est Novas conscendit. unde a Gallo duce remotus Nicopolim accedit, quae iuxta latrum fluvium eat constituta notissima; quam devictis Sarmatis Traianus et fabricavit et appellavit Victoriae civitatem, ubi Decio superveniente imperatore {102} tandem Cniva in Hemi partibus, quae non longe aberant, recessit, unde apparatu disposito Philippopolim ire festinans, cuius secessu Decius imperator cognoscens et ipsius urbis ferre subsidium gestiens iugum Hemi montis transacto ad Beroam venit, ibique dum equos exercitumque lassum refoveret, ilico Cniva cum Gothis in modum fulminis ruit, vastatoque Romano exercitu imperatorem cum pauculis, qui fugere quiverant, ad Eusciam rursus trans Alpes in Mysia proturbavit, ubi tunc Gallus dux limitis cum plurima manu bellantium morabatur; collectoque tam exinde {103} quam de Vsco exercitu, futuri belli se parat in aciae. Cniva vero diu obsessam invadit Philippopolim praedaque potitus Prisco duce qui inerat sibi foederavit quasi cum Decio pugnaturum, venientesque ad conflictum ilico Decii filium sagitta saucium crudeli funere confodiunt. quod pater animadvertens licet ad confortandos animos militum fertur dixisse: «nemo tristetur: perditio unius militis non est rei publicae deminutio». tamen, paterno affectu non ferens, hostes invadit, aut mortem aut ultionem fili exposcens, veniensque ad Abritto Moesiae civitatem circumseptus a Gothis et ipse extinguitur imperii finem vitaeque terminum faciens. qui locus hodieque Decii ara dicitur, eo quod ibi ante pugnam mirabiliter idolis immolasset.

{104} Defuncto tunc Decio Gallus et Volusianus regnnm potiti sunt Romanorum, quando et pestilens morbus, pene istius necessitatis consimilis. quod nos ante hos novem annos experti sumus, faciem totius orbis foedavit, supra modum tamen Alexandriam totiusque Aegypti loca devastans, Dionysio storico auper hanc cladem

lacrimaviliter exponente, quod et noster conscribit venerabilis martyr Christi et episcopus Cyprianus in libro, cuius titulus {105} est ‘de mortalitate’. tunc et Emilianus quidam Gothis saepe ob principum neglegentiam Mysiam devastantibus, ut vidit licere nec a quoquam sine magno rei publicae dispendio removeri, similiter suae fortunae arbitratus posse venire, tyrannidem in Moesia arripuit omneque manu militari ascita coepit urbes et populos devastare. contra quem intra paucos menses dum multitudo apparatus adcresceret, non minimum incomodum rei publicae parturivit; qui tamen in ipso pene nefario conatus sui initio extinctus {106} et vitam etimperium, quod inhiabat, amisit: supra dicti vero Gallus et Volusianus imperatores, quamvis vix biennio in imperio perseverantes ab hac luce migrarunt, tamen ipsud biennium, quod affuerunt, ubique pacati, ubique regnaverunt gratiosi, praeter quod unum eorum fortunae reputatum est, id est generalis morbus, sed hoc ab imperitis et calumniatoribus, qui vitam solent aliorum dente maledico lacerare. hi ergo mox imperio adepti sunt, foedus cum gente pepigerunt Gothorum, et nec longo intervallo utrisque regibus occumbentibus Gallienus arripuit principatum.

{107} Quod in omni lascivia resoluto Respa et Veduco Tharuaroque duces Gothorum sumptis navibus Asiam transierunt, fretum Ellispontiacum transvecti, ubi multas eius provinciae civitates populatas opinatissimum illud Ephesiae Dianae templum, quod dudum dixeramus Amazonas condidisse, igne succendunt partibusque Bithiniae delati Chalcedonam subverterunt, quam post Comelius Abitus aliqua parte reparavit, quae hodieque, quamvis regiae urbis vicinitate congaudeat, signa tamen ruinarum suarum {108} aliquanta ad indicium retinet posteritatis, hac ergo felicitate Gothi, qua intraverunt partibus Asiae, praedas spoliaque potiti, Hellispontiacum fretum retranseunt, vastantes itinere suo Troiam Iliumque, quae vix a bello illo Agamemnoniaco quantulum se reparantes rursus hostili mucrone deletae sunt. post Asiae ergo tale excidium Thracia eorum experta est feritatem, nam ibi ad radices Emi montis et mari vicinam Anchialos civitatem adgressi mox {109} adeunt, urbem, quam dudum Sardanaphalus, rex Parthorum, inter limbum maris et Emi radices locasset. ibi ergo multis feruntur mansisse diebus aquarum calidarum delectati lavacris, quae ad duodecimo miliario Anchialitanae civitatis sunt siti, ab imo suae fontis ignei scaturrientes, et inter reliqua totius mundi thermarum innumerabilium loca omnino precipua et ad sanitatem infirmorum efficacissima.

{110} Exinde ergo ad proprias sedes regressi post haec a Maximiano imperatore rediguntur in auxilio Romanorum contra Parthos rogati, ubi omnino datis auxiliariis fideliter decertati sunt sed postquam Caesar Maximinus pene cum eorum solacia Narseum regem Persarum Saporis magni nepotem fugasset eiusque omnes opes

simulque uxores et filios depraedasset Achillemque in Alexandria Dioclitianus superasset et Maximianus Herculius in Africa Quinquegentianos adtrivisset, pacem rei publicae nancti coeperunt {111} quasi Gothos neglegere, nam sine ipsos dudum contra quasvis gentes Romanus exercitus difficile decertatus est, apparet namque frequenter, quomodo invitabantur sic: ut et sub Constantino rogati sunt et contra cognatum eius Licimum arma tulerunt eumque devictum et in Thessalonica clausum privatum ab imperio Constantini {112} victoris gladio trucidarunt. nam et ut famosissimam et Romae emulam in suo nomine conderet civitatem, Gothorum interfuit operatio, qui foedus inito cum imperatore quadraginta suorum milia illi in solacio contra gentes varias obtulere; quorum et numerus et militia usque ad praesens in re publica nominatur, id est foederati. tunc etenim sub Ariarici et Aorici regum suorum florebant imperio. post quorum decessum successor regni extitit Geberich virtutis et nobilitatis eximius.

{113} Nam hic Hilderith patre natus, avo Ovida, proavo Nidada, gloriam generis sui factis illustribus exaequavit. primitias regni sui mox in Vandalica gente extendere cupiens contra Visimar eorum rege qui Asdingorum stirpe, quod inter eos eminet genusque indicat bellicosissimum, Deuxippo storico referente, qui eos ab Oceano ad nostrum limitem vix in anni spatio pervenisse testatur prae nimia terrarum inmensitate, quo tempore erant in eo loco {114} manentes, ubi nunc Gepidas sedent, iuxta flumina Marisia, Miliare et Gilpil et Grisia, qui omnes supra dictos excedet, erat namque illis tunc ab oriente Gothus, ab occidente Marcomanus, a septentrione Hermundolus, a meridie Histrum, qui et Danubius dicitur, hic ergo Vandalis commorantibus bellum indictum est a Geberich rege Gothorum ad litus praedicti amnis Marisiae, ubi nec diu certatum est ex aequali, sed mox ipse rex Vandalorum {115} Visimar magna parte cum gentis suae prosternitur. Geberich vero Gothorum ductor eximius superatis depraedatisque Vandalis ad propria loca, unde exierat, remeavit, tunc perpauci Vandali, qui evasissent, collecta inbellium suorum manu, infortunata patria relinquentes Pannoniam sibi a Constantino principe petierunt ibique per LX annos plus minus sedibus locatis imperatorum decretis ut incolae famularunt, unde iam post longum ab Stiliconae mag. mil. et ex consule atque patricio invitati Gallias occupaverunt, ubi finitimos depraedantes non adeo fixas sedes habuerunt.

{116} Nam Gothorum rege Greberich rebus humanis excedente post temporis aliquod Hermanaricus nobilissimus Amalorum in regno successit, qui multas et bellicosissimas arctoi gentes perdomuit suisque parere legibus fecit. quem merito nonnulli Alexandro Magno conparavere maiores, habebat si quidem quos domuerat Golthescytha

Thiudos Inaunxis Vasinabroncas Merens Mordens {117} Imniscaris Rogas Tadzans Athaul Navego Bubegenas Coldas. sed cum tantorum servitio clarus haberetur, non passus est nisi et gentem Herulorum, quibus praeerat Halaricus, magna ex parte trucidatam reliquam suae subegeret dicioni. nam praedicta gens, Ablavio istorico referente, iuxta Meotida palude inhabitans in locis stagnantibus, quas Greci ele vocant, Eluri nominati sunt, {118} gens quantum velox, eo amplius superbissima. nulla si quidem erat tunc gens, quae non levem armaturam in acie sua ex ipsis elegeret, sed quamvis velocitas eorum ab is aliis crebro bellantibus evagaret, Gothorum tamen stabilitate subiacuit et tarditati, fecitque causa fortunae. ut et ipsi inter reliquas gentes Getarum regi {119} Hermanarico servirent post Herulorum cede item Hermanaricus in Venethos arma commovit, qui, quamvis armis despecti, sed numerositate pollentes, primum resistere conabantur, sed nihil valet multitudo inbellium, praesertim ubi et deus permittit et multitudo armata ao advenerit, nam hi, ut in initio expositionis vel catalogo gentium dicere coepimus, ab una stirpe exorti, tria nunc nomina ediderunt, id est Venethi, Antes, Sclaveni; qui quamvis nunc, ita facientibus peccatis nostris, ubique deseviunt, tamen tune omnes {120} Hermanarici imperiis servierunt. Aestorum quoque similiter nationem, qui longissimam ripam Oceani Germanici insident, idem ipse prudentia et virtute subegit omnibusque Scythiae et Germaniae nationibus ac si propriis lavoribus imperavit.

{121} Post autem non longi temporis intervallo, ut refert Orosius, Hunnorum gens omni ferocitate atrocior exarsit in Gothos. nam hos, ut refert antiquitas, ita extitisse conperimus, Filimer rex Gothorum et Gadarici magni filius qui post egressu Scandzae insulae iam quinto loco tenens principatum Getarum, qui et terras Scythicas cum sua gente introisse superius a nobis dictum est, repperit in populo suo quasdam magas mulieres, quas patrio sermone Haliurunnas is ipse cognominat, easque habens suspectas de medio sui proturbat longeque ab exercitu suo fugatas in solitudinem {122} coegit errare. quas spiritus inmundi per herimum vagantes dum vidissent et eorum conplexibus in coitu miscuissent, genus hoc ferocissimum ediderunt, quae fuit primum inter paludes, minutum tetrum atque exile quasi hominum genus nec alia voce notum nisi quod humani sermonis imaginem adsignabat, tali igitur Hunni stirpe creati Gothorum finibus advenerunt. quorum {123} natio saeva, ut Priscus istoricus refert, Meotida palude ulteriore ripa insidens, venationi tantum nec alio labore experta, nisi quod, postquam crevisset in populis, fraudibus et rapinis vicinarum gentium quiete conturbans, huius ergo gentis, ut adsolet, venatores, dum in interioris Meotidae ripam venationes inquirent, animadvertunt, quomodo ex inproviso cerva se illis optulit ingressaque {124} paludem nunc progrediens nunc subsistens index

viae se tribuit, quam secuti venatores paludem Meotidam, quem inpervium ut pelagus aestimant, pedibus transierunt mox quoque Scythica terra ignotis apparuit, cerva disparuit quod, credo, spiritus {125} illi, unde progeniem trahunt, ad Scytharum invidia id egerunt. illi vero, qui praeter Meotidam alium mundum esse paenitus ignorabant, admiratione ducti terrae Scythicae et, ut sunt sollertes, iter illud nullae ante aetati notissimum divinitus sibi ostensum rati, ad suos redeunt, rei gestum edocent, Scythiam laudant persuasaque gente sua via, qua cerva indice dedicerant, ad Scythiam properant, et quantoscumque prius in ingressu Scytharum habuerunt, {126} litavere victoriae, reliquos perdomitos subegerunt, nam mox ingentem illam paludem transierunt, ilico Alpidzuros, Alcildzuros, Itimaros, Tuncarsos et Boiscos, qui ripae istius Scythiae insedebant, quasi quaedam turbo gentium rapuerunt. Halanos quoque {127} pugna sibi pares, sed humanitate, victu formaque dissimiles, frequenti certamine fatigantes, subiugaverunt nam et quos bello forsitan minime superabant, vultus sni terrore nimium pavorem ingerentes, terribilitate fugabant, eo quod erat eis species pavenda nigridinis et velud quaedam, si dici fas est, informis offa, non facies, habensque magis puncta quam lumina. quorum animi fiducia turvus prodet aspectus, qui etiam in pignora sua primo die nata desaeviunt nam maribus ferro genas secant, ut ante {128} quam lactis nutrimenta percipiant, vulneris cogantur subire tolerantiam. hinc inberbes senescunt et sine venustate efoebi sunt, quia facies ferro sulcata tempestivam pilorum gratiam cicatricis absumit exigui quidem forma, sed argutis motibus expediti et ad equitandum promptissimi, scapulis latis, et ad arcos sagittasque parati firmis cervicibus et superbia semper erecti, hi vero sub hominum figura vivunt beluina saevitia.

{129} Quod genus expeditissimum multarumque nationum grassatorem Getae ut viderunt, paviscunt, suoque cum rege deliberant, qualiter tali se hoste subducant nam Hermanaricus, rex Gotborum, licet, ut superius retulimus, multarum gentium extiterat triumphator, de Hunnorum tamen adventu dum cogitat, Rosomonorum gens infida, quae tunc inter alias illi famulatum exhibebat, tali eum nanciscitur occasione decipere. is dum enim quandam mulierem Sunilda nomine ex gente memorata pro mariti fraudulento discessu rex furore commotus equis ferocibus inligatam incitatisque cursibus per diversa divelli praecipisset, fratres eius Sarus et Ammius, germanae obitum vindicantes, Hermanarici latus ferro petierunt; quo vulnere saucius egram vitam corporis inbecillitate contraxit. quam adversam eius valitudinem captans Balamber rex {130} Hunnorum in Ostrogotharum parte movit procinctum, a quorum societate iam Vesegothae quadam inter se intentione seiuncti habebantur. inter haec Hermanaricus tam vulneris dolore quam etiam Hunnorum incursionibus non ferens

grandevus et plenus dierum centesimo decimo anno vitae suae defunctus est, cuius mortis occasio dedit Hunnis praevalere in Gothis illis, quos dixeramus orientali plaga sedere et Ostrogothas nuncupari.

{131} Vesegothae, id est illi alii eorum socii et occidui soli cultores, metu parentum exterriti, quidnam de se propter gentem Hunnorum deliberarent, ambigebant, diuque cogitantes tandem communi placito legatos in Romania direxerunt ad Valentem imperatorem fratrem Valentiniani imperatoris senioris, ut, partem Thraciae sive Moesiae si illis traderet ad colendum, eius se legibus eiusque vivere imperiis subderentur. et, ut fides uberior illis haberetur, promittunt se, si doctores linguae suae donaverit, fieri Christianos. {132} quod Valens conperto mox gratulabundus annuit, quod ultro petere voluisset, susceptosque in partibus Moesiae Getas quasi murum regni sui contra citeras statuit gentes, et quia tunc Valens imperator Arrianorum perfidia saucius nostrarum partium omnes ecclesias obturasset, suae parti fautores ad illos diriget praedicatores, qui venientes rudibus et ignaris ilico perfidiae suae virus {133} infundunt. sic quoque Vesegothae a Valente imperatore Arriani potius quam Christiani effecti. de cetero tam Ostrogothis quam Gepidis parentibus suis pro affectionis gratia euangelizantes huius perfidiae culturam edocentes, omnem ubique linguae huius nationem ad culturam huius sectae invitaverunt, ipsi quoque, ut dictum est, Danubio transmeantes Daciam ripensem, Moesiam Thraciasque permisso principis insederunt.

{134} Quibus evenit, ut adsolet genti, necdum bene loco fundatis, penuria famis, coeperuntque primates eorum et duces, qui regum vice illis praeerant, id est Fritigernus, Alatheus et Safrac, exercitus inopiam condolere negotiationemque a Lupicino Maximoque Romanorum ducum expetere, verum quid non auri sacra fames compellit adquiescere? coeperunt duces avaritia compellente non solum ovium bovumque carnes, verum etiam canum et inmundorum animalium morticina eis pro magno contradere, adeo, ut {135} quemlibet mancipium in uno pane aut decem libris came mercarent sed iam mancipiis et supellectile deficientibus filios eorum avarus mercator victus necessitate exposcit. haut enim secus parentes faciunt salute suorum pignorum providentes: faciliusque deliberant ingenuitatem perire quam vitam, dum misericorditer alendus quis venditur quam moriturus servatur, contigit etenim illo sub tempore erumnoso, Lupicinus ut ductor Romanorum Fritigernum Gothorum regulum in convivio invitaret dolumque ei, ut post exitus docuit, moliretur. {136} sed Fritigernus dolum nescius cum paucorum comitatu ad convivium veniens, dum intus in preturio aepularetur, clamorem miserorum morientium audiret: nam in alia parte socios eius reclausos dum milites ducis sui iussu trucidare conarentur et vox morientium duriter

emissa iam suspectis auribus intonaret, ilico aperto dolo cognoscens Fritigernus evaginato gladio e convivio non sine magna temeritate velocitateque egreditur suosque socios ab imminenti morte ereptos {137} ad necem Romanorum instigat qui nancti occasione votiva elegerunt viri fortissimi in bello magis quam in fame deficere, et ilico in ducum Lupicini et Maximi armantur occisione. illa namque dies Gothorum famem Romanorumque securitatem ademit, coeperuntque Gothi iam non ut advenae et peregrini, sed ut cives et domini possessoribus imperare totasque partes septentrionales {138} usque ad Danubium suo iuri tenere. quod conperiens in Antiochia Valens imperator mox armato exercitu in Thraciarum partes egreditur; ubi lacrimabile bello commisso vincentibus Gothis in quodam praedio iuxta Adrianopolim saucius ipse refugiens ignorantibusque, quod imperator in tam vili casula delitisceret, Gothis, ignemque, ut adsolet saeviente inimico, supposito, cum regali pompa crematus est, haut secus quam dei prorsus iudicio, ut ab ipsis igni conbureretur, quos ipse vera fide petentibus in perfidia declinasset ignemque caritatis ad gehennae ignem detorsisset. quo tempore Vesegothae Thracias Daciaque ripense post tanti gloria tropaei tamquam solum genitalem potiti coeperunt incolere.

{139} Sed Theodosio ab Spania Gratianus imperator electo et in orientali principatu loco Valentis patrui subrogato, militaremque disciplinam mox in meliori statu reposita ignavia priorum principum et desidia exclusa Gothus ut sensit, pertimuit. nam inperator acri omnino ingenii virtuteque et consilio clarus dum praeceptorum saeveritate et liberalitate blanditiaque sua remissum exercitum {140} ad fortia provocaret at vero ubi milites principe meliore mutato fiduciam acceperunt, Gothos impetere temptant eosque Thraciae finibus pellunt sed Theodosio principe pene tunc usque ad disperationem egrotanti datur iterum Gotbis audacia divisoque exercitu Fritigemus ad Thessaliam praedandam, Epiros et {141} Achaiam digressus est, Alatheus vero et Safrac cum residuis copiis Pannoniam petierunt, quod cum Gratianus imperator, qui tunc a Roma in Gallis ob incursione Vandalorum recesserat, conperisset, quia Theodosio fatali desperatione succumbente Gothi maius saevirent, mox ad eos collecto venit exercitu, nec tamen fretus in armis, sed gratia eos muneribusque victurus, pacemque, victualia illis concedens, cum ipsis inito foedere fecit.

{142} Ubi vero post haec Theodosius convaluft imperator repperitque cum Gothis et Romanis Gratiano imperatore pepigisse quod ipse optaverat, admodum grato animo ferens et ipse in hac pace consensit, Aithanaricoque rege, qui tunc Fritigerno successerat, datis sibi muneribus sociavit moribusque suis benignissimis ad {143} se eum in Constantinopolim accedere invitavit, qui omnino libenter

adquiescens regia urbe ingressus est miransque: ‘en’, inquid, ‘cerno, quod saepe incredulus audiebam’, famam videlicet tantae urbis; et huc illuc oculos volvens nunc situm urbis commeatuque navium, nunc moenia clara prospectans miratur, populosque diversarum gentium quasi fonte in uno e diversis partibus scaturriente unda, sic quoque milite ordinato aspiciens: ‘deus’, inquit, ‘sine dubio terrenus est imperator et quisquis adversus eum manu {144} moverit, ipse sui sanguinis reus existit’, in tali ergo admiratione maioreque a principe honore suffultus paucis mensibus interiectis ab hac luce migravit. quem princeps affectionis gratia pene plus mortuum quam vivum honorans dignae tradidit sepulturae, ipse {145} quoque in exequiis feretro eins praeiens. defuncto ergo Aithanarico cunctus eius exercitus in servitio Theodosii imperatoris perdurans Romano se imperio subdens cum milite velut unum corpus effecit militiaque illa dudum sub Constantino principe foederatorum renovata et ipsi dicti sunt foederati, e quibus imperator contra Eugenium tyrannum, qui occiso Gratiano Gallias occupasset plus quam viginti milia armatorum fideles sibi et amicos intellegens secum duxit victoriaque de praedicto tyranno potitus ultionem exegit.

{146} Postquam vero Theodosius amator pacis generisque Gothorum rebus excessit humanis coeperuntque eius filii utramque rem publicam luxuriose viventes adnihilare auxiliariisque suis, id est Gothis, consueta dona subtrahere, mox Gothis fastidium eorum increvit, verentesque, ne longa pace eorum resolveretur fortitudo, ordinato super se rege Halarico, cui erat post Amalos secunda nobilitas Balthorumque ex genere origo mirifica, qui dudum ob {147} audacia virtutis Baltha, id est audax, nomen inter suos acceperat, mox ergo antefatus Halaricus creatus est rex, cum suis deliberans suasit eos suo labore quaerere regna quam alienis per otium subiacere, et sumpto exercitu per Pannonias Stilicone et Aureliano consulibus et per Sirmium dextroque latere quasi viris vacuam intravit Italiam nulloque penitus obsistente ad pontem {148} applicavit Candidiani, qui tertio miliario ab urbe aberat regia Bavennate, quae urbs inter paludes et pelago interque Padi fluenta unius tantum patet accessu, cuius dudum possessores, ut tradunt maiores, αινετοί, id est laudabiles, dicebantur. haec in sino regni Romani super mare Ionio constituta ut in modum insulae influentium {149} aquarum redundatione concluditur. habet ab oriente mare, ad quam qui recto cursu de Corcyra atque Hellade partibus navigatur, dextrum latus primum Epiros, dehinc Dalmatiam Liburniam Histriamque et sic Venetias radens palmula navigat. ab occidente vero habet paludes, per quas uno angustissimo introitu ut porta relicta est, a septentrionale quoque plaga ramus illi ex {150} Pado est, qui Fossa vocitatur Asconis. a meridie item ipse Padus, quem Italiae soli fluviorum regem dicunt, cognomento Eridanus, ab Augusto

imperatore latissima fossa demissus, qui septima sui alvei parte per mediam influit civitatem, ad ostia sua amoenissimum portum praebens, classem ducentarum quinquaginta navium Dione referente tutissima dudum credebatur recipere statione, qui {151} nunc, ut Favius ait, quod aliquando portus fuerit, spatiosissimus ortus ostendit arboribus plenus, verum de quibus non pendeant vela, sed poma. Trino si quidem urbs ipsa vocabulo gloriatur trigeminaque positione exultat, id est prima Ravenna, ultima Classis, media Caesarea inter urbem et mare, plena mollitiae harenaque minuta vectationibus apta.

{152} Verum enim vero cum in eius vicinitate Vesegotharum applicuisset exercitus et ad Honorium imperatorem, qui intus residebat, legationem misisset, quatenus si permitteret, ut Gothi pacati in Italia residerent, sic eos cum Romanorum populo vivere, ut una gens utraque credere possit: sin autem aliter, bellando quis quem valebat expellere, et iam securus qui victor existeret imperaret, sed Honorius imperator utraque pollicitatione formidans suoque cum senatu inito consilio, quomodo eos fines Italos expelleret, {153} deliberabat. cui ad postremum sententia sedit, quatenus provincias longe positas, id est Gallias Spaniasque, quas pene iam perdidisset Gizericique eas Vandalorum regis vastaret inruptio, si valeret, Halaricus sua cum gente sibi tamquam lares proprias vindicaret donationem sacro oraculo confirmatam consentiunt {154} Gothi hac ordinatione et ad patriam sibi traditam proficiscuntur, post quorum discessu nec quicquam mali in Italia perpetraio Stilico patricius et socer Honorii imperatoris – nam utramque eius filiam, id est Mariam et Thermantiam, sibi princeps unam post unam consocians utramque virginem et intactam deus ab hac luce vocavit – hic ergo Stilico ad Polentiam civitatem in Alpes Cottiarum locatam dolose accedens, nihilque male suspicantibus {155} Gothis ad necem totius Italiae suamque deformitatem ruit in bello, quem ex inproviso Gothi cernentes primum perterriti sunt, sed mox recollectis animis et, ut solebant, hortatibus excitati omnem pene exercitum Stiliconis in fuga conversum usque ad internicionem deiciunt furibundoque animo arreptum iter deserunt et in Liguria post se, unde iam transierant, revertuntur: eamque praedis spoliisque potiti Emiliam pari tenore devastant Flamminiaeque aggerem inter Picenum et Tusciam usque ad urbem Romam discurrentes, quidquid in utrumque latus fuit, in praeda diripiunt, {156} ad postremum Romae ingressi Halarico iubente spoliant tantum, non autem, ut solent gentes, igne supponunt nec locis sanctorum in aliquo paenitus iniuria inrogare patiuntur. exindeque egressi per Campaniam et Lucania simili clade peracta Brittios accesserunt; ubi diu resedentes ad Siciliam et exinde ad Africae terras ire deliberant Bryttiorum si quidem regio in extremis Italiae finibus australi interiacens parti – angulus eius Appinini montis

initium fecit – Adriaeque pelagus velut lingua porrecta a Tyrreno aestu seiungens nomen quondam a Bryttia sortitus regina. ibi {157} ergo veniens Alaricus rex Vesegotharum cum opibus totius Italiae, quas in praeda diripuerat, et exinde, ut dictum est, per Siciliam ad Africam quietam patriam transire disponens. cuius, quia non est liberum quodcumque homo sine notu dei disposuerit, fretus ille horribilis aliquantas naves submersit, plurimas conturbavit. qua adversitate depulsus Halaricus, dum secum, quid ageret, deliberaret, {158} subito inmatura morte praeventus rebus humanis excessit, quem nimia sui dilectione lugentes Busento amne iuxta Consentina civitate de alveo suo derivato – nam hic fluvius a pede montis iuxta urbem dilapsus fluit unda salutifera – huius ergo in medio alvei collecta captivorum agmina saepulturae locum effodiunt, in cuius foveae gremium Haliricum cum multas opes obruunt, rursusque aquas in suo alveo reducentes, et ne a quoquam quandoque locus cognosceretur, fossores omnes interemerunt, regnumque Vesegotharum Atauulfo eius consanguineo et forma menteque conspicuo tradent; nam erat quamvis non adeo proceritate staturae formatus, quantum pulchritudine corporis vultuque decorus.

{159} Qui suscepto regno revertens item ad Romam, si quid primum remanserat, more locustarum erasit, nec tantum privatis divitiis Italiam spolians, immo et publicis, imperatore Honorio nihil resistere praevalente, cuius et germanam Placidiam Theodosii imperatoris {160} ex altera uxore filiam ab urbe captivam abduxit, quam tamen ob generis nobilitatem formeque pulchritudine et integritate castitatis adtendens in Foro Iuli Aemiliae civitate suo matrimonio legitime copulavit, ut gentes hac societate conperta quasi adunatam Gothis rem publicam efficacius terrerentur, Honorioque Augusto quamvis opibus exausto tamen iam quasi cognatum grato {161} animo derelinquens, Gallias tendit, ubi cum advenisset, vicinae gentes perterritae in suis se coeperunt finibus continere, qui dudum crudeliter Gallias infestassent, tam Franci, quam Burgondiones, nam Vandali vel Alani, quos superius diximus permissu principum Romanorum utramque Pannoniam resedere, nec ibi sibi metu Gothorum arbitrantes tutum fore, si reverterentur, ad Gallias {162} transierunt. sed mox a Galliis, quas ante non multum tempus occupassent, fugientes, Spanias se recluserunt, adhuc memores ex relatione maiorum suorum, quid dudum Geberich Gothorum rex genti suae prestitisset incommodi vel quomodo eos virtute sua {163} patrio solo expulisset, tali ergo casu Galliae Atauulfo patuere venienti. confirmato ergo Gothus regno in Gallis Spanorum casu coepit dolere, eosque deliberans a Vandalorum incursibus eripere, suas opes Barcilona cum certis fidelibus derelictas plebeque inbelle, interiores Spanias introibit, ubi saepe cum Vandalis decertans tertio anno,

postquam Gallias Spaniasque domuisset, occubuit gladio ilia perforata Euervulfi, de cuius solitus erat ridere statura. post cuius mortem Segericus rex constituitur, sed et ipse suorum fraude peremptus ocius regnum cum vita reliquid.

{164} Dehinc iam quartus ab Alarico rex constituitur Valia nimis destrictus et prudens, contra quem Honorius imperator Constantium virum industria militari pollentem multisque proeliis gloriosum cum exercitu dirigens, veritus, ne foedus dudum cum Atauulfo inito ipse turbaret et aliquas rursus in re publica insidias moliretur vicinas sibi gentes expulsas, simulque desiderans germanam suam Placidiam subiectionis obprobrio liberare, paciscens cum Constantio, ut, aut bello aut pace vel quo modo si eam potuisset {165} ad suum regnum reducere, ei eam in matrimonio sociaret, quo placito Constantius obans cum copia armatorum et pene iam regio apparatu Spanias petit. cui Vallias rex Gothorum non cum minori procinctu ad claustra Pyrenei occurrit; ubi ab utraque parte legatione directa ita convenit pacisci, ut Placidiam sororem principis redderet suaque solacia Romanae rei publicae, ubi usus exegerit, non denegaret. eo namque tempore Constantinus quidam apud Gallias invadens imperium filium suum Constantem ex monacho fecerat Caesarem: sed non diu tenens regno praesumpto mox foederatos Gothos Romanosque ipse occiditur Arelato, filius vero eius Vienna. post quos item Iovinus ac Sebastianus pari temeritate rem publicam occupandam existimantes pari exitio perierunt.

{166} Nam duodecimo anno regni Valiae, quando et Hunni post pene quinquaginta annorum invasam Pannoniam a Romanis et Gothls expulsi sunt, videns Valia Vandalos in suis finibus, id est Spaniae solum, audaci temeritate ab interioribus partibus Galliciae, ubi eos fugaverat dudum Atauulfus, egressos et cuncta in praedas vastare, eo fere tempore, quo Hierius et Ardabures consules {167} processissent, nec mora mox contra eos movit exercitum, sed Gyzericus rex Vandalorum iam a Bouifatio in Africam invitatus, qui Valentiniano principi veniens in offensa non aliter se quam malo rei publicae potuit vindicare, is ergo suis praecibus eos invitans per traiectum angustiarum, qui dicitur fretus Gaditanus et {168} vix septem milibus Africam ab Spaniis dividet ostiaque maris Tyrreni in Oceani estu egeritur, transposuit. erat namque Gyzericus iam Romanorum clade in urbe notissimus, statura mediocris et equi casu claudicans, animo profundus, sermone rarus, luxoriae contemptor, ira turbidus, habendi cupidus, ad sollicitandas gentes providentissimus, semina contentionum iacere, odia miscere paratus. {169} tali Africa rem publicam praecibus Bonifatii, ut diximus, invitatus intravit, ubi a divinitate. ut fertur, accepta auctoritate diu regnans, ante obitum suum filiorum agmine accito ordinavit, ne inter ipsos de regni

ambitione intentio esset, sed ordine quisque et gradu suo, alii si superviveret. id est, seniori suo fieret sequens successor et rursus ei posterior eius. quod observantes per annorum multorum spatia regnum feliciter possiderunt, nec, ut in reliquis gentibus adsolet, intestino bello foedati sunt, suoque {170} ordine unus post unum regnum excipiens in pace populis imperavit, quorum ordo iste ac successio fuit: primum Gyzericus, qui pater et dominus, sequens Hunericus, tertius Gunthamundus, quartus Thrasamundus, quintus Ilderich, quem malo gentis suae Gelimer inmemor atavi praeceptorum de regno eiectum et interemptum tyrannide {171} praesumpsit sed non ei cessit inpune quod fecerat, nam mox Iustiniani imperatoris ultio in eum apparuit et cum omne genus suum opibusque, quibus more praedonis incubabat, Constantinopolim delatus per virum gloriosissimum Belesarium mag. mil. Orientalem, exconsolem ordinarium atque patricium, magnum in circo populo spectaculum fuit seraque suae paenitudinis gerens {172} cum se videret de fastigio regali deiectum, privatae vitae, cui noluit famulari, redactus occubuit, sic Africa, quae in divisione urbis terrarum tertia pars mundi describitur, centesimo fere anno a Vandalico iugo erepta in libertate revocata est regni Romani, et quae dudum ignavis dominis ducibusque infidelibus a rei publicae Romanae corpus gentilis manus abstulerat, a sollerte domino et fideli ductore nunc revocata hodieque congaudet, quamvis et post haec aliquantulum intestino proelio Maurorumque infidelitate adtrita sese lamentaverit, tamen triumphus Iustiniani imperatoris a deo sibi donatus, quod inchoaverat, ad pacem usque perduxit, sed nobis quid opus est, unde res non exeget, dicere? ad propositum redeamus.

{173} Vallia si quidem, rex Gothorum, adeo cum suis in Vandalos saeviebat, ut voluisset eos etiam et in Africa persequi, nisi eum casus, qui dudum Halarico in Africa tendenti contigerat, revocasset. nobilitatus namque intra Spanias incruentamque victoriam potitus Tolosam revertitur, Romano imperio fugatis hostibus aliquantas provincias, quod promiserat, derelinquens, sibique adversa {174} post longum valitudine superveniente rebus humanis excessit, eo videlicet tempore, quo Beremud, Thorismundo patre progenitus, de quo in catalogo Amalorum familiae superius diximus, cum filio Vitiricho ab Ostrogothis, qui adhuc in Scythiae terras Hunnorum oppressionibus subiacebant, ad Vesegotharum regnum migravit. conscius enim virtutis et generis nobilitate facilius sibi credens principatum a parentibus deferre, quem heredem regum constabat esse multorum. quis namque de Amalo dubitaret, si vacasset elegere? sed nec ipse adeo voluit, quis esset, ostendere. {175} et illi iam post mortem Valliae Theoderidum ei dederant successorem. ad quem veniens Beremud animi pondere qua valebat eximio generis sui amplitudine

commoda tacitumitate suppressit, sciens regnantibus semper regali stirpe genitos esse suspectos. passus est ergo ignorari, ne faceret ordinata confundi. susceptusque cum filio suo a rege Theodorido honorifice nimis, adeo ut nec consilio suo expertem nec convivio faceret alienum, non tamen pro generis nobilitate, quam ignorabat, sed pro animi fortitudine et robore mentis, quam non poterat occultare.

{176} Quid plurimum? defuncto Vallia, ut superius quod diximus repetamus, qui parum fuerat felix Gallis, prosperrimus feliciorque Theodoridus successit in regno, homo summa moderatione compositus, animi corporisque utilitate habendus. contra quem Theodosio et Festo consulibus pace rupta Romani Hunnis auxiliaribus secum iunctis in Galliis arma moverunt, turbaverat namque eos Gothorum foederatorum manus, qui cum Gaina comite Constantinopolim efferasset. Aetius ergo patricius tunc praeerat militibus, fortissimorum Moesium stirpe progenitus in Dorostorena civitate a patre Gaudentio, labores bellicos tolerans; rei publicae Romanae singulariter natus, qui superbam Suavorum Francorumque barbariem immensis caedibus servire Romano imperio coegisset {177} Hunnis quoque auxiliariis Litorio ductante contra Gothos Romanus exercitus movit procinctum, diuque ex utraque parte acies ordinatae cum utrique fortes et neuter infirmior esset, datis dextris in pristina concordia redierunt, foedusque firmatum ab alterutrum {178} fida pace peracta recessit uterque. qua pace Attila, Hunnorum omnium dominus et paene totius Scythiae gentium solus in mundo regnator, qui erat famosa inter omnes gentes claritate mirabilis, ad quem in legatione se missum a is Theodosio iuniore Priscus istoricus tali voce inter alia refert: ingentia si quidem flumina, id est Tisia Tibisiaque et Dricca transientes venimus in loco illo, ubi dudum Vidigoia Gothorum fortissimus Sarmatum dolo occubuit: indeque non longe ad vicum, in quo rex Attila morabatur, accessimus, vicum inquam ad instar civitatis amplissimae, in quo lignea moenia ex tabulis nitentibus fabricata repperimus, quarum compago ita solidum mentiebatur, ut vix ab intentu {179} possit iunctura tabularum conpraehendi. videres triclinia ambitu prolixiore distenta porticusque in omni decore dispositas. area vero curtis ingenti ambitu cingebatur, ut amplitudo ipsa regiam aulam ostenderet, hae sedes erant Attilae regis barbariae tota tenenti; haec captis civitatibus habitacula praeponebat.

{180} Is namque Attila patre genitus Mundzuco, cuius fuere germani Octar et Roas, qui ante Attilam regnum tenuisse narrantur, quamvis non omnino cunctorum quorum ipse, post quorum obitum cum Bleda germano Hunnorum successit in regno, et, ut ante expeditionis, quam parabat, par foret, augmentum virium pamcidio {181} quaerit, tendens ad discrimen omnium nece suorum, sed

librante iustitia detestabili remedio crescens deformes exitus suae crudelitatis invenit. Bleda enim fratre fraudibus interempto, qui magnae parti regnabat Hunnorum, universum sibi populum adunavit, aliarumque gentium, quas tunc in dicione tenebat, {182} numerositate collecta, primas mundi gentes Romanos Vesegothasque subdere praeoptabat. cuius exercitus quingentorum milium esse numero ferebatur, vir in concussibne gentium natus in mundo, terrarum omnium metus, qui, nescio qua sorte, terrebat cuncta formidabili de se opinione vulgata, erat namque superbus incessu, huc atque illuc circumferens oculos, ut elati potentia ipso quoque motu corporis appareret; bellorum quidem amator, sed ipse manu temperans, consilio validissimus, supplicantium exorabilis, propitius autem in fide semel susceptis; forma brevis, lato {183} pectore, capite grandiore, minutis oculis, rarus barba, canis aspersus, semo nasu, teter colore, origenis suae signa restituens, qui quamvis huius esset naturae, ut semper magna confideret, addebat ei tamen confidentia gladius Martis inventus, sacer apud Scytharum reges semper habitus, quem Priscus istoricus tali refert occasione detectum. cum pastor, inquiens, quidam gregis unam boculam conspiceret claudicantem nec causam tanti vulneris inveniret, sollicitus vestigia cruoris insequitur tandemque venit ad gladium, quem depascens herbas incauta calcaverat, effossumque protinus ad Attilam defert. quo ille munere gratulatus, ut erat magnanimis, arbitratur se mundi totius principem constitutum et per Martis gladium potestatem sibi concessam esse bellorum.

{184} Huius ergo mentem ad vastationem orbis paratam comperiens Gyzericus, rex Vandaiorum, quem paulo ante memoravimus, multis muneribus ad Vesegotharum bella precipitat, metuens, ne Theodoridus Vesegotharum rex filiae suae ulcisceretur iniuriam, quae Hunerico Gyzerici filio iuncta prius quidem tanto coniugio laetaretur, sed postea, ut erat ille et in sua pignora truculentus, ob suspicionem tantummodo veneni ab ea parati, naribus abscisam truncatamque auribus, spolians decore naturali, patri suo ad Gallias remiserat, ut turpe funus miseranda semper offerret et crudelitas, {185} qua etiam moverentur externi, vindictam patris efficacius impetraret. Attila igitur dudum bella concepta Gyzerici redemptione parturiens, legatos in Italia ad Valentinianum principem misit, serens Gothorum Romanorumque discordia, ut, quos proelio non poterat concutere, odiis internis elideret, asserens, se rei publicae eius amicitias in nullo violare, sed contra Theoderidum Vesegotharum regem sibi esse certamen. unde cum excipi libenter optaret, citera epistula usitatis salutationum blandimentis oppleverat, {186} studens fidem adhibere mendacio, pari etiam modo ad regem Vesegotharum Theoderidum dirigit scripta, hortans, ut a Romanorum societate discederet recoleretque proelia, quae paulo ante contra eum fuerant

concitata, sub nimia feritate homo subtilis ante quam bella gereret arte pugnabat, tunc Valentinianus imperator {187} ad Vesegothas eorumque regem Theoderidum in his verbis legationem direxit: «prudentiae vestrae est, fortissimi gentium, adversus orbis conspirare tyrannum, qui optat mundi generale habere servitium, qui causas proelii non requirit, sed, quidquid commiserit, hoc putat esse legitimum, ambitum suum brachio metitur, superbiam licentia satiat; qui ius fasque contemnens, {188} hostem se exhibet et naturae. cunctorum etenim meretur hic odium, qui in commune omnium se adprobat inimicum. recordamini, quaeso, quod certe non potest oblivisci, ab Hunnis non per bella, ubi communis casus est, fusum, sed, quod graviter anget, insidiis appetitum, ut de nobis taceamus, potestis hanc inulti ferre superbiam? armorum potentes favete propriis doloribus et communes iungite manus. auxiliamini etiam rei publicae, cuius membrum tenetis, quam sit autem nobis expetenda vel amplexanda societas, {189} hostis interrogate consilia». his et similia legati Valentiniani regem permoverunt Theodoridum, quibus ille respondit: “habetis”, inquid, «Romani, desiderium vestrum; fecistis Attilam et nobis hostem, sequimur illum quocumque vocaverit, et quamvis infletur de diversis gentium victoriis, norunt tamen Gothi confligere cum superbis, nullum bellum dixerim grave, nisi quod causa debilitat, quando nil triste pavet, cui maiestas adriserit». adclamant {190} responso comites duci, laetus sequitur vulgus fit omnibus ambitus pugnae, hostes iam Hunni desiderantur, producitur itaque a rege Theodorido Vesegotharum innumerabilis multitudo; qui quattuor filios domi dimissos, id est Friderichum et Eurichum, Betemerim et Himnerith secum tantum Thorismud et Theodericum maiores natu participes laboris adsumit, felix procinctum, auxilium tutum, suave collegium habere solacia illorum, quibus delectat {191} ipsa etiam simul subire discrimina, a parte vero Romanorum tanta patricii Aetii providentia fuit, cui tunc innitebatur res publica Hesperiae plagae, ut undique bellatoribus congregatis adversus ferocem et infinitam multitudinem non impar occurreret. hi enim adfuerunt auxiliares: Franci, Sarmatae, Armoriciani, Liticiani, Burgundiones, Saxones, Ripari, Olibriones, quondam milites Romani, tunc vero iam in numero auxiliarium exquisiti, aliaeque {192} nonnulli Celticae vel Germanie nationes, convenitur itaque in campos Catalaunicos, qui et Mauriaci nominantur, centum leuvas, ut Galli vocant, in longum tenentes et septuaginta in latum, leuva autem Gallica una mille et quingentorum passuum quantitate metitur, fit ergo area innumerabilium populorum pars illa terrarum. conseruntur acies utraeque fortissimae: nihil subreptionibus agitur, {193} sed aperto Marte certatur, quae potest digna causa tantorum motibus invenire? aut quod odium in se cunctos animavit armari? probatum est humanum genus regibus vivere,

quando unius mentis insano impetu strages sit facta populorum et arbitrio superbi regis momento defecit quod tot saeculis natura progenuit.

{194} Sed antequam pugnae ipsius ordinem referamus, necessarium videtur edicere, quae in ipsis bellorum motibus acciderunt, quia sicut famosum proelium, ita multiplex atque perplexum, Sangibanus namque rex Alanorum metu futurorum perterritus Attilae se tradere pollicetur et Aurelianam civitatem Galliae, ubi tunc consistebat, {195} in eius iura transducere. quod ubi Theodoridus et Aetius agnoverunt, magnis aggeribus eandem urbem ante adventum Attilae struunt, suspectumque custodiunt Sangibanum et inter suos anxiliares medium statuunt cum propria gente, igitur Attila rex Hunnorum tali perculsus eventu diffidens suis copiis metuit {196} inire conflictum, inter que fugam revolvens ipso funere tristiorem, statuit per aruspices futura inquirere, qui more solito nunc pecorum fibras, nunc quasdam venas in abrasis ossibus intuentes Hunnis infausta denuntiant; hoc tamen quantulum praedixere solacii, quod summus hostium ductor de parte adversa occumberet relictamque victoriam sua morte triumphum foedaret, cumque Attila necem Aetii, quod eius motibus obviabat, vel cum sua perditione duceret expetendam, tali praesagio sollicitus, ut erat consiliorum in rebus bellicis exquisitor, circa nonam diei horam proelium sub trepidatione committit, ut, si secus cederet, nox imminens subveniret.

{197} Convenere partes, ut diximus, in campos Catalaunicos. erat autem positio loci declivi tumore in editum collis excrescens, quem uterque cupiens exercitus obtinere, quia loci oportunitas non parvum benificium confert, dextram partem Hunni cum suis, sinistram Romani et Vesegothae cum auxiliariis occuparunt, relictoque de cacumine eius iugo certamen ineunt dextrum itaque comum cum Vesegothis Theoderidus tenebat, sinistrum Aetius cum Romanis, conlocantes in medio Sanguibanum, quem superius rettulimus praefuisse Alanis, providentes cautioni militari, ut eum, de cuius animo minus praesumebant, fidelium turba concluderent {198}facile namque adsumit pugnandi necessitatem, cui fugiendi inponitur difficultas. e diverso vero fuit Hunnorum acies ordinata, ut in medio Attila cum suis fortissimis locaretur, sibi potius rex hac ordinatione prospiciens, quatenus inter gentis suae rubor positus ab imminenti periculo redderetur exceptus, cornua vero eius multiplices populi et diversae nationes, quos dicioni {199} suae subdiderat, ambiebant inter quos Ostrogotharum praeminebat exercitus Valamire et Theodemire et Videmere germanis ductantibus, ipso etiam rege, cui tunc serviebant, nobilioribus, quia Amalorum generis eos potentia inlustrabat; eratque et Gepidarum agmini innumerabili rex ille famosissimus Ardaricus, qui ob nimiam suam fidelitatem erga Attila eius consiliis intererat,

{200} nam perpendens Attila sagacitate sua, eum et Valamerem, Ostrogotharum regem, super ceteros regulos diligebat erat namque Valamir secreti tenax, blandus alloquio, dolis gnarus: Ardaricus fide et consilio, ut diximus, clarus, quibus non inmerito contra parentes Vesegothas debuit credere pugnaturis. reliqua autem, si dici fas est, turba regum diversarumque nationum ductores ac si satellites notibus Attilae attendebant, et ubi oculo annuisset, absque aliqua murmuratione cum timore et tremore unusquisque adstabat, aut certe, quod iussus fuerat exequebatur. {201} solus Attila rex omnium regum super omnes et pro omnibus sollicitus erat, fit ergo de loci, quem diximus oportunitate certamen. Attila suos diriget, qui cacumen montis invaderent. sed a Thorismundo et Aetio praevenitur, qui eluctati collis excelsa ut conscenderent, superiores effecti sunt, venientesque Hunnos montis benificio facile turbaverunt.

{202}Tunc Attila cum videret exercitum causa praecedente turbatum, tali eum ex tempore credidit alloquio confirmandum. «post victorias tantarum gentium, post orbem, si consistatis, edomitum, ineptum iudicaveram tamquam ignaros rei verbis acuere, {203} quaerat hoc aut novus ductor aut inexpertus exercitus, nec mihi fas est aliquid vulgare dicere, nec vobis oportet audire, quid autem aliud vos quam bellare consuetum? aut quid viro forti suavius, quam vindicta manu querere? magnum munus a natura {204} animos ultione satiare, adgrediamur igitur hostem alacres: audaciores sunt semper, qui inferut bellum. adunatas dispicite dissonas gentes: indicium pavoris est societate defendi, en ante impetum nostrum terroribus iam feruntur, excelsa quaerunt, tumulos capiunt et sera paenitudine in campos monitiones efflagitant. nota vobis sunt quam sint levia Romanorum arma: primo etiam non dico vulnere, sed ipso pulvere gravantur, dum in ordine {205} coeunt et acies testudineque conectunt. vos confligite perstantibus animis, ut soletis, despicientesque eorum aciem Alanos invadite, in Vesegothas incumbite. inde nobis cita victoria quaerere, unde se continet bellum. abscisa autem nervis mox membra relabuntur; nec potest stare corpus, cui ossa subtraxeris. consurgant animi, furor solitus intumescat. nunc consilia, Hunni, nunc arma depromite: aut vulneratus quis adversarii {206} mortem reposcat aut inlaesus hostium clade satietur, victuros nulla tela conveniunt, morituros et in otio fata praecipitant. postremo cur fortuna Hunnos tot gentium victores adseret, nisi ad certaminis huius gaudia praeparasset? quis denique Meotidarum iter maiores nostros aperuit tot saeculis clausum secretum? quis adhuc inermibus cedere faciebat armatos? faciem Hunnorum non poterat ferre adunata collectio. non fallor eventu: hic campus est, quem nobis tot prospera promiserunt. primus in hoste tela coiciam. si quis potuerit Attila pugnante otio ferre, sepultus est». his verbis accensi, in pugna cuncti

praecipitantur.

{207} Et quamvis haberent res ipse formidinem, praesentia tamen regis cunctatione merentibus auferebat manu manibus congrediuntur; bellum atrox multiplex immane pertinax, cui simile nulla usquam narrat antiquitas, ubi talia gesta referantur, ut nihil esset, quod in vita sua conspicere potuisset egregius, qui huius {208} miraculi privaretur aspectu. nam si senioribus credere fas est, rivulus memorati campi humili ripa praelabens, peremptorum vulneribus sanguine multo provectus est, non auctus imbribus, ut solebat, sed liquore concitatus insolito torrens factus est cruoris augmento. et quos illic coegit in aridam sitim vulnus inflictum, fluenta mixta clade traxerunt: ita constricti sorte miserabili sorvebant putantes sanguinem quem fuderant sauciati. hic Theodoridus {209} rex dum adhortans discurrit exercitum, equo depulsus pedibusque suorum conculcatus vitam maturae senectatis conclusit. alii vero dicunt eum interfectum telo Andagis de parte Ostrogotharum, qui tunc Attilanis sequebautur regimen, hoc fuit, quod Attilae praesagio aruspices prius dixerant, quamvis ille de Aetio {210} suspicaret. tunc Vesegothae dividentes se ab Alanis invadunt Hunnorum caterva et pene Attilam trucidarent, nisi providus prius fugisset et se suosque ilico intra septa castrorum, quam plaustris vallatum habebat, reclusisset; quamvis fragili munimine, eo tamen {211} quaesierunt subsidium vitae, quibus paulo ante nullus poterat muralis agger obsistere. Thorismud autem regis Theodoridi filius, qui cum Aetio collem anticipans hostes de superiore loco proturbaverat, credens se ad agmina propria pervenire, nocte caeca ad hostium carpenta ignarus incurrit. quem fortiter demicante quidam capite vulnerato equo deiecit, suorumque providentia liberatus {212} a proeliandi intentione desivit. Aetius vero similiter noctis confusione divisus cum inter hostes medius vagaretur, trepidus, ne quid incidisset adversi Gothos, inquiret, tandemque ad socia castra perveniens, relicuum noctis acutorum defensione transegit. postera die luce orta cum tumulatos cadaveribus campos aspicerent nec audere Hunnos erumpere, suam arbitrantes victoriam scientesque Attilam non nisi magna clade confossum bella confugere, cum tamen nil ageret vel prostratus abiectum, sed strepens armis, tubis canebat incursionemque minabatur, velut leo venabulis praessus speluncae aditus obambulans nec audet insurgere nec desinet fremetibus vicina terrere: sic bellicosissimus rex {213} victores suos turbabat inclusus. conveniunt itaque Gothi Romanique et quid agerent is de superato Attila, deliberant. placet eum obsidione fatigari, quia annonae copiam non habebat, quando ab ipsorum sagittariis intra septa castrorum locatis crebris ictibus arceretur accessus. fertur autem desperatis rebus praedictum regem adhuc et suppraemo magnanimem equinis sellis construxisse pyram seseque, si adversarii inrumperent, flammis inicere

voluisse, ne aut aliquis eius vulnere laetaretur aut in potestate hostium tantarum gentium dominus perveniret.

{214} Verum inter has obsidionum moras Vesegothae regem, fili patrem requirunt, admirantes eius absentiam, dum felicitas fuerit subsecuta, cumque diutius exploratum, ut viris fortibus mos est, inter densissima cadavera repperissent, cantibus honoratum inimicis spectantibus abstulerunt, videres Gothorum globos dissonis vocibus confragosos adhuc inter bella furentia funeri reddidisse culturam. fundebantur lacrimae, sed quae viris fortibus inpendi solent. nam mors erat, sed Hunno teste gloriosa, unde hostium putaretur inclinatam fore superbiam, quando tanti regis efferri {215} cadaver cum suis insignibus conspiciebant. at Gothi Theodorito adhuc iusta solventes rmis insonantibus regiam deferunt maiestatem fortissimusque Thorismud bene gloriosos manes carissimi patris, ut decebat filium, patris exequias prosecutas. quod postquam peractum est, orbitatis dolore commotus et virtntis impetu, qua valebat, dum in reliquis Hunnorum mortem patris vindicare contendit, Aetium patricium ac si seniorem prudentiaeque maturum de hac parte consuluit; quid sibi esset in tempore faciendum, {216} ille vero metuens, ne Hunnis funditus interemptis a Gothis Romanum praemeretur imperium, praebet hac suasione consilium, ut ad sedes proprias remearet regnumque, quod pater reliquerat, arriperet, ne germani eius opibus adsumptis paternis Vesegotharum regno pervaderent graviterque dehinc cum suis et, quod peius est, miseriterque pugnaret quod responsum non ambiguae, ut datum est, sed pro sua potius utilitate susceptum relictis Hunnis {217} redit ad Gallias. sic humana fragilitas dum suspicionibus occurrit. magna plerumque agenda rerum occasione intercepit. in hoc etenim famosissimo et fortissimarum gentium bello ab utrisque partibus CLXV milia caesa referuntur, exceptis quindecim milibus Gepidarum et Francorum, qui ante congressionem publicam noctu sibi occurrentes mutuis concidere vulneribus, Francis pro Romanorum, Gepidas pro Hunnorum parte pugnantibus.

{218} Attila igitur cognita discessione Gothorum, quod de inopinatis collegi solet, inimicorum magis aestimans dolum diutius se intra castra continuit, sed ubi hostium absentia sunt longa silentia consecuta, erigitur mens ad victoriam, gaudia praesumuntur atque potentis regis animus in antiqua fata revertitur, Thorismud ergo, patre mortuo in campis statim Catalaunicis, ubi et pugnaverat, regia maiestate subvectus Tolosam ingreditur. hic licet fratrum et fortium turba gauderet, ipse tamen sic sua initia moderatus est, ut nullius repperiret de regni sucessione certamen.

{219} Attila vero nancta occasione de secessu Vesegotharum, et, quod saepe optaverat, cernens hostium solutione per partes, mox iam

securas ad oppressionem Romanorum movit procinctum, primaque adgressione Aquileiensem obsidet civitatem, quae est metropolis Venetiarum, in mucrone vel lingua Atriatici posita sinus, {220} cuius ab oriente murus Natissa amnis fluens a monte Piccis elambit. ibique cum diu multumque obsidens nihil paenitus praevaleret, fortissimis intrinsecus Romanorum militibus resistentibus, exercitu iam murmurante et discedere cupiente; Attila deambulans circa muros, dum, utrum solveret castra an adhuc remoraretur, deliberat, animadvertit candidas aves, id est ciconias, qui in fastigia domorum nidificant, de civitate foetos suos trahere atque {221} contra morem per rura forinsecus conportare, et ut erat sagacissimus inquisitor, presensit et ad suos: «respicite», inquid, «aves futurarum rerum providas perituram relinquere civitatem casurasque arces periculo imminente deserere. non hoc vacuum, non hoc credatur incertum; rebus presciis consuetudinem mutat ventura is formido». quid plura? animos suorum rursus ad oppugnandam Aquileiam inflammat. qui machinis constructis omniaque genera tormentorum adhibita, nec mora et invadunt civitatem, {222} spoliant, dividunt vastantque crudeliter, ita ut vix eius vestigia ut appareat reliquerunt. exhinc iam audaciores et necdum Romanorum sanguine satiati per reliquas Venetum civitates Hunni bacchantur, Mediolanum quoque Liguriae metropolim et quondam regiam urbem pari tenore devastant nec non et Ticinum aequali sorte deiciunt vicinaque loca saevientes allidunt demoliuntque pene totam Italiam, cumque ad Romam animus fuisset eius adtentus accedere, sui eum, ut Priscus istoricus refert, removerunt, non urbi, cui inimici erant, consulentes, sed Alarici quondam Vesegotharum regis obicientes exemplo, veriti regis sui fortunam, quia {223} ille post fractam Romam non diu supervixerit, sed protinus rebus humanis excessit. igitur dum eius animus ancipiti negotio inter ire et non ire fluctuaret secumque deliberans tardaret, placida ei legatio a Roma advenit. nam Leo papa per se ad eum accedens in agro Venetum Ambuleio, ubi Mincius amnis commeantium frequentatione transitur. qui mox deposuit exercitata furore et rediens, quo venerat, iter ultra Danubium promissa pace discessit, illud pre omnibus denuntians atque interminando decernens, graviora se in Italia inlaturum, nisi ad se Honoriam Valentiniani {224} principis germanam, filiam Placidiae Augustae, cum portione sibi regalium opum debita mitterent. ferebatur enim, quia haec Honoria, dum propter aulae decus ad castitatem teneretur nutu fratris inclusa, clam eunucho misso Attilam invitasse, ut contra fratris potentiam eius patrociniis uteretur: prorsus indignum facinus, ut licentiam libidinis malo publico conpararet.

{225} Reversus itaque Attila in sedes suas et quasi otii penitens graviterque ferens a bello cessare, ad Orientis principem Marcianum

legatos dirigit provinciarum testans vastationem, quod sibi promissum a Theodosio quondam imperatore minime persolveretur, et inhumanior solito suis hostibus appareret haec tamen agens, ut erat versutus et callidus, alibi minatus alibi arma sua {226} commovit, et, quod restabat indignationi, faciem in Vesegothas convertit. sed non eum, quem de Romanis, reportavit eventum. nam per dissimiles anteriores vias recurrens, Alanorum partem trans flumen Ligeris considentem statuit suae redigere dicioni, quatenus mutata per ipsos belli facie terribilior immineret. igitur ab Dacia et Pannonia provinciis, in quibus tunc Hunni cum diversis subditis nationibus insidebant, egrediens Attila in Alanos {227} movit procinctum. sed Thorismud rex Vesegotharum, fraudem Attilae non inpari subtilitate presentiens. ad AIanos tota velocitate prius advenit, ibique supervenientis Atillae iam motibus preparatus occurrit, consertoque proelio pene simili eum tenore, ut prius in campos Catalaunicos, ab spe removit victoriae fugatuinque a partibus suis sine triumpho remittens in sedes proprias fugire compulit. sic Attila famosus et multarum victoriarum dominus dum quaerit famam perditoris abicere et quod prius a {228} Vesegothis pertulerat abolere, geminata sustenuit ingloriosusque recessit, Thorismud vero repulsis ab AIanis Hunnorum catervis sine aliqua suorum lesione Tolosa migravit suorumque quieta pace conposita tertio anno regni sui egrotans, dum sanguinem tollit de vena, ab Ascalc suo clienti inimico nuntiante arma subtracta peremptus est una tamen manu, quam liberam habebat, scabillum tenens sanguinis sui extitit ultor, aliquantos insidiantes sibi extinguens.

{229} Post cuius decessum Theoderidus germanus eius Vesaegotharum in regno succedens, id mox Riciarium Suavorum regem cognatum suum repperit inimicum. hic etenim Riciarius affinitate Theoderidi presumens, universam pene Spaniam sibi credidit occupandam, iudicans oportunum tempus subreptionis incomposita {230} initia temptare regnantis. quibus antea Gallicia et Lysitania sedes fuere, quae in dextro latere Spaniae per ripani Oceani porriguntur, habentes ab oriente Austrogonia, ab occidente in promuntorio sacrum Scipionis Romani ducis monumentum, a septentrione Oceanum, a meridie Lysitaniam et fluvium Tagum, qui harenis suis permiscens auri metalla trahit cum limi vilitate divitias. exinde ergo exiens Riciarius rex Suavorum nititur totas Spanias occupare. {231} cui Theodoridus cognatus suus, ut erat moderatus, legatos mittens, pacifice dixit, ut non solum recederet a finibus alienis, verum etiam nec temptare presumeret, odium sibi tali ambitione adquirens. ille vero animo pretumido ait: “si hic murmuras et me venire causaris, Tolosam, ubi tu sedes, veniam; ibi, si vales, resiste”, his auditis aegre tulit Theodoridus compacatasque cum citeris

gentibus arma movit in Suavos, Burgundzonum quoque Gnudiuchum et Hilpericum reges auxiliarios habens sibique devotos. {232} ventum est ad certamen iuxta flumen Vlbium, qui inter Asturicam Hiberiamque pretermeat, consertoque proelio Theoderidas cum Vesegothis, qui ex iusta parte pugnabat, victor efficitur, Suavorum gente pene cuncta usque ad internicione prosternens. quorum rex Riciarius relicta infesta hoste fugiens in nave conscendit adversaque procella Tyrreni hoste {233} repercussus Vesegotharum est manibus redditus. miserabilis non differt mortem, cum elementa mutaverit. Theoderidus vero victor existens subactis pepercit nec ultra certamine saevire permisit, preponens Suavis, quos subegerat, clientem proprium nomine Agrivulfum. qui in brevi animu praevaricatione Suavorum suasionibus commutans neglexit imperata conplere, potius tyrranica elatione superbiens credenaque se ea virtute provinciam obtinere, qua dudum cum domino suo ea subigisset. vir si quidem erat Varnorum stirpe genitus, longe a Gothici sanguinis nobilitate seiunctus, idcirco nec libertatem studens nec patrono fidem reservans. {234} quo conperto Theodoridus mox contra eum, qui eum de regno pervaso deicerent, destinavit, qui venientes sine mora in primo eum certamine superantes congruam factorum eius ab eo exigerunt ultionem, captus namque et suorum solacio destitutus capite plectitur, sensitque tandem iratum, qui propitium dominum crediderat contemnendum. tunc Suavi rectoris sui interitum contuentes locorum sacerdotes ad Theoderidum supplices direxerunt. quos ille pontificali reverentia suscipiens non solum inpunitatem Suavorum indulsit, sed ut sibi de suo genere principem constituerent, flexus pietate concessit. quod et factum est, et Rimismundum sibi Suavi regulum ordmaverunt. his peractis paceque cuncta munitis, tertio decimo regni sui anno Theoderidus occubuit.

{235} Cui frater Eurichus praecupida festinatione succedens sceva suspicione pulsatas est nam dum haec circa Vesegotharum gente et alia nonnulla geruntur, Valentinianus imperator dolo Maximi occisus est et ipse Maximus tyrrannico more regnum iuvasit quod audiens Gyzericus rex Vandalorum ab Africa armata classe in Italiam venit Romaeque ingressus cuncta devastat Maximus {236} vero fugiens a quodam Vrso, milite Romano, interemptus est. post quem iussu Marciani imperatoris Orientalis Maiurianus Occidentale suscepit imperium gubernandum. sed et ipse non diu regnans, dum contra Alanos, qui Gallias infestabant, movisset procinctum, Dertona iuxta fluvium Hyra cognomento occiditur, cuius locum Severus invasit, qui tertio anno imperii sui Romae obiit. quod cernens Leo imperator, qui in Orientali regno Marciano successerat, Anthemium patricium suum ordinans Romae principem distinavit. qui veniens ilico Recimerem generum suum contra Alanos direxit, virum egregium et pene tunc in

Italia ad exercitum singularem. qui et multitudine Alanorum et regem {237} eorum Beorgum in primo statim certamine superatos internicioni prostravit. Euricus ergo, Vesegotharum rex, crebram mutationem Romanorum principum cernens Gallias suo iure nisus est occupare, quod conperiens Anthemius imperator Brittonum solacia postulavit. quorum rex Riotimus cum duodecim milia veniens in {238} Beturigas civitate Oceano e navibus egresso susceptus est. ad quos rex Vesegotharum Eurichus innumerum ductans advenit exercitum diuque pugnans Riudmum Brittonum rege, antequam Romani in eius societate coiungerentur, effugavit. qui amplam partem exercitus amissam cum quibus potuit fugiens ad Burgundzonum gentem vicinam Romanisque in eo tempore foederatam advenit. Eurichus vero rex Vesegotharum Arevemam Galliae civitatem {239} occupavit Anthemio principe iam defuncto: qui cum Ricemere genero ano intestino bello saeviens Romam trivisset, ipseque a genero peremptus regnum reliquid Olybrio. quo tempore in Constantinopolim Aspar primus patriciorum et Gothorum genere clarus cum Ardabure et Patriciolo filiis, illo quidem olim patricio, hoc autem Caesare generoque Leonis principis appellato, spadonum ensibus in palatio vulneratus interiit. et necdum Olybrio octavo mense in regno ingresso obeunte Glycerius apud Ravennam plus presumptione quam electione Caesar effectus. quem anno vix expleto Nepus Marcellini quondam patricii sororis filius {240} a regno deiciens in Porto Romano episcopum ordinavit. tantas varietates mutationesque Eurichus cernens, ut diximus superius, Arevernam occupans civitatem, ubi tunc Romanorum dux praeerat Ecdicius nobilissimus senator et dudum Aviti imperatoris, qui ad paucos dies regnum invaserat, filius (nam hic ante Olybrium paucos dies tenens imperium ultro secessit Placentia, ibique episcopus est ordinatus). huius ergo filius Ecdicius, diu certans cum Vesegothis nec valens antestare, relicta patria maximeque {241} urbem Arevernate hosti, ad tutiora se loca collegit. quod audiens Nepus imperator praecepit Ecdicium relictia Galliis ad se venire loco eius Orestem mag. mil. Ordinatum. qui Orestes suscepto exercitu et contra hostes egrediens a Roma Ravenna pervenit ibique remoratus Augustulum filium saum imperatorem effecit. quo conperto Nepus fugit Dalmatias ibique defecit privatus a regno, ubi iam Glycerius dudum imperator episcopatum Salonitanum habebat.

{242} Augustulo vero a patre Oreste in Ravenna imperatore ordinato non multum post Odoacer Torcilingorum rex habens secum Sciros, Herulos diversarumque gentium auxiliarios Italiam occupavit et Orestem interfectum Augustulum filium eius de regno {243} pulsum in Lucullano Campaniae castello exilii poena damnavit. sic quoque Hesperium Romanae gentis imperium, quod septingentesimo nono urbis conditae anno primus Angustorum Octavianus Augustus

tenere coepit, cum hoc Augustulo periit anno decessorum prodecessorumue regni quingentesimo vicesimo secundo, Gothorum dehinc regibus Romam Italiamque tenentibus. interea Odoacer rex gentium omnem Italiam subiugatam, ut terrorem suum Romanis iuiceret. mox initio regni sui Bracilam comitem apud Ravennam occidit regnoque suo confortato pene per tredecem annos usque ad Theodorici praesentiam. de quo in subsequentibus dicturi sumus, obtenuit.

{244} Interim tamen ad eum ordinem, unde digressi sumus, redeamus, et quomodo Euricus rex Vesegotharum Romani regni vacillationem cernens Arelatum et Massiliam propriae subdidit dicioni, Gyzericus etenim Vandalorum rex suis eum muneribus ad ad ista committenda inlicuit, quatenus ipse Leonis vel Zenonis insidias, quas contra eum direxerant, praecaveret, egitque, ut Orientalem imperium Ostrogothas, Hesperium Vesegothae vastarent, ut in utramque rem publicam hostibus decementibus ipse in Africa quietus regnaret, quod Eurichus grato suscipiens animo, totas Spanias Galliasque sibi iam iure proprio tenens, simul quoque et Burgunzones subegit Arelatoque degens nono decimo {245} anno regni sui vita privatus est. huic successit proprius filius Alarichus, qui nonus in numero ab illo Alarico magno regnum adeptus est Vesegotharum. nam pari tenore, ut de Augustis superius diximus, et in Alaricis provenisse cognoscitur, et in eos saepe regna deficiunt, a quorum nominibus inchoarunt, quod nos interim praetermisso sic ut promisimus omnem Gothorum texamus originem.

{246} Et quia, dum utrique gentes, tam Ostrogothae quam etiam Vesegothae, in uno essent, ut valui, maiorum sequens dicta revolvi divisosque Vesegothas ab Ostrogothis ad liquidum sum prosecutus, necesse nobis est iterum ad antiquas eorum Scythicas sedes redire et Ostrogotharum genealogia actusque pari tenore exponere. quos constat morte Hermanarici regis sui, decessione a Vesegothis divisos, Hunnorum subditos dicioni, in eadem patria remorasse, Vinithario tamen Amalo principatus sui insignia retinente, {247} qui avi Vultulfi virtute imitatus, quamvis Hermanarici felicitate inferior, tamen aegre ferens Hunnorum imperio subiacere, paululum se subtrahens ab illis suaque dum nititur ostendere virtute, in Antorum fines movit procinctum, eosque dum adgreditur prima congressione superatus, deinde fortiter egit regemque eorum Boz nomine cum filiis suis et LXX primatibus in exemplum terroris adfixit, ut dediticiis metum cadavera pendentium {248} geminarent. sed dum tali libertate vix anni spatio imperasset, non est passus Balamber, rex Hunnorum, sed ascito ad se Gesimundo, Hunnimundi magni filio, qui iuramenti sui et fidei memor cum ampla parte Gothorum Hunnorum imperio subiacebat, renovatoque cum eo foedere super Vinitharium duxit exercitum:

diuque certati primo et secundo certamine Vinitharius vincit. nec valet aliquis commemoraret quanta strage de Hunnorum {249} Venetharius fecit exercitu. tertio vero proelio subreptionis auxilio ad fluvium nomine Erac, dum utrique ad se venissent, Balamber sagitta missa caput Venetharii saucians interemit neptemque eius Vadamercam sibi in coniugio copulans iam omnem in pace Gothorum populum subactum possedit ita tamen, ut {250} genti Gothorum semperum proprius regulus, quamvis Hunnorum consilio, imperaret. et mox defuncto Venethario rexit eos Hunimundus, filius quondam regis potentissimi Hermanarici, acer in bello totoque corpore pulchritudine pollens, qui post haec contra Suavorum gente feliciter dimicavit. eoque defuncto successit Thorismud filius eius flore iuventutis ornatus, qui secundo principatus {251} sui anno contra Gepidas movit exercitum magnaque de illis potitus victoria casu equi dicitur interemptus. quo defuncto sic eum luxerunt Ostrogothae, ut quadraginta per annos in eius locum rex alius non succederet, quatenus et illius memoriae semperum haberent in ore et tempus accederet, quo Valamer habitum repararet virilem, qui erat ex consubrino eius genitus Vandalario; quia filius eius, ut superius diximus, Beremud iam contempta Ostrogotharum gente propter Hunnorum dominio ad partes Hesperias Vesegotharum fuisset gente secutus, de quo et ortus est Vetericus. Veterici quoque filius natus est Euthericus, qui iunctus Amalasuenthae filiae Theodorici, item Amalorum stirpe iam divisa coniunxit et genuit Athalaricum et Mathesuentam. sed quia Athalaricus in annis puerilibus defunctus est, Mathesuenta Constantinopolim allata de secundo viro, id est Gemano fratruele Iustiniani imperatoris, genuit postumum filium, quem nominavit Germanum.

{252} Sed nobis, ut ordo, quem coepimus, decurrat, ad Vandalarii sobulem, quae trino flore pululabat redeundum est hic enim Vandalarius, fratruelis Hermanarici et supra scripti Thorismudi consubrinus, tribus editis liberis in gente Amala gloriatus est, id est Valamir Thiudimir Vidimir. ex quibus per successione parentum {253} Valamir in regno conscendit adhuc Hunnis eos inter alias gentes generaliter optinentibus. eratque tunc in tribus his germanis contemplatio grata, quando mirabilis Thiudimer pro fratris Valamir militabat imperio, Valamir vero pro altero iubebat ornando, Vidimer servire fratribus aestimabat. sic eis mutua affectione se tuentibus nulli paenitus deerat regnum, quod utrique in sua pace tenebant. ita tamen, ut saepe dictum est, imperabant, ut ipsi Attilae Hunnorum regis imperio deservirent: quibus nec contra parentes Vesegothas licuisset recusare certamen, sed necessitas domini, etiam parricidium si iubet, implendum est nec aliter ab Hunnorum dominio divelli potuit gens aliqua Scythica, nisi optata cunctis nationibus in commune et Romanis

mors Attilae proveniret, quae tam fuit vilis, ut vita mirabilis.

{254} Qui, ut Priscus istoricus refert, exitus sui tempore puellam Ildico nomine decoram valde sibi in matrimonio post innumerabiles uxores, ut mos erat gentis illius, socians eiusque in nuptiis hilaritate nimia resolutus, vino somnoque gravatus resupinus iaceret, redundans sanguis, qui ei solite de naribus effluebat, dum consuetis meatibus impeditu, itinere ferali faucibus illapsus extinxit. ita glorioso per bella regi temulentia pudendos exitos dedit. sequenti vero luce cum magna pars diei fuisset exempta, ministri regii triste aliquid suspicantes post clamores maximos fores effringunt inveniuntque Attilae sine ullo vulnere necem sanguinis effusione peractam puellamque demisso vultu sub velamine {255} lacrimantem. tunc, ut gentis illius mos est, crinium parte truncata informes facies cavis turpavere vulneribus, ut proeliator eximius non femineis lamentationibus et lacrimis, sed sanguine lugeretur virile. de quo id accessit mirabile, ut Marciano principi Orientis de tam feroci hoste sollicito in somnis divinitas adsistens arcum Attilae in eadem nocte fractum ostenderet. quasi quod gens ipsa eo telo multum praesumat. hoc Priscus istoricus vera se dicit adtestatione probare. nam in tantum magnis imperiis Attila terribilis habitus est, ut eius mortem in locum muneris superna {256} regnantibus indicarent. cuius manes quibus a sua gente honoratae sunt, pauca de multis dicere non omittamus. in mediis si quidem campis et intra tenturia sirica cadavere conlocato spectaculum admirandum et sollemniter exhibetur. nam de tota gente Hunnorum lectissimi equites in eo loco, quo erat positus, {257} in modum circensium cursibus ambientes, facta eius cantu funereo tali ordine referebant. «praecipuus Hunnorum rex Attila, patre genitus Mundzuco, fortissimarum gentium dominus, qui inaudita ante se potentia solus Scythica et Germanica regna possedit nec non utraque Romani urbis imperia captis civitatibus terruit et, ne praedae reliqua subderentu, placatus praecibus annuum vectigal accepit: cumque haec omnia proventu felicitatis egerit, non vulnere hostium, non fraude suorum, sed gente incolume inter gaudia laetus sine sensu doloris occubuit quis ergo hunc {258} exitum putet, quem nullus aestimat vindicandum?» postquam talibus lamentis est defletus, stravam super tumulum eius quam appellant ipsi ingenti commessatione concelebrant; et contraria invicem sibi copulantes luctu funereo mixto gaudio explicabant, noctuque secreto cadaver terra reconditum copercula primum auro, secundum argento, tertium ferri rigore communiunt, significantes tali argumento potentissimo regi omnia convenisse: ferrum, quod gentes edomuit, aurum et argentum, quod ornatum rei publicae utriusque acceperit. addunt arma hostium caedibus adquisita, faleras vario gemmarum fulgore praetiosas et diversi generis insignia, quibus colitur aulicum decus. et, ut tantis divitiis humana curiositas

arceretur, operi deputatos detestabili mercede trucidarunt, emersitque momentanea mors sepelientibus cum sepulto.

{259} Talibus peractis, ut solent animi iuvenum ambitu potentiae concitari, inter successores Attilae de regno orta contentio est, et dum inconsulti imperare cupiunt cuncti, omnes simul imperium perdiderunt. sic frequenter regna gravat copia quam inopia successorum. nam fili Attilae, quorum per licentiam libidinis pene populus fuit, gentes sibi dividi aequa sorte poscebant, ut ad instar familiae bellicosi reges cum populis mitterentur in sortem. {260} quod ut Gepidarum rex conperit Ardarichus, indignatus de tot gentibus velut vilissimorum mancipiorum condicione tractari, contra filios Attilae primus insurgit inlatumque serviendi pudore secuta felicitate detersit, nec solum suam gentem, sed et ceteras qui pariter praemebantur sua discessione absolvit, quia facile omnes adpetunt, quod pro cunctorum utilitate temptatur. in mutuum {261} igitur armantur exitium bellumque committitur in Pannonia iuxta flumen, cui nomen est Nedao. illic concursus factus est gentium variarum, quas Attila in sua tenuerat dicione. dividuntur regna cum populis, fiuntque ex uno corpore membra diversa, nec quae unius passioni conpaterentur, sed quae exciso capite in invicem insanirent; quae numquam contra se pares invenerant, nisi ipsi mutuis se vulneribus sauciantes se ipsos discerperent fortissimae nationes. nam ibi admirandum reor fuisse spectaculum, ubi cernere erat contis pugnantem Gothum, ense furentem Gepida, in vulnere suo Rugum tela frangentem, Suavum pede, Hunnum sagitta praesumere, Alanum gravi, Herulum levi armatura aciem strui. {262} post multos ergo gravesque conflictos favit Gepidis inopinata victoria. nam XXX fere milia tam Hunnorum quam aliarum gentium, quae Hunnis ferebant auxilium, Ardarici gladius conspiratioque peremit. in quo proelio filius Attilae maior natu nomine Ellac occiditiur, quem tantum parens super citeros amasse perhibebatur, ut eum cunctis diversisque liberis suis in regno preferret; sed non fuit vota patris fortuna consentiens. nam post multas hostium cedes sic viriliter eum constat peremptum, ut tam {263} gloriosum superstis pater optasset interitum. reliqui vero germani eius eo occiso fugantur iuxta litus Pontici maris, ubi prius Gothos sedisse descripsimus. cesserunt itaque Hunni, quibus cedere putabatur universitas. adeo discidium perniciosa res est, ut divisi corruerent, qui adunatis viribus territabant. haec causa Ardarici regis Gepidarum felix affuit diversis nationibus, qui Hunnorum regimini inviti famulabantur, eorumque diu maestissimos animos ad helaritatem libertatis votivam erexit; venientesque multi per legatos suos ad solum Romanum et a principe tunc Marciano gratissime suscepti distributas sedes, quas incolerent, acceperunt.

{264} Nam Gepidi Hunnorum sibi sedes viribus vindicantes totius

Daciae fines velut victores potiti nihil aliud a Romano imperio, nisi pacem et annua sollemnia, ut strenui viri, amica pactione postulaverunt. quod et libens tunc annuit imperator et usque nunc consuetum donum gens ipsa a Romano suscipit principe. Gothi vero cernentes Gepidas Hunnorum sedes sibi defendere Hunnorumque populum suis antiquis sedibus occupare, maluerunt a Romano regno terras petere quam cum discrimine suo invadere alienas, accipientesque Pannoniam; quae in longo porrecta planitiae habet ab oriente Moesiam superiorem, a meridie Dalmatiam, ab occasu Noricum, a septentrione Danubium, ornata patria civitatibus plurimis, quarum prima Syrmis, extrema Vindomina.

{265} Sauromatae vero quos Sarmatas dicimus et Cemandri et quidam ex Hunnis parte Illyrici ad Castramartenam urbem sedes sibi datas coluerunt ex quo genere fuit Blivila dux Pentapolitanus eiusque germanus Froila et nostri temporis Bessa patricius. Scyri vero et Sadagarii et certi Alanorum eum duce suo nomine {266} Candac Scythiam minorem inferioremque Moesiam acceperunt. cuius Candacis Alanoviiamuthis patris mei genitor Paria, id est meus avus, notarius; quousque Candac ipse viveret, fuit, eiusque germanae filio Gunthicis, qui et Baza dicebatur, mag. mil., filio Andages fili Andele de prosapia Amalorum descendente, ego item quamvis agramatus Iordannis ante conversionem meam notarius fui. Rugi vero aliaeque nationes nonnullae Bizzim et Arcadiopolim ut incolerent, petiverunt. Hernac quoque iunior Attilae filius cum suis in extrema minoris Scythiae sedes delegit. Emnetzur et Vltzindur consanguinei eius in Dacia ripense Vto et Hisco Almoque potiti sunt, multique Hunnorum passim proruentes tunc se in Romania dediderunt, e quibus nunc usque Sacromontisi et {267} Fossatisii dicuntur. erant si quidem et alii Gothi, qui dicuntur minores, populus inmensus, cum suo pontifice ipsoque primate Vulfila, qui eis dicitur et litteras instituisse. hodieque sunt in Moesia regionem incolentes Nicopolitanam ad pedes Emimonti gens multa, sed paupera et inbellis nihilque habundans nisi armenta diversi generis pecorum et pascua silvaque lignarum; parum tritici citerarumque specierum terras fecundas. vineas vero nec, si sunt alibi, certi eorum cognoscent ex vicina loca sibi vinum negotiantes; nam lacte aluntur plerique.

{268} Ergo, ut ad gentem, unde agimus, revertamur, id est Ostrogotharum, qui in Pannonia sub rege Valamir eiusque germani Thiudimer et Videmir morabantur, quamvis divisa loca, consilia tamen unita (nam Valamer inter Scamiungam et Aqua nigra fluvios, Thiudimer iuxta lacum Pelsois, Vidimer inter utrosque manebant), contigit ergo, ut Attilae fili contra Gothos quasi desertores dominationis suae, velut fugacia mancipia requirentes, venirent {269} ignarisque aliis fratribus super Valamer solum inruerent. quos tamen

ille quamvis cum paucis excepit diuque fatigatis ita prostravit, ut vix pars aliqua hostium remaneret quae in fuga versa eas partes Scythiae petere, quas Danabri amnis fluenta praetermeant, quam lingua sua Hunni Var appeIlant. eo namque tempore ad fratris Thiudimeri gaudii nuntium direxit, sed eo mox die nuntius veniens feliciorem in domo Thiudimer repperit gaudium. ipso si quidem die Theodoricus eius filius, quamvis de Erelieva concubina, bonae tamen spei puerolus natus erat post tempus {270} ergo non multum rex Valamir eiusque germani Thiudemir et Vidimiry consueta dum tardarent dona a principe Marciano, quae ad instar strenuae acciperent et pacis foedera custodirent, missa legatione ad imperatorem vident Theodericum Triarii filiuniy et hunc genere Gothico, alia tamen stirpe, non Amala procreatum, omnino florentem cum suis, Romanorumque amicitiis iunctum et {271} annua sollemnia consequentem, et se tantum despici. ilico furore commoti arma arripiunt et Illyricum pene totum discurrentes in praeda devastant. sed statim imperator animo mutato ad pristinam recurrit amicitiam missaque legatione tam praeterita cum instantibus munera tribuit quam etiam de futuro sine aliqua controversia tribuere compromittit, pacisque obsidem ab eis, quem supra rettulimus, Theodoricum, infantulum Thiudimeris accipit: qui iam septepi annorum incrementa conscendens octavum intraverat annum. quem dum pater cunctatur dare, patruus Valamir extitit supplicator tantuni, ut pax firma inter Romanos Gothosque maneret. datus igitur Theodoricus obses a Gothis duciturque ad urbem Constantinopolitanam Leoni principi, et, quia puerulos elegans eraty meruit gratiam imperialem habere.

{272} Postquam ergo firma pax Gothorum cum Romanis effecta est, videntes Gothi non sibi sufficere ea quae ab imperatore acciperent simulque solitam cupientes ostentare virtutem, coeperunt vicinas gentes circumcirca praedari, primum contra Sadagis, qui interiorem Pannoniam possidebant, arma moventes. quod ubi rex Hunnorum Dintzic filius Attilae cognovisset, collectis secum qui adhuc videbantur quamvis pauci eius tamen sub imperio remansisse Vitzinzures, Angisciros, Bittugures, Bardores, venientesque ad Basianam Pannoniae civitatem eamque circumvallans {273} fines eius coepit praedare. quod conperto Gothi ibi, ubi erant; expeditionemque solventes, quam contra Sadagis collegerant, in Hunnos convertunt et sic eos suis a finibus inglorios pepulerunt, ut iam ex illo tempore qui remanserunt Hunni et usque actenus Gothorum arma formident. quiescente vero tandem Hunnorum gente a Gothis Hunumundus Suavorum dux dum ad depraedandas Dalmatias transit, armenta Gothorum in campis errantia depraedavit, quia Dalmatia Suaviae vicina erat nec a Pannonios fines multum distabat, praesertim ubi tunc Gothi residebant. quid plurimum? {274} Hunimundus cum Suavis vastatis

Dalmatiis ad sua revertens, Thiudimer germanus Valameris regis Gothorum non tantum iacturam armentorum dolens quantum metuens, ne Suavi, si inpune hoc lucrarentur, ad maiorem licentiam prosilirent, sic vigilavit in eorum transitu, ut intempesta nocte dormientes invaderet ad lacum Pelsodis consertoque inopinato proelio ita eos oppressit, ut etiam ipsum regem Hunimundum captum omnem exercitum eius, qui gladio evadissent, Gothorum subderet servituti, et dum multum esset amator misericordiae, facta ultione veniam condonavit reconciliatusque cum Suavis eundem, quem {275} ceperat, adoptans sibi filium, remisit cum suis in Suavia. sed illE inmemor paternae gratiae post aliquod tempus conceptum dolum parturiens Scirorumque gente incitans, qui tunc super Danubium consedebant et cum Gothis pacifice morabantur, quatenas scissi ab eorum foedere secumque iuncti in arma prosilerent gentemque Gothorum invaderent. tunc Gothis nihil mali sperantibus, praesertim de utrisque amicis vicinis confisi, bellum exurgit ex inproviso coactique necessitate ad arma confugiunt solitoque {276} certamine arrepto se suaqfue iniuria ulciscuntur. in eo si quidem proelio rex eorum Valamir dum equo insidens ad cohortandos suos ante aciem curreret, proturbatus equus corruit sessoremque suum deiecit, qui mox inimicorum lanceis confossus interemptus est. Gothi vero tam regis sui mortem quam suam iniuriam a rebellionibus exigentes ita sunt proeliati, ut pene de gente Scirorum nisi qui nomen ipsud ferrent, et hi cum dedecore, non remansissent: sic omnes extincti sunt.

{277} Quorum exitio Suavorum reges Hunimundus et Halaricus vereti; in Gothos arma moverunt freti auxilio Sarmatarum, qui cum Beuca et Babai regibus suis auxiliarii ei advenissent, ipsasque Scirorum reliquias quasi ad ultionem suam acrius pugnaturos accersientes cum Edica et Hununlfo eorum primatibus habuerunt simul secum tam Gepidas quam ex gente Rugorum non parva solacia, ceterisque hinc inde collectis ingentem multitudinem {278} adgregantes ad amnem Bolia in Pannoniis castra metati sunt. Gothi tunc Valatnero defuncto ad fratrem eius Thiudimer confugerunt. qui quamvis dudum cum fratribus regnans, tamen auctioris potestatis insignia sumens; Vidimer fratre iuniore accito et cum ipso curas belli partitus, coactus ad arma prosilivit; consertoque proelio superior pars invenitur Gothorum, adeo ut campus inimicorum corruentium cruore madefactus ut rubrum pelagus appareret armaque et cadavera in modum collium tumulata campum {279} plus per decem milibus oppleverunt. quod Gothi cernentes, ineffabili exultatione laetantur, eo quod et regis sui Valameris sanguinem et suam iniuriam cum maxima inimicorum strage ulciscerentur. de vero innumeranda variaque multitudine hostium qui valuit evadere, perquaquam effugati vix ad sua inglorii pervenerunt.

{280} Post certum vero tempus instanti hiemali frigore amnemque Danubii solite congelato – nam istiusmodi fluvius ille congelascit, ut in silicis modum pedestrem vehat exercitum plaustraque et traculas vel quidquid vehiculi fuerity nec cumbarum indigeat lintres – sic ergo eum gelatum Thiodimer Gothorum rex cernens pedestrem ducit exercitum emensoque Danubio Suavis inprovisus a tergo apparuit. nam regio illa Suavorum ab oriente Baibaros habet, ab occidente Francos. a meridie Burgundzones, a septentrione Thuringos. {281} quibus Suavis tunc iuncti aderant etiam Alamanni ipsique Alpes erectos omnino regentes, unde nonnulla fluenta Danubium influunt nimio cum sonu vergentia. hic ergo taliterque munito loco rex Thiudimer hiemis tempore Gothorum ductavit exercitum, et tam Suavorum gente quam etiam Alamannorum, utrasque ad invicem foederatas, devicit, vastavit et pene subegit inde quoque victor ad proprias sedes, id est Pannonias revertens Theodoricum filium suum, quem Constantinopolim obsidem dederat, a Leone imperatore remissum cum magnis muneribus gratanter excepit. {282} qui Theodoricus iam aduliscentiae annos contingens expleta pueritia, decem et octo annos peragens, ascitis certis ex satellitibus patris et ex populo amatores sibi clientesque consocians, paene sex milia viros, cum quibus inconscio patre emenso Danubio super Babai Sarmaterum rege discurrit, qui tunc de Camundo duce Romanorum victoria potitus superbiae tumore regnabat, eoque superveniens Theodoricus interemit familiaque et censu depraedans ad genitorem suum cum victoria repedavit Singidunum dehinc civitatem, quam ipsi Sarmatae occupassent, invadens, non Romanis reddidit, sed suae subdedit dicioni.

{283} Minuentibus deinde hinc inde vicinarum gentium spoliis coepit et Gothis victus vestitusque deesse et hominibus, quibus dudum bella alimonia prestitissent, pax coepit esse contraria, omnesque cum magno clamore ad regem Thiudimer accedentes Gothi orant, quacumque parte vellit, tantum ductaret exercitum. qui accito germano missaque sorte hortatus est, ut ille in parte Italiae, ubi tunc Glycerius regnabat imperator, ipse vero sicut fortior ad fortiorem regnum accederet Orientalem: quod et factum est et mox {284} Vidimer Italiae terras intravit, extremum fati munus reddens rebus excessit humanis, successorem relinquens Vidimer filium suumque synonymum. quem GIycerius imperator muneribus datis de Italia ad Gallias transtulit, quae a diversis circumcirca gentibus praemebantur, asserens vicinos ibi Vesegothas eorum parentes regnare. quid multum? Vidimer acceptis muneribus simulque mandata a Glycerio imperatore Gallias tendit seseque cum parentibus Vesegothis iungens unum corpus efficiunt, ut dudum fuerant, et sic Gallias Spaniasque tenentes suo iuri defendunt, ut nullus ibi alius prevaleret.

{285} Thiudimer autem, frater senior, cum suis transit Saum amnem Sarmatis militibusque interminans bellum, si aliqui ei obstaret. quod illi verentes quiescunt, immo nec praevalent ad tantam multitudinem. videns Thiudimer undique sibi prospera provenire, Naissum primam urbem invadit Illyrici filioque suo Theodorico sociatis {286} Astat et Invilia comitibus per castro Herculis transmisit Vlpiana. qui venientes tam eam quam Stobis mox in deditione accipiunt nonullaque loca Illyrici inaccessibilia sibi primum tunc pervia feciunt. nam Eracleam et Larissam civitates Thessaliae primum praedas ereptas, dehinc ipsas iure bellico potiuntur. Thiudimer vero rex animadvertens felicitatem suam quam etiam filii nec his tantum contentus, egrediens Naisitanam urbem paucis ad custodiam derelictis ipse Thessalonicam petiit, in qua Helarianus {287} patricius a principe directus cum exercitu morabatur. qui dum videret vallo muniri Thessalonicam nec se eorum conatibus posse resistere, missa legatione ad Thiudimer regem muneribusque oblatis ab excidione eum urbis retorquet initoque foedere Romanus ductor cum Gothis loca eis iam sponte, quae incolerent, tradidit, {288} id est Cerru, Pellas, Europa, Mediana, Petina, Bereu et alia quae Sium vocatur. ubi Gothi cum rege suo armis depositis composita pace quiescunt. nec diu post haec et rex Thiudimer in civitate Cerras fatale egritudine occupatus vocatis Gothis Theodoricum filium regni sui designat heredem et ipse mox rebus humanis excessit.

{289} Theodorico vero gentis suae regem audiens ordinato imperator Zeno grate suscepit eique evocaturia destinata ad se in urbe venire precepit, dignoque suscipiens honore inter proceres sui palatii conlocavit et post aliquod tempus ad ampliandum honorem eius in arma sibi eum filium adoptavit de suisque stipendiis triumphum in urbe donavit, factusque consul ordinarius, quod summum bonum primumque in mundo decus edicitur; nec tantum {290} hoc, sed etiam et equestrem statuam ad famam tanti viri ante regiam palatii conlocavit. inter haec ergo Theodoricus Zenonis imperio foedere sociatus, dum ipse in urbe omnibus bonis frueretur gentemque suam in Illyrico, ut diximus, residentem non omnino idoneam aut refertam audiret, elegit potius solito more gentis suae labore querere victum quam ipse otiose frui regni Romani bona et gentem suam mediocriter victitare, secumque deliberans ad principem ait: «quamvis nihil deest nobis imperio vestro famulantibus, tamen, si dignum ducit pietas vestra, desiderium {291} mei cordis libenter exaudiat». cumque ei, ut solebat, familiariter facultas fuisset loquendi concessa: «Hesperia», inquid, «plaga, quae dudum decessorum prodecessorumque vestrorum regimine gubernata est, et urbs illa caput orbis et domina quare nunc sub regis Thorcilingorum Rogorumque tyrranide fluctuatur? dirige me cum gente mea, si praecepis, ut et hic expensarum pondere careas et

ibi, si adiutus a domino vicero, fama vestrae pietatis inradiet. expedit namque, ut ego, qui sum servus vester et filius, si vicero, vobis donantibus regnum illud possedeam: haut ille, quem non nostris, tyrranico iugo senatum vestrum partemque rei publicae captivitatis servitio premat. ego enim si vicero, vestro dono vestroque munere possedebo; si victus fuero, vestra pietas nihil amittit, immo, ut diximus, lucratur expensas». {292} quo audito quamvis egrae ferret imperator discessum eius, nolens tamen eum contristare annuit quae poscebat, magnisque ditatum muneribus dimisit a se, senatum populumque ei commendans Romanum. igitur egressus urbe regia Theodoricus et ad suos revertens omnem gentem Gothorum, qui tamen ei prebuerunt consensum, Hesperiam tendit rectoque itinere per Sirmis ascendit vicina {293} Pannoniae, indeque Venetiarum fines ingressus ad Pontem Sontii nuncupatum castra metatus est cumque ibi ad reficienda corpora hominum iumentorumque aliquanto tempore resedisset, Odoacer armatum contra eum direxit exercitum. quem ille ad campos Veronenses occurrens magno strage delevit castraque soluta finibus Italiae cum potiore audacia intrat, transactoque Pado amne ad Ravennam regiam urbem castra componit tertio fere miliario ab urbe locus, qui appellatur Pineta. quod cernens Odoacer intus se in urbe communit; indeque subreptive noctu frequenter cum {294} suis egrediens Gothorum exercitnm inquietat, et hoc non semel nec iterum, sed frequenter et pene molitur toto triennio. sed frustra laborat, quia cuncta Italia dominum iam dicebat Theodoricum et illius ad nutum res illa publica obsecundabat. tantum ille solus cum paucis satellitibus et Romanos, qui aderant, et fame et bello cotidie intra Ravennam laborabat. quod dum nihil proficeret, missa {295} legatione veniam supplicat. cui et primum concedens Theodoricus postmodum ab hac luce privavit tertioque, ut diximus, anno ingressus sui in Italia Zenonemque imp. consultu privatum abitum suaeque gentis vestitum seponens insigne regio amictu, quasi iam Gothorum Romanorumque regnator, adsumit missaque legatione {296} ad Lodoin Francorum regem filiam eius Audefledam sibi in matrimonio petit. quam ille grate libenterque concessit suosque filios Celdebertum et Heldebertum et Thiudebertum credens hac societate cum gente Gothorum inito foedere sociari. sed non adeo ad pacis concordiam profuit ista coniunctio, quia saepenumero propter Gallorum terras graviter inter se decertati sunt, numquamque Gothus Francis cessit, dum viveret Theodoricus.

{297} Antequam ergo de Audefledam subolem haberet, naturales ex concubina, quas genuisset adhuc in Moesia, filias, unam nomine Thindigoto et aliam Ostrogotho. quas mox in Italiam venit, regibus vicinis in coniugio copulavit, id est unam Alarico Vesegotharum et aliam Sigismundo Burgundzonorum. {298} de Alarico ergo natus est

Amalaricus. quem avus Theodoricus in annis puerilibus utroque parente orbato dum fovet atque tuetur, comperit Eutharicum Veterici filium Beretmodi et Thorismodi nepotem, Amalorum de stirpe descendentem, in Spania degi, iuvenili aetate prudentia et virtute corporisque integritate pollentem. ad se eum facit venire eique Amalasuentham filiam suam in matrimonio iungit. {299} et ut in plenum suam progeniem dilataret, Amalafridam germanam suam matrem Theodahadi, qui postea rex fuit Africa, regi Vandalorum coniuge dirigit Thrasamundo filiamque eius neptem suam Amalabergam Thuringorum regi consociat Hermmefredo. {300} Pitzamum quoque suum comitem et inter primos electum ad obtinendam Sirmiensem dirigit civitatem. quam ille expulso rege eius Trasarico, filio Trapstilae, retenta eius matre obtinuit inde contra Savinianum Illyricum mag. mil., qui tunc cum Mundone paraverat conflictum, ad civitatem cognomine Margo planum, quae inter Danubium Margumque fluminibus adiacebat, cum duobus milibus ergo peditum; equitibus quingentis in Mundonis solacia {301} veniens Illyricianum exercitum demolivit. nam hic Mundo de Attilanis quondam origine descendens Gepidarum gentem fugiens ultra Danubium in incultis locis sine ullis terrae cultoribus divagatus et plirisque abactoribus scamarisque et latronibus undecumque collectis turrem quae Herta dicitur super Danubii ripam positam occupans ibique agresti ritu praedasque innectens vicinis regem se suis grassatoribus fecerat hunc ergo pene desperatum et iam de traditione sua deliberantem Petza subveniens e manibus {302} Saviniani eripuit, suoque regi Theodorico cum gratiarum actione fecit subiectum. non minore tropeo de Francis per Ibbam, suum comitem, in Galliis adquisivit plus triginta milia Francorum in proelio caesa. nam et Thiudem suum armigerum post mortem Alarici generi tutorem in Spaniae regno Amalarici nepotis constituit. qui Amalaricus in ipsa aduliscentia Francorum fraudibus inretitus regnum cum vita amisit. post quem Thiudis tutor eodem regno ipse invadens, Francorum insidiosam calumniam de {303} Spaniis pepulit, et usque dum viveret, Vesegothas contenuit post quem Thiudigisglosa regnum adeptus, non diu regnans defecit occisus a suis. cui succedens hactenus Agil continet regnum. contra quem Atanagildus insurgens Romani regni concitat vires, ubi et Liberius patricius cum exercitu destinatur. nec fuit in parte occidua gens, quae Theodorico, dum adviveret, aut amicitia aut subiectione non deserviret.

{304} Sed postquam ad senium pervenisset et se in brevi ab hac luce egressurum cognusceret, convocans Gothos comites gentisque suae primates Athalaricum infantulum adhuc vix decennem, filium filiae suae Amalasuenthae, qui Eutharico patre orbatus erat, regem constituit, eisque in mandatis ac si testamentali voce denuntians, ut

regem colerent, senatum populumque Romanum amarent principemque {305} Orientalem placatum semper propitiumque haberent post deum. quod praeceptum quamdiu Athalaricus rex eiusque mater adviverent, in omnibus custodientes pene per octo annos in pace regnarunt: quamvis Francis de regno puerili desperantibus, immo in contemptu habentibus bellaque parare molientibus quod pater et avus Gallias occupasset, eis concessit cetera in pace et tranquillitate possessa. dum ergo ad spem iuventutis Athalaricus accederet, tam suam aduliscentiam quam matris viduitatem Orientis principi commendavit, sed in brevi infelicissimus inmatura morte praeventus, rebus humanis excessit {306} tum mater, ne pro sexus sui fragilitate a Gothis sperneretur; secum deliberans, Theodahadum consubrinum suum germanitatis gratia accersitum a Tuscia, ubi privatam vitam degens in laribus propriis erat, in regno locavit qui inmemor, consanguinitatis post aliquantum tempus a palatio Ravennate abstractam in insulam laci Bulsiniensis eam exilio religavit, ubi paucissimos dies in tristitia degens ab eius satellitibus in balneo strangulata est.

{307} Quod dum Iustinianus imperator Orientalis audisset et quasi susceptorum suorum morte ad suam iniuriam redundaret, sic est commotus. eodem namque tempore de Africa Vandalicum cum per fidelissimum suum patricium Belesarium. reportasset triumphum, nec mora in ipso tempore madentibus adhuc armis cruore {308} Vandalico contra Gothos per eundem ducem movit procinctum. qui dux providentissimus haud secus arbitratus Getarum subicere populum, nisi prius nutricem eorum occupasset Siciliam. quod et factum est Trinacriaque ingressus mox Gothi, qui Syracusanum oppidum insidebant, videntes se nihil praevalere cum suo duce Sinderith ultro se Belesario dediderunt, cumque ergo Romanus ductor Siciliam pervasisset, Theodahadus comperiens Evermud generum suum cum exercitu ad fretum, quod inter Campaniam Siciliamque interiacet et de Tyrreni maris sinu vastissimum Adriaticus {309} aestus evolvitur, custodiendum direxit ubi cum Evermud accessisset Regium oppidum, castra composuit nec mora deterioratam causam cernens suorum ad partes victoris paucis et fidelissimis famulis consciis movit, ultroque se Belesarii pedes advolvens Romani regni optat servire principibus. quod Gothorum exercitus sentiens suspectum Theodahadum clamitat regno pellendum et sibi ductorem suum Vitiges, qui armiger eius fuerat, in rege levandum. {310} quod et factum est; et mox in campos Barbaricos Vitiges in regno levatus Romam ingreditur praemissisque Ravenna fidelissimis sibi viris Theodahadi necem demandat qui venientes imperata sibi perficiunt et occiso Theodahado regem qui a rege missus adveniebat et adhuc in campos Barbaricos erat Vitigis populis nuntiat. {311} inter haec

Romanus exercitus emenso fireto Campaniam accedens, subversumque Neapolim Romae ingreditur; unde ante paucos dies rex Vitigis egressus, Ravenna profectus, Mathesuentam filiam Amalasuenthae Theodorici quondam regis neptem sibi in matrimonio sociarat. cumque his novis nuptiis delectatus aulam regiam fovit Ravenna, Roma egressus imperialis exercitus munita utriusque Tusciae loca invadit quod cernens per nuntios Vitiges, cum Hunila duce Gothorum manu armis conserta mittit Perusia. {312} ubi dum Magnum comitem cum parvo exercitu residentem obsessione longa evellere cupiunt, superveniente Romano exercitu ipsi evulsi et omnino extincti sunt quod audiens Vitiges ut leo furibundus omnem Gothorum exercitum congregat Ravennaque egressus Romanas urces obsidione longa fatigat sed frustrata eius audacia post quattuordecim menses ab {313} obsidione Romanae urbis aufugit et se ad Ariminensem oppressionem praeparat uncle pari tenore frustratus fugatusque Ravenna se recepit: ubi obsessus nec mora ultro se ad partes dedit victoris cum Mathesuentha iugale regiasque opes. et sic famosum regnum fortissimamque gentem diuque regnantem tandem pene duomillensimo et tricesimo anno victor gentium diversarum Iustinianus imperator per fidelissimum consulem vicit Belesarium, et perductum Vitiges Constantinopolim patricii honore donavit. ubi plus biennio demoratus imperatorisque in affectu coniunctus rebus {314} excessit humanis. Mathesuentham vero iugalem eius fratri suo Germano patricio coniunxit imperator. de quibus post humatum patris Germani natus est filius idem Germanus. in quo coniuncta Aniciorum genus cum Amala stirpe spem adhuc utriusque generi domino praestante promittit.

{315} Haec hucusque Getarum origo ac Amalorum nobilitas et virorum fortium facta. haec laudanda progenies laudabiliori principi cessit et fortiori duci manus dedit, cuius fama nullis saeculis nullisque silebitur aetatibus, sed victor ac triumphator Iustinianus {316} imperator et consul Belesarius Vandalici Africani Geticique dicentur. haec qui legis, scito me maiorum secutum scriptis ex eorum latissima prata paucos flores legisse, unde inquirenti pro captu ingenii mei coronam contexam. nec me quis in favorem gentis praedictae, quasi ex ipsa trahenti originem, aliqua addidisse credat quam quae legi et comperi, nec si tamen cuncta. quae de ipsis scribuntur aut referuntur, complexus sum, nec tantum ad eorum laudem quantum ad laudem eius qui vicit exponens.

notes

1

Некоторые рукописи обозначают его просто как «Historia Getarum» или «Historia Gothorum». Известно, что у писателей V в. (например, у Орозия: Oros., I, 16, 2), а также и VI в. (например, у Прокопия: Bell. Vand., I, 2, 2; Bell. Goth., I, 24, 30) геты и готы рассматривались как одно и то же племя.

2

В заглавии своего труда Иордан называет готов гетами, считая готов потомками племени гетов.

3

Вероятно, по первому тому издания Муратори изучал Иордана Ломоносов. Из отчетов, представленных им в Академию наук, видно, как шли его работы по собиранию материалов для «Древней Российской истории». В отчете за 1752 г. сообщается: «В истории: для собрания материалов в Российской истории читал Кранца, Претория, Муратория, Иорнанда, Прокопия, Павла Диакона, Зонара, Феофана Исповедника и Леона Грамматика, и иных» (М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 6, 1952, стр. 573). В тексте «Древней Российской истории» (гл. 2, 3, 5, 9) Ломоносов несколько раз упоминает об Иордане и иногда дает в переводе отрывки из его сочинений.

4

Список изданий «Romana» и «Getica» см., например, в справочнике Поттхаста (Aug. Potthast, Bibliotheca historica medii aevi, Berlin. 1896) под именем Iordanes.

Iordanis Romana et Getica, recensuit Theodorus Mommsen,– MGH. Auct. antiquiss., t. V, pars 1, Berlin, 1882.

6

Латинский текст дается по изданию Моммсена.

Некоторые рукописи обозначают его просто как «Historia Getarum» или «Historia Gothorum». Известно, что у писателей V в. (например, у Орозия: Oros., I, 16, 2), а также и VI в. (например, у Прокопия: Bell. Vand., I, 2, 2; Bell. Goth., I, 24, 30) геты и готы рассматривались как одно и то же племя.

8

Второе произведение Иордана, посвященное истории Рима, Моммсен кратко назвал «Romana». Нами употребляются условные названия «Romana» и «Getica», причем в русском тексте они не отражают множественного числа, имеют латинскую форму и не склоняются.

9

В данной фразе (Get., § 316) наречие quasi имеет, несомненно, значение «как», но не «как бы», «почти»; «quasi ex ipsa trahenti originem» выражает только такой смысл: «как ведущий происхождение от того [вышеназванного] племени», но не «как бы ведущий...», тем более не «почти ведущий...» Никакого колебания, никакой двусмысленности в этих простых словах нет. Моммсен отметил в указателе «Lexica et grammatica», что слово quasi может означать не только «tamquam», но и «utpote». Он, правда, не указал примера из § 316, где quasi употреблено именно в значении «utpote» либо «sicut», «velut», «ut».

Употребление Иорданом слова quasi в § 316 может быть приравнено к употреблению им того же слова в Get., § 88: «ad Eliogabalum quasi ad Antonini filium», или в Get., § 160: «quasi adunatam Gothis rem publicam». Ясно, что в этих двух примерах quasi не может иметь значения «как бы».

10

Так суммирует их мнения о происхождении Иордана И. Фридрих (см.: J. Friedrich, Über die kontroversen Fragen... Мнение Моммсена: «stammte Jordanes... von den Alanen», S. 379—380 и Ваттенбаха: «Jordanes ein Alane war...», S. 380).

11

L. Ranke, Weltgeschichte, 4. Teil, 2. Abt., S. 313.

12

Ed. Wölfflin, Zur Latinität des Jordanes, S. 363. – Об «agrammatus» см. ниже.

13

Во вступлении – Prooemium – к своему изданию трудов Иордана.

14

И. Фридрих (см.: J. Friedrich, Über die kontroversen Fragen..., S. 383) объяснил эту мнимую ошибку Прокопия тем, что Бесса хорошо знал готский язык: однажды по приказанию Велисария Бесса переговаривался по-готски с готами, засевшими в башне осажденного Неаполя (Bell. Goth., I, 10, 10—11). См. «Комментарий», прим. 653.

15

К этой точке зрения присоединился и И. Фридрих (см.: J. Friedrich, Über die kontroversen Fragen..., S. 382), говоря о расширении смысла названия «гот».

16

Моммсен убежден, что слово Alanoviiamuthis (§ 266) неделимо и является именем, отца Иордана; судя по этому имени, отец был, вероятно, аланом. Ср. «Комментарий», прим. 660, а также у И. Фридриха (S. 381) и у Ф. А. Брауна («Разыскания в области гото-славянских отношений», I, стр. 98, прим. 2).

17

«Итак, Иордан, выдавая себя за гота, никак не отрицает, что он алан» («Et ita Jordanes, cum Gothus se ferat, nequaquam Alanum se esse negat», – Prooem., p. VII).

Фр. Стеффенс указал на образец той же палеографии и того же времени, что и Лозаннский фрагмент. Это – рукопись, опубликованная в 1909 г. С. Брандтом (S. Brandt, Über ein Fragment des Justinus aus der Sammlung E. Fischer in Weinheim, – «Neue Heidelberger Jahrbücher», 1909, S. 109—114). Большое сходство существует между письмом Лозаннского фрагмента и Венским кодексом (Cod. Lat. 430), содержащим Малые Лоршские анналы, написанные в 815 г. Здесь видны все черты прекрасного, вполне выработанного островного минускула VIII—IX вв., практиковавшегося в скриптории монастыря Фульды (см.: «Monumenta palaeographica. Denkmäler der Schreibkunst des Mittelalters», hrsg. von A. Chroust, I. Serie, II. Bd. München, 1904, XI. Lieferung, Taf. 8a). Заметное сходство имеется также между письмом Лозаннского фрагмента и письмом Кёльнского кодекса начала IX в., содержащего одно из богословских сочинений Алкуина («Expositio in psalmum 118»); см.: «Schrifttafeln zur Erlernung der lateinischen Palaeographie», hrsg. von W. Arndt, 3. Aufl. von M. Tangi, II. Heft, Berlin, 1898, Taf. 39. Близко к письму Лозаннского фрагмента острое англосаксонское письмо кодекса, содержащего «Церковную историю» Беды и хранящегося в университетской библиотеке в Кэмбридже (Ms. Kk. V., 16). Кодекс датируется примерно 737 г. Формы букв сходны, но по общему начертанию шрифт Кэмбриджской рукописи несколько округлый, а шрифт Лозаннской рукописи более острый. Предполагается, что Кэмбриджская «Церковная история» Беды была написана в монастыре Эхтернах (в Люксембурге) (см.: Fr. Steffens, Lateinische Paläographie, Supplement, Trier, 1909. Taf. 14).

Ibid., p. VIII, IX, XII.

Ibid., p. X.

21

W. Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter..., 7. Aufl., Bd I, S. 81.

См.: Wattenbach – Levison.

23

Ibid., S. 76, Anm. 141. «Моммсен... несправедливо приписал ему аланское происхождение и предпочтение к аланам» («Mommsen... hat ihm mit Unrecht alanische Herkunft und eine Vorliebe für die Alanen zugeschrieben»).

Во введении к своей филологической работе о поздней латыни в трудах Иордана В. В. Смирнов ссылается на шаткие мнения относительно того, кем был Иордан: «...обычно Иордана считают аланом, сроднившимся с готской средой» (В. В. Смирнов, Готский историк Иордан, стр. 152). В специальном исследовании о Иордане профессор Палермского университета Франческо Джунта находит, что Иордан выразился уклончиво («espressione equivoca, ambiguita della frase»), сказав о своем происхождении из племени готов (§ 316). Поэтому вывод Джунты не вполне ясен: «crediamo che Jordanes sia stato effetivamente alano, ma il suo sentimento nazionalistico lo avra spinto a sentirsi goto» («Мы думаем, что Иордан был, действительно, аланом, но его [Иордана] национальное чувство заставило его ощущать себя готом»). Следовательно, по одному из последних высказанных в науке мнений, Иордан – алан с готским национальным чувством (см.: Fr. Giunta, Jordanes e lα cultura dell'alto Medioevo..., p. 155—156).

24

Так у И. Фридриха (J. Friedrich, Über die kontroversen Fragen..., S. 381) со ссылкой на Гринбергера (Th. Grienberger, Die Vorfahren des Jordanes, S. 406).

J. Friedrich, Über die kontroversen Fragen..., S. 381.

Ф. А. Браун, Разыскания в области гото-славянских отношений, I, стр. 98, прим. 2.

27

См.: J. Friedrich, Über die kontroversen Fragen..., S. 390—391 (о возможной идентичности имен Godidisclus – Godigisclus – Gunthigis).

28

См.: Get., § 265 и прим. 653.

29

Marcell. Comit., a. 536, 538; J. Friedrich, Über die kontroversen Fragen..., S. 391—392.

30

См.: J. Friedrich, Über die kontroversen Fragen..., S. 392—393. – Хронологические расчеты И. Фридриха принял и Фр. Джунта (см.: Fr. Giunta, Jordanes e la cultura dell'alto Medioevo..., p. 150—151). В. В. Смирнов, наоборот, склонен думать, что Иордан сопровождал Гунтигиса Базу в походах на Восток и что в то время сложились политические убеждения Иордана: «Служба в составе вооруженных сил Византийской империи, даже на таких отдаленных рубежах, как Евфрат, и порожденное ею непосредственное ощущение обширности империи, мощи ее государственного и военного аппарата, военные успехи крупного полководца Велизария, под командой которого находился Гунтигис, повелитель Иордана, породили в последнем глубокую веру в могущество империи Юстиниана. Переход Восточной империи в наступление против варварских королевств Запада, восстановление императорской власти в Северной Африке, на испанском побережье, разгром остготского королевства, увенчанный возвратом Рима, – все это совершилось на глазах Иордана и сделало из него ярого сторонника византийской ориентации» (В. В. Смирнов, Готский историк Иордан, стр. 156).

31

Непонятно, почему Ваттенбах пишет, что Иордан «происходил из очень знатного рода, который был в родстве с Амалами» (W. Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquollen im Mittelalter..., 7. Aufl., Bd I, S. 81). То же говорят и Ваттенбах – Левисон, но без упоминания о родстве Иордана с Амалами (см.: Wattenbach – Levison, S. 76). Так же необоснованно суждение о принадлежности Иордана к знати, высказанное в статье о нем в Большой советской энциклопедии (изд. 2, т. 18, 1953, стр. 371—372). В университетском пособии по источниковедению, недавно вышедшем и очень тщательно составленном (А. Д. Люблинская, Источниковедение истории средних веков, Л., 1955), неправильно сказано, что Иордан «по женской линии приходился родственником Амалам» (стр. 55). Известно, что в родство с Амалами вступил род аланского предводителя Кандака через сестру последнего, а Иордан был лишь нотарием у Амала Гунтигиса Базы, племянника Кандака (ср. Get., § 266).

32

Под словами: conversare, conversatio, conversio, convertere, converti, conversi.

33

Моммсен придерживался той же точки зрения на conversio как на вступление в монашество, что и известные немецкие ученые: Бэр (Chr. Bähr, Geschichte der römischen Literatur, Supplementband, l. Abt., Karlsruhe, 1836, S. 131—133, № 2; 2. Abt., 1837, S. 420, № l), Зибель (H. V. Sybel, De fontibus libri Jordanis de origine uctuque Getarum, S. 11) и Як. Гримм (J. Grimm, Über Jornandes und die Geten, S. 177—178). Обзор различных мнений о conversio Иордана см. в статье Симеона (B. Simson, Zu Jordanis, S. 741—747),

W. Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter..., 7. Aufl Bd l, S. 85; Wattenbach – Levison, S. 81.

B. Simson, Zu Jordanis, S. 741.

36

Той же точки зрения на conversio Иордана придерживались Эберт (Ad. Ebert, Allgemeine Geschichte der Literatur des Mittelalters im Abendlande, I, S. 577) и Ф. Дан (F. Dahn, Jordanis, S. 523.

и что «Getica» и «Romana» были написаны кротонским епископом в Константинополе [32].

38

В разработанной форме этот вывод принадлежит К. Ширрену (C. Schirren, De ratione quae inter Jordanem et Cassiodorium intercedat commentatio, p. 87—89), с которым были согласны рецензировавший его работу Гутшмид (A. V. Gutschmid, Zu Jordanis, S. 148), Бессель (W. Bessel, Gothen, S. 104) и многие другие. Ширрен (S. 87—88) обратил внимание на послание папы Пелагия I (555—561) от 556 г., где назван дефенсор римской церкви Иордан, передавший папе донесение епископов Тусции («Sacrorum conciliorum... collectio», ed. J. D. Mansi, t. IX, p. 716). Ширрен предположил, что историк Иордан, он же епископ Кротонский, был и дефенсором римской церкви. По характеру своей должности дефенсоры были обязаны не только следить за тем, чтобы суммы, завещанные в пользу бедняков, попадали по назначению, но и собирать при объезде провинций обращенные к папе донесения духовенства и просьбы мирян.

Wattennbach – Levison, S. 80—81.

См. Приложение I.

41

На это обратил внимание и Моммсен, полагавший, что толковать увещевание Иордана, как адресованное папе, было бы «почти абсурдом» («subabsurde», – Prooem., p. XIV).

42

По Моммсену, Иордан, как епископ, упоминается только в рукописях третьего класса («tertius ordo» или «tertia classis codicum», – Prooem., p. LXV—LX1X).

Prooem., p. XLVII—LXX; M. Manitius, Geschichtliches aus mittelalterlichen Bibliothekskatalogen, S. 651.

44

См. предисловие Муратори к «Getica» Иордана в «Rerum Italicarum scriptores» (I, Mediolani, 1723, p. 189—190).

B. Simson, Zu Jordanis, S. 741—747.

Cass. Chron., p. 147; Marcell. Comit., p. 60.

47

На основании данных из «Gesta abbatum Fontanellensium (ed. S. Loewenfeld, SS rer. Germanicarum in usum scholar., 1886, p. 38).

49

Каппельмахер доказывает, что заглавия рукописей не могут служить основанием к тому, чтобы считать Иордана епископом (см.: A. Kappelmacher, Zur Lebensgeschichte des Jordanis, S. 181–188.

Rav. anon., I, 12; IV, 1, 5, 6, 14, 20.

51

Среди готов встречались в небольшом числе «православные», «ортодоксы» (от греч. Ορθός – правильный, истинный), исповедующие правильную веру. Латинские источники называют их «католиками» (от слова καθολικος – всеобщий, вселенский, соборный, т. е. сторонник учения, признанного вселенскими соборами). К «католикам» принадлежала, например, мать Теодериха Эрельева-Евсевия (см.: Anon. Vales., 58: «Erelieva dicta Gothica catholica quidem erat, quae in baptismo Eusebia dicta»); «католиком» был и аббат Иоанн Бикларийский (ум. ок. 591 г.), гот по происхождению (ср. Isid., De vir. ill., 62, 63).

52

Исидор Севильский называет арианство «беззаконной ересью» («nefanda haeresis»); у Григория Турского постоянно описываются споры и соперничество между «еретиками» – арианами и «католиками» – православными; последних автор считает приверженцами «нашей религии» («qui nostrae religionis erant» или «vir nostrae religionis» – Greg. Turon., In gloria conf., cap. 13, 14).

53

Такой же, правильной по нашему мнению, точки зрения придерживались Ширрен, Эберт, Эрхардт (C. Schirren, De ratione..., p. 91—92; Ad. Ebert. Allgemeine Geschichte der Literatur des Mittelalters...·, см. также рецензию Эрхардта на издание Моммсеном сочинений Иордана: «Göttingische gelehrte Anzeigen», II, N 17, Göttingen, 1886, S. 674). Из последних исследователей – В. В. Смирнов считает conversio Иордана вступлением в монашество (В. В. Смирнов, Готский историк Иордан, стр. 156—157); Фр. Джунта – переходом из язычества или арианства в «католицизм» с последующим, быть может, вступлением в монастырь (Fr. Giunta, Jordanes e lα cultura dell'alto Mediocvo..., p. 152—153).

J. Friedrich, Über die kontroversen Fragen..., S. 393—402.

Jaffé, Regesta pontificum romanorum, Leipzig, 1885, N 927, – MPL, 69, col. 349.

Ср.: A. van Vyver, Cassiodore et son oeuvre, p. 255, 259—260. – Конечно, кроме специального значения, слово religiosus, употребляемое в качестве термина, имеет обыкновенный смысл – религиозный, благочестивый, набожный; например, у Марцеллина Комита сказано про императора Феодосия: «vir admodum religiosus et catholicae eccleisiae propagator» (Marcell. Comit, a. 379).

Anon. Vales., 88, 91.

58

В рассказе Григория Турского о том, как проповедник убедил крестьян не бросать жертвы (ткани, продукты сельского хозяйства) в священное озеро, а снести их в базилику св. Илария, говорится, что на людей подействовала проповедь и они «обратились», т. е. стали приверженцами христианского обряда: «tunc homines conpuncti corde conversi sunt» (Greg. Turun., In gloria conf., p. 749—750). Тот же автор рассказывает, что один галльский сенатор из города Отена, бывший, вероятно, язычником, после смерти жены «обратился к господу» («ad Dominum convertitur») и был избран епископом (Greg. Turon. Vitae patrum, VII); или что один из варваров, родом тайфал (см. «Комментарий», прим. 290), также «обратился к господу» и стал клириком (Greg. Turon. Vitae patrum, XV); или что один юноша стремился к церкви, был «обращен в монастыре» («apud monasterium... conversus») и вступил в число братии (Greg. Turon., Vitae patrum, XI).

59

Следуя Гейдельбергскому кодексу, Моммсен в своем издании оставил в слове agrammatus одно т. В большинстве рукописей это слово написано через два т; в одном случае даже сохранено греческое окончание os.

J. Friedrich, Über die kontroversen Fragen..., S. 388—389. – Такого же мнения придерживается Фр. Джунта: «Термин agrammatus не должно понимать в значении неграмотного, но в значении не знающего грамматики – ars grammatica» (Fr. Giunta, Jordanes e la cultura dell'alto Medioevo..., p. 149—150).

Интересно, что в это же время (и раньше) констатируется существование школ (scolae) в средней Галлии. Некоторые из действующих лиц сочинения Григория Турского «Vitae patrum» посещали школы («scolas puerorum»), где они должны были «litteris exerceri», где они обращались «ad studia litterarum» (ibid., IX, 1). Окончивший эту школу становился «litteris institutus» (ibid I, 1; VII, 1; XVII, 1).

62

«Trivium» – три школьных предмета – грамматика, риторика, логика.

К Иордану (с учетом его индивидуальных черт) можно отнести подкупающую своей искренностью характеристику, которую дал себе Григорий Турский как дурному стилисту, не знающему грамматики, не владеющему «наукой литературного изложения» («litterarum scientia»): такой сочинитель, обращается он к самому себе, не умеет различать род имен существительных: «pro masculinis feminea, pro femineis neutra et pro neutra masculina commutas»; путает падежи: «ablativis accusativa et rursum accusativis ablativa praeponis» (Greg. Turon., In gloria conf., p. 748).

Подобный случай, и как будто не вызывающий подозрений, встречается в «Historia Romana» Павла Дьякона. В письме (ок. 774 г.) к Адельперге, жене Арихиса, герцога Беневентского, Павел упоминает, что он взял на себя труд переработать, расширить и продолжить известный «Бревиарий» (сокращенная римская история) Евтропия (Pauli Diac. Hist. Rom., p. XXVIII). Правда, Иордан занимался не расширением, а сокращением книги Кассиодора о готах, но и при сокращении он мог по собственному выбору ввести данные из известных ему латинских и греческих писателей.

65

В первых же строках этого сочинения Иордан пишет, что он работал «ex diversis voluminibus maiorum praelibans» (Rom., § 6). См. Приложение I.

66

В статье Эд. Вёльффлина приведен перечень заимствований из Вергилия, встречающихся в «Getica» Иордана (Ed. Wölfflin, Zur Latinität des Jordanes, S. 363—364). Примечательно, что Григорий Турский, несмотря на недостаток школьного «грамматического» образования, неплохо знал Вергилия. Начиная сочинение «In gloria martyrum», Григорий, хотя и отказывается тратить время на языческих авторов и их героев, тем не менее тут же делает свыше двух десятков ссылок на «Энеиду» (и одну на «Метаморфозы» Овидия). См.: MGH SS rer. Meroving., 1, 2, p. 487—488.

67

См. исследование Моммсена об источниках Иордана для «Romana» и «Getica» (Prooem., p. XXIII—XLIV). Там же и общее заключение о стиле Кассиодора и Иордана (ibid., p. XLII—XLIII).

Только в двух рукописях Моммсен отметил, по-видимому, менее правильную форму Iornandis (в ватиканском Оттобонианском кодексе X в. и в Бреславльском кодексе XI в.) Теперь признается правильной форма Iordanes, Iordannis.

69

Все четыре названные здесь хроники изданы Моммсеном (MGH Auct. antiquiss., XI, 1894).

70

См.: NA, Bd. II, Hannover, 1877, S. 600. – Монастырь Фарфа, основанный в начале VIII в., находился к востоку от Рима, почти на границе области Сполето.

71

«I placiti del „Regnum Italiac“». A cura di Cesare Manaresi, vol. I, a. 776—945, Istituto storico italiano per il medio evo. Fonti per la storia d'Italia, Roma, 1955, №. 66, p. 237, 242; № 67, p. 243; № 68, p. 247—248.

72

См. Предисловие.

«De adbreviatione chronicorum».

«De origine actibusque Getice gentis», «De origine actibusque Getarum».

Предисловие к «Romana» см. в Приложении I.

76

См. выше (стр. 18) о том, что Вигилий, для которого Иордан написал «Rornana», не мог быть папой Вигилием.

Заимствования Иордана точно установлены (см. Prooemium Моммсена и его отметки на полях издания «Romana»).

Senator – последнее из пяти имен Кассиодора: «Flavius Magnus Aurelius Cassiodorus Senator». Сенатор было общеизвестным и общеупотребительным именем Кассиодора при его жизни и спустя некоторое время после его смерти. Во всех письмах, направлявшихся от имени Кассиодора и объединенных им самим в XI и XII книгах его сборника «Variae», он именуется только Сенатором. Например: «Сенату города Рима Сенатор префект претория» («Senatui urbis Romae Senator ppo», – «Variae», XI, № 1) или «Иоанну папе Сенатор префект претория („Iohanni papae Senator ppo“. – Ibid., № 2). Короли, обращаясь к Кассиодору с посланиями, называли его Сенатором (ibid., IX, № 24; X, № 27—28 и др.) В тексте составлявшихся им государственных грамот Кассиодор называл себя только Сенатором. В Хрониках, соблюдающих хронологию по консульским спискам, под 514 г., когда Кассиодор был консулом, он назван только Сенатором. Так в хронике самого Кассиодора: „Senator. v. c. cons.“; в хронике Марцеллина Комита: „Senatoris solius“ (в 514 г. не было консула на Востоке); в хронике Мария Аваншского: „Senatore“; в хронике Виктора Тоннонского: „Senatore v. c. cons.“ (Об издании этих хроник см. выше, в прим. 65.) В булле папы Вигилия от 550 г. упомянут „filius noster Senator“. Не только Кассиодор имел имя Сенатор. В консульских списках под 436 г. значился консулом на Востоке Флавий Сенатор. По-видимому, он же был направлен императором Феодосием II в качестве посла к Аттиле в 442—443 гг., что отмечено Приском (Prisci... fr. 4). В дальнейшем, когда Аттила требовал послов из Константинополя, он называл три имени: Нома, Анатолия и Сенатора (fr. 8). Однако имя Сенатор как последнее из имен Кассиодора ввело в заблуждение автора VIII в. Павла Дьякона, который в „Истории лангобардов“ впервые употребил имя Cassiodorus (Pauli Diac. Hist. Lang. I, 25); он увидел в слове Senator лишь члена римского сената (каковым Кассиодор никогда не был): „этот Кассиодор был сначала консулом, затем сенатором и наконец монахом“ [„hic (Кассиодор) primitus consul deinde senator, ad postremum vero monachus extitit“]. С тех пор забылось имя Сенатор и вошло в употребление имя Кассиодор.

79

О причинах, по которым Иордан не имел под руками сочинения Кассиодора, см. ниже.

80

См. статью Зибеля в «Schmidts Allgemeine Zeitschrift für Geschichte», VII, 1847. S. 288.

81

«Praefatio in explanationem Origenis super epistolam Pauli ad Romanos».

82

«...impudenti plagio...»; «Rufini praefationem... malo plagio Geticis praeposuisse» (Prooem., p. XXXIV). Хотя Иордан и написал несколько неопределенно: «как сказал кто-то» («ut quidem ait»), но Моммсен считает эти слова относящимися не ко всему тексту, а только к упоминанию о «мелкой рыбешке».

К примеру, Радищев в «Слове о Ломоносове» (заключительная глава «Путешествия из Петербурга в Москву», 1790) патетически говорит о «Пиндаровой трубе», т. е. о великолепном слоге, который можно сравнить с красноречием Пиндара. Подобное выражение жило очень долго.

См. Приложение I.

85

Dudum в значении modo – «теперь», «только что», «недавно» (см. указатель «Lexica et grammatica» к изданию Иордана, а также M. Manitius, Geschichte der lateinischen Literatur..., S. 211, Anm. 2).

Bell. Goth., III, 40, 9.

Rom., § 383.

88

В предисловии к «Getica»: «duodecim Senatoris volumina de origine actibusque Getarum».

H. Usener, Anecdoton Holderi, S. 4.

Variae, praefatio.

91

Variae, XII, 20; IX, 25.

92

См. обзор средневековых каталогов библиотек в статье M. Manitius, Geschichtliches..., S. 651 ff.

См. Приложение II.

См. Приложение III. Палермский кодекс содержит примерно три четверти всего текста «Getica».

95

Variae, IX, 25. – Ко времени составления этой речи Аталариха труд Кассиодора, начатый им в конце правления Теодериха, был, надо думать, уже окончен и даже известен в правящих кругах Рима и Равенны.

В ряде примечаний «Комментария» отмечены тенденциозные попытки установить воображаемый исторический ряд: скифы – геты – готы (см. прим, 125, 130, 151, 178, 179, 189, 194, 199, 200 и др.).

97

См. сложную схему генеалогии Евтариха в «Getica» (§ 174, 251, 298); ср.: L. Schmidt, S. 253; W. Ensslin, Teoderich der Grosse, S. 301.

Недостаточно объяснять это желанием утешить италийцев, принужденных подчиняться варварам. «Так появились Амалы в качестве непосредственных наследников Залмоксиса и Ситалка, и римляне могли найти в этом утешение взамен горечи от чужеземного господства» («So erschienen die Amaler... nun als unmittelbare Nachfolger des Zaimoxis und Sitalkes, und die Romer konnten darin einen Trost finden für die Bitterkeit der fremden Herrschaff»,—Wattenbach-Levison, S. 72). Там же указаны работы, в которых рассматривается вопрос о смысле тенденции в сочинении Кассиодора; не более освещает эту тенденцию и вывод, принадлежащий Энсслину: автор будто бы хотел показать, что готы уже давно имели отношение к главным событиям средиземноморского мира (W. Ensslin, Teoderich der Grosse, S. 279—280).

99

«Scripsit praecipiente Theoderico rege historiam Gothicam originem eorum et loca moresque XII libris annuntians» (H. Usener, Anecdoton Holderi, S. 4).

Bell. Goth., I, 1, 25—26.

ην τε ο Θευδέριχος λόγω μεν τύραννος, έργω δε βασιλευς αληθής (Bell. Goth., I, 1, 29).

ετέρων γαρ έτερα εν ταΐς πολιτείαις αει αιρουμένων την εφεστωσαν αρχην ξυμβαίνει αρέσκειν μεν εν τω παραυτίκα οις άν εν ήδονη τα πρασσόμενα η, λυπεΐν δε ων της γνώμης απ, εναντίας χωρήσειεν (Bell. Goth., I, 1, 30).

«Архив Маркса и Энгельса», т. V, М.—Л., 1938, стр. 21.

Там же, Приложения, стр. 372.

105

«И так он правил двумя народами – римлянами и готами, слитыми воедино» («Sic gubernavit duas gentes in uno Romanorum et Gothorum». – Anon. Vales., 60).

К их числу прежде всего принадлежал Кассиодор; сторонниками Теодериха были многие сенаторы, папа Гормизда (514—523), епископ павийский Эннодий (ум. в 521 г.), автор панегирика королю. Вероятно, они составляли, особенно ко времени Амаласвинты и Аталариха, так сказать, «гото-италийскую» партию, которая превратилась затем в «гото-византийскую» (A. van de Vyver, Cassiodore et son oeuvre, p. 251).

107

Anon. Vales., 85—87, 92; Bell. Goth., I, 1, 32—34; Boeth., De consol. philos., I, 4, 45—65, 80.

См. подробно об этом: З. В. Удальцова, Классовая борьба в Италии накануне византийского завоевания, стр. 9—26.

109

Variae, IX, 25.

110

Утверждение, что Иордан писал «вполне в духе Кассиодора», неверно (Wattenbach – Levison, S. 79). Также едва ли правильна мысль В. В. Смирнова, положенная им в основу названной выше статьи «Готский историк Иордан». Автор статьи полагает, что Иордан, дав только пересказ сочинения Кассиодора, выразил общие политические идеалы того класса, к которому принадлежал Кассиодор («придворная партия», стр. 158; «епископская группа» в Константинополе, стр. 159; «группа, эмигрировавшая из Италии», стр. 160; «эмигранты провизантийской ориентации», стр. 161), т. е. повторил тенденцию труда Кассиодора, проявлявшуюся в провизантийской политике. На наш взгляд, тенденция неведомой нам книги Кассиодора, задуманной еще при Теодерихе, должна была состоять в том, чтобы подготовить (и даже толкнуть) готов, руководимых Амалами и представлявших собой славное, Древнее племя (не хуже ромеев), к отрыву от империи. Этому могла сочувствовать италийская и готская знать, но только в пору явного могущества готского государства в Италии. Тенденция же книги Иордана – провизантийская и скрыто (так как готы все же прославляются) антиготская. Иначе говоря, тенденция книги Иордана компромиссная, не предусматривающая могущества готов в Италии.

111

Прокопий (Bell. Goth., I, 2, 7—8) передает следующее: Амаласвинта была принуждена приставить к Аталариху трех готских старейшин, которые, по-видимому, должны были научить его править «более по-варварски» («βαρβαρηκώτερον»), так как это дало бы возможность готам чинить несправедливость (с точки зрения Прокопия) по отношению к подданным – ές τους υπηκόους, – т. е. к италийцам любого социального положения.

Bell. Goth., I, 2, 21—22, 26.

113

Ibid., I, 3, 11.

το Γότθων τε και ’Ιταλιωτων κράτος ενδιδόναι ’Ιουστινιανω βασιλεΐ όπως αυτη σώζοιτο, ήθελεν (Bell. Goth., I, 3, 12; I, 3, 29; I, 4, 18).

115

ὅπερ Ἰταλιώτας τε υπερφυως άπαντας και Γότθους τους άλλους (т. е. за исключением противников Амаласвинты, «ультраготов») ηνίασεν; Bell. Goth., I, 4, 28.

116

Cp. Bell. Goth., III, 1, 27: ανασώσασθαι δε Γότθων τω γένει το Ἰταλιωτων κράτος εν σπουδη εποιεῖτο.

117

Ср. Bell. Goth., III, 7, 17—18, где сказано, что Эрарих, возглавлявший готов всего несколько месяцев в 541 г. и не пользовавшийся у них популярностью, обещал передать Юстиниану за деньги всю Италию и сан патриция. Даже Тотила, прежде чем стать королем, хотел выйти из трудного положения путем передачи города Тарвизия (Тревизо) византийскому командованию в Равенне (Ibid., III, 2, 8—9). Еще раньше, до начала войны, и Амаласвинта и Теодахад предлагали Юстиниану власть над всей Италией, над готами и италийцами (Ibid., I, 3, 12; 6, 19).

118

Bell. Goth., III, 2, 15.

119

В «Auctarium Marcellini» (Marcell. Comit., a. 540, 5, p. 106; a. 542, 2, p. 107) при первом упоминании о Тотиле говорится, что «на беду Италии (malo Italiae) он сразу же перешел Пад».

Они переходили к готам и раньше. Прокопий неясно и с некоторым презрением назвал их людьми, которым «нравятся» мятежи, перевороты, политические перемены (ὁσους νεώτερα πράγματα ηρεσκε, – Bell. Goth., III, 126). Солдаты римского войска набирались во Фракии и Иллирии; в состав войска входили представители разных племен с Балканского полуострова, кроме того – гунны и исавры.

121

Bell. Goth., III, 13, 1.

των προσκεχωρηκοτών ημΐν οικετων ένεκα... (Bell. Goth., III, 16, 15, 25).

123

Общая картина внутренней политики Тотилы дана в статье З. В. Удальцовой «Социально-экономические преобразования в Италии в период правления Тотилы» (стр. 9—27).

Bell. Goth., III, 9, 2—3.

τους βαρβάρους ποθεινους αυτοῖς ειναι (Bell. Goth., III, 9, 4—5).

προσεχώρει δέ οι των εναντίων ουδεις ούτε Γότθος ούτε Ῥωμαῖος (Bell. Goth., III, 11, 10).

127

Таким был комит Питца, гот (упомянутый Иорданом в Get., § 300—301 и Прокопием в Bell. Goth.,I, 15, 1), который перешел на сторону Велисария; таким был и начальник филактирия, т. е. гарнизона крепости Ассизи, гот Сизифрид, «благорасположенный к римлянам и сторонник императора» («ευνοϊκως δε λίαν ές τε ’Ρωμαίος και τα βασιλέως πράγματα έχων». – Bell. Goth., III, 12, 12—13, 17).

128

См., например, «Auctarium Marcellini» (Marcell. Comit., a. 542—548, p. 107—108), где бегло и, конечно, неполно перечислены области (Эмилия, Тусция, Кампанья, Пицен, Лукания, Бруттии) и города, которые занял Тотила.

129

Bell. Goth., III, 21, 18—25.

Ibid., III, 37, 6—7.

Ibid., III, 37, 24.

Ibid., IV, 24, 4.

133

αλλα βασιλευς μάθησιν ουδεμίαν των λεγομένων ποιούμενος, τους πρέσβεις άπαντας απεπέμπετο προς το Γότθων όνομα χαλεπως έχων. – Предложения, с которыми приезжали послы, но которых не хотел знать император, сводились к следующему: ввиду того, что север Италии был захвачен франками, а большая часть Италии вообще обезлюдела (έρημος άνθρώπων τω πολέμω επι πλεΐστον γεγένηται), готы просили признать эти опустошенные земли их владениями, Византии же предлагали взять (εξίστανται) не пострадавшие от войны Сицилию и Далмацию. За «пустыни» (υπερ της έρημου) они соглашались платить Византии ежегодные взносы, быть ее подданными (κατήκοοι) и союзниками в войнах (Bell. Goth., IV, 24, 4—5).

134

Речь византийцев. (Bell. Goth., IV, 23, 14—22); речь Тотилы (Ibid., IV, 23, 23—28).

135

Позднее, в 552 г., перед битвой с Нарсесом, в которой Тотила погиб, он тоже в «речи» к воинам сказал о решающем значении того дня для готов (τον πόλεμον ες ημέραν μίαν αποκεκρισθαι) и о том, что их надежда «висит на волоске» (επι τριχος η ελπίς, – Bell. Goth., IV, 30, 8, 13).

Bell. Goth., III, 9, 5—6.

αύτη διαφερόντως η μάχη το τε φρόνημα και την δύναμιν Τουτίλα και Γότθων κατέλυσεν (Bell. Goth., IV, 23, 42).

138

Bell. Goth., IV, 24, 3.

139

Bell. Goth., I, 4, 15; III, 39, 8; IV, 23, 1; Get., § 303; Rom., § 385.

Bell. Goth., III, 13, 12; 35, 10.

141

В середине 550 г. папа Вигилий, подписавший к этому времени в угоду Юстиниану отречение от «трех глав», издал в Константинополе буллу, осуждавшую несогласного с ним дьякона Рустика; в этой булле упомянуты как единомышленники папы патриций Цетег и «religiosus vir» Сенатор (см.: Jaffé, Regesta pontificum romanorum, № 927).

142

Про Юстиниана Прокопий записал, что он, ненавидя самое «имя готов» (το Γότθων όνομα), замыслил даже совершенно изгнать их из империи (άρδην τε αυτό της Ῥωμαίων αρχης εξελάσαι διανοούμενος, – Bell. Goth., IV, 24, 5).

143

L. Ranke, Weltgeschichte, 4. Teil, 2. Abt. Analecten, IV, «Jordanes», S. 327.

144

Немедленно на заключение Ранке о «Getica» Иордана последовала заметка в «Neues Archiv» со следующим вопросом: если признать готскую историю Иордана как «внушенную» Кассиодором и «написанную в его духе», то непонятно, почему диспенсатор (Geschäftsmann) Кассиодора не дал Иордану рукопись на более длительное время и почему ничего не говорится («преднамеренно умалчивается») о более близких связях между Иорданом и знаменитым автором сочинения, служившего первому образцом (NA, IX, Hannover, 1883—1884, «Nachrichten», S. 649).

Wattenbach—Levison, I, Heft, S. 79.

готов во время войны между империей и готами Тотилы. Однако колебаний и поворотов в политике гото-италийской среды в течение бурного времени с 30-х по начало 50-х годов VI в. В. В. Смирнов не отметил и в связи с этим не увидел особенностей политической установки Иордана и той политической направленности, которая диктовалась временем, когда Кассиодор создавал свое, несомненно соответствующее моменту сочинение.

147

«Hesperium Romanae gentis imperium» (Marcell. Comit., a. 476, p. 91).

Наиболее распространено мнение, что Иордан писал свои сочинения в Константинополе; некоторые ученые вслед за Моммсеном полагают, что Иордан работал в одном из монастырей на территории восточной части империи. В. В. Смирнов («Готский историк Иордан», стр. 157—158) считает, что Иордан действительно писал в одном из монастырей, но не в глуши Иллирика, Мезии или Фракии, а в Константинополе. А. Д. Люблинская пишет, что «„Getica“ составлена в Константинополе» (А. Д. Люблинская, Источниковедение истории средних веков, стр. 55). Другого мнения придерживается Фр. Джунта (Fr. Giunta, Jordanes e la cultura dell'alto Medioevo..., p. 155). Он правильно предостерегает от излишнего внимания к тем или иным топографическим описаниям Иордана (например, Анхиала, Том, Маркианополя, Равенны), а также к отмечаемым кое-где особым, локальным признакам (например, обычай в Фессалонике называть местного епископа «святым», – Rom., § 315), и, следовательно, не допускает признания того или иного из этих городов местом жизни и работы Иордана после conversio. Джунта не находит возможным определить, где именно находился Иордан, когда писал свои сочинения, но думает, что он работал в одном из монастырей, рассеянных по восточным территориям империи. Такое несколько расплывчатое мнение Джунта считает «единственным логическим выводом» – «l'unica logica deduzione». (Fr. Giunta, Jordanes e la cultura dell'alto Medioevo..., p. 155). Отвергая мысль о Константинополе, о Фессалонике, не касаясь никак Равенны, Джунта возвращается к предположению Моммсена, что Иордан писал свои книги в мезийском или фракийском монастыре. Местоположение монастыря Джунта представляет себе еще более неопределенно, чем Моммсен.

149

Bell. Goth., II, 29, 32.

Ibid., II, 29, 36—40.

151

Bell. Goth., II, 30, 25; III, 1, 25; 3, 2—4; 6, 8; 10, 3; 11, 1; 11, 18; 13, 13—14; IV, 28, 1.

152

Так обычно назывался управляющий имениями, сельскохозяйственным имуществом и продуктами. Это слово продолжало жить и позднее. Под 1251 г. Салимбене упомянул о диспенсаторе папы Иннокентия IV, передававшем францисканцам в Ферраре хлеб и вино из папских запасов (MGH SS, 32, Hannover, 1908, p. 446).

153

«Трехдневный срок, который Иордан называет как данный ему для пользования 12 книгами, конечно, чепуха» («Die dreitägige Frist, die Jordanes zur Benutzung der 12 Buchez gehabt haben will, ist natürlich Schwindel»), – таково довольно упрощенное объяснение Узенера (H. Usener, Anekdoton Holderi, S. 73).

154

Ср. политику Амаласвинты и Теодахада, по сообщениям Прокопия (Bell. Goth., l, 2, 4—5;.2, 23; 3, 1; 3, 11—12; 3, 28; 4, 17—18 и др.).

См A. van de Vyver, Cassiodore et son oeuvrc, p. 290.

156

Bell. Goth., II, 30, 5; 16—18; III, l, 27; 4, 12—13; Marcell. Comit. (Auctarium), a. 540, 5; a. 542, 2.

157

См.: «Комментарий», прим. 2.

§§ 9, 16—39, 42, 79—81, 88—89, 97—104, 106—113.

159

§§ 82, 98, 130—165, 172—177, 228—246, 298, 302—303.

§§ 82, 116—130, 246—253, 264—314.

Эти отступления в большинстве случаев относятся к «хорографии»; в них даются справки о реках (Танаис, Данапр, Данубий – §§ 45, 46, 75), о горах (части Кавказа – §§ 52—55), областях (Дакия – § 74), о городах (Маркианополь, Анхиал, Равенна – §§ 93, 109, 148—151) и др.

§ 43—44, 47—52, 56—73, 76.

§§ 121—129, 178—227, 254—258.

§§ 34—35, 119, 247—249.

165

§§ 114—115, 166—172.

§§ 74, 94—100, 113—114, 133, 199—200, 217, 250, 260—264.

167

§§ 267.

168

В своем введении Моммсен, желая сказать о содержании «Getica», дал схему сочинения Иордана просто по параграфам, в виде оглавления. Моммсен поделил все содержание на три части: готы, везеготы, остроготы, но не выделил их из огромного побочного материала. По этой схеме не видно, есть ли в сочинении Иордана какая-либо объединяющая замысел система. Моммсен тут же указывает на путаное и беспорядочное изложение Иордана (Prooem., p. XVIII—XX).

§§ 16, 39, 82, 98, 172, 244—245, 252, 268.

См. указатель этнических названий.

171

Bell. Goth., I, 1, 4.

Невозможно в силу высказанных здесь соображений согласиться с характеристикой Иордана-историка, которую дал О. Л. Вайнштейн: «Неумелый компилятор Иордан, механически переписывая чужие слова, не потрудился увязать их со всем своим изложением» (см.: О. Л. Вайнштейн, Этническая основа так называемых государств Одоакра и Теодориха, стр. 134).

173

Е. Ч. Скржинская, О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне.

Prooem., p. XLIV. – И до сих пор повторяются несколько презрительные и слишком поверхностные определения труда Иордана в недавно вышедшей книге Маргарет Динслей мимоходом брошено: «тощий пересказ, сохраненный в „Getica“ Иордана» («the meagre digest preserved in Jordanes „Getica“, – Margaret Deanesley, A History of early medieval Europe (476—911, p. 33). Странно, что в содержательном исследовании Джорджо Фалько отмечается то же самое: „от Кассиодора нам остался тощий компендий в „Getica“ Иордана“ („di cui – от Кассиодора – ci rimane un magro compendio nei Getica di Iordanes“, – G. Falco, La santa romana republica. Profilo storico del medio evo, 2a ed., Milano —Napoli, 1954, p. 85). Непонятно, какую такую „скудость“ („meagreness“, „magrezza“) имеют в виду эти историки, говоря о насыщенном фактами сочинении Иордана. Быть может, они хотят указать на сухость его изложения, на его манеру письма, по-видимому, менее искусную чем у Кассиодора. Но, быть может, они из рук в руки передают то, что сказал уже восемьдесят лет назад Узенер: „...aus dem mageren und eilfertigen Auszug des Jordanis...“ (H. Usener, Anecdoton Holderi, S. 72).

Перечень этих источников см. в списке сокращений и в указателях имен к латинскому тексту Иордана и русскому переводу.

Ibid., p. LXXII.

177

Fr. Wilken, Geschichte der Bildung, Beraubung und Vernichtung der alten Heidelbergischen Büchersammlungen. Heidelberg, 1817. S. 296—297.

178

Taf. II, № 2.

179

Prooem., p. XLVII.

180

Ibid

181

Среди десяти а, встречающихся на трех строках таблицы Вилькена, нет ни одного открытого. Открытое u-образное а характерно для Палермского кодекса и его аналогий из Боббьо и Рейхенау (см. Приложение III).

Приносим благодарность администрации университетской библиотеки в Лозанне за присылку фотографий рукописи № 398 (Fragmentum Lausannense).

183

Marius Besson, L' art barbare dans l'ancien diocèse de Lausanne, 1909. – Автор опубликовал в уменьшенной репродукции verso Лозаннского фрагмента (p. 217, fig. 169) и сообщил, что Фр. Стеффенс, которому он показал рукопись, датировал ее VIII в.

184

См. характеристику островного (гиберно-саксонского) письма в кн.: О. А. Добиаш-Рождественская, История письма в Средние века, М.—Л., 1936, стр. 134—139; Fr. Steffens, Lateinische Paläographie, III, Freiburg (Schweiz), 1903, Einleitung; Fr. Steffens, Paleographie latine, Trèves– Paris, 1910, Introduction. – В указанных работах Стеффенса – списки литературы.

185

О. А. Добиаш-Рождественская, История письма..., стр. 136.

Фр. Стеффенс указал на образец той же палеографии и того же времени, что и Лозаннский фрагмент. Это – рукопись, опубликованная в 1909 г. С. Брандтом (S. Brandt, Über ein Fragment des Justinus aus der Sammlung E. Fischer in Weinheim, – «Neue Heidelberger Jahrbücher», 1909, S. 109—114). Большое сходство существует между письмом Лозаннского фрагмента и Венским кодексом (Cod. Lat. 430), содержащим Малые Лоршские анналы, написанные в 815 г. Здесь видны все черты прекрасного, вполне выработанного островного минускула VIII—IX вв., практиковавшегося в скриптории монастыря Фульды (см.: «Monumenta palaeographica. Denkmäler der Schreibkunst des Mittelalters», hrsg. von A. Chroust, I. Serie, II. Bd. München, 1904, XI. Lieferung, Taf. 8a). Заметное сходство имеется также между письмом Лозаннского фрагмента и письмом Кёльнского кодекса начала IX в., содержащего одно из богословских сочинений Алкуина («Expositio in psalmum 118»); см.: «Schrifttafeln zur Erlernung der lateinischen Palaeographie», hrsg. von W. Arndt, 3. Aufl. von M. Tangi, II. Heft, Berlin, 1898, Taf. 39. Близко к письму Лозаннского фрагмента острое англосаксонское письмо кодекса, содержащего «Церковную историю» Беды и хранящегося в университетской библиотеке в Кэмбридже (Ms. Kk. V., 16). Кодекс датируется примерно 737 г. Формы букв сходны, но по общему начертанию шрифт Кэмбриджской рукописи несколько округлый, а шрифт Лозаннской рукописи более острый. Предполагается, что Кэмбриджская «Церковная история» Беды была написана в монастыре Эхтернах (в Люксембурге) (см.: Fr. Steffens, Lateinische Paläographie, Supplement, Trier, 1909. Taf. 14).

Перечень этих источников см. в списке сокращений и в указателях имен к латинскому тексту Иордана и русскому переводу.

188

Fr. Giunta, Il ms. delle Getica di Jordanes conservato nell' Archivio di Stato di Palermo. – Отмечаю разницу, допущенную автором в названиях его работ о рукописи, содержащей «Getica»; «Il ms. delle Getica…»; «Il ms. dei Getica…» Правильно второе.

189

Мы пользуемся случаем выразить благодарность администрации Государственного архива в Палермо за присылку в Ленинград (в Библиотеку Академии наук СССР) микрофильма кодекса (24 кадра).

Fr. Giunta, Jordanes e la cultwa dell'alto Medioevo..., p. 188.

191

Из скриптория Боббьо дошли до нас прекрасные образцы римского полукурсива, хранящиеся ныне в Амвросианской библиотеке в Милане (см.: Fr. Steffens, Lateinische Paläographie, Freiburg (Schweiz), 1903, Taf. 23, Bibl. Ambros. C. 98; Taf. 27, Bibl. Ambros. C. 105; Taf. 37, Bibl. Ambros. L. 99, p. 34—35).

192

Fr. Steffens, Lateinische Paläographie I, Taf. 25, 3, Bibl. Ambros. D. 268.

193

Ibid., Tat. 38, Bibl. Ambros L. 99. p. 102—103.

194

О. А. Добиаш-Рождественская, История письма..., стр. 123—124.

195

Fr. Giunta, Jordanes e la cultura dell'alto Medioevo..., p. 191—192.

Ср., например, у Стеффенса табл. 25, 3, строка 6: «abraham visus» – a, u, v имеют одинаковое или почти одинаковое начертание. Ср. еще табл. 38, строка 5: «tamquam vas caelatum», или строка 27: «secunda occidentalis» и др.

197

Fr. Giunta, Jordanes e la cultura dell'alto Medioevo..., p. 190—191.

198

Рукопись из монастыря Санкт-Блазиен (Cod. Sanblasianus 86) учебно-хрестоматийного содержания; островное письмо IX в., вероятно, из скриптория монастыря Рейхенау (см.: «Schrifttafeln zur Erlernung der lateinischen Paläeographie», hrsg. von W. Arndt, 4, Aufl. von M. Tangl, Berlin, 1929, Taf. 42).

199

Венский кодекс (Cod. Lat., № 16) с сочинением Иеронима «De viris illustribus», написанный островным письмом VIII в. в скриптории монастыря Боббьо (см.: «Monumenta palaeographica...», Taf. 3a).

Prooem., p. LXI—LXIX, tertia classis, tertius ordo codicum.

201

Ibid., p. LXXII; Fr. Giunta, Jordanes e la cultura dell'alto Medioevo..., p. 202.

202

L. d'Achéry, Spicilegium, t. III, p. 185; 2 ed., t. II, p. 290; MGH SS, II, p. 270—301.

Перечень этих источников см. в списке сокращений и в указателях имен к латинскому тексту Иордана и русскому переводу.

204

См. Е. Ч. Скржинская. Рец. соч., стр. 267, а также стр. 191, 220, 234—235, 239.

205

Не лишено интереса в этой связи упоминание Аммианом Марцеллином – может быть, несколько в ином смысле – regales и reguli наряду с reges у алеманнов в середине IV в. («Res gestae», XVI, 12, § 26; XVIII, 2, § 13).

Точнее – переход части остроготов после смерти Германариха на Днестр и Южный Дунай (стр. 324), пребывание готов – до их продвижения на Балканский полуостров – близ Днепро-Бугского лимана (стр. 337), пребывание остготов в Савии, т. е. между р. Савой и Дравой, по соседству с Далмацией, недалеко от Паннонии (стр. 350), и переход готов на Балканский полуостров.

207

См. Tac., Germ., 46: Peucinorum Venetorumque et Fennorum nationes Germanis an Sarmatis ascribam dubito. Quamquam Peucini, quos quidam Bastarnas vocant, sermone, cultu, sede ac domicilliis ut Germani agunt...

208

См. Tac., Germ., 43: Ex quibus latissime patet Lugiorum nomen in plures civitates diffusum. Valentissimas nominasse sufficiet, Harios, Helveconas, Manimos Helisios, Nahanarvalos.

Это подтверждается и историей остготских королей из рода Амалов и вестготских королей из рода Балтов.

Впрочем, в некоторых изданиях «Германии» Тацита начало 44 гл. помещено в качестве последнего абзаца гл. 43.

211

Левинсон в последней обработке труда Ваттенбаха, касаясь замечаний Ранке о наличии у Иордана политической тенденции (это замечание использовано Е. Ч. Скржинской), полагает, что Ранке заходит в этом направлении слишком далеко. См. Wattenbach—Levison. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, I. Heft. Weimar, 1952, S. 79. Если утверждение Левисона, что «Иордан писал вполне в духе Кассиодора», и преувеличено, то несомненна близость исторической концепции авторов.

212

Очерк написан на основе более ранней публикации: В. И. Мажуга. Исторический источник как предмет истории культуры (Об исследовательском методе Е. Ч. Скржинской). – Вспомогательные исторические дисциплины, вып. XII. Л., 1987, с. 1—24.

213

См.: Н. П. Вревская. Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. Л., 1973, с. 17—18; ср.: Т. А. Быкова. Историческое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов // Там же, с. 84—92. – См. особо с. 86—87.

Е. Ч. Скржинская. Иван Михайлович Гревс // И. М. Гревс. Тацит. М.; Л., 1946, с. 223—248.

215

С содержанием письма нас любезно познакомил Б. С. Каганович. Ныне оно хранится в Российской Национальной библиотеке (ОРРК, ф. 254, № 487).

216

См.: К. М. Пескарева. К истории создания Российской Академии истории материальной культуры. – Краткие сообщения Института Археологии АН СССР, 1980, № 163, с. 26—32.

217

С. А. Жебелев. Из воспоминаний о Н. Я. Марре. – Проблемы истории докапиталистических обществ, № 3—4 (1935), с. 173.

218

Перечень печатных трудов Е. Ч. Скржинской опубликован в сб.: Византийский временник, т. 44 (1983), с. 268—269. – Далее; ВВ.

219

См. прим. 7.

220

Скржинская Е. Ч. Половцы: Опыт исторического истолкования этникона: Из архива ученого. – ВВ, 1986, 46, с. 255—276. – Публикацию подготовил Н. Ф. Котляр.

Ср., например, ее публ. «„История“ Олимпиодора: Перевод, статья, примечания и указатели» (ВВ, 1956, т. VIII, с. 223—276) или ее статью «Венецианский посол в Золотой Орде» (там же, 1973, т. 35, с. 103—118).

222

Скржинская Е. Ч. Неиспользованные источники преподавания истории. – Вестник высшей школы, 1940, № 17, с. 22.

223

Ср., например, анализ писательской манеры Иордана: выше с. 00. Иордан. О происхождении и деяниях гетов: Getica/Вступ. ст., пер. и коммент. Е. Ч, Скржинской. М., 1960, с. 54—59; ср. с. 13, 25.

См. статью «О склавенах и антах...» (см. прим. 1).

225

Греческая надпись из Тмутаракани. – ВВ. М., 1961, т. XVIII, с. 75– 84.

Петрарка о генуэзцах на Леванте. – Там же, 1949, т. II, с. 245—266.

Ср., например ее общую оценку творчества Иордана: Иордан. О происхождении..., с. 54—59.

К упомянутым уже изданиям наиболее крупных источников надо присоединить кн.: Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в./Вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1971, 275 с.

229

Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée. – In: Atti della Società Ligure di storia patria. Genova, 1982, vol. 56. 140 p.

230

См. упомянутое выше письмо О. А. Добиаш-Рождественской от 19 июля 1938 г. к О. Л. Вайнштейну (см. прим. 4).

Skrzinskaja E. Esame e datazione del contratto di Messina. – Studi bizantini. Roma, 1935, t. IV, p. 141—151.

Скржинская Е. Ч. Неиспользованные источники преподавания истории, с. 22 (см. прим. 11).

233

Скржинская Е. Ч. Забытая историческая дисциплина. – Вестник высшей школы, 1940, № 10, с. 13.

234

Академик И. Ю. Крачковский: Над арабскими рукописями: Листки воспоминаний о книгах и людях. – Вестн. АН СССР, 1946, № 10, с. 129– 133.

235

Там же, с. 131.

236

Там же, с. 132.

1

Павел Орозий, Paulus Orosius, писатель начала V в., родом из Испании. Орозий был современником и последователем Августина (354—430), по указанию которого и написал сочинение типа всемирной истории. В заглавии труда Орозия – «Historiae adversum paganos» – выражены и идея, и цель произведения. Автор придерживается той точки зрения, что все исторические события объясняют причину гибели язычества и торжества христианства. Он писал для того, чтобы содействовать укреплению христианской церкви, получившей к этому времени официальное признание. Доведенное до 417 г. сочинение Орозия было популярнейшим руководством по всемирной истории в течение всего средневековья. Оно дошло до нас в сотнях разновременных рукописей, среди которых имеется, например, ценнейший кодекс VI в., хранящийся в библиотеке «Laurentiana» во Флоренции. В «Истории» Орозия особенно важны те части, в которых он описал близкие ему по времени исторические факты, не упомянутые другими авторами IV—V вв. Интересны также собранные им сведения о различных племенах и их передвижениях. Для более древних периодов источниками Орозия были общие исторические труды авторов IV в.: «Бревиарий» Евтропия и «История» Евсевия в латинском переложении Иеронима (ум. в 420 г.) Труд Орозия в целом отражает представление средневекового образованного человека о географии известного тогда мира и об общем ходе событий всемирной истории. Хронологические данные и последовательность явлений в рассказе Орозия не отличаются точностью.

Иордан хорошо знал сочинение Орозия и пользовался им при составлении своих трудов. Несомненно, что в основе своей произведение Иордана опирается на «Историю» Орозия. На страницах «Getica» Иордан четыре раза (§§ 4, 44, 58, 121) называет имя Орозия, но черпает материал у него и без упоминания его имени. Думается, что многие части сочинения Орозия Иордан знал почти дословно. Изложение «Getica» – после предисловия, обращенного к Касталию, – начинается фразой, которая открывает текст и у Орозия (Get.: «maiores nostri, ut refert Orosius, totius terrae circulum...»; Oros.: «maiores nostri orbem totius terrae...»).

2

Иордан повторил слово Орозия «triquadrus» (circulus) и пояснил его прилагательным «tripertitus» – разделенный на три части, тройной (ср.: Ducange, Glossarium media et infimae latinitatis: triquadrus – in tres partes divisus).

3

Шаг (passus) как мера длины брался вдвойне, т. е. являлся «двойным шагом» (в греческом определении βημα διπλοῦν – двойная стопа). Это – единица римского дорожного измерения, равная примерно 1,54 м (ср. прим. 4, 31, 100, 349, 433).

4

Миллиарий – придорожный камень или столб, отмечающий отрезки пути по тысяче шагов (mille passus). Миллиарием называлось также расстояние, равное одной тысяче шагов и укладывавшееся между двумя придорожными камнями. В таком смысле один миллиарий равен приблизительно 1,5 км (ср. прим. 3).

5

Киклады – в данном случае острова вокруг о. Делоса (современные Киклады), а вообще острова, расположенные в море по кругам; от слова κυκλάς – круговой, по кругу идущий.

6

Спорады – в данном случае не современные Спорады, острова между Самосом и Родосом, а вообще острова, рассеянные по морю; от слова σποράς – отдельный, разбросанный, рассеянный. Спорадами в древности называли разные группы островов.

7

Остров Гиппод, упоминаемый и в «Космографии» V в. н. э., которая приписывается Юлию Гонорию, не отождествляется с каким-либо определенным островом.

8

Остров Ямнесия, – вероятно, один из Балеарских островов на Средиземном море, которые имели еще название «Gymnesiae». Нельзя не отметить, что Помпоний Мела назвал castella Jamno et Mago, находящиеся на меньшем (Minorca) из этих островов. Однако, остров Ямнесию и «Космография» V в., и Иордан помещают в восточных водах («in orientali plaga et Indico Oceano»). Нет ли здесь случайной путаницы, привнесенной, быть может, переписчиками, относительно островов Ямнесии и «Солнцем сожженного» («Solis perusta»)? (см. следующее примечание).

9

Остров «Солнцем сожженный» (Solis perusta) назван у Плиния (Plin. Nat. hist., VI, 85), у Помпония Мелы (Mela Chorogr., III, 71) и в «Космографии» V в. Возможно, что здесь у Иордана фонетическое осмысление имени Питиузских островов (лежащих к юго-западу от Балеарских островов в Средиземном море, – Pityussae insulae; Πιτυοῦσσα) от финикийского i-bûsîm, что значит «остров елей, сосен». Как указано в предыдущем примечании, Иордан (как и Юлий Гонорий) помещает острова Ямнесию и «Солнцем сожженный» (а Помпоний Мела – только «острова Солнца», – Mela, III, 71) в восточных водах, в Индийском океане. Все же вероятно, что переписчик перепутал порядок названий островов.

10

Остров Тапробана (Traprobane) – античное название острова Цейлона. Это название есть у Эратосфена, у Помпония Мелы, у Птолемея. Иордан (Get § 6) воспринял его, вероятно, у Орозия (Oros., I, 2, 13, 16), который сообщает также о десяти городах Тапробаны, или же непосредственно у античных географов.

11

Иордан даже в отношении Цейлона употребил обычный для его времени термин «possessiones» (землевладения, поместья, мелкие участки земли).

12

Остров Силефантина упоминается еще в «Космографии» V в.; местонахождение этого острова неизвестно.

13

Остров Терон, или Тер, хотя и упоминается в «Космографии» V в., но местоположение его неизвестно.

14

Поссессоры – землевладельцы вообще. По ряду упоминаний о поссессорах у Кассиодора видно, что он подразумевал под ними и крупных, и мелких владельцев земли в Италии. Ср., например: в Равенне забота о чистой воде для питья и для бань (подводимой, очевидно, из окрестностей города) возлагается на «поссессоров» (Var, V, 38; 523—526 гг.). В 537—538 гг. приказывали скупать вино, масло и пшеницу в Истрии не только у торговцев, но и у «поссессоров» («tam a negotiatoribus quam a possessoribus emere». Var., XII, 23). Ср. прим. 411.

15

Гадитанский, или Гадийский, пролив (fretum или fretus Gaditanum, Gaditanus) – античное название Гибралтарского пролива, рубежа между Европой и Африкой. Этот пролив именовался также «Геркулесовыми столпами» («Herculis columnae», Ἡράκλέους или Ἡράκλειαι στηλαι). Прилагательное «Gaditanus» произошло от названия города Гады, Gades (нын. Кадикс). У Орозия (Oros., I, 2, 10) говорится о западном пределе рубежа между Африкой и Европой, «то есть о горловине», узком проходе, теснине Гадитанского пролива.

16

Острова «Блаженный» («Beata») и «Счастливый» («Fortunata») около Гибралтарского пролива, по-видимому, отождествляются с Канарскими островами в Атлантическом океане. Орозий (Oros., I, 2, 11) называет «Счастливые острова» («insulae, quas Fortunatas vocant») в связи с горой Атлантом (т. е. хребтом Атлас в южном Марокко), так что под ними надлежит подразумевать Канарские острова. Страбон сообщает, что «около мысов Маврусии (Мавритании), противолежащих мысам Гадейры, есть несколько островов, именуемых островами Блаженных» (και μακάρων τινάς νήσους κατονομάζοντες; Geogr., III, 150). У Помпония Мелы, испанца по происхождению, говорится о «Счастливых островах», «Fortunatae insulae» (Mela, III, 102), а Плиний совершенно точно отождествляет эти «Счастливые острова» («Fortunatae insulae») с островами Канарскими. Он пишет, что они расположены недалеко «от Гадов» («a Gadibus»), и один из них называется «Canaria» «из-за множества собак огромной величины» («a multitudine canum ingentis magnitudinis», – Plin., VI, 202).

17

Галлиция (Gallicia), правильнее Галлеция (Gallaetia), – нын. Галисия, провинция Испании в северо-западной части Пиренейского полуострова.

18

Лизитания (Lysitania), правильнее Лузитания (Lusitania), – провинция Испании, соответствующая нын. Португалии.

19

Монумент Сципиона (monumentum Scipionis) – неточное определение Иорданом сооружения, воздвигнутого не Сципионом, а Цепионом. Monumentum Caepionis у Помпония Мелы (Mela, III, 4), или ὁ Καιπιώνιος πύργος; – Цепионова башня – у Страбона (Geogr., III, 140), представлял собой укрепленный маяк на скалистом мысу близ устья реки Бэтиса (нын. Гвадалквивир) в Испании, на берегу Атлантического океана, недалеко от города Gades (нын. Кадикс). Монумент-маяк был поставлен римским полководцем Квинтом Сервилием Цепионом в честь победы (достигнутой, правда, путем предательства) над Вириатом, вождем лузитанских и иберских племен, восставших против римского завоевания. Лузитанская война длилась с 154 по 138 г. до н. э. Ко времени Кассиодора и Иордана (или того источника, из которого они взяли указание на «монумент Цепиона») памятник победы римлян над населением западной Испании уже разрушился, но развалины его еще сохранились. Этим и объясняются слова, что он «еще виден до сих пор» («adhuc conspicitur»). Иордан ошибочно считает два указываемых им мыса (promuntoria) – один с храмом Геракла, другой с монументом Цепиона – «оконечностью земли Галиции» («extremitatem Galiciae terrae»). Мыс при впадении Гвадалквивира в Атлантический океан находится гораздо южнее северо-западного выступа Пиренейского полуострова, который занимала провинция Галлиция (современная Галисия).

20

Балеарские острова даны здесь Иорданом под наиболее распространенным их названием: «insulae Baleares». Орозий среди островов Средиземного моря указывает на Балеарские острова, бóльший и меньший. Сведения (Орозия восходят к данным Помпония Мелы о «Балеарских островах, расположенных против Тарраконских берегов» («Baliares in Hispania contra Tarraconensia litora sitae», – Mela, II, 124).

21

Остров Мевания (Mevania, по-видимому, Menavia) – остров Мэн, Isle of Man, в Ирландском море. У Орозия (Oros., I, 2, 82) Мевания близ Гибернии (Ирландии) населена, как и Гиберния, скоттами.

22

Оркадские острова (Orcades), ныне Оркнейские, расположены у северной оконечности Шотландии. Всего насчитывается 67 островов, из них населены 28. Иордан отмечает только 33 острова, из которых не все обитаемы: «quamvis non omnes excultas». Он следует тексту Орозия: «Бриттания имеет сзади („a tergo“ – букв. „со спины“), там где она открыта бесконечному океану, Оркадские острова, из которых 20 пустынны, а 13 обитаемы (Oros., I, 2, 78). По-видимому, „excultae“ у обоих авторов означало заселенность островов, а не обработанность земель. Однако и перевод этого слова как „возделанные“, „обработанные“ оправдан. В другом случае Орозий указывает, что Оркадские острова находятся в океане по ту сторону Британии (Oros., VII, 6, 10).

Написание имени «Бриттания» через два т объясняется тем, что в VI и предыдущих веках Британию представляли как страну племени бриттов. У Иордана часто встречается написание через два n: Britannia. (В дальнейшем в «Комментарии» – Британия.)

23

Остров Туле (Thyle) или Фуле – либо Ирландия, либо один из Шетландских островов (к северо-востоку от Оркнейских островов), либо, может быть, северные берега Норвегии, но во всяком случае не Исландия, которая была открыта лишь в IX в. Иордан, цитируя «Мантуанца», т. е. Вергилия (Georg., I, 1, 30), указывает на крайнее положение острова, считавшегося в средние века пределом суши на западе. Иногда его местоположение предполагают где-то к западу от Ирландии. Орозий говорит об «insula Thyle» (Oros., I, 2, 79) непосредственно после Оркадских островов и сообщает, что Туле отделен от других островов бесконечным пространством и лежит по направлению к северо-востоку «посреди океана» («medio sita oceani»). Современник Иордана Прокопий передает подробный рассказ об острове Θούλη и его обитателях Θουλῖται, подразумевая под этим островом Скандинавский полуостров (Bell. Goth., II, 15, 5—15).

24

Об острове с именем «Scandza» (или «Scandia»), т. е. о Скандинавии, Иордан подробно рассказывает ниже, начиная с § 16.

25

О готах, пришедших с острова Скандзы, Иордан говорит как о «пчелином рое» («examen»). Образ племени, сходного по многочисленности и стихийному налету с роем, отразился у многих писателей. Подобное сравнение племени с пчелиным роем употребил один из первых христианских писателей и ораторов – Тертуллиан (ум. в 230 г.), который писал: «пролетели рои (examina) переливающихся через край племен» (Tert., Liber de pallio, II). Иероним (ум. в 420 г.), знаменитый яркостью своего литературного языка не меньше, чем Тертуллиан, применил этот же образ в описании появления гуннов: «от крайних мэотийских рубежей... вырвались рои (examina) гуннов, которые, летая здесь и там на быстрых конях, наполнили все места убийством и ужасом» (Hieron. Epist., 77, 8, от 399 г.).

Ниже, начиная с § 16.

27

О написании слова «Бриттания» см. прим. 22.

28

Иордан постоянно употребляет в отношении Испании и Галлии форму множественного числа. Очевидно, что и в его время, когда эти части Римской империи были уже заняты варварскими королевствами, их все еще представляли римскими провинциями, причем было несколько Галлий (Lugdunensis, Narbonensis) и несколько Испаний (Taraconensis, Carthaginensis). Когда новые племена вторгались в пределы Галлии, Иероним восклицал: «Бесчисленные свирепейшие племена заняли все Галлии. Все, что лежит между Альпами и Пиренеем, что заключено между Океаном и Рейном, все разорили...» («Innumerabiles et ferocissimae nationes universas Gallias occuparunt. Quidquid inter Alpes Pyraeneum est quod Oceano er Rheno includitur... vastarunt», – Hieron. Epist., 122, от 409 г.).

29

Тацит сообщил, что из древних писателей именно Тит Ливий в не дошедшей до нас части своего фундаментального труда сравнил форму Британии с продолговатым блюдом или с обоюдоострой секирой («oblongae scutulae vel bipenni adsimilavere») и что впервые только римский флот, обойдя вокруг Британии, подтвердил, что она представляет собой остров (Agricola, 10).

30

Юлий Цезарь совершил два похода в Британию, в 55 и 54 гг. до н. э.; они не привели к закреплению острова за римлянами.

31

Стадий (στάδιον) – не вполне устойчивая мера длины (от 178 до 210 м); в среднем стадий равен приблизительно 200 м. Таким образом, по Иордану, в точности заимствовавшему эти данные у Диона Кассия (Dio Cass. Hist. Rom., LXXVI, 12), ширина Британии достигала примерно 462 км, а длина – 1427 км. В «Схолиях к землеописанию Дионисия» (Дионисий писал во II в. н. э.) сообщается, что стадий имеет длину ипподрома и что семь с половиной таких стадиев «составляют один милион» (ποιοῦσι μίλιον ἑν), т. е. одну римскую милю, миллиарий, равный тысяче шагов (около 1,5 км). (Ср. прим. 3, 4, 101, 349, 433).

32

Страбон (род. ок. 50 г. до н. э., ум. в конце царствования императора Тиберия, 14—37 гг.) – знаменитый греческий географ и путешественник. Его сочинение «География» в 17 книгах (написана не ранее 18 г. н. э.), наряду с географическим трудом Птолемея, пользовалось большой известностью в течение средних веков.

33

Корнелий (у Иордана) – Корнелий Тацит (ок. 55—ок. 120). В данном месте Иордан ссылается на основное и наиболее совершенное его произведение «Анналы», заключавшее в себе историю Римской империи за 14—68 гг., от смерти Августа до смерти Нерона. Из средневековых авторов Корнелием называл Тацита не один Иордан. См., например, перечисление имен древних историков в прологе к Хронике Оттона Фрейзингенского (Ottonis episcopi Prisingensis Chronica sive Historia de oluabus civitatibes. Prologus libri primi, ed. Hofmeister – Zammers, Berlin, 1960, p. 10).

34

Это не совсем ясное место (§ 13) о течении рек в Британии повторяет сообщение Помпония Мелы (Mela, III, 51): «praegrandia flumina, alternis motibus modo in pelagus modo retro fluentia et quaedam gemmas margaritasque generantia» («превеликие реки, текущие переменным движением то в море, то обратно и порождающие драгоценные камни и жемчужины»). Здесь подтверждается мысль о перемене направления течения британских рек – вперед и вспять. Не отразилось ли в этом рассказе наблюдение над явлением приливов, усиливаемых воздействием ветров с моря?

35

Каледония – нын. Шотландия.

36

На средневековых картах и даже на карте Птолемея остров Британия иногда настолько вытянут к западу, что оказывается противолежащим северному побережью Испании. Это место в произведении Иордана свидетельствует, что автор руководствовался какой-то картой для написания географических частей своего труда.

37

Здесь и в дальнейшем племенные предводители, названные у Иордана «reges», передаются в русском переводе как «короли», хотя терминологически это неточно. Иногда для обозначения племенных вождей употребляется слово «рикс» (ρήξ, rex), не нашедшее, однако, всеобщего признания в научной литературе по эпохе «переселения народов».

38

Дион Кассий – греческий историк и государственный деятель (ок. 150 – после 229 г.); среди его должностей – проконсулаты Африки, Далмации, Паннонии. К концу жизни, удалившись на родину в Вифинию, в город Никею, Дион написал «Римскую историю» в 80 книгах, доведенную до 229 г. н. э. Из этого сочинения до нашего времени сохранились целиком лишь книги 36—60 (в них описано время от 68 г. до н. э. до 47 г. н. э.) и фрагменты остальных книг. Произведение Диона является серьезным и достоверным источником. Иордан ссылается на него дважды (§§ 14, 150).

Кроме Диона Кассия, Иордан пользуется произведением Диона Хризостома, написавшего историю гетов (ср. прим. 129).

39

О племенах, разрисовывавших свои тела, говорит Вергилий в «Энеиде» (Aen., IV, 146), называя их агафирсами, и в «Георгиках» (Georg., II, 115), называя их гелонами. Помпоний Мела в обстоятельном рассказе (Mela, II, 10) сообщает, что агафирсы разрисовывают лица и тела («ora artusque pingunt») в большей или меньшей степени в зависимости от древности рода, и узоры эти невозможно смыть («et sic ut ablui nequaeant»). Интересен комментарий к Вергилию, составленный грамматиком IV в. Мавром Сервием Гонoратом. Первое из указанных выше мест (из «Энеиды») он объясняет так: «„разрисованные агафирсы“ („pictique Agathyrsi“) являются племенами Скифии, а слово „picti“ в данном случае не означает „имеющие наколы“ („picti autem non stigmata habentes“) подобно народу в Британии [который такие наколы имеет]». Этот текст, не разъясняя до конца понятия «picti», содержит ценное указание (причем, автора IV в.), что жители Британии делали себе наколы, разрисовывая кожу. Второе из указанных мест (из «Георгик») комментатор объясняет иначе: «и разрисованных гелонов» („pictosque Gelonos“) [а именно] – „имеющих наколы“ („stigmata habentes“), это – племена Скифии, как и разрисованные агафирсы». Здесь подкрепляется представление, что глаголом pingere определяли какую-то татуировку. В V в. Клавдиан упоминал о «разрисованных железом щеках» («ferro picta genas», – Claud., De laude Stilichonis, 2, 247) и о гелонах, которые вообще любили разрисовывать железом части своего тела («membraque qui ferro gaudet pinxisse Gelonus», Claud., In Rufinum, I, 313). Итак, приведенное выше место Иордана свидетельствует об обычае каледонцев и меатов – жителей нынешней Шотландии – накалывать кожу металлическим острием для нанесения на нее рисунка.

40

Эсседы – кельтское обозначение двухколесных колесниц, применявшихся в бою галлами, белгами и бриттами, о чем свидетельствуют Цезарь, Вергилий, Ливий. Помпоний Мела (Mela, III, 52) рассказывает, что жители Британии воюют не конными и не пешими, а на колесницах, которые вооружены по галльскому способу («bigis et curribus Gallice armatis») и называются «ковиннами»; на этих колесницах применяются косы, прикрепленные каждая к выступающему концу оси («covinnos vocant, quorum falcatis axibus utuntur»).

41

Птолемей (Claudius Ptolemeus) – знаменитый александрийский ученый – астроном, математик и географ (II в. н. э.). «География» (или «Наставление в географии», Γεωγραφικη υφήγησις) Птолемея в течение ряда веков была важнейшим источником сведений о земле и ее странах. Иордан называет Птолемея «orbis terrae descriptor egregius» и дважды на него ссылается (§§ 16 и 19). В большинстве рукописей с текстом «Getica» имя Птолемея (Πτολεμαῖος) написано неправильно: Ptolomeus, но иногда (Get, § 19) – встречается правильное написание: Ptolemaeus.

42

В данном случае Иордан опирается на запись Птолемея о четырех островах около Кимврского (нын. Ютландского) полуострова, называвшихся Скандиями (Σκανδίαι); самый восточный и наибольший из них находится, по словам Птолемея, около устьев реки Вистулы (Вислы) и тоже называется Скандией: μία δε μεγίστη και ανατολικωτάτη κατα τας εκβολας Ουιστούλα ποταμοῦ καλεῖται δε ιδίως και αύτη Σκανδία (Ptol., II, 11, 33—35).

43

Помпоний Мела – римский географ I в. н. э., родом из провинции Бэтики в Испании. Он написал в 40—41 гг. сочинение в трех книгах, обычно называемое «De chorographia» или же, по начальным словам текста: «De situ orbis». Иордан назвал имя Помпония Мелы всего один раз (§ 16), но, хорошо зная его труд, иногда использовал приводимые им данные по памяти, не упоминая имени автора. Таковы, например, сведения об истоках и течении Днепра (Get., § 46; Mela, II, 1, 6—7), о величине Дуная (Get., § 75; Mela, II, 1, 8) и др.

44

Соответственно сообщению Помпония Мелы (Mela, III, 31, 54), Иордан пишет о Скандзе как об острове, расположенном в Коданском заливе (Codanus sinus), под которым, по-видимому, подразумевает Балтийское море, главным образом его южную часть (судя по сохранившемуся до наших дней названию «Гданьск»), вместе с крупными островами у нынешних шведских, датских и германских берегов. Один раз Помпоний Мела говорит о Коданском заливе в связи с рекой Эльбой и островами (Mela, III, 31). Вторично упоминая Коданский залив, Мела соединяет с ним «замечательную Скадинавию» («eximia Scadinavia», Mela, III, 54). Ср. прим. 63.

45

Следуя Птолемею, Иордан пишет о расположении Скандзы против расходящейся тремя рукавами (trisulcus) Вислы. (Ср. прим. 42.)

Сарматские горы (Sarmaticae montes) – Карпаты.

47

Трудно предположить, чтобы водное пространство, – по Иордану «обширнейшее озеро», – к востоку от Скандзы (Скандинавии) было чем-либо иным, кроме Балтийского моря (ср. следующее примечание).

48

Река Ваги (или Ваг? «Vagi fluvius») до сих пор не поддается определению. К этому загадочному имени Моммсен не дал никаких разночтений. В «обширнейшем озере», изливающемся рекой Ваги, можно предположить не только Ладожское озеро и Неву, но и заливы Балтийского моря – Финский и Рижский. Один из исследователей «Getica» Иордана Л. Вейбулль писал, что идентификаций этого озера и реки Ваги масса: «Die Identifizierungen des Sees und des Flusses sind Legio» (L. Weibull, Skandza und ihre Völker. S. 218). Сам же он предположил следующее: так как Иордан или его предшественники должны были, составляя свои географические описания, смотреть на карту, то к востоку от Скандзы они могли отчетливо различить лишь Каспийское море, вдающееся с севера в сушу в виде глубокого залива из океана (по древним представлениям, Каспийское море соединялось с океаном; так у Эратосфена, у Помпония Мелы, у Орозия). Поэтому «обширнейшее озеро», по мнению Л. Вейбулля, может быть только Каспийским морем. Относительно же Ваги он подозревает неправильное прочтение неразборчивого римского курсива, которым, как думал Моммсен, были написаны первоначальные экземпляры «Getica». Помпоний Мела писал, что Каспийское море узким и длинным проливом «прорывается в сушу наподобие реки» («quasi fluvius inrumpit», – Mela, III, 38). Слово quasi, написанное римским курсивом, было легко прочесть как vagi (см. у Вейбулля, стр. 223, и ссылки на палеографические таблицы, на основании шрифтов которых автор сближает написание quasi и vagi).

49

Сравнение «Германского моря» с выступающей из океана рукой указывает на то, что автор имел перед глазами карту с очертаниями морей и островов. Так, в § 11 он говорит о форме острова Британии; в § 30 – о форме Каспийского моря (ср. прим. 84). «Германский океан» упомянут Иорданом еще в § 120 в связи с эстами (литовское племя), сидящими на его берегах. Следовательно, «Германское море» или «Германский океан» может обозначать скорее всего нынешнее Балтийское море.

50

У Птолемея (Ptol., II, 11, 35) названы на западе хедины, на востоке – фавоны и фиресы, на севере – финны, на юге – гуты и давкионы, посредине – левоны. Иордан в описании племен, населяющих Скандзу, приводит не эти, а другие этнические названия.

51

«Медоносный пчелиный рой» отмечен автором явно потому, что мед составлял необходимый ингредиент питания. Мед добывался в лесах. Страны, лишенные меда, представлялись особенно суровыми.

52

Описывая население Скандзы, Иордан приводит до трех десятков этнических названий. Понятно, что данные автора VI в. о племенах отдаленного от него севера Европы могли быть очень неопределенными, а то и вовсе недостоверными. Разобраться в перечисляемых Иорданом племенных названиях очень трудно. Попытки в этом направлении делались многими учеными, преимущественно на основе лингвистики. Попытку же исторического осмысления сведений о жителях Скандзы сделал Л. Вейбулль. Он отмечает, что Иордан назвал скандинавские племена по группам. Северная группа («in parte arctoa») состоит из трех племен: адогит, скререфенны, суэханс. Относительно первого племени со странным названием «gens Adogit» (причем Моммсен не дал к этому слову никаких разночтений) Вейбулль (стр. 238) высказывает догадку, что «adogit» – то же, что «thulit», т. е. обитатели острова Фулы (Thyle), о которых рассказывает – одновременно с Иорданом – Прокопий (Bell. Goth., II, 15, 5—15. Ср. прим. 23). Замечательно то, что Прокопий, как и Иордан, связывает с племенем фулитов или тулитов сообщение о 40-суточной ночи и о 40-суточном дне полярных стран. Ясно, что независимые друг от друга писатели исходили из какого-то общего источника. Не был ли это неизвестный нам, но определенно называемый Иорданом, Аблавий (Get, §§ 28, 82, 117)?

53

Скререфенны принадлежали, по Иордану, к северной группе племен на Скандзе. И их наравне с фулитами-адогит упомянул Прокопий (Σκρίθιφινοι – Bell. Goth., II, 15, 16), рассказав, так же как и Иордан, что они живут охотой и питаются мясом убитых ими животных. Об этом же племени «Scritofini» писал Павел Дьякон (Hist. Langobard., I, 5).

54

О прекрасных конях у туринго́в сообщает Кассиодор, упоминая, что король остроготов Теодерих получил в дар от туринго́в лучших породистых лошадей (Variae, IV, 1).

55

Сапфериновые шкурки (от греческого слова σαπφειρίνος – сапфировый или сходный по окраске с драгоценным камнем сапфиром) – какие-то ценные меха, конечно, не синего, «сапфирового», а черного цвета, быть может с синим отливом. Интересно, что греческое слово κύανος или κυάνεος означает одновременно темный, черный, а также и темно-синий; подобное значение слова дает возможность видеть в определении Иордана черные меха с синим отливом. Слово κύανος в соединении с другими словами имеет значение то черного, то синего: κυανόφρυς – чернобровый, κυανωπις – синеглазый, κυανόστολος – облеченный в черную одежду, о Κυανοχαίτης – темноволосый, как эпитет Посейдона, повелителя над синими волнами морей.

Об этих и последующих группах племен на Скандзе см. у Л. Вейбулля.

Вместо «mitiores» («более мягкосердечные») Моммсен, соглашаясь с мнением Мюлленгофа, предпочитает «minores» («более низкорослые»): дальше говорится о росте других племен,

58

О герулах см. прим. 370.

59

Руги названы Иорданом в последней группе племен «острова Скандзы». Перечисляя эти племена, Иордан, конечно, передавал какие-то древние, неизвестные нам сведения о них, из которых, надо думать, взял и сопоставление их с германцами (в некоторых рукописях, как отметил Моммсен, стоит не germanis, a romanis или и то и другое – romanis germanis). Быть может, источником некоторых сведений, кроме древних сказаний, послужил и какой-либо римский автор, который рассматривал германцев как обитателей известной римлянам Германии и мог сравнить их с новыми, появившимися из-за моря негерманскими, в его глазах, племенами. Рассказывая о переселении готов на южное побережье Балтийского моря, Иордан сообщает, что они встретили здесь племя ульмеругов (§ 26), т. е. «островных ругов» (ср. прим. 64). Следовательно, руги или часть их (ульмеруги) вышли с «острова Скандзы» раньше готов. Таким образом, из текста Иордана выясняется путь племени ругов, сходный с путем ряда других германских племен, в том числе и готов, покинувших Скандинавию. Руги, вытесненные готами с балтийского побережья, начали свое продвижение в южном или юго-западном направлении. Название племени ругов не ускользнуло от Тацита. В трактате «Германия» (гл. 44) он упомянул о ругиях, обитающих у «океана», т. е. у Балтийского моря. Хотя в источниках, содержащих этнические (почти всегда чуждые автору) названия и описания расселения племен, часто бывают не только неточности, но и путаница, тем не менее Тацит достаточно отчетливо указал, с одной стороны, на ругиев у океана и, с другой, на лигиев (или лугиев) – союз племен, занимающий «широчайшие пространства» (примерно между Вислой и Одером). Лугии отмечены особо и у Страбона: «большое племя луйев» – Λουίους μεγα έθνος (Geogr., VII, 1, 3). Подчеркнуть все это следует потому, что руги (или ругии), хотя и противопоставлены Иорданом германцам, едва ли могли быть отождествлены со своими соседями лугиями. Культура лугиев, так называемая, «лужицкая культура», освещена археологическим материалом и обнаруживает родство между лугиями и жившими на восток от них венедами. Она рассматривается как свидетельство древнейшего прошлого славян. «Опираясь на археологические данные, мы можем считать лугиев такими же предками славян, как и венедов...» (М. И. Артамонов, Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси, – КСИИМК, вып. VI, 1940, стр. 5). Интересно, что составитель дорожника IV в. н. э. (так называемых Пейтингеровых

таблиц) определяет венедов и лугиев собирательно как сарматов, т. е. как негерманцев.

В дальнейшем изложении Иордан упоминает о ругах в связи с двумя событиями: в § 261 он рассказывает о битве племен на реке Недао, происшедшей после смерти Аттилы, когда скрепленный его властью союз распался. Кроме гуннов и аланов, им названы германские племена: готы, гепиды, свавы, герулы; по-видимому, к этим племенам принадлежали и руги. В § 277 рассказано о сражении на реке Болия между свавами и готами в 469 г.; союзниками свавов были сарматы с королями Бевкой и Бабаем, а кроме того, скиры, гепиды и часть племени ругов. Неясным остается, какие именно руги добрели после первого из названных сражений во Фракию, к городам Бизии (нын. Виза) и Аркадиополю (нын. Люлебургаз). Как раз к этому времени, т. е. ко второй половине V в., относятся довольно подробные сведения о ругах и их королях в Паннонии, записанные в таком полном конкретными данными источнике, как «Житие св. Северина» (ум. в 482 г.), составленное его учеником Евгиппием (Eug. v. Sev. V, VI, VIII, XXXI, XL, XLII, XLIV). Когда Иордан называет ругов в связи с Одоакром, он пишет «роги» (Rom., § 344; Get., § 291), как в греческих источниках (’Ρογοί σ Прокопия; Bell. Goth., III, 2, 1—3).

Слова Иордана о короле Родульфе являются здесь вставкой: они явно нарушают ход изложения. Современник Иордана Прокопий рассказал о Родульфе, короле герулов (Bell. Goth., II, 14, 11—21), который погиб в битве с лангобардами через три года после вступления на престол императора Анастасия, т. е. около 494 г. С тем, что отметил Иордан в вышеуказанной вставке, совпадают сведения из «Variae» Кассиодора (IV, 2) о том, что король герулов Родульф был «сыном по оружию» короля Теодериха. Если поместить вставку о Родульфе после слова expulerunt, то получится, что он был именно королем герулов. Вместе с тем при таком перемещении перечисление племен («граннии ... рании») естественно сольется с дальнейшей фразой: «hae itaque gentes...» Неясно, что означают слова «незадолго до того», сказанные в отношении Родульфа. Быть может, они относятся к тому времени, когда писал Кассиодор, и механически попали в текст Иордана.

61

Иордан определил Скандзу как область, откуда вышли разные германские племена, те, которые его современником Прокопием названы вообще Γοτθικα έθνη или Γοτθικα γένη. Скандза – «officina gentium» и «vagina nationum». Иордан многократно употребляет термины «gens» и «natio» (а также «populus»), причем так, что трудно уловить отчетливую разницу между ними, так как она неясна самому автору. Важно то, что Иордан отметил самый ранний момент в истории готов или, вернее, в истории ряда готских племен – выход их с «острова Скандзы». После Иордана о Скандзе упоминалось и в других источниках: «insula in partibus aquilonis Scadanan» («Origo gentis Langobardorum» конца VIII в.); «Scatenauge Albiae fluvii ripa» («Historia Langobardorum codicis Gothani» начала IX в.); англосаксонское название «Scedenig»; «Scathanavia quae est inter Danuvium et mare Oceanum» в хронике Фредегара.

Основным трудом по древнейшей истории германских племен до сих пор является книга Л. Шмидта (L. Schmidt, Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Die Ostgermanen. 2 Aufl., München, 1934). Немецкий ученый, десятки лет работавший библиотекарем Дрезденской государственной библиотеки, собрал огромный материал по истории каждого из известных германских племен, использовав как источники, так и литературу. В этом отношении его книга полезна. Однако в ряде случаев она грешит национализмом; Л. Шмидт видит главную движущую силу «эпохи переселения народов» в германских племенах и преуменьшает роль многочисленных славянских племен, историческое значение которых столь ярко отражено в византийских источниках VI—VII вв. Роль, которую играли славянские племена в Восточной и Центральной Европе, не уступает роли германцев в более западных и юго-западных ее частях. Л. Шмидт, конечно, полностью использовал сведения, приводимые в «Getica» Иордана. Что касается сообщения о готах – выходцах с острова Скандзы, то Л. Шмидт твердо убежден, что в рассказе Иордана (§§ 25, 94) заключено ядро исторической достоверности, и поэтому правильно считать, что готы пришли из Скандинавии к устьям Вислы, но никак не наоборот. Того же мнения на основе археологических исследований придерживается и Оксеншерна, публикующий интересную карту (E. C. G. Oxenstierna, Die Urheimat der Goten, S. 182; ср. также новейшую работу Шварца: E. Schwarz, Germanische Stammeskunde).

62

Готы отправились с острова Скандзы на трех кораблях, о чем Иордан сообщает ниже, в § 94. Три корабля, на которых разместились переселенцы, как бы указывают на разделение готов (совершившееся впоследствии, когда готы передвинулись к Черному морю) на три особых племени: остроготов, везеготов и гепидов.

63

Готы дали название Gothiscandza той местности на южном берегу Балтийского моря, где они высадились, приплыв на трех кораблях с «острова Скандзы». Вероятнее всего, это было побережье близ дельты Вислы, к которому давно вели морские пути с противолежащих берегов. Про часть готов, а именно гепидов, так и сказано у Иордана (Get., § 96): они осели на острове, образуемом Вислой (Висклой). Название «Готискандза» объясняется либо как «Godaniska» (в дальнейшем Гданьск), в связи с Коданским заливом, упомянутым Помпонием Мелой (Mela, III, 31, 54), либо как «Gutiskandja», что значит «готский берег». Последнее вероятнее (ср. L. Schmidt, S. 196).

64

Ульмеруги (Ulmerugi), о которых Иордан сообщил, что они «сидели на берегах Океана», обычно рассматриваются как руги с островов, островные руги, так как слово «holmr», «holm» означает «остров». Ульмеруги жили близ Балтийского моря (Океана) на островах в дельте Вислы, откуда и были вытеснены пришедшими туда готами.

65

Вандалы у Иордана всегда Vandali, но у Тацита – Vandilii, у Плиния – Vandili, у греческих авторов – Βανδίλοι или Βάνδιλοι. Так и у Прокопия: вандилы в числе Γοτθικα έθνη (Bell. Vand., I, 22) или в числе Γοτθικαγένη (Bell. Goth., IV, 5, 5). В данном случае имеется в виду северное расселение вандалов между Вислой и Эльбой до второй половины II в., когда вандалы продвинулись к верховьям Эльбы. Дион Кассий называет Исполиновы горы, с которых течет Эльба, Вандальскими (Dio Cass. Hist. Rom., 55, 1, – «Ουανδαλικα όρη»).

66

Здесь названы имена трех из пяти первых готских королей, память о которых сохранилась в предании, отразившемся в рассказе Иордана. Короля Берига относят приблизительно к середине I в. н. э. Имена двух его преемников неизвестны; четвертым королем был Гадариг, пятым – сын его Филимер, при котором готы – ко второй половине II в. н. э. – появились на нижней Висле. Слово «pene» («iam pene quinto rege») не значит, конечно, «почти», так как не может быть «почти пятого короля», но указывает на древнюю историю племени, когда им правил «едва только пятый король».

67

Слово «exercitus», переводимое нами как «войско», означает, собственно, всю мужскую боеспособную часть племени, которую сопровождают «familiae» – здесь в смысле обоза с женщинами, детьми, стариками и имуществом.

Ойум (Oium) – название той области, в которую пришли готы, передвигаясь с нижней Вислы на юг. Земли, называемые пришельцами на своем языке Ойум, находились в пределах Скифии, за рекой, в соседстве с которой расстилались болота и омуты. Слово «Ойум» близко готскому Aujom, что значит «страна, изобилующая водой», «речная область». Тот же термин мелькнул у Иордана при определении острова в устьях Вислы – «Gepedoios» (§ 96); автор указал, что так называли это место гепиды на своем родном языке. До сих пор старое немецкое слово «Au» или «Aue» определяет местность, окруженную водой, обильно орошаемую реками.

Весьма важно хотя бы наметить, где находилась область Ойум, чтобы попытаться установить, где впервые осели готы, придя на юг, приблизившись к Причерноморью. Существенно указание Иордана, что место перехода готами реки было окружено топями и омутами. Вероятно, он даже не представлял себе, какая именно это была река. Принимая во внимание повторение Иорданом (Get., § 39) сообщения, что готы с Филимером жили в Скифии у Мэотиды, естественно предположить, что они пересекли Днепр, тем более что часть готского племени прошла в Таврику. Труднее согласиться с предположением, будто готы пересекли Припять и Пинские болота, и вместе с тем в их предании никак не отразилось такое крупное событие, как переход через Днепр (а его они перешли несомненно, так как продвинулись в Крым). Невозможно также разделить мнение Г. В. Вернадского, что готы пересекли Днепр в том месте, на котором впоследствии вырос Киев, и пошли на восток, где у Донца и Оскола (или «Оспола») встретили спалов – часть аланского племени, – с которыми и сразились (см. G. Vernadsky, Ancient Russia, p. 104—105, 114—115). Представляется наиболее вероятным подразумевать под готским «Ойум», названным Иорданом (Get. § 28) «желанной землей» («optatum solum»), древнюю греческую Гилею на левом берегу нижнего Днепра и его лимана. Hylaea (Υλαίη) названа еще Геродотом (Hist., IV, 18, 19, 21, 55, 76), который рассказал, что к востоку от Борисфена (διαβάντι τον Βορυσθένεα απο θαλάσσης πρωτον μεν η Υλαίη) на единственном участке всего северного приазовского и причерноморского побережья тянулся прекрасный лес (IV, 18, 1). Ширину его в направлении к северу можно определить в 40 км, длину с запада на восток – в 140 км. Теперь там раскинулась степь, но в античное время, в средние века и

даже в XVIII в. еще был густой смешанный лес. Готы, переходившие Днепр с большими затруднениями из-за болот, могли пересечь его в каком-либо месте против Гилеи, там, где вдоль левого берега Днепра, иногда сливаясь с ним, течет река Конка. Может быть, это была область так называемого Великого Луга, где бесчисленные протоки и мелкие озерца образуют обширное болото (см.: Ф. А. Браун, Разыскания в области готославянских отношений, стр. 224). Преодолев его (где-то около нынешних Берислава и Каховки?), готы имели возможность двинуться на юг, к Перекопу. Может быть, они перешли Днепр ниже, но опять же не минуя Конки: «в своем течении она раздробляется на множество островов и так называемых плавней, покрытых и до сих пор почти сплошным лесом...» (И. Е. Забелин, Заметка о древности днепровского Олешья, стр. 1 – 3). Характер этих мест объясняет и причину оседания части племени либо на островках, либо на правом берегу. Не это ли обстоятельство послужило в дальнейшем поводом к тому, что готы стали жить двумя самостоятельными частями: восточные, остроготы, заняли левобережье нижнего Днепра, западные, везеготы, – его правобережье? Третью, совершенно обособившуюся часть составили готы, ушедшие в Таврику; от них позднее отделились готы-трапезиты (тетракситы Прокопия), передвинувшиеся на Таманский полуостров.

69

Можно почти с уверенностью сказать, что река, которую готы перешли («emenso amne») на пути в Ойум и в Причерноморье, была Днепр. (Ср. предыдущее примечание.)

Спалы (Spali) – племя, на которое напали готы, когда пришли со своим вождем Филимером в область Ойум. Название «спалы» перекликается с названием «спалеи» («Spalaei»), записанным Плинием (Plin., VI, 22), который относил расселение племени к реке Танаису; но особенно название «спалы» сближается с названием «споры» (Σποροι), упоминаемым Прокопием. Последний относит имя споров к склавенам и антам вместе: «имя же как у склавенов, так и у антов было вначале одно – и те и другие исстари назывались спорами» (και μην και όνομα Σκλαβηνοΐς τε και 'Άνταις έν το ανέκαθεν ήν. Σπόρους γαρ το παλαιον αμφοτέρους εκάλουν, – Bell. Goth., III, 14, 29). Прокопий пытается уяснить себе этимологию этого имени; по его мнению, оно происходит от наречия «σποραδην». В соответствии с широко распространенным в средние века приемом (например, в «Этимологиях» Исидора Севильского в VII в.; ср. толкования Иорданом племенных названий гепидов и герулов-элуров. Get., §§ 94—95, 117) он опирается на внешнее фонетическое сходство между словами «споры» и «σποραδην», «спорадически», и делает поэтому следующий вывод о значении самого этнического названия: так как σποραδην значит «рассеянно», «случайно», «там и сям», то «спорами» являются люди, которые «населяют землю, рассеянно раскидывая свои жилища» (ότι δη σποράδην, οιμαι, διεσκηνημένοι την χωραν οίκοΰσι), «благодаря чему они и обладают громадной областью – им принадлежит большая часть того [левого] берега Истра». Таким образом, если «спалы» Иордана и «споры» Прокопия совпадают, то, следовательно, готы, продвигаясь на юг, пересекли земли, населенные предками славян. В VI в. споры (по Прокопию) жили к северу от Дуная; раньше же, когда готы, перемещаясь к Понту, прошли через земли споров, последние жили, судя по словам Иордана, где-то на левобережье Днепра: ведь готы сразились с ними, перейдя реку («emenso amne») и вступив в область Ойум. О венетах и о спорах можно говорить, как об одном племени или как о группе племен, носящей либо первое, либо второе название, так как и венеты (по Иордану) и споры (по Прокопию) являлись общими именами для двух позднейших славянских разветвлений – склавенов и антов. Прокопий, неясно представлявший себе области северо-западного Причерноморья, не пытался установить, где именно обитали названные им древние споры. Говоря тут же (Bell. Goth., III, 14, 30) об обширной земле, которой владеют племена, расселяющиеся σποράδην, «рассеянно», он имеет в виду

современных ему склавенов и антов. Но в сочетании с беглым намеком Прокопия на общее древнее имя склавенов и антов (всего их «народа», ὁ λεώς), краткое, но важное замечание Иордана о спалах на нижнем Днепре приобретает для истории и археологии северного Причерноморья большое значение.

Это – существеннейшее свидетельство Иордана; он даже указывает свои источники: 1) песни-сказания, 2) сочинение историка Аблавия. Готы пришли на юг с Вислы, через область Ойум и места расселения спалов. Отсюда – из области спалов – готы продвинулись к берегам Черного моря, быть может, они остановились где-то на его побережье западнее Крыма. Далее (Get., § 39) Иордан говорит, что готы с вождем своим Филимером поселились около Мэотиды. Предположение, что Иордан, черпая сведения в древних народных песнях-сказаниях, заимствовал эти песни из сочинений историка Аблавия, неверно. Судя по тексту, Иордан пользовался двумя отдельными источниками: устной традицией – народными песнями и сказаниями – и письменной – трудом Аблавия.

72

Аблавий (Ablabius) – писатель, произведение которого не сохранилось. Его имя упоминается только Иорданом. Последний с особенным уважением относился к Аблавию, характеризуя его труд как «достовернейшую историю» («verissima… historia»). Сведения, содержавшиеся в сочинении Аблавия, были очень ценны для истории готов, так как они относились к их древнейшему прошлому, едва ли хорошо известному даже людям IV в. Из Аблавия черпались данные о событиях II—начала III вв., когда готы продвинулись с севера в области Северного Причерноморья. Если бы удалось найти произведение Аблавия в недрах какого-нибудь архива, в составе какого-либо позднейшего труда, или хотя бы уловить фрагменты того, что он когда-то создал в виде «Истории», – а счастливые находки могут случиться и в наши дни! – то это, несомненно, внесло бы много нового и уясняющего в сложную и изобилующую пробелами историю южнорусских степей и черноморского побережья. Действительно, Иордан называет Аблавия именно в связи с этими территориями; в § 28 говорится «о крайней части Скифии» («extrema pars Scythiae»), о той, которая прилежит к Понту; в § 82 говорится о побережье Понта в Скифии («limbus Ponti in Scythia»); в § 117 – о племенах, живущих около Мэотиды («iuxta Maeotida palude inhabitans»).

73

Иосиф Флавий – еврейский писатель (род. в 37 г. в Иерусалиме, ум. в 95 г. в Риме), писавший по-гречески. Свидетель взятия Иерусалима Титом в 70 г., он жил затем во времена императоров Веспасиана, Тита и Домициана в Риме. Главные его труды – «Иудейская война» (с приложением к ней автобиографии) и «Иудейские древности». Иордан мог читать «Иудейскую войну» в латинской обработке IV в. Надо думать, что интересовали его и «Иудейские древности», где излагается история еврейского народа от сотворения мира до 65 г. н. э. В этом произведении Иордан мог прочесть, что «Магог [сын Иафета] управлял теми, которые были по нему названы магогами [греки же] прозвали их скифами» (Antiquitates, I, 6, 1). Иордан подчеркивает правдивость сообщений Иосифа Флавия.

Магог – библейское имя. В Библии им назван второй сын Иафета при перечислении потомства трех сыновей Ноя (Быт., 10, 2); в заключение перечня говорится: «От них распространились народы по земле после потопа» (Быт., 10, 32). Кроме того, в Библии же именем Магог называется некая земля, в которой царствовал Гог (Иезек., 38, 2 и 39, 6). В средние века считалось, что в далеких восточных странах есть царство Гога и Магога, враждебное всему христианскому миру. В предыдущем примечании приведен текст из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия, который ставит знак равенства между «Магогом» и «скифами». Иероним это повторил: «Магог– Скифы» (Lib. hebraic. quaest. in genesin, 20, 2). Но Иероним – писатель начала V в., – несомненно, вкладывал в понятие «скифы» («Магог») иное содержание, чем Иосиф Флавий – писатель I в. Под магогом – скифами Иероним подразумевал современных ему гуннов. Такое объяснение держалось и позднее: в начале VI в. архиепископ Кесарийский Андрей в комментарии к Апокалипсису писал, что библейские племена Гог и Магог – те же скифские племена, «которые мы зовем гуннскими» (MPG, 106, col. 416). Вместе с тем Иероним не рассматривает готов как представителей племени магог и сомневается, прав ли Амвросий (ум. в 397 г.), его современник, в комментарии на книгу Иезекииля («De fide», II, 17), приписывая имена Гога и Магога не скифам, а готам, «недавно неистовствовавшим в нашей стране»; «наоборот, – продолжает Иероним, – все ученые скорее привыкли называть готов гетами, чем гогом и магогом». Однако в VII в. Исидор Севильский писал: «Магог – от коего, как полагают, ведут свое происхождение скифы и геты»; и еще: «древние называли [готов] чаще гетами, чем готами» (Isid. Etymol., IX, I, 27 и 89).

75

В разъяснение того, каким образом готы (или геты) называются скифами «и по племени» (et natione), «и по имени» (et vocabulo), можно привести толкование Исидора Севильского, нелепое, как большинство толкований этого авторитетнейшего для западного средневековья писателя. Он сообщает, что скифы и готы происходят от Магога, сына Иафета; сами готы – скифского происхождения («Gothi Scythica probantur origine»), потому что имя «готы» не очень отличается от имени «скифы» – стоит только изменить и отбросить букву: «demutata enim ac detracta littera Getae quasi Scythae sunt nuncupati». А последний слог имени Магог, будучи слегка изменен, указывает на название «гот». Так посредством излюбленной Исидором Севильским игры слов и кажущегося их фонетического сходства доказывается тождество скифов и готов (Isid. Goth. Laud., c. 66; Isid. Etymol., IX, I, 89). Ср. издание Момсена, стр. 61, прим. 1.

Истр (Ister, Hister) – название Дуная, весьма часто встречающееся у греческих и латинских авторов. Иордан именует Дунай преимущественно Данубием, иногда – Истром, вскользь заметив (Get., § 75), что имя Hister принадлежит языку бессов («lingua Bessorum Hister vocatur»). Цезарь, Гораций, Овидий и другие писатели употребляли наряду с названием «Истр» и название «Данубий». Истр – Данубий характеризуется в ряде сочинений как река значительная не только по величине; она была важнейшей границей· империи и оборонительной линией против варварских племен. Продолжая традицию некоторых предшественников, Иордан пишет то «magnus Danubius», то «amnis egregius». Уже Геродот говорил об Истре (Hist., IV, 48, 1), что это «величайшая из всех рек, какие мы знаем»; так же определяется Истр и у Страбона: «величайшая из рек в Европе» (Geogr., VII, 1, 1). Иордан дважды повторил, что названия Данубий и Истр равнозначны: a) «extremo alveo Istri, qui dicitur Danubius ab ostea sua usque ad fontem» (Get., § 32) и b) «a meridie Histrum, qui et Danubius dicitur» (§ 114). Однако в первом случае он относит название Истр только к нижнему течению реки; говоря о границах Скифии, он упоминает, как об известном месте, о «начале» Истра «ubi Ister oritur amnis» (§ 30). Слово «oritur» («рождается») невозможно понять в смысле истоков Дуная, так как никогда ни один древний автор не доводил пределы Скифии до Шварцвальда, где Дунай берет свое начало. Правда, Иордан один раз (в приведенном выше тексте из § 32) определил Дунай как бы «снизу вверх», «против течения», сказав «от устьев до истока, а не наоборот. Однако нельзя допустить, что он вообще путал значение терминов „исток“ – „fons“ и „устье“ – „ostea“. Говоря о „рождении“ Истра („ubi Ister oritur amnis“), он, надо думать, имел в виду не его исток и не его впадение, а некоторую часть течения Дуная, откуда реку начинали называть Истром. Это место косвенно указано самим Иорданом (§ 33). Он пишет, что в Скифии, – а она простиралась именно до того пункта, „где рождается Истр“, – первым с запада живет племя гепидов и по его области протекает Тизия (Тисса). Получается, что в представлении Иордана Дунай именовался Истром, начиная примерно с территории, где в него слева впадала Тисса, а справа – Сава.

О двух именах Дуная в применении их к верхнему и нижнему течению писали все наиболее известные географы античности. У Страбона (Geogr., VII, 3, 13) обстоятельно сообщается, что «части

реки, находящиеся наверху близ истоков, вплоть до порогов, называли Данувием» (και γαρ τοῦ ποταμοῦ τα μεν άνω και προς ταῖς πηγαῖς μέρη μέχρι των καταρακτων Δανούιον προσηγόρευον). Под порогами или водопадами, «катарактами», вероятнее всего, подразумевались теснины подступающих к руслу Дуная Трансильванских Альп, в которых река, суженная горами, проходит сначала так называемые «Клисуры» (clausura – запирание, замыкание), а затем «Железные ворота», близ города Турну-Северина. Ширина Дуная в Клисурах уменьшается до 112 м. Здесь был своего рода перерыв реки; на правом берегу была вырублена в скале римская дорога времени дакийского похода императора Траяна в 103 г. н. э. Страбон пишет, что до Клисур и Железных ворот Дунай назывался Данувием, – так именовали его даки. «Части же реки, находящиеся ниже по течению, вплоть до Понта, у гетов называются Истром (τα δε κάτω μέχρι τοῦ Πόντου τα παρα τους Γέτας καλοῦσιν Ἴστρον). При этом, замечает Страбон, „даки одноязычны с гетами“. У Помпония Мелы указано (Mela, II, 8), что река, отмежевывающая народы Скифии, беря начало в Германии, „рождается под иным именем, нежели то, под которым она оканчивается“ („alio quam desinit nomine exoritur“); „долго, на огромном пространстве, занятом великими племенами, она остается Данувием, а затем становится Истром, так как примыкающее население зовет ее уже иначе („per immania magnarum gentium diu Danuvius est, deinde aliter eum adpellantibus accolis fit Hister“). Плиний, который бывал в придунайских провинциях, считает рубежом обоих названий Дуная (Plin., III, 79) то место, где он впервые начинает „омывать Иллирик“. Выше река называется Данувием, ниже – Истром: „ortus in Germania ...ac per innumeras lapsus gentes Danuvi nomine... et unde primum Illyricum adluit Hister appellatus“. По определению Плиния, Иллирик тянется „от реки Арсии до реки Дирина“ (Plin., III, 150), т. е. от Арсы, текущей с севера на юг в восточной части полуострова Истрии и впадающей в Адриатическое море, до реки Дрины – крупного правого притока Савы, впадающего в нее выше города Сирмия (нын. Митровица). Определение Иллирика вообще отличалось расплывчатостью. Например, Тацит (Tac. Hist., I, 76, 1—2) причислял к Иллирику даже Верхнюю Мезию. Из слов Плиния можно извлечь лишь приблизительный вывод, что где-то, в местах, недалеких от слияния Савы с Дунаем, в области Сирмия и Сингидуна (но, очевидно, не ниже), Данубий получал имя Истра. По Птолемею (Ptol., III, 10, 1), Истр начинался от города Аксиуполя, на правом берегу нижнего Дуная, там, где река поворачивает резко на север, отделяя Добруджу с западной стороны. У Горация и особенно у Овидия, окончившего, как

известно, жизнь в ссылке в низовьях Дуная, встречаются оба названия знаменитой реки. Вергилий называет только Истр. По одному из стихотворений Овидия (Trist, II, 2, 189, 198) видно, что автор употреблял оба названия, не проводя между ними различия. Поздние комментаторы объясняли, что Истр – то же, что и Данубий; так в комментарии Сервия к Вергилию (Georg., III, 350); так в византийском парафразе на Περιήγησις – сочинение Дионисия (II в. н. э.) Если Аммиан Марцеллин, употребляя оба названия, нигде не поясняет, что Данувий (Danuvius) и Истр равнозначны, то у Орозия специально указано, что Истр значит то же, что и Данубий (Danubius; Oros., I, 2, 52; IV, 20, 34). Не пропускает такого объяснения и Прокопий, три раза повторивший, что река Истр иначе именуется Данубием (Bell. Vand., I, 1, 10; Bell, Goth., IV, 5, 29; Aed., IV, 5, 1). Таким образом, Иордан так же, как его современники и предшественники, отразил в своем сочинении многовековую традицию наименований Дуная. Однако, как видно, еще задолго до VI в. разница между обоими названиями почти стерлась, причем преобладающим осталось «Данубий“.

77

О Мурсианском озере см. прим. 110.

78

Тира – древнее наименование реки Днестр. Иордан тут же, вслед за обозначением Тира (Tyras), называет и Днестр (Danaster), как бы имея в виду другую реку. Кроме Иордана, употребившего трижды имя Danaster (Get., §§ 30, 35), почти так же называет эту реку Аммиан Марцеллин: «ad amnem Danastium» и «prope Danasti margines» (Amm. Marc., XXXI, 3, 3; 3, 5); однако он же называет город и реку Тирой: «civitas Tyros», «fluvius Tyras» (Amm. Mars., XXII, 8, 41). Название реки Тиры встречается уже у Геродота в числе других крупных рек: «пятиустый Истр, затем Тирис (Τύρης), Ипанис, Борисфен...» (Hist., IV, 47, 2), а живущих около устья Тириса эллинов Геродот называет тиритами (Τυρῖται, – ibid., IV, 52). Несколько выше (ibid., IV, 11) Геродот рассказывает о могиле киммерийских царей, погребенных киммерийцами около реки Тираса. Когда с востока надвигались «кочевые скифы» (Σκύθας τους νομάδας), то киммерийцы решили покинуть свои земли из-за опасности скифского вторжения. «Страна же их была та самая, – пишет Геродот, – которую „ныне“ (νῦν) населяют скифы». Однако, цари киммерийцев решили иначе: они предпочли лежать мертвыми в родной земле, но не покидать ее. Разделившись на два отряда, цари перебили друг друга. Народ (ο δημος) похоронил своих вождей у реки Тираса, «а могила, – замечает Геродот, – еще видна». Упоминает о реке Тире также Страбон: «от Истра к Тире пролегает Гетская пустыня, вся ровная и безводная» (απο Ἴστρου επι Τυραν και η των Γετων ερημία προκεῖται, – Georg., VII, 3, 14). О реке и городе Тире, раньше называвшемся Офиусой, сообщает Плиний: «славная река Тира, дающая имя городу, который до того назывался Офиуса» (Plin., IV, 82). Не пропустил реки Тиры и Птолемей (Ptol., X, 7). Встречается название Тиры и в позднем (V—VI вв.) сокращении географического словаря «Εθνικά» Стефана Византийского: «Тира – город и река у Евксинского Понта».

79

Река Вагосола (Vagosola) упоминается только у Иордана. Следуя порядку рек (Дунай, Днестр, Вагосола, Днепр), приходится отнести название «Вагосола» к Южному Бугу, в античности называвшемуся Гипанис (Hypanis); это название есть также у Иордана (Get., § 46). Фр. Вестберг в статье «О передвижении лангобардов» (стр. 15) допускает, что под Вагосолой можно подразумевать Вислу в том случае, если сблизить свидетельства Иордана в §§ 30 и 35, где, очерчивая область расселения склавенов, он рядом с Днестром ставит как северный предел реку Вислу. Однако Вагосола-Висла нарушила бы группу рек, впадающих в северо-западную часть Черного моря, которую имеет в виду Иордан.

80

Днепр (Danaper) определяется Иорданом как «великая» река. Античные географы знали реку Борисфен (Borysthenes). По словам Помпония Мелы, это красивейшая спокойно текущая река Скифии, прозрачная, чистая, с приятной для питья водой; в ней водится крупная рыба отличного вкуса и без костей (Mela, II, 6). Иордану известно не только древнее название Днепр – Борисфен (Get., § 44), но и его тюркское имя – Вар (§ 26). У Константина Порфирородного наряду с названием ὁ Δάναπρις, встречающимся многократно (De adm. imp. 8, 9, 37, 42), употребляется и название «Варух» (Βαρούγ), причем в конце главы, посвященной «генеалогии племен турков» (мадьяр), говорится об областях, орошаемых пятью реками; их имена Варух, Кубу (Буг), Трулл (Днестр, в иных случаях называемый Δάναστρις), Брут (Прут), Серет (Ibid., 38). Следует отметить, что ни Прокопий, ни Агафий, ни Феофилакт Симокатта не упоминают о Днепре ни под одним из его названий. Но Менандр пишет о реке Δάναπρις (Men. fr. 43). Ср. прим. 614.

81

Тавр, горный хребет Таврики – Крыма. По Иордану, это «Тавр скифский», а не азиатский.

82

Мэотида (Maeotis palus, Μαιωτις λίμνη) – обычное древнее и средневековое (литературное) название Азовского моря. Palus (λίμνη) означает болото. Появление названия palus, вероятно, связано с заболоченными берегами огромного водоема, где и до наших дней на многие километры тянутся плавни, особенно обширные вокруг дельты Кубани. В нашем переводе текста Иордана «болото» (Мэотийское) – «palus» – передается словом «озеро». Подобное толкование подкрепляется, например, тем, что Помпоний Мела употребляет в отношении Мэотиды попеременно то «palus», то «lacus» (Mela, 1, 8: «palus ipsa Maeotis»; I, 14: «ad lacum [живут] Maeotici»; I, 112; река Caracanda – Кубань, двумя рукавами впадая в озеро и в море – «in lacum et in mare profluens», – образует остров). В сочинениях Прокопия Мэотида названа исключительно Μαιωτις λίμνη (Bell. Pers., I, 10, 6; Bell. Goth., IV, 6, 16; IV, 4, 8; Aed., III, 7, 8 и др.). В трактате Константина Порфирородного (De adm. imp., 42) подчеркивается, что Мэотийское болото (η λίμνη Μαιώτιδος) из-за своей величины называется также и морем: και θαλάσσης δια το μέγεθος επονομαζομένης; в той же главе автор употребляет слово «море» уже без оговорки: την Μαιώτιδα θάλασσαν, хотя тут же пишет и иначе: της Μαιώτιδος λίμνης.

Мэотида вместе с впадающим в нее Танаисом рассматривалась как граница между Европой и Азией. Античные писатели и их комментаторы отмечали, что Мэотида замерзает. Грамматик IV в. Мавр Сервий Гонорат писал в комментарии к «Георгикам» Вергилия (Maeotiaque unda, – Georg., III, 349), что Мэотида – болото в Скифии, замерзающее от мороза («Maeotis palus est Scythiae frigore congelascens»).

83

Босфорские проливы (angustiae Bosfori) – так Иордан, следуя античной традиции, именует Боспор Киммерийский (Bosphorus Cimmerius, нын. Керченский пролив). У Аммиана Марцеллина – Пантикапейские проливы (Panticapes angustiae.—Amm. Marc., XXII, 8, 30). Прокопий уже не употребляет античного названия, устаревшего для его эпохи. Он говорит только об «устье» Мэотиды, называя его либо εκροή (Bell. Goth., IV, 5, 4), либо чаще εκβολή, εκβολαί (εκβολή... εκ λίμνης αρξαμένη της Μαιώτιδος άχρι ες τον Ευξεινον Ποντον, – Ibid., IV, 4, 10; IV, 4, 8 θ IV, 5, 5). Античное название он употребляет исключительно в тех случаях, когда приводит мнение древних авторов: «мудрецы, ученые (οι σοφοί) иногда считали, что Босфор Киммерийский разделяет Европу и Азию» (Aed., IV, 1, 7). Геродот же оспаривает точку зрения относительно Боспора Киммерийского (Bell. Goth., IV, 6, 15). В цитируемых местах Прокопий называет пролив τα πορθμεΐα Κιμμέρια. Позднее Константин Порфирородный называет Керченский пролив «устьем» Мэотиды (De adm. imp., 42, 73, 74, – και απο Βοσπορου το της Μαΐωτιδος λίμνης στόμιόν εστιν) или даже местным названием «Бурлик» (στόμιον το Βουρλίκ, – Ibid., 42, 90 θ 94).

84

В описание границ Скифии, данное Иорданом в § 30, вклинилось определение формы Каспийского моря «в виде гриба». Правда, в тексте Иордана, изданном Моммсеном по Гейдельбергскому списку, употреблено местоимение жен. р. «quae», которое не согласуется с предыдущим существительным сред. р. «mare». Поэтому группу слов «ad modum fungi», казалось бы, надо отнести к объекту женского рода, т. е. к Скифии, логическому подлежащему всего пассажа «Scythia... digreditur». Однако в ряде рукописей, как видно в разночтениях, приводимых Моммсеном, стоит не «quae», а «quod», что подходит к существительному «mare». Кроме того, Иордан (или автор, которым он пользовался), когда перечислял границы описываемых им стран, несомненно, имел перед глазами карту. Если, например, он пользовался картой, составленной соответственно древней карте Эратосфена (нач. II в. до н. э.), то на ней можно было видеть, что Каспийскому морю (Hyrcanum mare) действительно приданы очертания гриба, как бы обращенного ножкой к северу, а шляпкой к югу. Так же «грибообразно» очертание Каспийского моря на карте, составленной по описаниям Орозия, и на некоторых других средневековых картах. От впечатления, порожденного картой, у Иордана (или автора, которым он пользовался) и возникло сравнение Каспийского моря с грибом. Итак, все, что говорится в связи с границами Скифии о «грибе», относится к очертаниям не Скифии, а Каспийского моря, ограничивающего ее с одной стороны. Специальность классика мешала иногда Моммсену понять до конца стиль средневекового источника; он ошибся, считая, что Иордан относил «образ гриба» к Скифии (Prooem., XXXI. См.: K. Miller, Mappae mudii. Die ältesten Weltkarten).

85

Алваны (албаны) – жители Кавказской Албании – занимали территорию у Каспийского моря, севернее реки Куры; Албания соответствует Ширвану.

86

Серы (Seres, Seree) – китайцы. Из дошедшего до греков и римлян названия народа создались греческое и латинское названия шелка: σηρικά, serica. В дальнейшем название шелка связалось с народом, торгующим шелком. По мере передвижения центров торговли шелком к западу, у латинских и греческих авторов название «серы» оказалось перенесенным на среднеазиатские народы (на согдийцев). В этом смысле употребляет имя «Seres» и Иордан, говоря, что «Seres» находятся непосредственно к востоку от Скифии, сразу же за Каспийским морем.

87

Иберия, Иверия (Hiberia) – Грузия. Античные писатели, например Страбон (Geogr., XI, 3), описывали кавказскую, или понтийскую, Иберию-Иверию, вполне отличая ее от Иберии в Испании. Подробно рассказано об иверах у писателей V в. Созомена и Феодорита.

88

Об Истре-Данубии, см. прим. 76.

89

В начале перечисления припонтийских городов Иордан привел два названия, «Борисфенида» и «Ольвия», как бы обозначающие два города. Как известно, двух особых и достаточно крупных городов, связанных с устьем Борисфена-Днепра (вернее, с Днепро-Бугским лиманом), не было. Вероятно, автор дал подряд два названия одного и того же города, а именно, Ольвии. Иордан опирался на материал, приводимый античными географами, о которых упомянул в предыдущем тексте своего труда (Get., § 12 и 16). Это Страбон, Птолемей, Помпоний Мела. У Страбона он мог прочесть сообщение, что в 200 стадиях вверх по Борисфену лежит одноименный с рекою город; он называется также Ольвией (Geogr., VII, 306). У Птолемея упомянута «Ольвия, или Борисфен» (Ὄλβια η και Βορυσθένης. Ptol. III, 5, 14); иногда вместо «Борисфен» употребляется «Борисфенида». Возможно, что Иордан руководствовался только Помпонием Мелой, у которого сообщается, что река Борисфен впадает в море у греческих городов Борисфениды и Ольвии (Mela, II, 6), т. е. констатируется наличие двух отдельных городов. Подробно об Ольвии – Борисфениде и об ольвиополитах – борисфенитах см. в статье С. А. Жебелева «Что понимать под Борисфеном в Ios PE, 24» и в его же книге «Северное Причерноморье».

Не произошла ли «Boristhenide» (у Иордана с «е» на конце слова, – так по Моммсену во всех рукописях) от названия «борисфениты» (Βορυσθενεῖται), известного еще в труде Геродота (Hist., IV, 17, 18, 54, 78, 79)? Последний не употребляет имени «Ольвия», но упоминает ольвиополитов (Ibid., IV, 18); город же Ольвию (существование которого засвидетельствовано эпиграфическими и нумизматическими памятниками) он называет либо «городом борисфенитов» (Ibid., IV, 78), либо «Борисфеном» (см.: С. А. Жебелев, Северное Причерноморье, стр. 338, прим. 3).

90

Ольвия (Olbia) – одна из древнейших греческих колоний на северном побережье Черного моря. Она была основана выходцами из Милета еще в первой половине IV в. до н. э. и, будучи расположена на Буге (на его правом берегу, около нын. села Парутина), у его впадения в Днепро-Бугский лиман, долго сохраняла доминирующее положение в торговле с населением Скифии, став крупным ремесленным и культурным центром в Северном Причерноморье. О другом названии Ольвии – Борисфен, Борисфенида – см. предыдущее примечание.

91

Каллиполида (Callipolida) упоминается вслед за Ольвией. Это не совсем понятное название можно сблизить с этническим названием племени «каллипидов» («Καλλιπίδαι»), живших к западу от Днепра, впервые упомянутых Геродотом (Hist., IV, 17). Племя каллипидов (Callipidae) встречается также у Помпония Мелы (Mela, II, 7). Оно обитало на нижнем течении Буга (т. е. севернее Ольвии) и было экономически связано с последней. Однако не есть ли «Каллиполида» Иордана порт и укрепленное поселение на западном побережье Таврики, носившее название «Прекрасная гавань» (Καλος λιμήν)? Непосредственно за «Каллиполидой» в тексте Иордана назван Херсон – Херсонес. А «Прекрасная гавань» (впоследствии Акмечеть, ныне переименованная в Черноморское) вместе с Керкинитидой (нын. Евпатория) входила, – как видно по знаменитой «Херсонесской присяге» (нач. III в. до н. э.), – в состав владений античного Херсонеса.

92

Херсон (Chersona), Херсонес Таврический (в средние века обычно именовался не Херсонесом, а Херсоном) – греческая колония, основанная выходцами из Гераклеи Понтийской в V в. до н. э. В дальнейшем – крупный византийский город в Таврике, оживленный торговый и военный центр уже в V в. н. э. (ср., например, надпись императора Зинона о возобновлении стен и одной из наиболее мощных башен). Прокопий, упоминая о Херсоне, замечает, что он с давних времен подчиняется ромеям (Bell. Goth., IV., 5, 27). О Херсоне V—VI вв. – на основании значительного археологического материала см. А. Л. Якобсон, Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. М.—Л. 1959 (Материалы и исследования по археологии СССР, № 63).

93

Феодосия (Theodosia) – греческая колония, основанная милетцами в VI в. до н. э. и вошедшая в состав Боспорского царства. Не в связи ли с тем, что Феодосия, будучи крупным портом восточной Таврики, не являлась в античное время самостоятельным городом-государством (каким был Херсонес), а подчинялась Боспору, Орозий определил ее как место, близ которого «огромное излияние („inmensa exundatio“) Мэотийского озера вступает широким потоком в Евксинский Понт» (Oros., I, 2, 5—6)? Этим смешением у Орозия Феодосии с Боспором объясняется, может быть, пропуск Иорданом Боспора в приводимом им списке приморских городов Северного Причерноморья. У древних географов нет упоминания о городе Боспоре; они говорят лишь о проливе – Боспоре Киммерийском – и о близлежащих городах; например, Помпоний Мела пишет: «in Bosphorum Cimmerica oppida Murmecion, Panticapaeon, Theodosia» (Mela, II, 13). Но у Прокопия ясен приморский город Боспор: εστι δε πόλις επιθαλασσία η Βόσπορος, εν αριστερα μεν εσπλέοντι τον Εύξεινον καλούμενον Πόντον (Bell. Pers., I, 12, 7; Bell. Goth., IV, 5, 26) и уже не упоминается о Босфоре-проливе; последний называется «устьем Мэотиды» (εκροη, εκβολη της Μαιώτιδος).

94

Кареон (Careo) – это загадочное название помещено между Феодосией и Мирмекием. Не относится ли оно к Боспору, продолжавшему в V—VI вв. быть заметным торгово-ремесленным городом восточной Таврики? Не является ли слово «Careo» каким-то намеком на будущее название «Корчев», «Керчь»? Так думал Ю. А. Кулаковский («К вопросу об имени города Керчи», стр. 194—199), предполагая, что в тексте Иордана могло стоять не «Careon», а «Carcon».

Название Кареон не вошло в литературу и всплыло лишь у византийского автора XV в. Лаоника Халкокондила в кратком упоминании о том, как татары продавали в рабство черкесов, мингрелов и сарматов (аланов), отводя их в Боспор, в город Карею (επι τον Βόσπορον, επι Καρέαν πόλιν απάγοντες, – CSHB. Bonn, 1843, p. 135—136). Однако, ввиду того что Лаоник несколько выше пишет о Боспоре в связи с Фракией, нельзя утверждать, что город Карея относится к Таврике.

95

Мирмикий, Мирмекий (Myrmicion) – город Боспорского царства; по Страбону (Geogr., VII, 1, 5), πολίχνιον εστι Μυρμηκιον – городок Мирмекий в 20 стадиях (ок. 4 км) от Пантикапея (нын. Керчь). Развалины города Мирмекия находятся у теперешнего мыса Карантинного, на берегу Керченской бухты, как раз в 4 км к северо-востоку от Керчи. Самое раннее упоминание о Мирмекии находится в перипле Псевдо-Скилака (IV в. до н. э.), который называет Мирмекий в числе других крупных городов (Пантикапей, Нимфей, Китей, Феодосия). Как показали археологические исследования, город, – как греческая колония, – возник во второй четверти IV в. до н. э. и существовал без перерыва до III в. н. э. (включительно). На развалинах античного города до XIV в. было средневековое поселение; оно, возможно, соответствовало месту, обозначенному именем «Pondico» на итальянских портоланах.

96

Трапезунт (Trapezunta) неожиданно назван Иорданом после Мирмекия, в конце списка городов, расположенных на северном побережье Черного моря. Перечисление городов Иордан ведет с запада от Борисфениды – Ольвии и соблюдает географическую последовательность; потому естественно предположить, что Трапезунт Иордана находился где-то восточнее Мирмекия, т. е., возможно, на противоположном берегу Боспора Киммерийского. По дошедшим до нас сведениям, ни в этих местах, ни южнее по Кавказскому побережью нет подобного названия. Общеизвестный же Трапезунт (нын. Трабзон) в Малой Азии, упоминаемый и Страбоном (Geogr., VII, 4, 3), и Тацитом (Tac. Hist., III, 47), и, позднее, Прокопием (Bell. Goth., IV, 2, 2—3; Aed., III, 7, 1), не подошел бы к списку городов на северных берегах Черного моря. Однако название «Трапезунт» все же в одном случае упоминалось в связи с Таврическим полуостровом, хотя относилось оно не к городу, а к горе. Страбон (в указанном выше месте «Географии») совершенно ясно сообщает, что «в горной области Тавров (εν δε τη ορεινη των Ταύρων) есть и гора Трапезунт (και το όρος εστιν ό Τραπεζοῦς), одноименная городу близ Тиварании и Колхиды». Таким образом, римский географ, как бы предвидя возможность неправильного отнесения имени горы к знаменитому малоазийскому городу, намеренно противопоставляет эти два одинаковых названия. Остается предположить, что Иордан под Трапезунтом в § 32 подразумевал не понтийский город Трапезунт, а поселение с названием Трапезунт, но неизвестно, было ли оно там же, где и гора Трапезунт в Таврике. Конечно, можно допустить у Иордана некоторую непоследовательность в расположении названий городов. Если принять во внимание гору Трапезунт по Страбону, которую с достаточной вероятностью отождествляют с Чатыр-дагом («Шатёр-гора»), характерным своим «столообразным» профилем, то поселение с названием «Трапезунт» должно было бы находиться где-то около Алушты. В таком случае Трапезунт в списке Иордана следовало бы поместить не после Мирмекия, а между Херсоном и Феодосией. Если обойтись без этой поправки и оставить Трапезунт на последнем месте в списке, то немалоазийский Трапезунт следовало бы искать на восточном берегу Боспора Киммерийского (Керченского пролива). Как известно, А. А. Васильев в работе «Готы в Крыму» (стр. 75—79) собрал упоминания о готах-трапезитах, исходя из того, что в некоторых рукописях «Готской войны» Прокопия вместо слова «тетракситы»

(Bell. Goth., IV, 4, 5 и 18) стояло слово «трапезиты» (τραπεζῖαι). Особо о трапезитах в Таврике упоминал Сестренцевич Богуш («История о Таврии», I, стр. 272, 276, 278) и, позднее, архимандрит Арсений («Готская епархия в Крыму», стр. 60). Но впервые сопоставление между «тетракситами» (не поддающимися объяснению) и «трапезитами» (объясняемыми по связи с названием горы Трапезунт – Чатыр-даг в Крыму) сделал немецкий ученый Хершель. Он писал: «Название „тетракситы“ не получило еще никакого удовлетворительного разъяснения. Если бы чтение „трапезиты“ в некоторых рукописях Прокопия оказалось правильным, то значение было бы легко объяснимо. Столовая гора – Чатыр-даг – называется у Страбона Τραπεζοῦς, и в таком случае под трапезитами надо было бы понимать окрестных жителей близ этой горы» (Herschell, Die Tetraxitischen Gothen, S. 95).

Однако, для того чтобы оправдать порядок городов у Иордана, т. е. оставить иордановский «Трапезунт» на последнем месте в списке, надо продолжить рассмотрение истории готов-трапезитов, не ограничиваясь одним выводом, что они, судя по их названию, жили где-то около Алушты. Прокопий в «Готской войне» дает строго последовательные сведения (Bell. Goth., IV, 4—5) о небольшой группе готов-трапезитов, живших сначала на крымском берегу Керченского пролива, а затем передвинувшихся в союзе с гуннами-утигурамн на Таманский берег того же пролива. Там готы-трапезиты продолжали жить и во времена Прокопия и Иордана. Не вправе ли историк предположить, что «трапезиты» перенесли с Таврики (где они когда-то были связаны с местностью у горы Трапезунт) и название своего поселения Трапезунт? Если это так (а сообщения Прокопия о передвижениях и о местожительстве готов-трапезитов в середине VI в. вполне ясны!), то Иордан сознательно поставил Трапезунт после, т. е. восточнее, Мирмекия, имея в виду некий населенный пункт – конечно, прибрежный – готов-трапезитов. Невозможно заподозрить у Иордана какую-либо путаницу относительно малоазийского Трапезунта, достаточно известного политического и экономического центра, четко определяемого в тех географических описаниях (Страбона, Помпония Мелы, Птолемея), которые были хорошо знакомы Иордану.

97

Беглым замечанием о том, что именно скифские племена, будучи непокоренными, разрешили грекам основать их города-колонии, Иордан показал, что в его понимании варварские племена сами проявляли заинтересованность в торговле с греками. Описание северного побережья Черного моря с его городами – их названо восемь – целиком основано на данных античных писателей. Современные Иордану источники (записи или рассказы очевидцев) не содержали никаких данных об этих столь отдаленных городах. Эта часть его труда основана лишь на преданиях. У современника Иордана, Прокопия, известного достоверностью своих сообщений, из городов Таврики упомянуты только Херсон и Боспор (Bell. Goth., IV, 5, 27—28; Bell. Pers., I, 12, 7; Aed. Ill, 7, 10) и говорится о них как о современных автору городах. Вслед за Иорданом почти полностью и в том же порядке повторил (в VII—VIII вв.) список северно-черноморских городов (от Борисфена до Трапезунта) так называемый Равеннский географ (Rav. anon., IV, 3; V, 11).

98

Иордан отразил распространенные в его время сведения о Рифейских горах – Урале: во-первых, что Рифейский хребет разделяет Азию и Европу; во-вторых, что с него течет Танаис – Дон, который в свою очередь является восточным пределом Европы. Ниже, следуя данным ряда античных карт (Эратосфена, Агриппы, римских карт), Иордан повторяет сложившееся задолго до него мнение, что Рифейские горы составляли часть грандиозной системы Кавказа и что Кавказский хребет (mons Caucasi) обходит непрерывной цепью (jugo continuo) большую часть «земного круга»: от Индийского моря к западу, давая начало Тигру и Евфрату, затем к северу в Скифию «вплоть до Рифейских гор», откуда направляется вдоль Понта до Истра и даже за Истр. Об общей системе горных хребтов, в которую включались, с точки зрения античных географов, как Рифейские, так и Кавказские горы, Иордан мог прочесть в географическом трактате Помпония Мелы (Mela, I, 81; 109) и у Орозия (Oros., I, 2, 36—47).

99

Мнение античных писателей, что Европа отделяется от Азии линией Рифейских гор и реки Танаиса, Мэотидой и Понтом, было широко распространено. Иордан мог узнать о нем из географических, исторических или даже грамматических сочинений, например: у Помпония Мелы (Mela, I, 15), Орозия (Oros., I, 2, 4; 52), Аммиана Марцеллина (Amm. Marc., XXXI, 2, 13; XII, 8 27), у Мавра Сервия Гонората (в его комментарии к Вергилию, – Aen., VIII, 659; Georg., III, 516). Вообще же «скифская река» Танаис считалась отдаленнейшим из достижимых для человека пределов. Даже у Прокопия не чувствуется конкретности в упоминаниях о Танаисе. Хотя Прокопий и пишет, что Танаис считается рубежом Европы и Азии (Bell. Goth., IV, 6, 2), сам он склонен считать границей обоих материков не Танаис, а Фазис – Рион (Ibid., IV, 6, 7—8), ссылаясь на авторитет Геродота (Ibid., IV, б, 13—14); в иных случаях Танаис у Прокопия – это река, близ которой в степях обитают многочисленные гуннские племена (Ουννικα έθνη πολλά) в лице их основных представителей, хорошо известных в Византии VI в. утигуров и кутригуров (первые жили к востоку, вторые – к западу от Мэотиды и Танаиса).

100

144 тыс. шагов составляли примерно 216 км (ср. прим. 3 и 4). Наибольшая длина Азовского моря достигает 400 км, поэтому приводимая Иорданом цифра ошибочна. «Paludis sircuitus» переведено как «окружность озера», а не болота (ср. прим. 82).

101

Локоть (ulna, πηχυς) – мера длины, колебавшаяся между 46 и 52,7 см (F. O. Hultsch, Griechische und römische Metrologie, 2 Aufl., S. 73, 389). Глубина Мэотиды, равная, по Иордану, 8 локтям, составляла не менее 3,68 м и не более 4,22 м.

102

Гепиды (Gepidae, Gepidi) – значительное германское племя, родственное готам. Прокопий, говоря о «готских племенах» (Γοτθικα εθνη), ставит среди них на первое место готов (остроготов), затем вандалов, везеготов и гепидов (Bell. Vand., I, 2, 2). Иордан подчеркнул родство гепидов с готами: в § 95 он пишет, что, без сомнения, они ведут свое происхождение из рода готов; в § 133 он называет гепидов «родичами» остроготов. По Иордану (Get., § 94—95), гепиды переселились вместе с готами на южный берег Балтийского моря и осели в дельте Вислы; островок, занятый ими в устьях этой реки, получил на их языке название «Gepedoios» (ср. прим. 68). Здесь же Иордан привел объяснение относительно происхождения имени «гепиды», основываясь на типичной средневековой «этимологии», т. е. на фонетическом сходстве и случайном, натянутом осмыслении. По традиции, зафиксированной Иорданом (он пишет «fertur», значит, так было в предании), слово «гепиды» произошло от готского или гепидского слова «gepanta», «ленивый». Гепиды вместе с готами двинулись с острова Скандзы к устью Вислы; один из трех кораблей, на котором находились гепиды, задержался в пути и подошел к берегу позднее двух других: он показал себя «ленивым», «gepanta» (navis). Мюлленгофф («Deutsche Altertumskunde») не находил никакого – ни общегерманского, ни готского – глагола со значением медлить, отставать, лениться, похожего на слово «gepanta». Он допускал, что этим словом мог называться тип тихоходного корабля, но не видел никакой связи между упомянутым термином и названием «гепиды». Можно добавить, что этническому имени «гепиды» было еще раз дано (не лучшее, чем у Иордана) объяснение в широко известных «Этимологиях» или «Началах» («Origines») Исидора Севильского (ок. 570—636 гг.) Исидор, собравший, а частично и сам придумавший ряд фантастических, но ценившихся в средние века, «этимологий», искусственно связал название гепиды – гипеды с латинским словом «pedes» («ноги»); «Gipedes pedestri proelio magis quam equestri sunt usi et ex hac causa ita vocati» – «Гипеды больше применяют пеший, чем конный бой, и потому так и названы» (Isid. Etymol., IX, 2, 92). Ясно, что оба объяснения, являясь примером типичной средневековой «этимологии», не могут быть приняты всерьез; они свидетельствуют, что некоторым писателям, хотя и вышедшим из гущи германского мира, варваризованная латинская образованность мешала понять данный этнический термин. Исидору Севильскому, жителю Испании, гепиды

незнакомы: в 60-х годах VI в. гепиды, истощенные длительной борьбой с лангобардами (об одной из битв середины VI в. Иордан [Rom., § 387] говорит, как о жесточайшей после «дней Аттилы»), были уничтожены аварами. Но для Иордана гепиды были современниками; на его глазах они не на жизнь, а на смерть сражались с лангобардами; он знал, что они встречались в боях с остроготами, общались с соседями своими склавенами, а в прошлом были союзниками гуннов. Как неоднократно и вполне отчетливо сообщал Иордан (Get., §§ 33, 74, 113—114), область распространения гепидов никогда не заходила западнее Потиссья; они не появлялись в Паннонии, за исключением берегов нижнего течения Савы (город Сирмий). Гепиды – единственное племя из числа германских, менее других продвинувшееся к западу.

Движением гепидов с нижней Вислы к югу руководил король Фастида. Он с боями провел свое племя через область бургундов и, вероятно, встретил сопротивление на тех обширных пространствах («immensa spatia», – Get., § 34) по Висле и в предгорьях Карпат, где обитали многочисленные венеты («Venetharum natio populosa», – § 34; «Venethi… numerositate pollentes», – § 119). Иордан не назвал в § 97 именно венетов, но их можно предположить в «многочисленных других племенах», о которых он говорит в данном параграфе. Гепиды миновали эти земли к середине III в. Первое столкновение гепидов с римскими войсками произошло в знаменитом сражении в 269 г. под Наиссом, когда император Клавдий II наголову разбил крупное объединение германских племен (готы, герулы, певкины, гепиды), разорявших Нижнюю Мезию, Фракию, Македонию. После столкновения с войсками Проба (276—282) часть гепидов, по рассказу биографа упомянутого императора, была переселена вместе с гревтунгами и вандалами на территорию империи, к югу от Дуная (SHA, Probus, II, 18, 2). Походы гепидов из северной Дакии были связаны с их стремлением продвинуться южнее. Из-за неудачного сражения с готами близ города Гальта на верхнем Олте (Get., § 99) около 290 г. гепидам пришлось остаться на прежних местах.

Иордан приводит данные относительно территории, занятой гепидами в его время, неизменно предваряя свои слова наречием «nunc» – «теперь». Территорию, о которой говорит Иордан, гепиды заняли благодаря стараниям их короля Ардариха, личности выдающейся. Ардарих был ближайшим союзником и, более того, советником Аттилы; он выводил свое войско в 451 г. на Каталаунские поля на стороне гуннов. Но после смерти их вождя (в 453 г.) Ардарих не пожелал подчиняться его сыновьям, поднял («insurgit», – Get., § 260) свое племя и ряд других племен против

гуннов и в победоносном сражении на реке Недао (§ 261—262) завоевал для гепидов гуннские земли на левом берегу Дуная, главным образом на Тиссе, – по старой терминологии – «пределы всей Дакии» («totius Daciae fines», – Get., § 264). К западу от них, в Паннонии, разместились (до конца V в.) остроготы. Гепиды стали федератами империи (см. о федератах прим. 297) и оставались таковыми до середины VI в., когда Иордан записал, что «и до сего дня племя это получает обычный дар от римского императора» (Get., § 264). Впрочем, гепиды тем же Иорданом названы «соперниками римлян» (Rom., § 386) по той причине, что, являясь федератами империи, они были злейшими врагами лангобардов, а последних поддерживал Константинополь (лангобарды, в отличие от гепидов-«соперников», были союзниками империи).

Границы области, населенной гепидами, очерчены Иорданом трижды: при описании всей Скифии, при описании специально древней Дакии, при определении мест, кратковременно занятых вандалами (в той же римской Дакии). По словам Иордана (Get., § 33), гепиды в пределах Скифии были первым, считая с запада, племенем. Места, занятые ими, автор обозначает линиями рек. С севера и с северо-запада их земли огибает Тисса, на востоке – пересекает Олт, с юга границей служит Дунай. Как бы в сетке этих рек («introrsus illis», внутри их) заключена Дакия, защищенная крутыми Альпами, которые возвышаются наподобие венца или короны. Тот же образ «венца гор», опоясывающего страну, повторен Иорданом при описании древней римской провинции – Трояновой Дакии, которая затем называлась Гепидией, потому что ею, «как известно, владеют» («possidere noscuntur») гепиды. В прежние же времена эта область находилась по соседству со следующими племенами: ароксоланами – с востока, язигами – с запада, сарматами и бастернами – с севера (§ 74). Иордан, говоря о временном захвате Гепидии вандалами, называет совсем другие племена (§ 114): тогда (tunc), пишет он, «с востока жил гот, с запада – маркоманн, с севера – гермундол». И снова, как и в первом описании, автор возвращается к яснейшему географическому признаку – к рекам. Теперь (nunc), сообщает он, сидят там гепиды, по рекам Маризии, Милиаре, Гильпиль и Гризии, причем последняя превосходит все вышеназванные. С юга область ограничивается Истром. Из указанных рек, являющихся реками бассейна Тиссы, Маризия – современный Марош (крупнейший левый приток Тиссы) и Гризия – Кереш (также левый, но более северный, чем Марош, приток Тиссы); отождествить с современными не удается реки Милиаре и Гильпиль. Пониманию названий в данном тексте Иордана помогает сравнение с позднейшим (X в.) свидетельством

Константина Порфирородного, который перечислил ряд венгерских рек (De adm. imp., 40): «первая река о Τιμησης, вторая – о Τούτης, третья – о Μορήσης, четвертая – о Κρίσος и еще одна река – η Τίτζα». Как видно, здесь определенно указываются реки Темеш (впадает в Дунай немного ниже Тиссы), Марош и Тисса; вторую реку отождествлять не удается, а четвертая, о Κρίσος, соответствует «Гризии» (Иордана) и современному Керешу. Прокопий неоднократно указывает, какая именно территория была занята гепидами в его время. После отхода готов гепиды заняли Дакию (Bell. Goth., III, 34, 10; 15—16), а позднее им удалось захватить область вокруг Сирмия и Сингидуна и овладеть этими городами, т. е. гепиды оказались уже на левом берегу Дуная, что подтверждается словами, буквально означающими «изнутри и снаружи реки Истра» (εντός τε και έκτος ποταμοῦ ’Ιστρου, – Bell. Vand., I, 2, 6; Bell. Goth., III, 34, 17—18; Anecd., 18, 18). Иногда Иордана упрекают, что он, говоря о землях, занятых гепидами, пользовался старыми картами и, таким образом, отражал положение, не соответственное своему времени (см., например, L. Schmidt., S. 532). Этот упрек едва ли справедлив. Гепиды, действительно, в течение ряда веков (еще с III в.) были связаны с территорией Дакии; они продолжали ею владеть и при Иордане, хотя и продвинулись к юго-западу, захватив Сингидун и Сирмий. У Прокопия отчетливо сказано, что гепиды «забрали город Сирмий и почти всю Дакию» (πόλιν τε Σίρμιον και Δακίας εκ τοῦ επι πλεῖστον άπασας καταλα βόντες έσχον, – Bell. Goth., III, 33, 8) и что Сирмий лежит у самых границ Дакии, т. е. область вокруг этого города сливается с юго-западной частью Дакии (άχρι των Δακίας ορίων ου δη πόλις το Σίρμίον εστι, – Anecd., 18, 16—17). Районы Сирмия и Сингидуна были важнейшим участком обороны империи против задунайских варваров и одновременно предметом раздора между ними самими (т. е. между гепидами и готами). Здесь, на Дунае, находилась главная переправа через реку, и гепиды, владея этими местами, обеспечивали переход врагов империи на правый берег Дуная. По рассказу Прокопия, во время одного из крупнейших походов склавенов на Иллирик в 551—552 гг. гепиды переправили (διεπόρθμευσαν) их через Дунай, взяв по золотому статиру за голову (Bell. Goth., IV, 25, 5). Вероятно, они же переправили шеститысячное войско, которое под предводительством Ильдигеса проследовало из области склавенов в Италию, чтобы воевать против Юстиниана на стороне остроготов и Тотилы (541—552); оно состояло из склавенов и из некоторого числа гепидов (Bell. Goth., III, 35, 12—22). Анализу исторических свидетельств о племени гепидов посвящена монография Дикулеску (C. C. Diculescu, Die Gepiden).

103

Тизия – река Тисса. См. прим. 508.

104

Флютавзий (Flutausis) – река Алюта (нын. Олт), левый приток Дуная. Название Flutausis получилось из слов Flu(men) Tausis (см.: L. Schmidt, S. 532, Anm., 6 со ссылкой на Diculescu, Die Gepiden, S. 73 ff.).

105

Слово «Альпы» употреблено здесь в общем значении гор. В данном случае Альпы – дугообразно расположенные Карпаты и, с юга, Трансильванские Альпы.

106

Иордан имел перед глазами карту, ориентированную на восток. Поэтому, глядя на восток, он, конечно, определил северный склон Карпат как левый («sinistrum latus»).

107

Этнический термин «венеты» («Venethae» или «Venethi») приводится трижды на страницах сочинения Иордана (§§ 34 и 119). В данном месте наименование «венеты» употреблено автором наиболее определенно, с указанием территории распространения этого племени, Иордан фиксирует область расселения «многолюдного племени („natio populosa“), венетов», подчеркивая обширность занятых ими пространств («immensa spatia»), тянувшихся от истоков Вислы и Карпатских предгорий к востоку и к северу. Из предыдущего рассказа Иордана понятно, что землями к западу от Вислы он не интересуется, так как описывает Скифию, которую от Германии отделяет Висла: следовательно, западной границей венетов он считает именно эту реку. С юга территория венетов пересекалась Карпатами, на север же, на восток и на юго-восток она простиралась на далекие и неопределенные расстояния. И при вторичном упоминании о венетах (Get., § 119), в связи с походом на них короля остроготов Германариха, Иордан снова подчеркнул, что они многочисленны и в силу этого могущественны («numerositate pollentes»). В третий раз о венетах говорится (§ 119) для разъяснения, – уже, впрочем, содержащегося в § 34, – что они (nunc, во времени Иордана) известны под разными названиями, «главным же образом – склавенов и антов» или «венетов, антов и склавенов».

Давно замечено, что в письменных источниках название «венеты» встречается не раньше I в. н. э. (не считая упоминания у Геродота об Ἐνετοί, связанных с Адриатическим морем: «рядом с энетами, теми, что у Адрии» – αγχοῦ Ἐνετων των εν τω Ἀδρίη, – Hist., V, 9, 3; I, 196, 1). Эти ранние сведения весьма скудны и почти не характеризуют венетов; они дают лишь возможность заключить о многочисленности племени и, приблизительно, о местах их расселения. На путях, показанных в итинерарии, отражающем географические сведения о дорогах времени императора Августа (дошедшие до нас листы пергамена с картами дорожника принято называть Пейтингеровыми таблицами), название «венеты» встречается дважды; это не свидетельствует о каких-то двух отдельных венетских областях, но говорит, по-видимому, о большой протяженности сплошь заселенной ими территории, которую дороги пересекали, очевидно, в разных местах. Одна из них соединяла область венетов с областью бастарнов (в Карпатах), другая – с областью даков (по Пруту и нижнему Дунаю). Плиний (Plin., III, 97) причислил венетов к сарматам, обитавшим в наиболее близкой к

Германии части Сарматии, на Висле. Тацит (Germ., 46) колебался в суждении относительно венетов (а также и относительно певкинов и феннов): то ли причислять эти племена к германцам, то ли к сарматам? С одной стороны, он признал, что венеты (Venedi) заимствовали многое из нравов и образа жизни бастарнов (или, что то же по Тациту, певкинов), которые смешались путем браков с сарматами; с другой – он сообщает о таких чертах быта, которые убеждают его в германской принадлежности венетов: они «ставят дома» («domos figunt»), «употребляют щиты» («scuta gestant»), «охотно передвигаются пешком, причем быстро» («pedum usu ac pernicitate gaudent»). Тацит относил к германским все племена, которые не являлись конниками-кочевниками. Поэтому рассуждение о венетах он заключает тем, что особенности их жизни противопоставляет характерным особенностям жизни сарматов – в кибитках и в седле: «все (описанное про венетов) отлично от сарматов, живущих в повозке и на коне». Птолемей поставил венетов (οι Ουενέδαι) в ряд «величайших племен» (έυνη μέγιστα), к которым он отнес еще певкинов и бастарнов, язигов и роксоланов, амаксовиев и аланов-скифов. Их значительность он подчеркнул еще указанием на «племена меньшие» (ελάττονα εθνη, – Ibid., III, 5, 8), к каковым отнес гитонов, финнов и др. По Птолемею, местом расселения венетов было побережье Венедского залива (παρ' όλον τον Οοενεδιρον χόλπον, – Ibid., III, 5, 1, 7) в пределах Европейской Сарматии, которая ограничивалась заливом (Балтийским морем) с севера и рекой Вистулой с запада.

Примечательно, что такие писатели, как Прокопий, Агафий, Менандр, Феофилакт Симокатта, свидетельства которых в большинстве случаев достоверны, не упомянули имени венетов. Это подчеркивает точность сообщения Иордана в том смысле, что имя венетов уже не имеет общего значения: оно употребляется наряду с именами антов и склавенов, а то и вытесняется последними (что несомненно для южных областей распространения славянских племен). Если Иордан пытался в меру сил осветить прошлое, то перечисленные выше писатели, более всего занятые своей современностью, не интересовались далекими от их эпохи венетами. Мысль о том, как от единого племени отделились его части, оторвались территориально и получили собственные этнические названия, выражена позднее в «Повести временных лет»: «И от тех словен разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше, на котором месте» (ПСРЛ, I, 1, 1928, стр. 5—6; «Повесть временных лет», т. I, М.—Л., 1950, стр. 11).

Ломоносов, работая над вопросом «о величестве и

поколениях славянского народа», отметил сообщение Иордана о венетах, склавенах и антах: «засвидетельствовал Иорнанд», оставив известие, что «от начала реки Вислы к северу по безмерному пространству обитают многолюдные Вендские народы, которых имена, хотя для разных поколений и мест суть отменны, однако обще славяне и анты называются» («Древняя Российская история». СПб., 1766, гл. 2, – Полное собрание сочинений, т. 6, 1952, стр. 176).

В первые века нашей эры венеты были определившимся по своим культурным признакам славянским племенем или совокупностью племен. Следы их пребывания в пределах, указанных древними авторами, усматривают в памятниках той культуры, которую археологи условно называют пшеворской. История венетов, крайне скудно отраженная в письменных источниках, все более и более освещается археологическими исследованиями.

108

Склавены (Sclaveni, Σκλαβηνοί, Σκλαυηνοί) – название, распространившееся на все славянские племена, но в VI в. – главным образом по объяснению Иордана – имевшее более частное значение. Склавены составляли тогда западную группу южной ветви славянских племен. Вместе со склавенами источники обычно называют антов, которые составляли восточную группу той же южной ветви славянских племен. Северную ветвь этих племен составляли венеты.

Пока еще не удалось решить вопрос о древности этнического имени «склавены» – «славяне». А. Д. Удальцов, присоединившийся к мнению (далеко не новому), что «суовены» (склавены?) Птолемея (Ptol., VI, 14) близки «сколотам» Геродота (Hist., IV, 6), не прав. Это мнение представляется малоудачной гипотезой и уж, конечно, не может быть категорическим (см. работы А. Д. Удальцова: Основные вопросы этногенеза славян, стр. 6; Племена европейской Сарматии II в. н. э., стр. 45).

Вполне отчетливо склавены выступают в источниках лишь с VI в., когда о них пишется и много, и достаточно выразительно, как о грозной силе, надвигающейся с севера на империю. Есть и одиночное, не лишенное интереса и еще не истолкованное упоминание этнического имени «склав» («Sclavus»). В эпитафии, посвященной Мартину (он был сначала аббатом Думийского, Dumiensis, монастыря, находившегося близ впадения Соны в Рону, затем – епископом города Бракара в северо-западной Испании), говорится, что он приобщил к христианству представителей множества племен: «Ты привлек к союзу с Христом разные свирепые племена». Далее следует их перечисление: Alamannus, Saxo, Toringus, Pannonius, Rugus, Sclavus, Nara, Sarmata, Datus, Ostrogotus, Francus, Burgundio, Dacus, Alanus, Te duce nosse Deum gaudent; tua sugna Svevus admirans ducit... (MGH Auct. antiquiss., t. Vl2, 1883, p. 195, № XXII, Versus Martini Dumiensis in basilica).

Этот отрывок в русском переводе издан А. В. Мишулиным («Материалы к истории древних славян»), причем надо отметить: 1) что отрывок неправильно помещен в отделе античных писателей вслед за Плинием, Тацитом и Птолемеем; 2) что он неправильно отнесен к произведениям Альцима Эккдиция Авита; 3) что он неправильно считается содержащим наиболее древнее упоминание о славянах в форме имени «Склав». На самом же деле: 1) галльский поэт и вьеннский епископ Авит, заметный политический деятель среди бургундов и франков, жил примерно в 460—524 гг., т. е. не был античным писателем; 2) его труды

изданы в MGH Auct. antiquiss., t. VI, 1883, но данная эпитафия, изданная там же, вовсе не входит в число произведений Авита; она лишь включена в состав собрания стихотворных надгробных и других надписей, добавленного в виде приложения к сочинениям Авита: 3) в приложении среди стихотворений, в числе надписей преимущественно из Вьенны, находится наряду с другими не только эпитафия Мартину, умершему в 580 г. (MGH Auct. antiquiss., t. VI2, p. 195), но и эпитафия самому Авиту (Ibid., p. 185), умершему раньше Мартина, около 524 г. Таким образом, упоминание о «Склаве» в тексте, приведенном в издании Мишулина, не принадлежит Авиту и не является древнейшим свидетельством о славянах, так как относится к тому времени, когда уже были написаны сочинения Иордана, Прокопия, Агафия и, вероятно, Менандра.

Интереснее в процитированном тексте другое – непосредственное соседство, в перечислении племен, «Склава» с «Нарой». Последнее имя трудно с чем-либо сопоставить, кроме как с Нориком, хотя естественно было бы ожидать формы Norensis, Noricanus или, по крайней мере, Nora. Хороший материал для освещения этого малопонятного слова, вставленного между склавом и сарматом, дает «Повесть временных лет». Рассказав во введении о Вавилонской башне и о смешении языков, летописец пояснил, что одним из 72 языков «бысть язык словеneск, от племени Афетова, нарцы еже суть: словене». В разночтении по рукописи б. Московской духовной академии (Троицкой 1-й летописи) встречается «нарицаемии норци» (ПСРЛ, I, 1, 1926, стлб. 5, вариант 19). В комментарии к «Повести временных лет»

Д. С. Лихачев пишет: «Нарци или норики – жители Норика... В VI в. здесь уже жили славяне. Поэтому очевидно, а может быть вследствие какого-либо предания, норики и были отождествлены на Руси со славянами. В перечислении 72 народов в русской „Толковой Палее“ против наименования некоторых народов даны разъяснения: „авер – иже суть обези“, „руми, иже зовутся греци“, также и „норици, иже суть словени“. По-видимому, „Повесть временных лет" и „Толковая Палея" в данном случае имели какой-то общий русский источник» («Повесть временных лет», под ред. В. П. Адриановой-Перетц, т. II, 1950, стр. 213, ср. стр. 341).

Таким образом, в эпитафии Мартину, составленной в год его смерти или несколько позднее, следовало бы читать «Sclavus – Nara», подразумевая под этими двумя словами представителя одного племени, а именно склава, склавена, который иначе мог быть назван «нарой» («нарцем», «норцем»). Так, Русская летопись и ее уже неотчетливые для нас источники способствуют

пониманию раннесредневекового эпиграфического памятника, созданного где-то в Бургундии на берегах Роны, в местах вокруг Лугдуна и Вьенны – древних римских колоний в Галлии. При сопоставлении столь отдаленных друг от друга по времени и по месту возникновения исторических источников (эпитафии и летописи) несколько шире становится представление о тех материалах, которые легли в основу «Повести временных лет» и «Толковой Палеи», углубляется их литературная традиция. Едва ли эти русские памятники базировались только на «каком-то общем русском источнике» (как думает Д. С. Лихачев) и едва ли фиксировали – в «реабилитированном сказании Нестора» – «широкую эмиграцию нурско-неврских иллирийских племен на север и восток» (С. П. Толстов, «Нарцы» и «волхи» на Дунае, стр. 8), если уже в VI в. склавов называли нарами-нарцами, причем столь далеко на запад от берегов Днепра.

Роль славянских племен в событиях на Балканском полуострове в VI в. была настолько значительна, массы их, нападавшие на империю, были так велики и сильны, что нельзя не предположить существования племенного союза склавенов на большом протяжении левого побережья Дуная и севернее его. Уже в VI в. Прокопий в категорической форме и вовсе не как о чем-то новом записал, что анты и склавены занимают большую часть земель по левому берегу Истра: το γαρ πλεΐστον της ετέρας τοΰ Ίστρου όχθης αυτοι νέμονται (Bell. Goth., III, 14, 30; ср. 1, 27, 2). Войска ромеев переправлялись через Истр, чтобы поджечь целые «деревни» (κώμας) и разорить поля (άγρους) склавенов (Men., fr. 48, a. 578). Интересно, что слово «деревни» (αι κώμαι), которым Менандр называет поселения склавенов, многократно употреблял в середине V в. Приск при описании неких варварских – вряд ли гуннских поселений. Как известно, он оставил в своих интереснейших записках драгоценное свидетельство; говоря о напитке, которым угощали византийских послов в «деревнях» за Истром, он употребляет слово «мед»: «По-местному этот напиток назывался медом» (ο μέδος επιχωρίως καλούμενος, – Prisci, fr. 8). Приск ни разу не назвал этническим именем людей, живших в κώμαι и приготовлявших ό μέδος, но славянское, или ставшее славянским, слово не может не наводить на мысль о склавенах. Позднее, в середине XI в., в давно уже славянской Болгарии готовили питье из меда, и печенеги упивались им до бесчувствия (Cedren., II, p. 586: ...печенеги нашли «изобилие мяса, и вина, и напитков, приготовленных из меда», αφθονίαν ζώων... και οίνου και των εκ μέλιτος κατασκευαζομένων πομάτων).

Особенно обильны сведения о склавенах у Прокопия, Менандра, Феофилакта Симокатты. Когда они пишут о склавенах,

основной и почти единственной их темой являются разорительные набеги и походы склавенов на территорию империи, главным образом на Фракию, где их привлекала дорога к стенам Константинополя, и на Иллирик.

Многие из сообщений писателей VI в. о славянских племенах южной ветви касаются не только склавенов, но и антов. Современники (очевидцы или хорошо осведомленные люди) справедливо не примечали особой разницы между антами и склавенами. Прокопий описывает их вместе, как одно племя или совокупность подобных Друг другу племен (Bell. Goth., III, 14, 22). В чрезвычайно подробном описании (Ibid., 22—30) он неоднократно напоминает, что склавены и анты не отличаются Друг от друга: у них один язык, они схожи по внешнему облику, в давние времена они имели одно общее имя, и тех и других в древности звали спорами, у них общее место расселения – бóльшая часть левого побережья Истра. В итоге своего рассказа Прокопий определяет склавенов и антов, как единый «народ» (ο λεώς). Упоминание Прокопия (Bell. Goth., III, 14, 29) о спорах не единственное. В списке племен, составленном, по-видимому, в VIII—IX вв. и включенном в сочинение так называемого Псевдо-Каллисфена, указаны споры – Σπόροι, – причем без какого-либо разъяснения (см.: «Pseudo-Callisthenes nach der Leidener Handschrift» hrsg. von H. Meusel, – «Jahrbücher für classische Philologie», Suppl. 5, 1864 – 1872. S. 792). В «Повести временных лет» под 898 г. особо подчеркнуто, что славяне составляли единое племя и имели единый язык: «бе един язык словенеск», «словеньская речь бе», «а язык словенски един». В так называемом «Стратегиконе Маврикия» (правильнее – Псевдо-Маврикия), памятнике конца VI в., также дается описание жизни и нравов склавенов и антов вместе (Maur. Strateg., lib. XI).

Таким образом, трудно установить, в чем современники могли видеть различие между племенами, носившими разные имена. Однако они называют эти племена рядом, как существующие каждое самостоятельно: через Истр, делая набеги на империю, переправлялись, по словам Прокопия, «и гунны, и анты, и склавены» (Bell. Goth., III, 14, 2; I, 27, 2; Anecd., 18, 20), а когда императору Юстиниану удалось привлечь на свою сторону антов, то он хотел обязать именно их воевать против гуннов (Bell. Goth., III, 14, 33). Кроме того, Прокопий отмечал случавшуюся иногда вражду между антами и склавенами: Ἄνται και Σκλαβη νοι διαφοροι αλλήλοις γενομένοι εζ χεΐρας ηλθον (Ibid., 7).

В любом упоминании Прокопия о склавенах и антах указывается, что эти племена были многолюдны, сильны не только своей отвагой, но и многочисленностью. Известно

выражение Прокопия об антах: έθνη τα ’Αντων άμετρα – «несметные, неизмеримые племена» (Bell. Goth., IV, 4, 9). Здесь автор, почти всегда хорошо осведомленный, не может назвать даже географических пределов распространения антов. Несомненно только одно: он не имел в виду левобережья Дона, как, впрочем, получается из его же контекста. Не менее многочисленны склавены. Об этом свидетельствуют многие указания того же писателя на размеры их войск и отдельных отрядов. Косвенное свидетельство о множестве склавенских племен и обширности территории, на которой они встречаются, дано в рассказе Прокопия о походе эрулов с берегов Истра на северо-запад к океану: они миновали на своем пути последовательно одно за другим все племена склавенов – τα Σκλαβηνων εθνη εφεξης άπαντά (Bell. Goth., II, 15, 2).

Крупные отряды или племенные ответвления склавенов имели своих предводителей, имена которых были известны ромеям: Ардагаст (Theophyl. Sim., I, 7, 5), Пирагаст (Ibid., VII, 4, 13); среди антов встречаются имена с одинаковыми окончаниями, как, например: Δαβραγέζας ’Άντης ανήρ, ταξίαρχος (Agath., III, 21 B) или Келагаст – Μεζάμηρος ο ’Ιδαριζιου, Κελαγαστου άδελφός (Men., fr. 6).

Склавены нападали на Византию: переходили Дунай а) ниже впадения Дравы и затем переходили Саву около Сирмия (аварский каган строил мост ок. Сирмия, чтобы отражать склавенов) (Men. fr. 63, Dindorf, p. 122), 6) около Сингидуна, непосредственно на территории империи. Затем главным путем склавинов было: – вверх по долине р. Мóравы (Margus) до гор. Наиса (Ниш); вверх по ее правому притоку Нишаве; – через горы (зап. часть Балкан) на юго-восток в Сердику (София); – по долине р. Марицы вниз через Филиппополь (Пловдив) и Адрианополь; – от Адрианополя – к Константинополю.

Итак, склавены, точнее – их предки, задолго до Иордана образовали основу южного славянства, а ко времени Иордана определились уже настолько, что он, конечно, исходя из современного ему положения, смог указать границы их расселения. Эти сведения, сохранившиеся только у Иордана, представляют особый интерес для истории, археологии, языкознания, этнографии. Вот текст, который не обходит в своих исследованиях ни один из представителей указанных выше наук: Sclaveni a civitate Novietunense et laco qui appellatur Mursiano usque ad Danastrum et in boream Viscla tenus commorantur. Истолкование этих географических пределов см. в двух следующих примечаниях.

109

Новиетун (civitas Novietunense) – название, многократно встречавшееся в местах расселения кельтских племен. Само слово состоит из nov-ios («новый») и кельтского термина dun-on («укрепление»). В древней Галлии, на территориях племен эдуев, битуригов, диаблинтов, гельветов (Caes., De bello Gallico), были рассеяны поселения, которые назывались «Новиодунами». Галлы же занесли это название в северную Италию, так как на правом берегу реки По, около Пьяченцы, судя по надписи 104 г. н. э. (CIL, XI, 1147), было селение Новиодун. Самым восточным и наиболее отдаленным от указанного скопления Новиодунов был Новиодун в области племени бастарнов, в Нижней Мезии, на правом берегу Дуная, немного выше его дельты. Теперь это городок Исакча. Также в области кельтизированного населения возник Невиодун в пределах Верхней Паннонии, расположенный на правом берегу р. Савы (собственно, на берегу ее высохшего старого русла), ниже города Эмоны (нын. Любляны), на римской дороге от Дуная к Аквилейе и в Италию.

Мнения ученых относительно местонахождения упомянутого Иорданом Новиетуна до сих пор расходятся. Моммсен в указателе географических названий безоговорочно переправил «Novietunum» на «Noviodunum», будучи уверен, что имеется в виду Новиодун – Исакча на нижнем Дунае, но не Невиодун на Саве. Подобной же точки зрения придерживаются авторы соответственной статьи в энциклопедии Pauly—Wissowa—Kroll (1937). Однако было бы неправильно не обратить внимания на то, что Иордан ввел в свое написание букву «е» (она сохраняется во всех разночтениях, отмеченных Моммсеном), и не сопоставить ее со звуком «е» (от древней формы nevio – novio), присутствующим в названии южно-паннонского Новиодуна – Невиодуна. Несмотря на некоторые искажения географических названий, Иордан тем не менее нигде в своем тексте не обнаружил склонности к изменению буквы о на букву е.

110

Название Мурсианское (или Мурсийское) озеро (lacus Mursianus, Morsianus, в разночтениях Моммсен отметил еще Musianus) не встречается ни одного из известных нам авторов, кроме Иордана, да и он упоминает о Мурсианском озере лишь дважды. В § 30 оно служит указанием тех мест (в самом общем, конечно, смысле), где Германия соприкасалась со Скифией и откуда последняя простиралась к востоку. В § 35 оно служит указанием границы (также в самом общем смысле), от которой начинались поселения склавенов, достигавшие на востоке Днестра. В одном случае (в § 30) озеро названо stagnus, что вызывает представление как бы о стоячей воде, т. е. не о реке, а об обширном водоеме, озере или пруде (но не болоте). Сообщив о том, что склавены расселились «от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским» (§ 35), Иордан тут же добавляет, что они живут среди болот и лесов, причем для обозначения болот он употребляет точное слово paludes. Правда, огромный водоем Мэотиды, целое море, обычно называется Maeotis palus, Μαιωτις λίμνη, т. е. болото. В данном случае происхождение слова palus связано, вероятно, с первым знакомством с Мэотидой со стороны Кавказа; восточные берега Азовского моря, как известно, сильно заболочены, вдоль них тянется широкая полоса плавней. Впрочем, как в античных, так и в средневековых географических описаниях Мэотида называлась не только «болотом», но и озером, и морем (Mela, I, 14, 112—113; De adm. imp. 42; ср. прим. 82). Ввиду возможности сопоставления в тексте самого Иордана терминов «lacus», «stagnus», с одной стороны, и «palus» – с другой, следует подчеркнуть, что границей расселения склавенов Иордан считал именно озеро, а не болото. Приведем употребление слова «stagnus» в смысле озера в источнике XII в.: Оттон Фрейзингенский называет известное озеро Гарда – stagnus Gardae (Gesta Friderici imperatoris, lib. II, c. 11).

Вопрос о местонахождении Мурсианского озера стал интересовать ученых с XVII в. В статье Л. Хауптмана (L. Hauptmann, Les rapports des Byzantins avec les Slaves et les Avares pendant la seconde moitie du VI s.) перечислены авторы, высказывавшиеся относительно Мурсианского озера. Первым в перечне назван ректор Утрехтского университета, филолог и историк П. Весселинг (P. Wesseling, 1692—1764), который затронул вопрос о Мурсианском озере в сочинении «Vetera Romanorum itineraria», вышедшем в Амстердаме в 1735 г. Весселинг предполагал, что Мурсианское озеро находилось где-то

около «Nova civitas», в Мезии (Ibid., p. 226). Таубе (в 1778 г.) и Фесслер (в 1815 г.) считали, что Мурсианское озеро Иордана надо искать около г. Мурсы (F. W. Taube, Beschreibung des Königreiches Slawonien und des Herzogtumes Syrmien, III. Buch, welches die Topographie enthält, Leipzig, 1778, S. 10; J. A. Fessler, Die Geschichten der Ungern und ihrer Landsassen, Bd. I, Leipzig, 1815, S. 41—42).

Однако, несмотря на то, что вопрос о месте нахождения Мурсианского озера занимает ученых уже более двух веков, единого, всеми признанного ответа на него нет. Одни полагали (например, Карамзин, Рёслер, Моммсен, что Мурсианское озеро связано с городом Мурсой (нын. Осиек) и с болотами близ устья Дравы, известными под именем Οὐολκαία ἕλη (Dio Cass. Hist. Rom., LV, 32, 3), Hiulca palus (Aur. Vict. Epitome, 41, 5), Ulca fluvius (Ennod., Panegyr., 28). Другие думали, что Мурсианское озеро соответствует Нейзидлерскому озеру в северо-западной Венгрии. Такого мнения придерживались, например, чешский ученый Сасинек, за ним – Вестберг, Готье; Нидерле допускал, что и первое и второе предположения могут быть правильными. Третьи искали Мурсианское озеро близ дельты Дуная: то южнее ее, где лежит озеро Разелм, то севернее, где находится озеро Ялпух. Этого мнения придерживались Шафарик, Брун, Кулаковский, Шишич, Шахматов. Обратимся к последней научной литературе по истории славян. В 1927 г. Л. Хауптман в названной выше статье, со ссылкой на В. Парвана (V. Parvan, Consideratsiuni asupra unor nume de raûri dacoscitice, – «Memoriile sectsiun istorice, III, 1, 1923, p. 12, 19), сближал название Мурсианского озера с названием небольшого правого притока нижнего Серета – Museus (нын. река Бузеу, Buzeu) в пределах Румынии. К этому предположению присоединился в 1950 г. Б. Графенауэр (B. Grafenauer, Nekaj uprasanj iz dobe naseljevanja juznih Slovanov. str. 141). В чешском сборнике „Vznik a počátky Slovanu“ (I, Praha, 1956) Ярослав Кудрнач снова вернулся к предложению, что Мурсианское озеро находилось в пределах Паннонии. В статье „Slované nà územi byvalé Dácie“ (str. 263) автор говорит, – к сожалению, без достаточной определенности, – о поселениях славян по Иордану, как о простиравшихся от „Мурсийских болот при устье Савы, либо от Нейзидлерского озера“. Из советских авторов вопрос о Мурсианском озере затронул П. Н. Третьяков: „Где находится названный Иорданом город Новиетун и какое озеро именовалось в древности Мурсианским, осталось неизвестным“, – пишет он („Восточно-славянские племена“, 1948, стр. 53, 76; 1953, стр. 156), высказываясь вообще скорее за паннонскую западную границу расселения склавенов.

Вместе с определением местонахождения Мурсианского озера ученые определяли и положение города Новиетуна, который Иордан назвал рядом с Мурсианским озером (он объединил и то и другое общим предлогом a: «a civitate Novictunense et laco qui appellatur Mursiano»). Преобладающее число исследователей склоняется к тому, что названный Иорданом город соответствует нынешнему городу Исакча на правом берегу нижнего Дуная, перед разветвлением этой реки на несколько устьев. Таково мнение и указанных выше авторов: Хауптмана, Графенауэра, Кудрнача. Группируя близ дельты Дуная оба географических пункта – и город, и озеро, указанные Иорданом, – сторонники подобного «нижнедунайского» толкования проводят, следовательно, западную границу распространения склавенов где-то близ территории Малой Скифии.

В представлении людей VI в., которое, по-видимому, отразил Иордан (Get, §§ 30, 33, 35), западный предел расселения склавенов (а он, по признаку Мурсианского озера, совпадал с западным пределом Скифии) связывался с местом, где рождается Истр (§ 30), где простирается Мурсианское озеро (§§ 30 и 35), где, – как первое племя с запада, – сидят гепиды (§ 33), и с городом Новиетуном (§ 35). Из этих признаков отчетливее других третий: гепиды в тексте Иордана связаны с рекой Тиссой, впадающей в Дунай, как известно, между устьями Дравы и Савы; гепиды, особенно у Прокопия, неоднократно упоминаются как племя, владеющее именно этими местами Нижней Паннонии вместе с городами Сирмием и Сингидуном, за которые империя постоянно с ним боролась (например: Bell. Vand., I, 2, 6; Bell. Goth., IV, 25, 5; Anecd., 18, 18). Остальные признаки требуют разъяснения.

Иордан отметил, что Дунай называется либо только Данубием, либо Данубием в верхнем течении и Истром – в нижнем (Get., § 32, 75, 114; ср. прим. 76). Оба названия были известны уже в древнейшем римском географическом обзоре Помпония Мелы (Mela, II, 8 и 57). В так называемых «Псевдо-Цеэариевых диалогах» (вероятнее всего, что они были составлены между 400 и 430 г.) отмечены три названия Дуная: эллинское – Истр, римское – Данувий, готское – Дунав[ис] (MPG, 38, col. 936, 1093). О месте же, с которого Дунай меняет свое имя, сообщили Страбон, Птолемей и Плиний. К сожалению, их сообщения не совпадают. У Страбона (Geogr., VII, 3, 13) говорится, что Данубием называется та часть реки, которая заканчивается «катарактами»; ниже их, вплоть до Понта, река носит имя «Истр». Под «катарактами» Страбон подразумевал, вероятнее всего, «Железные ворота» на Дунае, т. е. теснины около города Турну-

Северина. Птолемей (Ptol., III, 10, 1) местом начала Истра считал город Аксиуполь на правом берегу нижнего Дуная, где река поворачивает резко на север и течет параллельно черноморскому побережью, ограничивая Добруджу с западной стороны. Наиболее интересно сообщение Плиния (Plin., IV, 79), по словам которого Дунай «получает название Истра, едва только начинает омывать берега Иллирика». По его определению, Иллирик имеет восточной границей р. Дрину (Ibid., III, 150), правый приток Савы, впадающий в нее выше города Митровицы (Сирмия). Но представление об Иллирике всегда было неотчетливым, и его восточная граница могла заходить и далее (к востоку) р. Дрины: например, Тацит причислял к Иллирику и Верхнюю Мезию (Tac. Hist , I, 76, 1—2), а позднее в записях Приска упомянут как иллирийский город Виминакий, лежащий ниже впадения Моравы в Дунай (Prisci, fr. 2). Таким образом, по Плинию, Дунай начинал омывать берега Иллирика приблизительно в районе городов Сирмия, Сингидуна, Виминакия, в местах, расположенных недалеко от впадения в Дунай его крупных правых притоков – Дравы, Савы, Моравы. Тут же жили гепиды, связываемые Иорданом с Тиссой, Прокопием – с Сирмием и Сингидуном.

По тексту Иордана где-то здесь (конечно, тоже приблизительно) должно было находиться Мурсианское озеро. Крепко утвердилось мнение, что озеро в центре Паннонии (нын. озеро Балатон) именовалось у древних авторов «Pelso» или «Peiso». В этом тождестве уверен, например, Л. Шмидт (L. Schmidt, S. 269). При попытках отождествления иордановского Мурсианского озера Балатон вовсе не рассматривается. Однако Балатон вряд ли соответствует тому водоему, который древними авторами обозначался как «Pelso» и дважды был упомянут Иорданом: «iuxta lacum Pelsois» (Getica, § 268) и «ad lacum Pelsodis» (§ 274). Трудно предположить, чтобы Иордан был неточен в названии, связанном со столь близкой ему темой, как история остроготов, история их короля Тиудимера, отца знаменитого Теодериха. Озеро Пелсо, близ которого были владения Тиудимера, едва ли могло находиться в глубине Паннонии, так как внутренняя ее часть была занята племенем садагов (§ 272); с последними воевал Тиудимер, отправляясь из своих земель с берегов Пелсо. Не удается точно определить область, принадлежавшую старшему брату Тиудимера, Валамеру, но указанные как признак его владений реки «Scarniunga» и «Aqua nigra» (§ 268) находились, по-видимому, в Славонии (ср. L. Schmidt, S. 270, где приведены два варианта отождествления этих рек). Сомнение в тождестве Пелсо – Балатон подкрепляется сообщением Аврелия Виктора, бывшего одно время правителем

Паннонии Второй (Нижней). В произведении «De caesaribus» (40, 9—10) он записал (ок. 360 г., что в Валерии, т. е. в восточной части Паннонии, вытянутой с севера на юг вдоль Дуная, вырубались «огромные леса» и «было спущено в Данубий озеро Пелсон»: «emisso in Danubium lacu Pelsone». Невозможно представить, чтобы в условиях лесов и бездорожья, при помощи примитивной техники начала IV в. (речь идет о конце правления Галерия Максимиана, умершего в 311 г.) римские солдаты могли спустить в Дунай целое озеро, да еще такое, как Балатон, площадью около 600 кв. км и глубиной местами до 15 м. Спустить в Дунай можно было, вероятно, лишь часть какого-либо болота, расположенного поблизости от реки.

Следовательно, на основании данных достоверного источника IV в. приходится отказаться от отождествления Пелсо и Балатона. Название «Пелсо» могло относиться к тому обширному болоту Hiulica palus, местами имевшем вид озера, которое частично находилось в провинции Валерии, близ устья Дравы, и тянулось южнее вдоль Дуная. Тем более, если предположить, что владения трех братьев-королей Валамера, Тиудимера и Видимера располагались в южной Паннонии, а именно между Дравой и Савой (см. прим. 767), то земли Тиудимера могли быть наиболее восточными и соприкасаться с Pelso-Hiulca.

Итак, крупнейшее озеро в центре освоенной римскими легионами Паннонии, озеро, охваченное с востока, запада и северо-запада римскими дорогами, которые в какой-то мере оставались линиями передвижения и в V– VI вв., оказывается лишенным названия, так как имя «Пелсо» отпадает. В качестве осторожного предположения допустимо высказать следующее: возможно, что озеро определялось старым местным словом «блато», «болото» (не отсюда ли «Балатон?»), употреблявшимся в славянской среде и получившим латинский перевод – «lacus», «stagnus». Прилагательное же «Мурсианский», будучи, вероятно, искусственным (для уточнения слишком общего понятия «lacus», «stagnus»), добавлялось лишь потому, что пути к «болоту» начинались (для ромеев) преимущественно от города Мурсы на Драве. Так могло появиться название Мурсианского озера – «lacus, stagnus Mursianus».

Следует добавить, что и вообще-то искать данное озеро около дельты Дуная, как делают многие исследователи, представляется неправильным. Западную границу распространения склавенов, отмечаемую Мурсианским озером, современники не могли помещать где-то около Черного моря, когда каждому обитателю дунайского правобережья (более того – в Константинополе, в

Фессалонике, в Диррахии и отчасти даже в Италии) было известно, что страшные набеги склавенов из-за Дуная совершаются гораздо западнее и выше его устьев, вплоть до пункта опаснейшего в отношении переправы варварских отрядов – около Сингидуна и Сирмия. В глазах ромеев пределы расселения (и появления) склавенов были именно широко растянуты в западно-восточном направлении, почему и второй пункт западной границы склавенов – город Новиетун – также следует искать отнюдь не на нижнем Дунае, а гораздо западнее. При достаточно западном месте расположения Мурсианского озера – Балатона западная граница склавенов вероятнее всего находилась у Невиодуна, близ Савы, ниже Любляны. Находясь на пути из южной Паннонии в Аквилейю, т. е. в северную Италию, Невиодун в представлении человека, смотрящего из Италии, мог быть сочтен за пункт, не особенно далекий от Мурсианского озера в Паннонии. В том, что именно здесь, на этом пути, по которому прошел, например, Теодерих, появлялись склавены, разорявшие Далмацию и вторгавшиеся даже в Италию, не может быть сомнений. Об этом свидетельствует такое достоверное сочинение, как «Готская война» Прокопия. Достаточно рассмотреть сообщаемый им под 548 г. эпизод похода Ильдигеса (Bell. Goth., III, 35, 17—22), который вел за собой большое войско (по-видимому, в помощь Тотиле), состоявшее преимущественно из склавенов, чтобы понять естественность – в глазах писателя VI в. – определения западной границы распространения склавенов городом, лежавшим на среднем течении Савы (см. Е. Ч. Скржинская, О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне).

Северным и восточным пределом распространения склавенов являются, по Иордану, реки Висла и Днестр. Несомненно, что расположение племен к северу от Карпатского хребта не могло быть ясно для автора из присредиземноморских областей. Но исконные места славянских племен на Висле были известны еще древним писателям, а частично и современникам Иордана. Недаром Прокопий отметил, что эрулы (т. е. герулы), побежденные лангобардами, в своем продвижении на север «проходили через все племена склавенов, [минуя их] последовательно» (εφεζης, – Bell. Goth., II, 15, 2). Из этого сообщения видно, что племен склавенов было много, что «проходить» их надо было одно за другим, что они занимали значительные пространства. Днестр же, как восточная граница расселения склавенов, вероятно, представлял собой тот общий путь, по которому склавены проникали на нижний Дунай и оттуда появлялись в Малой Скифии. У Прокопия есть известное свидетельство о склавенах на нижнем Дунае, около заброшенного уже в его время укрепления Ульмиты (οχύρωμα Ουλμιτων όνομα, – Aed., IV, 7, 16– 18), находившегося на левом, вражеском берегу Истра; там были места поселения (διατριβή) склавенов, там они устраивали засады против ромеев.

Таким образом, из ценнейших данных Иордана следует, что империя переживала набеги склавенов на широчайшем фронте: откуда-то из областей к северу от Карпат эти племена проникали к Дунаю двумя мощными потоками, обтекая, так сказать, трудно проходимые горы и появляясь как к западу, так и к востоку от дунайских Клисур и «Железных ворот», делящих около Тиерны и Дробет (Оршова, Орсова и Турну-Северин) реку на среднее и нижнее течения.

112

У Иордана характеристика образа жизни склавенов ограничена кратким указанием на то, что они обитают в болотах и лесах, которые служат им «вместо городов» (§ 35). Эти скудные данные дополняются подробными описаниями как Прокопия (Bell. Goth., III, 14, 22—30), так и автором «Стратегикона» (Maur. Strateg., XI), содержащими в равной степени сведения о склавенах и об антах.

Параллельно со склавенами Иордан определил и полосу расселения антов (§ 35). Насколько широко пространство, занятое склавенами, настолько по Иордану, велика площадь расселения антов. Впрочем, возможно, автор, доводя склавенов до Днестра и не представляя себе, по-видимому, взаимопроникновения этих почти совпадающих друг с другом племен (об этом говорят общие описания Прокопия и «Стратегикона»), указал, что район расселения антов начинается там, где кончается район расселения склавенов, т. е. с Днестра. На востоке он довел антов до Днепра, причем – что важно – он имел в виду только устья рек, так как назвал «луку моря», изгиб, дугу, излучину морского берега в северо-западной части Понта. Иордан отразил более восточное расселение антов по сравнению со склавенами, но и не показал их восточнее Днепра, так как это не соответствовало бы действительности. Он не сказал, распространялись ли анты только между лиманами Днестра и Днепра или поселения их шли глубже в материк, выше по течению этих (впоследствии чисто славянских) рек и в стороны от них. Необходимо очень внимательно отнестись к уникальному свидетельству Иордана о местах расселения антов, особенно к указанию восточной их границы, не заходившей на левобережье нижнего Днепра, и к весьма четко сформулированному определению территории в виде полосы в северо-западном изгибе Понта. Автор сделал это добавление (об излучине моря) с особой старательностью, для наибольшей точности. Правда, такой писатель, как Иордан, как бы смотрящий из стран средиземноморского юга, вероятно, ничего не знал о жизни в областях, лежащих более глубоко к северу от черноморского побережья.

В противоположность стремящемуся к точности Иордану, весьма расплывчато известное свидетельство Прокопия о безмерных, бесчисленных племенах антов (έθνη τα ’Αντων άμετρα) на просторах Северного Причерноморья (Bell. Goth., IV, 4, 9). Прокопий упоминает об антах в особом контексте, он описывает «окружность» (περίοδος) Понта Евксинского, начиная от Халкедона в Вифинии на восток и кончая свой обзор Константинополем. Из рассматриваемых им областей наиболее неясной для него остается часть побережья между Таврикой и дельтой Истра. Он хорошо знает о расселении гуннских племен кутригуров и утигуров: первые занимали места к западу от Танаиса и Мэотиды, вторые – к востоку. Как пишет Прокопий, «выше их (αυτων καθύπερθεν), т. е. утигуров (названных за два

слова до того), „к северу обосновались безмерные племена антов“ (και αυτων καθύπερθεν ες βορραν άνεμον έθνη τα ’Αντων άμετρα ίδρυνται. – Ibid.). Если буквально следовать тексту, получается, что анты распространялись к северу от территории, ограниченной с запада Мэотидой и Доном, так как именно эта территория была занята утигурами. Но продолжается ли здесь у Прокопия та же строгая последовательность в описании „окружности“ Понта Евксинского, какая соблюдалась им до сих пор? По-видимому, нет; как раз на Мэотиде и Таврике она нарушается. Помимо вставок об устье Танаиса и Мэотиды, рассказа о событиях в жизни гуннских племен кутригуров и утигуров, троекратного возвращения к вопросу о готах-тетракситах, отвлекших автора от основной линии повествования (впрочем, кое в чем можно заподозрить и позднейшую интерполяцию), в эту часть сочинения Прокопия вкрались и (непонятные под пером такого автора) ошибки: с Херсоном, столь близким Византии, он объединил города Таманского полуострова Фанагурис и Кепы (Bell. Goth., IV, 5, 28). Кроме того, начиная отсюда, сокращается подробное описание „окружности“ Понта; создается представление о худшей осведомленности автора именно относительно этого северного и северо-западного отрезка побережья. Последние этапы намечены совсем кратко: „от города Херсона до устьев реки Истра, которую называют также Данубием, пути десять дней, и всей тамошней землею владеют варвары“ (Ibid., § 29). И дальше: „отсюда же [от устьев Истра] вплоть до Византия все земли принадлежат императору ромеев. Такова окружность Евксинского Понта от Халкедона до Византия“ (Ibid., § 31). Следовательно, Прокопий хуже, более суммарно показал северо-западную часть „окружности“ и не нашел нужным остановиться на побережье к югу от дельты Дуная, потому что здесь лежали византийские владения, достаточно всем известные. Он сам констатирует приблизительность своих описаний, говоря, что вообще по берегам Понта „обитает огромное множество варваров, причем у ромеев с ними нет никакого общения, кроме случаев посольства“ (Ibid., § 32); в другом месте (Bell. Vand., I, 1, 10) он указывает на невозможность точного исследования районов за Истром, т. е. севернее его, так как варвары сделали недоступной для ромеев эту часть побережья.

Из приведенного выше выясняется, что Прокопий сознавал свое бессилие с точностью описать северо-западное Причерноморье. Следовательно, его слова о «безмерных племенах антов» где-то к северу и где-то у Дона, вернее – за Доном (так как нижнее течение его имеет почти восточно-западное направление, и места к северу оказываются для человека, смотрящего со

стороны Кавказа, именно за Доном, на его правобережье), имеют самое общее значение. И в таком смысле они, конечно, правильны. Славянские племена восточной группы общей южной ветви, т. е. анты, действительно населяли земли в северо-западном направлении от Таманского полуострова или от северной части Кавказского побережья (откуда смотрел Прокопий) на труднодоступной для византийцев территории – у северо-западных берегов Понта. Таким образом, сообщение Прокопия о пребывании антов в Северном Причерноморье, зафиксированное одновременно с данными Иордана, может служить дополнением к последним, едва ли находясь с ними в противоречии. Несомненно, вполне обоснованным и даже проверенным на опыте является утверждение Прокопия о поразительной многочисленности антов. Постоянно объединяя в своем повествовании антов и склавенов, Прокопий изображает широчайший фронт их наступления на земли империи, на которые оба племени двигались крупными, иногда многотысячными отрядами. Едва ли можно допустить, что анты были резко ограничены Днестром и не обитали в более западных районах, если они неоднократно ходили в Италию, помогая ромеям в их войне с готами (Bell. Goth., I, 27, 1—2; III, 22, 5, 22), или нападали, наряду со склавенами и гуннами, на Фракию и на Иллирик (Bell. Goth., III, 14, 11; Anecd., 18, 20—21), разоряя области между Адриатическим и Черным морями.

В текстах византийских хроник IV в. встречаются выражения η χώρα, η γη των ’Αντων, πλεῖστον της ετέραστοῦ Ἴστρου όχθης и другие, показывающие что анты (как и склавены) занимали значительную территорию.

О многочисленности и силе племени антов говорит и то, что они имели многих предводителей – «архонтов» (Men. fr., 6), и то, что они снаряжали посольства (например, посольство Мезамира к аварам, – Ibid.) и, тем более принимали посольства от византийского императора (например, посольство к антам от Юстиниана в 546 г. с предложением занять заброшенный город Туррис, Turris, и за крупные суммы денег не пропускать гуннов к Дунаю, – (Bell. Goth., III, 14, 32).

Упоминания об этом могущественном племени замирают с концом VI или началом VII в. И несмотря на то, что анты жили на Днепре, их имя не встречается ни в одном из письменных источников Киевской Руси. Феофилакт Симокатта сообщает, что примерно к концу правления императора Маврикия (582– 602), во время войны Византии с аварами, каган послал своего военачальника Апсиха на антов с приказанием истребить все племя (όπως το των ’Αντων διολέσειεν εθνος, ό σύμμαχον

’Ρωμαίοις ετύγχανεν όν), потому что анты были в то время союзниками ромеев (Theophyl. Sim., VIII, 5, 13). Писатель не говорит, было ли приведено в исполнение приказание аварского кагана, и до самого конца своего труда ничего более не сообщает об антах. Красноречиво звучит в приведенной выше фразе глагол διολλυμι – «уничтожать», «совершенно истреблять». За Феофилактом Симокаттой почти дословно повторил его сообщение Феофан под 20-м годом царствования Маврикия: όπως το των ’Αντων διολέση έθνος, ως σύμμαχον των Ρωμαίων (Theoph., I, ρ. 284). Не было ли это концом если не всего племени, то его основной массы?

Для ответа нет никакого разъяснительного материала источников. Анты были слишком многочисленны, чтобы быть уничтоженными в результате одного вражеского нападения, хотя бы и значительного. Вероятно, была уничтожена верхушка племени, разорена основная территория расселения, перебито много людей. Имя и племенное значение антов исчезли, подобно тому как были «уничтожены» в VI в. и задолго до него многие племена, растворившиеся в массе других племен. Таковы херуски, хавки, сикамбры, батавы, семноны, герулы, бастарны, руги, скиры, туркилинги, гепиды и др. (ср. F. Lot, Les invasions germaniques. La pénétration mutuelle du monde barbare et du monde romain, p. 327).

Части потерпевшего поражение и, по-видимому, утерявшего единство племени антов должны были слиться со склавенами, столь родственными им во всех отношениях. Имя склавенов продолжало жить в последующие века и, надо думать, распространилось на тех антов, которые не были уничтожены аварским войском Апсиха, но были рассеяны. О маловероятной возможности отождествить антов с дулебами, упоминаемыми в «Повести временных лет», см. статью Е. Ч. Скржинской, упомянутую в прим. 110.

114

Видиварии, Vidivarii. Место их расселения указано очень точно: «на побережье Океана, там, где через три гирла поглощаются воды реки Вистулы» («ad litus autem Oceani, ubi tribus faucibus fluenta Vistulae fluminis ebibuntur»). Замечательно, что про видивариев говорится как про объединение племен. Это название уже Иорданом и его источниками воспринимается как собирательное: «Видиварии... собравшиеся из разных родов племен» («ex diversis nationibus»). В § 96 Иордан называет видивариев «вивидариями». Несмотря на путаницу в названиях, он имеет в виду одни и те же племена, потому что снова повторяет, что живут они на острове – Gepedoios – в устье Вислы и что собрались на нем «как бы в одно убежище», соединившись «из различных родов» («ex diversis nationibus») и образовав отдельное племя – «gens» («et gentem fecisse noscuntur»).

Л. Шмидт полагает, что видиварии – смешанное племя из отставших гепидов и эстиев (L. Schmidt, S. 530). К. Мюлленгофф сближает название племени видивариев с названиями островов между рукавами Вислы при ее впадении в море. В средние века германцы называли эти места Widland, а местные жители – Widsemme; финнские же племена – Vidu-maa, т. е. «страна Виду». (См. «Index locorum» Моммсена).

115

Эсты (или айсты, Aesti) – литовские племена, которые, наряду с более северными феннами и распространенными к югу венетами, жили на границах Сарматии и Германии. Говоря об эстах, Иордан отметил лишь их миролюбие; но он ничего не сказал о достаточно известных особенностях того морского побережья, вдоль которого они обитали за племенем видивариев, жившим близ устья Вислы. Не только в отдаленные времена, когда писал Тацит (Germ., 45), рассказывали о янтаре, который «один из всех» («soli omnium») «племена эстиев» («Aestiorum gentes») собирают на морском берегу («sucinum, quod ipsi glaesum vocant, inter vada atque in ipso litore legunt» – «суцин, который они зовут глезом, они собирают в мелкой воде и на самом берегу»), но и при Иордане были живы сведения о янтарных богатствах эстов. Когда эсты («Hestii») искали поддержки у короля остроготов Теодериха, то они прислали ему в дар янтари («sucina»), о которых подробно говорится в ответном письме, составленном, как и другие государственные послания остроготов, канцлером Кассиодором (Variae, V, 2).

116

Племя акациров («gens Acatzirorum») Иордан называет «могущественнейшим», «сильнейшим» («gens fortissima») и определяет его как неземледельческое, занимающееся скотоводством и охотой. Племя акациров (по Иордану) живет на огромных пространствах между эстами, занимавшими территорию близ янтарного берега у Балтийского моря, и булгарами, обитавшими на берегу моря Понтийского, что явно преувеличено. Вероятно, точнее представлял себе акациров Приск, писавший, правда, на сто лет раньше Иордана. Приск сообщает, что акациры – «скифское» (т. е. гуннское) племя: το των ’Ακατζίρων (Ἀκατίρων, Κατζίρων) έθνος... ό εστι Σκυθικον έθνος. – Prisci. fr. 8, ρp. fr. 30. Из его же сочинения известно, что Аттила держал акациров в своем подчинении и послал своего старшего сына управлять ими: они жили тогда (в первой половине V в.) в припонтийских областях (Ibid., fr. 8) и ходили через Каспийские ворота в Кавказском горном хребте войной на персов (Ibid., fr. 37). Судя по тому, что ряду акацирских князьков император Феодосий II, как свидетельствует Приск, регулярно посылал «дары» (δώρα), акациры были сильным племенем, союз с которым был желателен для империи (Ibid., fr. 8). Прокопий не называет в своих произведениях племени акациров, но говорит, что в примэотийских степях жили гунны «киммерийцы», в его время именовавшиеся утигурами (Bell. Goth., IV, 4, 8; 5, 1).

117

Под булгарами (Bulgares) Иордан подразумевал гуннские племена северо-восточного Причерноморья: далее за акацирами, пишет он, «тянутся над Понтийским морем места расселения (sedes) булгар» (§ 37). Прокопий, говоря о событиях VI в., употребляет постоянно название «гунны» и частные обозначения отдельных гуннских племен: «утигуры» и «кутригуры», имея в виду гуннские племена, обитавшие в примэотийских степях. Слова «булгары» в произведениях Прокопия нет (как нет его ни у Агафия, ни у Менандра). Иордан же, рассказывая о событиях IV и V вв. – о распаде державы Германариха, об Аттиле, о сражении на Каталаунских полях, – называет гуннов, но, обращаясь к событиям своих дней: к «ежедневному напору», «ежедневным нападениям» («instantia cottidiana») варваров на империю, называет не гуннов, а булгар (Rom., § 388) вместе с антами и склавенами. Название «булгары» было в его время общеупотребительным и понятным, определявшим всю совокупность гунно-булгарских племен степной полосы Восточной Европы от приазовских до придунайских областей в конце V и в VI вв. Как современник, Иордан замечает, что булгар «сделали широко известными» («notissimos») те бедствия, которые обрушились на империю по причине «грехов наших». Его слова проникнуты взволнованностью свидетеля событий. Можно думать, что Иордан намекает на опустошительные нападения булгар, иногда в соединении с антами и склавенами, на пограничные районы Иллирика и Фракии (ср. Rom., § 363). Под «бедствиями», о которых как об общеизвестном факте упомянул Иордан, надо, вероятно, подразумевать жестокие набеги варварских племен из-за Дуная, подробно описанные Прокопием под 550—551 гг. Когда гепиды, жившие неподалеку от Сирмия, помогли переправиться через Дунай явившимся с берегов Мэотиды кутригурам и те рассеялись по Фракии и Иллирику, то подвергнувшиеся нашествию области были страшно разорены (Bell. Goth., IV, 13—18). Суммируя описанное в «Готской войне», Прокопий пишет, – одинаково с Иорданом (Rom., § 388), – что в Иллирии по всей Фракии «гунны, склавины и анты, делая набеги чуть ли не ежегодно с того времени, как Юстиниан принял власть над ромеями, творили непоправимое зло тамошним людям» (Anecd., 18, 20). Прокопий полагает, что при каждом нападении (εσβολη) названных племен было перебито и уведено в плен до двухсот тысяч ромеев, и земля там стала «скифской пустыней» (η Σκυθων ερημία).

На сообщение Иордана о походе булгар против Византии обратил внимание Ломоносов. На страницах «Древней Российской истории», в главе 5 «О переселениях и делах славенских» («Полное собрание сочинений», т. 6, 1952, стр. 188) он указал, имея в виду Rom., § 388: «Иорнанд со славенами и антами, славенским же народом, совокупное их [булгар] нападение на Римскую державу описует». В отзыве на диссертацию Миллера «О начале народа и имени Российского» («Рапорт в канцелярию Академии наук 16 сентября 1749 года», там же, стр. 38) Ломоносов отметил, имея в виду Get., § 37: «Иорнанд, о гетах пишучи, говорит, что ныне славяне за грехи наши везде нас разоряют».

118

Одно из самых трудных мест текста «Getica» по нагромождению витиеватых выражений. Поэтическое сравнение с густой порослью (caespes), сопровожденное превосходной степенью прилагательного (fecundissimus), определено еще одним суперлативом – fortissimorum gentium. Кроме того, абстрактное rabies («свирепость», «ярость», «бешенство», «жестокость») взято для того, чтобы дать конкретный образ, создающий представление о диких, необузданных людях. Соответственно оригиналу и перевод этого места тяжеловесен.

119

Альциагиры (Altziagiri) – племя, кочевавшее, по словам Иордана, «около Херсоны» («juxta Chersonam») то в степях летом («aestate campos pervagant»), то у понтийских берегов зимой («hieme supra mare Ponticum»), – принадлежали к группе гуннских племен. Названия «альциагиры» нет ни у Приска, ни у авторов VI в. – Прокопия, Агафия, Менандра, ни у Феофилакта Симокатты. По-видимому, об альциагирах Иордана говорится у Прокопия (Bell. Goth., IV, 5, 28): «если идти из города Боспора в город Херсон..., то всем, что находится в промежутке, владеют варвары, гуннские племена» (βάρβαροι, Ουννικα έθνη, τα μεταξυ άπαντα έχουσι).

120

Савиры (Saviri) – гуннское племя, так как в предыдущей фразе Иордан говорит о гуннах в целом, о совокупности объединенных под именем гуннов племен, а затем перечисляет их, называя одних альциагирами, других савирами. Указав, что альциагиры обитают близ Херсона, Иордан, ничего не говоря о местах обитания савиров, переходит к сообщению о хунгурах и более не возвращается к савирам. Может быть, хунгуры – иное название савиров. С достаточной точностью о местах расселения савиров пишет Прокопий. Они, по его словам, живут около Кавказских гор (Bell. Goth., IV, 3, 5; 11, 23) или, вернее, «позади» (т. е. глубже, восточнее) зихов, которые располагались в северной части кавказского побережья (Bell. Pers., II, 29, 15). Хотя савиры бывали наемниками ромеев (οι δε εκ των Ούννων μισθοφόροι των δη Σαβείρων ονομαζομενων, – Agath., III, 17), но чаще они помогали в войне персам (Ibid., IV, 13). Их в большинстве случаев враждебную к Византии позицию показывает Менандр (Men. fr. 5, 41, 42). Они были известны еще в V в., поскольку упоминание о них встречается на страницах записей Приска (Prisci. fr. 4).

121

Хунугуры (Hunuguri) – гуннское племя, близкое или сливающееся с савирами, обитателями Северного Кавказа. У Иордана, у Прокопия, у Агафия упоминаются разные племена, названия которых сходны своими окончаниями: «гуры», «дзуры», «гиры», «дзиры», «иры», «оры», «ары», (ср. Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica II, 1958, p. 359—360). Таковы у Иордана хунугуры, биттугуры, алпидзуры, алцилдзуры, ултзиндзуры, в некоторых рукописях измененные в ултзингуры; затем – савиры, альциагиры, ангискиры, бардоры, итимары (Get., § 27, 126, 272). Особую форму у Иордана имеют названия еще двух гуннских племен – тункарсы и боиски (Tuncarsi, Boisci). У Прокопия – утигуры и кутригуры. У Агафия – котригуры, утигуры, ултидзуры. Все названные племена составляли, по Прокопию, «множество гуннских племен» (Ουννικα έθνη πολλα) или «огромную толпу гуннов» (Ούννων... πολυς το όμιλος) и жили вокруг Мэотиды. Иордан особо выделяет часть гуннских племен близ Херсона, о чем также сообщает и Прокопий (Bell. Goth., IV, 5, 28). Ср. прим. 119.

122

Шкурки степных грызунов употреблялись кочевниками для легкой одежды; для более плотной и теплой использовались звериные шкуры. Интересно сравнить с этим свидетельством Иордана рассказ, приводимый в сокращении не дошедшей до нас «Истории» Помпея Трога (конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.), составленной Юстином (см. прим. 152). При описании Скифии он сообщает, что кочевое население степей, несмотря на холода, не употребляет шерсти (lana), но «пользуется только звериными и мышиными шкурами» («pellibus tantum ferinis et murinis utuntur», Pomp. Trog., II, 2). Аммиан Марцеллин также сообщает, что гунны носят одежды либо льняные, либо из шкурок полевых мышей: «indumentis operiuntur linteis vel ex pellibus silvestrium murum consarcinatis» (Amm. Marc., XXXI, 2, 5).

123

«Их устрашила отвага столь многочисленных мужей» («quos tantorum virorum formidavit audacia»). Это место, вероятно испорченное, остается непонятным и не связывается ни с предыдущим, ни с последующим текстом. Дальше автор снова обращается к рассказу о готах, поэтому, быть может, «tantorum virorum» следует отнести к готам, которые привели в ужас хунугуров.

124

Приведенное здесь Иорданом, казалось бы, житейское сравнение явилось лишь отражением библейского текста, сохраненного памятью внимательного начетчика. В первом послании апостола Павла Тимофею говорится: «Внемли чтению» (4, 13), «скверных же и бабиих басней (aniles fabulas) отрицайся» (4, 7).

125

Зальмоксес (Zalmoxes, Zamolxis) – чаще Сальмоксис (Salmoxis). Геродот передает, на основании слышанных им рассказов, что Сальмоксис (Σάλμοξις) был рабом Пифагора на острове Самосе; став свободным, он приехал во Фракию, где проповедовал гетам свою философию загробного мира (Hist., IV, 95, 2—3). Геродот, высказывая сомнение в том, был ли Сальмоксис человеком или божеством, свидетельствует о культе его у гетов и о их вере в бессмертие души (Ibid., IV, 96, 1—2). Очевидно, Сальмоксис был верховным жрецом и главой гетских племен, обожествленным после смерти.

126

Зевта (Zeuta, Seuthes) – имя двух фракийских династов: один из них был советником и затем преемником знаменитого представителя племени одрисов – царя Ситалка (умершего в 424 г. до н. э.; о нем Иордан говорит в § 60); другой правил фракийцами-гетами несколько позднее (умер в 383 г. до н. э.). Имя Зевты II упоминается в «Анабасисе» Ксенофонта, так как Зевта имел отношение к знаменитому походу персидского царя Кира в 400 г. до н. э. Во всяком случае ошибочно ставить Зевту (I или II) раньше Сальмоксиса, описанного еще Геродотом.

127

Дикиней (Dicineus, Decaeneus, Δικαίνεος) по Страбону (Geogr., VII, 3, 11) – «помощник» (συναγωνιστής) Бурвисты (I в. до н. э.), вождя военноплеменного гето-дакийского союза. Дикиней считался кудесником, волшебником (у Страбона: ανηρ γόης), обладавшим даром предвидения, благодаря чему он будто бы истолковывал волю богов; он побывал в Египте, где постиг все науки. Помощь Дикинея Бурвисте заключалась в том, что он, воздействуя на людей своими предсказаниями, помогал последнему держать народ в повиновении. Это был облеченный большой властью верховный жрец. Тенденциозно представляя историю гетов как древнейшую часть истории готов, Иордан выдает исторически засвидетельствованную деятельность Бурвисты за проявление готской политики и культуры. В связи с Бурвистой он приводит и имя Дикинея,. пришедшего в «Готию» («venit in Gothiam», – Get., § 67) и получившего там «чуть ли не царскую власть». Иордан называет Дикинея «советником» готов, которого они беспрекословно слушались. Как «опытный учитель» («magister peritus») он обучил их всей «философии», отрасли которой Иордан перечислил в § 69 (этика, физика, логика, практика и «теоретика», астрономия). Чтобы сохранить власть в руках жречества, Дикиней, «повелевавший даже королями» («immo et regibus imperaret»), основал коллегию пиллеатов (см. прим. 130), из числа которых «назначались короли и священники» (§ 40). Преемником Дикинея был Комозик, который, по словам Иордана, был назван «и королем, и первосвященником» («et rex... et pontifex», – § 73). После смерти Дикиней был обожествлен, так же как Сальмоксис. (См. прим. 125).

128

Иордан, знавший классических авторов, хотя сам по происхождению не был ни греком, ни римлянином, относит готов к общей группе варварских племен; правда, здесь он заимствует сведения из сочинения Диона Хризостома (I – II в. н. э.), который писал о гетах. Об этом труде Диона мы знаем лишь по упоминанию о нем самого автора в одной из его речей (Dio Chrys., 72). Иордан трижды ссылается на Диона, называя его труд один раз (Get, § 40) «историями и анналами», писанными по-гречески; другой раз (§ 58) указывая настоящее название сочинения – «Гетика»; третий раз приводя имя Диона Хризостома в связи с войной Филиппа Македонского против гетов (§ 65).

129

Дион Хризостом, т. е. Златоуст, – греческий писатель, оратор и философ (I—II в. н. э.), современник Тацита. При императоре Домициане подвергся изгнанию и провел много лет в придунайских римских провинциях. В произведении «Гетика», о котором упоминает Иордан (§ 58), отзывающийся об авторе с большим почтением, отразились наблюдения Диона над этими местами. Труд Диона Хризостома не сохранился до нашего времени; до нас дошли только его многочисленные речи частью философского, частью литературного характера, не лишенные живых и, по-видимому, точных описаний. Для исследователя истории Северного Причерноморья особенно интересна так называемая «Борисфенитская речь» Диона Хризостома, которая относится приблизительно к 100 г. н. э. В ней оратор проявил себя внимательным наблюдателем; он яркими красками нарисовал свое посещение Ольвии-Борисфена, показав ряд картинок из жизни этого греко-варварского города, расположенного в устье Гипаниса-Буга, но прозванного по соседней великой реке Борисфену – Днепру.

130

Пиллеаты (pilleati) – название представителей жреческого сословия у гетов (по сообщению Диона Хризостома). По Иордану, будто бы Дикиней (I в. до н. э.) установил коллегию жрецов у гетов-даков, на самом же деле жрецы у гетских племен были значительно раньше, о чем свидетельствует культ Сальмоксиса, легендарного проповедника среди гетов, отмеченного уже Геродотом (Hist, IV, 94—96). Ср. о жрецах, вышедших из стен города Одисса, – Get, § 65. О происхождении названия «пиллеаты» – § 71.

131

Иордан совершенно точно цитирует стих из «Энеиды» Вергилия (Aen., III, 35). Градив – эпитет, прилагаемый к Марсу.

132

Здесь Иордан приписывает предкам готов культ бога войны Арея фракийского, процветавший у гетов. В жертву Арею приносили пленников. Амазонки считались дочерьми Арея и наяды Гармонии. Выхватывая сведения из античной мифологии и пользуясь (объявленным им ниже, – Get., § 58) тождеством геты – готы, Иордан в целях утверждения древности истории готов приписывает им исконный фракийский культ. В связи с этим Иордан указывает на вовсе не связанное с историей готов «второе» место их расселения (§§ 38 и 39) в Мезии (у Иордана-Мизия), Фракии и Дакии, включая его между «первым» и «третьим», находившимися в Северном Причерноморье (первое – «близ Мэотиды», второе – «над Понтийским морем»).

133

Здесь Иордан впервые называет Балтов и Амалов – два знатных правящих рода (familiae) действительно у готов, а не у «гетов». По поводу термина «populus», которым Иордан определяет все племя готов в целом, см. прим. 313.

134

Лукан – римский поэт (39—65 гг.), погибший в молодом возрасте при Нероне. Он оставил незаконченную поэму «Pharsalia», в которой описана борьба между Цезарем и Помпеем. (Приводимый стих, – Pharsal. VIII, 221.)

135

Здесь Иордан называет имена героев готского эпоса. Относительно имени Этерпамара еще Мюлленгофф (см. «Index personarum» Моммсена) сказал, что это nomen obscurissimum. Не более ясно и имя Ханала. Исторические черты имеются у Видигойи (Vidigoia), который, по преданию, боролся с гуннами и был убит сарматами (язигами), о чем передает Иордан в § 178, ссылаясь на Приска (в не дошедшей до нас части его сочинения). Имя Vidigoia (Vidugauja) сближается с именем аламаннского короля Vithicabius, упомянутым дважды у Аммиана Марцеллина (Amm. Marc., XXVII, 10, 3, XXX, 7, 7). Наиболее освещен в источниках предводитель веэготов Фритигерн, о деятельности которого писал Аммиан Марцеллин (Ibid., XXXI). Иордан называет Фритигерна в связи с переходом готов через Дунай и их борьбой с императором Валентом (Get., §§ 135 и 142).

136

По Орозию (I, 14), Весозис, царь египетский, начал войну со скифами и был ими побежден. Орозий основывался в значительной мере на сочинении Юстина, на его сокращении «Истории» Помпея Трога (см. прим. 152). Юстин противопоставляет скифского царя Таная египетскому царю Весозису (Epitoma, I; II, 3).

137

Орозий, следуя Юстину, писал об амазонках (Oros., I, 15).

138

По-видимому, Иордан устанавливает, что скифы Орозия являются «готами». Он читал у Орозия (Oros., VII, 37, 4—5, 9), что Радагайс (ум. в нач. V в.), вождь двенадцати тысяч готов, – «язычник и скиф» («paganus et Scytha»), «язычник-варвар и поистине скиф» («paganus barbarus et vere Scytha»), и сам повторил про Радагайса, что он – скиф (Rom., § 321).

139

Здесь важны слова Иордана, что «Данапр» – местное название, которое употребляют местные жители. О Днепре – Борисфене, Данапре, Варе – см. прим. 614, 678.

140

Иордан повторяет, быть может за Помпонием Мелой (Mela, I, 115), что Танаис (Дон) течет с Рифейских гор (с Урала).

141

Иордан придает этим словам оттенок характеристики страны; выражение Scythicus algor подобно другому, тоже характеризующему Скифию – «пустыни скифские» («solitudines Scythicae»).

142

Река Танаис из века в век объявлялась рубежом между Азией и Европой. На одной из самых ранних средневековых карт, на так называемой карте Беата (VIII в.), около Танаиса и Мэотиды поставлена надпись: «Здесь конец Азии, здесь начало Европы» («Hic finis Asiae, hic capud [caput] Europae»). В «Хорографии» Помпония Мелы (Mela, I, 8, 15; II, 1) указано, что границей между Европой и Азией служит река Танаис.

143

Хриннские горы (вернее – горы племени хриннов, montes Chrinnorum). Хринны названы только Иорданом, причем написание «Chri» могло получиться (у переписчика) из «Chu», и, таким образом, Иордан, быть может, писал о «хуннах» (Chunni). По-видимому, автор говорит здесь (Get, § 45) о реке Яксарте (Сыр-Дарья), объясняя, что это «другой (Танаис), который, возникая в Хриннских горах, впадает в Каспийское море» (Каспийское и Аральское моря не различались у источника Иордана достаточно отчетливо). Возможно, что «Хринны» Иордана являлись отзвуком «Гринайев» (Γρυναῖοι) Птолемея (Ptol., VII, 13, 3).

144

Сведения о рыбах с хрящевым скелетом Иордан мог почерпнуть у Помпония Мелы (Mela, II, 1, 6) и у Солина (Solin., 15, 1), автора III в., написавшего – главным образом по Плинию – сочинение под названием «Polyhistor» (собрание разных исторических и географических сведений).

145

Экзамфей (Exampheus fons, Ἐξαμπαῖος). В « Хорографии» Помпония Мелы рассказывается, что Гипанис (Буг) «рождается из большого болота, которое местные жители называют его матерью..., недалеко от моря принимает он из малого ручья по прозванию Экзамфей настолько горькие воды, что и сам, начиная отсюда, течет на себя непохожий и не сладкий» (Mela, II, 7). Однако и до Помпония Мелы в сочинении архитектора и механика Витрувия (I в. до н э.) «Об архитектуре» (Vitruv., VIII, 3, 11) имеются сведения, что река Гипанис, приняв в себя маленький ручеек, стала горькой на вкус. Витрувий сообщает и о причине такого явления; он говорит, что ручеек протекает по земле, богатой жилами «сандараки», от чего вода становится горькой.

Поэт Овидий повторил в своих стихах общеизвестную, по-видимому, характеристику вод Гипаниса (но не Днепра): «Что же? Разве рожденный в скифских горах Гипанис, ранее того сладкий, не испорчен горькими солями?» (Metamorph., XV, 285—286). Таким образом, Иордан, восприняв сообщение о горьком ручье, портящем вкус воды в большой реке, спутал название реки, и сведения, относившиеся к Бугу, приписал Днепру. «Infectus» лучше передать как «зараженный», чем «окрашенный», хотя первоначальное значение глагола «inficere» – «мокать», «красить»; этот глагол, кроме того, означает: «смешивать», «растворять», «портить», «заражать».

146

Каллипиды, Callipidae. Иордан ошибочно называет этим именем город. Такого города нет ни у Орозия, ни у Аммиана Марцеллина. Помпоний Мела говорит не о городе, а о скифском племени «каллипидов» (Mela, II, 7). По-видимому, Иордан воспринял это искаженное им сведение по традиции от Геродота, который писал о племени каллипидов (Καλλιπίδαι): «от торгового порта (εμπόριον) борисфенитов – а он из приморских поселений всей Скифии самый срединный (т. е. расположен на материке глубже остальных] – первыми живут каллипиды, которые являются эллинами-скифами. Выше их – υπερ δε τούτων [т. е. еще глубже, севернее] – ...живут алазоны» (Hist., IV, 17). Ср. прим. 91 о городе Каллиполиде.

147

Гипанис (Hypannis) – река Буг. Иордан ошибочно относит это название к городу. (См. прим. 145).

148

Ахиллов остров. Иордан как будто помещает его близ устья реки Гипаниса (Буга). Однако, ввиду того что он ведет здесь речь о Днепре, а Гипанис упомянут им лишь вскользь, для уточнения устья Днепра, местоимение cuius («ad cuius ostia») логично отнести к Днепру, а не к Бугу. Помпоний Мела (Mela, II, 98) сообщает об острове «Leuce» (Λεύκη), т. е. «Белом», который прозван «Ахилловым» («Achillea cognomine») и находится против устья Борисфена. На самом деле остров Белый, или Ахиллов, соответствует нынешнему Змеиному острову, расположенному в Черном море против дельты Дуная. Но, как известно, с именем Ахилла связана еще Тендеровская коса, находящаяся южнее Днепровского лимана, гораздо ближе к Днепру, чем Ахиллов (Змеиный) остров. Тендеровская коса в древности именовалась «Ахилловым бегом», или «дромом», ристалищем (ο ’Αχιλλήιος δρομος). Таким образом, если и Иордан соединяет, как и Помпоний Мела, Ахиллов остров с Днепром, то правильнее думать, что в обоих случаях говорится о Тендеровской косе, а не о Змеином острове (ср. следующее примечание).

149

Обширнейшие земли, лесистые и болотистые, названные Иорданом в § 46, нельзя не отождествить с областью древней, известной еще Геродоту (Hist., IV, 17—19), Гилеи (Ὑλαίη – Полесье) – единственной местностью между Днепром и Доном, в которой историк, сам побывавший в Ольвии, констатировал лес. «Границы Гилеи вполне точно определяются Геродотом отчасти на основании личных наблюдений, отчасти – показаний ионийских географов, – пишет С. А. Жебелев. – Гилея начиналась к востоку от устья Борисфена (у теперешнего Кинбурна), шла между лиманом и морем вдоль Ахиллова бега (Тендры) и оканчивалась у Гипакириса и города Каркинитиды (Hist., IV, 55), доходя на севере до территории, занимаемой скифами-пахарями». В примечании к этой фразе сказано: «По расчету, основанном на показании Геродота, Полесье должно было занимать пространство в 40 км в ширину, 140 км в длину» (С. А. Жебелев, Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. стр. 340). Все сведения, сообщенные Геродотом, совпадают с кратким замечанием Иордана, что между устьем (Днепра) и Ахилловым островом (Тендеровской косой) находится «обширнейшая земля, заросшая лесами и страшная болотами». Между прочим, здесь подтверждается, что «остров по имени Ахиллов», о котором пишет Иордан, действительно, должен быть отождествлен с «Ахилловым бегом» – Тендеровской косой, а не со Змеиным островом (ср. предыдущее примечание). Определение Иорданом Гилеи отдаленно напоминает определение Тацитом Германии: «aut silvis horrida, aut paludibus foeda» (Germ., 5). Это лишний раз подтверждает, что Иордан был начитанным человеком.

150

Фазис (Phasis, Φασις) – река Рион в Закавказье, широко известная в древности (Verg. Georg., IV, 367; Ovid. Metamorph., VII, 5—6; Plin., V, 12). Иногда Фазисом называли реку Аракс в Армении. Ср. прим. 614.

151

Фазаны считались самой изысканной, с трудом добываемой и весьма дорогой пищей пресыщенных богачей. Об этом упоминает один из проповедников IV в. Астерий, епископ малоазийского города Амасии; в беседе на евангельскую притчу о бедняке Лазаре, лежавшем у порога богача, описывалась роскошь богатого дома: «сочти все серебро, все золото, заключающееся в утвари, дорого стоящую покупку птиц с Фасида» («Гомилия о богатом Лазаре», – см.: SC, I, стр. 722). В одной поэме еще времен императора Тиберия (14—37) говорится, что «ради желудка отправляются дальше, чем ради военного похода; мы питаемся от нумидийских побережий и от рощ Фасида» (там же, II, стр. 114).

152

Помпей Трог (Pompeius Trogus) – римский писатель, живший на рубеже нашей эры. Он написал фундаментальную «Историю» («Historiae Philippicae»), основная часть которой была посвящена деятельности Филиппа Македонского и Александра Великого. Произведение Помпея Трога не сохранилось, но до нас дошел труд Марка Юниана Юстина; «Сокращение „Истории“ Помпея Трога» («Epitoma historiarum Philippicarum»). Ни о месте, ни о времени составления «Epitoma» Юстина нет никаких сведений. По языку это произведение относят к концу II или к началу III в. н. э. «Сокращением» пользовались многие писатели (Иероним, Августин, особенно Орозий и др.). Иордан, по-видимому, пользовался непосредственно Помпеем Трогом, которого упоминает дважды (Get., §§ 48 и 61).

153

Иордан цитирует стих из «Энеиды» Вергилия: «quam si dura silex aut stet Marpesia cautes» (Aen., VI, 471), изменив только «quam» на «ac».

154

Каспийские Пилы («Caspiae Pylae», у Прокопия – Κασπια πύλ или Κασπια πύλη) – так называемые Каспийские ворота, которые отмечены разными авторами, но с различной, хотя и не всегда отчетливой, локализацией. В данном случае надо подразумевать Каспийские ворота в средней части Кавказского хребта, вероятно, на линии Военно-Грузинской дороги, потому что Иордан соединяет местоположение этого горного прохода с местами обитания лазов. У Прокопия сказано, что от Каспийских ворот до Мэотиды, т. е. в степях, расположенных к северо-западу от «ворот», живут гунны (Bell. Pers., I, 10, 4—6). Он же сообщает, что гунны находятся недалеко от страны лазов, Лазики, которая является оплотом против варваров, нападающих на империю из-за Кавказских гор (Ibid., II, 28, 22). О географическом положении Лазики см. следующее примечание.

155

Лазы («Lasorum gens», у Прокопия и у Агафия – Λαζοι) обитали главным образом к северу от реки Фазиса или Риона (по Прокопию – ‘Ρέων) в области древней Колхиды, которая в VI в. называлась Лазикой. Агафий указывает, что лазы в древности назывались колхами (Agath., II, 18). В Лазике были крупные (дожившие до нашего времени) поселения: Кутаиси, Севастополь (нын. Сухуми), Питиунт (нын. Пицунда). (Ср. Bell. Pers., I, II, 28, П, 29, 18; Bell. Goth., IV, 2, 29; IV, 14, 48—49.)

Иордан включает амазонок, с некоторыми чертами из многообразных мифов о них, в историю готов, последовательно проводя свою тенденцию – углубить древность готского племени. Переход к рассказу об амазонках сделан Иорданом весьма неловко: сообщив о том, что «царь египетский Весозис» воевал со «скифами» и что «скифы» были мужьями амазонок (Get., § 44), Иордан в то же время заявляет, что врагами Весозиса были «готы». Таким образом, получается, что амазонки были женами готов; древность же амазонок в глазах всех не подлежала сомнению. Так, Иордан искусственно связал амазонок с готами и украсил легендами о первых историю вторых. Иордан черпал сведения об амазонках из сочинения Орозия (Oros., I, 15), который, в свою очередь, заимствовал их из труда Юстина. Иордан описал поход амазонок из Скифии по Кавказу и по Малой Азии, основание ими ряда малоазийских городов, постройку святилища Артемиды-Дианы в Эфесе и возвращение обратно к «Марпезийской скале» на Кавказе (Get., §§ 49—52); Иордан подробно остановился на браках амазонок, на их отношении к детям, на воспитании девочек в воинском духе и уничтожении мальчиков (§§ 56—57). У Иордана смутно отражены известные эпизоды борьбы с амазонками Геракла и Тезея (§ 57). Для проведения своей тенденциозной линии автору существенно было указать, что амазонка Пентесилея (по послегомеровскому сказанию, – дочь Арея Фракийского) участвовала в Троянской войне (§ 57).

157

Алис, Галис (Alys, Halys) – река Кизыл-Ирмак в Малой Азии, впадающая в Черное море восточнее Синопа.

158

Гаргара (Gargara civitas), правильнее Гангара, – город Пафлагонии, в Малой Азии (нын. Киангри) к западу от реки Кизыл-Ирмак и несколько севернее Анкары.

159

Ввиду того что дальше следует перечисление провинций ряда диоцезов (соответственно делению по Notitia dignitatum V в.) – Понтийского, Восточного и Азийского, здесь, по-видимому, подразумеваются обе Армении, Первая и Вторая, как наиболее восточные провинции Восточной Римской империи, на границе с государством Арменией.

160

Сирия – провинция диоцеза Востока с центрами в Антиохии (Сирия Первая) и в Апамее (Сирия Вторая).

161

Киликия – провинция диоцеза Азийского, на юге Малой Азии, с центрами в Тарсе (Киликия Первая) и в Аназарбе (Киликия Вторая).

162

Галатия – провинция диоцеза Понтийского, в центре Малой Азии, с главными городами Анкирой (Галатия Первая) и Пессином (Галатия Вторая).

163

Писидия – провинция диоцеза Азийского, замкнутая горная страна в юго-западной части Малой Азии.

164

Под «Азией» подразумевается либо весь Азийский диоцез, т. е. западная часть Малой Азии, либо провинция этого диоцеза под названием «Азия», в которую входила средняя часть западного малоазийского побережья с главным городом Эфесом.

165

Иония – в античности то же, что по Nititia dignitatum V в. провинция Азия в Азийском диоцезе, т. е. средняя часть западного малоазийского побережья, с городами Эфес, Магнезия, Милет, Смирна.

166

Эолия в античности занимала северную часть западного малоазийского побережья, севернее Ионии, но южнее Трои.

167

В мифе об амазонках рассказывается, что они давали свои имена различным городам в покоренных ими землях Малой Азии. Таковы, например, города Митилена, Смирна, Амастрида, Синопа.

168

Эфес – крупный город на западном побережье Малой Азии, против о. Самоса.

169

См. Get., § 50.

170

С глубокой древности Кавказом назывался нынешний Кавказский хребет. Кавказ считался самой высокой горой среди известных в древности гор и представлялся вместе с рекой Фазисом «краем мира». Но после походов Александра Македонского (356—323) «край света» передвинулся к востоку, на границы Индии, и началом «Кавказа» стали считать западные Гималаи и Гиндукуш (горы «Парнас» или «Парапамиз»). Таким образом, в древних сочинениях по географии указывалось на огромную горную цепь, носившую общее название «Кавказ», части которой именовались различно. Эта грандиозная горная система, как думали античные географы (Страбон, Помпоний Мела, Плиний, Птолемей), зарождалась в Индии, тянулась на запад к Эльбурсу на южном побережье Каспийского моря, давала отроги еще западнее, у истоков Тигра и Евфрата, поворачивала на собственно Кавказ, где достигала наибольшей высоты, далее соприкасалась с Рифейскими горами (Урал) и продолжалась через Таврику до Балканского полуострова. Такой взгляд на систему Кавказских гор воспринял и Иордан, который начал свое описание, следуя либо Плинию, либо эксцерпировавшему его Солину (середина III в. н. э.). У Иордана: «is namque ab Indico mare surgens»; у Плиния: «ubi primum ab Indico mari exsurgit»; у Солина: «ab Indico primum mari surgit». При описании Кавказа с многочисленными его частями, носившими разные названия (у Иордана, начиная с востока: Ламм, Пропанисс, Кастра, Нифат, Тавр, Кавказ, Рифей, Тавр), Иордан не руководствовался своим излюбленным источником – «Историей» Орозия, который говорит о Кавказском хребте (соответствующем нынешнему): «mons Caucasus inter Colchos ... et inter Albanos», т. е. помещает его между колхами и албанами (Oros., I, 2, 36); однако дальше он развивает общепринятую точку зрения, что хребет до «крайнего востока» является единым, но носит разные имена. Наиболее восточную часть Орозий определяет как «mons Imauus» (у Иордана – «Lammus»), являющийся «последним» Кавказом («imus Caucasus», Ibid., I, 2, 47). Надо отметить, что Орозий не соединил «Кавказ» с Рифейскими горами (т. е. с Уралом). У Плиния (Plin., V, 97—98) и Помпония Мелы (Mela, I, 109) искаженное представление о направлении Кавказских гор, якобы сливающихся с Уралом (как и у Иордана; Get, 54). Конечно, и у Прокопия, наиболее видного из современных Иордану писателей, есть описание Кавказского хребта (ὁρος το Καυκάσιον, ὁ Καύκασος). Прокопий, побывавший в Лазике во время персидской войны, как бы смотрит из ее

северной части, Апсилии, на величественные горы. «Этот хребет, – пишет он, – поднимается на такую высоту, что его вершин не касаются ни дождь, ни снег; они выступают выше всех облаков. От середины до самого верха [горы] вечно покрыты снегами, предгория же их (οἳ πρόποδες), также весьма высокие, оказываются порой нисколько не ниже вершин иных каких-либо гор» (Bell. Goth., IV, 3, 1—4). Выделяя основной, так сказать, Кавказ, который он наблюдал из Лазики, Прокопий допускает, что этот хребет тянется непрерывной горной цепью на запад, «до Иллирии и Фракии».

171

Иордан употребляет название Сирия (Syria) в смысле «Ассирия».

172

Васианская область (Vasianensis regio) – античная Фазиана (в Армении), с гор которой начинается река Фазис; Фазисом, кроме Риона, называлось верхнее течение реки Аракса. В Васианской области, действительно, берет начало Евфрат, но Тигр начинается несколько южнее.

173

Не сирийцев (Syrorum), а ассирийцев. В некоторых рукописях стоит не «Syrorum», а «Assiriorum».

174

Месопотамия (Mesopotamia, Μεσοποταμία) названа Иорданом «землей сиров», т. е. Ассирией; слово правильно истолковано, как Междуречье. Возможно, что «Сирией» официально называли Месопотамию даже в эллинистическое время: η Συρία η μέση των ποσαμων, «Сирия – середина между реками» (так у Флавия Арриана, писавшего в Никомидии в середине II в. н. э.).

175

Красное море (mare rubrum, mare Erythraeum; ερυθρός – красный) – так назывался Индийский океан вместе с Персидским заливом.

Река Киз (Cysus, вероятно, Cyrus) – река Кура.

177

Река Камбиз (Cambises, Cambyses) определяется как река Иора в Грузии, приток реки Алазана, левого притока Куры.

178

Рифейские горы – Уральский хребет.

179

О разных именах частей горной системы, носившей общее название «Кавказ», см. прим. 170.

180

Каспийские, Армянские, Киликийские ворота. Об этих «воротах», точнее – горных перевалах на Кавказе, говорит Солин (Solin., 38, 13): «там, где (горная цепь) раскалывается расщелинами (hiulcis), она образует ворота, из которых первые – Армянские (Armeniae), затем – Каспийские (Caspiae), потом Киликийские (Ciliciae)». Иордан вместо выражения «hiulcus» употребил «hiatus» и перечислил «ворота» в ином порядке. Под «Каспийскими воротами» обычно подразумевается береговая полоса Каспийского моря близ Дербента. Однако у Иордана названием «Каспийские ворота» определен горный перевал, именуемый у Плиния (Plin.. V, 99; VI, 11, 12) «Кавказскими воротами» («portae Caucasiae»). По словам Плиния, этот перевал многие путали с другим перевалом, именовавшимся «Каспийскими воротами»; «Кавказские ворота», по Плинию, соединяли страну иберов с сарматами и находились примерно на середине расстояния между черноморским и каспийским побережьями. У Птолемея «Кавказские ворота» Плиния названы «Сарматскими». Таким образом, «Каспийские» ворота в Get., § 55, «Кавказские» ворота Плиния и «Сарматские» ворота Птолемея, очевидно, соответствовали Дарьяльскому ущелью на горной дороге с Северного Кавказа (ср. прим, 154). «Армянские» ворота, упоминаемые и Страбоном (Geogr., II, 80), и Плинием (Plin V 99) и Помпонием Мелой (Mela, I, 81), соответствовали высокому горному перевалу к северу от Тапсака. «Киликийские» же ворота представляли собой проход через Тавр в Киликию и находились (нын. перевал Гюлек-Бугаз) к северу от города Тарса. О «Киликийских» воротах (именно о них) упоминает Страбон (Geogr., XII, 537, 539); Плиний (Plin., V, 91) под «Киликийскими» воротами подразумевает один из береговых проходов в Киликии.

181

О разных названиях частей «Кавказа» см. прим. 170.

182

Иордан начал писать об амазонках в §§ 49—52.

183

Мелания (Melanis у Иордана вместо Menalippe; у Орозия, – I, 15, 8—9, – Melanippe) – амазонка Меналиппа; по греческой мифологии, она была сестрой царицы амазонок Антиопы (Ипполиты). Когда Геракл победил Антиопу, он взял в плен ее сестру Меналиппу.

184

Мифическая царица амазонок Ипполита (Антиопа), плененная Тезеем и родившая от него Ипполита; последнего Еврипид сделал героем своей трагедии «Ипполит».

185

Penthesileia – мифическая царица амазонок, дочь Арея. Она оказала помощь Приаму и погибла в поединке с Ахиллом. Слова Иордана о Пентесилее явно навеяны словами Орозия: «cuius Troiano bello clarissima inter viros documenta virtutis accepimus» (I, 15, 10).

186

«Гетика» – не дошедшее до нас произведение Диона Хризостома по истории гетов. (См. прим. 128 и 129).

187

Орозий (Oros., I, 16, 2) пишет: «недавно геты, теперь же готы» («modo autem Getae illi, qui et nunc Gothi»). Иордан (Get., § 40), продолжая свою тенденцию, смешанно употребляет названия «готы» и «геты», а в § 58 заявляет, что он, опираясь на труд Орозия, доказал: «Getas... Gothos esse» – «геты являются и готами», «геты – то же, что и готы». Интересно, что в схолиях к Горацию, связываемых с именем Геления Акрона (III в. н. э.?), в объяснении к оде 15 из кн. IV относительно стиха 22, в котором сказано, что геты (Getae) не нарушат повеления Цезаря, отмечено: «Getae—Gothi». Таким образом, вызванная известным сочетанием исторических событий тенденция Иордана была подготовлена еще в III в. смешением этнических определений «геты» и «готы». (См. прим. 374.)

188

Телеф (Telefus, Telephus) – сын Геракла и Авги, герой из цикла троянских сказаний, царь Мизии. Сославшись на сочинение Диона Хризостома о гетах, Иордан рассказывает о некоем гетском «короле» Телефе, тенденциозно обращаясь ко временам Троянской войны (см. прим. 156). Правда, вся эта путаница, цель которой – углубление древности истории готов, иногда сбивает с толку самого Иордана: с одной стороны, он делает оговорку относительно «чуждого готскому языку» имени Телефа и сообщает некоторые данные о персонаже греческой мифологии, с другой, – правильно упомянув о Мизии (в Малой Азии), действительно связанной с Телефом, поясняет, что Мизия (Mysia, Μυσία) очерчена… границами Мезии (Moesia) – римской провинции на Балканском полуострове, на правом берегу Дуная (см. прим. 194). Подменой малоазийской Мизии придунайской Мезией, на почве которой развивается история гетов, притянутых Иорданом в предки готов, он создает вымышленный мост между историей готов (гетов) и мифом о Телефе.

189

Сарматы, или савроматы (Sarmatae, Sauromatae), неоднократно упоминаются Иорданом (Get., §§ 58, 74, 101, 178, 191, 265, 277, 282; Rom., § 247, 287). В общем значении это название в раннесредневековых источниках является исключительно собирательным и должно рассматриваться как географическое определение племен, давших имя «Сарматии». Впервые термин «Сарматия» был употреблен Помпонием Мелой (III, 33). Под Сарматией понималась средняя и главным образом южная части Восточно-европейской равнины, до Волги на востоке и включая Карпаты на западе. Число племен в Сарматии, называемых рядом авторов, очень велико, и задача их определения очень сложна как из-за недостаточности сведений о них, так и из-за путаницы в свидетельствах разных писателей. Основными племенами (в некоторых случаях – объединениями племен), выделявшимися на территории Сарматии еще в античности, были: мэоты – к востоку от Мэотиды: аланы (упоминаемые с I в. н. э.) – на север от Кавказского хребта и в степях Северного Кавказа; роксоланы (выступающие в письменных и эпиграфических памятниках I в. н. э.) – между Доном и Днепром с заметным движением на запад; язиги, более других ушедшие от Мэотиды на запад, достигнув Дуная, и особенно четко определившиеся (по-видимому, к середине I в. н. э.) к востоку от Дуная, близ Тиссы. Иордан указывает, что старое название «савроматы» относится к тем племенам, которые в его времена называются «сарматами» (§ 265); он, несомненно, не знал о древних савроматах Геродота (Hist., IV, 57, 103, 110, 116—117, 119—122, 128—136) и об их стране «Савроматиде» (Σαυρομάτις χώρη, – Ibid., IV, 123), лежавшей только к востоку от Танаиса – Дона (это у Геродота определено очень точно; он говорит, что по ту сторону, т. е. к востоку от Танаиса, нет никакой скифской земли, а сразу же лежит земля савроматов: Τάναϊν δε ποταμον διάβαντι ουκέτι Εκυθικη, αλλ η μεν πρω η των λαξίων Σαυροματέων εστί, – Ibid., IV, 21). Хотя Иордан и был знаком с трудами Помпония Мелы и Птолемея, он ничего не сказал ни об «азиатской» и «европейской» Сарматиях (Птолемея), ни об их границах, впрочем, почти совпадающих (кроме дальневосточных) с границами, которыми в его (Иордана) сочинении очерчена Скифия. Только у Аммиана Марцеллина как отголосок давно отодвинувшихся в прошлое сведений звучит упоминание о савроматах (Amm. Marc., XXII, 8, 29): в небольшой экскурс, посвященный описанию Фракии и припонтийских областей (и

сделанный по древним источникам), он включил сообщение о савроматах «по ту сторону Танаиса», «растянувшихся в ширину» (шириной обычно называли восточно-западное протяжение). Тут же (Ibid., XXII, 8, 31) рассказал Аммиан о племенах, некогда населявших земли вокруг Мэотийского болота, приводя этнические наименования, которые в его время, конечно, не употреблялись: «яксаматы, мэоты, язиги, роксоланы, аланы, меланхлены, гелоны, агафирсы». Другие сообщения Аммиана Марцеллина касаются более поздних периодов. В годы правления Константина I (307– 337) происходили события, связанные с восстанием («conjuratio clandestina», «тайный заговор») порабощенной части сарматов против сарматов-господ (Ibid., XVII, 12, 18; Anon. Vales., 32: «servi Sarmatarum adversum omnes dominos rebellarunt»). Вооруженные рабы победили господ («vicerunt dominos») и изгнали их из своих областей. Констанций II (337—361) вернул изгнанных сарматов обратно за Дунай. Действительно, не только Иордану, но и Аммиану Марцеллину и Орозию сарматы известны как живущие за Дунаем, по соседству с квадами, вместе с которыми сарматы часто опустошали Паннонию. «В те времена (рассказ относится к 365 г.), – пишет Аммиан Марцеллин, – по всему римскому миру будто запели боевые трубы, призывая к войне, и возбужденные ими яростнейшие народы пересекли ближайшие границы: алманны разорили Галлии и Рэции, сарматы с квадами – Паннонии… » (Amm. Marc., XXVI, 4, 5). Хотя области, занимаемые сарматами, и названы «самым лоном варварской земли» («in ipso barbarici soli sinu hoc est in Sarmatarum regione», – Anon. Vales., 34; те же слова, – Oros., VII, 28, 29), тем не менее сарматы были ближайшими соседями империи на подунайских границах. Такими они даны и у Иордана; поэтому едва ли можно сомневаться в том, что сарматы VI в. – это язиги, обитатели степных пространств к востоку от Дуная (в части его северо-южного течения) и берегов Тиссы, которая и являлась рекой позднесарматских земель.

Аммиан Марцеллин (Amm. Marc., XVII, 13, 4) пишет, что извилистый Партиск (Parthiscus – Тисса) протекает по этим землям. Близ его устья непроходимые болота и густые заросли ивняка; таким образом местные жители (accolae, обитатели территории между Дунаем и Тиссой) от натиска римлян, т. е. империи, защищены руслом Данубия, от варварских же набегов («a barbaricis vero-excursibus») – тем «препятствием», которое представляет сам Партиек («suo tutos praestat obsta-culo»). Эта Сарматия «смотрит на Вторую Паннонию», что позволяет сарматам-язигам опустошать Валерию (Ibid., XVII, 12, 6).

Широко пользуясь наименованием «сарматы», Иордан только один раз употребил название «язиги» (Get, § 74). Здесь он разделил сарматов и язигов; в дальнейшем же, говоря только о сарматах, он имел в виду именно язигов на Тиссе.

Название «сарматы» в значении «язиги» было понятно в V и даже в VI вв. Иордан объясняет (с глаголом в настоящем времени): «Sauromatae vero quos Sarmatas dicimus» (Get., § 265). Однако у Прокопия нет названия «сарматы» (равно как и «язиги»); это слово встречается у него лишь в трактате «О постройках» в виде названий крепостей в Гемимонте (Aed., IV, 11), в Иллирике (Ibid., IV, 4). Иордана сарматы интересуют не как противники императора Траяна (Get., § 101), а раньше Октавиана Августа (Rom., §§241—247), не как участники войн: Маркоманнской – при Марке Аврелии или Сарматской – при Каре (в 282—283 гг.), а как участники битвы с Аттилой в 451 г. на Каталаунских полях (Get, § 191), когда они вместе с другими племенами держали сторону Аэция, не столько обороняя Рим от гуннов, сколько борясь с теми из варваров, которые тогда были им враждебны.

Еще более близки Иордану годы молодости восхваляемого им Амала – короля остроготов Теодериха. Его юношеский поход на левый берег Дуная, – Теодериху было тогда 18 лет, следовательно, поход относился примерно к 473 г., – был направлен как раз против сарматов, якобы в защиту интересов империи, так как король (rex) сарматов Бабай незадолго до того разбил войско императорского военачальника Камунда (§ 282).

В тот момент сарматы были сильны: в 469 г., предводительствуемые своими королями Бевкой и Бабаем, они принимали участие в кровопролитной битве на реке Болии в Паннонии совместно со свавами, гепидами и ругами против остроготов (§§ 277—278). Несмотря на победу последних, сарматы уцелели и даже укрепились, так как вскоре начали разорять Средиземную Дакию (Dacia mediterranea). Поход Теодериха в 473 г. из Паннонии на левый берег Дуная закончился гибелью Бабая и полным поражением его войска. Незадолго до того занятый сарматами крупный город Верхней Мезии Сингидун (нын. Белград) был отобран Теодерихом, но не передан империи, а оставлен остроготам как их завоевание. Этот эпизод борьбы на дунайских берегах, в данном случае без участия императорских войск, показывает, что врагами Теодериха и остроготов в Паннонии были сарматы – язиги.

Отдельные отряды сарматов-язигов иногда служили империи. Когда отец Теодериха, Тиудимер, король остроготов в Паннонии, перешел на южный берег Савы, чтобы продвинуться к городу Наиссу (нын. Ниш), то он воевал с императорскими солдатами и с

отрядами сарматов (Get, § 285), расположенными на правом берегу Дуная.

190

Не отметил ли Иордан этими словами в части, касающейся сарматов и готов, того смешения, которое происходило в варварской среде, когда под властью одного вождя (Аттилы, Алариха, Одоакра, Теодериха и др.) объединялись разные племена и когда (как часто бывало) одного и того же человека один писатель причислял к одному племени, а другой – к другому именно оттого, что этническое название племени сильнейшего и руководящего могло иногда перекрыть названия других, отличных от него племен? Ср. прим. 653 о Бессе и об отзывах о нем, с одной стороны, Иордана, с другой – Прокопия. Об Одоакре сообщается, что он был скиром (Аноним Валезия, Иоанн Антиохийский), ругом или рогом (Иордан), королем готов (Марцеллин Комит), герулов (Auctarium Havniense и другие источники), торкилингов (Иордан).

191

По мифу, вследствие брака с Астиохой, сестрой или дочерью Приама, Телеф был втянут зятем в Троянскую войну.

192

Описание Телефа у Иордана почти дословно соответствует описанию у «Диктиса Критского». В данном случае заметно влияние этого мифического «дневника» Троянской войны, который и в дальнейшем был популярен в Средневековье.

193

Вместо Мизии (Mysia), находящейся в северо-западной части Малой Азии, Иордан называет Мезию («regnum Moesiam appellavere»), что, впрочем, он мог заимствовать у «Диктиса Критского» в латинском переводе IV в. (2, 1): «Telephus ...tum Moesiae imperator erat». (Ср. прим. 188.)

194

Мезия – римская (с 6 г. н. э.) провинция, расположенная на правом берегу Дуная от впадения в него Савы до Черного моря и разделявшаяся на Верхнюю и Нижнюю, – определяется в данном месте Иорданом по Орозию (Oros., I, 2, 55), хотя Иордан несколько упрощает перечень пограничных с Мезией областей, приводимый Орозием. Иордан берет только границы с востока (устья Дуная), с юга (Македония), с запада (Истрия), с севера (Дунай); у Орозия же есть еще стороны: юго-восточная (eurus) – Фракия, юго-западная (africus) – Далмация, северо-восточная (circius) – Паннония. Как объем Мезии (вплоть до Истрии!), так и направления, по которым расположены сопредельные с ней области (например, Паннония), даны Орозием, а за ним и Иорданом, ошибочно. Вместе с тем Орозий при описании границ Далмации (Oros., I, 2, 59) указывает, что с запада она имеет Истрию. Таким образом, Далмация оказывается (что правильно) между Верхней Мезией и Истрией.

195

Не «Тесандр» («Thesandrus dux Graeciae»), а Терсандр («Thersandkos»), вождь греков, приплывших на сорока кораблях для захвата Трои; убит Телефом.

196

Кассандра (Casandra, Cassandra) – красивейшая из дочерей Приама, которую он обещал в жены Еврипилу, сыну Телефа, за помощь в войне против греков.

197

Кир – царь персов (правил в 558—529 гг.), ставший владыкой завоеванного им в годы 550—538 огромного государства, в состав которого входили Персия, Мидия, Лидия, Вавилон; им также были покорены греческие города-государства на западном побережье Черного моря. По Геродоту, Кир пал в войне с массагетами – скифским племенем, обитавшим к северу от реки Яксарта (нын. Сыр-Дарья).

198

В обстоятельном рассказе о походе Кира в закаспийские степи, к северо-востоку от Ирана, во владения царицы Томиры (Τόμυρι), Геродот (Hist., I, 205—214) называет последнюю царицей массагетов. У ряда других авторов (Диодор, Лукиан, Юстин, Аммиан Марцеллин, Орозий) она названа царицей скифов. Иордан воспринял знаменитый рассказ Геродота в передаче Помпея Трога («Pompeio Trogo testante») и назвал Томиру царицей гетов (массагетов). Эпизод с Томирой, победившей могущественного Кира (Кир был убит в 529 г.), нужен Иордану для того, чтобы тенденциозно подчеркнуть древность гетско-готской истории. «Геты со своей царицей», говорит он, победили Кира, и тогда «готское племя впервые увидело шелковые шатры» («primum Gothorum gens sirica vidit tentoria»). Чтобы связать царицу Томиру с гетами и готами, пребывавшими некоторое время в Нижней Мезии, Иордан сделал Томиру к тому же и основательницей города Том, или Томиды (Thomis), на западном побережье Черного моря, фонетически сблизив имя Томиры с названием Томы.

199

Аракс (Abraxes, Araxes) в данном случае не Аракс в Закавказье, а Аму-Дарья, древний Окс (Oxus).

Иордан в данном случае назвал персов парфянами.

201

«Великую Скифию» Иордан описал очень тщательно (Get., §§ 30– 37), причем он говорит не о Скифии, очерченной Геродотом (αρχαίιη Σκυθική, старой Скифии, не заходившей восточнее Дона), а о Скифии гораздо более обширной, растянутой в северную Азию и чуть ли не доходившей до «Восточного Океана» (так по Страбону; Иордан же склонялся к мнению Птолемея, по которому за восточными пределами Скифии лежала еще страна серов – Серика). Малая Скифия была известной Иордану страной. Она называлась так и в его время (nunc); в ней он, по-видимому, жил, когда был нотарием Гунтигиса (Ibid., §§ 265—266). Однако, описания этой области он, к сожалению, не оставил, быть может, потому, что для него самого она была очень ясна и близка. Страбон наиболее подробно рассказал о Малой Скифии, которая, по его словам, не всегда находилась южнее низовьев Дуная. Именем μικρα Σκυθία назывались земли тавров (в Крыму), за исключением владений Боспорского царства, и земли западнее перешейка Таврического полуострова, вплоть до Борисфена (Geogr., VII, 311). Но когда скифы (примерно в V в до н. э.) перешли реку Тиру (Днестр) и Истр и расселились на равнинах нынешней Добруджи, то эта область подобно той, из которой они пришли, стала называться «Малой Скифией». Ниже (Ibid., VII, 318) Страбон еще раз упоминает это название, говоря о болотах (τα έλη) Малой Скифии, «той именно, которая находится по сю сторону Истра» (εντος Ἴστρου). Область Малой Скифии (нын. Добруджа) входила в состав римской провинции Нижней Мезии; в первые годы правления Диоклетиана (284—305) в результате реформы административного деления империи она была выделена в особую провинцию с именем «Scythia minor» (Малая Скифия).

202

Город Томы («Thomes civitas») – около нын. Констанцы, на западном побережье Черного моря. Иордан употребляет это название города то в форме множ. ч. «Thomi» (Rom., § 221), то в несклоняемой форме «Thomes», получившейся, по-видимому, из творит, пад. множ. ч. «Thomis» и превратившейся затем в слово женск. рода ед. ч. На греческих надписях употребляется Τόμοι; у Овидия – Tomis(-idis). Томы знамениты как место ссылки и смерти Овидия, который провел там в изгнании последние годы жизни (с 8 по 18 г. н. э.) Пустынная местность, непривычный для италийца климат, ледяной покров Дуная и морозы, опасность от набегов варваров, окружение из гетов, сарматов и бессов, звучание чуждой речи – все это нашло отражение в стихах Овидия («Tristia» и «Epistolae»). В них поэт говорит о «Томитанской области», о «Томитанской земле» на гетском берегу, на сарматском побережье, о «томитах», которых он любит, но места которых ненавидит («Tomitae, quos ego. cum loca sim vestra perosus, amo», – Ovid. Epist., IV, 14, 23—24). Писатель середины V в. Созомен так описал современный ему город Томис: «столица там [в Малой Скифии] Томис, большой город и богатый приморский порт по левой стороне для входящего в Евксинский Понт» (Soz. Hist. eccl, VI, 21).

203

Дарий I, сын Гистаспа из рода Ахеменидов (522—486), совершил грандиозный поход на скифов около 514 г. до н. э. Он перевел войско сначала через Босфор по мосту из тесно составленных кораблей, затем через Истр, также по наведенному из речных судов мосту. Во Фракии Дарий воевал с гетами, которые оказали персидскому завоевателю решительное сопротивление. Дальнейшие военные действия против скифов пресеклись из-за недостатка воды и из-за трудностей войны с неуловимой скифской конницей. В результате Дарий, несмотря на свое огромное войско, принужден был отступить к Истру, не добившись никаких побед; поход его не удался. Основным источником, который содержит повествование о скифском походе Дария, является, как известно, Геродот. Но Иордан, включивший экскурс о Дарии для того, чтобы показать, как готы (в изображении Иордана тождественные гетам) противостояли могущественному персидскому царю, пользовался сведениями либо непосредственно из труда Помпея Трога (это утверждает сам Иордан в рассказе о войне между Киром и царицей Томирой), либо из труда Орозия (Oros., II, 8), построенного на сочинении Юстина, эпитоматора Помпея Трога (ср. прим. 152).

Антир («Antyrus rex Gothorum»), у Орозия – «Antyro regi Scytharum» (Oros., П, 8, 4) – искаженное имя ’Ιδάνθυρσος (так у Геродота, – Hist., IV, 76, 6).

205

Халкедон (Chalcedona, Χαλκηδών: правильнее Calchedon, Καλκηδών) – город в малоазийской провинции Вифинии, на берегу Босфора, против Византия (впоследствии Константинополя).

206

Византий (Bizantium, Byzantium, Βυζάντιον) – город в провинции Фракии, на берегу Босфора; на месте Византия возник в IV в. Константинополь.

207

Тапы, Тарае – может быть, древняя Сингидава, нын. Дева, на р. Муреш (Марош). Дева лежит на пути из венгерского города Арада в горную область Семиградья. В § 74 Иордан еще раз говорит о горном проходе в Тапах через который, – и еще через один, именуемый Боуты (Boutae), – можно было проникнуть в древнюю Дакию. Очевидно, и Боуты, и Тапы были известными горными перевалами, которыми пользовались путники, шедшие с запада или с юга в область, охваченную, по выражению Иордана, венцом или «короной» гор.

208

Ксеркс I (486—465), сын Дария, перевел войска в 481 г. через Геллеспонт и направил к берегам Греции большой флот. Обычный источник Иордана Орозий (Oros., II, 9—10), подробно сообщает о походе Ксеркса на Грецию, но Иордан, не смущаясь этим, пишет, – весь во власти своей тенденциозной идеи связать судьбы готов с самыми древними временами и выставить их удачливыми победителями самых сильных противников, – что Ксеркс «пошел на готов войной».

209

Филипп II Македонский (359—336). Иордан сразу же показывает, почему в его изложении ему нужен знаменитый македонский царь, отец Александра Македонского. Во-первых, Филипп породнился с гетским («готским») царем, взяв его дочь в жены (см. два следующих примечания); во-вторых, Филипп не сумел взять город Одесс или Одисс (нын. Варна), подчиненный гетам («готам»). И в этом случае Иордан подчеркивает древность истории готов, основываясь на якобы твердо установленном тождестве готов с гетами.

210

Медопа (Medopa, правильнее Meda) – дочь, конечно, не готского, а гетского (фракийского) царя Котеласа, на которой, по преданию, женился Филипп Македонский.

211

Гудила (Gudila) – искаженное имя гетского (фракийского) царя Котеласа (Kothelas, Κοθήλας). Иордану важно, раз уж он положил в основу истории готов историю гетов, подчеркнуть связь «готов» со знаменитым македонским царем.

212

О Дионе Хризостоме см. прим. 129.

213

Одисс, Одесс (Odyssitana civitas, Odessus) – город в Нижней Мезии, на западном берегу Черного моря (нын. Варна). Интересно, что название Варна встречается уже в «Хронографии» Феофана (см. изд. de Boor'a, стр. 359). Об истории одного из самых значительных городов морского побережья Балканского полуострова (Одесс—Варна, Томы, Гераклея—Перинф, Селимврия) см. доклад В. Волкова на XI Международном Конгрессе византинистов в 1958 г. (V. Velkov. Das Schicksal einer frühbyzantinischen Stadt zur Zeit der Völkerwanderung. – Akten des XI. Internationalen Byzantinisten kongresses, München, 1958. Hrsg. von Fr. Dolger und H.-G. Beck. München, 1960, S. 654—659).

214

О Томах см. прим. 202.

215

Ситалк (Sithalcus, Σιτάλκης) – один из первых вождей во фракийском царстве одрисов, простиравшемся от Мраморного моря до Дуная, до границ со Скифией. Одрисы – фракийское племя, встречающееся в источниках впервые в связи с походом Дария на скифов в 514 г. до н. э. Геродот (Hist., IV, 80) отметил, что одрисы с царем Ситалком и скифы с царем Ариапейтом были в союзе, скрепленном браком скифского царя с сестрой царя фракийского. В 432 г., когда афиняне готовились к войне с царем македонским Пердиккой II, они заключили союз с Ситалком, который, собрав к 429 г. до н. э. огромное войско, повел его в Македонию, опустошил ее области и поверг в ужас даже греков, живших южнее Фермопил. Грозный поход не принес, однако, особых результатов, так как ближайший советник Ситалка и будущий его преемник Зевта, сын Спарадока (см. прим. 126), убедил его покинуть Македонию и примириться с Пердиккой. Весь рассказ о македонском походе фракийского царя Ситалка в 429 г. передан Фукидидом (кн. II), хорошо осведомленным о ходе фракийских событий. Иордан спутал сведения, полученные им, несомненно, косвенным путем: назвал Ситалка «славным вождем Готов» («egregius Gothorum ductor»), неправильно заявил, что Ситалк пошел войной на афинян (царем которых Иордан ошибочно считал Пердикку Македонского). Кроме того, во время похода царя Ситалка не было крупного сражения, о котором говорит Иордан исключительно для того, чтобы подчеркнуть победу «готов». Ситалк погиб в 424 г. до н. э. В борьбе с трибаллами.

216

Иордан спутал двух лиц по имени Пердикка: Пердикку II – македонского царя (455—413), противника фракийского царя Ситалка (ср. предыдущее примечание), и Пердикку – друга и сподвижника Александра Македонского. Этот Пердикка был убит восставшими солдатами в 321 г. до н. э. в Египте.

217

Александр Македонский скоропостижно умер в Вавилоне в 323 г. до н. э. Известно, что Александр перед кончиной вручил Пердикке перстень с государственной печатью, чем передал ему неограниченную власть. Некоторое время Пердикка и пользовался этой властью, несмотря на всевозможные осложнения, связанные с престолонаследием после смерти Александра.

218

Бурвиста – вождь гетов в I в. до н. э. Иордан мало осветил эту выдающуюся фигуру придунайского варварского мира; он говорит о Бурвисте, короле готов, только в связи с Дикинеем (см. прим. 127), чтобы остановиться на деятельности последнего. Наиболее подробные сведения о Бурвисте записал Страбон (Geogr., VII, 11). Он сообщает, что за немногие годы гет Бурвиста создал «великую державу» (μεγάλην αρχήν κατεστησατο) и «покорил гетам большинство соседей». «Он был страшен даже римлянам, так как дерзко переходил Истр, грабляя Фракию до Македонии и Иллирии; он разорил кельтов, смешанных с фракийцами и иллирийцами, бойев же до конца смел с земли». Иначе говоря, Бурвиста создал военно-племенной союз гето-дакийских племен, подчинив еще фракийцев и иллирийцев и объединив под своей властью огромные территории. Основу составили земли гетов (по нижнему Дунаю: «живущих у Понта, более к востоку», как указывает Страбон, – Ibid., VII, 3, 12) и даков (по среднему Дунаю: «в противоположной стороне, по направлению к Германии и истокам Истра», как считает тот же автор). Сфера влияния Бурвисты и связи его племенного объединения заходили гораздо дальше: они охватили области бастарнов к северу от даков и область бойев к северо-западу; они распространились на юг, за Дунай, во Фракию и на запад, в иллирийские земли. По современному определению, держава (αρχή) Бурвисты включала Молдавию, Румынию, Болгарию, часть Западной Украины, Буковину, Венгрию и Чехию (см.: М. А. Тиханова, Роль западного Причерноморья в сложении культуры Поднестровья, – КСИ– ИМК, вып. 8, 1940, стр. 67). Союз Бурвисты существовал только при его жизни. По словам Страбона (Geogr., VII, 3, 11), Бурвиста «погиб низвергнутый, так как некоторые восстали против него», раньше даже чем римляне двинули против него свои войска. Преемники Бурвисты разделили подвластные ему земли, его «державу», на несколько частей, и союз распался. Подобным союзу Бурвисты был и позднейший военно-племенной союз в Дакии под предводительством Декебала. Сопротивление Декебала Риму было упорным; его ослабили войны с императором Домицианом (в 86—88 гг.) и сломили войны с императором Траяном, который перешел на левый берег Дуная, разрушил крупный дакийский город Сармицегетузу (к северу от ущелья «Железные ворота» на Дунае) и превратил в 107 г. Дакию в римскую провинцию.

219

Дикиней (Dicineus) – верховный жрец и помощник вождя гето-дакийского военно-племенного союза Бурвисты. (Подробнее о Дикинее см. прим. 127.)

220

Люций Корнелий Сулла, консул в 88 г. до н. э., полководец и диктатор (ум. в 78 г.), упомянут Иорданом лишь для определения времени Дикинея и Бурвисты.

221

Юлий Цезарь (102—44 гг.) упомянут Иорданом в связи с тем, что фракийцы принимали участие в борьбе между Цезарем и Помпеем на стороне последнего; об их вождях – Котисе и Расциполисе – Цезарь упоминает в своем произведении «О гражданской войне» (Bell. civ., III, 4).

222

Имеется в виду описанная Иорданом в начале его произведения Британия. (Ср. прим. 22.)

223

Тиберий – римский император (14—37 гг. н. э.).

Философия здесь понимается как весь известный круг знаний, наука вообще, опирающаяся во времена Иордана на дисциплины, разработанные Аристотелем и его последователями. Еще по Аристотелю философия в широком смысле обозначала науку. Обычно философия содержала три отдела: физику – учение о природе, этику – учение о морали, логику – учение о мышлении и о выражении мыслей. Иордан и перечисляет непосредственно за указанием на философию ее главнейшие отделы: 1) этику, посредством которой Дикиней «обуздал варварские нравы» гетов; 2) физику, относительно которой сказано лишь, что посредством ее Дикиней «заставил их жить naturaliter», т. е. в соответствии с природой; 3) логику, посредством которой он сообщил им искусство рассуждать, сделал их «сведущими в рассуждении».

225

Белагины («belagines») были, по Иордану, древними законами готов. Вызывает сомнение указание Иордана на «писаные» законы столь отдаленных времен. Либо он ошибается, так как запись обычаев впервые была произведена у везеготов только при короле Еврихе (466—485), либо он говорит о древней устной традиции этих обычаев, которые были позднее зафиксированы записью. Готское слово «белагины», belagines, которым в VI в. назывались записанные на готском языке древние законы, Як. Гримм переводит как «Satzung» – «постановление», «узаконение» (Jac. Grimm, Über Jornandes und die Geten, S. 228).

226

Практика (practica) – область познаний, относящихся к деятельности, а не к умозрению. Под «практикой», т. е. практической философией, надо подразумевать моральную философию. Иордан раскрывает содержание «практики» как уменье «жить в добродеянии» («in bonis actibus conversare»).

227

Теоретика (theoretica) – область познаний, относящихся к умозрению, к отвлеченным наукам. В теоретику входят, по тексту Иордана, всевозможные астрономические познания о знаках зодиака, о фазах Луны, о размерах Солнца, о движении звезд. Все относящееся к науке о небе в сочинениях авторов VI в. и предшествующих веков базировалось на обобщающих астрономических трудах Птолемея (ум. во второй половине II в. н. э.)

228

Двенадцать знаков – так называемые двенадцать знаков зодиака (от κύκλος ζωδιακός – круг с изображениями животных, или круг с зодиями, от το ζωον «животное» и το ζώδιον «зверек» или в общем смысле рисунок, узор), обозначающих созвездия, расположенные по кругу (эклиптике), проходимому Солнцем в течение года. Созвездий было двенадцать, и они приблизительно соответствовали двенадцати месяцам. Круг начинался с весеннего равноденствия, когда Солнце вступало в знак овна. Это знаменовало начало весны. Месяцы делились, как принято и теперь, на четыре группы: март (овен), апрель (телец), май (близнецы) соответствовали весне; июнь (рак), июль (лев), август (дева) – лету; сентябрь (весы), октябрь (скорпион), ноябрь (стрелец) – осени; декабрь (козерог), январь (водолей), февраль (рыбы) – зиме. Знание знаков зодиака считалось в средние века необходимым для сельскохозяйственных работ; схемой зодиака пользовались для обозначения времен года и всевозможных сроков.

229

«Бег планет» («planetarum cursus») относится в сочинении Иордана к пяти известным с глубокой древности планетам – Меркурию, Венере, Марсу, Юпитеру и Сатурну. В астрономических трудах Птолемея (объединенных в одном собрании, носящем название «Альмагест») рассматривались следующие явления, связанные с небесными телами: движение Солнца и Луны, сфера неподвижных звезд, движение пяти планет. Однако, словом «астрономия» Иордан определяет не науку, а звездное небо вообще, так как он говорит о созерцании «бега планет», а также о созерцании «всей астрономии».

230

Лунный диск (lunaris orbis). Здесь имеются в виду фазы Луны, т. е. последовательное увеличение («augmentum») видимой части лунного диска от новолуния к полнолунию и уменьшение («detrimentum») через последнюю четверть к новолунию. Птолемею было известно, что фазы Луны изменяются в зависимости от относительного расположения Луны, Солнца и Земли.

231

В словах Иордана о соотношении размеров «солнечного шара» («globus») и «земного круга» («orbis») намечена интересная для раннего средневековья мысль об относительных размерах Солнца и Земли и о большей величине Солнца (Земли?) по сравнению с Землей (Солнцем?). Как известно, шарообразность Земли была установлена еще Пифагором и доказана Аристотелем, а вопрос о величинах небесных тел рассматривался в III в. до н. э. греческими учеными александрийской школы Аристархом и Эратосфеном (см., например: В. В. Тарн, Эллинистическая цивилизация. М., 1949). Идеи и открытия античности могли дойти до людей V—VI вв. в Италии через ученых крупных культурных центров Восточной Римской империи, однако неясно, были ли они достаточно осознаны в италийской и особенно в готской среде времен Кассиодора и Иордана, если учесть, что вопрос об относительных размерах Земли и Солнца был глубоко разработан только через тысячу с лишним лет (Галилей, Кеплер, Тихо Браге). Следует отметить, что в своей примечательной для истории науки фразе о соотношении размеров Земли и Солнца Иордан, к сожалению, неясно распределил падежи обоих существительных: «globus» и «orbis». Является ли «solis globus», взятый Иорданом в винительном падеже, дополнением к глаголу «excedere», «превосходить», или же подлежащим всего предложения? (Во всем предложении нет слова в именительном падеже.) Изредка случается, что вместо именительного Иордан ставит винительный падеж (Get, § 114 «erat... illis... a meridie Histrum»; § 75 «quem costas... intexunt»; § 244 «orientalem Imperium Ostrogothas, hesperium Vesegothae vastarent» и несколько других мест). Если это так и в предложении о Солнце и Земле, то «solis globus» (в винительном падеже!) есть подлежащее, и, следовательно, речь идет о превосходстве Солнца по величине над Землей. Нельзя не указать, что в некоторых рукописях (Оттобонианский список X в. и Бреславльский – XI в.) «solis globus igneus» стоит как раз в именительном падеже. Если принять «globus» за подлежащее, то «terreno orbe» приходится считать в дательном падеже (в трех рукописях стоит именно «terreno orbi», а в других трех – «terrenum orbem, terrae orbem», т. е. винительный падеж), неловко связанном с глаголом «excedere». Кроме только что изложенного понимания «падежей» Иордана, возможно и это проще всего – предположить данный им глагол «excedat» в неопределенном наклонении и, получив таким образом accusativus cum infinitivo,

счесть «solis globum» опять-таки за подлежащее. Тем не менее в обоих изложенных выше объяснениях грамматической стороны разбираемой фразы Иордана есть, конечно, некоторая натяжка, хотя известно, что автор зачастую как бы сжимает свои предложения, и потому они получаются неясными. Ввиду этого вопрос о размерах Солнца и Земли, быть может, решался и иначе – в смысле превосходства Земли по величине над Солнцем. Такой смысл подсказывается творительным падежом «terreno orbe», благодаря которому представляется, что автор хотел сказать, насколько «земным кругом» превзойден по величине солнечный шар, т. е. при данном толковании подлежащим надо считать «terrenus orbis», который в сознании автора из творительного падежа перешел в именительный, чтобы сочетаться с глаголом «excedat».

232

Выражение «polus coeli» в значении «небосвод» чаще употреблялось в поэтической речи. Обычно же и греч. ο πόλος и лат. «polus» понимались в значении оконечности земной оси, как полюс в современном смысле слова.

233

Число 346 звезд взято из знаменитого звездного каталога Птолемея, помещенного в VIII книге «Альмагеста»; причем разумеются 346 звезд в зодиакальных созвездиях северного полушария неба. Под именами («quibus nominibus») надо понимать не названия 346 звезд, а названия созвездий, входящих в полосу зодиака; под знаками («quibus signis») – знаки зодиака.

234

В последующем перечислении подтверждается, что под «философией» (см. прим. 244) понималась так называемая сумма знаний: о «положении неба» («coeli positio»), т. е. о расположении светил над горизонтом в разные времена года, о «природе трав и кустарников» («herbarum fruticumque natura»); о «приросте и ущербе луны» («lunae commoda incommodaque»); о «работе солнца» («solis labores»); о «вращении небосвода» («rotatus coeli»),

235

«Работа солнца» («solis labores») – видимое годичное движение Солнца по знакам зодиака и вся сопутствующая ему годичная смена климатических явлений, наблюдаемых на Земле.

236

Речь идет о суточном движении звезд, которые автор представляет себе как бы прикрепленными к сфере неподвижных.

237

Войлочный колпак, войлочная шапка (pilleus, pilleum) – головной убор в римском быту; надевался на празднествах, на пирах, на театральных представлениях людьми свободного состояния. Подобная шапка служила признаком свободы, поэтому ее носили и вольноотпущенники. Известно выражение «ad pileum vocare», «призывать к пилею», как символу свободы, призывать рабов к оружию, к восстанию за свободу. Замечательны слова Светония (в биографии Нерона, гл. 57) о том, как смерть Нерона вызвала столь необыкновенную радость, что народ (в знак освобождения от тирании) надел войлочные шапки («plebs pileata») и двигался в таком виде по всем улицам Рима. Интересно, что греческим словом ὁ πίλος обозначали (кроме войлока) войлочную шапку как головной убор варваров. Латинское слово «pilus» значит волос на теле человека или животного; в связи с этим находится противопоставление людей, одетых в войлочные шапки – шапки из шерсти, людям, головы которых покрыты лишь их волосами («capillus» – «волос на голове»; см. следующее примечание).

238

«Capillati» (от «capillus» – «волос на голове») – «люди с непокрытыми головами», «простоволосые», в противоположность пиллеатам, имеющим на голове войлочные, шерстяные шапки. Оба термина – «pilleati» и «capillati» – отмечают социальное различие: первый относится к представителям привилегированного класса, второй – к рядовым членам племени. Но в термине «capillatus» едва ли кроется значение «несвободный». В отношении варваров это определение указывает на их длинные, неподстриженные волосы. В VI в. термином «capillati» обозначались люди варварского происхождения в противоположность «римлянам» и «провинциалам» (т. е. римским администраторам, жившим вместе с варварами в провинциях). В таком смысле можно понимать обращение (adressum) одной из грамот Теодериха: «Universis provincialibus et capillatis, defensoribus et curialibus Siscia vel Savia consistentibus Theodericus rex» (Variae, IV, 49).

239

Комозик – преемник Дикинея. (См. прим. 127 о Дикинее.)

240

Корилл (Coryllos), по-видимому, то же, что и Scorylo. Скорилон был вождем даков («dux Dacorum»), т. е. гетов в I в. до н. э., но Иордан называет его «королем готов» («rex Gothorum»). Ввиду того что в I в. до н. э. наиболее крупным вождем гето-дакийского союза, охватывавшего и Дакию, был известный Бурвиста (см. прим. 218), Корилл (или Скорилон) являлся, по всей вероятности, вождем некоторых дакийских племен, входивших в состав союза племен, возглавленного Бурвистой. Впрочем, не удается определить, на какие именно годы падают указанные Иорданом сорок лет правления Корилла-Скорилона. Может быть, они предшествовали годам возвышения Бурвисты.

Под «древней Дакией» («Dacia antiqua») Иордан подразумевал римскую провинцию, расположенную к северу от нижнего Дуная. Ее западная граница проходила восточнее течения реки Тиссы, северная определялась Карпатами, восточная – течением Днестра и побережьем Черного моря, а южная – Дунаем, от впадения в него Тиссы и до его дельты. Завоеванная Траяном в 107 г. н. э. провинция Дакия была при Адриане разделена на две части – Верхнюю Дакию и Нижнюю Дакию (соответственно течению Дуная). В 271 г. император Аврелиан оставил Дакию готам и создал новую небольшую провинцию на правом берегу Дуная под названием «Прибрежная Дакия» («Dacia Ripensis»); она находилась между Нижней и Верхней Мезией и имела центром город Ратиарию. У биографа Аврелиана в серии «Писатели истории Августов» отмечено, что провинция, завоеванная в результате походов Траяна, была оставлена Аврелианом, затем им была создана новая провинция – правобережная Дакия (SHA Aur., 39): «Когда Аврелиан увидел, что Иллирик опустошен и Мезия разорена, он, сняв войско и провинциалов (т. е. римскую провинциальную администрацию], покинул Задунайскую Дакию („Transdanuvinam Daciam“), потеряв надежду удержать эту провинцию. Приведенных оттуда людей он поместил в Мезии и назвал „своей Дакией“ („suam Daciam“) то, что теперь разделяет обе Мезии. В конце IV в. эти же сведения привел в „Бревиарии римской истории“ Евтропий (Eutrop., IX, 15, 1). Он тщательно определил новую Дакию, расположенную, как он писал, „in media Moesia“: „ту, что теперь разделяет обе Мезии и находится на правом берегу Дуная, соответственно его течению в море, тогда как раньше она находилась на левом берегу“ („est dextra Danuvio in mare fluenti, cum antea fuerit in laeva“) В IV—V вв. различалась еще Внутренняя, или Средиземная, Дакия (Dacia interior или mediterranea) – между Верхней Мезией, Прибрежной Дакией, Нижней Мезией, Фракией и Дарданией. Орозий (V в.) уже не описывает особо Дакии в I книге „Историй“; он говорит только о землях, которые находятся между Дунаем – границей варварского мира – и „Нашим“, т. е. Средиземным морем. К ним он относит Мезию, Фракию, Македонию, Ахайю, Далмацию и Паннонию с Нориком и Рэцией (Oros., I, 2, 54—60). О Дакии же, утерянной Римом в 271 г., он кратко сообщает: „Dacia ubi et Gothia“ (Ibid., I, 2, 53). Таким образом, Орозий называет древнюю землю даков (гетов) „Готией“ („Гетией“) лишь по признаку смены населения. Не то делает Иордан. Не указав, что владения державы Бурвисты

охватывали (или даже имели в центре) Дакию, Иордан называет ее в связи с именем Корилла, дакийского (гетского) вождя I в. до н. э. Поэтому ему и приходится объяснить, что собой представляла та Дакия, которую он называет „древней“, а именно Дакия интересующих его гетов (якобы предков готов), ставшая затем, в начале II в. н. э., римской провинцией на левом берегу Дуная. Ниже он именует описанную им Дакию гетов (впоследствии римскую провинцию Дакию) „Готией“ („haec Gothia, quem Daciam appellavere maiores“) и делает это, как все, что касается гетов, тенденциозно, изображая их как непосредственных исторических предков готов. Поводом к созданию ложной последовательности: геты – готы послужил, быть может, факт обладания Дакией сначала гетами, а с середины III в. н. э. – готами, когда исконно гето-дакийскую землю можно было назвать „Готией“. Дакия, занятая в V—VI вв. гепидами, названа Иорданом „Гепидией“ („quae nunc Gepidia dictur“). Таким образом, область, очерченная Иорданом довольно четкими границами (вдоль Тиссы – по Карпатам – по Днестру – по берегу Черного моря), выступает у него последовательно, как 1) Дакия—Гетия (особенно во времена Бурвисты и Корилла, в I в. до н. э.); 2) Дакия – римская провинция (в 107—271 гг.); 3) Дакия-Готия (с 271 г. по V в.); 4) Дакия—Гепидия (в V—VI вв.) При описании Скифии первым племенем у западных ее предков Иордан называет гепидов, живших по рекам Тиссе, Данубию, Флутавзию; глубже за ними, говорит он, т. е. восточнее, лежит Дакия (Get., §§ 33—34). Здесь Иордан как бы выдвинул гепидов западнее Дакии, которую тем не менее называет Гепидией (§ 74).

242

О гепидах см. прим. 102.

243

Боуты (Boutae) – горный проход в Трансильвании или в Семиградье. (См. прим. 207.)

244

Тапы (Тарае). См. прим. 207 о горных перевалах, по которым проникали в древнюю Дакию или во времена Иордана в области, близкие к гепидам.

Готия (Gotia). Провинция Дакия, хотя и была оставлена в 271 г. римлянами готам, в данном случае соответствует стране гетов, «Гетии», потому что Иордан сделал историю гетов как бы древнейшей историей готов. Орозий, который приравнял гетов к готам (Oros., I, 16, 2), писал о римской провинции Дакии: «Dacia ubi et Gothia» (Ibid., I, 2, 53) в смысле: «Дакия, та именно, где находится Готия». Названия областей, созданные по именам народов, пребывавших на тех или иных территориях даже короткое время, иногда удерживались надолго. Примером могут служить: «Vandalisia», «Андалузия» (от вандалов), «Каталония» (собственно «Готоалания», от готов и аланов), «Ломбардия» (от лангобардов). Термин «Готия» искусственно связанный с Дакией, привился фактически в двух местах: 1) в южной Галлии, так называемой Септимании, между устьями Роны и восточными Пиренеями. Здесь, на местах пребывания везеготов, название «Готия» держалось до XI в.; и 2) на побережье Крыма, где название «Готия» носило условный характер, обозначая даже в XIV и XV вв. занятую местным населением прибрежную полосу между Судаком и Балаклавой; этот берег с названием «Готии» был уступлен татарами в 1381 г. генуэзцам.

246

Гепидия, Gepidia. Это место текста интересно тем, что автор в немногих словах отражает общие исторические перемены в столь удаленной и изолированной от империи области, какой было нынешнее Семиградье, окаймленное, по выражению Иордана, «венцом гор».

Эта область была некогда «Готией», т. е. «Гетией»; в древности же она была римской провинцией Дакией, а в V—VI вв. стала «Гепидией». Иордан показал здесь последовательную смену варварских племен в местах, достаточно ему известных: «haec Gotia quam Daciam appellavere maiores, quae nunc, ut diximus, Gepidia dicitur». (См. прим. 241 и 245.)

247

Ароксоланы (Aroxolani) – одно из причерноморских сарматских племен, роксоланы, отмеченные еще в конце II в. до н. э. Знаменитая надпись, найденная в Херсонесе и содержащая декрет в честь Диофанта, передает подробный рассказ о походах Диофанта, полководца понтийского царя Митридата VI Евпатора, в защиту Херсонеса против скифского государства в центре Таврики. Союзниками скифского царя Палака были «ревксиналы» (IosPE, I, изд. 2, 1916, № 352, стлб. 1, строка 23: ...των Ρευξι ναλων έθνος); «ревксиналы» отождествляются с роксоланами на основании свидетельства Страбона (Geogr., 3, 17: ‘Ρωξολανοί). Страбон подчеркнул многочисленность и силу роксоланов, пославших в помощь Палаку будто бы 50 тысяч человек. На карте, по Птолемею, это племя помещено у Мэотиды, восточнее язигов. («По всей стороне Мэотиды – язиги и роксоланы, а внутрь от них – амаксовии и аланы – скифы» – «πας όλην την πλσυραν της Μαιώτιδος ’Ιάσυγες και Ρωξολανοι και ενδοτέρω τούτων όι τε ’Αμαξόβιοι και οι ’Αλανοι Σκύθαι» (Ptol., III, 5, 7). Последние постепенно двигались на запад и дошли к I в. н. э. до равнины между Тиссой и Дунаем. Роксоланы следовали за язигами и тоже перемещались к западу. Однако как перемещение, так и последовательные места расселения этих племен не могли быть отчетливо показаны в исторических и географических сочинениях. Например, Аммиан Марцеллин, приступая к повествованию о придунайских областях, в связи с рассказом о своем современнике, императоре Юлиане (ум. в 363 г.), сообщает заимствованные у античных авторов сведения. Он говорит о роксоланах только один раз (Amm. Marc., XXII, 8, 31), как об обитателях берегов Мэотиды, и ставит их в ряд не только с язигами (которые уже давно жили на Тиссе), но и со многими племенами времен путешествия Геродота в Ольвию и даже раньше – с мэотами, меланхленами, гелонами, агафирсами, включая и аланов. Писатели, освещавшие события V—VI вв., – Орозий, Прокопий, Агафий, Менандр, Феофилакт Симокатта, – вовсе не упоминают о роксоланах. Иордан дважды назвал «ароксоланов» в §§ 74—75, отмечая их расселение: а) к востоку от древней Дакии и б) к востоку от реки Алуты (нын. р. Олт, левый приток Дуная), где они соприкасались с язигами. Ясно, что и Иордан заимствовал данные из какого-то древнего источника, рисующего однако, более позднюю картину, чем источник Аммиана Марцеллина. В названии «роксоланы», несомненно, присутствует этническое обозначение «аланы», ему же

предшествует слово «рос» или «рокс». В. Ф. Миллер («Осетинские этюды», III, 86) предположил, что «рокс», «рукс» является иранским словом, означающим «светлый». По Миллеру, «роксоланы» – «светлые» или «русые» аланы. Быть может, роксоланов надо усматривать и в названии племени розомонов, росомонов («Rosomonorum gens»), упомянутых Иорданом один раз в § 129. Указанное выше толкование этнического имени «роксоланы» признается до последнего времени (ср., например: G. Vernadsky, Ancient Russia, p. 88, 107—108, 129). По-видимому, первая часть названия «роксоланы» всплыла как самостоятельное этническое имя в сообщении сирийской хроники Захарии Ритора («Псевдо-Захарии»), записавшего в середине VI в., что по соседству с амазонками, – а легенда всегда помещает их близ Мэотиды, – живет «народ ерос» (или «рос», если откинуть дополнительный алеф в сирийской транскрипции). (См. Н. В. Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР, стр. 166.)

248

Бастарны (у Иордана, упомянувшего это название один раз, Basternae) – крупное племя (или союз племен), известное еще с конца III в. до н. э. (по Титу Ливию). Имя бастарны не германское, а кельтское (ср.: E. Schönefeld, Wörterbuch der altgermanischen Personen– und Völkernamen, 1911, S. 45). Бастарны появлялись на берегах нижнего Дуная, переходили реку по льду, нападали на Фракию, но обитали севернее: на северо-восточных склонах Карпат. Эти места их расселения и указаны в источнике Иордана; последний в данном случае говорит о каком-то (не современном ему, конечно) расположении племен («tunc ...a septentrione Sarmatae et Basterne»). В античных источниках Карпаты называются «Бастарнскими горами», «montes Bastarnici». Бастарны вступали в союз и с маркоманнами (II в. н. э.), своими соседями на северо-западе, и с готами (III в. н. э.), находившимися к тому времени близ Черного моря. При императоре Пробе (276—282) большое количество бастарнов было переселено на территорию империи, на правый берег Дуная, после чего они уже не упоминаются как самостоятельное племя. У Прокопия в списке укрепленных пунктов по побережью Дуная в Мезии приводится название Βαστέρνας где-то близ города Никополя, по-видимому, в районе рек Осмы и Янтры (Aed., IV, 11); это записанное автором VI в. название рядового придунайского укрепления осталось как яркий след пребывания здесь исчезнувшего племени. Тацит в гл. 46 «Германии» засвидетельствовал, что бастарны стали называться певкинами («Peucini quos quidam Bastarnas vocant»), последние же связываются с островом Певка, Peuce, в дельте Дуная; о певкинах и их острове Иордан упомянул в § 91. См. прим. 304.

249

Алута (Aluta) – нынешняя река Олт, левый приток Дуная, берет начало в восточных Карпатах, протекает по южной части Семиградья, пересекает Трансильванские Альпы и впадает в Дунай против города Никополя.

Аламаннские поля (Alamannica arva). Определяя истоки Дуная в области аламаннов, Иордан не делает ошибки, так как это племя населяло римские «Десятинные поля» («agri decumates»), очерченные верховьями Дуная и течением Рейна после выхода его из Констанцского озера. Дунай берет свое начало с юго-восточного склона Шварцвальда, с «горы Абноба» (Abnobae), как сообщает Тацит (Germ., I). Плиний (Plin., IV, 79) определил истоки Дуная подробнее; он пишет, что Дунай «рождается в Германии на хребтах горы Абнова (Abnovae), против города Раурика в Галлии». Позднее Аммиан Марцеллин указал, что «река Дунай рождается близ Рауриков на горе, рядом с границами Рэции» (Amm. Marc., XXII, 8, 44). Город Раурик соответствует римскому городу Augusta Rauricorum близ нын. города Базеля на правом берегу Рейна. Иордан не воспользовался этими данными об истоках Дуная.

251

1200 римских миль равны примерно 1800 км. (Одна римская миля, т. е. одна тысяча шагов, равняется 1,5 км.) На самом деле длина Дуная равна 2860 км.

252

Дунай принимает в себя свыше 120 значительных по величине притоков. Цифра 60 относительно притоков Дуная шла по традиции от Плиния (Plin., IV, 79), который сообщает, что Данувий-Истр, «приняв в себя 60 рек, из числа которых почти половина судоходны», впадает в Понт. В собрании выдержек из «Естественной истории» Плиния, составленном, по-видимому, в III в. н. э. и связываемом с именем Солина (Solin., I, 3, 1), повторено: «Истр принимает в себя 60 рек, почти все судоходные». Как сочинение Плиния, так и Солина были широко известны. Сведения о 60 притоках Дуная Иордан мог внести в свой труд по памяти. У Аммиана Марцеллина говорится также о 60 судоходных притоках Дуная (Amm. Marc., XXII, 8, 44).

253

Можно предположить, что сравнение реки с позвоночником («spina») и с ребрами («costae»), создающими подобие решетки («crates»), возникло у Иордана при рассмотрении карты с изображением Дуная и его притоков.

Язык бессов (lingua Bessorum) – язык фракийцев.

Pes (πους) – фут, стопа, равная около 30,5 см.

По-видимому, для наглядности было принято сравнивать Дунай с Нилом; знаменитой африканской реке отдавалось первое место, но Дунай, тем не менее, описывался, как почти не уступающий Нилу по величине. Геродот (Hist., IV, 50) называл Истр «величайшей из рек» (ποταμων μέγιστος), но находил, что Нил превосходит его обилием своих вод. У Помпония Мелы сказано, что Истр-Данувий «огромен и из тех рек, что впадают в Наше (Средиземное) море, меньше только Нила» (Mela, II, 8). Ставшее привычным сравнение Дуная с Нилом проникло и в стихотворные произведения. Овидий в стихах, созданных в изгнании близ берегов Дуная, сопоставляет Истр с «папироносной» рекой, т. е. с Нилом, и считает, что Дунай не у́же Нила (Ovid. Trist., III, 10). В одной из «Эпиграмм» Авзоний (ум. в конце IV в.) писал от лица Дуная: «Я, Данувий, второй по тебе, о Нил!» («tibi, Nile, Secundus Danuvius», – Auson. Epigr., XXVII, III).

257

Тит Флавий Домициан – император в 81—96 гг.

258

Под «готами», которые победили двух полководцев императора Домициана, следует подразумевать гетов-даков. По свидетельству Светония (писал ок. 120 г. н. э.), в «Биографиях цезарей» (Suet., 8, 6), и за ним – Евтропия (IV в.), в «Бревиарии римской истории» (Eutrop., VII, 23, 4), Домициан дважды посылал войска против даков; в первом походе потерпел поражение и был убит консуляр провинции Оппий Сабин, во втором – та же участь постигла другого военачальника, префекта претория Корнелия Фуска, противником которого выступил вождь даков Диурпаней, или Дорпаней.

259

Оппий Сабин. См. предыдущее примечание.

260

Дорпаней (иначе Diurpaneus) – вождь «готов» по Иордану, на самом же деле – вождь даков, против которых направил два похода император Домициан. Орозий, ссылаясь на авторитет Тацита («Истории» Тацита в этой части не сохранилось до нашего времени), рассказывает о победе «короля даков Диурпанея» над Корнелием Фуском, предводителем римлян (Oros., VlI, 10, 4).

261

Корнелий Фуск – префект претория при императоре Домициане (81 – 96); был убит в неблагоприятном для римлян сражении с даками (у Иордана «готами»).

262

Иордан поясняет, что «ансами» называют не просто людей («non puros homines»), а полубогов («semideos»). Из последующего текста видно, что готы называли «ансами» предков рода Амалов, которых также считали «героями» («...Ansis vocaverunt, quorum genealogia» – и далее дается генеалогия Амалов: «horum ergo heroum ... primus fuit Gapt...»). Моммсен в указателе («Index personarum») ссылается на Мюлленгоффа, который вместе с Як. Гриммом сближал термин «anseis» с норманнским названием богов «aesir» и англосаксонским «ês».

263

Переходя к генеалогии тех «готов» (даков, гетов), о которых речь шла выше, Иордан приступает к рассказу о подлинных готах, отбросив их псевдоисторию (т. е. историю гетов-даков).

264

Первым именем Гапта Иордан начинает генеалогию рода Амалов, правителей остроготов. Этот перечень имен был с тщательностью перенесен Иорданом в его произведение со страниц «Истории готов» Кассиодора. В одном из писем собрания «Variae» король Аталарих объявляет сенату: Кассиодор «направил свои усилия на [разыскания] о древнем нашем роде, изведав путем чтения все то, что едва еще удержалось в седых записях предков. Он вывел из долгого забвения готских королей, скрытых в убежище старины. Он восстановил Амалов со всем блеском их рода, с очевидностью показав, что мы имеем королевские корни в семнадцатом поколении. Он сделал римским происхождение истории готов» (Variae, IX, 25).

в генеалогии готских королей четвертым представителем был Амал. Он дал начало Амалам – царственному роду предводителей остроготов; у везеготов таким же царственным родом их вождей были Балты. Первым историческим лицом из рода Амалов был Херменериг или Херменерих (обычно Германарих), поставленный Иорданом на десятом месте, считая от родоначальника Гапта.

266

Херменериг (Hermenerig), обычно Германарих, – король остроготов, значительно расширивший их державу, основная территория которой находилась на северо-западном побережье Черного моря. Германарих не был в силах отразить гуннское нашествие и даже не отвел своего народа, подобно везеготам, на запад. В 376 г. (или в 375 г.) он умер в глубокой старости (по одной версии – от раны, по другой – не перенеся надвигавшегося позора гуннского ига).

267

Теодерих, Theodericus (457—526) – первый король остроготов в Италии, где он правил с 493 по 526 г.

268

На событиях, связанных с Витигесом, который считался последним королем (536—540) остроготов в Италии, хотя он и не был Амалом по происхождению, а лишь женился на представительнице этого рода, Матасвинте (внучке Теодериха), Иордан заканчивает свой труд.

269

Витигес умер в 542/43 г.

270

Герман, племянник Юстиниана, – блестящий полководец и политик, предполагавшийся преемник Юстиниана. (См. прим. 617.)

271

Патриций (или, по греческим источникам, патрикий) – в позднеримской империи один из титулов, установленных императором Константином в начале IV в. Титул патриция, кроме лиц, исполнявших высшие гражданские и военные должности, давался правителям провинций (например, равеннским экзархам). Особенно почетным считалось дарование титула патриция варварским полководцам и королям. В 434 г. был консулом и патрицием военачальник Аспар из знаменитого и могущественного в Константинополе рода Аспаров-Ардавуриев, готского или аланского происхождения. В 476 г. император Зинон назвал патрицием Одоакра; в 488 г. он же даровал титул патриция Теодериху. Патрициями были Стилихон, Рикимер, Витигес. Император Анастасий прислал королю франков Хлодвигу (481—511) после его победы над везеготами титулы консула и патриция.

На Германе, сыне полководца Германа (племянника императора Юстиниана), Иордан кончает перечисление имен рода Амалов. Таким образом, генеалогическая линия рода Амалов – наиболее прославляемого рода готских племен – доходит до отпрыска Амалов (по матери Матасвинте) и императорской ветви Аниciев (по отцу Герману). К роду Аниciев едва ли принадлежал сам Юстиниан, полное имя которого читается в надписи (CIL, V, 8120, 3) как «Flavius Petrus Sabbatius Iustinianus». Но мысль и тенденция Иордана, писавшего после падения сильного некогда государства Теодериха, ясна: слиянием рода Амалов с царственным (по Юстиниану) родом Аниciев символически осуществилась политическая программа Теодериха, направленная на сочетание готов и римлян. Выразительны слова Иордана в конце его труда (Get., § 314): «в нем [в Германе младшем] соединился род Аниciев с поколением Амалов, и он [Герман младший], с божьей помощью, таит в себе надежду и того и другого рода». Доведение генеалогии Амалов до такого момента не могло еще интересовать Кассиодора, когда он перечислял главнейших представителей Амалов с целью показать блеск и древность готского рода Теодериха и его наследников. Он назвал в одной из грамот 533 г. (Variae, XI, 1) следующие имена: Hamalus (Кассиодор, по-видимому, не счел нужным начинать перечисление с его мифологического предшественника Гапта, как это сделал Иордан), Ostrogotha, Athala, Winitarius (интересно, что Кассиодор обошел имя Германариха, который не был прямым предком Теодериха), Unimundus, Thorismuth (Кассиодор назвал Гунимунда, сына Германариха, так как Гунимунд и его сын Торисмуд были предками Евтариха – мужа Амаласвинты и отца Аталариха, наследника короля Теодериха), Walamer, Theudimer (Кассиодор назвал только два имени из трех имен: Валамер, Тиудимер и Видимер, принадлежавших трем братьям – правителям остроготов в V в.; из них Тиудимер был отцом Теодериха). Кассиодор остановился в генеалогическом перечислении на отце короля Теодериха, Тиудимере, так как последующие события – грамота была составлена при Аталарихе (526—534) – пока не вызывали каких-либо тенденциозных приемов в связи с генеалогией рода Амалов, к которым прибег спустя около двух десятилетий Иордан (см. вводную статью).

273

Герман, племянник императора Юстиниана и муж Матасвинты, умер в 550 г. (См. прим. 617.)

Концом государства Амалов в Италии Иордан считает капитуляцию Витигеса перед Велисарием в 540 г. На этом событии Иордан заканчивает свой труд (§ 313—315).

275

Историк Аблавий, «Ablabius enim storicus». См. прим. 72.

о готах на берегах Понта Иордан сообщил в §§ 28 и 42, заимствуя эти сведения у Аблавия.

277

Примечательно, что уже Иордану в VI в. показалось маловозможным, чтобы племя получило свое название от имени отдельного лица, хотя бы и выдающегося. Несомненно, что Иордану бросилось в глаза имя Острогота в генеалогии готских предводителей, но, упомянув его, автор все же развивает мысль о другом происхождении названий остроготов и везеготов: они, по его предположению, назывались так «от места» («а 1ocо»). О месте, которое могло побудить называть части готского племени восточной и западной, см. в примечании об «Ойум» (прим. 68). У Иордана нигде не заметно осмысления этих названий, как происходящих от слов «остр» (austr – «блестящий») и «вез» (weise – «мудрый»). Он придерживался объяснения названий обеих главнейших групп готов как восточных и западных. Однако сам он нигде не употребляет названий «остготы» и «вестготы».

Император Максимин (235—238).

279

Император Александр Север (222—235); у Иордана он назван Александром, сыном Мамеи («Alexander Mamaeae»).

280

Имя Симмаха носили два писателя, происходившие из одного римского рода. Древнейший из них – Квинт Аврелий Аниций Симмах (родился после 340 г., умер в 402 г.), оратор и государственный деятель Западной Римской империи, префект города (Рима) в 384—386 гг., консул в 391 г. Он был ревностным сторонником угасавшего в его времена язычества, за что и претерпел изгнание при императоре Феодосии I. До нас дошли фрагменты его речей и несколько сотен писем. Однако «История», не сохранившаяся до наших дней, на которую дважды ссылается Иордан (Get., §§ 83 и 88), принадлежала другому Симмаху, тоже Квинту Аврелию, дважды консулу (в 485 и 522 гг.), отмеченному в консульских списках наименованием «Младший» («Junior»). Симмах Младший, почти современник Иордана, был другом (и тестем) знаменитого философа и писателя Боэция (Anicius Manlius Severinus Boetius, консул в 487, 510 и 522 гг.), казненного Теодерихом в 524 г. За сочувствие Боэцию, по приказанию того же короля, в 525 г. был казнен в Риме и Симмах Младший – текст Иордана о Максимине является заимствованием через Симмаха из Scriptores Historiae Auqustae XIX iul. Cap. Maxim. 2—4.

281

19 марта 235 г.

282

Император Септимий Север (193—211); у Иордана назван только Севером.

283

8 стоп (футов), 8 pedes, равны приблизительно 2,5 м (1 pes, πους равен 30,5 см).

284

Собственно, не «сильным», а «свежим», «полным сил после отдыха»; утомленному бегом Максимину противопоставили «свежих» после отдыха людей («recentissimos militum»).

285

Обычные награды военных: «серебряные премии» («argentea praemia») – вероятно, запястья (ср. Amm. Marc., XXX, 8,8: «armillae») и золотое украшение («aurea torquis») – витая золотая цепь на шею или же витая золотая гривна. Ср. сообщение Прокопия о том, что перед решающим сражением с Тотилой византийским войскам показывали поднятые на копьях запястья (ψέλλια), витые шейные цепи (στρεπτούς) и позолоченные удила (χαλινους χρυσοῦς) как награду за отвагу (Bell. Goth., IV, 31, 9).

286

Император Антонин Каракалла (211—217).

Император Макрин (217—218).

Гелиогабал – император (218—222), сын Каракаллы.

289

Могунтиак, Могонтиак (Mogontiacum, нын. Майнц) – центр римской провинции Верхней Германии на левом берегу Рейна, против впадения в него Майна. Могунтиак возник из основанного Агриппой (в 38 г. до н. э.) и укрепленного Друзом (в 9 г. до н. э.) римского лагеря.

290

Иордан ошибается: Филипп не правил непосредственно за Максимином; после Максимина, убитого в 238 г., были: Пупиен (238), Бальбин (238), Гордиан III (238—244) и уже затем Филипп (244—249).

291

О писателе Симмахе Младшем (казнен в 525 г.) см. прим. 280.

Иордан имеет в виду, конечно, не все племя (gens) готов, а его представителя (императора Максимина, сына гота и аланки).

293

Маркоманны и квады – германские племена, жившие к северу от среднего течения Дуная, вокруг верховьев рек Эльбы и Одера. Маркомаины и квады угрожали Римской империи с I в. н. э. Император Домициан отразил их нападение в 88 г. н. э. Особенно упорную войну (Маркоманнская война) с маркоманнами, квадами и другими присоединившимися к ним племенами вел император Марк Аврелий, начав ее в 165 г. и закончив в 180 г. Вскоре маркоманны и квады проникли все же в Паннонию, пересекли ее, дошли до Аквилейи, но там они были разбиты римским полководцем Патерном. Император Коммод, заключив с маркоманнами и квадами мир в 180 г., оставил их на Дунае. Он набирал из них вспомогательные отряды для римского войска. Император Аврелиан в 270 г. опять отбросил эти племена за Дунай, так как, перейдя реку, они появились даже под Анконой. Неясно, какие победы готов над маркоманнами и квадами имеет в виду Иордан, да еще тех времен, когда готы жили в припонтийских областях.

Квады – см. предыдущее примечание.

295

Император Филипп-отец правил с 244 по 249 г.; с 247 г. его соправителем стал Филипп-сын. Оба Филиппа были убиты в 249 г.

296

Тысячный год «от основания Рима» («ab urbe condita») исполнился в 247 г. христианской эры, так как годом основания Рима считается 753 г. до н. э. В «Getica» (§ 89) Иордан ошибочно отметил, что в тысячном году Рима шел «второй год» правления Филиппа-отца, но в «Romana» (§ 283) он точно указал «третий» год. Третий год правления Филиппа-отца приходится на 247 год. У Иеронима (под 262 г.), у которого Иордан мог заимствовать сведения, сказано только, что во время правления Филиппов исполнился тысячный год Рима. Орозий, ближайший источник Иордана, записал, что Филипп стал императором в 997 г. «ab urbe condita», т. е. в 244 г. н. э., и что «после третьего года его правления исполнился тысячный год с основания Рима» (Oros., VII, 20, 2).

Федератами (foederati) назывались солдаты вспомогательных войск («auxilia») в поздней империи, предоставленные ей тем или иным племенем – готами, гепидами, вандалами, герулами, гуннами – и его вождем по договору («foedus»). По этому договору император обязывался выплачивать федератам ежегодное жалованье («munera», «stipendia») или выдавать соответственное количество продовольствия («annonae», «victualia»); они же обязывались оборонять границы Римского государства. Федераты (особенно в IV—V вв.) являлись отдельным войском, которое не смешивалось с основным войском империи – войском римских солдат (milites, стратиотов – στρατιωται), – и которое имело своих военачальников. Это отдельное войско, – чаще всего целое племя, – находясь на территории империи, было свободно от налогов и сохраняло свой образ жизни. Прокопий (Bell. Vand., I, 3—4) поясняет, что федератами служили только те варвары, которые не были покорены, ни тем более обращены в рабов (όσοι ουκ επι τω δοῦλοι ειναι); они примкнули к империи на равных с римлянами началах, потому что φοίδερα – foedera означает союз с (бывшими) врагами (φοίδερα γαρ τας προς τους πολεμίους σπονδάς καλοῦσι Ῥωμαῖοι). Рассказывая о приготовлениях к походу против вандалов, Прокопий сообщает, что войско, посылаемое Юстинианом в Африку, составилось из «солдат и федератов» (εκ τε στρατιωτων και φοιδεράτων, – Ibid., I, 11, 2). Впервые термин «федераты» (φοιδεράτοι) в противопоставлении термину «стратиоты» (στρατιωται), римские солдаты, встречается у Олимпиодора в начале V в. В пояснение к первому термину автор говорит (Olymp., § 7), что он относится к «разрозненной и смешанной толпе» (конечно, варварской). Резкое разграничение между варварами-федератами и частями римского войска уже не могло соблюдаться в VI в.; об этом совершенно отчетливо свидетельствует Прокопий. Он констатировал, что если в войска федератов зачисляли первоначально (πρότερον) только одних варваров, то теперь (νῦν), т. е. при Юстиниане, хотя все продолжали употреблять слово «федераты», многое изменилось, и название потеряло свой первоначальный смысл (Bell. Vand., I, 11, 3—4); это подтверждается другим сообщением Прокопия (Bell. Goth., III, 33, 13—14): когда герулы получили земли около Сингидуна, то некоторые из герулов стали римскими солдатами, будучи зачислены в так называемые федераты. Таким образом, ясно, что при зарождении и в начале существования института федератов проводилось различие между их войском и войском,

сформированным из римских солдат; в дальнейшем же это различие стерлось, что и отметил Прокопий. Он только не пояснил, чем было вызвано подобное явление, хотя, несомненно, знал, что в VI в. империя уже не обладала достаточно сильным войском («милицией»), укомплектованным римскими солдатами («milites»), и что главной военной опорой государства стали – в основе своей всегда ему враждебные – вспомогательные войска федератов. Неспаянность, больше того, постоянная вражда племен несметного варварского мира, неуклонно надвигавшегося на обе части империи, давала возможность последней использовать в борьбе с варварами варварские же силы. Многочисленное и нередко сокрушительное войско из федератов прекрасно справлялось с хорошо известным ему противником, поэтому империя впускала в свои пределы значительные группы людей, объединенных вокруг сильного вождя. Наиболее выдающиеся из «начальников федератов» (ἄρχοντες φοιδεράτων) обычно делали блестящую карьеру; они получали высокие звания «комита доместиков» и магистра армии, иногда назначались консулами и даже становились патрициями. В то же время они захватывали такую власть и были настолько влиятельны благодаря находившемуся в их распоряжении войску, что оказывали давление на императоров и даже сменяли их по собственному желанию. Среди таких вождей были и выходцы из того же самого племени (Гайна, Рикимер, Теодерих, сын Триария, также Теодерих Амал, будущий король остроготов в Италии, и др.) и люди, специально поставленные во главе войск федератов, либо варвары по происхождению (например, Аспар, Стилихон), либо римляне, умевшие подчинять себе варварские отряды (например, Аэций). Отряды федератов размещались на границах, где и защищали империю от набегов враждебных варваров. Особенно многочисленные войска федератов (они составлялись почти исключительно из конницы) стояли на дунайской границе и вообще в провинциях на Балканском полуострове. Когда император Валент разрешил готам перейти Дунай и поселиться на территории империи, он этим актом, по словам Иордана, «поставил как бы стену государству своему против остальных [варварских] племен» (Get., § 132).

Сочинение Иордана наряду с сочинением Прокопия содержит немало сведений о федератах: федераты управлялись своими «королями», но за службу империи получали от нее ежегодное вознаграждение («annua munera»), они жили в отдалении (remoti), не на землях империи, а за Дунаем, откуда неожиданно напали на Мезию и Фракию (§§ 89—90). Упоминает Иордан и о федератах при Константине (306—337), пришедших ему на

помощь в числе сорока тысяч человек; при этом автор замечает, что и до его времени («usque ad praesens») подобные вспомогательные войска назывались федератами (§ 112). «Возобновилось ополчение федератов» (§ 145) при императоре Феодосии (378—395), хотя в Западной империи, по словам Иордана, при Грациане (367—383) также заключались договоры с варварами за золото и за продовольствие (§ 141). Феодосий, ловким дипломатическим ходом расколов готов на два лагеря, обратил в своих федератов все войско их короля Айтанариха, которое после смерти последнего в 381 г. в Константинополе осталось на службе у императора. «И эти самые готы стали называться федератами» (§ 145). Через несколько лет после смерти Феодосия отряд готов-федератов («Gothorum foederatorum manus») под предводительством Гайны (§ 176) вошел в Константинополь, население которого восстало против засилья варварских войск и против чрезмерного влияния варваров в столице империи (см. прим 503). Однако и позднее, в V в., когда во главе федератов стоял энергичный Теодерих, сын Триария, федераты угрожали Константинополю. Иордан отметил, как лавировал император между двумя группами федератов, то соперничавших, то сотрудничавших друг с другом; это были, с одной стороны, остроготы с королями Валамером, Тиудимером и Видимером, а затем с Теодерихом, с другой – получившие временный перевес отряды Теодериха, сына Триария, перетянувшие, так сказать, ежегодные взносы («annua solemnia», § 270) на свою сторону и оттеснившие остроготов. Но остроготы вновь заключили договор с правом расселения во Фракии и Мезии и окончательно восторжествовали после смерти Теодериха, сына Триария, и возвышения Теодериха Амала (§§ 287 и 290) при императоре Зиноне. Кроме готов, Иордан упоминает группу федератов-герулов, которые поселились в Дакии по договору с императором Юстинианом на основе «мира и ежегодных даров» («pax et annua colemnia»); герулы продолжали служить империи и при жизни Иордана, о чем он сообщает, подчеркивая, что «до сего дня племя это получает обычный дар от римского императора» («usque nunc consuetum donum gens ipsa a Romano suscipit principe», – Get., § 264). Об этом же вступлении герулов в число федератов империи упомянул, независимо от Иордана, и Прокопий (Bell. Goth., III, 33, 13). Ясно, что Иордан писал о федератах во всех указанных случаях на основе своих наблюдений и сведений, поэтому для освещения вопроса о федератах труд Иордана наряду с трудом Прокопия является важным источником.

298

Здесь отражено предание об одном из первых вторжений готов на земли империи в середине III в.

299

Тайфалы (Taifali) упомянуты Иорданом один раз (§ 91) в связи с нападением готов на придунайские области в середине III в. В 248 г., при императоре Филиппе (244—249), король готов Острогота организовал крупный поход за Дунай, в Нижнюю Мезию. К своему основному войску он присоединил тайфалов, вандалов-астрингов (асдингов), карпов и певкинов. Все они двинулись под предводительством Аргаита и Гунтериха к Маркианополю. Готы и их союзники не овладели еще техникой осады городов и потому не смогли взять Маркианополь. О тайфалах обильнее всего свидетельствуют источники IV в. Это племя неоднократно ставилось в ряд с наиболее крупными и могущественными племенами, угрожавшими тогда империи. У Аврелия Виктора говорится, что Фракией и Дакией, как «принадлежащими их роду землями» («tamquam genitales terras»), завладели готы, тайфалы, гунны и аланы (Aur. Vict. Epit., 47, 3). Епископ миланский Амвросий (ум. в 397 г.), сопоставляя племена, сталкивавшиеся в сражениях в его время, перечисляет: «гунны поднялись на аланов, аланы на готов, готы на тайфалов и сарматов» («Exposito evangelii sec. Lucam», 10). Автор, живший в Риме и в Милане, на основе слухов о варварах, нападавших на империю, вместе с общеизвестными племенами – готов, гуннов, аланов – называет и тайфалов. Для Аммиана Марцеллина тайфалы также являются вполне определенной силой среди варварских племен. Они помогали императору Констанцию в 358 г. в войне против сарматов-язигов, действуя со своей территории (близ Тиссы) совместно с римским войском (Amm. Marc., XVII, 13, 19—20); они не остались в стороне, когда волна готов, уходя от гуннов, надвинулась на берега Дуная. «Земли тайфалов» («Taifalorum terrae») находились поблизости от Серета (Ierasus), где пытался укрепиться Атанарих, обороняясь от гуннов (Ibid., XXXI, 3, 7); наконец, часть тайфалов, примкнувших к готским отрядам Фарнобия для грабительских набегов на правобережье Дуная, была захвачена римским военачальником Фригеридом и выселена, как указал Аммиан, в окрестности Модены, Реджо и Пармы. Позднее (вероятно, в течение V в.) часть племени тайфалов продвинулась на запад вплоть до Галлии. Григорий Турский (540—594) включил в «Историю франков» несколько упоминаний об этом племени: он сообщил о восстании тайфалов («seditio Theifalorum»), происшедшем около 564 г. при короле Хариберте в церковном диоцезе Пуату («in Pectava diocesis»), к югу от Луары; назвал тайфалом по происхождению аббата

Сеноха, который родился в области «Theifalia» и жил близ Тура (Greg. Turon. Hist. Franc., IV, XII, [18]; V, 7; Vitae patrum, XV, 1). Принадлежали ли тайфалы к группе готских племен (Gothorum gentes), к которым относит их Аммиан Марцеллин? (Amm. Marc., XXXI, 3, 8). Судя по указанным источникам, это племя хотя и упоминалось рядом с готами, тем не менее представлялось каким-то отличным от них. Но в начале V в. Зосим определяет и готов, и тайфалов, и другие племена на левом берегу Дуная собирательно как «скифов», считая их, быть может, родственными друг Другу (Zos., II, 31, 3; IV, 25, 1). Не решаясь окончательно причислить тайфалов к готам, Л. Шмидт напоминает, что обычно лишь остроготы, везеготы и гепиды объединялись общим готским происхождением (L. Schmidt, S. 546).

В данном случае у Иордана (и так во всех рукописях) Astringi, тогда как в § 113 Asdingi, причем здесь с объяснением, что Асдинги – королевский род у вандалов. Контекст подсказывает, что в § 91 вместе с тайфалами и карпами названо племя, а не знатная фамилия. Предполагается, что астринги у Иордана соответствуют племени, носившему имя силингов и входившему в объединение вандальских племен. Силинги отмечены авторами, которые знали и наблюдали вандалов. Например, Идаций, современник вандалов в Испании, отметил, что при расселении вновь пришедших племен вандалы заняли Галлецию; те же, которые были прозваны силингами («Vandali cognomine Silingi»), заняли Бэтику (Idat. Chron., 49). Сообщив, что вандалы и аланы воевали с везеготами, Идаций записал, что король везеготов Валия уничтожил силингов (Ibid., 67). В одной из южногалльских хроник, отразившей события до 511 г., сказано, что силинги были лишь частью всех вандалов, «pars Vandalorum qui Silingi dicebatur» («Chronica gallica», 557, – MGH Auct. antiquiss., IX, 1892, p. 15, № 10). Поэтому можно не оспаривать известия, переданного Идацием, что силинги (а не все вандалы) были уничтожены Валией. Если астринги Иордана были, действительно, частью вандалов, известной по другим источникам под названием силингов, то именно они прошли огромный путь от низовьев Дуная (где они отмечены Иорданом в § 91) до Бэтики в Испании.

Однако, если астринги Иордана не равнозначны силингам, то остается рассматривать это название, как обозначающее род Асдингов, о котором Иордан упомянул в § 113. В таком случае надо думать, что с тайфалами и карпами, ставшими на сторону готов, пошли именно те вандалы, которых вели представители их знатнейшего рода Асдингов. Это имя (в значении племени) встречается в «Римской истории» Диона Кассия: ’Αστιγγοι (Dio Cass. Hist, Rom., LXX, 12, 1). Ср. Petri Patricii fr. 7.

301

Карпы (Carpi) – одно из сильнейших племен на нижнем Дунае, на Пруте и Серете, впервые упомянутое Птолемеем (Ptol, III, 5, 10: Καρπιανοί). Титул Carpicus украшал ряд императоров III—начала IV вв. в период частых войн с карпами. «Карпийскими» были Филипп-отец и Филипп-сын в 245 и 247 гг., Аврелиан в 271 г., Диоклетиан и Максимиан в 301 г. В 319 г. на одной из африканских надписей Константин назван «Gothicus maximus et Carpicus». Разрушительные набеги карпов отметил в IV в. Евтропий (Eutrop., IX, 25, 2) и в начале V в. Зосим (Zos., I, 20, 1; 27, 1; 31, 1), записавший о сильных опустошениях городов провинции Европы (южная часть диоцеза Фракии, примыкавшая к Константинополю) разными племенами: готами, боранами, уругундами, карпами. По Иордану, карпы объединялись с обитателями дельты Дуная, певкинами, и с готами. Иордан выделил одну из крупных побед над карпами, когда цезарь Галерий в 295 г. разбил их в Малой Скифии (нынешней Добрудже) близ тех мест, где был сооружен знаменитый военный монумент, известный под названием «Tropaeum Traiani». Галерий, по свидетельству Евсевия, был шестикратно провозглашен «Карпийским» (Καρπων μέγιστος ἑξάκις, – Euseb. Hist. eccl., VIII, 17, 3). Отзвук пребывания карпов на нижнем Дунае во время походов императора Валента в 367—368 гг. сохранился в свидетельстве Аммиана Марцеллина о «селении карпов», «Carporum vicus» (Amm. Marc., XXVII, 5, 5). По-видимому, карпы – дакийское племя (ср.: Ф. А. Браун, Разыскания в области готославянских отношений, стр. 175—176). Такое их происхождение подкрепляется, между прочим, названием, которое – кроме Καρποι – употребил один раз Зосим: Καρποδάκαι (Zos., IV, 34, 6). О том же свидетельствует и ряд названий городов в области карпов, по левобережью нижнего Дуная и по Серету: Заргидава, Тамасидава, Пироборидава (Ptol., III, 10, 8). Окончания «dava» сближают их с названиями городов в Дакии: Карсидава, Патридава, Утадава (Ibid., III, 8, 4). Иордан приводит (Rom., §§ 221, 283) одно как будто родственное этим словам название: Пульпудева (Pulpudeva, римский Филиппополь, нын. Пловдив в Болгарии).

302

Диоклетиан на Востоке и Максимиан Геркулий на Западе правили с 286 г.; оба отреклись от императорской власти 1 мая 305 г.

303

Галерий Максимиан был цезарем (с 293 г.) при августе Диоклетиане и управлял провинциями на Дунае. После отречения Диоклетиана в 305 г. Галерий стал августом и правил Восточной империей совместно с Констанцием Хлором (правившим Западной империей до 306 г.), затем совместо с Константином. Галерий умер в 311 г. Иордан в «Getica» называет Галерия не Максимианом, что правильно, а Максимином. Однако, в «Romana» (§§ 298 и 301) написано Максимиан.

304

Певкинов с острова Певки («Peucini ab insula Peucis») Тацит ставил в ряд с венедами и финнами, причем колебался, причислить ли их к германским или к сарматским племенам (Germ., 46); он также отметил, что певкинов некоторые называют бастарнами. Действительно, Страбон, писавший раньше Тацита («География» Страбона была написана после 18 г. н. э.), сообщал, что бастарны, будучи из рода германцев, разделяются на несколько колен; те из них, которые завладели Певкой, την Πευκην, островом на Истре, называются певкинами (Geogr., VII, 3, 17). Птолемей, говоря о населении Нижней Мезии, подтверждает, что по устьям Дуная живут певкины (Ptol., III, 10, 4). Остров Певки засвидетельствован рядом авторов с довольно определенной локализацией: Страбон указывает, что близ впадения Истра есть большой остров Певка (Geogr., VII, 3, 15); Плиний отмечает (Plin., (V, 79), что первое устье, или гирло, Дуная называется Певкайским («primurn ostium Peuces»), и сразу за ним лежит остров Певки; Птолемей (Ptol., III, 10, 2) при описании «порядка устьев» Истра сообщает, что река впервые разделяется на рукава около Новиодуна и южное устье охватывает остров, называемый Певкой; южное гирло впадает в Понт под названием «Священного» или «Певки»; ныне это – Георгиевское устье. По объяснению анонима (Скимн Хиосский?), составившего «Землеописание» (Περιήγησις) во II—I вв. до н. э., название Певки происходит от множества растущих на острове сосен (Πεύκη δε λέγεται δια τοὐ πληθους ων έχει πευκων, – стихи 789—790), потому что «сосна» по-гречески πεύκη. Такова ли этимология названия острова, неясно; но было высказано предположение, исходящее из этой этимологии, что Певкой являлась северо-восточная оконечность Добруджи; она подходит к дельте Дуная с юга в виде гористого выступа, ныне называемого Бабадагом. Острова в самой дельте очень низменны и едва ли могли быть покрыты соснами, а на Бабадаге до сих пор заметны следы сосновых лесов (ср. статью Ф. Бруна «Остров Певки», стр. 48—59). Ср. прим. 248.

Аргаит и Гунтерих (Argaithus et Gunthericus). Из контекста, хотя и не с полной ясностью, вытекает, что эти вожди были поставлены во главе карпов. Несколько странно, что Иордан изображает готов племенем, «присоединенным» Остроготой к карпам («his ... addens» может относиться только к карпам), а не наоборот, поскольку карпы были союзниками готов. Экскурс о карпах, подчиненных цезарем Галерием, путает последовательность изложения Иордана. Надо скорее всего думать, что автор имел в виду такую цепь событий: Острогота включил в число своих союзников племя карпов, искусных в войне с римлянами. Карпы предоставили ему три тысячи воинов; затем король готов, чтобы лишить карпов самостоятельности в военных действиях, присоединил к ним некоторое количество воинов своего племени и племя певкинов и поставил во главе этого крупного отряда (из карпов, готов и певкинов) двух испытанных вождей – своих соплеменников («suae gentis doctores» – ductores, duces). От слов «вскоре они перешли вброд Данубий» («qui mox Danubium vadati», – § 92) Иордан возвращается к прерванному рассказу о короле Остроготе, его походе на Нижнюю Мезию, которую он опустошал силами готов, тайфалов, вандалов-асдингов, карпов, а также перешедших на его сторону римских солдат.

306

Маркианополь, нын. посел. Река Девня – город в Нижней Мезии, в 30 км к юго-западу от города Одисса или Одесса (Odessus, ’Οδυσσός, нын Варна). Следует отметить, что Маркианополь был в течение недолгого времени (366—369 гг.) столицей империи, когда император Валент находился в Нижней Мезии.

307

Река Потам (Potami cognomento) – нын. Девненска река. Возможно, что Иордан слово Потам, употребляемое им как название реки, не сопоставил с греческим словом ποταμός – «река», «поток». Или же он привел это слово как иноязычное название реки, звучащее здесь подобно имени собственному (см. прим. 318 о реке Ауха).

308

О гепидах см. прим. 102.

309

B § 25.

310

Буквально: «к берегу ближайшего океана» («Oceani citerioris»), что означает для автора, смотрящего с юга, «по сю сторону», «на этом, ближайшем, берегу».

311

Название области Спезис в низовьях Вислы остается необъяснимым. «Spesis provincia» не упоминается ни в одном источнике. Разночтения – specis, speta, spreta – ничего не уясняют.

312

Gepedoios значит «ойум» гепидов (см. прим. 68 к слову «Ойум»).

313

Здесь, в § 96, Иордан снова говорит о видиариях, о которых он сообщил выше, в § 36. И в том и в другом случае он отмечает, что это племя сложное, составившееся из разных nationes: «ex diversis nationibus»; различные nationes образовали одно племя, gentem fecisse. Терминология Иордана в отношении понятия «племя» неустойчива и неотчетлива. В связи с двукратным упоминанием о сложном составе племени видиариев выясняется, что слово «gens» в представлении Иордана определяет более крупное этническое объединение, чем «natio». Готов вообще (в древнейшую эпоху) он называет «gens». У Аммиана Марцеллина обычно «gentes Gothorum» (Amm. Marc., XXXI, 3, 8). Когда Иордан говорит отдельно об остроготах и везеготах, он называет их также «gentes». Новый термин всплывает в § 42, где сообщается, что «populus» готов разделился на везеготов и остроготов, соответственно подчинившихся фамилиям Балтов и Амалов. По-видимому, выражения «gens» и «populus» равнозначны, что подтверждается в § 123: «род» – «natio» – гуннов вырос, размножился в «племя» – «populus» (в тексте дается множ. ч.: in populis). Таким образом, видиварии сложились из разных nationes и образовали gens, гунны выросли из natio и образовали populi. Отсюда следует, что более мелкая и менее организованная ячейка – natio – вырастает в gens или populus. Так можно приблизительно уяснить себе терминологию Иордана (natio, gens, populus), хотя она, надо думать, не представлялась отчетливой ни самому писателю, ни его современникам. В § 25 – в выражениях «officina gentium»...«vagina nationum» – термины «gens» и «natio» мыслятся, по-видимому, как равнозначные, чего нет в приведенных выше примерах из §§ 36. 42, 96, 123. В § 98 (ср. прим. 316) «populus» больше, чем «gens». В § 267, говоря о «малых готах», Иордан отмечает, что раньше они были «populus inmensus», а теперь представляют собой «gens multa». Ср. также прим. 595 об определении Одоакра (равно как и Теодериха): «rex gentium».

Бургундзоны (Burgundzones), бургунды, вернее – бургундии или бургундионы (на основании «Бургундской Правды», свода законов конца V – начала VI вв., т. е. времени, близкого к созданию «Getica»; в «Бургундской Правде»: «Si quis Burgundio» или «inter Burgundiones», и т. п.) В данном месте Иордан пишет о первых событиях в истории бургундов, одного из крупных германских племен, которые, так же как вандалы, готы, герулы, руги, двинулись на юг с берегов Скандинавии и с окружающих ее с юга островов (см. карту в кн.: E. C. G. Oxenstierna, Die Urheimat der Goten, Abb. 147). Бургунды приплыли с острова Борнхольма и высадились около устья Одера; затем, по-видимому, вследствие нажима со стороны появившихся в этих местах ругов, бургунды передвинулись на восток, к берегам Вислы (примерно в область нынешних городов Быдгоща и Торуня). Здесь их теснили сначала готы, потом гепиды. Последнее и отмечено Иорданом, который привел также имя короля гепидов Фастиды (Get, § 97). По Иордану, Фастида почти уничтожил бургундов («pene usque ad internicionem delevit»). Однако это свидетельство, конечно, ошибочно, так как сам же Иордан сообщил, следуя Орозию (Oros., VII, 32, 10—12), что император Валентиниан незадолго до смерти (ум. в 375 г.) собирался воевать с саксами и бургундами, которые выставили против него на берегах Рейна более 80 тыс. воинов (Rom., § 309). В дальнейшем Иордан неоднократно упоминает бургундов, уже осевших в местах своего постоянного обитания, а именно в Лионской провинции, в бассейне Роны и Соны. Здесь бургунды стали соседями пришедших из Италии везеготов (Get., § 161); здесь же они вступили в число союзников Аэция перед Каталаунской битвой (§ 191). Впоследствии они были как союзниками, так и подданными везеготов (§§ 231, 238, 244). При описании пределов области свавов Иордан в общих чертах показал, что к западу от них были франки, к югу – бургунды, к северу – туринги, к востоку – байювары (baibari, baiovari, бавары), взяв для определения границ общеизвестные территории крупных племен (§ 280). Наконец, Иордан отметил, что Теодерих выдал замуж двух своих дочерей: одну за Алариха везеготского (485—507), другую за Сигизмунда бургундского (517—524) («aliam Sigismundo Burgundzonorum», – § 298).

Относительно племени бургундов в науке возник несколько запутанный вопрос: жили ли бургунды или какая-то их часть на берегах Азовского моря? Вопрос был вызван упоминанием о бургундах – Βουρούγουνδοι – в сочинении Агафия (Agath., V, 11)

и об уругундах – Ουρουγοωνδοι – у Зосима (Zos., I, 27, 1; 31, 1).

Плиний (Plin., IV, 99) и Птолемей (Ptol., II, 11, 18; III, 5, 20), называя бургундов (Burgodiones, Βουργοῦντες), имели в виду это племя еще в период его северных передвижений (около Одера и Вислы). Позднее называл бургундов (бургундиев) – уже на Рейне – Аммиан Марцеллин (Burgundii; Amm. Marc., XVII, 2, 5; XXVIII, 5, 9), говоря о пограничных камнях между землями аламаннов и бургундов, о вражде между теми и другими из-за соляных варниц (salinae), о том, как император Валентиниан хотел натравить бургундов на аламаннов, о том, что бургунды были очень воинственны и их боялись все соседние племена. Орозий, сообщениями которого пользовался Иордан, рассказал о военных планах Валентиниана в отношении саксов и бургундов (Burgundiones, – Oros., VII, 32, 10—12). Прокопий равным образом имел в виду бургундов-германцев, говоря об их расселении к югу от турингов, где бургунды (Βουργουζίωνες; Bell. Goth., I, 12, 11) жили издревле, το ανέκαθεν, и представляли вместе со свавами и аламаннами крупную силу, ισχυρα έθνη. Наоборот, Зосим и Агафий ведут речь о южных, причерноморских племенах. Однако, если у Зосима «уругунды» сочетаются с готами (а также с карпами и боранами) в рассказе о морских набегах этих племен на прибрежные владения империи, то у Агафия совершенно ясно сказано, что «буругунды» принадлежат к общему «роду гуннов», который с древности жил на восточном побережье Мэотиды и распространялся к северу от Танаиса (οι Ουννοι το γένος, το μεν παλαιαν κατωκουν της Μαιώτιδος λίμνης τα προς απηλιώτην άνεμον και ησαν τοῦ Τανάϊδος ποταμοῦ αρκτικώτεροι, – Agath., V, 11). Далее Агафий перечисляет отдельные, явно гуннские, племена, носящие разные названия «соответственно родам» – κατα γένη. Это известные по Прокопию утигуры и кутригуры (Ουτίγουροι, Κουτρίγουροι, – Bell. Goth., IV, 4, 8; 5, 1—4); это названные Иорданом ультзинзуры (Ultzinzures, – Get., § 272; у Агафия – Ουλτίζουροι). К ним-то и причислил Агафий то племя, название которого (может быть, автором, а может быть, и переписчиком его труда) снабжено начальным В, что особенно и побуждало рассматривать это (по всей видимости, гуннское) племя как германское, как бургундов. Нельзя не отметить, что непосредственно после упоминания о различных (гуннских) племенах Агафий приводит известную легенду об олене, указавшем путь через Киммерийский Боспор именно гуннам (ср. примеры из источников, собранные в прим. 379).

Едва ли можно согласиться с Л. Шмидтом, предполагавшим неточность у Агафия, который будто бы «ошибочно принял германское племя припонтийских бургундов за гуннское племя»

(L. Schmidt, S. 131); вряд ли можно признать существование «понтийских бургундов» – германцев. Гораздо более вероятно, что «бургунды» Агафия были гуннами и что бургунды-германцы не заходили к Азовскому морю (тем более к его восточным берегам). Ввиду этого добавим следующее соображение: в сочинении Агафия наряду с только что упомянутыми «бургундами» на Мэотиде (Agath., V, 11) называются еще «бургудзионы» (Βουργουζίωνες), – (Ibid., I, 3); о них-то автор определенно говорит как о готах. Он рассказывает, что франкский король Хлодомер, сын Хлодвига, пошел войной на бургундов («бургудзионов») – «готское племя»: κατα Βουργουζίωνων... γένος δε τοΰτο Γοτθικόν – и был ими убит (недалеко от города Вьенны, в Бургундии). Об этом же пишет Григорий Турский (которому, конечно, нет надобности определять германское происхождение бургундов), называя противников Хлодомера «бургундионами», «Burgundiones» (Greg. Turon. Hist. Franc., III, 6).

Следовательно, Агафий в своем труде говорит о двух разных племенах: в одном месте он называет «бургундов» в числе гуннских племен у Мэотиды, в другом месте упоминает «бургудзионов» как «готское племя», участвовавшее в войне с франками. Интересно отметить разницу в наименовании этих двух племен у Агафия и некоторое сходство названия, которое он дает бургундам-германцам, с названием, которое дано у франкского историка.

315

Время правления короля Остроготы относится предположительно к первой половине III в. Моммсен во введении к изданию «Getica» указывает 218—250 гг. В монографии Дикулеску (C. C Diculescu, Die Gepiden, S. 21 ff.) указан, хотя и без основания, 248-й год, как год столкновения между гепидами и бургундами, что предшествовало войне между гепидами и готами. (Ср. предыдущее примечание.)

316

Ср. прим. 313. В данном случае Иордан употребляет понятие «populus» как нечто, превышающее понятие «gens»; «utrique eiusdem gentes populi»: gentes – остроготы и везеготы – составляли один populus. Таким образом, в терминологии Иордана временами наблюдается такой ряд: наименьший коллектив – это natio; соединение nationes дает gens, несколько gentes составляют populus.

317

Гальтис (oppidum Galtis) – предположительно селение Гальт (Galt) на верхнем течении реки Олта в южной части Семиградья. Название города Гальтис встречается только у Иордана. Интересно отметить, что между Гальтом и противоположным берегом Олта был римский мост. Путь готов, двигавшихся с севера и сражавшихся с гепидами в Семиградье, неясен.

318

Река Ауха (fluvius Auha) определяется у Иордана городом Гальтис, возле которого она протекала («iuxta quod currit fluvius Auha»). Если Гальтис соответствует селению Гальт, то Ауха – Олт. Название Ауха, быть может близко древневерхненемецкому слову Аа и его разновидностям: Aha, Aach, Ache, что значит «вода», «река» (подобно тому как кельтское alp значит «гора», «вершина»). Словом Аа, Aha и т. п. назывались и называются многие речки и ручьи в Германии, на Балтийском побережье, в Швейцарии. В Голландии насчитывается свыше четырех десятков речек с таким названием. В первоначальном значении проточной, текучей воды это старое слово (быть может, связанное с латинским aqua) до сих пор употребляется в Ганновере, Шлезвиг-Гольштейне, Ольденбурге. Живет оно и в современном немецком языке: die Au или die Aue, в значении долины или луга вдоль реки (в этом смысле оно звучит в старом названии плодородных земель, полосой тянущихся вдоль реки Хельмы в Тюрингии, южнее Гарца, и называемых «Goldene Aue»). В средневековом латинском языке Аа древневерхненемецкого языка передавалось словом aqua; так, например, город Aachen назывался по-латыни Aquae или Aquisgranum. Встречается слово Аа как название реки и в более восточных частях Европы. В Рижский залив, южнее и севернее устья Даугавы, впадают две реки, именуемые «Аа» (Гауя). Таким образом, это слово является общим, ныне почти забытым в своем основном смысле («вода», «река») термином для обозначения любого водного потока. Не в этом ли смысле отметил Иордан название реки «Ауха»? Эта река могла иметь, кроме того, особое собственное имя. (Ср. прим. 307 о реке «Потам».)

319

Правление Книвы предположительно относится к 251—283 гг.

320

Слова «разделив войско на две части» означают, что разделено было не войско, а племя, часто называемое именно этим словом, в смысле совокупности боеспособных мужчин, вслед за которыми двигались старики, женщины, дети, а также имущество.

321

Евсция (Euscia) или Новы (Novae), нын. Свиштов * [* Новы – совр. Стъклен ок. Свиштова, а не сам Свиштов (по рец. В. Велкова в «Исторически Преглед», № 5, 1961, стр. 108).] – город в Нижней Мезии на правом берегу Дуная, ниже впадения в него р. Олта.

322

Галл был военачальником при императоре Деции, а после гибели Деция (в 251 г. в сражении с готами) стал императором (251—253).

323

Никополь (Nicopolis) – название многих городов, основанных в память какой-либо победы. В данном случае имеется в виду древний Никополь (в Нижней Мезии) на берегу р. Россицы, впадающей в Янтру, правый приток Дуная, у подножия северных склонов горной цепи Гема (Балкан). Аммиан Марцеллин записал об этом Никополе: «город, который – как знак победы над даками – основал император Траян» (Amm. Marc., XXXI, 5, 16). Кроме древнего Никополя (на Янтре), был Никополь средневековый, основанный императором Ираклием (610—641) на правом берегу Дуная, на месте древней Секуриски, несколько ниже впадения в Дунай рек Олта – слева и Осмы – справа.

324

Река Ятр (Iaterus) – нын. река Янтра, правый приток Дуная; впадает в него несколько ниже города Свиштова.

325

Траян (98—117) вел войны с даками в 101—105 и в 105—107 гг. и присоединил к Римской империи провинцию Дакию, которую обычно называют Траяновой Дакией в отличие от возникших позднее двух Даций на правом берегу Дуная (ср. прим. 241 о Дакии).

326

Император Деций (249—251).

327

Горный хребет Гем (Haemus, у Иордана Hemus и Emus) с окружающими областями иногда назывался Гемимонтом (Haemimontium, у Иордана Emimontium). Ср. прим. 672.

328

Филиппополь (нын. Пловдив) – город во Фракии, на верхнем течении р. Гебра (нын. Марица). Иордан дважды (Rom., §§ 221 и 283) сообщил, что Филиппополь в древности назывался Пульпудева. Это название упомянуто только Иорданом; Аммиан Марцеллин записал, что Филиппополь назывался Евмольпиадой (Amm. Marc., XXII, 2, 2; XXVI, 10, 4; XXVII, 4, 12).

329

Берея (Beroea, у Иордана Beroa, нын. Стара-Загора) – город во Фракии, у южных склонов Балкан, к северо-востоку от Филиппополя (нын. Пловдив). Другая, более известная, Берея (Berrhoea, у Иордана Bereu, нын. Верия или Веррия) – в Македонии. Ср. прим. 732.

330

Альпы названы здесь в значении гор, в данном случае применительно к Балканам. Война между императором Децием и готским вождем Книвою развертывалась, по Иордану, следующим образом: Книва появился около города Новы на правом берегу Дуная, затем продвинулся к городу Никополю на р. Россице, притоке Янтры. Избегая встречи с Децием, он отошел еще более к югу, перешел Балканы, спустился в долину Марицы и приблизился к Филиппополю. Вслед за ним Деций также перешел Балканы и оказался, как и его противник, в пределах Фракии. Однако он двинулся несколько восточнее и стал у южного склона Балкан близ города Береи (нын. Стара-Загора). Здесь и напал на него Книва с готами и разбил императорское войско. Деций отступил обратно в Мезию, опять перейдя Балканы («Альпы»).

331

У Иордана Uscus то же, что Oescus – река в Нижней Мезии (нын. Искыр), правый приток Дуная, впадающий в него выше Олта. Кроме того был римский город Oescus при устье р. Искыр, ок. сел, Гиген.

332

Абритт (нын. г. Разград) – город в Нижней Мезии, находился, по-видимому, в районе Никополя близ Янтры и Нов (Novae) на Дунае.

333

По мнению Орозия, правление императоров Требониана Галла (251– 253) и сына его Волузиана (252—253) не ознаменовалось ничем, кроме страшной эпидемии чумы (Oros., VII, 21, 5—6). По словам автора, чума («pestis»), распространившаяся по империи, не пощадила «почти ни одной римской провинции, ни одного города, ни одного дома», – все было заражено и опустошено повсеместной общей болезнью («generali pestilentia»). Иордан (Get., § 106) не согласен с отрицательной оценкой правления Галла и Волузиана.

Здесь Иордан сделал несомненно самостоятельную вставку о чуме («pestilens morbus»), которая свирепствовала за девять лет до написания им «Getica» и которую, по-видимому, он сам наблюдал. Не был ли он тогда, в 542 г., в Константинополе? Чума (λοιμός) начала 40-х годов VI в. ярко и подробно засвидетельствована Прокопием, очевидцем эпидемии в Константинополе. Она началась в Египте, перекинулась в Палестину и на второй год после этого, не утихая, поразила столицу империи, где продолжалась с особенной силой в течение четырех месяцев (Bell. Pers., II, 22—23). Дату – 542 г. – указал Евагрий (Evagr. Hist. eccl., VI, 29: περι τοῦ λοιμικοῦ πάθους). Об этой же эпидемии чумы писал сирийский историк Иоанн Эфесский в «Истории» (см. прим. 348). Обстоятельное описание чумы в 359 г., во время осады Амиды персами, дал Аммиан Марцеллин, бывший, как и Прокопий, очевидцем эпидемии (Amm. Marc., XIX, 4, 1—8).

335

Дионисий, епископ александрийский (ум. в 265 г.) Судя по тому, что те же указания на записи Дионисия и Киприана («De mortalitate») сделаны Иеронимом (под 269 г.), надо думать, что Иордан вообще пользовался его хроникой.

336

Киприан, епископ карфагенский, был казнен в 258 г. во время преследований христиан при императоре Валериане; один из популярнейших писателей своего времени, оставивший много сочинений.

337

Эмилиан (Emilianus) – Марк Эмилий Эмилиан, провозглашенный императором (в 253 г.) войсками в провинции Мезии. Спустя несколько месяцев на него двинулся император Валериан, и Эмилиан был убит своими солдатами.

338

Император Галлиен (254—268).

Только у Иордана приведены имена трех готских предводителей – Респы, Ведука и Тарвара (или Турвара), возглавлявших пиратские набеги готов на малоазийские города. К III в. в готской среде уже выделилась племенная аристократия – знатные роды, представители которых становились вождями племени как в набегах на земли империи, так и в межплеменных войнах. 50-е и 60-е годы III в. были порой морских грабительских походов, в которые готы отправлялись из разных пунктов на побережье Северного Причерноморья. У Зосима (Zos., I, 31) есть интересное сообщение о том, что бораны (по-видимому, примэотийское племя, негерманцы; ср. L. Schmidt, S. 210, 212) для переправы к Пицунде и к Трапезунду взяли корабли у жителей Боспора (примерно в 256 г.) Готы отплывали с более западных берегов, вероятно, от устьев Днепра и Буга, Днестра и Дуная. В 257—258 гг. ими было совершено крупное нападение на города Вифинии (Zos., I, 34—35). Тогда были разграблены Халкедон (о его развалинах упоминает Иордан в § 107), Никомедия, Никея, Кий (турецкий Гемлик), Апамея (турецкая Муданья), Пруса. Поход под предводительством Респы, Ведука и Турвара относится к 262 г. Готы переправились через Геллеспонт и дошли до Эфеса, в котором не пощадили знаменитого храма Артемиды. Вслед за этим был совершен поход вглубь Малой Азии: готы проникли в Каппадокию (в 264 г.), откуда, как предполагается, они вывели вместе с другими пленниками деда епископа Вульфилы.

Морские походы готов совершались и к западу, достигая Греции, где нападениям подвергались Коринф, Спарта, Аргос и даже Афины: Των δε Σκυθων την ‘Ελλάδα κάκιστα διαθέντων και τας ’Αθήνας αυτας εκπολιορκησάντων (Zos., I, 39). Во время осады Афин проявил себя патриотом и организатором защиты города историк Дексипп (Dexipp., fr. 28; прим. 359). Готы побывали у берегов Афона, на островах Крите, Родосе, Кипре и других, пробовали захватить Фессалонику, причем применяли осадные машины (μηχανας δε τοῖς τείχεσι προσαγαγόντες, – Zos., I, 43). По Орозию (Oros., VII, 22, 7), Греция, Македония, Понт, Азия были разрушены наводнявшими их готами («Gothorum inundatione»). Численность готских кораблей указана, например, Аммианом Марцеллином; он пишет, что толпы скифских племен прорвались через Босфор и прошли мимо берегов Пропонтиды на двух тысячах кораблей («duobus navium milibus», Amm. Marc., XXXI, 5, 15). И Аммиан, и Зосим называли нередко готов скифами («Scythicarum gentium catervae», Σκύθαι... εκ παντος έθνους και

γένους εις έν συνελθόντες), что было, как правило, понятно читателю. Впрочем, Дексипп объяснил: Σκύθοι... οι λεγόμενοι Γοτθοι (Dexipp., fr. 16 ὗ).

Недавно было высказано мнение, что организаторами морских походов в III в. были не готы, а бораны (А. М. Ременников, Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в., стр. 90 – 91). Автор, подобно предыдущим исследователям (см., например, L. Schmidt, S. 210), считает, что бораны были негерманским племенем, и определяет их как племя «...скифо-сармато-аланское или славянское». По поводу имен, приводимых Иорданом в § 107 (Respa, Veduc, Tharvar), А. М. Ременников высказывает мнение, что они славянские («среди их вождей встречаются иногда чисто славянские имена»). Присоединяясь к предположению, что племя боранов играло выдающуюся роль в морских походах середины III в. и что оно не было германским, нельзя не подчеркнуть следующего: Зосим, трижды назвавший боранов в кн. I своего сочинения (Zos., I, 27, 1; 31, 1; 34, 1), соединяет их с готами, уругундами и карпами и указывает, что все эти племена обитают близ Истра. О более ранних местах расселения боранов и связанных с ними племен можно, вероятно, судить по записи Зонары, который сохранил сообщения исчезнувшей части труда Диона Кассия. У Зонары сказано, что часть скифских племен приблизилась к Боспору, перешла Мэотиду и оказалась у Евксинского Понта (Zonar., 12, 21; ср. L. Schmidt, S. 210, Amn. 2). Л. Шмидт допускает, что эти скифы и включали в свой состав некоторые из племен, названных Зосимом, например боранов, бравших суда у боспорцев и плававших вдоль восточного побережья Черного моря (к Питиунту, к Трапезунду). Надо признать, что в морских грабительских набегах, описанных Зосимом, играли значительную роль не только бораны, но и готы. Весьма вероятно, что многие из подобных морских походов совершались отрядами, которые собирались из разных, живших по соседству друг от друга племен; предводителями отрядов являлись представители наиболее сильного племени. Однако трудно по имеющимся материалам источников допустить, что совместно с боранами и готами отправлялись в III в. в морские экспедиции и славяне.

340

Римская провинция Азия распространялась на западную половину полуострова Малой Азии. По новому делению государственной территории, произведенному при императоре Константине, провинция Азия стала Азийским диоцезом (diocesis Asiana). В V в. «Азией» называлась лишь узкая западная прибрежная полоса Малой Азии с островами.

341

Эфес – главный город провинции Азии.

342

Об основании эфесского храма Дианы амазонками Иордан рассказывает в § 51.

343

Халкедон (Chalcedona) – город в Вифинии, против Константинополя, у южной оконечности Босфора. При императоре Валериане (253—259) Халкедон подвергся нападению готов с моря.

344

Корнелий Абит (Cornelius Abitus) – по-видимому, префект провинции Азии. Его имя известно лишь по Иордану.

345

Так мог сказать очевидец событий.

Иордан воспринимает Трою и Илион как разные города.

Агамемнонова война, т. е. Троянская война.

Удивительно, что Иордан путает два Анхиала: а) фракийский (нын. Поморие), на западном побережье Черного моря, на северной дуге Бургасского залива, и б) киликийский, на южном побережье Малой Азии, близ города Тарса. Относительно киликийского Анхиала Страбон (Geogr., XIV, 672) передал легенду об основании его ассирийским царем Сарданапалом, что, конечно, не имеет никакого отношения к Анхиалу фракийскому. Готы, по рассказу Иордана, разоряли Анхиал на Черном море, расположенный «у подножия Гемимонта» («ad radices Emimontis»), «близкий к морю» («mari vicinam»). Об этом Анхиале, совершенно точно определяя его, упомянул трижды Аммиан Марцеллин. Он сообщил, что по фракийскому побережью («litora Thraciarum») лежат города Истр, Томы, Аполлония, Анхиал, Одисс (Amm. Marc., XXII, 8, 43), в другом месте он указал, что во Фракии есть крупные города (amplae civitates): Филиппополь – древняя Евмолпиада и Берея, а в Гемимонте большие города (magnae civitates): Адрианополь, который прежде назывался Ускудама, и Анхиал (Ibid., XXVII, 4, 12). Попутно отметим, что только у Иордана сообщается еще об одном названии Филиппополя – Пульпудева (Pulpudeva, – Rom., §§ 221, 283). В третьем месте Аммиан Марцеллин записал, что готы, победив императора Деция (в 251 г.), убили его и его сына и захватили город Анхиал, а также основанный императором Траяном Никополь (Amm. Marc., XXXI, 5, 16). Ко второй половине VI в. относятся сведения об Анхиале, записанные в «Истории» сирийского автора Иоанна Эфесского (ум. в 586 г.), но эта часть его труда (а именно конец книги VI из части III) не сохранилась и известна только по оглавлению, в котором и упоминалось об Анхиале: «Сорок девятая [глава] об опустошении города Анхиалоса и о его термах» (см.: Н. В. Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР, стр. 118). Однако рассказ об Анхиале, о его теплых источниках и о разорении города (в 585 г.) склавенами сохранился в «Хронике» Михаила Сирийца, составившего в середине XII в. свой труд на основе труда Иоанна Эфесского (там же, стр. 103– 104). Позднее Иордана и Иоанна Эфесского об Анхиале несколько раз упомянул Феофилакт Симокатта (Theophyl. Sim., I, 4, 7 – о пребывании аварского кагана в Анхиале; 1, 4, 5 – о теплых источниках в Анхиале; VI, 5, 2 – о храме Александра-мученика в Анхиале) в связи с войной между Византией и аварами.

12 миль, т. е. 12 тысяч римских шагов (passus). (Ср. прим. 3, 4, 31, 101, 433.)

350

Император Максимиан Геркулий был соправителем Диоклетиана с 286 г. по год отречения их обоих от престола (305).

351

Максимин – правильнее Галерий Валерий Максимиан – был цезарем при императорах (августах) Диоклетиане и Максимиане Геркулии с 293 по 305 г. и августом в 305—311 гг. (Ср. прим. 303.)

352

Нарсей, Нарсес (Narseus) – персидский царь (293—302) из династии Сасанидов, сын (а не внук, как пишет Иордан) Шапура I (241—272). В 296 г. Нарсес напал на Армению, защищать которую Диоклетиан поручил цезарю Галерию (по Иордану, «Максимину»). Сначала война была тяжела для римского войска, и Нарсес выиграл одно серьезное сражение, но в 298 г. Галерий разбил войска Нарсеса, захватил его жен, детей и царские сокровища. Большая часть южной Армении была закреплена за Римом.

353

Диоклетиан в начале своего правления (284—305) боролся с узурпатором Ахиллом, который был провозглашен императором в Александрии под именем Люция Домиция Домициана в 296 г. Диоклетиан взял Александрию в 297 г. и уничтожил Ахилла.

Квинквегентанеями (Quinquegentanei или Quinquegentanae nationes) назывались племена, входившие в объединение пяти (quinque) северно-африканских («мавретанских») племен (gentes). Иначе их же называли Pentapolitani, т. е. жители области Пентаполя, Пятиградия. Эти племена, обитавшие в римской провинции Киренаике или в Ливии Пентаполитанской (Libya Pentapolis), к западу от пределов Египта, вокруг пяти городов: Береники, Арсинои, Птолемаиды, Кирены и Аполлонии-Созусы, неоднократно поднимали восстания против римского владычества. Одним из таких восстаний было движение местных племен в Нумидии в 260 г. Иордан упоминает о значительном восстании квинквегентанеев в 297—298 гг., которое усмирил император Максимиан, переправивший войска в Северную Африку из Испании. Следует отметить, что источник Иордана – Орозий (VII, 25) – сообщает как об опасностях, грозивших империи со всех сторон в конце III в. (в Александрии – от узурпатора Ахилла, в Африке – от восстания квинквегентанеев, на Востоке – от персидского царя Нарсеса), так и о ликвидации этих опасностей Диоклетианом, Галерием и Максимианом.

355

Лициний (император Licinianus Licinius) – соправитель сначала Галерия (с 308 по 311 г.), затем Константина (с 311 по 324 г.). С последним Лициний был в родстве: сестра Константина была женой Лициния. Вражда между августами Лицинием и Константином длилась многие годы и имела острый характер. Иордан коснулся лишь последнего ее эпизода, связанного с ролью готов в римском войске. После того как Лициний был разбит Константином под Адрианополем, он отступил сначала в Византий, затем, перейдя Босфор, – в Халкедон; снова был разбит при Хризополе и бежал в Никомидию. После осады города Никомидии Константин взял в плен Лициния, сохранил ему жизнь по просьбе своей сестры и отослал его в Фессалонику. Иордан, говоря, что в борьбе с Лицинием Константину помогали отряды готов, сообщает, что они «победили» Лициния и «заперли» его в Фессалонике, а затем убили. По другим источникам, Лициний вошел в переговоры с готами, чтобы, опираясь на их силы, снова получить власть, но замысел его был открыт, и Лициний был казнен в Фессалонике в 325 г.

356

Готские предводители (reges) Ариарих (Ariaricus) и Аорих (Aoricus) – называемые только Иорданом – вместе со своими отрядами служили федератами в войсках императора Константина; имеется предположение, что имя одного из упомянутых королей восстанавливается в надписи 320 г., возвещающей о победе Константина над готами на Дунае: «[cum rege Aria] rico victis superatisque Gothis».

357

Так как непосредственно перед этим Иордан говорит о федератах, которыми в основном были везеготы, то их вожди и являлись древнейшими представителями рода Балтов, правившего везеготами: сначала – Ариарих и Аорих, а затем исторически более отчетливые лица – от Нидады до его правнука Геберихa. В данном месте автор не упоминает Балтов, которых он называл в § 42, говоря об Амалах и Балтах как вождях остроготов и везеготов, и в § 146, говоря о втором по доблести и блеску месте Балтов после Амалов и о значении слова «балт» – дерзкий, отважный (audax); здесь же он перечисляет имена первых Балтов III—IV вв.: Нидаду, Овиду (не есть ли это король Книва, противник императора Деция, описанный Иорданом в §§ 101—103?), Гильдерита (или Гильдериха) и Геберихa. Последний был представителем уже прославившего себя рода, так как Иордан пишет, что его, Геберихa, подвиги соответствовали «славе его рода».

358

Король вандалов Визимар, упоминаемый только Иорданом, погиб в битве с готами на реке Маризии (нын. Марош) незадолго до смерти Константина I, т. е. до мая 337 г. Визимар принадлежал к роду Асдингов, из которого происходили все вандальские короли, вплоть до последнего из них, Гелимера, свергнутого с престола в сентябре 533 г. Имя Визимара – первое определенное имя короля династии Асдингов. Подробно рассматриваются сведения о всех представителях Асдингов в приложении к книге Хр. Куртуа (Chr. Courtois, Les Vandales et l'Afrique, Paris, 1955, p. 390—404).

359

Дексипп (Deuxippus storicus, Δεξίιππος) – писатель III в., патриот Афин, организовавший в 267 г. защиту своего города от нападения на него варваров (герулов). Его сочинения дошли до нас только в выписках Фотия (IX в.) и Константина Порфирородного (X в.) Для истории Восточной Европы интересны отрывки из трудов Дексиппа, объединенные названием Σκυθικα; они содержат в себе сведения о варварах, о войнах и союзах с ними. Иордан включил сообщения Дексиппа о вандалах в свой текст, но в выписках Фотия упомянуто лишь о заключении союза между императором Аврелианом (270—275) и вандалами, по которому вандалы предоставили Аврелиану двухтысячную конницу – вспомогательное войско (συμμαχία), а весь «остальной народ» (ο δε λοιπος Βανδηλων ομιλος – букв. «полчище», «толпа») отправился в свои земли за Истр. Сведения о короле вандалов Визимаре и о продвижении вандалов в течение одного года с берегов «Океана» (от Балтийского моря) к границам империи имеются (возможно, и заимствованные у Дексиппа) только в передаче Иордана.

Этот ряд рек дунайского бассейна или бассейна Тиссы может быть отождествлен лишь отчасти, а именно: названия Милиаре (Miliare) и Гильпиль (Gilpil) неясны и встречаются по одному разу только у Иордана; Маризия соответствует реке Марошу (левый приток Тиссы), а Гризия – реке Керешу (также левый приток Тиссы). В записи Константина Порфирородного (De adm. imp., 40) относительно рек Туркии, т. е. Венгрии, также названы реки: «первая река – Τιμήσις (Темеш), вторая – Τουτης (?), третья – Μορήσης (Marisia, Марош), четвертая – Κρίσος (Crisia, Кереш), и еще одна река – Τίτζα (Тисса)».

361

Иордан неоднократно, с подробными указаниями границ, останавливается на области, где в его время жили гепиды («ubi nunc Gepidas sedent»). В данном случае (§ 114) он упоминает эту область, чтобы определить, где именно остановились вандалы, дойдя в своем продвижении с севера на юг до обычного предела варваров – Дуная: с востока от них был «гот», с запада – «маркоманн», с севера – «гермундол», с юга – река Данубий. Эту территорию, как отметил автор, орошали четыре реки, из которых ясны Марош и Кереш.

362

Здесь имеется в виду Константин Великий (306—337). Переселение вандалов в Паннонию якобы по разрешению этого императора (так у одного только Иордана) подвергается сомнению рядом ученых (см. об этом: Chr. Courtois, Les Vandales et l'Afrique, p. 34—35). Однако нельзя не обратить внимания на то, что в связи с переходом вандалов в Паннонию Иордан говорит лишь об очень небольшом их количестве («perpauci Vandali»), а не о целом переселившемся на новую территорию племени. О пребывании вандалов между Тиссой и Дунаем в IV в. свидетельствуют определенные археологические данные: о пребывании же вандалов в Паннонии археологических данных нет. Это подчеркнул в своем крупном исследовании Куртуа (Ibid., p. 35), причем на приложенной им карте («Les Vandales en Europe jusqu'en 406», – Ibid., p. 30) он не провел линию пути вандалов, – когда они вместе с аланами двинулись вверх по левому берегу Дуная к Рейну через Паннонию, – считая, что в Паннонии вандалы не оседали и что свидетельство Иордана (Get., § 115) ошибочно.

363

Магистр армии (magister militum; в данном случае употребляется в отношении Стилихона, о котором см. прим. 449) – высшая военная должность в поздней империи. По реформе императора Константина (306—337) произведено было разделение гражданских и военных должностей. Соответственно четырем частям империи во главе гражданского управления стали четыре префекта претория («praefectus praetorio»), а военное дело было сосредоточено в ведении магистров армии: магистра конницы («magister equitum») и магистра пехоты («magister peditum»). Иногда командование обоими родами войск объединялось в руках одного лица – магистра обеих милиций («magister utriusque militiae»). Сохраняя принцип сосредоточения военных полномочий в руках крупнейших военных чинов империи, не касавшихся никаких гражданских функций, император Феодосий I (379—395) установил одно общее звание: «магистр армии» («magister militum»). Магистры армии – их в империи могло быть несколько – ведали войсками и охраной границ крупных территорий. Таковы были магистр армии «по Востоку» («per Orientem»; им был во время персидских войн Юстиниана его лучший полководец Велисарий; см. § 171), магистр армии «по Фракиям» («per Thracias»), магистр армии «по Иллирику» («per Illyricum», – например, Савиниан; см. § 300). В поздней империи, когда преобладающую часть войск составляли варвары, входившие либо в императорскую армию («milites romani»), либо во вспомогательные отряды («auxiliarii, auxilium ferentes», συμμαχία) «федератов», магистрами армии часто бывали лица варварского происхождения. Таковы Гайна, Аларих, Стилихон, Рикимер, Аспар, Теодерих, сын Триария, Теодерих Амал и др. Из лиц неварварского происхождения, имевших звание магистра армии, Иордан называет Аэция, Ореста и, конечно, Велисария. Особо упомянут (§ 266) как магистр армии Гунтигис (племянник Кандака по матери, Амал по отцу), при котором Иордан состоял нотарием.

Иордан кратко упоминает (здесь, в § 115, и ниже, в § 162) о крупном событии в истории так называемого переселения народов, а именно: о переходе через Рейн и вторжении в Галлию ряда племен, из которых многочисленны и заметны были отмечаемые разными источниками вандалы, аланы и свавы (или свевы). Эти три названия племен приводятся в сочинениях Проспера Аквитанского, Зосима, Созомена, Кассиодора, Прокопия, Исидора Севильского и др. Орозий засвидетельствовал, что вместе с этими племенами шли «и многие другие» (Oros., VII, 40, 3; VII, 38, 3, – упомянуты еще бургундионы). Замечательно, что дата (вернее, начальная дата, первый день) перехода через Рейн устанавливается по современным событию источникам. Переправа произошла (или началась) 31 декабря 406 г. Если один из известнейших авторов начала V в., Орозий, вообще не очень точный в хронологии, не дает этого числа, а говорит, что варвары пересекли Рейн года за два до взятия Рима Аларихом, то у Проспера Аквитанского (ум. в 60-х годах V в.) и у его «Копенгагенского» продолжателя («Prosperi continuator Havniensis», названного так по месту хранения единственной рукописи) сведения гораздо полнее. У них отчетливо указан канун январских календ или II январские календы, т. е. 31 декабря, и, кроме того, названо консульство императора Аркадия (его шестое консульство) совместно с Аницием Петронием Пробом, падающее на 406 год (Prosp. Aquit. Chron., p. 465; Prosp. Havn. cont, p. 299). В «Новой истории» Зосима (Zos., VI, 3, 1) равным образом упоминаются эти консулы, т. е. фиксируется 406 год. Кассиодор (Cass. Chron., p. 154) отмечает год и консулов, а Исидор Севильский в «Истории готов, вандалов, свевов» (Isid. Hist., p. 295) дословно приводит данные Орозия.

Переход вандалов, аланов и свавов через Рейн совершился на определенном отрезке реки. Источники называют два пункта: Майнц и Вормс. Вероятнее же, что люди переправлялись во многих местах и, вступив на левый берег, подвергли разорению оба города, от которых двинулись далее на запад к Триру, Метцу и Реймсу, на юг к Страсбургу. О разрушении Майнца и Вормса упомянул Иероним (Hieron. Epist., 123, 15, 3), Майнца и Трира – Сальвиан (Salv. De gub. Dei. VI, 39). Естественно предположить, что толпы двигались по льду, хотя об этом обстоятельстве не говорит ни один из источников. С подробной аргументацией вопрос о переходе вандалов и сопровождавших их племен через Рейн рассмотрен в книге Куртуа (цит. выше, в прим. 358).

Иордан повторяет вслед за многими предшественниками: Иеронимом (Hieron. Epist., 123, 16, 2), Орозием (Oros., VII, 38, 1—4), Рутилием Наматианским (Rutil., 11, 41—42), Марцеллином Комитом (Marcell. Comit., a. 408), что вандалы, аланы и свавы появились в Галлии, поддавшись уговорам Стилихона, магистра армии императора Гонория (Get., § 115; Rom., § 322). Слух об измене Стилихона пронесся, по-видимому, повсюду; Орозий пишет, что, «как передают многие» («sicut a plerisque traditur»), всемогущий полководец не ценил громадной власти, которой пользовался, замышлял посадить на престол своего сына Евхерия, поддерживал связь с Аларихом и готами, чтобы в нужный момент «истоптать и повергнуть в ужас империю» («ad terendam terrendamque rempublicam»), и, наконец, «возбудил» («suscitavit») к походу в Галлию варварские племена, «нестерпимые своей массой и силой» («copiis viribusque intolerabiles»). Эти подозрения, перешедшие в обвинение и объяснявшие многим причину казни (23 августа 408 г.) Стилихона, подкреплялись еще тем, что он был по происхождению вандалом (может быть, наполовину, так как Иероним называет его полуварваром, semibarbarus; см. Hieron. Epist., 123, 16, 2). Все же, по-видимому, Стилихон не призывал вандалов на территорию империи, как не призывал их впоследствии в Африку правитель ее Бонифаций (см. прим. 491).

Перешедшие Рейн племена рассеялись по Галлии, двинувшись в различных направлениях: к югу по Соне и Роне до Арля, к западу на Реймс и оттуда частично в сторону Амьена, Арраса и Турнэ, а главным образом – через Луару к Гаронне и к предгорьям Пиренеев. Иероним пишет, что, собственно, вся Галлия была разорена пришельцами: «Aquitaniae, Novemque populorum, Lugdunensis et Narbonnensis provinciae praeter paucas urbes cuncta populata sunt» (Epist., 123, 15, 3). Орозий констатирует распространение вандалов и их спутников по всем окружающим галльским провинциям, причем эти «gentes quae per Gallias vagabantur», «безумствовали», «неистовствовали» в населенной и достаточно богатой стране: «his per Gallias bacchantibus» (Oros., VII, 40, 3—4, 9). Современник событий, поэт Ориенций, выразил свое впечатление от нашествия такими словами: «одним костром дымилась вся Галлия» («Uno fumavit Gallia tota rogo», – Orient, Common., II, 184). Как известно, бедствия Галлии продолжались 33 месяца, после чего вандалы, аланы и свевы, хотя и не полностью, прошли осенью 409 г. через Пиренеи и вторглись в Испанию. Карта с ясным начертанием основных направлений движения вандалов, аланов и свевов по Галлии дана в книге Куртуа (Chr. Courtois, Les Vandales et l'Afrique, p. 46). Ср. прим. 362.

365

Германарих (ум. в 375 или в 376 г.) – король остроготов из рода Амалов, возглавивший значительный союз племен, который условно иногда называют «готской державой», «державой Германариха». В двух местах «Getica» (§§ 28, 82) Иордан ссылается на сведения, полученные им от Аблавия, историка готского племени («Ablavius, descriptor Gothorum gentis»), который записал, что готы прошли с севера на юг в крайние пределы Скифии, соседящие с Понтом, и осели в причерноморских областях («super limbum Ponti»). Здесь во второй половине IV в. выросло недолговечное государство Германариха. Оно, несомненно, охватывало обширные территории в Причерноморье и включало в свой состав разные этнические элементы, причем подчинение их Германариху было далеко не одинаковым и едва ли прочным. Го́тов было не много по сравнению с многочисленными племенами, обитавшими на припонтийских землях, и «готской» держава Германариха называется лишь по признаку правивших ею готских вождей. В своем стремлении подчеркнуть могущество Германариха Иордан, сведя воедино различные отрывочные сведения, приписал остроготскому королю покорение ряда племен, которые ввиду своей отдаленности никак не могли быть завоеваны Германарихом. Это – а) северные племена, такие, как чудь, весь, меря, мордва, б) многочисленные венеты, оказавшие сильное сопротивление (что отметил и Иордан), в) эстии, населявшие берега «Океана» (т. е. Балтийского моря). Некритическое отношение к тексту Иордана вызвало неправильное утверждение, что Германарих властвовал над областями между Черным и Балтийским морями и между Мэотидой и Карпатами.

У Иордана «majores» относится не к «предкам», а вообще к старшим, предшествующим писателям.

Иордан явно стремился подчеркнуть могущество Германариха, которого он выделяет как «благороднейшего из Амалов». Однако, чтобы точно и убедительно сообщить о его завоеваниях, Иордану не хватало сведений. Слишком краток и поверхностен его рассказ о Германарихе, который покорил ряд «северных племен» и этим якобы заставил сравнивать себя с Александром Македонским. Подозрительным кажется вклинившееся в латинский текст греческое слово «arctoi»; Иордан употребил его как прилагательное: arctoi gentes, хотя на самом деле здесь это – существительное жен. р. множ. ч. (αι άρκτοι – «северные медведи», переносно – «север»); оно указывает, что данное место откуда-то списано, но едва ли заимствовано у Кассиодора, отличавшегося своим отделанным стилем. Дальнейшее подкрепляет это предположение: Иордан приводит длинный список этнических названий, несомненно чуждых как его читателю, так и ему самому. Он, действительно, не делает ни малейшей попытки разъяснить их, а просто выписывает тринадцать слов в винительном падеже (часть из них, по-видимому, не склоняется): «Golthescytha Thiudos Inaunxis Vasinabroncas Merens Mordens Imniscaris Rogas Tadzans Athaul Navego Bubegenas Coldas». Среди названий: Thiudos «чудь», Vas «весь», Merens «меря», Mordens «мордва». Слово Inaunxis, будучи разделено (in Aunxis), свидетельствует о пребывании чуди на территории между Ладожским и Онежским озерами, на что указал Ф. А. Браун («Разыскания в области гото-славянских отношений», стр. 255, со ссылкой на Ю. Коскинена, К. Мюлленгоффа, В. Томашка и др.) Быть может, подобным же образом следовало бы разделить и другие непонятные слова в данном списке, начинающиеся на «in», а именно: Vas in Abroncas, Mordens in Niscaris, хотя объяснить такое местонахождение веси и мордвы затруднительно. Остальные названия в списке Иордана остаются неясными. Однако и четырех названий финских племен (относящихся к бассейнам Оки и Волги) достаточно, чтобы наметить линию торгового пути от Балтийского моря на восток – одного из «янтарных» путей, отходивших в разных направлениях от юго-восточных балтийских берегов. Вообще ряды этнических названий наводят на мысль об итинерариях, где области, по которым пролегал путь, нередко обозначались названиями населявших их племен. Так, например, разгадывая приводимые Иорданом названия племен Скандзы, исследователи высказали догадку, что они перечислены соответственно двум торговым

путям: восточному – по Висле, на Готланд и в Скандинавию по ее юго-восточным районам, и западному – по Рейну через Каттегат и в Скандинавию, вдоль ее западного побережья к северу (см.: L. Weibull, Skandza und ihre Völker in der Darstellung des Iordanes, S. 232—233, со Ссылкой на статью О. Фризена в сборнике в честь П. Перссона. Strena philologica upsaliensis..., Uppsala, 1922). То же можно предположить в отношении племен, указанных Иорданом в сообщении о завоеваниях Германариха.

Нагромождая этнические названия (по изданию Моммсена их 13, при топографическом толковании некоторых из них – их 10), автор, возможно, пользовался каким-нибудь дорожником, где отмечались как целые области, занятые разными племенами, так и отдельные станции и перекрестки, указывались остановки и перевалочные пункты, которые встречались на пути странствующих купцов или целых торговых караванов. Конечно, пользуясь краткими данными итинерария, Иордан не мог ничего сказать ни об одном из названных в нем племен. Механически приведенный перечень племенных наименований свидетельствует о направлении пути и о том, что в VI в., когда могли пользоваться тем дорожником, который служил источником Иордану, упоминаемые им чудь, весь, меря, мордва уже представляли собой определенные этнические группы.

368

Аларих (Halaricus) – предводитель герулов («gens Herulorum, quibus praeerat Halaricus»), или элуров, обитателей земель близ Мэотиды, покоренных, по Иордану, остроготским королем Германарихом в IV в. Неясно, почему Иордан приписывает предводителю этого племени широко известное германское имя Аларих. Возможно, что оно возникло в памяти писателя (если не появилось по ошибке переписчика) по ассоциации с названием герулов, которые участвовали в походах короля везеготов Алариха, взявшего в Рим в 410 г. В труде Иордана говорится о четырех разных Аларихах, которых не следует смешивать: 1) Аларих, вождь элуров, современник Германариха (§ 117); 2) Аларих, вождь свавов в середине V в. (§ 277); 3) Аларих, король везеготов, умерший в 410 г. после взятия им Рима (§§ 147, 156, 157, 173), и 4) Аларих II, король везеготов в южной Галлии, погибший в бою с франками в 507 г. (§ 297). О первых двух из перечисленных выше Аларихов сведения дает только Иордан.

369

Об Аблавии см. прим. 72.

το έλος, τα έλη – болото, поемные луга (лат. palus). От этого слова Иордан производит название племени, которое он несколькими строками выше определяет как «племя герулов» («gens Herulorum»), а затем, разъяснив слово «е1е» (έλη) как «местность стоячих вод», «заболоченные пространства» («loca stagnantia»), именует уже «элурами» («Eluri»). Кратко об элурах упоминается в этническом и географическом словаре Стефана Византийского (со ссылкой на XII книгу Дексиппа – III в. н. э.), писавшего, по-видимому, в V в.: «элуры – скифский народ» (Ἕλουροι Σκυθικον έθνος). В связи с этой краткой справкой примечательно свидетельство Аблавия. Иордан сообщает, что, по данным Аблавия, элуры жили близ Мэотиды, т. е. к востоку от остроготов. В другом месте (§ 23), уже не обращаясь к данным Аблавия, Иордан причисляет герулов (не элуров) к племенам, явившимся из Скандии, т. е. к готским племенам («Heruli... inter omnes Scandiae nationes»). Сведения Аблавия, знакомого с событиями и жизнью в Восточной Европе, наводят на мысль, что герулы-элуры не могли быть, как говорит Иордан, германским племенем, вышедшим из Скандии. Герулов-элуров Иордан противопоставляет готам Германариха; их быстрота и подвижность («velocitas eorum») – качества степняков-конников – должны были «уступить твердости и размерности готов» («Gothorum tamen stabilitate subiacuit et tarditati»). Из слов Иордана следует, что Германариху было нелегко покорить герулов-элуров: словами «Herulorum cedes» («побоище, поражение герулов») Иордан как бы показывает значительность победы. Нельзя не отметить здесь же, что к V в. относится ряд сведений о герулах, которые не имеют никакой связи с упомянутыми выше примэотийскими элурами и являются германским племенем. О герулах-германцах Иордан сообщает, что они: а) выступали в войсках Алариха; б) в войсках Одоакра (вместе со скирами и торкилингами); в) участвовали в междоусобных войнах после смерти Аттилы, сражаясь наряду с готами, ругами, свавами, гуннами, аланами.

Не совсем понятно, в чем выражалась «подвижность», «быстрота» элуров. Быть может, автор хотел отметить легкость передвижения кочевников с места на место или же подвижность каждого из них в отдельности (например, в бою) и всего племени в целом (например, при уходе, ускользании от врага).

372

При описании битвы, в которой племена выступали против гуннов после смерти Аттилы (Get., § 261), Иордан сообщает о «геруле с легким оружием». Трудно сказать, имел ли автор в виду представителя элуров или же германского племени герулов. Скорее – последнее.

Характеризуя готов, Иордан отмечает два их основных качества: «stabilitas» – твердость (в смысле устойчивости) и «tarditas» – размеренность (в смысле медлительности движений). И то и другое проявилось в бою. Иордан противопоставляет твердость и размеренность готов быстроте элуров, обнаружившейся именно в связи с военными действиями.

Геты (Getae) и готы (Gothi) в данном случае понимаются как синонимы (если позднейший переписчик рукописи не спутал букв о и е). Однако следует помнить, что Иордан, составляя свое сочинение во славу рода Амалов и племени готов (остроготов), искусственно «увеличивал» древность истории готов, относя именно к ним древнейшие события из истории гетов. Не существенно, был ли это прием Кассиодора – источника Иордана, или источника Кассиодора (а, быть может, также и Иордана) – Аблавия, но ясно, что в период написания «Getica» Иорданом такая тенденция была весьма важна и нужна для политики еще остававшихся в Италии остроготов.

Принимаясь за работу над историей готов, Иордан в предисловии – письме Касталию – уже называет их гетами. Опираясь, как он сам об этом сообщает (§ 58), на произведение (не дошедшее до нас) Диона Хризостома (конец I—начало II в. н. э.), «давшего своему труду заглавие „Getica“» («qui operi suo Getica titulum dedit»), Иордан употребляет – руководствуясь своей тенденцией – название геты в значении готы и дает этим понять, что оба имени относятся к одному племени. Он заявляет, что «доказал, что геты – это готы» («quos Getas... Gothos esse»). Доказательство же Иордана основывается на сообщении Диона Хризостома: бог войны Марс появился именно у гетов, и это засвидетельствовано Вергилием (Aen., III, 35), а готы, говорит Иордан, ублажали бога войны человеческими жертвами и почитали его, как родителя (§ 41). Обращаясь к другому источнику, Орозию, Иордан находит у него поддержку: «недавно [считались] гетами те, которые теперь (считаются] готами» (Oros., I, 16, 2: «modo autem Getae illi qui et nunc Gothi») В дальнейшем изложении Иордан вперемежку употребляет и то, и другое названия. Так, например (Get., § 62), когда геты с их царицей Томирой победили персов и захватили добычу, то готы впервые увидели шелковые шатры. Или (§ 94) в сообщении о том, каким образом геты и гепиды родственны друг другу, говорится, что гепиды еще при выходе со Скандзы были в составе готов, и отсюда несомненно, что они ведут свое происхождение от готов. Король Геберих (§ 116) был «Gothorum rex», а один из его преемников, Германарих, был «Getarum rex». Филимер, rex Gothorum (§ 121), правил гетами. То же самое в § 129 и в § 132. Наконец, в § 308 сказано, что Велисарий двинулся войной против готов (остроготов в Италии), но раньше, чем покорить народ гетов, он овладел Сицилией, где также сидели (в Сиракузах) готы.

Юстиниан и его полководец Велисарий за победы над готами получили почетные прозвания Гетских (§ 316), а сам Иордан закончил свое сочинение указанием, что он рассмотрел «происхождение гетов» («origo getarum») и историю «благородных Амалов», виднейшего правящего рода готов – остроготов (§ 315). Интересно, что в «Повести временных лет» под 862 годом варьируют формы готы и геты: Лаврентьевский список XIV в. – «Гъте»; Троицкий список XIV – XV вв. – «Гъте»; списки Радзивиловский и Московской духовной академии (оба XV в.) – «Иготе». (См. прим. 128 и 187.)

Чрезвычайно важное место в сочинении Иордана. Оно свидетельствует, что в его время имелись отчетливые сведения относительно венетов, антов и склавенов.

376

Общо и неубедительно утверждение Иордана, что Германариху подчинилось чуть ли не все население Восточной и Центральной Европы, «все племена Скифии и Германии». Ср. описание пределов Скифии у самого Иордана (Get., §§ 30—33) и прим. 84.

377

Слово «labores» в данном случае имеет значение «praedia» – «имущество», «достояние», «собственность».

378

Появление гуннов на Северном Кавказе и близ Дона на территории, занятой аланами, относится примерно к 360—370 гг.

Современник появления гуннов в Европе, Аммиан Марцеллин начинает свою главу о них (Amm. Marc., XXXI, 2, 1) предупреждением, что «в древних сочинениях („monumentis veteribus“) племя гуннов („Hunorum gens“) было известно слабо („leviter nota“)». Орозий, ни на кого не ссылаясь, сразу вводит гуннов в свой рассказ о судьбах готов в IV в. (Oros., VII, 33, 10). Иордан же указывает сначала на Орозия, потом на древнюю традицию («antiquitas»), донесшую до него легенды о гуннах (Get., § 121), а затем на записи Приска (Get, § 123). Аммиан, закончивший свое произведение на 378 г., и Орозий – на 417 г., пишут, что гунны обрушились на готов неожиданно; первый говорит о «внезапном натиске», «внезапной буре» («repentino impetu, subita procella», – Amm. Marc., XXXI, 3, 1—2) их нападения, второй – о «внезапной ярости» («repentina rabie»), которой они «воспламенились против готов» (Oros., VII, 33, 10). Слова «exarsit in Gothos» повторил за Орозием и Иордан. Эти авторы, таким образом, не касаются истории гуннов до их появления в Европе, не считая рассказа Иордана о происхождении гуннов от злых духов и ведьм (Get., § 121). Одиноким и едва ли истолкованным остается свидетельство о гуннах Птолемея (Ptol., III, 5, 10), который записал, что «между Бастернами и Роксоланами – Гунны» (Χοῦνοι или Χουνοῖ). Аммиан Марцеллин, конечно, без какого бы то ни было хронологического уточнения, сообщает, что гунны жили «по ту сторону Мэотийских болот у Ледовитого океана» («ultra paludes Maeoticas glacialem oceanum accolens», – Amm. Marc., XXXI, 2, 1). Орозий указывает, что гунны были «долго заключены в неприступных горах» («Gens Hunnorum diu inaccessis seclusa montibus», – Oros., VII, 33, 10). Это сообщение может быть воспринято как отзвук далеких событий, связанных с обитанием гуннов в горах Тянь-Шаня. Таковы смутные представления европейских авторов о местах, где расселялись гунны до своего вторжения на правобережье Танаиса.

Решать трудные вопросы о происхождении гуннов, образовании крупной гуннской орды к северу и к северо-западу от Китая и ранней истории гуннов в Восточной Азии помогают китайские летописи и археологические памятники. Еще в конце IV в. до н. э. китайцы приступили к постройке «Великой Китайской стены» для защиты своих северных границ от кочевников. А в конце III в. до н. э. там создалось объединение восточных гуннов – первая гуннская «империя» кочевников-скотоводов, подчинявшаяся тюркскому роду шаньюев. Хотя часть

гуннов и осталась в степях Монголии, в I в. н. э. началось движение гуннов на запад, в Среднюю Азию; затем они продвинулись на Нижнюю Волгу и во второй половине IV в. появились в южнорусских степях. О древнейшем периоде (до IV в. н. э.) истории гуннов и других дальневосточных и среднеазиатских племен существует значительная научная литература. Из новых работ советских ученых на эту тему можно назвать книгу С. В. Киселева («Древняя история Южной Сибири», М., 1949) и книгу А. Н. Бернштама («Очерк истории гуннов», Л., 1954). Несомненно, что натиск гуннов был настолько бурным и непредвиденным, а последствия его так грандиозны и тревожны, что внимание людей IV—VI вв. не останавливалось на «академическом» рассмотрении вопроса, откуда явилось грозное объединение племен, прославившее себя и своего знаменитого вождя Аттилу и за несколько лет прошедшее по Европе до ее западных пределов. Как в восточных, так и в западных владениях империи военные успехи гуннов производили потрясающее впечатление. Иероним, находясь в Палестине, писал в одном из писем (к Илиодору, от 396 г.), – в связи с движением гуннов, прорвавшихся через Дербент («Железные ворота» на побережье Каспийского моря) в Закавказье и посягавших на центр Сирии, Антиохию, – что «римское войско, победитель и владыка мира, теми побеждается, тех страшится, тех вида ужасается, которые не могут ступать и, лишь только коснутся земли, считают себя уже мертвыми». В этих словах отразилось смятение, охватившее солдат, не привыкших сражаться с бесчисленной конницей кочевников. Гунны приводили в трепет не только испытанную римскую пехоту, но и собратьев по образу жизни – других степняков-кочевников, составлявших крупный племенной союз под главенством аланов. Могущественный король готов Германарих, по словам Аммиана Марцеллина (Amm. Marc., XXXI, 3, 2), наложил на себя руки, видя, что готам не под силу сопротивление гуннам. Иордан передал другую версию о смерти Германариха (Get, § 130), но не отрицал бессилия остроготов перед гуннами. Результат победоносного напора гуннов на стоящие на их пути племена отчасти определил Аммиан Марцеллин: «По всему пространству, которое тянется к Понту, начиная от маркоманнов и квадов, шевелится [или блуждает, волнуется, – употреблен глагол „vagari“] варварская масса скрытых до сих пор племен, внезапной силой сорванная со своих мест» (Amm. Marc., XXXI, 4, 2). Таково было воздействие, по мнению писателя IV в., гуннских походов, которые, поднявшись, как «снеговой ураган в горах», произвели небывалое по силе и размерам площади передвижение племен в Европе.

Группа гуннов, ядро которой составляли гунны азиатского происхождения, при продвижении в южнорусские степи претерпела значительные изменения в своем этническом составе. Гунны стремительно прошли путь с Северного Кавказа, с Дона и Днепра на Балканский полуостров, к югу от Дуная до стен Константинополя; на запад в Потиссье и на венгерскую равнину; затем до Орлеана на Луаре, до Аквилейи и Милана в северной Италии. Этот путь в общих чертах отражен в сочинении Иордана.

Численность основного ядра гуннов этой группы по сравнению с количеством примыкавших к их союзу и следовавших за ними покоренных племен была незначительной. За время победоносного движения гуннов на Северном Кавказе и в Причерноморье и за период победоносных войн на Балканском полуострове гуннский союз вырос и сформировался. К началу V в. конгломерат племен под общим собирательным именем гуннов, первенствовавших в союзе, уже определился, и вскоре преимущественно гуннской территорией со ставкой вождя стала равнина между Тиссой и Дунаем. Говоря о гуннах при Аттиле, Иордан добавляет, что в Дакии и Паннонии они сидели вместе с различными подчиненными их владычеству племенами («cum diversis subditis nationibus insidebant», – Get., § 226). Первое отмеченное источниками крупное слияние племен произошло в конце 60-х—начале 70-х годов IV в., после того как гунны разгромили аланов, объединивших также ряд племен (Amm. Marc., XXXI, 2, 17). Непосредственно после подчинения аланов-танаитов (Ibid., XXXI, 3, 1), населявших области по Дону, гунны сокрушили близ Днепра так называемую «державу» Германариха, в повиновении которого было много «готских» (зависимых от готов) племен (Gothorum gentes; Ibid., XXXI, 3, 8). Перейдя Днестр, гунны появились на Дунае уже в виде сложного объединения племен; одни племена сопровождали гуннов в качестве военного подкрепления (так впоследствии шли за Аттилой остроготы и гепиды со своими королями), другие, оставаясь на своих местах, выплачивали дань гуннским вождям и снабжали гуннское кочевое войско продуктами земледельческого труда. Значительнейшую дань гунны – особенно при Аттиле – стали получать из казны империи. Несомненно, что в гуннский союз влились и славянские племена, по территории которых гунны проследовали. Видимо, воздействие славян на культуру гуннов было немалым, если даже та скудная традиция, которой мы располагаем в данном случае у Приска и Иордана, донесла до нас два, вероятно славянских в своей основе, слова, бытовавших у гуннов: одно из них – «мед» (у Приска) – указывает на заимствования в области повседневной жизни, а другое – «страва» (см. прим. 629, у Иордана) – на какую-

то связь в формах погребального обряда. Следы славянства в среде гуннов ставят вопрос о пребывании славян на Тиссе и в Паннонии уже в V в. Соприкосновение гуннов с антами произошло в самом конце IV в. на Днепре (см. прим. 614 о реке Эрак). Когда Аттила двинулся с Тиссы на Рейн, то едва ли он увлекал за собой встречавшиеся именно на этом пути племена. В походе, который завершился Каталаунской (или Мавриакской) битвой, а затем разорением северной Италии, Аттила уже властвовал над сложившимся и в массе признававшим его союзом племен. После смерти Аттилы союз племен, создавшийся вокруг гуннов, распался и более не возродился.

Галиурунны (haliurunnae). Это готское, как замечает Иордан, слово соответствует древневерхненемецкому alruna от готского «runa» («тайна») и современному немецкому Alraune. Слово alruna обозначало некое демоническое существо – ведьму, колдунью, прорицательницу («maga mulier», по объяснению Иордана). Легенда о происхождении гуннов от галиурунн и злых духов, блуждавших в степях, создалась, конечно, в христианской среде, где хотели подчеркнуть «нечистую», «демоническую» природу гуннов. Иордан, не говоря о том, откуда он воспринял это сказание, все же вставил слово «как передает древность» («ut refert antiquitas»), т. е. либо древние книги, либо древняя молва. Легенду о происхождении гуннов повторяли в течение ряда веков. Например, она всплывает в XIII в. в сочинении «Dialogus miraculorum» известного писателя, монаха из прирейнских областей, Цезария Гейстербахского. Он пишет о безобразных женщинах («mulieres deformes»), изгнанных готами и блуждавших в лесах, о встрече этих женщин с демонами и о порождении ими могущественного племени гуннов («ex quibus processit fortissima gens Hunnorum»).

381

Приск (Priscus), фракиец родом, участник посольства 448 г. от императора Феодосия II (408—450) в ставку Аттилы и Паннонию. Приск оставил записи об этом посольстве, которые сохранились до нашего времени в значительных фрагментах; в них содержатся подробнейшие сведения о гуннах, об Аттиле, как о правителе и человеке, и о его окружении. Иордан включил в свое сочинение целые отрывки из Приска и таким образом сохранил ценнейшие части его записей, не вошедшие в имеющиеся у нас фрагменты. Иорданом у Приска взят – и, вероятно, в близком переводе – следующий материал: о Каталаунской битве 451 г. (Get, §§ 178—225); о смерти Аттилы и его погребении (§§ 254—259). Пользуясь записками Приска, Иордан неоднократно называет его имя («ut Priscus istoricus refert»), когда сообщает о гуннах и об Аттиле: в § 123 (о гуннах на Мэотийском озере); в § 178 (о посольстве от Феодосия II к Аттиле); в § 183 (о мече Марса – символе могущества Аттилы); в § 222 (об италийском походе Аттилы); в § 254 (о смерти Аттилы); в § 255 – «hoc Priscus istoricus vera se dicit adtestatione probare» (о вещем сне императора Маркиана). Византийский лексикограф середины X в., известный под именем Свиды, сохранил название всего произведения Приска; он сообщил, что Приск написал «Византийскую историю» и «Готскую историю» (‘Ιστορίαν Βυζαντιακην και τα κατα ‘Αττήλαν) в 8-и книгах. Одна из частей сочинения имела заглавие «‘Ιστορία Γοτθική».

382

Дальний берег Мэотиды означает восточный берег Азовского моря, наиболее удаленный от автора, находившегося на западе. (Ср. прим. 82 и 83.)

383

Здесь Иордан употребил три важных в его изложении термина: «natio», «populus» и «gens». О соотношении этих понятий см. прим. 315 и 316.

384

Внутренней Мэотидой автор называет ту часть, которая была ближайшей к обитателям восточных берегов, двинувшимся затем – вслед за легендарным оленем (см. прим. 386) – на запад, во «внешний» по отношению к ним мир. В данном случае автор определяет географическое положение не со своей, как обычно делает, позиции. Можно предположить и то, что «внутренней» Мэотида названа по причине ее расположения в глубине неведомых земель.

385

Слово cerva означает «олень». Переводить, как это часто делается, словом «лань» неправильно, так как лань не есть самка оленя. В греческом языке ἔλαφος (либо мужского, либо женского рода) также означает «олень», а не лань. В славянском переводе хроники Симеона Логофета (X в.) сказано: «Готфи прешедше Меотское озеро елафомь водими» («Симеона Метафраста и Логофета описание мира...», слав. пер. хроники С. Логофета, Пб., 1903, стр. 45), т. е. имеется в виду мужской род; у писателя V в. Созомена (Soz., Hist , eccl., VI, 37): ἔλαφος διαφυγοῦσα – «перебежавшая» – имеется в виду женский род. Прокопий также употребляет женский род: ἔλαφον δε μίαν προς αυτων φεύγουσαν... τη ελάφω επισπέσθαι ταύτη... (Bell. Goth., IV, 5, 7—8).

Легенда об олене (ο έλαφος; иногда это бык или корова: ό, η βοῦς), следуя за которым гуннские охотники перешли Мэотийское болото или Киммерийский Боспор, была широко распространена и повторялась у ряда писателей V—VI вв. (Евнапий, Созомен, Прокопий, Агафий, Иордан). Выделяется сообщение автора второй половины V в. Зосима, который пишет (Zos., IV, 20) о некоем «варварском племени, до того неизвестном и появившемся внезапно» (φυλον τι βάρβαρον... πρότερον μεν ουκ εγνωσμένον... εξαιφνης αναφανέν) под именем гуннов при императоре Валенте (369—378). «Я нашел и такое известие, – продолжает Зосим, – что Киммерийский Боспор, обмелевший от снесенного Танаисом ила, позволил им перейти пешком из Азии в Европу» (ως εκ της υπο τοῦ Τανάϊδος καταφερουμένης ιλύος ο Κιμμέριος απογαιωθεῖς Βόσπορος ενέδωκεν αυτοῖς εκ της ‘Ασιας επι την Ευρώπην πεζη διαβηναι).

Стремление объяснить конкретными условиями обстановку и возможность перехода, – если не целым племенем, то значительной его частью, – через пролив (шириной в узком месте не менее 3—4 км) наблюдается и у других авторов V—VI вв. Они понимали, что легенда об олене – явная сказка, и в попутных замечаниях выражали скептическое отношение к ней. У Созомена говорится, что путь, указанный оленем, был «слегка прикрыт сверху водой» (την οδον εξ επιπολης καλυπτομένην τοῖς ύδασι, – Soz., Hist., eccl., VI, 37). Прокопию представлялось, что гуннам удалось пересечь пролив вброд: ότι δη ταύτη βατα σφισι τα ύδατα είη“ (Bell. Goth., IV, 5, 10), причем, вставляя слова: «если повествование это разумно», он подвергает сомнению всю легенду (Ibid., IV, 5, 7). Не менее подозрительно к рассказу об олене относится и Агафий, который сделал следующую вполне четкую оговорку: «либо в самом деле какой-то олень, как гласит молва, впервые провел их (гуннов), либо они воспользовались другим каким-то случаем...» (έιτε ως αλληθως ελάφου τινος κατα τοῦτο δη το θρυλούμενον τα πρωτα ηγησαμένης, έιτε και αλλοία χρησάμενοι τύχη, – Agath., V, 11).

Особенно скептически к сказанию об олене отнесся наиболее древний из названных писателей начала V в. Евнапий (в его сочинении, судя по выпискам Фотия, сделанным в IX в., события доведены до 404 г.), продолживший в своей хронике сочинение Дексиппа. В тех фрагментах труда Евнапия, которые дошли до нас, нет рассказа об олене, перебежавшем Киммерийский Боспор, но в них отражены сомнения автора относительно правдивости

сообщений о гуннах. По-видимому, эти сомнения и касаются легенды об олене. Евнапий подчеркивает, что, как он заметил, «никто не говорит ничего ясного» (ουδενός ουδεν σαφες λέγειν έχοντος, – Eunap., fr. 41) о том, откуда и каким именно образом гунны распространились по всей Европе (την Ευρώπην πάσαν επέδραμον. Не Фотий ли в IX в. в своих выписках их хроники Евнапия добавил слова «по всей Европе»? Ведь при Евнапии гунны дошли только до Дуная).

Евнапий понимал, что в историческом предании и в исторических сочинениях подлинные факты не только объединяются, но даже смешиваются с вымыслом, с легендами; недаром писатель озабочен судьбой исторической истины (αλήθεια), чувствуя, что далеко не во всех сообщениях историков передаются только ценные данные «истинного», το αληθές, «ясного», το σαφές, «тщательно-точного», το ακριβές, «убедительного», η πιθανότης.

Не желая, чтобы его сочинение удалялось от достоверного и убедительного (ως άν μη τοΰ πιθανοΰ την γραφην απαρτήσαιμεν), Евнапий решает придерживаться следующей системы: он согласен записывать то, что рассказывалось до него (τα προειρημένα γεγράφθαι συγχωρήσαντες), т. е. и неправдоподобные сведения, но вместе с тем он намерен показывать в своем сочинении и другое (ετερων αποστεροΰμεθα παλιν), то, что «более соответствует истине» (ταληθέστερα); первое – легенды – он собирается оставлять как некое «историческое предположение» (κακεΐνα δια την ΐστορικην δόξαν συγχωρήσαντες μένειν), а второе – правдоподобные сообщения – хочет привлечь, как «истину» (ταΰτα δια την αλήθειαν εφελκυσάμενοι και παραζευξαντες – Eunap., fr. 41). К сожалению, для нас остается неизвестным, была ли включена легенда об олене в труд Евнапия (вероятно, была включена) и развил ли этот умный и критически настроенный писатель свои соображения о таком значительном историческом событии, как приход гуннов в Европу.

Иордан, наоборот, не только не испытывал особых сомнений относительно рассказа об олене, но даже нашел объяснение, почему он появился и почему привел гуннов в Скифию: «сделали это, из-за ненависти к скифам, те самые духи, от которых гунны ведут свое происхождение» (Get, § 125).

Примечательно, что ни у одного из цитированных раннесредневековых писателей нет речи о замерзшей поверхности пролива, о переходе гуннов по льду. Античные же авторы неоднократно говорили о зимних переездах на телегах по льду Киммерийского Боспора из Пантикапея в Фанагорию (см. у Геродота, Hist., IV, 28 или у Страбона, Geogr., VII, 307; XI, 494; ср.:

А. А. Васильев, Готы в Крыму, гл. I, стр. 33—36). Легенда об олене была, несомненно, широко известна. Этот сюжет о животном, послужившем чудесным проводником, был также широко распространен. В изобилующем жизненными, бытовыми чертами источнике, в «Житии св. Северина», составленном в начале VI в. и посвященном событиям второй половины V в., рассказывается о том, как путешественников, шедших по альпийским дорогам Норика, застала сильная метель и они потеряли верное направление; вдруг перед ними появился громадный медведь – «ingentis formae ursus» – и пошел впереди, указывая им путь. Это казалось удивительным потому, что зимой медведи обыкновенно забиваются в берлоги для спячки. Так «desperantibus iter bestia saeva monstraverit» (Eugipp. v. Sev., p. 22).

Историческую ценность в легенде об олене представляет указание места, где совершился переход гуннов (вернее, некоторой части их) в Скифию; в большинстве версий говорится о переходе именно через Киммерийский Боспор. Прямо упоминает это название Зосим. Прокопий называет «устье» (εκροή) Мэотиды. Агафий также пишет об «устье» Мэотийского озера (εκροή της λίμνης), впадающем в Евксинский Понт.

Иордан заимствовал названия перечисленных им (Get., § 126) племен у Приска (Prisci fr. 1). Это несомненно, потому что у обоих авторов совпадают не только названия, но их число и порядок. У Иордана (сохраняем винительный падеж): Alpidzuros (разночтение: Alpildzuros), Alcildzuros (разночтения: Acil-, Alchi-, Alcidzuros), Itimaros, Tuncarsos, Boiscos. У Приска (сохраняет дательный падеж): ’Αμιλζούροις, ’Ιτιμάροις, Τονώσουρσι, Βοΐσκοις. Первые два названия у Иордана являются, по всей вероятности, удвоением одного имени. Сообщая об этих племенах, Приск пишет о почти современных ему событиях, так как намерение гуннского вождя Руа (или Ругилы) покарать упомянутые племена за их союз с империей относилось к 30 м годам V в. (после консульства Дионисия в 429 г.) У Иордана же эти имена появляются в связи с древней легендой, в которой события – переход гуннов через Киммерийский Боспор и встреча их с указанными выше племенами – относятся примерно к середине IV в. По Иордану, названные племена жили западнее Мэотиды, по Приску – уже на Истре. Быть может, всю этническую группу, называемую Иорданом, можно охватить одним общим названием «кутригуры» (или «кутургуры»), о которых Прокопий сообщает, что они жили «по сю сторону» (ενθένδε) Мэотиды (Bell. Goth., IV, 18, 14); с его точки зрения это значит – по западную сторону. Надвинувшуюся же с востока группу племен, следовало бы, также по Прокопию, считать утигурами (или утургурами), жившими «по ту сторону» (επέκεινα) Мэотиды, т. е. с его точки зрения – по восточную сторону (Ibid., IV, 18, 18). Уже древние авторы отмечали восточных и западных гуннов: у Дионисия Периегета (Dion. Perieg., Descriptio orbis, v. 730), писавшего во II в. н. э., упомянуты «унны» (Ουννοι) между Аральским и Каспийским морями, а у Птолемея (Ptol., III, 5, 10) «хуны» (Χοῦνοι) помещены между роксоланами и бастарнами на Борисфене. В перипле Маркиана (II, 39), в начале V в., определяются особые, европейские гунны (οι εν τη Ευρώπη).

Вероятно, задолго до того, не менее чем за 150 лет, передовые, т. е. западные, части гуннских племен вышли к Азовскому морю, за Дон и в Крым, а позднее, в середине IV в., основная масса двинувшихся на запад гуннов встретилась с ними, перейдя Дон и Керченский пролив. Не осталась ли на Таврическом полуострове, именно близ Херсона, часть «западно-гуннских племен в виде альциагиров, названных Иорданом в § 37? Не произошли ли имена двух сыновей Аттилы – Emnetzur и

Ultzindur, упоминаемые Иорданом в § 266, от названий племен, которыми они предводительствовали, приведя их в Прибрежную Дакию после распада гуннской державы в 453 г.?

Несмотря на точное указание места перехода гуннов через Мэотиду (Зосим в V в. и Агафий в VI в. определенно называют Боспор Киммерийский), едва ли можно сомневаться в том, что в дальнейшем они продвигались по всем степям за Мэотидой, а не только по Таврике, на почву которой они вступили после переправы через пролив. Поэтому и записанные Иорданом племена являлись обитателями не только таврических, но и всех приазовских степей к западу от Мэотиды и Танаиса. Это была та «Скифская земля» («Scythica terra»), на которой задолго до того появились готы с королем Филимером и которая ко времени прихода гуннов определялась Иорданом – конечно, в весьма широком смысле – как «готские пределы» («Gothorum fines»).

Аланы (Alani, Halani). Иордан называет аланов впервые (не считая указания на аланское происхождение матери императора Максимина в § 83) в связи с движением гуннов из прикаспийских степей на запад в середине IV в. Первым, но быстро преодоленным препятствием на пути гуннов были многочисленные племена, населявшие степи Предкавказья и Приазовья (восточнее Дона) и известные западным авторам еще в начале нашей эры под общим наименованием «аланы». Правда, первые встречи римлян с аланами происходили в Закавказье, где их видели участники походов Помпея против Митридата (Lucan. Phars., VIII, 133); но к тому же времени относится свидетельство Иосифа Флавия, который в «Иудейской войне» сообщает, что аланы, принадлежащие к скифским племенам, живут около Танаиса и Мэотийского озера (το δε των ’Αλανων έθνος ότι μέν ει’σι Σκυθαι περι τον Ταναΐν και την Μαιώτιν λίμνην κατοικοΰντες, – Joseph., De bell. Jud., VII, 7, 4). Таким образом, в самом начале нашей эры аланы уже сидели к северу от Кавказа, вокруг Мэотиды и на левобережье Дона. Оттуда они совершали походы на юг по хорошо известным путям, искони соединявшим Закавказье с Предкавказьем. В большинстве случаев аланы, вероятно, пользовались перевалом на горной дороге, пролегающей по водоразделу между Тереком и Арагвой, на месте нынешней Военно-Грузинской дороги. Этот перевал иногда называли «Аланскими воротами». Но аланы могли проходить и по берегу Каспийского моря через Дербент. О «Каспийских воротах» (о том, что цари Иверии и Албании открыли их «скифам»: τας θύρας τας Κάσπιας ανοίξαντες) записал Иосиф Флавий в сочинении «Иудейские древности (Joseph. Antiquit. Jud., XVIII, 4, 97), рассказывая о походах скифов в Армению и Медию. Ценно указание автора II в. н. э. Лукиана: в диалоге „Токсарид“ (№ 51) он отметил, что между аланами и скифами есть полное сходство в языке и в одежде („это и у аланов, и у скифов одинаково“), но разница в отношении длины волос. Однако, несмотря на столь малое различие, автор об аланах всегда говорит особо. Не обошел молчанием аланов и Птолемей в своем этническом перечне. На берегах Мэотиды он отмечает язигов и роксоланов, а за ними, в глубине страны, – амаксовиев и „аланов-скифов“ (Ptol., III, 5, 7). Вторично Птолемей упоминает аланов среди племен, размещаемых им „у поворота реки Танаиса“ (παρα την επιστροφην τοΰ Ταναΐδος ποταμοΰ), тут же называя и танаитов, а это имя в IV в. определенно относилось к аланам (Amm. Marc.,

XXXI, 3, 1).

Богатейшим источником сведений об аланах справедливо считается сочинение Аммиана Марцеллина, современника гуннов в период их появления у северных пределов империи. В связи с этим событием он описал и аланов, через земли которых пронеслись гунны. У Аммиана также имеется указание на расселение аланов у Мэотиды, вокруг которой, как он говорит, «обитают многие племена» («plures habitant gentes»), непохожие друг на друга из-за различия в языке и в обычаях; среди них – язиги, роксоланы и аланы (Ibid., XXII, 3, 31). О том, что аланы связываются с Доном, свидетельствует сообщенное Аммианом иное их название: танаиты (Ibid., XXXI, 3, 1). Отражены у Аммиана Марцеллина и сведения о связях аланов с Закавказьем (Ibid., XXIII, 6, 61). В своих записях автор опирался на исторические и географические сочинения предшественников, и лишь в последних книгах своего труда он использовал современный ему материал – либо собственные наблюдения, либо рассказы очевидцев и близких к событиям людей. В характеристиках гуннов и аланов (Ibid., XXXI, 2) он дает ряд черт, отвечающих действительности IV столетия. Аммиан не мог, конечно, руководствоваться лишь книжными образцами описаний кочевников; его описания насыщены данными, которые предоставляла ему сама современность. Он рассказывает, что аланы населяют неизмеримо далеко раскинувшиеся пустыни (степи) Скифии («in immensum extentas Scythiae solitudines») по ту сторону Танаиса (буквально: «перейдя Танаис», «hoc transito», с точки зрения человека, находящегося западнее), и сообщает важные сведения о собирательном значении имени аланов, которые подтверждают предположение о существовании мощного племенного союза за Доном в III—IV вв.

Говоря о союзе племен, называвшихся общим именем «аланы», Аммиан коснулся процесса возникновения этого союза: «постепенно, ослабив соседние племена частыми над ними победами, они стянули их под одно родовое имя» («paulatim… nationes conterminas crebritate victoriarum adtritas ad gentilitatem sui vocabuli traxerunt», – Ibid., XXXI, 2, 13). Эти различные племена («gentes variae») жили «оторванные друг от друга обширными пространствами („dirempti spatiis longis“) и бродили по неизмеримым степям, как номады („per pagos ut nomades vagantur inmensos“)». Тем не менее «с ходом времени они объединились под одним названием и суммарно зовутся все аланами, так как и нравы, и образ жизни у них одни и те же, а также вооружение их одинаково» («aevi tamen progressu ad unum concessere vocabulum et summatim omnes Halani cognominantur ob mores et modum

efferatum vivendi eandemque armaturam», – Ibid., XXXI, 2, 17).

Аммиан Марцеллин подчеркивает, что аланы вели исключительно кочевой образ жизни. Однако археологические исследования советских ученых показали, что к востоку от нижнего Дона и Азовского моря, преимущественно на Северном Кавказе, были оседлые аланские поселения IV—V вв. (см.: Е. И. Крупнов, Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи, – «Труды Государственного Исторического музея», вып. XVII, 1948). Таково поселение в Тамгацикской балке, а также поселения в районе города Грозного – Алхан-Кала и Алхан-Юрт (см.: «Очерки истории СССР III—IX вв.», М., 1958, гл. «Северо-кавказские аланы»; из отдельных статей: Е. П. Алексеева, Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии, – КСИИМК, вып. 60, М., 1955; новейшие работы: В. А. Кузнецов, К вопросу о позднеаланской культуре Сев. Кавказа, – «Советская археология», 1952, № 2; «История Северо-Осетинской АССР», М., 1959).

В общественном строе аланского племенного союза, по описанию Аммиана Марцеллина, заметны черты военной демократии: аланы равны, так как «все происходят от благородного семени» («omnes generoso semine procreati»), старейшин же («iudices») до сих пор («etiam nunc») избирают («eligunt») по признаку длительных военных заслуг; о рабстве аланы никогда не имели понятия («servitus quid sit ignorabant», – Amm. Marc., XXXI, 2, 25). При описании образа жизни аланов автор говорит и об их внешности (Ibid., XXXI, 2, 21). Он называет аланов «pulchri» – «красивыми». Это говорит о том, что в глазах римского писателя, человека греко-римской культуры, они не были необычными (какими ему представлялись тюрки или монголы; это и отразилось в описании наружности гуннов, – Ibid., XXXI, 2, 2—3). Кроме того, у аланов отмечены светлые волосы («crinibus mediocriter flavis»), высокий рост («proceri»), быстрота и стремительность («veloces») и грозный, устрашающий вид («terribiles») из-за угрюмой, затаенной свирепости во взгляде («oculorum temperata torvitate»). Аммиан называет аланов «во всем почти подобными гуннам» («Hunisque per omnia suppares»), имея в виду не внешность, так как, по его же словам, аланы непохожи на гуннов, а образ жизни и род занятий, свойственные кочевникам. Единственным отличием аланов от гуннов является большая «мягкость» в жизненном укладе и нравах («verum victu mitiores et cultu»), а также разница в способах добывания средств к существованию. Аланы, как передает Аммиан, распространяются, «рассеиваются» («discurrentes») вплоть до Мэотийского озера и Киммерийского Боспора, равно как и до Армении и Медии, занимаясь грабежами и охотой («latrocinando et venando»).

Облик кочевника с его стадами и повозками на фоне безграничных степей, в суровом, с точки зрения средиземноморца, климате, среди скованных льдом рек и озер края был хорошо известен античным писателям (см. подбор источников, сделанный В. В. Латышевым в SC, I —II). Поэтому изображение кочевых племен у более поздних авторов может показаться трафаретным, подражательным. Тем не менее описание Аммианом Марцеллином (конечно, знакомого с произведениями древних писателей) как гуннов, так и аланов отнюдь не лишено ценности, – оно живо и достаточно полно. И если Овидий, закрепивший в своих стихах подлинные впечатления современника-очевидца, пользуется понятным доверием читателя, то заслуживает доверия и автор IV в., закрепивший в своем труде ряд сведений, которые он мог воспринять из подлинных рассказов очевидцев. Некоторые усматривают, между прочим, трафаретность у Аммиана Марцеллина в изображении как гуннов, так и аланов на том основании, что автор иллюстрирует кочевой образ жизни этих племен одним и тем же примером: отсутствием у них постоянных жилищ – крытых тростником или соломой шалашей, причем в обоих случаях автор употребляет одно и то же слово «tugurium» – «снабженное кровлей сооружение» (Amm. Marc., XXXI, 2, 4 – у гуннов и XXXI, 2, 23 – у аланов). Подобная идентичность в изображении естественна, так как, действительно, и о тех и о других кочевниках писатель хотел по данному поводу сказать одно и то же. Если уж говорить о подражательности, то можно найти и более яркие примеры. Так, в трагедии Сенеки «Федра» героиня говорит Ипполиту: «На греческом челе является скифская суровость» («Scythicus rigor», стих 660). Аммиан же, будто бы вторя, пишет, что аланы устрашают скрытой, сдержанной свирепостью во взгляде (Amm. Marc., XXXI, 2, 21). Едва ли в этом можно видеть подражание, и едва ли здесь есть какое-то отступление от истины.

Иордан читал произведения Аммиана Марцеллина, и его сведения (Get., §§ 126—127) об аланах, подчинившихся гуннам, являются не чем иным, как отражением сведений, почерпнутых в труде Аммиана. Сообщение Иордана об аланах, хотя и равных гуннам в бою («suppares», – Amm. Marc., XXXI, 2, 21; «sibi pares», – Get., § 126), но отличных от них «человечностью, образом жизни и внешним видом» («humanitate, victu formaque dissimiles»), можно считать лишь вариантом соответствующего сообщения Аммиана.

Иордан говорит об аланах преимущественно в связи с событиями V в. Он констатирует (по-видимому, ошибочно, – ср. прим. 362) их пребывание вместе с вандалами в Паннонии (Get.,

§§ 115 и 161) до перехода через Рейн в 406 г. в Галлию, но при этом он (как, впрочем, и другие авторы) никак не разъясняет обстоятельств передвижения аланов от Мэотиды до среднего Дуная и не освещает момента их объединения с вандалами. Судя по событиям конца IV-начала V вв., движение аланов на запад было вызвано напором гуннов и быстрым их переходом из Причерноморья на нижний Дунай и за Тиссу. Аммиан Марцеллин, конечно, так и представлял себе это явление. Но стремительность, с которой во времена Аммиана аланы оказались уже на Балканском полуострове, заставила его, – ранее сообщившего об аланах на Мэотиде, – выделить особых «европейских аланов» («Europaei sunt Halani», – Amm. Marc., XXII, 8, 42), живущих около реки Тиры (Днестра), рядом с костобоками и «бесчисленными скифскими племенами». В одном из писем Иероним отметил происходившее в его время нашествие различных племен, среди которых названы и аланы. Варвары распространились, как пишет автор письма, между Константинополем и Юлийскими Альпами; всюду здесь «уже более двадцати лет ежедневно проливается римская кровь. Скифию [имеется в виду Малая Скифия, нын. Добруджа], Фракию, Македонию, Дарданию, Дакию, Фессалию, Ахайю, Эпиры, Далмацию и все Паннонии опустошают, присваивают, хищнически захватывают гот, сармат [язиг], квад, алан, гунны, вандалы, маркоманны» («Gothus, Sarmata, Quadus, Alanus, Hunni, Vandali, Marcomanni vastant, trahunt, rapiunt», – Hieron. Epist., 60, 16). Но чаще источники называют только трех, наиболее опасных врагов империи: готов, гуннов, аланов. Краткие сведения Иордана подкрепляются рядом сообщений, устанавливающих присутствие аланов наряду с гуннами в придунайских провинциях непосредственно после битвы под Адрианополем (378 г.), в которой аланы и гунны принимали участие на стороне готов, в отрядах Алафея и Сафрака, и после которой готовились вместе с готами предпринять осаду Константинополя. Говоря о вторжении вандалов в Галлию, Иордан (Get., § 115) не упоминает аланов, хотя большинство авторов V—VI вв. называют обычно три племени: вандалы, аланы, свавы (ср. прим. 364). Ниже, в § 162, он пишет о вандалах и аланах, перешедших в Галлию. В §§ 194, 197, 205, 210 он называет их как часть варварского войска, которое Аэций противопоставил гуннам на Каталаунских полях. Аэций, уверенный в везеготах, не доверял аланам, так как подозревал их вождя Сангибана в желании перейти к Аттиле. Поэтому аланы были помещены в середине общего строя войск, выставленных против гуннов. Аланы Сангибана, равно как и отмеченные Григорием Турским аланы с их вождем Респендиалом (Greg

Turon., Hist. Franc., II, 9); аланы под предводительством Эохара (Гоара), направленные Аэцием в Арморику (Vita Germani. Acta SS, 31. Jul. VII, p. 216; MGH SS rer. meroving., VII, p. 271), и аланы Беорга, напавшие на северную Италию и отраженные, по словам Иордана (§§ 236—237), Рикимером при императоре Анфемии (467—472), – все они отделились от той группы, которая вместе с вандалами перешла Рейн в последний день 406 г., и рассеялись по Галлии. Некоторая часть их («Alanorum pars») осела где-то близ Луары (Иордан говорит: «trans flumen Ligeris», «по ту сторону Луары», смотря с юга, – Get., § 226); другая группа разместилась на Роне и по ее притоку Изеру; третья – остановилась около Гаронны (см. подробнее об аланах в Галлии в книге: Chr. Courtois, Les Vandales et l'Afrique, p. 47, n. 3). Все это рисует картину распространения аланов на крайний запад Европы и их смешения с населением Галлии. Тем не менее некоторая часть аланов продолжала сопровождать вандалов и перешла с ними в Испанию в 409 г. Гейзерих (428—477) перед переправой в Африку (429) распределил свое войско по отрядам, составившимся из вандалов и аланов; число вооруженных людей достигало 50 тысяч (μυριάδας πέντε το των Βανδίλων τε και 'Αλανων πληθος, – Bell. Vand., I, 5, 19). Затем вся масса (πολυανθρωπία) подчинявшихся Гейзериху племен, среди которых заметной частью были аланы, приняла общее название «вандалы» (τα δε των 'Αλανων και των άλλων βαρβάρων ονόματα), кроме мавров (ες το των Βανδίλων άπαντα απεκριθη, – Bell. Vand., I, 5, 21—22). Возможно, что аланы слились с вандалами в Испании. Имеется сведение в «Хронике» Идация (ум. ок. 470 г.), что в 418 г. погиб последний аланский король Аддак и «уничтожилось» аланское королевство, так как много аланов было убито в войне с везеготами. После этого аланы всецело подчинились вандальскому королю Гунтариху, предшественнику Гейзериха (Idat., Chron., 68).

Как имя аланов в приазовских и предкавказских степях покрывало, по объяснению Аммиана Марцеллина (см. выше), ряд союзных племен, еще, по-видимому, в III в., так в V в. в Африке сами аланы влились в союз племен, носивший имя одного главенствующего племени – вандалов (и затем растаяли в нем). Отзвуком крупного значения аланов в этом союзе племен осталось их имя в титуле вандальских королей в Африке: как первого из них – Гейзериха (428—477) – «rex Vandalorum et Alanorum», так и последнего – Гелимера (530—533) – Βανδίλων τε και 'Αλανων βασιλεύς.

Коснувшись судеб аланов, заброшенных далеко на запад от первоначальных мест поселения на Северном Кавказе, в прикубанских и приазовских степях, Иордан говорит о них снова

в связи с распадом гуннского союза племен. В битве на реке Недао сражался и «алан в тяжелом вооружении» (Get., § 261), завоевывая себе новую территорию во время общего перемещения племен после смерти Аттилы. Здесь выступала какая-то часть аланов, остававшихся на Балканском полуострове, или аланы, которые примкнули к гуннам, когда последние шли обратно из Галлии и Италии. Небольшая часть аланов вместе с Кандаком пришла тогда же (т. е. в 50-х годах V в.) в Малую Скифию и в Нижнюю Мезию, где и осела, очевидно, совместно с германцами-скирами и с гуннским племенем садагариев (§ 265). В аланской среде, по-видимому, вырос Иордан, ставший, по примеру деда, нотарием, но уже не при аланском вожде, а при Амале Гунтигисе, племяннике алана Кандака.

Имя аланов всплывает в позднейшие века в областях по нижнему Дунаю, в Таврике, на северо-западном побережье Черного моря. Это этническое название мелькает то в письмах патриарха Николая Мистика (начало X в.), то в хрисовуллах (например, в хрисовулле 1086 г.; G. Rouillard et P. Collomp, Actes de Lavra, I, Paris, 1937, № 41), то в сочинениях историков XIII—XV вв. (Пахимер, Никифор Григора́, Дука), то в частных записях лиц, живших в Причерноморье уже в XV в. (Барбаро). В начале царствования Андроника II Старшего (1282—1328) аланы, обитавшие за Истром, просили императора предоставить им лучшее место для поселения десяти тысяч человек и обещали за это бороться с турками. Андроник приказал снабдить их оружием, лошадьми и деньгами и переправить через Геллеспонт, чтобы создать из них оборонительные отряды в западной части Малой Азии вокруг города Магнезии. Никифор Григора в своем рассказе называет аланов массагетами, но замечает, что «на общеупотребительном языке они зовутся аланами» (’Αλανους η κοινη τούτους καλεῖ διάλεκτος, – Niceph. Greg., VI, 10). Особенно интересны сведения о пребывании аланов в Таврике, прежде всего потому, что до сих пор нет ясности в вопросе, какое население было коренным и преобладающим на полуострове в течение средних веков. Имеются некоторые, но не снимающие всего вопроса, указания, что в местном таврическом населении известную часть составляли аланы: с их языком связаны названия Феодосии (Ардавда) и Судака (Сугдея). В анонимном перипле V в. (Anonym; periplus Ponti Euxim), в разъяснении значения имени города Ардавды – Феодосии, сказано, что слово Ардавда на аланском, или что то же – таврском языке, значит «семибожная» (νῦν δε λεγεται η Θεοδοσία τη ’Αλανικη ήτοι τη Ταυρικη διαλέκτω ’Αρδάβδα τουτεδτιν επτάθεος. – Geographi graeci minores, ed. P. Müller, I, 1855, 415 (51). Ср. В. Ф. Миллер,

Осетинские этюды, III, М. 1887, 76 – 77). При скудости источников, освещающих средневековую историю Крыма, ярким свидетельством об аланах можно считать сведения, содержащиеся в так называемом «Аланском послании епископа Феодора» от 1240 г. Феодор, посланный из Никеи, для того чтобы возглавить епископию в «Алании» (на Северном Кавказе), находясь в пути, побывал у аланов, живших поблизости от Херсона (παροικοῦσι τη Χερσωνα και 'Αλανοί) и составлявших как бы защиту города (περιτείχισμα ταύτη καί περιφρούρημα). Эти аланы, пишет автор послания, принадлежат к племени, рассеянному, «рассеченному» на много отдельных частей (πολυσχιδές γαρ τό εθνος τοῦτο); древняя их граница простиралась от Кавказских гор до Иверии; они любят высылать от себя «переселенцев» очень незначительными группами (μετοικεσίας...πέμπειν), в результате чего «наполнили» чуть ли не всю Скифию и Сарматию (MPG, t. 69, p. 392 – 393). Рассеянные по многим местам на огромном протяжении от Предкавказья до Галлии, Испании и северного побережья Африки, аланы («ас» или «яссы» русской летописи) растворились в окружавших их племенах, и самое имя их исчезло. Выражается сомнение относительно того, что имя «аланы» содержится в некоторых географических названиях. Например, Каталония едва ли получилась из «Goth-alania». Только малая часть этого «любящего переселяться» (αγαπα μετοικεσίας... πέμπειν) племени сохранилась до наших дней в осетинах на Кавказе. Некоторые ученые умножают и без того многочисленные, рассыпанные в ряде источников сведения об аланах, уверяя, что название анты (в историческое для них время, в VI в., безусловно относимое к славянам) произошло от названия «ас» (аланы) и что анты с их вождем Божем (Get, § 247), воевавшие с готами после смерти Германариха, были аланами, ас, черкесами (см.: A. Olrik, Ragnarök, Die Sagen vom Weltuntergang, S. 464; L. Schmidt, S. 241, 256, 275; G Vernadsky, Ancient Russia, p. 105—106, 156). Ср. прим. 610.

Розомоны, росомоны («Rosomonorum gens infida», в разночтении: Rosomanorum, Rosimanorum, Rosomorum). Это название записано только у Иордана и только один раз, в § 129. Тут же приведены три имени представителей племени росомонов: Sunilda, Sarus, Ammius – основные персонажи легенды о смерти Германариха. Интерес вызывает начало слова: «рос», подобное началу названия «роксоланы». Предполагается, что это осетинское (аланское) «рохс» – «светлый». Но было сделано много попыток связать «рос» в «роксоланах» и в «росомонах» с ‘Ρως, с «Русью».

Б. А. Рыбаковым (в тезисах его доклада «К вопросу об образовании древнерусской народности») придается большое значение племени росомонов: с этим племенем связывается «ядро будущей русской народности», ему приписывается область Среднего Поднепровья «в бассейне реки Роси, на южной окраине обширной территории распространения „полей погребений“ антов»; его соседями с юго-востока признаются роксоланы; его имя предлагается толковать, как «росские мужи»; с его районом в VI в. связывается свидетельство Захарии Ритора о народе «рос» (см. «Тезисы докладов и выступлений сотрудников института истории материальной культуры АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований», М., 1951, стр. 18). Широкого развития и полной разработки положения Б. А. Рыбакова пока не получили, и окончательного истолкования этнического имени «росомоны» еще нет. В указанных кратких тезисах не могло быть сообщено, откуда взяты те или иные сведения или соображения относительно племени росомонов. В связи с этим необходимо отметить труд Н. В. Пигулевской. Ее переводы и исследования сирийских источников VI века – хроник Иоанна Эфесского и Захарии Ритора («Псевдо-Захарии» в сирийской версии) – дали советским историкам интереснейшие сведения о славянах, о племенах южнорусских степей, Северного Кавказа. Для племени росомонов, о котором известно столь мало, весьма существенно свидетельство Захарии Ритора о «народе ерос» (hros-hrus). (См.: Н. В. Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941, стр. 84 и 166, а также ее статью «Имя Рус в сирийском источнике VI в.», – «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». Сборник статей, М., 1952).

Л. Шмидт, как и некоторые другие исследователи, полагает, что росомоны существовали лишь в эпосе, что они придуманы:

«это племя представляется эпически-фиктивным» («episch-fiktives», – L. Schmidt, S. 241). Он считает, что рассказ о судьбе Сунильды, о мести ее братьев Сара и Аммия и о смерти Германариха является сплошным вымыслом. Однако этот рассказ можно считать связанным с часто, вероятно, случавшимися восстаниями племен, Подчиненных Германариху, и со смертью Германариха, наступившей в тот момент, когда готы особенно нуждались в авторитетном предводителе для борьбы с гуннами.

Сводить росомонов к исторически засвидетельствованным роксоланам (Страбон, Птолемей, Иордан) нет оснований. (О росомонах и древнейшей истории славян см.: М. И. Артамонов, Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси, – КСИИМК, вып. VI, М..–Л., 1940, стр. 13; о неславянском племени росомонов см.: Otto L. Jiriczek, Deutsche Heldensagen, I, Strassburg, 1898, S. 61.) Маркварт предлагает этимологию этнического названия «росомоны» от слова raus, «камыш», что связывает это название с берегами Мэотиды (J. Markwart, Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, S. 353, 368. О составе слова «росомоны» также см.: Н. Я. Марр, Избранные работы, т. IV, Л., 1933, стр. 264—266). Интересно, что на сообщение Иордана о росомонах обратил внимание Ломоносов. Он называет их роксоланами и приводит рассказ о Сунильде, ее братьях Саре и Аммии и о смерти Германариха (см. гл. 9 «О происхождении и древности россов, о переселениях и делах их» в «Древней Российской истории», – М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 6, М.—Л., 1952, стр. 212).

390

Balamber, rex Hunnorum – предводитель гуннов, названный только у Иордана, который приписывает ему покорение готов или, быть может, первый удар по державе Германариха, когда гунны двинулись на него стачала мелкими отрядами, а не всей массой: δτ' ολίγων δε τα πρωτα καταστηναι εις πεΐραν τοΐς Γότθοις читаем у Созомена (Soz., Hist. eccl., VI, 37). Еще раз упомянут тот же, по-видимому, Баламбер в рассказе Иордана (Get., §§ 248, 249) о попытке готов с их королем Винитарием освободиться от гуннского ига. Ввиду того что до нас дошла запись Аммиана Марцеллина, современника и заслуживающего доверия свидетеля событий, данные Иордана кажутся менее отвечающими действительности, так как они расходятся с рассказом Аммиана. Хотя Л. Шмидт и заявил, что Иордан, следуя изложению Приска (в пропавшей для нас части его труда), представил наиболее полное сообщение о вторжении гуннов в Европу (L. Schmidt, S. 251—252), тем не менее свидетельство Иордана во всех его интересных подробностях подвергается сомнению. Подозрительным кажется и имя Balamber (разночтения: Balamir, Balamur), так как оно слишком сходно с именем Βαλάμερος у Приска (Prisci fr. 28), который относит его как будто к готу («скифу»), и с именем готского короля Амала Валамера (Rom., §§ 334, 347; Get., §§ 80, 199—200, 252—253, 268 и др.; Malchi fr. 11, 13, 15, 16, 18). Однако трудно допустить, чтобы фонетическая близость имен столь разных исторических лиц – гуннского вождя, связанного с крупнейшим событием конца IV в., и остроготского короля, участника Каталаунской битвы, брата отца Теодериха – повела бы, даже в легенде, к перестановке носителей имен и путанице.

391

Везеготы еще до основного удара гуннов по готам (так следует из слов Иордана, Get., § 130) ушла с Атанарихом к Днестру. Сообщение Иордана совпадает с сообщением Аммиана Марцеллина (Amm. Marc., XXVII, 5, 6—9), относящимся к 365 – 367 гг. Атанарих в то время был одним из сильнейших предводителей готов-тервингов («Athanaricum ea tempestate iudidem potentissimum... Athanaricus Thervingorum iudex»). Разделение же готов на остро(ост)-готов и везе(вест)готов произошло раньше, независимо от гуннской опасности и от упоминаемого здесь отхода части племени на запад.

392

Германарих умер в 375 или в 376 г. Соответственно сообщению Иордана о смерти Германариха в 110-летнем возрасте надо считать, что он родился около 270 г.

393

Словом socii обычно обозначались союзники, в большинстве случаев – варвары, федераты Римской империи. Но в данном контексте этот термин, относящийся к везеготам в связи с остроготами, обозначает группу, принадлежавшую к объединению родственных племен, к их societas, как сказал Иордан несколько выше (Get., § 130), указывая на отделение везеготов от общей societas готов. Иногда в соответствии с контекстом socius значит «солдат» или просто «соратник», «товарищ» (ср. Get., § 136).

394

Император Валент (364—378).

395

Император Валентиниан I (364—375) назван Старшим («Senior») по сравнению с Валентинианом II (375—392) или даже Валентинианом III (425—455), которого Иордан упоминает несколько раз (Get., §§ 167, 185 – 191, 223, 235). Впрочем, называя императора Валентиниана «старшим», не имел ли Иордан намерения указать, что Валентиниан был старшим братом Валента? Иордан допускал в своем языке подобные неясности.

В последней четверти IV в., когда готы появились на территории империи, они были язычниками. Об этом свидетельствует Евнапий (Eunap., fr. 55): говоря о переходе готов через Дунай, он упоминает их жрецов (о которых знает и Амвросий, – Ambr. Epist., 10) и сообщает, что их святилища были переправлены через реку. У Созомена записано (Soz., Hist. eccl., VI, 37) о языческих священнодействиях варваров и в «Acta Sabae» (§§ 3, 6) о ритуальном вкушении мяса жертвенных животных. Готы, по-видимому, приносили своим богам человеческие жертвы. Орозий рассказывает, что Радагайс, приведя в Италию более двенадцати тысяч готов, дал обет – по обычаю варварских племен («ut mos est barbaris huiusmodi gentibus») – выпить (или пролить?) всю римскую кровь в честь своих богов («omnem Romani generis sanguinem dis suis propinare», – Oros., VII, 37, 5).

В данном случае название «геты» относится к везеготам.

398

Образное выражение, свидетельствующее о том, что автор считал себя пребывающим за этой стеной, на римской стороне. У многих писателей встречается сравнение с оградой, с крепостной стеной, когда они говорят об отрядах варваров, связанных договором с империей, согласно которому они должны были отражать нападения других, враждебных варваров. Например, в так называемом «Аланском послании» епископа Феодора (XIII в.) аланы были для Херсона как бы защитной крепостной стеной (περιτείχισμα ταύτη και περιφρούρημα. Ср. прим. 388).

Gentes – здесь только варварские племена.

400

«Здесь говорится о церкви не арианской, а афанасианской, противной арианству. Из этих слов можно заключить, что Иордан (по крайней мере, ко времени написания своего труда) был не арианином, как почти все готы, а православным, ортодоксом, т. е. придерживающимся официального вероисповедания. Его „обращение“, „conversio“ (Get., § 266) вероятнее всего было переходом из арианства в православие. (См. вступительную статью.)

Православие и арианство Иордан называет партиями (partes).

402

Секта – арианство. У анонима Валезия «Arriana secta» (Anon. Vales., 48, 60) противополагается «religio catholica», т. е. всеобщей, «вселенской», государственной религии, «правильной (ортодоксальной) вере» – православию.

403

Называя три провинции: Прибрежную Дакию, Мезию и Фракию, Иордан определяет область расселения переправившихся через Дунай везеготов и части остроготов. Прибрежная Дакия была выделена частично из Верхней, частично из Нижней Меэии, после того как в 271 г. по приказу императора Аврелиана были отозваны римские войска из основной (Задунайской, учрежденной Траяном в 107 г.) Дакии, которая, таким образом, перестала существовать как римская провинция. Прибрежная Дакия с главным городом Ратиарией находилась на правом берегу Дуная и стала промежуточной Территорией между обеими Мезиями. В V в. южнее Прибрежной Дакии была образована Дакия Средиземная с городами Сердикой (нын. София), Наиссом (нын. Ниш). Под Мезией Иордан, по-видимому, подразумевает Нижнюю Мезию. Под Фракиями – части диоцеза Фракии (входившего в состав префектуры Востока). Неясно, было ли при Иордане деление на первую и вторую Фракии. Однако магистр армии во Фракии назывался magister militum per Thracias.

Фритигерн (Fritigernus) – один из вождей (duces) везеготов, который вместе с Алавивом перевел их, по разрешению императора, на правый берег Дуная. Иордан называет Фритигерна (Get., § 135) «готским князьком» («Gothorum regulus»). Он сыграл немалую роль в укреплении готов на территории империи; при первом же намерении римского военачальника поднять меч на него, как на вождя варваров, и на его ближайших соратников Фритигерн призвал готов к избиению римлян. По-видимому, это вылилось в настоящее возмущение варваров, так как они почувствовали свою силу и возможность противостоять империи. Недаром Иордан пишет (§ 137), что тот самый день, когда Фритигерн поднял варваров против римских военачальников Лупицина и Максима, «унес с собой как голод готов, так и безопасность римлян». По мнению Иордана, именно Фритигерн создал то опасное положение в Мезии и во Фракии, в силу которого император Валент принужден был спешить из Малой Азии на Балканский полуостров, идя навстречу роковому для империи столкновению с готами под Адрианополем в 378 г. При преемнике Валента Феодосии I (379—395) Фритигерн водил готов в Фессалию, Эпир и Ахайю (§ 140), уйдя далеко на юг от Дуная. Фритигерн сыграл крупную роль в событиях, положивших начало новым отношениям готов с империей и проникновению готов далее на запад. Известия о Фритигерне сохранили все наиболее крупные писатели IV—V вв. (Аммиан Марцеллин, Сократ, Созомен, Зосим, Филосторгий).

Алатей (или Алафей) и Сафрак (Alatheus et Safrac; у Аммиана Марцеллина – Saphrax) были «приматами» (primates) и вождями (duces) остроготов; как и Фритигерн у везеготов, они не были «королями» (риксами), но признавались правителями своего племени «вместо королей» («regum vice»). В трудный для остроготов-гревтунгов момент, когда часть их племени спешно отступала на запад, уходя от гуннов, Алафей и Сафрак возглавили именно эту часть (предположительно она состояла из 15—20 тыс. людей. См.: L. Schmidt, S. 258), осуществляя власть от лица малолетнего короля Видериха. Так, по описанию Аммиана Марцеллина, началась политическая деятельность Алафея и Сафрака (Amm. Marc., XXXI, 3, 3). Иордан упомянул их дважды (Get., §§ 134, 140): первый раз, – говоря о готах, уже перешедших на правый берег Дуная, на территорию империи; второй раз – говоря о походе Алафея и Сафрака дальше на запад, когда они привели следовавших за ними остроготов (и часть аланов) в Паннонию. Интересно в связи с этим свидетельство одного редкого эпиграфического памятника – надгробной стихотворной надписи с датой 6 апреля 413 г. из окрестностей Аквилейи (O. Fiebiger, Inschriftensammlung zur Geschichte der Ostgermanen, № 34). В надписи указывается, что к заслугам умершего – епископа Амантия – относится обращение в истинную веру двух племен и обоих их предводителей («gemini duces»). Имен Алафея и Сафрака надпись не называет, но известно, что Амантий был епископом в Паннонии (в civitas lovia между Мурсой и Петовио) в 379—399 гг., т. е. в то время, когда в Паннонию после битвы при Адрианополе пришли остроготы и аланы под предводительством Алафея и Сафрака. Об этом записали Иордан (Get, § 140) и Зосим (Zos., IV, 34, 2); последний назвал Алафея и Сафрака «гегемонами двух частей, δύο μοῖραι, германских племен». Иордан не сообщил (как это сделал Аммиан), что остроготские военачальники сыграли, по-видимому, немалую, а быть может, и решающую роль в победоносном для готов исходе Адрианопольской битвы 9 августа 378 г. Готская и, частично, аланская конница Алафея и Сафрака прибыла под Адрианополь, когда бой уже завязывался, и, «как молния», обрушилась на врага, сразу ослабив силы римского войска (Amm. Marc., XXXI, 12, 12—17). Ввиду того что всякое свидетельство Аммиана, как современника событий 70—80-х годов IV в., принимается за достоверное, многие сообщения Иордана считаются некоторыми учеными неточными и иногда даже вымышленными из-за того отчасти, что расходятся с

сообщениями Аммиана (см., например, L. Schmidt, S. 253, 257). Именно то, что говорится у Иордана о судьбах остроготов после смерти Германариха, когда началась довольно заметная в истории этого племени деятельность Алафея и Сафрака, едва ли вызывает обоснованное сомнение (ср. прим. 609—614).

Лупицин и Максим – римские военачальники, испытанные в войнах с варварскими племенами. По-видимому, именно этот Лупицин воевал с аламаннами, затем – в чине трибуна – стоял на границе империи в такой важной для борьбы с варварами провинции, как Нижняя Паннония. У Иордана он выступает уже как начальник более крупного войскового подразделения во Фракии, где наряду с ним стоит и другой военачальник, Максим. У Аммиана (Amm. Marc., XXXI, 4, 9) Лупицин назван «per Thracias comes», а Максим – «per Thracias dux»). Однако тот же автор, невзирая на эти высокие военные чины, двумя словами дает уничтожающую характеристику обоим полководцам: Лупицин и Максим были «homines maculosi» – люди с запятнанной репутацией.

Из рассказов как Аммиана, так и Иордана ярко выступает преступная деятельность представителей империи по отношению к варварам. Описания обоих авторов звучат резким осуждением римских военачальников, которые воспользовались голодом готов. Аммиан пишет, что они «измыслили постыдное дело и, по ненасытности своей, набрав откуда только было можно собак, давали их (по одной) за каждого раба» (Ibid., XXXI, 4, 11), а Иордан прибавляет в своей, иной по форме, версии, что то, чем торговали «побуждаемые алчностью» оба вождя римлян, представляло собой «дохлятину» («morticina») не только собачью, но и других «нечистых животных». Происходила мена на ценную утварь, на рабов и, наконец, на детей голодающих. Лупицин, учитывая большой авторитет Фритигерна среди везеготов, сделал безуспешную попытку убить его, чем вызвал настоящее восстание среди голодных и неустроенных федератов. По сообщению Аммиана Марцеллина (Ibid., XXXI, 5, 8—9), все везеготы (тервинги, «Thervingorum natio omnis») поднялись на бой и в девяти милях от Маркианополя наголову разбили римлян. Эта победа готов была прелюдией к разгрому войск империи под Адрианополем.

407

Здесь у Иордана мелькнуло воспоминание о стихе из «Энеиды» Вергилия: «qui non mortalia pectora cogis, auri sacra fames» (Aen., III, 56—57). У Иордана: «quid non auri sacra fames compellit adquiescere?»

Иордан, вероятно, употребил слово «побежденный» («victus») в ироническом смысле: будто бы купца, не собиравшегося скупать сыновей у голодающих готов, «одолела» всеобщая нужда в хлебе, и он, «побежденный» стремлением готов продавать детей, стал их покупать.

409

Regulus, о котором было сказано, что он не был королем (rex), но совместно с другими князьками правил племенем вместо королей, «regum vice» (ср. Get., § 134 и прим. 405).

410

«Illa namque dies Gothorum famem Romanorumque securitatem ademit»: так предсказываются катастрофические последствия столкновения Восточной Римской империи с варварами в 378 г. Принадлежат ли эти слова Иордану? Ввиду отсутствия главного источника его труда – сочинения Кассиодора, никогда нельзя с уверенностью приписать Иордану ни одного удачного выражения в его тексте. Однако, если мысль о поворотном моменте в истории взаимоотношений между империей и готами и принадлежит Кассиодору, то Иордану делает честь умение отобрать подобные обобщающие заключения.

411

Possessores – термин, обозначающий не только крупных землевладельцев, но и свободных собственников мелких земельных участков. Положение, обрисованное Иорданом, свидетельствует о том, что готы стали «как [римские] граждане и господа („ut cives et domini“) повелевать земледельцами», т. е. собирать для себя продовольствие с местного населения.

412

Под «северными областями» («partes septentrionales») подразумеваются все северные области империи, находившиеся к югу от Дуная, что и поясняется словами: «вплоть до Данубия» – «usque ad Danubium» (с точки зрения человека, смотрящего с юга, из Константинополя или из Италии). Во времена Иордана области по ту сторону Дуная, к северу от этого рубежа империи, были бесповоротно заняты варварскими племенами.

413

Знаменитая битва 9 августа 378 г. под Адрианополем, в которой готы разгромили войска императора Валента. Сочинение Аммиана Марцеллина заканчивается, в последней своей книге, подробнейшим описанием Адрианопольской битвы (Amm. Marc., XXXI, 12—16). В «Getica» Иордан только один раз упоминает об Адрианополе, хотя с его именем связано крупное событие эпохи – решающая победа варваров над империей. В «Romana» Иордан отметил, что Адрианополь прежде назывался Ускудама; это подтверждается и свидетельством Аммиана Марцеллина (Amm. Marc., XIV, 11, 15 и XXVII, 4, 12).

Это место свидетельствует, что во время составления своего труда Иордан, конечно, был «православным» и резко враждебно настроенным в отношении еретиков-ариан. Их учение он называет «лжеучением», «вероломством» («perfidia») в противоположность истинной вере («vera fides»), а «горение верующих сердец» («ignem caritatis») противопоставляет «геенне огненной» («gehennae ignis»), в которую будут ввергнуты еретики.

415

Император Феодосий I (379—395).

Император Грациан (367—383).

417

Феодосий был объявлен августом 19 января 379 г. в Сирмии близ Митровицы, между Дунаем и Савой. Сначала он руководил из Сирмия военными действиями против готов, затем, после ухода императора Грациана на Рейн, Феодосий передвинул центр военного командования в Фессалонику, чтобы защитить от готов Иллирик и Фракию.

418

Эпиры (Epiri). Иордан дважды (Get., §§ 140, 149) употребил это название во множественном числе, так как в его время могло быть еще живо в памяти деление Эпира на две части; южную (с главным городом Никополем в заливе Арты), которая в древности называлась Старым Эпиром, а позднее – Эпиром Первым, и северную (с главным городом Диррахием), которая в древности называлась Новым Эпиром, а позднее – Эпиром Вторым.

419

Готы, чувствуя свою силу после победы 378 г. под Адрианополем, двинулись к югу и в 380—382 гг. подвергли разграблению большую часть Греции и ее городов. По сообщению Иордана, готы разорили Фессалию, Эпир и Ахайю. Ахайей, с того времени как Греция стала римской провинцией, называлась вообще вся Эллада, за исключением Фессалии. В данном случае Иордан придерживается такого именно понимания Ахайи, говоря, что готы в этих походах проникли до Афин, Коринфа и других городов средней Греции. Готские набеги 380—382 гг. довольно подробно освещены в источниках (ср. прим. 339), однако меньше, чем последующий поход Алариха в 395 г., когда готы, как известно, также напали на Афины и Коринф, проникли южнее – до Спарты и Мегары, и когда устояли за своими крепкими стенами только Фивы.

420

Вандалы вместе со свавами, аланами и другими племенами перешли Рейн и вторглись в Галлию в конце декабря 406 г.

421

«Ab hac luce migravit» – обычное выражение, употреблявшееся в течение многих веков; означает «умер», «скончался».

422

Атанарих, или Айтанарих, – король везеготов; умер в Константинополе в январе 381 г. Рассказ Иордана о приглашении Атанариха в Константинополь, о его восхищении столицей и о торжественном погребении Атанариха после его внезапной смерти является наиболее ярким и полным по сравнению с сообщениями других историков; автор рассказывает об этом так, как будто сам был очевидцем. Эпизод с Атанарихом вскрывает важную сторону политики восточной Римской империи, проводившейся при одном из выдающихся ее руководителей – Феодосии (379—395), когда устои империи колебались под напором варварских нашествий. Империя перетягивала варваров на свою сторону, чтобы их руками и их оружием оборонять свои границы от их же соплеменников, которые вторгались в ее пределы или просто оставались враждебными ей. Рассказ об Атанарихе приводится у ряда писателей, начиная с Аммиана Марцеллина. Он сообщает (Amm. Marc., XXXI, 5, 6 и 10), что Атанарих («iudex potentissimus») был «впоследствии» (в 381 г., а «Res gestae» Аммиана Марцеллина доведены до 378 г.) изгнан из родных земель («genitalibus terris expulsus») в результате заговора приближенных («proximorum factione») и явился в Константинополь, где «роковым образом» скончался («fatali modo decessit»). Павел Орозий, который закончил свое произведение около 417 г., кратко сообщает, что Феодосий заключил договор («foedus») с королем готов («cum rege Gothorum») Атанарихом, после чего он и явился в Константинополь, где сразу умер (Oros., VII, 34, 6—7). В «Церковной истории» Сократа (Socr., Hist. eccl., V, 10), освещающей события 305—439 гг., так же кратко говорится, что Атанарих, предводитель готов (ο των Γοτθων αρχηγός), пришел в Константинополь с «отрядом варваров», изъявил покорность Феодосию и вскоре умер. С большими подробностями рассказал о приходе Атанариха в Константинополь и о его смерти автор «Новой истории» Зосим (Zos., IV, 34), писавший свое сочинение между 450 и 502 гг. По Зосиму, Атанариха изгнали три предводителя разных частей (μοῖραι) готов, а именно: Фритигерн, Аллотей (Алафей) и Сафрак, направлявшиеся в поход для захвата Македонии и Эпира. Атанарих бежал с ближайшими соратниками (συν τω οικειω πλήθει) к Феодосию в Константинополь, вскоре умер там и был почтен «царским погребением». Писатели VI в. – Марцеллин Комит (Marcell. Comit., a. 381) и Кассиодор (Cass. Chron., a. 382) – сообщают об Атанарихе, пребывавшем в Константинополе, о его смерти очень кратко. Только в хронике

Проспера Аквитанского (Prosp. Aquit. Chron,, a. 382), доведенной до 519 г. (считается, что по ней Кассиодор составил свою «Краткую хронику»), отмечено, что Атанарих был убит на 15-й день после того как был принят в Константинополе. По-видимому, Феодосий, учитывая известность и славу Атанариха среди готов, намеревался пышными похоронами вождя завоевать симпатию опасных врагов. Зосим сообщает, что варвары, прибывшие с Атанарихом, были ошеломлены «преизбытком» (υπερβολή) роскоши и стали нести охрану берегов Дуная. Следует заметить, что с Атанарихом могло прийти в столицу не больше двухсот-трехсот его ближайших дружинников; готы, которые стали на охрану границ, принадлежали, несомненно, к войску Фритигерна.

Cunctus exercitus готов, которые с 382 г. пошли на службу империи, было войском не Атанариха (он войска уже не имел), а Фритигерна.

424

Здесь идет речь о договоре от 3 октября 382 г. между Феодосием и Фритигерном, по которому везеготы разместились как федераты в Нижней Мезии и во Фракии.

425

Грациан, старший сын Валентиниана I, был убит узурпатором Максимом в 383 г. В ответ на это император Феодосий повел в Италию громадную армию из готов-федератов и наемников – аланов и гуннов – с полководцами Рикимером и Арбогастом. Максим был разбит и обезглавлен под Аквилейей в августе 388 г. Узурпатор же Евгений, которого Иордан ошибочно считает убийцей Грациана, появился позднее, в 392—394 гг.

426

Сыновья императора Феодосия (ум. в 395 г.): Аркадий, который стал императором на Востоке (соправитель отца с 383 г., единолично правил с 395 по 408 г.) и Гонорий, который стал императором на Западе (соправитель отца с 393 г., единолично правил с 395 по 423 г.).

Аларих (Halaricus, Alaricus) показан впервые Иорданом как поставленный над готами (везеготами), избранный ими король, «rex» («ordinato super se rege Halarico»). Иордан не указывает определенно, что Аларих был везеготом по происхождению, но он подчеркивает, что Аларих из рода Балтов. В дальнейшем, говоря, каким по счету после Алариха был тот или иной король везеготов, Иордан называет Алариха «великим» (Get., § 245). У Пруденция (Prudent., II, 695) сказано, что Аларих родился на нижнем Дунае. По-видимому, ребенком он был переправлен вместе с отрядами везеготов через Дунай на территорию империи.

В первые же месяцы после смерти императора Феодосия (ум. 17 января 395 г.) Аларих и его войско, состоявшее не только из везеготов, но и из представителей других племен, двигавшихся вместе с ними, перестали служить федератами империи. К этому же времени относится начало деятельности Алариха как самостоятельного вождя везеготов. О более ранней деятельности Алариха Иордан не говорит, но сообщает, что готы-федераты (Get., § 145, без упоминания имени Алариха), в количестве будто бы 20 тыс. человек, помогли Феодосию одержать победу над узурпатором Евгением. Хотя Иордан неправильно приписывает Евгению убийство императора Грациана (см. прим. 425), но он правильно сообщает о крупном сражении в 394 г. близ Аквилейи, когда Феодосий разбил войско франка Арбогаста и его ставленника, узурпатора Евгения. Известно, что в армии Феодосия главную силу составляли готы, а среди полководцев выделялись Стилихон и Аларих.

Сразу же после смерти Феодосия везеготы, не получая полагавшегося им как федератам империи вознаграждения («даров» – dona), провозгласили королем Алариха и двинулись, перейдя Дунай, на Константинополь. Сыновья Феодосия (Гонорий на Западе и Аркадий на Востоке) не обладали талантами правителей и оказались всецело под влиянием фактических носителей власти: полководца Стилихона (при Гонории) и префекта претория патриция Руфина (при Аркадии). По версии, передаваемой Иорданом (Rom., § 319), Руфин подкупом склонил Алариха на поход в Грецию. Действительно, после переговоров с Руфином готы Алариха повернули в Македонию и Фессалию, проникли через Фермопилы, разрушили Афины, сожгли Коринф, опустошили Пелопоннес. Устрашенный этим грозным походом, Аркадий пожаловал Алариху заманчивое для варварских вождей

звание магистра армии («magister milituin») Иллирика. Таким образом, готы снова, как при Феодосии, стали частью римских войск и могли получать, кроме жалованья («дани», «tributum»), оружие и содержание, подобно всем римским солдатам.

Иордана преимущественно занимал последний период походов Алариха, а именно его нападение на Италию, куда он двинулся «через Паннонию», «через Сирмий» (Get., § 147). Этими географическими указаниями Иордан намечает путь везеготов в первом походе на Италию: вверх по реке Саве, через Эмону (нын. Любляна), через Юлийские Альпы и вниз по реке Изонцо (ср. прим. 756 о пути Теодериха в Италию). В ноябре 401 г. Аларих осадил Аквилейю и затем вошел в Италию «правой стороной», «dextroque latere» (с точки зрения Иордана, как бы смотрящего с юга. Ср. прим. 430). Далее в изложении Иордана события 401—410 гг. сливаются; он не различает трех походов Алариха на Рим. Рассказывая лишь об одном, он совмещает факты, относящиеся к различным походам. При первом появлении в Италии (осенью 401 г.) Аларих взял Аквилейю, зимой 401—402 гг. занял всю провинцию Венетий и подошел к Милану; ввиду того, что со стороны Вероны спешил Стилихон, стремясь освободить Гонория, находившегося в Милане, Аларих продвинулся к западу, по-видимому, намереваясь уйти в Галлию. Совершенно неправильно сообщение Иордана, что уже в (первом) походе на Италию Аларих осадил Равенну, в которой находился Гонорий (Get, §§ 148 и 152). Но вполне правдоподобно объяснение причины, по которой Аларих продолжил движение на запад: Гонорий в надежде освободиться от опасных врагов предложил везеготам отправиться на завоевание «далеко лежащих провинций», а именно Галлии и Испании (§ 153), почти потерянных империей. Однако и здесь Иордан стягивает в одно разные, хотя и близкие по времени, события: он поясняет, что «далеко лежащие провинции» подверглись нашествию «короля вандалов Гизериха». Этого не могло быть в 401—402 гг., так как вандалы появились в Галлии лишь в 406 г., а Гейзерих начал править ими еще позже – в 427 г. Затем Иордан правильно упомянул о незамеченном Аларихом (отошедшим уже к городу Асти) приближении Стилихона и описал их столкновение. 6 апреля 402 г., в день Пасхи, около Поллентии (нын. Полленца, на левом берегу Танаро, южного притока По) на везеготов напала часть войск Стилихона, не соблюдавшая дня важнейшего христианского праздника; это была аланская конница под предводительством Савла (ср. Oros., VII, 37, 2). Иордан изобразил (Get., §§ 154—155) эту битву как победоносную для готов, хотя, по свидетельству современников (например: Cl. Claud, De bello Pollentino sive Gothico, v. 565 sq.;

Prudent. II, 714 sq. и другие авторы), ни одна из сторон не получила решительного перевеса: битва была прервана наступлением ночи (см. прим. 449). Сообщение Иордана, что после этого сражения Аларих опустошил Эмилию и земли по Фламиниевой дороге между Пиценом и Тусцией (Get, § 155) и закончил поход захватом Рима (§ 156), неверно. Из-за такого упрощения походов Алариха на Италию Иордан не упомянул о битве между войсками Алариха и Стилихона летом 403 г. (или 402 г., ср. L. Schmidt, S. 440, Anm. 3) под Вероной, к северу от которой открывался путь на перевал Бреннер: Аларих снова хотел уйти из Италии. Продвинуться за Альпы ему не удалось, потому что Стилихон окружил его в горах и, стремясь использовать крупные силы везеготов в интересах Западной империи, в результате переговоров побудил Алариха отойти в Иллирик. Впоследствии Гонорий для укрепления союза с везеготами утвердил за их вождем звание магистра армии в Иллирике; в Риме осенью 403 г. был устроен триумф в честь победы Стилихона над Аларихом.

Следующий поход Алариха в Италию начался сразу же после смерти Стилихона, казненного 23 августа 408 г. С его гибелью прекратилась политика сотрудничества с везеготами, которых он стремился использовать главным образом для воссоединения Иллирика с Западной империей (Феодосий перевел бóльшую часть Иллирика в число провинций Восточной империи), а может быть, и для борьбы за ускользавшие из-под власти западного императора Испанию, Галлию, Британию. Около императора получила силу группа людей, не сочувствовавших никаким переговорам с варварами, тем более уступкам им или союзу с ними. Лишенный звания магистра армии, Аларих снова, как и в начале первого похода на Италию, перешел Юлийские Альпы, беспрепятственно двинулся на запад по Ломбардской низменности (по-видимому, по старой Постумиевой дороге), пересек реку По у Кремоны и направился к Риму. Гонорий со своим двором к этому времени переместился уже в огражденную болотами Равенну, более безопасную, чем предыдущая столица, Милан. Аларих окружил Рим, перерезал дороги и нарушил подвоз зерна к городу по Тибру, и при переговорах потребовал передать ему все находившиеся в Риме сокровища и всех рабов варварского происхождения. Контрибуция была выдана (см. Zos., V, 37—41), а рабы (οι οικέται) сами крупными партиями уходили из осажденного города, чтобы присоединиться к войску Алариха. Зосим (Zos., V, 42) называет цифру в 40 тысяч человек. Везеготы сняли осаду Рима в декабре 408 г. и отошли в Тусцию в ожидании решения Гонория. Но в Равенне не спешили с заключением мира,

полагаясь на силу нового войска из гуннов; Аларих же, испытывая трудности с продовольствием для войска (тем более, что к нему из Паннонии пришел с войском зять его Атаульф), снизил требования: сначала он желал получить для везеготов провинции обеих Венетий, Далмацию и Норик, позднее же согласился занять только Норик (Zos., V, 48). Получив отказ из Равенны, он вновь двинулся на Рим (конец 409 г.) с намерением посадить на престол императора по собственному выбору. Это ему удалось после захвата запасов зерна, направлявшихся из Порта (Portus) в Рим, и нажима на сенат. Посаженный Аларихом на трон и крещенный, как все готы, арианином, Приск Аттал «даровал» своему покровителю звание магистра обеих армий («magister utriusque militiae») и тем самым предоставил ему все средства для содержания войска. Однако вскоре же из Африки был прекращен подвоз зерна и масла; в Риме возобновился голод. Возникла мысль о походе в Африку, но император-ставленник старался воспрепятствовать этому. С Гонорием переговоры не давали желательных для Алариха результатов (Zos., VI, 8; Olympiod., § 13) Тогда он в третий раз двинулся к Риму (Zos., IX, 10; Oros., VII, 39, 1—18; 40, 1—2), но сил на овладение городом у везеготов, как и в предыдущие два похода, не хватило. Аларих вошел в Рим (14 августа 410 г.) только благодаря свирепствовавшему там голоду: согласно легенде, благочестивая женщина по имени Проба приказала своим рабам открыть ворота Porta Salaria и впустить везеготов, чтобы прекратить голод. Не кроется ли в этой легенде отголосок бурного социального движения рабов осажденного Рима, которое разрешилось сдачей города варварам? Третий поход Алариха на Рим и взятие им города отражены Иорданом в § 156, хотя его рассказ об этих событиях весьма краток и непоследователен. Он отметил, как и другие авторы, что везеготы опасались грабить храмы (возможно, места нахождения мощей святых, так как Иордан говорит «loca sanctorum»).

Итак, события, связанные с походами Алариха в Италию, Иордан передает в укороченном и искаженном виде. В общих чертах он правильно отразил отношение Гонория к Алариху, но осада последним Равенны произошла не в 401 г., во время первого похода Алариха на Италию, как сказано у Иордана, а либо летом 409 г., когда Аларих ждал выполнения своих условий мира и везеготы еще «не причинили в Италии никакого вреда» (§ 154), либо летом 410 г., после того как Аларих, свергнув возведенного им на императорский престол Приска Аттала, подчинил себе многие города в Эмилии и в последний раз сделал попытку провести переговоры с Гонорием. Все же следует признать, что Иордан довольно верно уловил характер походов (у

него – одного похода) Алариха в Италию: он показал и страх варваров перед войсками римского императора (в битве при Поллентии везеготы «сначала ужаснулись», «primum perterriti sunt», – § 155), и колебание их перед завоеванием Италии, которое выразилось в просьбе к Гонорию позволить им мирно остаться в его государстве («если он позволил бы готам мирно поселиться в Италии», «si permitteret ut Gothi pacati in Italia residerent»). Высказанное дальше предположение Иордана о слиянии готов с местным населением («они жили бы с римским народом так, что можно было бы поверить, что оба народа составляют одно целое», – § 152) следует, пожалуй, считать отзвуком того политического плана, который сквозит в труде Иордана и, быть может, разрабатывался уже Кассиодором (см. вступительную статью). Очевидны и страх Гонория перед Аларихом, совмещающийся с полным непониманием соотношения политических сил, и сочувствие Иордана могуществу Алариха, и тенденциозная антипатия к выдающемуся его противнику Стилихону, который начал будто бы на погибель всей Италии и бесчестье себе («ad necem totius Italiae suamque deformitatem») сражение при Поллентии, на самом деле временно пресекшее нашествие везеготов на земли Западной империи.

Исключительно Иордану принадлежит рассказ о погребении Алариха (Get., § 158). Быстро уйдя из разоренного, разграбленного и истощенного голодом Рима, везеготский завоеватель направился в Южную Италию с намерением переправиться в Сицилию, а затем и на африканское побережье. Африка представлялась везеготам желанной целью их походов, «спокойной страной» («ad Africam quietam patriam»). Но подготовленный для переправы флот разметало бурей, а смерть постигла Алариха (в конце 410 г.) близ города Козенцы в Бруттиях (Калабрия).

Примечательны приводимые Иорданом сведения о погребении Алариха в русле реки или ручья Бузент (нын. Бусенто, приток Крата). Пленники («captivorum agmina»), приготовившие могилу, были перебиты, «чтобы никто никогда не узнал того места». Место это, действительно, бесследно исчезло; производившиеся в речке Бусенто поиски, – и близ Козенцы, и выше по течению, – не привели к желанной находке, которая могла бы быть крупным археологическим открытием.

Естественно, что описание погребения в русле реки, к тому же принадлежащее перу автора VI в., вызывает большой интерес археологов. Однако, насколько известно, попытки рассматривать некоторые погребения как «речные» или «подводные» пока не получили признания и остались лишь недостаточно

обоснованными домыслами. Так, едва ли погребение, обнаруженное в 1918—1919 гг. и относимое на основании собранных к 1928 г. вещей, к рубежу IV—V вв., находилось в русле потока на правом берегу реки Суджи (ниже деревни Большой Каменец Льговского района Курской области). Вероятно, погребение было первоначально помещено (подобно другому, расположенному неподалеку, также на реке Судже) близ крутого склона, в дальнейшем осыпавшегося в овраг. Вещи из погребения, о котором идет речь, найдены не in situ, а в размытых частях берега. Эти предметы должны быть отнесены к погребению, которое находилось на высоком берегу реки, недалеко от его кромки (см.: Л. А. Мацулевич, Погребение варварского князя в Восточной Европе, стр. 52—59, 74—76, 92—100). То же самое, по-видимому, следует заключить и о сарматском погребении первых веков нашей эры в Поднепровье, около села Петрик (бывш. Звенигородского уезда Киевской губернии), обнаруженном еще в 1873 г. Эти соображения относительно археологических данных о некоторых погребениях едва ли справедливо рассматриваемых как захоронения в русле реки, ни в коей мере не уменьшают значения ясного рассказа Иордана, представляющего, несомненно, достоверное свидетельство о погребении Алариха в 410 г.

Менее отчетливое сообщение о подобной, скрытой течением реки, могиле дошло до нас из мира, весьма далекого по отношению к готам и к Италии V в. Ибн-Фадлан в дневнике путешествия на Волгу в 921—922 гг. описал способ захоронения «наибольшего царя» у хазар; в данном месте записей арабского путешественника наблюдается некоторая сбивчивость, но все же ясно, что поверх могилы направляли течение реки и что после погребения, в целях сохранения тайны, убивали людей, устраивавших могилу (см.: А. П. Ковалевский, Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг., Харьков, 1956, стр. 146—147; или в предыдущем издании того же памятника под ред. акад. И. Ю. Крачковского – «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», М.—Л., 1939, стр. 84).

428

Консульство Флавия Стилихона (на Западе) и Флавия Аврелиана (на Востоке) приходится на 400 год.

429

Сирмий (Sirmium, Sirmis, Syrmis, слав. Срем, близ нын. Митровицы) – крупный город в Нижней Паннонии, на левом берегу реки Савы, правого притока Дуная. Сирмий был центром префектуры Иллирика и важным укрепленным форпостом Восточной Римской империи против натиска варваров из-за Дуная. Когда готы при расселении племен после падения гуннской державы получили по договору с восточным императором обе Паннонии, то к ним отошел и город Сирмий (Get., § 264). Впоследствии он часто переходил из рук в руки. Прокопий отмечает (Bell. Goth., III, 33—34; 1, 3), что Сирмий был захвачен гепидами, потом готами (остроготами), затем возвращен империи при Юстиниане. При последнем, когда натравленные византийской дипломатией друг на друга лангобарды и гепиды схватились в ожесточенной борьбе, Сирмий вновь переходил то к одной, то к другой стороне. Иордан подчеркнул важное значение Сирмия как узлового пункта на пути из Панноний, являвшихся владением разных варварских племен, в область Венетий и в «Гесперию» (в Италию). Через Сирмий, как говорит Иордан, шел в Италию Аларих в начале V в. (Get., § 147), через Сирмий в 489 г. провел свои войска Теодерих, когда отправился отвоевывать ту же «Гесперию» у Одоакра (Get., § 292).

Следует обратить внимание на это место, так как оно свидетельствует о местонахождении автора во время создания его труда. Представляется, что автор находился где-то в Италии, и потому для него, смотрящего с юга на север, появление Алариха с северо-востока было появлением «с правой стороны». Едва ли мог Иордан, достаточно осведомленный в географии как Балканского, так и Апеннинского полуостровов, совершенно механически, без осмысления списать слова о «правой стороне» у Кассиодора. По-видимому, и для него – Иордана – сторона, с которой появился Аларих, была «правой».

431

Италия к моменту появления Алариха (400—401) была «пуста», т. е. лишена войск, по той причине, что Стилихон со всей армией находился в Рэции, где отражал вандалов, которые затем двинулись к северо-западу и перешли Рейн в конце 406 г.

432

Мост Кандидиана упоминается Кассиодором под 491 г. в «Chronicon breve». По-видимому, это был мост через речку Кандиано, севернее Равенны. Иордан говорит о мосте в связи с походом Алариха в Италию в первых годах V в.; он называет мост именем Кандидиана, который, быть может, не построил, а лишь возобновил или украсил старый мост под Равенной. В дошедших до нас фрагментах Олимпиодора (Olympiod. §§ 24 и 46) имя Кандидиана упомянуто в связи с браком Галлы Плацидии и Атаульфа, а также в связи с возвращением Галлы Плацидии в 425 г. в Равенну. Следует отметить, что среди корреспондентов Сидония Аполлинария (ум. после 479 г.) был житель Равенны по имени Кандидиан (Sidon. Apoll. Epist., 8, a. 467).

433

Миллиарий отмечает расстояние, равное около 1,5 км. Называемый Иорданом мост отстоял, таким образом, от Равенны примерно на 4,5 км (см. также прим. 3, 4, 31, 99, 101, 349).

434

Река Пад (Padus, нын. река По в Ломбардии). Ввиду того что военная опасность (для северной Италии) надвигалась чаще всего с севера или с северо-востока, река Пад была существенным препятствием на пути к Равенне. Поэтому, хотя город и расположен южнее устья Пада, река рассматривалась как одна из защитных линий в окрестностях Равенны, огражденной, кроме того, болотами и морем.

435

Иордан ввел в свой текст греческое слово αινετοί как определение землевладельцев – possessores (ср. прим. 14 и 411), некогда населявших области вокруг Равенны и по берегам нижнего Пада. В большинстве кодексов, содержащих «Getica», дана латинская транскрипция: eneti, enety, enithy и др. (см. приведенные Моммсеном разночтения, стр. 96). В транскрипции отразилось произношение греческих дифтонгов «αι» как «е» и «οι» как «і», откуда ясно, что греческая форма слова искусственно создана из этнического названия Veneti-Eneti – Ἐνετοί, которым определялись жители провинции Венетий. Венеты у Адриатического моря упомянуты еще Геродотом (Hist., V, 9, 3; I, 196, 1). Позднее их назвал Плиний (Plin. Nat. hist, III, 19) и хорошо известный Иордану Помпоний Мела (Mela, II, 59: «Veneti colunt Togatam Galliam», т. е. венеты обитают в Gallia Togata, в Цизальпинской Галлии). В данном случае на страницах сочинения Иордана, в общем не склонного к изощренному толкованию слов, сказалась искусственная ученость, которая, спустя почти столетие, расцвела в произведениях Исидора Севильского. Иордан, знакомый с греческим языком, «подогнал» (либо сам, либо по памяти вслед за Кассиодором) неправильно написанное греческое слово к глаголу αινέω, что значит «восхвалять». Таким образом, хорошо известный этнический термин «венеты» стал в передаче Иордана эпитетом «достохвальные», «хвалы достойные». Несмотря на это, Иордан в других местах своих сочинений вполне точно употреблял название венетов – обитателей побережий Адриатического моря (Rom., § 180: «Veneti seu Liburnes... per totum Adriani maris litus effusi») или вообще провинции Венетий (Get., § 222: «Venetum civitates»; § 223: «ager Venetum Ambuleius). Интересно, что много позднее византийский историк Никита Хониат (ум. ок. 1210 г.) пояснил, что термин Ἐνετοί значит то же, что и венецианцы (Βενετίκους) на простом разговорном языке (Nicet. Chon., p. 222).

У Иордана было в употреблении немало греческих слов, например, в §§ 13, 16, 21, 50, 62, 103, 119, 122, 213, 239, 256, 258. Подбор разных иностранных слов – греческих, германских, кельтских, еврейских – в латинском языке сочинения Иордана «Getica» сделан в работе Ф. Вернера (F. Werner, Die Latinität der Getica des Jordanis. Halle, 190. S. 139—141).

Здесь можно усмотреть некоторое сходство с образом, данным Кассиодором в одном из писем собрания «Variae» (XII, 24), где он говорит о приливе и отливе на морском берегу близ Равенны и в дельте По, когда суша вдруг обращается в острова. Однако ни о пересказе, ни тем более о списывании с какого-либо текста из известных нам произведений Кассиодора не может быть и речи. Описание Равенны Иорданом для раннего средневековья является пока оригинальным и наиболее подробным (см. вступительную статью).

437

Коркира (Κέρκυρα) – нын. остров Корфу на Ионическом море. Не отражает ли этот текст тот путь, по которому (или по части которого) Иордан с родины (Мезии) или из Константинополя прибыл в Италию?

438

Перечисление частей диоцеза Иллирика (в конце IV в.), расположенных вдоль восточного берега Адриатического моря: севернее Эпира и до города Салоны тянется Далмация, далее к северу от города Триеста – Либурния, далее – полуостров Истрия, за ним по берегу – провинция Венетии.

439

Здесь, по-видимому, в памяти Иордана всплыл текст из «Энеиды» Вергилия: «litus ama et laeva stringat sine palmula cautes» – «льни к берегу и левому веслу давай касаться утесов» (Aen., V, 163); У Иордана сохранилось лишь Вергилиево слово «palmula» (он мог бы проще сказать «remus»): «et sic Venetias radens palmula navigat».

«Ров Аскона» («Fossa Asconis») – название северного рукава («ramus») реки Пада (нын. По). Упоминается не только Иорданом (как неправильно полагал Моммсен, ср. его Index locorum), но и равеннским пресвитером Агнеллом в «Liber pontificalis ecclesiae Ravennatis», где указано, что «ров Аскона» находился вне Равенны: епископ Максимиан в 546 г. жил вне ворот св. Виктора, недалеко от потока, называемого «рвом Аскона», «Fossa Sconii» (Agn., § 70). В 552 г. появилась в Равенне манихейская ересь, православные («orthodoxi Christiani») выгнали еретиков из города и побили их камнями «вне города, в месте, называемом рвом Аскона, близ потока» – «Fossa Sconii iuxta fluvium» (Ibid., § 79).

441

«С юга же сам Пад» («a meridie item ipse Padus») – явная ошибка Иордана, так как река По и все рукава ее дельты находятся к северу, а не к югу от Равенны.

442

Иордан вставляет здесь слова Вергилия (Georg., 1, 482): «fluviorum rex Eridanus» («речных потоков царь Эридан») и потому вводит в свое описание поэтическое название реки Пада – Eridanus.

Это сообщение Диона Кассия до нас не дошло,

Неясно, про какого писателя говорит Иордан. Моммсен предполагает, что «Favius» – неверно списанное переписчиком имя Аблавия.

445

Игра слов: «arbor» значит и «растущее дерево», и «мачта корабля»

6Позднее, в конце V столетия, в таком же положении, как Аларих, оказался вождь остроготов Теодерих. Не будучи в силах справиться с Теодерихом, император Зинон решил прельстить его перспективой завоевания Италии, занятой Одоакром, и тем самым удалить опасных варваров с территорий, близких к Константинополю. (Ср. прим. 427.)

447

Гейзерих (428—477) – король вандалов. В 429 г. он переправил свое племя через Гибралтар на африканское побережье.

По-видимому, словами «hac ordinatione» Иордан хотел выразить не только мысль о постановлении императора, но и о предложенном порядке исполнения постановления (отправиться в Галлию, завоевать ее и т. д.)

Стилихон (Stilico) (ок. 365—408 гг.) – один из наиболее крупных военачальников поздней империи. Стилихон по отцу был вандалом; об этом сообщает Орозий (Oros., VII, 38, 1), его современник. Иероним, также современник Стилихона (Hieron. Epist., 123, 16, 2), определяет его как полуварвара (semibarbarus), из чего можно заключить, что его мать была римлянка. Стилихон представлял собой типичную фигуру варвара-полководца на службе империи. Он начал военную карьеру при императоре Феодосии, который женил его на своей племяннице Серене. Быстро продвинувшись по всем ступеням военных чинов: трибуна, комита стабул (буквально – конюшен), комита доместиков (императорской гвардии), Стилихон еще молодым человеком (не позднее 393 г.) стал магистром обеих армий (magister utriusque militiae). Как доверенное лицо Феодосия и как опытный полководец, он был назначен опекуном (и, собственно, регентом) при несовершеннолетнем Гонории, императоре Западной империи после смерти Феодосия (395 г.) Широкий размах притязаний Стилихона толкал его на вмешательство в дела Восточной империи, на престоле которой сидел другой сын Феодосия, Аркадий, правивший под руководством своего опекуна и наставника, префекта Руфина. Добившись насильственного удаления Руфина, Стилихон не смог, однако, оказать влияние на политику Константинополя, так как Руфина сменил не менее, чем он, могущественный при слабовольном императоре евнух Евтропий. К тому же положение на Западе было все время до такой степени напряженным, что Стилихон принужден был все силы отдавать только Западу. Противниками, с которыми успешно боролся Стилихон, защищая Западную империю, были Аларих и Радагайс.

С Аларихом Стилихон воевал еще в Фессалии (в 397 г.), будучи призван Евтропием на защиту Греции, куда вторглись везеготы и другие варвары, дошедшие до Аркадии. Стилихону не удалось запереть их в южных областях: Аларих сумел прорваться в Эпир и уйти от встречи с врагом. Но вскоре, когда Стилихон был занят в Рэции отражением натиска вандалов, Аларих вторгся в Италию, появившись в конце 401 г. со стороны Юлийских Альп. После осады Аквилейи – первого крупного города в Италии на пути с востока – Аларих двинулся к Милану, где находился Гонорий. Стилихону удалось оттеснить везеготов от столицы (тогда же Гонорий перенес столицу из Милана в Равенну) и заставить их отойти по Ломбардской низменности к предгорьям

Коттийских Альп.

О первом вторжении Алариха в Италию Иордан говорит в § 147, ошибочно сообщая о походе везеготов непосредственно на Равенну, где тогда будто бы уже находился Гонорий. В обращении Алариха к императору, переданном Иорданом (§ 152), звучит обычная просьба варваров: поселиться на территории империи (в Италии) с обещанием (Иордан, несомненно, имеет здесь в виду практику, осуществленную впоследствии Теодерихом) жить в мире и согласии с римлянами, как бы сливаясь в один народ («sic eos cum Romanorum populo vivere, ut una gens utraque credere possit»). Возможно, что переговоры происходили не в Равенне, а в Милане, куда, судя по ряду источников, и подошел Аларих и откуда его отогнал Стилихон. Вероятно, что Иордан правильно передал причину, побудившую Гонория предложить Алариху отправиться на завоевание Галлии, ускользавшей из рук империи. Но сообщение Иордана, что император потерял и Галлии и Испании вследствие нашествия вандалов, неверно, так как вандалы перешли Рейн в последний день 406 г., а в Испании они появились только осенью 409 г.; приближение же Алариха к Милану относится к 402 г. Таким образом, Иордан нарушил здесь и хронологию, и соотношение событий.

Однако современники Стилихона и Алариха (поэты Клавдий Клавдиан и Пруденций) говорят, что Аларих, направившись к западу от Милана, имел намерение повернуть на юг и идти к Риму (Prudent., II, 702, 720). В это время, после столкновения Стилихона с везеготами под Миланом, и произошла отмечаемая всеми источниками битва у Поллентии (ср. прим. 427). Орозий сообщает (Oros., VII, 37, 2), что на Алариха как раз в день Пасхи (6 апреля 402 г.) напал Савл, один из командиров войска Стилихона (Савл был язычник и потому не соблюдал христианских праздников). Битва не имела определенного исхода и была прервана наступлением ночи, однако лагерь Алариха, – так пишет Клавдиан (Bell. Get., 84, 625), восхваляющий Стилихона, – достался римлянам. Наоборот, Иордан склонный приписывать большинство побед готам, говорит, что Стилихон начал сражение с мирно настроенными отрядами Алариха, но затем так разъярил варваров своим вероломством, что они обратили его в бегство, а сами бросились опустошать Лигурию, Эмилию, Тусцию и дошли до Рима (Get., §§ 155 и 156). Так, Иордан свел в один поход два отдельных и разновременных похода Алариха на Италию (400—402 гг. и 409—410 гг.) и уменьшил роль Стилихона в борьбе с ним. Он уже не остановился ни на определенной победе Стилихона над Аларихом близ Вероны, после чего везеготы пытались прорваться через Бреннер

за Альпы, но потерпели неудачу и ушли из Италии на восток; ни на том, что Стилихон спас Италию (в частности, Флоренцию) от разорения полчищами Радагайса в 406 г. (Rom., § 321).

О конце Стилихона Иордан кратко сообщил в «Romana» (§ 322), поставив падение и гибель Стилихона в связь с тем, что он будто бы призвал в Галлию вандалов, аланов и свевов (Get., § 115), а кроме того лелеял надежду отправиться в Константинополь и там короновать своего сына Евхерия цезарем (император Аркадий умер в мае 408 г.) Последним намерением Стилихон, конечно, мог навлечь на себя подозрение Гонория и его приближенных. Но едва ли правдоподобно, что он призвал варваров (хотя бы и вандалов, т. е. единоплеменников) в Галлию; Стилихон не пошел пересекать им путь (после того как они перешли Рейн), готовя войска к переправе на далматинское побережье для завоевания Иллирика, где его ждал дружественный тогда империи Аларих, почтённый званием магистра армии (Иллирик был спорной префектурой; Западная империя стремилась присоединить Иллирик к своим владениям вопреки фактической его принадлежности к Восточной империи). Однако все обвинения Стилихона в изменнических действиях – обоснованы они или нет – объясняются одним несомненным фактом, а именно усилившимся к тому времени недовольством италийцев в связи с выдвижением варваров на главенствующие военные посты. Враждебная реакция, вызванная необычайным могуществом Стилихона, ускорила его падение. Стилихон стремился держать в руках политику обеих империй, будучи при этом сторонником варварского влияния и его проводником. Гонорий, окруженный врагами Стилихона, возбудившими против всесильного военачальника значительную часть армии, приказал схватить своего знаменитого полководца и казнить вместе с сыном, что и было приведено в исполнение в Равенне в августе 408 г. Олимпиодор (§ 2) сообщил, что Стилихона погубил выдвинувшийся при дворе Гонория Олимпий (см.: Olympiod., §§ 2, 3, 5, 6, 8, 9. Ср. Е. Ч. Скржинская, «История» Олимпиодора, о Стилихоне).

450

Поллентия (Pollentia) – город у предгорья западной части Альпийского хребта, в так называемых Коттийских Альпах (см. прим. 427).

451

Коттийские Альпы (Alpes Cottiarum, Alpes Cottiae) – название не только западной части Альпийского хребта, но и провинции (с главным городом Генуей), граничившей на юге с Тосканой. Название «Коттийские Альпы» (соответствует нын. Mont Ginèvre) относится к горному перевалу в западных Альпах, по которому шли дороги из северной Италии в Нарбоннскую Галлию (см. Tac. Historiae, I, 61, 87; IV, 68: Alpes Cottianae, Alpes Cottiae). Дорогу через перевал строил в начале I в. н. э. один из кельтских царьков, подчинившийся Августу и именуемый в римских источниках Коттием (M. Julius Cottius).

452

Лигурия – провинция Италии с центром в Медиолане (нын. Милан); в IV в. Лигурия была отодвинута от морского побережья к северу от реки По.

453

Эмилия – провинция Италии, получившая свое название от римской военной дороги – via Aemilia (между городом Пьяченцей на реке По и городом Римини на Адриатическом море); она охватывала территорию бывшей Циспаданской (лежащей к югу от реки По) Галлии, но без выхода к Адриатическому морю.

454

Фламиниева дорога (via Flaminia) – одна из крупных римских военных дорог; она вела из Рима от подножия Капитолия через Фламиниевы ворота в городской стене по Этрурии и Умбрии до города Аримина (нын. Римини) на Адриатическом море. В IV в. Фламиния – провинция в Италии, вытянутая по побережью Адриатического моря от устья реки По до нынешнего города Сенигаллья.

455

Пицен – провинция в Италии между Апеннинами и берегом Адриатического моря (от города Анконы до города Адрии).

456

Тусция – провинция в Италии, охватывавшая территорию древних италийских провинций Этрурии и Умбрии, с городами Флоренцией, Перуджей и др.

457

Аларих вступил в Рим 24 августа 410 г.

458

Кампания – провинция в Италии; в IV в. Кампания занимала территорию вдоль берега Тирренского моря, к югу от Рима и до Неаполя, в глубину же – до цепи Апеннин.

459

Лукания – провинция в Италии, в IV в. примыкавшая к Кампании вдоль берега Тирренского моря и переходившая в провинцию Бруттиев, которая занимала всю южную оконечность Апеннинского полуострова (нын. Калабрию).

460

См. прим. 459 и 462.

461

Собственно, не Адриатическое море, а его преддверие – Ионическое море.

462

Название провинции «Бруттиев» произошло от имени народа бруттиев, покоренных Римом в III в. до н. э.

463

Консенция (Consentina civitas), нын. город Козенца в Калабрии (в V в. – в провинции Бруттиев), расположен на возвышенности, по сторонам которой протекают река Кратис и ее приток Бузент.

Атаульф, Atavulfus (410—415) – преемник Алариха; вывел везеготов из Италии в Галлию.

465

Плацидия (Placidia), Галла Плацидия (ок. 390—450 гг.) – дочь императора Феодосия I, сестра императоров Аркадия и Гонория; в 414– 415 гг. – жена везеготского короля Атаульфа, в 421 г. – жена императора Констанция III; мать императора Валентиниана III. События, связанные с Галлой Плацидией, игравшей значительную роль в Западной Римской империи, подробно отражены в «Истории» Олимпиодора, доведенной им до 425 г.

466

Галла Плацидия была захвачена в плен Аларихом при взятии им Рима в августе 410 г. Атаульф (410—415), преемник Алариха, женился на Галле Плацидии перед своим уходом из Италии в южную Галлию. Так передает Иордан, говоря, что Атаульф, покидая Италию, относился к императору Гонорию уже как к родственнику. Но в более раннем источнике – в «Истории» Олимпиодора (Olympiod., § 24) – сообщается, что Атаульф женился на Галле Плацидии в Нарбонне, т. е. уже в Галлии, в доме знатного римлянина Ингения, причем Атаульф был облачен в римские одежды, а Галла Плацидия – в одежды императрицы. Церемония происходила 1 января 414 г. Возможно, что знатное лицо, принимавшее у себя вождя везеготов и дочь императора Феодосия, и был тот житель Нарбонны, беседу с которым передал Орозий (Oros., VII, 43, 4—7). Ср. прим. 468.

467

Форум Юлия (Forum Iulii) – на побережье Прованса (нын. Фрежюс). В провинции Венетиях был г. Форум Юлийский (Forum Iulium), нын. Чивидале дель Фриули. Форума Юлия, а также Форума Юлийского в провинции Эмилии нет; там есть Форум Ливия (Forum Livii, нын. Форли, Forli), южнее Равенны. Обычно предполагается, что бракосочетание Атаульфа и Галлы Плацидии произошло в Провансе, т. е. в Форуме Юлия (нын. Фрежюс), так как путь везеготов из Италии лежал на запад, в южную Галлию, и, по свидетельству Олимпиодора (Olympiod., § 24), Атаульф женился на Галле Плацидии в Нарбонне. Однако, если следовать сообщению Иордана, то приходится считать, что Атаульф отпраздновал свадьбу до того, как покинул Италию, и, быть может, именно в провинции Эмилии, т. е. в Форуме Ливия – Форли, а не в Форуме Юлия – Фрежюсе.

В данном случае автор отразил слабость империи, сказав о ней как о «присоединенной» к готам, а не наоборот. В связи с этим интересна запись Орозия, который сообщает о своей беседе с жителем города Нарбонны, ездившим в Палестину для свидания со знаменитым церковным писателем Иеронимом (ум. в 420 г.). «Набожный, степенный и серьезный» нарбоннец рассказал Орозию, что он был очень близок («familiarissimus») с королем везеготов, преемником Алариха Атаульфом, когда последний находился в Нарбонне. Нарбоннец передал мысли Атаульфа, которые тот не раз высказывал. Он (Атаульф) «вначале горел желанием уничтожить само имя [т. е. народ, племя] Римское („oblitterato Romano nomine“), а всю землю Римскую („Romanum omne solum“) превратить в империю готов и назвать ее таковою („Gothorum imperium et faceret et vocaret“), чтобы была, попросту говоря, Готия из того, что некогда было Романией („essetque, ut vulgariter loquar, Gothia quod Romania fuisset“); Атаульф же стал бы теперь тем, чем был когда-то Цезарь Август. Однако, после того как большой опыт („multa experientia“) доказал, что готы никак неспособны повиноваться законам вследствие необузданного своего варварства („propter effrenatam barbariem“), а государству нельзя существовать без законов, ибо без них государство не есть государство („sine quibus respublica non est respublica“), он (Атаульф) избрал для себя [путь] искать славы в полном восстановлении и увеличении римского имени силами готов; таким образом, он смог бы считаться у потомков виновником восстановления Римской империи, если уж ему не удалось изменить ее („habereturque apud posteros Romanae restitutionis auctor, postquam esse non potuerat immutator“). Поэтому он был склонен как воздерживаться от войны (с Римом), так и стремиться к миру...» (Oros., VII, 43, 4—7).

469

Имеется в виду одна из префектур Западной Римской империи, а именно – префектура Галлий, содержавшая три диоцеза: Галлию, Испанию, Бретанию.

470

Атаульф, король везеготов, пришел в южную Галлию в 412 г. и расположил везеготов как федератов империи среди местного населения, на «стипендии» от Рима.

471

Обе Паннонии (utraque Pannonia). Верхняя Паннония находилась между Дунаем (в части его течения выше города Аквинка) и рекой Дравой. Главный город Верхней Паннонии – Савария. Нижняя Паннония находилась между реками Дравой и Савой в их нижнем течении. Главный город Нижней Паннонии – Сирмий, Срем (близ нын. Митровицы). См. прим. 364.

472

Вандалы и аланы перешли на левый берег Рейна в последний день 406 г. См. прим. 364.

Здесь «Галлии» противопоставлены «Испаниям». По «Notitia dignitatum» конца IV в., так называемый «Диоцез семи провинций» («Diocesis Septem Provinciarum»), состоящий из семи частей общей Галлии – 1) Галлия Лугдунская, 2) Аквитания, 3) Галлия Нарбоннская, 4) Галлия Виеннская, 5) Секвания, 6) Альпы Грайские или Пенинские и 7) Альпы Приморские, – противопоставлен «Диоцезу Испаний» («Diocesis Hispaniarum»), состоящему из семи частей общей Испании – 1) Галлеция, 2) Лузитания, 3) Испания Тарраконская, 4) Испания Карфагенская, 5) Испания Бэтика, по реке Бэтису, нын. Гвадалквивир, 6) Тингитания (в Африке) и 7) Балеары.

Вандалы, аланы и свевы перешли из Галлии в Испанию в сентябре или октябре 409 г. Дату их перехода через Пиренеи приводит продолжатель хроники Иеронима Идаций, бывший епископом на северо-западе Пиренейского полуострова, в Галлеции (нын. Галисия). Идаций (умер в 470 г.) был современником событий, связанных с вторжением 409 г.; он записал: «Alani et Vandali et Suevi ingressi aera CCCCXLVII [447 г. испанской эры соответствует 409 г. н. э.]. Alii III kal., alii III idus Octobris memorant die, tertia feria, Honorio VIII et Theodosio Arcadii filio III consulibus» (Idat. Chron., a. 409). Ниже, под 411 г., он сообщает, что пришедшие племена распределились на территории полуострова следующим образом: вандалы заняли Галлецию, свевы – места по побережью океана (также в Галлеции), аланы разместились в провинциях Лузитании и Картахены, а вандалы-силинги выбрали себе Бэтику; местные жители – Hispani – подчинились пришельцам и жили в городах и укреплениях («per civitates et castella residui», – Ibid., a. 411). По-видимому, Идаций имел в виду только городское, а не сельское население, которое, конечно, осталось в каком-то количестве на земле. Ср. прим. 300.

Геберих – король готов, предшественник Германариха. О том, как он изгнал вандалов из Паннонии, см. Get., §§ 113—115. Ср. прим. 364.

Так Иордан объясняет возможность захвата территорий племенами: одни племена освобождают земли, другие занимают их. По мнению Иордана, вследствие ухода в 409 г. в Испанию вандалов, аланов и свевов (до того рассыпавшихся по разным частям Галлии), для везеготов, двигавшихся под предводительством Атаульфа из Италии, оказались «открытыми» («patuere») южные области Галлии. Везеготы, заняв их, забрали и ряд крупных старых городов – Нарбонну, Толозу, Бурдигалу (нын. Бордо).

Название города Барселоны (Barcino, в провинции Hispania Tarraconensis) употребляется Иорданом в средневековой форме.

477

Атаульф был убит в Барселоне осенью 415 г. Орозий ставит убийство Атаульфа в связь с его симпатиями к Римской империи и мирными отношениями с императором Гонорием. «Так как он [Атаульф], – пишет Орозий (Oros., VII, 43, 8), – усерднейшим образом следовал ее [жены своей, Галлы Плацидии, сестры императора Гонория] просьбам и предложениям о мире, то и был убит в испанском городе Барселоне, как рассказывают, вследствие козней своих» («dolo suorum», т. е. готов).

478

Сегерих, король везеготов (415 г.) – преемник Атаульфа. Был убит по той же причине, что и его предшественник, а именно – из-за «склонности к миру» («ad pacem pronus esset») с Римской империей, как пишет Орозий (Oros., VII, 43, 9).

479

Валия – король везеготов (415—419), преемник Сегериха. Политика Валии была остро враждебна в отношении империи. Орозий говорит, что Валия был избран готами для того, чтобы нарушить мир с империей («ad hoc electus a Gothis ut pacem infringeret», – Oros., VII, 43, 10).

480

Констанций (Flavius Constantius) – полководец императора Гонория, консул в 414, 417, 420 гг., префект претория Иллирика, совершивший походы в 411 и 413 гг. против узурпаторов, появившихся в Галлии. Был женат на Галле Плацидии, сестре Гонория. В 421 г., с февраля по день своей смерти (12 сентября), Констанций III был императором и соправителем Гонория.

481

Константин – узурпатор; император и даже соправитель Гонория в Британии и Галлии в 407 – 411 гг. Константин объявил своего сына Константа цезарем, а затем императором; вместе они представляли значительную угрозу империи. Будущий император Констанций III, тогда еще военачальник Гонория, в 411 г. победил и обратил в бегство обоих узурпаторов – Константина и Константа. В ряду императоров Западной империи узурпатор Константин считается Константином III, а его сын – Константом II. Наиболее подробно об этих кратковременных узурпаторах рассказал Олимпиодор (Olympiod., §§ 12, 14, 16, 19).

482

Арелат (Arelate) – город в Нарбоннской Галлии, на левом берегу нижней Роны (нын. город Арль). После взятия франками в 412 г. Трира Арелат стал главным городом той части Галлии, которая еще оставалась подчиненной Риму.

483

Виенна (Vienna) – нынешний город Вьенн (Vienne) на левом берегу Роны, ниже Лиона.

Иовин, родом галл, был провозглашен императором в 411 г. в Могунтиаке во Второй, или Нижней, Германии при поддержке двух варварских вождей: аланского – Гоара и бургундионского – Гунтиария. Обычно Могунтиак в Германии отождествляется с нын. Майнцем, но Могунтиак Нижней Германии, конечно, не Майнц, который находился в Первой, или Верхней, Германии. Могунтиак Нижней Германии находился где-то на территории Бельгии, в пределах Льежского епископства.

Атаульф был резко враждебно настроен к Иовину и не только не стал содействовать ему в борьбе против Гонория, но открыто принял сторону императора и помог Гонорию справиться с Иовином и его братом Себастьяном. Оба узурпатора были казнены, а головы их выставлены за стенами Равенны. Ср. записи Орозия (Oros., VII, 4, 2, 6), Марцеллина Комита (Marc. Comit., a. 411) и особенно подробные записи Олимпиодора (Olympiod., §§ 17 и 19).

485

«В двенадцатый год» правления Валии – по-видимому, ошибка автора или переписчика: такого года не могло быть, так как Валия правил везеготами только четыре года (с 415 по 419 г.)

Если считать, что гунны продвинулись в Паннонию в 405—406 гг. и обладали ею 50 лет, то время изгнания гуннов приходится на 455 г. Однако Марцеллин Комит, канцелляpий императора Юстиниана и продолжатель «Историй», написанных Евсевием и Иеронимом (Марцеллин довел описание событий до 534 г.), поставил под 427 г. известие о том, что Паннонии были возвращены Риму после того как гунны владели ими 50 лет. Таким образом оказывается, что гунны появились в Панноииях уже вскоре после разгрома ими державы Германариха в 376 г. Во всяком случае, время изгнания (или ухода) гуннов из Панноний, будь то 455 или 427 год, не совпадает со временем правления Валии, короля везеготов (415—419).

487

Консульство Иерия (Hierius) на Западе и Ардавура (Ardaburius) на Востоке падает на 427 г. Иордан ошибается, сопоставляя этот год с годами правления Валии, короля везеготов.

488

Галлиция (Gallicia, вернее Галлеция, Gallaecia) – провинция в северозападной части Пиренейского полуострова (нын. Галисия в Испании).

489

Атаульф воевал с вандалами в Испании в 413—415 гг. Ср. Get., § 163.

490

Гейзерих – король вандалов (428—477). При Гейзерихе вандалы покинули Пиренейский полуостров и обосновались в северной Африке. Современником Гейзериха, из везеготских королей, был не Валия, как пишет Иордан, а преемник его, Теодорид (419—451).

Бонифаций – один из высших военачальников при императоре Гонории и особенно при Галле Плацидии и ее сыне Валентиниане III (425—455). Деятельность Бонифация развивалась в Африке, где он, «стратиг всей Ливии» (Bell. Vand., I, 3, 16), командовал войском готов-федератов и достиг полунезависимого положения. Олимпиодор (Olympiod., § 42) отмечает его военные успехи и популярность среди населения (Ibid. – эпизод с крестьянином, ανήρ τις άγροικος). Но в 427 г. против Бонифация были двинуты войска империи. Источники не указывают причины этого похода против своего же стратига, к тому же защищавшего Африку и изгнавшего из владений империи «множество варварских племен» (Ibid.). Кассиодор в хронике под 427 г. записал, что Бонифаций «держал Африку неправильно» (infauste), а Прокопий указал, что он будто бы стал тираном, незаконно захватил власть, отторг Ливию от империи (Bell. Vand., I, 3, 17).

Понимая, что сопротивление империи ему не по силам, Бонифаций, по свидетельству Прокопия и Иордана (писавших более ста лет спустя), якобы склонил вандалов переселиться из Испании в Африку, заключив с ними военный союз (ομαιχμία) для совместного отражения врага (т. е. военных сил империи). Этот рассказ передает, по-видимому, легенду (ср., например, сообщение Иордана о Стилихоне, который в 406 г. призвал вандалов, шедших вместе с аланами и свевами, пересечь Рейн и занять земли в Галлии, – Get., § 115). Легенда была передана, главным образом, писателями IV в. О «приглашении» вандалов Бонифацием писал Иордан (§ 167) и подробно рассказал Прокопий (Bell. Vand., I, 3, 14—36). Однако более ранние авторы не говорят об этом; даже в хронике Кассиодора, уже далекого от событий V в., но вполне в них осведомленного, появление вандалов в Африке связывается с приходом в Испанию везеготов, вытеснивших вандалов: «gens Vandalorum a Gothis exclusa de Hispaniis ad Africam transit». О роли, которую играл Бонифаций в этом крупном движении племен, нет ни слова. Кассиодор обозначил это событие 427 годом, но, как известно, принято считать более точной дату, приводимую Идацием, – май 429 г. (Idat. Chron., a. 429). Объяснения, почему вандалы переправились в Африку, Идаций не дает.

С указанным событием нельзя не сопоставить неоднократно отмечавшегося источниками стремления варварских племен переселиться в Африку в поисках мирной и сытной жизни. В 410

г. готы с Аларихом пошли из Рима на юг с целью попасть в Сицилию, а оттуда переправиться на африканское побережье: смерть Алариха расстроила их планы (Get., § 157). Везеготы с королем Валией пытались на кораблях достигнуть Африки, но их попытка не увенчалась успехом (Get., § 173; Oros., VII, 43, 11—12). Однако эти неудачи не изменили давнего намерения германских племен завоевать страну, богатую хлебом. Его осуществили вандалы. Бонифаций, будто бы сговорившийся с вандалами о разделе африканских земель империи на три части (две части – двум вандальским королям-братьям, одну – самому Бонифацию; см. Bell. Vand., I, 3, 25: ἑκαστον το Λιβύης τριτημόριον ἐχοντα), вступил тем не менее в борьбу с пришельцами. Сначала он старался изгнать их, будто бы раскаявшись в намерении разделить Африку, как сообщает Прокопий, затем он выдержал длительную осаду (430—431) в городе Гиппоне в Нумидии. Тогда же из Рима и из Константинополя прибыло большое войско под предводительством Аспара; произошло сражение, которое выиграли вандалы. Африка была потеряна для империи, а Бонифаций в 432 г. вернулся в Рим. Плацидия, по-видимому, чтобы умерить власть и влияние действительно всесильного Аэция (ср. Bell. Vand., I, 3, 29), противопоставляла ему Бонифация. Она как будто даже заменила Аэция Бонифацием (ср.: Idat., Chron,, a. 432) и этим вызвала крупные военные столкновения между ними (Марцеллин Комит – под 432 г. – называет эти столкновения «громадной войной», «ingens bellum»). Аэций ранил Бонифация, и тот умер от раны спустя три месяца, в 432 г.

492

Гадитанский пролив (Fretus Gaditanus) – нынешний Гибралтар. Название пролива произошло от имени города Гады (Gades, нын. Кадикс).

493

«Семью милями» (septem millibus) отделяется Африка от Испании. Ширина Гибралтарского пролива в наиболее широком месте равна 37 км, в наиболее узком – 13 км. Так как римская миля (mille passus) равна приблизительно 1,5 км, то, по Иордану, расстояние это указано как более узкое (несколько более 11 км).

Имеется в виду нападение Гейзериха на Рим 2 июня 455 г. и отмеченное рядом источников разграбление города в течение двух недель. См. прим. 565.

495

Гейзерих умер 24 или 25 января 477 г.

Войско Велисария было отправлено морем на завоевание Африки летом 533 г. После победы над вандалами и уничтожения их государства, что явилось следствием двух битв (под Карфагеном, в пункте под названием Ad Decimum, и к западу от Карфагена, в пункте под названием Tricamarum), Велисарий взял в плен Гелимера, последнего короля вандалов, правнука Гейзериха. Все эти события очень подробно и с живостью современника, а нередко и очевидца, описаны Прокопием (Bell. Vand., II) и подтверждаются более краткими сообщениями других историков. Летом 534 г. Гелимер, знатные вандалы, среди которых были и оставшиеся в живых Асдинги, множество пленников и огромное количество сокровищ (они описаны Прокопием – Bell. Vand., II, 9, 3—8) были отправлены в Константинополь. В честь Велисария, победа которого сравнивалась с победами римских императоров, в столице был проведен триумф (ον δη θρίαμβον καλοῦσι ’Ρωμαῖοι, пояснил Прокопий, – Ibid., II, 9, 3). От дома победителя на ипподром (у Иордана – цирк), где присутствовал Юстиниан, среди пленников шел и низверженный Гелимер. По рассказу Прокопия, Гелимер получил затем поместье в Малой Азии (в Галатии), где жил как частное лицо. Примечательно, что этот последний вандальский король продолжал носить титул, который напоминал о союзе вандалов с аланами еще во время их общего похода из-за Рейна в Африку. Прокопий отметил, что в письменном обращении к Гелимеру стояло: «ω Βανδίλων και ’Αλανων βασιλεῦ!»; на чаше из Фонцазо (Fonzaso близ города Фельтре, к северу от Венеции) имеется надпись: «Celamir rex Vandalorum et Alanorum» (CIL, VIII, 17412; Chr. Courtois, Les vandales et l’Afriquc, p. 380, № 111). Не отмечаемые в титуле вандальских королей свавы (свевы), которые двигались так же, как и аланы, вместе с вандалами, дошли с ними до Африки. Красноречива в этом отношении надгробная надпись из Гиппона (Hippo Regius) с датой 11 сентября 474 г.; умершая (по имени Эрменгон) определена как «Suaba»: «...recessit Ermengon Suaba bone memorie in pace...» (Ibid., p. 375, № 70, pl. V).

Мирный договор Гейзериха с Римом после захвата африканских провинций вандалами в 429 г. и в последующие годы был заключен в феврале 435 г. Велисарий в 533—534 гг. вернул империи эти провинции. Под «Африкой», о которой пишет Иордан и другие авторы (Vict. Tonn., a. 534), надо понимать территорию нын. Туниса и частично восточного Алжира и западного Триполи (см. карты Chr. Courtois, Les vandales et l'Afrique, p. 172, 182, 187).

Хотя Иордан старался не отвлекаться от основной темы, от своего propositum, он не мог не упомянуть, что византийский император не сразу завладел завоеванными вандалами африканскими провинциями, потому что в связи с началом византийского господства в Африке вспыхнуло крупное восстание, о котором Иордан глухо упомянул в «Getica»: он мимоходом сделал запись о происшедшей внутренней, междоусобной войне (intestinum proelium; Get, § 172) и об измене мавров. В «Romana» (§ 369) он дал, собственно, очертание всей картины: пока Велисарий, направленный Юстинианом на «Готскую» войну, находился в Сицилии, «он узнал, что в Африке неистовствует гражданская война и внутренние бои [междоусобица]» («conperit in Africa civilia bella intestinoque proelio dibacchari»). Восставших возглавил «последний из солдат» («pene ultimus militum»), по имени Стотза (Stotzas, у Прокопия Στότζας), прислужник (clientulus) магистра армии Мартина. Стотза захватил власть тирана («tirannidem arripiens») и стал «вдохновителем мятежников» («auctorque seditiosorum effectus»). Были убиты поставленные от империи iudices, т. е. начальники федератов (у Прокопия ήγεμόνες φοιδεράτων), и началась война против византийского правителя завоеванной Африки Соломона. Все земли, как утверждает Иордан, Стотза подверг разорению. У Марцеллина Комита имеется краткая запись, интересная тем, что подчеркивает именно солдатское восстание: «разразилась гражданская война, и солдат восстал против своего собственного начальника» («civile bellum exoritur et miles in proprio duce insurgit», – Marcell. Comit., a. 535). Наиболее пространно и подробно о восстании солдат и присоединившихся к ним рабов писал Прокопий: «В Ливии произошло восстание среди стратиотов» – στρατιώταις στάσις εν Λιβύη ενέπεσεν (Bell. Vand., II, 14, 7); «и на этом закончилось то восстание» – καιη μεν στάσις αύτη ες τοΰτο ετελεύτα (Bell. Vand., II, 17, 35). Такое внимание историка – расценивавшего события с позиций Византии – к

социальному движению, размах которого вынудил самого Велисария принять меры для усмирения восставших (rebelles, στασιωται), говорит об угрожающей обстановке, создавшейся в возвращенной к свободе Африке («in libertate revocata», – Get, § 172). Как известно, восстание Стотзы было поддержано и некоторыми вандалами, и частью местных племен (Bell. Vand., II, 23, 1). Последние у Иордана названы (Rom., § 385) «маврами противной стороны» («Mauri partis adversae») в противоположность тем племенам, которые выступали как союзники империи («Mauri pacifici»). После смерти Стотзы (Bell. Vand., II, 24, 14) начатое им революционное движение продолжалось еще несколько лет (до 548 г.), причем в Северной Африке оно приняло массовый и антирабовладельческий характер. Детальный анализ африканского восстания 30—40-х годов VI в. дан в статье З. В. Удальцовой «Народные движения в Северной Африке при Юстиниане».

498

Когда Аларих после взятия Рима в 410 г. двинулся к югу, намереваясь переправиться в Сицилию, а затем в Африку, высланные вперед его корабли были разбиты бурей, а он сам вскоре умер (Get., §§ 157—158).

499

Когда Аларих после взятия Рима в 410 г. двинулся к югу, намереваясь переправиться в Сицилию, а затем в Африку, высланные вперед его корабли были разбиты бурей, а он сам вскоре умер (Get., §§ 157—158).

500

См. Get., § 81. Приход Беремуда к Теодориду I, королю везеготов, относится к 419 г.

501

Теодорид I, король везеготов (419—451).

502

Консульство Феодосия II (на Востоке) и Флавия Феста (на Западе) падает на 439 г

503

Гайна (Gaina), комит Гайна, гот по происхождению, магистр армии Восточной империи. Соединившись с восставшими против императора остроготами, находившимися во Фригии, Гайна принудил императора Аркадия впустить его, Гайну, вместе с готскими отрядами в Константинополь (в 399 г.). Население столицы, руководимое вожаками антигерманской группы, восстало против готов и перебило их несколько тысяч. Это случилось в 400 г. Гайна разорил Фракию и намеревался перейти Геллеспонт, но был задержан преданным Аркадию готом Фравиттой. Тогда Гайна ушел на Дунай; там он был схвачен гуннами и обезглавлен их вождем Ульдином, который в конце 400 г. послал его голову – в засоленном виде – как подарок Аркадию. Ср. сообщения о Гайне у Синезия (особенно в трактате «О провидении», а также в речи «О царстве»), у Марцеллина Комита (Marcell. Comit., a. 400), у Сократа (Socr. Hist. eccl., VI, 6), у Зосима (Zos., V, 22). Относя связанные с Гайном события в Константинополе, происходившие в 400 г., к консульству Феодосия и Феста в 439 г., Иордан соединяет хронологически несовместимые явления. Но, думается, подобная хронологическая ошибка получилась в результате сжатого и изобилующего несогласованностями языка автора. Иордан хотел лишь указать, что воспоминание о случившейся некогда беде в Константинополе в связи с пребыванием там готов Гайны заставило римлян относиться настороженно к готам и в последующие времена.

Аэций (Aetius patricius, Flavius Aetius) – выдающийся полководец при императоре Валентиниане III. Имя его следовало бы произносить «Эций», так как в позднейшем итальянском языке оно дало «Ezo», «Ezzo». Аэций родился около 390 г. на нижнем Дунае, в городе Дороторе (Durostorum, Dorostorena civitas, нын. Силистрия). Отец его Гауденций, магистр конницы («magister equitum»), стоял с войсками на дунайской границе, на линии обороны империи от варваров. В результате договоров с последними он должен был отдать им в заложники своего сына, почему Аэций и пробыл в юности несколько лет у Алариха, а затем у гуннов. Впоследствии и самому Аэцию пришлось сделать то же самое: он отдал в заложники Аттиле сына своего Карпилиона. В связи с пребыванием Аэция в стане гуннов интересно отметить, что он встречался там с молодым Аттилой, своим будущим противником на Каталаунских полях в 451 г. Кроме того, в период своего заложничества Аэций имел возможность близко узнать гуннов и, – что было для него особенно существенно в дальнейшем, – изучить их военную организацию и их способы ведения войны. Известно, что Аэций в ряде случаев пользовался гуннскими наемными отрядами и прекрасно умел командовать ими. Глубокое знание варварского мира помогло Аэцию в течение его бурной военной карьеры, когда он действовал преимущественно силами варваров против варваров же, более тридцати лет поддерживать «Гесперию» (Западную Римскую империю) в период правления ничтожного Валентиниана III (425—455).

Защиту империи Аэций сосредоточивал главным образом в Галлии. После разрушительного прохода по ней вандалов, свевов и аланов (407—408) через Рейн стали прорываться бургунды и аламанны, а франки уже объединялись в значительный и опасный для империи союз. На юге Галлии укреплялось королевство везеготов. Аэций победоносно воевал с бургундами, мешал расширению везеготских владений, добился поражения франкского короля Хлодиона (в 428 г.). Недаром современник Аэция галло-римский поэт Аполлинарий Сидоний (ум. в 480 г.) писал в «Панегирике императору Авиту» в 456 г., что Аэций «не раз был обучен скифской войне»: «Scythico quia saepe duello edoctus» (Sidon. Apoll., Carm., VII, v. 230), т. е. познал искусство войны с варварами. После победоносных войн Аэций стал магистром обеих милиций (пехоты и кавалерии), в 433 г. получил звание патриция и три раза назначался консулом – в 432, 437 и

446 гг. (это редкий случай; многократно консулами бывали только императоры).

Аэций выступал защитником империи не только от внешних врагов, наводя возможный порядок в ускользавшей из рук императора Галлии; он подавлял и крупные социальные движения. Крестьяне римских провинций, получавшие жалкие доходы от своих земельных участков и обремененные обязательными, непосильными для них платежами, нередко бросали свои земли. Разорительные поборы императорских сборщиков их пугали больше, чем варварские нападения. В Галлии крестьянам удалось поднять крупное восстание, которое, с промежутками, бушевало почти два столетия. Оно зародилось в конце III в. (при императоре Карине, в 283 г.) в северной и северо-западной Галлии и быстро разрослось до того, что привело к созданию пехоты из пахарей и конницы из пастухов (так по «Панегирику» Клавдия Мамертина в честь Максимиана). Восставшие выдвинули вождей (Аманда и Элиана, – Oros., VII, 25, 2); они повергли в ужас не только незащищенные поместья, но и укрепленные города. Повстанцы получили название «багаудов („bagaudae“ – кельтское слово, которое значит „оспаривающие“ или „возмущенные“). Император Диоклетиан поручил своему соправителю (тогда еще цезарю), Максимиану подавить восстание багаудов в Галлии. Максимиан выполнил поручение в 285—286 гг. Об этом писал Иордан в „Romana“ (§ 296—297): „Максимиан доставил Галлиям мир, подавив массы крестьян („rusticorum multitudine oppressa“), которые называются багаудами“. Однако восстание не было подавлено окончательно; волнения продолжались в течение всего IV в. и утихли лишь к середине V в.

Несмотря на пренебрежительное отношение правящих классов к любому выражению недовольства и даже гнева со стороны угнетенных, ряд авторов отметил в своих сочинениях факт длительного и опасного для господствующей части населения восстания (Аммиан Марцеллин, Орозий, Клавдий Мамертин, Евмений, Проспер Аквитанский, Идаций). Историк Зосим под 408 г. сообщил, что отряды солдат, посланные Стилихоном в Галлию, не могли вернуться в Италию, так как багауды заняли альпийские перевалы и открыли проход через горы только после того, как начальник группы готов Сар отдал им всю добычу, награбленную в походе. Один только марсельский священник Сальвиан (V в.) в произведении «Об управлении божием» («De gubernatione dei») говорил о багаудах взволнованно и с сочувствием (Salv. De gub. dei, V). Для других же авторов они были лишь «шайкой мужиков», «ватагой – неумелой и беспорядочной – деревенского люда» (Oros., VII, 25, 2) или просто

разбойниками, грабившими на больших дорогах (Amm. Marc., XXVIII, 2, 10: latrociniorum rabies). Багауды особенно окрепли к середине V в., когда восстание перекинулось в Испанию, а в Галлии оно слилось с восстанием «армориканцев», жителей Арморики (в широком смысле слова – побережья от устья Соммы до устья Гаронны, в узком – полуострова Бретани). В 448 г. Аэций – крупнейший полководец империи – был направлен на борьбу с багаудами. Для этой цели он привлек отряды аланов, которые пришли в Галлию в начале V в. вместе с вандалами и свевами. Король аланов Гоар по приказанию Аэция нанес багаудам, по-видимому, решающее поражение.

В историю Аэций вошел главным образом как победитель Аттилы в Каталаунской битве в 451 г. К этому времени расстроилась давняя дружба Аэция с гуннами, скрепленная ранее, до 40-х годов V в., посредничеством Аэция в передаче гуннам территории в Паннонии и посылкой ко двору Аттилы сына Аэция Карпилиона. Аттила, получая огромные взносы золотом от императора Феодосия II, обратил свой взор в сторону Западной империи. На защиту Галлии был поставлен Аэций. В союзе с везеготами и рядом других варварских племен Аэций отогнал гуннов от Орлеана и встретился с врагом в знаменитейшем сражении 451 г. Исход битвы, описанной наиболее подробно Иорданом (Get., §§ 185—218), был победоносным для Аэция, хотя он и не подверг окончательному разгрому войска Аттилы, дав ему возможность отойти к югу и напасть на Италию. Следующие три года в деятельности Аэция неясны. По-видимому, за это время окрепла враждебная ему группа, настроившая императора против всесильного повелителя варварских войск империи. Несмотря на блистательные победы и заслуги в защите государства как от варваров, так и от социальных противников, Аэций пал жертвой подозрительности слабого и неумного Валентиниана III, который 21 сентября 454 г. собственной рукой уничтожил своего лучшего полководца (по одним источникам – пронзил его мечом, по другим – удушил). Дружинник Аэция, гот Оптила, меньше чем через год убил Валентиниана, мстя за смерть своего предводителя.

505

Доростор (Dorostorena civitas или Durostorum) – город на нижнем течении Дуная, в провинции Нижней Мезии (нын. Силистрия).

506

Гауденций (Gaudentius) – магистр конницы («magister equitum») в Нижней Мезии, отец Аэция (см. прим. 504). Гауденций погиб в 424 г. в Галлии во время военного восстания. В «Истории франков» Григория Турского (Greg. Turon. Hist. Franc., II, VII (8)) рассказано о родителях Аэция: «Гауденций, отец, первый человек в провинции Скифии, начав с чина доместика в армии, продвинулся до высокого звания магистра конницы. Мать, по имени Итала, благородная и богатая женщина». Под «Скифией» здесь подразумевается выделенная из Нижней Мезии ее восточная часть, называвшаяся «Малой Скифией» (нын. Добруджа).

повелитель всех 178 гуннов и правитель – единственный в мире – племен чуть ли не всей Скифии, достойный удивления по баснословной славе своей среди всех варваров. Историк Приск, отправленный к нему с посольством от Феодосия Младшего, рассказывает, между прочим, следующее: переправившись через громадные реки, а именно через Тизию, Тибизию и Дрикку [508], мы пришли к тому месту, где некогда погиб от сарматского коварства Видигойя [509], храбрейший из готов; оттуда же неподалеку достигли селения, в котором стоял король Аттила; это селение, говорю я, было подобно обширнейшему городу; деревянные стены его, как мы заметили, были сделаны из блестящих досок, соединение между которыми было на вид так крепко, что едва-едва удавалось заметить – и то при старании – стык между ними. Видны {179} были и триклинии, протянувшиеся на значительное пространство, и портики, раскинутые во всей красоте. Площадь двора опоясывалась громадной оградой: ее величина сама свидетельствовала о дворце. Это и было жилище короля Аттилы, державшего [в своей власти] весь варварский мир; подобное обиталище предпочитал он завоеванным городам [510]

Тизия, Тибизия, Дрикка (Tisia, Tibisia, Dricca), несомненно, соответствуют трем рекам, перечисленным в дошедших до нас фрагментах записей Приска: Δρήκων, Τίγας, Τιφησας (Prisci., fr. 8, p. 300), Хотя порядок названий у Иордана и у Приска разный (у первого Дрикка названа последней, у второго – первой), ясно, что оба автора имели в виду одни и те же реки: Тиссу, Темеш – левый приток Дуная, впадающий в него ниже Тиссы, и Дрикку, которую пока не удалось отождествить ни с одной из известных близ Тиссы и Дуная рек. Позднее, в X в., в трактате «De administrando imperio» Константина Порфирородного были приведены названия пяти рек, которые перекликаются с названиями у Приска и у Иордана (De adm. imp., c. 40). Константин указывает Тиссу – Τίτζα, Темеш – Τιμησης (звук «μ» подтверждает правильность отождествления «Тибизии» Иордана и «Тифисы» Приска именно с нын. Темешем); Μορήσης и Κρίσος у Константина повторяют названные Иорданом выше (Get., §§ 113—114) Marisia и Grisia, соответствующие нынешним Марошу и Керешу, левым притокам Тиссы. Название Τούτης у Константина остается невыясненным; едва ли оно может рассматриваться как соответствующее названию «Дрикка» у Иордана и у Приска. Трудно признать правильным суждение Л. Нидерле, что название реки Тиссы славянское (L. Niederle, Slovanské Starozitnosti, II, 1, 158). Нельзя согласиться с мнением Г. Киперта, прежде всего по хронологическим соображениям, что Parthissus у Плиния (Plin. Nat. hist., IV, 80), Πάθισος у Страбона (Geogr., VII, 313), Parthiscus у Аммиака Марцеллина (Amm. Marc., XVII, 13, 4) содержат славянский предлог «по» и означают «Потиссье» (H. Kiepert, Formae orbis antiqui, XVII, 4, 38; об этом см. также: Max Fluss, Tisia – RE, Bd 6, 1937, S. 1469.)

509

Видигойя (Vidigoia) – готский предводитель IV в., ставший впоследствии героем готских эпических песен. Возможно, что Видигойя погиб в 332 г. в битве готов с сарматами (где-то на территории Баната, около реки Темеша), которых поддержали римские войска. (См. о битве, например, Anon. Vales., 31, или Aur. Vict. Caes., 41, 12).

510

Иордан передал ценнейший рассказ Приска о дворце Аттилы. Интересны термины, которыми автор определяет это сложное, по-видимому, сооружение. «Обиталище („habitacula“) Аттилы представляло собой целое „селение“ („vicus“), которое можно было приравнять к „обширнейшему городу“. Окружавшие его „стены“ были из дерева („lignea moenia“), из отполированных, „блестящих досок“ („ex tabulis nitentibus“). Самые „палаты“, „чертоги“ названы „triclinia“, и особо от них отмечены „портики“, „porticus“, т. е. вероятно, галереи, навесы. Указано, что вокруг строений простирался громадный „двор“, „curtis“ (Get., §§ 178—179). У Приска в дошедшей до нас части его записок (Prisci fr. 8, p. 303) рассказывается о большом поселении или „деревне“ (ε η μεγίστη... κώ), в которой находилось жилище (τα οικήματα) Аттилы. Это наиболее замечательное из жилищ гуннского вождя было, как записал очевидец, построено из бревен и досок (ξύλοις τε και σανισιν ευξέστοις) и окружено деревянной оградой (περιβόλω ξυλίνω). „Дворец“ (βασίλεια) возвышался над остальными постройками, так как был увенчан башнями (πύργοις) и стоял на холме. При посещении Креки, жены Аттилы, Приск рассмотрел различные строения в пределах деревянной ограды: это были дома из досок (εκ σανίδων) и из бревен (εκ δοκων), украшенные резьбой (употреблен глагол εγγλύφω). По сообщению Приска, послы впервые увидели Аттилу в его шатре, а затем дважды присутствовали на пирах в деревянном дворце.

511

Иордан считал «первенствующими народами мира» – «primas mundi gentes» – римлян и везеготов: именно на них двигался Аттила, и с ними, как с главной силой на западе, он сразился на Каталаунских полях. Везеготы, в отличие от остроготов (которые к тому же выступали как союзники Аттилы), уже создали тогда свое государство.

512

Численность войска Аттилы перед походом в Галлию – полмиллиона человек – конечно, преувеличена Иорданом.

513

Наружность Аттилы – низкий рост, широкая грудь, крупная голова, маленькие глаза, редкая борода, приплюснутый нос, темная кожа – дана Иорданом (Get., §§ 182—183), конечно, по материалам очевидца, Приска, который был членом посольства к Аттиле. Приск отмечает четыре случая, когда он видел Аттилу. Впервые он увидел его в шатре (σκηνή) сидящим в деревянном кресле (επι ξυλίνου δίφρου). Вторично Приск наблюдал гуннского вождя в роли судьи, выслушивавшего, стоя на крыльце, речи тяжущихся. Затем Приск дважды видел Аттилу на пирах в его деревянном дворце (Prisci fr. 8, p. 296, 311, 315, 318). Вероятно, со слов Приска Иордан рисует и внешний вид гуннов, сходный с детально очерченным портретом Аттилы (Get., §§ 122, 127—128). У Иордана в данном случае не чувствуется прямого заимствования сведений из труда Аммиана Марцеллина, содержащего широко известное описание внешности, образа жизни и характера гуннов (Amm. Marc., XXXI, 2, 2—11), за исключением, быть может, рассуждения о причине отсутствия густой бороды у гуннов.

Предположение, что Гейзерих побудил Аттилу начать войну против везеготов, столь же трудно обосновать, как и сообщение о том, что Стилихон призвал вандалов и аланов перейти Рейн в 406 г., и что Бонифаций, правитель Африки, подал мысль Гейзериху перевести вандалов из Испании в Африку в 429 г. (Ср. прим. 491.)

515

Теодорид I (Theodoridus) – король везеготов (419—451); избран после смерти Валии, не оставившего сына (см. Get., §§ 175—176). Теодорид I погиб во время Каталаунской битвы (см. §§ 209—214).

516

Гунерих (Hunericus) – король вандалов (477—484), сын и преемник Гейзериха.

517

Император Валентиниан III (425—455).

518

Гесперийская сторона (Hesperia plaga, Hesperia, εσπερία) – западная. Еще древние греки называли Италию Гесперией, как страну, лежащую к западу от них. В данном случае под Гесперийской частью империи подразумевалась Западная Римская империя. Ко времени Каталаунской битвы (451 г.), в которой главными противниками были Аэций с везеготами и Аттила с гуннами и остроготами, Западная империя уже потеряла Паннонию, Британию, бóльшую часть Африки и бóльшую часть Испании. Галлия, целиком еще ей принадлежавшая, была занята в значительной мере федератами (бургундами и везеготами), готовыми всегда выступить против империи, которой они служили; северо-западная часть Галлии – Арморика (морское побережье от устьев Соммы до Гаронны) – была охвачена восстаниями багаудов. Италия – центральная страна Западной империи – не имела сколько-нибудь боеспособной армии. Название «Гесперия» употреблялось и при Иордане. Им определяли западные владения (даже номинальные при остроготах) империи в Италии. После того как Витигес (536—540) понял, что Равенна не выдержит осаду войсками Велисария, измученные голодом готы в страхе перед перспективой «стать рабами императора», δουλοι βασιλέως γενόμενοι (Bell. Goth., II, 29, 17), и быть выселенными из Италии в Византию решили передать Велисарию владычество над Гесперией. Не рассчитывая на полный отрыв от империи, они весьма опасались непосредственной от нее зависимости и поэтому стремились выделить Гесперию в особое государственное целое, теоретически подчиненное императору и заключавшее в себе антиготский Рим с его сенатом и «народом» – влиятельной частью населения (см. вступительную статью). У Прокопия (Bell. Goth., II, 29, 18): готы признали необходимым провозгласить Велисария «императором Гесперии».

519

Сарматами, выступавшими в числе союзников Аэция против Аттилы перед Каталаунской битвой, названы, по-видимому, аланы, о которых дальше говорится более определенно (аланы и их король Сангибан в стенах города Орлеана; аланы в строю войск Аэция во время Каталаунского сражения).

520

Арморицианы (Armoriciani) – жители Арморики, на морском побережье северо-западной Галлии. В узком смысле слова именем Арморики обозначалась Бретань (Brittania у Григория Турского).

Литицианы (Liticiani). Судя по приводимому здесь перечню союзников Аэция, и этот термин должен был бы обозначать какое-то племя; поэтому едва ли можно предположить, что под «литицианами» надо подразумевать известных с конца III в. «лэтов» («laeti»), военных поселенцев из варваров, преимущественно в Галлии. Термин «литицианы» остается неясным, потому что любое сближение его с несколько подобными ему словами не дает ключа к объяснению; например: Lentienses Alamannicus populus у Аммиана Марцеллина (Amm. Marc., XXXI, 10, 2—4, 12, 17) или области Arvernum atque Lemovecinum у Григория Турского (Greg. Turon. Hist. Frans., IV, XIII <20>) и т. д. Не были ли литицианы обитателями области, центром которой являлось островное укрепление на Сене, Parisiorum castelliim, Lutetia nomine (Amm. Marc., XV, 11, 3)? См. следующее примечание.

522

Рипарии (Ripari) – по всей вероятности, франки-рипуарии, жившие вдоль правого берега (ripa знач. берег) нижнего Рейна. Обращает внимание в перечне племен, союзников Аэция, следующее: ряд племен, данный Иорданом, включает в себя пять понятных этнических названий (франки, сарматы, арморицианы, бургундионы, или бургунды, саксоны, или саксы) и три непонятных, не похожих на этнические (литицианы, рипарии, олибрионы); Павел Дьякон (Pauli Diac. Hist., Rom., XIV, IV) при перечислении племен приводит такие же названия, но в ином порядке; причем как у Иордана, так и у Павла непонятные нам названия стоят следом за понятными и в той же последовательности, а именно: литицианы стоят у обоих писателей после арморициан, как бы определяя их (Armoriciani Liticiani), рипарии (или рипариолы у Павла) и олибрионы (или брионы у Павла) стоят после саксонов (Saxones Ripari, или Riparioli, Olibriones или Briones) и тоже, может быть, определяют их.

Гольдер-Эггер (J. Holder-Egger, – NA, 32, 1907, S. 515) считает более правильным чтение Riparioli Briones, т. е. предпочитает передачу Павла Дьякона.

523

Союз «vel» однозначен здесь союзу «et». Иордан не мог отождествлять кельтов и германцев. Ср. его употребление союза «vel»: «Eusevius vel Hieronimus» (Rom., § 11).

524

Каталаунские, или Мавриакские, поля (campi Catalaunici, campi Mauriaci) – знаменитая равнина в Шампани к западу от города Труа и левого берега верхней Сены, где во второй половине июня 451 г. произошла битва племен, возглавленных, с одной стороны, Аттилой, с другой – Аэцием. Принимая во внимание указание Иордана, что Каталаунские поля занимали огромные пространства (ср. следующее примечание), правильно предполагать, что сражение произошло около места Maurica (так у продолжателя Проспера Аквитанского, в копенгагенской рукописи) или Mauriacus campus (так у Григория Турского); это место (название которого пытаются связать с современным Moirey в департаменте Об) находилось на громадной Каталаунской равнине, т. е. в Шампани (Campania); в число ее городов входил и Catalaunum (нын. Шалон-на-Марне).

525

Галльская лева (leua Gallica, в других рукописях – leuca, leuga, legua). От галльского «leuca» произошло французское слово лье («lieue») – старинная мера длины во Франции, равная приблизительно 4—4,5 км. Иордан приводит точные размеры поля, на котором произошла Каталаунская битва, и в связи с этим определяет величину галльской левы: она равна 1500 шагам (римским) или 1,5 римской мили. Следовательно, галльская лева соответствует 2,25 км. Площадь поля, простиравшегося, по словам Иордана, на 100 лев в длину и на 70 лев в ширину равнялась, таким образом (225 х 157,5), 35437,5 кв. м, что не может соответствовать действительности, если только не подразумевать под Каталаунскими полями всю Шампань. Аммиан Марцеллин записал, что там, где начиналась территория Галлии, длину пути считали уже не «тысячами шагов» («non millenis passibus»), а «левгами» («leugis», – Amm. Marc., XV, 11, 17); он также отметил, что расстояние между римским войском и вражеским валом составляло четыре левги, равные 21 тысяче шагов (Ibid., XVI, 12, 8).

526

В изложении Иордана, обычно сухом, проскользнули взволнованные нотки: он как бы скорбит о том, что произвол королей толкает людей на войну; «безумный порыв единого ума, – пишет Иордан, – приводит народы к бойне».

Аврелиан (civitas Aureliana) – город Орлеан на средней Луаре.

528

Теодорид I, – см. прим. 515.

529

Ардарих (Ardaricus) – король гепидов, союзник Аттилы и преданный ему советник. (См. прим. 102.)

530

«Черепаха» («testudo») – известный прием защиты пешего римского войска при атаке или же штурме неприятельского лагеря. Солдаты первой шеренги опускали щиты, держа их перед собой вертикально; солдаты следующих шеренг поднимали щиты, держа их горизонтально над головой; таким образом получалась как бы броня, покрывавшая много рядов солдат. Эта движущаяся броня и именовалась «черепахой». Одно из лучших изображений «черепахи» имеется среди рельефов на колонне Траяна в Риме. Ближе к Иордану по времени упоминание о «черепахе» у Аммиана Марцеллина. Рассказывая о битве между готами и римскими войсками близ города Маркианополя, в Нижней Мезии, в 377 г., он пишет: воины двигались, «соединив щиты в форме черепахи» (Amm. Marc., XXXI, 7, 12).

531

Слова Аттилы (по Иордану) о «пути на Мэотиду» («iter Meotidarum») важны в речи гуннского вождя, как напоминание о пути гуннов в Европу, который много столетий оставался закрытым. После того как гунны прорвались к западу от Мэотиды, в Европе стало ощутимо их нашествие. Аммиан Марцеллин отмечает слабую осведомленность древних писателей о гуннах тех времен, когда они еще жили восточнее Мэотиды: «Племя гуннов, слабо известное в древних памятниках, живет по ту сторону Мэотийских болот, примыкая к Ледовитому океану» («Hunorum gens monumentis veteribus leviter nota, ultra paludes Maeoticas Glacialem oceanum accolens...», – Amm. Marc., XXXI, 2, 1).

532

Об Андагисе (или Андаге), представителе рода Амалов, см. Get., § 266, в котором идет речь о службе Иордана Амалам в Малой Скифии.

533

Торисмуд (или Торисмунд) – король везеготов (451—453).

534

Толоза (Tolosa) – главный город королевства везеготов в южной Франции (нын. Тулуза) на левом берегу реки Гаронны. Толоза отошла к франкам после того как франкский король Хлодвиг в 507 г. нанес тяжелое поражение везеготам и их королю Алариху II.

535

Аквилейя находится на северном берегу Адриатического моря, западнее Триеста. Венетия (или Венетии) – провинция в северо-восточной Италии.

536

Натисса (Natissa amnis). Под этим названием ныне существует «канал Натисса», длиной около 4 км. Он соединял средневековую Аквилейю с лагуной Градо (северное побережье Адриатического моря). Аквилейя была расположена в дельте трех альпийских рек: Изонцо, Торре и Натизоне. Нижнее течение реки Натизоне и носило название Натиссы.

537

Пикцис (mons Piccis) – название горы в Юлийских Альпах, с которых течет река Натисса, или Натизоне.

538

По-видимому, автор имеет в виду военные машины, в основу действия которых был положен принцип использования собственного веса, т. е. стенобитные орудия, тараны, а может быть и машины, действовавшие на основе стремления сильно скрученных канатов или сухожилий к раскручиванию, т. е. баллисты («torquere» – «завивать», «закручивать», а также «метать пращею»). Возможно, что были уже в употреблении типичные для последующего времени машины, действовавшие силой противовеса (трабуции, франц. требюше́; манганы, блиды).

539

Венетские города (civitates Venetum) – города провинции Венетий, на северо-востоке Италии. Кроме Аквилейи, главного города провинции Венетий, были: Форум Юлийский (нын. Чивидале дель Фриули), Конкордия, Альтин (нын. развалины Альтино), Тарвизий (нын. Тревизо), Вицетия (нын. Виченца), Патавий (нын. Падуя), Атрия (нын. Адрия), Верона, Мантуя и др.

540

Медиолан (Mediolanum) – Милан. В этот период Медиолан был главным городом провинции Лигурии, раньше же, с конца III до начала V в., он был столицей Западной Римской империи.

541

Тицин (Ticinum) – город на реке Тичино, левом притоке По. В раннем средневековье город Тицин уже получил свое доныне сохранившееся название Павия.

542

Взятие Рима Аларихом в 410 г. произвело настолько сильное впечатление, что смерть, внезапно застигшая завоевателя на пути в южную Италию, откуда он хотел переправиться в Сицилию, а затем в Африку, связывалась с «греховным» фактом захвата «столицы мира». Страх претерпеть судьбу Алариха удержал будто бы Аттилу от похода на Рим. Не один Аттила отказался от своих намерений, страшась смерти, подобной каре, постигшей некогда Алариха. Король везеготов Валия, потеряв в бурю свои корабли близ Кадикса (это напоминало гибель кораблей Алариха в 410 г.), отказался от похода в Африку (ср. Get., §§ 157 и 173).

543

Папа Лев I Великий (440—461).

Амбулейское поле (Ambuleius ager) упоминается только у Иордана с указанием на провинцию Венетий.

Приблизительно можно определить местоположение Амбулейского поля, так как Иордан сообщает, что оно находилось около переправы через реку Минций (нын. Минчо), где она «пересекается толпами путников» (Get., § 223). Река Минций вытекает из южной части озера Гарда и впадает как левый приток в По. Значительнейшим населенным пунктом на Минции является город Мантуя. Несмотря на то что Мантуя окружена озерами и болотистой, труднопроходимой местностью, она еще в античности соединялась дорогами: на север – с городом Вероной, на юг – с Моденой и дальше – с Болоньей (лежащей на «Соляной дороге», via Salaria, из Рима в Адрию, находившуюся тогда еще на побережье Адриатического моря). Верона была важной станцией и крепостью на пути, который, следуя вверх по течению реки Адидже (Этч), достигал знаменитого альпийского перевала Бреннер. Из Германии, с берегов Дуная, из провинции Рэтии, через Бреннер (самый удобный и издавна известный проход в Альпах) в Италию проникали войска, передвигавшиеся племена, странствовавшие купцы, паломники и т. п. Таким образом, упомянутая Иорданом переправа через реку Минций являлась одним из пунктов на важнейшем пути сообщения как во времена Римской империи, так и в средние века. Амбулейское поле – одна из станций на этом пути.

545

Река Минций (Mincius amnis, нын. Минчо). См. предыдущее примечание.

546

Гонория (Honoria, полное имя – Iusta Grata Honoria) – дочь Галлы Плацидии и императора Констанция, племянница императоров Гонория и Аркадия, сестра императора Валентиниана III. Гонория родилась ок. 418 г. и вскоре была увезена матерью в Константинополь. С провозглашением императором Западной империи ее младшего брата Валентиниана (в 425 г.) Гонория вернулась в Италию и была заперта во дворце на всю жизнь для соблюдения обета девства. После нескольких попыток нарушить этот обет Гонория в 450 г. переслала через евнуха Гиацинта свое кольцо Аттиле, предлагая ему руку и приглашая его прийти (за ней) в Италию. Однако Гонории не пришлось соединиться с Аттилой – она была спешно отправлена в Константинополь, ко двору ее двоюродного брата, императора Феодосия II, и выдана замуж за человека, в политическом отношении незначительного. Описавшие это событие писатели (Prisci fr. 15; 16) ставили в связь с Гонорией и грандиозное движение гуннов в Галлию в 451 г. якобы для насильственного захвата земель Западной империи, которые Аттила рассчитывал получить в качестве «приданого» своей нареченной «невесты» Гонории.

Становища – места расселения – sedes (на равнине Тиссы).

Император Маркиан (450—457).

549

Император Феодосий II (408—450), предшественник императора Маркиана (450—457) в Восточной империи.

550

Река Лигер (Liger flumen) – река Луара во Франции. Трудно сказать, около какой части этой реки произошло сражение между везеготами и Аттилой, вероятнее всего, – в местах ее верхнего течения (она берет начало в гористой области Овернь, в горах Виварэ), так как Иордан рассказывает, что после битвы везеготы с королем своим Торисмудом вернулись в Толозу.

551

Торисмуд, король везеготов, был убит в 453 г.

552

Теодорид II – король везеготов (453—466). В Get., § 190 – Теодерих.

553

Рикиарий (Riciarius) – король свавов (иначе – свевов) в Испании (448—456).

См. прим. 488.

555

Лизитания (Lysitania), правильнее Лузитания, Lusitania, – провинция в Испании, соответствует современной Португалии.

Австрогония (Austrogonia), правильнее – область племени автригонов (Autrigones; например, Oros., VI, 21, 3) в северной Испании, в горах, где начинается река Эбро (Hiberus).

557

О монументе Цепиона см. прим. 19.

558

Таг (Tagus fluvius, нын. Тахо) – река на Пиренейском полуострове, впадает в Атлантический океан около города Лиссабона.

559

Ульбий (Ulbius flumen, правильнее Urbicus) – река в северной Испании, нын. река Орбиго близ города Асторги (римской Asturica Augusta), главного города Астурии.

Астурика (Asturica). По-видимому, этим названием автор определял область, ставшую позднее Астурией (в северной Испании). Однако форма «Asturica» может относиться скорее к городу Асторга. (См. предыдущее примечание.)

561

Иберия (Iberia, Hiberia) – название, относящееся обычно ко всей Испании. В данном случае автор, по-видимому, называет Иберией ту область в горах северной Испании, где берет начало река Эбро.

Еврих – король везеготов (466—485), преемник Теодорида II.

563

Император Валентиниан III (сын Галлы Плацидии и Констанция, ставшего в 421 г. императором) был убит 16 марта 455 г. приближенным Аэция готом Оптилой (см. прим. 503). Иордан передает иную версию: по его словам, император Валентиниан был убит узурпатором престола Петронием Максимом.

564

Петроний Максим узурпировал трон Западной империи после смерти императора Валентиниана III. Петроний Максим был на престоле только с середины марта по конец мая 455 г.; при нем вандалы взяли Рим.

565

Гейзерих, король вандалов, взял Рим (будто бы мстя за смерть императора Валентиниана III) в мае 455 г. и предал его разграблению, длившемуся около двух недель. Узурпатор Петроний Максим бежал из Рима и был убит (31 мая 455 г.); вдова и дочери Валентиниана III были увезены в Африку, где старшая из императорских дочерей была выдана замуж за сына Гейзериха – Гунериха. Удар вандалов по Риму, который не потерял своего непререкаемого престижа даже после утраты им значения столицы, был одним из решающих военных ударов по Западной империи, близившейся к своему концу.

566

Майориан – император в Западной империи (457—461); убит Рикимером.

567

Дертона (Dertona, нын. Тортона) – город в Лигурии, севернее Генуи. Дертона находится на реке Олубрии (Olubria, нын. Скривия, Scrivia), правом притоке реки Пада (нын. По).

568

Река Гира (fluvius Hyra) точно не отождествляется. Близ города Дертоны – Тортоны есть город Ирия (Iria, нын. Вогера, Voghera). Притоком реки Олубрии – Скривии является Груе (Grue); западнее есть река Эрро (Erro). Не соответствует ли река Гира одной из двух последних рек?

569

Ливий Север – император в Западной империи (461—465); у Иордана назван только Севером.

570

Анфемий (Anthemius) – император в Западной империи (467—472). В результате восстания войска федератов, предводительствуемых Рикимером, Анфемий был свергнут с престола. После пятимесячной осады Рикимер взял Рим 11 июля 472 г. и приказал своему родственнику Гундобаду убить Анфемия, что тот и сделал.

571

Рикимер (Recimer, Ricemer) – военачальник (456—472) в Западной империи, сын свавского вождя и дочери Валии, короля везеготов. Рикимер властвовал над последними западными императорами. Он устранил Авита (в октябре 456 г.), Майориана (в августе 461 г), Анфемия (в июле 472 г.) и помыкал столь слабыми императорами, какими были Ливий Север (461 – 465) и Олибрий (472). Почтённый титулом консула в 459 г., патриция и высоким военным званием магистра обеих милиций (magister utriusque militiae), Рикимер пользовался неограниченной властью в армии (составленной в значительной мере из варваров), а следовательно, и во всем государстве.

572

Беорг (Beorgus) – король аланов. В Галлии отмечен (у Григория Турского) король аланов Гоар, союзник Аэция в походе против багаудов (в 448 г.)

573

Еврих (Euricus) – король везеготов (466—485), правление которого совпало с так называемым падением Западной Римской империи (476) и господством Одоакра в Италии. При Еврихе королевство везеготов было очень могущественно: в Галлии оно охватывало земли от Пиренеев до Луары и от побережья океана до Севеннских гор; в Испании оно занимало весь полуостров, за исключением северо-западной его части, куда были отодвинуты свевы.

Риотим, Риутим (Riotimus, Riutimus) – король бриттов, призванный (в 467 или 468 г.) императором Анфемием в Галлию для борьбы с везеготами и их королем Еврихом.

Битурига, город Битуригов (Biturigus, Biturigas, Biturіga и др.) Обычно этим именем называли город (нын. Бурж), расположенный в средней Франции, между Луарой и ее левым притоком Шером. Название Битурига произошло от имени кельтского племени битуригов, многократно упоминаемого Юлием Цезарем в знаменитых «Записках о Галльской войне». Иордан связывает упоминание о городе Битуригов с сообщением, что бритты прибыли по океану и высадились с кораблей: «король Риотим пришел с двенадцатью тысячами войска и, высадившись у океана с кораблей, был принят в городе Битуригов» (Get, §§ 237—238). Создается впечатление, что он находился на морском берегу и был морским портом. В связи с этим следует отметить, что, кроме битуригов, которые жили к югу от среднего течения Луары, вокруг главного своего города Аварика (взят Цезарем в 52 г. до н. э.; Аварик был на месте более позднего Буржа), и назывались битуригами-кубами («Bituriges Cubi»), в Галлии были еще битуриги-вибиски («Bituruges Vibisci»), обитавшие на нижнем течении Гаронны и на Жиронде. Центром битуригов-вибисков был портовый город Бурдигала (нын. Бордо). Не подразумевает ли Иордан под «городом Битуригов» именно Бурдигалу? Однако, вполне возможно, что из-за стилистической неточности (а стиль Иордана не отличается ни четкостью, ни отделанностыо) город Битуригов оказался связанным с фактом высадки бриттов на берегу океана. Территория северной Франции (ограничиваемая с юга Луарой, с запада Арморикой, с востока частично Маасом и Мозелем) с центром в городе Суассоне представляла собой еще сохранившийся в Галлии островок владений Западной Римской империи (в 464—486 гг. так называемое «государство Сиагрия», римского военачальника); естественно предположить, что высадка бриттов произошла где-то на побережье Ламанша и что затем они двинулись на юг через дружественное им «государство Сиагрия». Перейдя Луару в ее среднем течении, бритты могли оказаться близ «города Битуригов», т. е. близ Буржа. Дальше Иордан сообщает, что Риотим был разбит в сражении с везеготами и бежал к «соседнему племени бургундзонов» (§ 238). Область бургундзонов находилась к востоку от Аквитании, по реке Роне и ее притоку Соне, и простиралась на север до верховьев Сены, Марны, Мааса и Мозеля. Григорий Турский (ум. ок. 594 г.) в «Истории франков» называет место, где везеготы одержали победу над бриттами (по-видимому, в 468 г.) Он пишет, что «Британцы были изгнаны готами из города Биторикас, причем

многие перебиты при селении vicus Dolensis» (Greg. Turon. Hist. Franc., II, XIII <18>). Это селение отождествляется с городком Деоль (Déols) близ Буржа. От Деоля недалеко и до земель королевства бургундов, к которым бежал Риотим. Итак, или Иордан имел в виду одно событие: прибытие бриттов «к городу Битуригов» – и в таком случае допустимо подразумевать под городом Битуригов – город Бурдигалу (нын. Бордо), главный город битуригов-вибисков; или же Иордан имел в виду два особых события: высадку бриттов на берегу океана в каком-то не названном им пункте и последующее продвижение бриттов вглубь Галлии, приход их к городу Битуригов и к месту сражения с везеготами; в этом случае под городом Битуригов следует понимать позднейший среднефранцузский город Бурж.

576

Ареверна (Areverna Galliae civitas) – город кельтского племени арвернов, обитавших в центральной гористой части Галлии (нын. Овернь, Auvergne). Главным городом арвернов была Герговия, которую не смог взять Юлий Цезарь. Герговия находилась к югу от города Augustonemetum (нын. Клермон). Везеготы овладели землей арвернов и их укрепленным центром в 475 г.

577

См. прим. 570.

578

Олибрий (Olybrius) – император в Западной империи (472 г.)

Аспар (Aspar, Flavius Ardabur Aspar), по-видимому, гот по происхождению (Иордан хочет это подчеркнуть: «славный готским своим родом», – Get., § 239), хотя есть и другие сведения, что по отцу он был аланом. Ардавур (старший), отец полководца Аспара; Аспар и сын его Ардавур (младший) были представителями выдвинувшейся при дворе восточных императоров – Феодосия II, Маркиана и Льва I – варварской военной аристократии. Все три Аспара-Ардавура были консулами на Востоке: первый – в 427 г., второй – в 434 г., третий – в 447 г. и главнокомандующими основных военных сил империи – готов-федератов. Наиболее могущественным из рода Ардавуров был Ардавур Аспар, или просто Аспар. Иордан упоминает его (Rom., § 335) в связи с организованным им возведением на трон Восточной империи императора Льва I (457—474) и в связи с его (Аспара) насильственной смертью в 471 г. Убийство явилось результатом непомерной власти Аспара, особенно возросшей при императоре Маркиане. Маркиан наградил Аспара и его сына Ардавура саном патриция и доверил им обоим должности магистров армии. Власть Аспара была почти неограниченной. С помощью Аспара и послушного ему войска рядовой начальник кавалерийского отряда, Лев, был посажен на императорский престол. Тесная связь с Теодерихом Страбоном, сыном Триария, вождем крупного войска готов, расположенного во Фракии, усилила могущество Аспара; фактически в течение нескольких лет он был активным соправителем императора. Однако Лев I сумел создать Аспару противника в лице будущего своего зятя Зинона (впоследствии императора), исаврийца по происхождению, который возглавил значительное войско исавров (excubitores), не зависевшее от Аспара. Таким образом, в течение 469—471 гг. Лев I уравновешивал власть и влияние Аспара весьма внушительной силой исаврийской гвардии Зинона. В 471 г. соперничество Льва I и Аспара завершилось убийством Аспара и его сыновей: Ардавура, помощника и единомышленника своего отца, и менее проявлявшего себя Патрикия (или Патрикиола), которого Иордан определил как «цезаря» (наследника престола) и нареченного зятя императора.

На большом серебряном блюде (missorium), находящемся во Флоренции, в Археологическом музее, изображен Аспар «во всем его официальном блеске» (Ф. И. Успенский, История Византийской империи, т. I, рис. 31; лучшее изображение блюда дано в прекрасном издании: R. Delbrück. Die Consulardiptychen,

Taf. 35; также в книге: O. Fiebiger, Inschriftensammlung zur Geschichte der Ostgermanen, Taf. 4, № 61 и в книге: W. Ensslin, Theoderich der Grosse, S. 17, 407). Аспар представлен в консульской тоге (Аспар – консул в 434 г.), с так называемой маппой (род платка или салфетки), знаком власти на публичных собраниях и на празднествах, в высоко поднятой правой руке и с жезлом, увенчанным двумя головами (два императора, западный и восточный, в единой империи), – в левой. Кресло, на котором сидит Аспар, покоится на двух львах; рядом с креслом стоит сын Аспара – Ардавур Младший – в такой же, как у отца, тоге и также с маппой в руке; над его головой надпись: «Ardabur iunior pretor». В медальонах над головами описанных фигур два поясных изображения в консульских тогах с жезлами, оканчивающимися парой голов. Один из изображенных в медальоне обозначен именем «Ardabur» (несомненно, что это Ардавур, отец Аспара), другой – «Plinta» (вероятно, член рода Аспара, консул в 419 г.) Круговая надпись на борту блюда относится к центральному образу – Аспару: «Fl. Ardabur Aspar vir inlustris com(es) et mag(ister) militum et consul ordinarius».

580

Лев – император в Восточной империи (457—474). Рассчитывая распространить свое влияние (если не получить полную власть) на Западную Римскую империю, он отправил в Италию флот под начальством Юлия Непота, магистра армии Далмации, для вмешательства в дела на Западе. Непот низложил императора Гликерия, приказав посвятить его в епископы Салоны (на далматинском побережье), а сам «был поставлен цезарем в Равенне», причем получил императорский пурпур через «клиента императора Льва – Домициана» (Rom., § 338).

581

Олибрий умер 23 октября 472 г. Иордан ошибочно сообщает, что император Олибрий умер на восьмом месяце по вступлении на престол. Он наследовал Анфемию, который был убит по приказанию Рикимера в июле 472 г., после занятия Рима войсками федератов. Значит, Олибрий умер не позднее, чем на четвертом месяце своего правления.

582

Гликерий (Glycerius) – император в Западной империи (473—474). Гликерий был возведен на престол Гундобадом, племянником Рикимера и преемником своего дяди по командованию федератами. Не признанный императором Восточной империи Львом I, Гликерий был низложен Юлием Непотом, который по поручению императора Льва пришел с имперским флотом к берегам Италии и сам короновался императором в июне 474 г.

583

Гликерий пробыл на императорском престоле несколько более года, с 5 марта 473 г. по 24 июня 474 г.

584

Непот (Nepus, Nepos) – император Юлий Непот (474—475); сверг 24 июня 474 г. Гликерия с престола Западной Римской империи. Сам он был свергнут в августе 475 г. начальником войска федератов патрицием Орестом, который посадил 31 октября 475 г. на престол своего юного сына Ромула Августула (последнего императора Западной Римской империи). Юлий Непот был последним признанным в Константинополе западным императором; после свержения он жил как частное лицо в Салоне, в Далмации. При попытке восстановить свою власть (уже при Одоакре) он был убит (в 480 г.) См. прим. 589.

585

Римский Порт – приморский город на одном из рукавов Тибра, близ Остии (Bell. Goth. I, 26, 4—12).

586

Император Авит занимал престол Западной Римской империи с 10 июля 455 г. по 6 октября 456 г. Авит не был предшественником Олибрия, как пишет Иордан. После Авита были Майориан (457—461), Ливий Север (461– 465), Анфемий (467—472) и затем только Олибрий (472).

587

Плаценция (Placentia) – нын. город Пьяченца в северной Италии, на среднем течении реки По.

588

Орест (Orestes) – впервые он появляется на страницах записей Приска как «слуга» (οπάων) и писец или нотарий (υπογραφεύς) Аттилы. Впоследствии Орест, будучи родом из римлян, сделал себе карьеру в Италии. При императоре Юлии Непоте (июнь 474—август 475) он становится во главе федератов в высоком звании магистра армии. Опираясь на войско, Орест в августе 475 г. сверг и изгнал Непота, а в октябре 475 г. посадил на престол Западной Римской империи своего сына Ромула Августула (Cass., Chron., a. 475; Marcell. Comit., a. 475). Вскоре Орест потерял доверие войска и его сменил один из начальников войска варваров-федератов Одоакр, давно служивший в Италии. Одоакр, по-видимому, сын того Эдекона, который был соратником Ореста по службе у Аттилы. Орест был убит 28 августа (76 г., а через несколько дней (5 сентября) сын его Ромул Августул был низложен.

589

Одоакр (Odoacer, у Анонима Валезия – Odoachar, у Марцеллина Комита – Odoacer, у Кассиодора – Odovacar, у Прокопия – Ὀδόακρος) – крупный вождь варварских – германских и негерманских племен (см.: О. Л. Вайнштейн, Этническая основа так называемых государств Одоакра и Теодориха), с именем которого связано «падение Западной Римской империи». Он сверг (5 сентября 476 г.) последнего западного императора Ромула Августула и стал единовластным правителем Италии с 476 по 493 г. параллельно с императорами Восточной империи – Зиноном (474—491) и Анастасием (491—518). Официально правление Одоакра разделяется на два периода: первый – до 480 г., когда императором считался признанный на востоке Юлий Непот (Ромул Августул не был признан в Константинополе; Юлий Непот фактически занимал римский престол только с июня 475 по август 476 г., но почитался законным императором вплоть до своей смерти в 480 г.); второй – после 480 г., когда на Западе не было никакого императора. Правление Одоакра закончилось в феврале 493 г.: он был свергнут и вскоре убит королем остроготов Теодерихом.

Относительно происхождения Одоакра в источниках наблюдается разногласие. У Иордана мимоходом в «Romana» (§ 344) сказано, что Одоакр был ругом (genere Rogus). Однако, судя по «Житию св. Северина», в котором есть много сообщений о ругах, их королях и об отношении ругов к готам и т. п., Одоакр не был ругом и даже вступал с ругами в борьбу (Eugipp. v. Sev., XLIV). К сожалению, на основании этого источника, который содержит чрезвычайно яркий эпизод из жизни молодого Одоакра (Ibid., VII), одного из «варваров», собиравшихся в Италию, невозможно уточнить его племенную принадлежность. Когда Одоакра называют готом (например, Theoph. Chronogr., 119, 22), то это не свидетельствует о его готском происхождении, потому что общее название «готы» покрывало, как известно, ряд разных племен, действовавших вместе с готами или подчиненных им. Пожалуй, обильнее всего сведения о том, что Одоакр, возможно, был скиром. Так полагает близкий Иордану по времени автор Иоанн Антиохийский, доведший свое описание до 518 г. (Ioh. Antioch., fr. 209, 1). Отец Одоакра, по сообщению Анонима Валезия (Anon. Vales., § 45), носил имя Эдико и был, возможно, тем самым Эдико, который в 448 г. вместе с Орестом явился в Константинополь в качестве посла Аттилы (Prisci. fr. 7). В силу близости к Аттиле и к гуннским делам, Эдико (или Эдекон,

’Εδέκων), несмотря на германское имя, назван в записях Приска «скифом» (т. е. гунном). Едва ли можно допустить, что Одоакр был гунном по отцу, хотя это и доказывается в статье Рейнолдса и Лопеца (R. Reynolds and R. S. Lopez, Odoacer German or Hun?)

Более убедительными представляются сведения об Эдике, старейшине скиров, участнике битвы 469 г., когда скиры были побеждены остроготами (Get., §§ 275 и 277). Не был ли именно этот скир Эдика отцом Одоакра? В «Анониме Валезия» (Anon. Vales., 37) сообщается, что Одоакр появился в Италии – под Пьяченцей и в Равенне – «вместе с племенем скиров». В названной статье О. Л. Вайнштейна доказывается скирское происхождение Одоакра. Источники по-разному определяют не только происхождение Одоакра, но и те племена, во главе которых он оказался после захвата власти в Италии в 476 г. То он король готов (Marcell. Comit., a. 476), то он король торкилингов (Get., § 242) или торкилингов и рогов (Get, § 291); то он ведет за собой полчища торкилингов, скиров, герулов (Rom., § 344; Get., § 242), то он вообще «rex gentium» (Get., § 243), подобно Теодериху (Rom., § 349), потому что и тот и другой противопоставляются как вожди варварских племен «принципату римского народа» (Rom., § 349). Прокопий отметил, что Одоакр до прихода в Италию в 476 г. уже был в какой-то мере связан с империей, так как служил дорифором (дорифор, буквально копьеносец, т. е. телохранитель) в гвардии императора (Bell. Goth., I, 1, 6).

Появление Одоакра в Италии не носило характера появления могущественного варварского вождя во главе крупных варварских сил, которые повергали в трепет местное население (как было при нашествии Радагайса или Алариха), заставляли запираться большие города и высылать для сопротивления лучших полководцев империи. Группа варваров, пришедшая с Одоакром из Норика в Италию, не была тем, что писатели называли «варварской силой» (βαρβαρικη δύναμις). Со своими скирами Одоакр вступил в число римских федератов под командование патриция Рикимера, всесильного начальника всех вспомогательных войск Западной империи. Одоакр находился при Рикимере, когда тот восстал против императора Анфемия и после пятимесячной осады, 11 июля 472 г., занял Рим. С тех пор Одоакр стоял в центре политических событий, потрясавших тогда Италию. Он был свидетелем того, как Рикимер приказал убить императора Анфемия, как – уже после смерти Рикимера (в 474 г.) – начальник федератов Орест (некогда служивший Аттиле) сверг, опираясь на армию, императора Юлия Непота (в августе 475 г.) и как он же, спустя два месяца (31 октября 475 г.), посадил на римский престол своего сына Ромула Августула. Из рядового

дорифора императорской стражи Одоакр превратился в популярного среди федератов военачальника. В связи с тем, что Орест потерял доверие солдат, так как не сдержал своих обещаний о предоставлении им трети земли в Италии, Одоакр достиг высокого положения очередного предводителя вспомогательных варварских войск империи. Среди них, как отметил Прокопий (Bell. Goth., I, 1, 3), были скиры, аланы и «другие готские племена». Одоакр приказал убить Ореста, а сына его лишил престола, после чего империя на Западе перестала существовать. Войска, в которых главную роль, по-видимому, играли скиры, провозгласили Одоакра королем («rex»); по Прокопию, он сам «закатил тираническую власть» (Ibid., I, 1, 7—8). В данном случае титул «rex» не означал племенного предводителя; здесь «rex» – вождь всех военных вспомогательных отрядов, организованных в римскую армию неримского, варварского состава. Это и была в полном смысле слова η βαρβαρικη δύναμίς (варварские военные силы). Поэтому Одоакр в официальных документах назывался только «rex»; Иордан же, говоря о его походах, перечисляет несколько племен из той разноплеменной массы, которой он предводительствовал (Rom., § 344; Get., § 242). Приняв звание патриция от императора Зинона, Одоакр продолжал признавать власть и авторитет восточного императора, который, в свою очередь, до 480 г. признавал западным императором Юлия Непота, свергнутого в 475 г. Орестом. Ромул Августул не был признан в Константинополе законным императором Западной Римской империи; соправителем василевса до 480 г. (до своей гибели) оставался, хотя и номинально, находившийся в Салоне Юлий Непот (см., например, Marcell. Comit., a. 480). После его смерти из Галлии было направлено посольство к Зинону (очевидно, с просьбой вмешаться в дела Запада). По краткому, но красноречивому замечанию Кандида, в Галлии не хотели признать власти Одоакра: «Западные галлы [под ними, конечно, подразумеваются представители городской и землевладельческой правящей верхушки, а не вообще „народ“] поднимали восстания против него»; – «οτ αιασάν των αύτω των δυσμικων Γαλατων» (Candid. HGM p. 444). Одновременно с посольством из Галлии в Константинополе появились послы от Одоакра; император склонился на сторону Одоакра (Ibid.) Таким образом, Восточная империя признала своим представителем на Западе варвара-военачальника, всесильного тогда «rexgentium».

590

Федераты восстали против своего начальника Ореста, так как он не сдержал данного им слова – раздать войску федератов треть (το τριτημόριον) земель в Италии (Bell. Goth., I, 1, 5) в качестве вознаграждения за оказанную ему поддержку при возведении на престол Западной империи сына его, Ромула Августула. Обманув солдат, Орест бежал в город Тицин (Павия), а по взятии Тицина в Плаценцию (Пьяченца), где и был убит 28 августа 476 г. Одоакр, который мог знать о поведении Ореста и причине восстания федератов, немедленно предоставил солдатам требуемую ими часть полей (τό τριτημόριον των αγρων παρασχόμενος, – Ibid., I, 1, 8) и возглавил федератов.

591

Аноним Валезия (Anon. Vales., 38) сообщает, что Одоакр убил Ореста в Плацентии, но, вступив в Равенну, пощадил его сына Ромула Августула. Молодость и красота последнего императора тронули Одоакра, и он даровал ему жизнь («concessit ei sanguinem»), пожаловал шесть тысяч солидов и выслал в Кампанию с разрешением «свободно жить» вместе с родственниками («misit eum intra Campaniam cum parentibus suis libere vivere»).

В дошедших до нас отрывках сочинения Малха, писателя-современника, показано, что именно побудило Одоакра оставить в живых Ромула Августула. Свергнутый император должен был – конечно, под давлением Одоакра – воздействовать на сенат, чтобы отправить посольство в Константинополь с выгодным для Одоакра заявлением: сенату и италийцам не нужно особой императорской власти, достаточно иметь одного автократора для обеих частей империи (Malchi, fr. 10). Послы должны были добавить, что самым подходящим лицом для Италии является Одоакр, опытный в политике и в военном деле (πολιτικην έχοντα δύνεσιν όμου και μάχιμον, Ibid.). Иордан указал Лукулланский замок (Castellum Lucullanum) как место, куда должен был удалиться Ромул Августул. Название это связано с памятью о богатейшей вилле Люция Лициния Лукулла (ум. в середине I в. до н. э.), которая находилась в Неаполе. Здесь же, в Лукулланском замке (полагают, что это нын. Castel dell'Ovo в Неаполе), в 90-х годах V в. был основан монастырь для пришедших из Норика учеников и последователей св. Северина; здесь же аббат этого монастыря Евгиппий в 511 г. написал биографию своего учителя Северина, которая до сих пор является одним из самых ярких источников того времени.

592

709 год от основания Рима соответствует 45 году до н. э.; тогда Юлий Цезарь усыновил своего внучатого племянника Октавиана и назвал его своим наследником.

593

Иордан отразил общее мнение о том, что свержение Ромула Августула означало конец Римской империи на Западе («Hesperium Romanae gentis imperium ... poriit»). Вслед за этим в Италии наступило господство «готских королей». Теми же словами мысль о конце Западной империи выражена и в «Romana» (§§ 345—346). Примечательно, что Иордан буквально заимствовал фразу «Hesperium Romanae gentis imperium... Gothorum dehinc regibus Romam tenentibus» у Марцеллина Комита (Marcell. Comit., a. 476). Последний писал, по-видимому, в Константинополе и, несомненно, высказывал взгляды правящих групп Восточной Римской империи (в предисловии он предупредил, что пишет только о Восточной империи: «Orientale tantum secutus imperium»). Таким образом он выразил в своих словах о гибели «Гесперийской» (Западной) империи известное ему и, надо думать, утвердившееся мнение. Сведений шатких, неопределенных или субъективных Марцеллин Комит в свои серьезные, достоверные и краткие записи, как правило, не вносил. Поэтому нельзя согласиться с категорическим заявлением Л. Шмидта: «...современники не ощутили прекращение западноримской империи как некоторое все перевертывающее новое явление. Римское государство на Западе не погибло...» (L. Schmidt, S. 319—320). Ни Марцеллином Комитом, ни впоследствии Иорданом не принималось во внимание, что до 480 г. был жив император Юлий Непот: оба сообщили, что Орест, отец Ромула Августула, прогнал Непота (Marcell. Comit., a. 475; Rom., § 344; в Get, § 241, говорится даже о частной жизни Непота в Далмации). Следовательно, в глазах современников «Гесперия» (Западная империя) перестала существовать. Это, конечно, не противоречит тому, что власть Восточной Римской империи признавалась на территории Западной империи; недаром же сразу после свержения Ромула Августула Одоакр послал императорские инсигнии (знаки власти) в Константинополь (см.: Anon. Vales., 64 – «ornamenta palatii»), которые в хронике Кассиодора названы «purpura» и «regalia insignia» (см.: Cass. Chron., a. 476).

594

522 год правления предшественников Ромула Августула получился от сложения 45 лет до нашей эры (начиная с года усыновления Октавиана Августа Юлием Цезарем) с 476 годами нашей эры, что в сумме дает 521 год. Империя погибла на 522 году, считая от первого года правления Августа.

Одоакр назван «королем племен» («rex gentium»); под «gentes» подразумеваются разнообразные варварские племена, федераты империи, составлявшие войско, возглавленное Одоакром. Также Иордан называет и Теодериха в его походе против Одоакра: «rex gentium et consul Romanus Theodoricus», причем дальше говорит, что Теодерих в течение тридцати лет возглавлял «regnum gentis sui et Romani populi principatum» (Rom., § 349). Здесь резко противопоставлены: а) «regnum» варваров и «principatus» римлян, б) «gens» – варвары и «populus» – римляне. Однако выше (Get., § 243) Иордан говорит об империи «Romanae gentis» (ср. Marcell. Comit., a. 476), т. е. не соблюдает последовательности в употреблении термина «gens» только по отношению к варварским племенам.

596

Комит Бракила (Bracila comes) – один из германских военачальников в войске Одоакра, оказавший сопротивление своему вождю. В источнике, современном событиям, Бракила (или Бравила) назван «благородным мужем, противящимся правлению Одоакра» («vir nobilis suo regimini adversans». «Fasti Vindobonenses», списки консулов до конца V в., по Венскому кодексу, – MGH Auct. antiquiss., IX, 1892). Бракила был убит 9 июля 477 г. в Равенне. Это свидетельствует о борьбе, происходившей внутри варварской среды уже в начале владычества Одоакра в Италии. Через год (478) Одоакр так же расправился с комитом Адарихом и его семьей.

597

Одоакр был лишен власти Теодерихом 27 февраля 493 г., а через десять дней после этого был убит в Равенне. Одоакр правил в Италии не «почти тринадцать лет», как сообщает Иордан, а более шестнадцати лет (с 476 по 493 г.) Однако, у Иордана есть полное основание исчислять срок правления Одоакра именно тринадцатью годами: до 480 г. был жив изгнанный в Далмацию предпоследний император Западной империи Юлий Непот. Император Зинон (474—491) не признал Ромула Августула и продолжал считать императором на Западе Юлия Непота. Поэтому и посольству, направленному Одоакром и римским сенатом в Константинополь (в сентябре 476 г.), Зинон внушил мысль о необходимости признания Юлия Непота императором: Одоакр же стал лишь «magister militiae praesentalis» для Италии и получил звание патриция. После убийства Юлия Непота 9 мая 480 г. не стало и номинального (не пребывавшего в Италии) императора. С 480 г. Одоакр стал полновластным повелителем в Италии. С этого времени по 493 г. и прошли те тринадцать лет, которые насчитывал Иордан.

598

Словами о «шаткости Римского государства» («Romani regni vacillatio») Иордан определил положение, создавшееся в Италии при последних императорах и завершившееся свержением Ромула Августула в сентябре 476 г. «Шаткостью» воспользовался могущественный в то время король везеготов Еврих (466—485), который сразу же после того как опустел престол Западной империи, а над Италией возвысился Одоакр, завладел южной Галлией (Провансом). Впоследствии Одоакр принужден был уступить Евриху еще земли по реке Роне, составлявшие последние владения империи в Галлии, так как везеготы начали вторгаться в северо-западные области Италии; с передачей им части римской провинции Вьеннской (Viennensis) они обязывались не вступать на территорию Италии.

599

Арелат (Arelatim, или Arelate) – нын. Арль, несколько выше устья Роны.

Массалия (Massilia) – нын. город Марсель.

601

Гейзерих, кроме тех «подарков», о которых упоминает Иордан, передал Одоакру остров Сицилию (присоединенный до того к королевству вандалов) за некоторый ежегодный денежный взнос.

602

Зинон (Zeno) – император (474—491); ему предшествовал Лев I (ум. в январе 474 г.); одновременно с Зиноном кратковременно был на троне, с января по ноябрь 474 г., его малолетний сын и внук Льва I, Лев II.

603

Гесперийская империя, Hesperium imperium (так же в § 243) – Западная римская империя.

Еврих – король везеготов (466—485).

605

Аларих II – король везеготов (485—507); ему предшествовали восемь королей: Аларих I (395—410), Атаульф (410—415), Сигерих (415), Валия (415—419), Теодорид I (419—451), Торисмуд (451—453), Теодорид II (453– 466), Еврих (466—485).

606

Ввиду того что Иордан сделал экскурс в историю гетов, которую он тенденциозно представлял древнейшей историей готов, ему было необходимо измыслить «второе» место поселения готов, уже пришедших с севера к Черному морю. Этим «вторым» местом расселения стали, естественно, Фракия, Мезия, Дакия, т. е. та территория, где развивалась история гетов. Исчерпав все «выигрышные» для готов эпизоды из истории гетов, Иордан «вернул» готов к черноморским берегам, назвав последние «третьим» местом их расселения; ср. § 38 – о «стоянках» («mansiones») готов или местах их расселения (sedes): l) в Скифии около Мэотиды, 2) в Мезии, Фракии и Дакии, 3) снова в Скифии над Понтийским морем.

607

Германарих – король остроготов, умер приблизительно в 376 г. (и не ранее 370 г.; ср.: L. Schmidt, S. 253).

608

Сообщение об остроготах, оставшихся в той же стране (in eadem patria), относится только к части остроготов, не покинувших своих sedes близ берегов Черного моря и нижнего Днепра. Другая часть ушла под предводительством Алафея и Сафрака (Amm. Marc., XXXI, 3, 3; 4, 12) на Днестр, затем на нижний Дунай.

Иордан подчеркнул, что остроготы и под властью гуннов имели вождем представителя рода Амалов. По Иордану, соответственно выписанной им (в § 79) родословной, которая, несомненно, не могла быть вымышленной ни Кассиодором, ни кем-либо другим, а взята из предания, король Винитарий был внуком брата Германариха, Вультульфа. Винитарий, по-видимому, был либо непосредственным, либо через отца своего Валараванса преемником Германариха и правил теми остроготами, которые остались на нижнем Днепре после гуннского нашествия. Винитарий не сопротивлялся гуннам; наоборот, сохраняя свои полномочия вождя («principatus sui insignia retinente»), был им подчинен, но переносил подчинение «с горечью» («aegre ferens Hunnorum imperio subiacere»). Он не сразу осуществил давно задуманный план освобождения от ига гуннов; первым шагом его в этом направлении был поход на антов.

Другая часть остроготов, которая после набегов гуннов ушла на Днестр, затем на нижний Дунай, имела вождем Витимера (Amm Marc., XXXI, 3, 3); в противоположность Винитарию, Витимер опирался на некоторую часть гуннов («Hunis aliis fretus»), даже имел наемников из их среды («quos mercede sociaverat partibus suis») и воевал с аланами. Кроме того, Витимер был «rex creatus», но, вероятно, не был сыном Германариха. Относительно Винитария высказано сомнение Л. Шмидтом, который считает, что в готских родословных Кассиодором была произведена тенденциозная фальсификация, причем порожденная его «ученостью» («gelehrte Fälschung», – L. Schmidt, S. 255); хотя Л. Шмидт и допускает, что генеалогия Вультульф – Валараванс-Винитарий и т. д. (§ 79) достовернее, чем генеалогия Германарих – Гунимунд – Торисмуд – Беримуд – Ветерих – Евтарих (§ 81), тем не менее он видит в Винитарий, о котором довольно много и ярко рассказано у Иордана, лишь легендарный образ и предполагает, что появление имени Винитария в генеалогическом ряду можно объяснить ошибкой, родившейся в процессе традиции: Винитарий-Wenetharius – прозвище Германариха, победителя венетов, готск. Vinithaharjis; прозвище оторвалось от имени и стало рассматриваться как особое имя в родословной. Л. Шмидт даже отрицает домыслы Маркварта (L. Schmidt, S. 368—374), подозревавшего серьезную историческую основу в легенде, и называет их «не делом сознательного историка»; он отвергает и довольно убедительные соображения Стракош-Грассманна (Strakosch-Grassmann, Geschichte der Deutschen in Österreich-

Ungarn, I, 1895, S. 124), предполагавшего, что остроготы после смерти Германариха разделились (под воздействием удара со стороны гуннов) на три группы, из которых каждая следовала за своим вождем: Гунимундом, Винитарием, Витимером. Легендарность или историчность Винитария была бы не так уж существенна, если бы с его именем не сочетался весьма связный, последовательно развивающийся рассказ о борьбе остроготов с антами. Весь эпизод (Get., § 246—247), один из числа наиболее ярко переданных Иорданом, трудно считать лишь легендой, не имеющей никакой исторической основы, или вымыслом тенденциозно пишущего автора (как полагает Л. Шмидт: «geschichtlich… wertlos», – L. Schmidt, S. 255). Имеет значение и указание на время правления Винитария, так как оно позволяет в какой-то мере восполнить пробел в скудной хронологии антов. Поход Винитария на антов никак нельзя относить к году смерти Германариха (как у Б. А. Рыбакова в статье «Анты и Киевская Русь», стр. 334; у П. Н. Третьякова в книге «Восточнославянские племена», стр. 67; у Б. Д. Грекова в работе «Киевская Русь», стр. 436): ведь в тексте Иордана сказано, что Винитарий «понемногу» («paululum») стал освобождаться от власти и контроля гуннов и не сразу, а подготовив почву для самостоятельного военного похода без ведома гуннов, напал на антов. Поэтому дату столкновения Винитария с Божем, тем более дату казни Божа, приходится отодвинуть ближе к концу IV в. или, если Винитарий не был непосредственным преемником Германариха (между ними – Валараванс!), может быть, и на самое начало V в.

Интересно, что имя «Винитарий» оставалось в употреблении в раннем средневековье. В Сан-Галленском аббатстве (St. Gallen в северной Швейцарии) в VII в был монах Винитарий, искусный писец. На хранящихся до сих пор в библиотеке монастыря рукописях есть имя Винитария, поставленное им самим; на грамоте от 28 июля 761 г.: «Ego Uuinitharius presbiter hanc tradicionem scripsi in ipso monasterio…» и на одном из кодексов: «…liber quem Uuinitharius peccator et inmerito ordinatus presbiter scripsit…» (ср.: F. Steffens, Lateinische Paläographie, I, Taf. 33a).

Неясно, представлял ли себе Иордан отчетливо ту территорию, которую он назвал словами «Antorum fines» (Get., § 247). Прямо сближать эти слова Иордана с его указанием на места расселения антов между Днепром и Днестром по берегу Черного моря (§ 35) нельзя, так как места жительства племени могли измениться за время с конца IV или начала V столетия до середины VI в. Но, с другой стороны, места их расселения могли в какой-то мере и сохраниться. Необходимо обратить внимание на то, что и в описании событий, связанных с антами в период гуннского нашествия, и в сообщении о пределах расселения антов при Иордане упоминается Днепр (Erac и Danaper).

Остроготы при Германарихе и до него, вероятно, обитали вдоль левого берега нижнего Днепра, и, возможно, здесь же, на нижнем Днепре, скорее всего на правом берегу, жили те анты, которых возглавлял Бож. Трудно сказать, какова была величина территории, занятой «ранними» антами (Иордана), так как археология еще не дала исчерпывающего освещения истории «излучины Понта» между Днестром и Днепром и, специально, обоих берегов нижнего Днепра. Не имеется пока в распоряжении историков и достаточно четких следов (археологических) пребывания готов в Причерноморье.

Анты – противники Винитария – были, судя и по словам, и по тону Иордана, многочисленны и сильны. Даже такой поклонник военной мощи остроготов (недавно переживших успехи державы Германариха), как Иордан, констатирует победы антов над Винитарием. Кроме того, точное указание Иорданом имени антского вождя, упоминание о его сыновьях и семидесяти приматах-старейшинах свидетельствуют о существовании не какого-то небольшого племени, а значительного племенного союза, распространившегося, по-видимому, на обширной территории. Допустимо предположить, что Прокопий, столь конкретно отразивший в своем труде как современные ему набеги антов и склавенов на земли империи, так и черты внутренней жизни и нравов этих племен, руководствуясь, вероятно, рассказами очевидцев (Bell. Goth., III, 14, 22—30), знал нечто и об их более ранней истории (το ανέκαθεν, – Ibid.), когда анты и склавены носили общее имя «споров». Может быть, эти неотчетливые сведения о «спорах», включавших в себя антов, Прокопий в какой-то мере отразил при описании берегов Понта, когда обозначал ту неопределенно широкую территорию, которую занимали «безмерные племена антов» (Bell. Goth., IV, 4,

9). Об этом подробнее см. прим. 113.

Вопрос о «ранних» антах, которые, по сообщению Иордана, были в конце IV в. союзниками или подданными гуннов, осложняется особой точкой зрения, высказанной впервые в работе А. Ольрика (A. Olrik, Ragnarök. Die Sagen vom Weltuntergang, S. 464 ff.). Автор заявил, что анты Божа были не анты-славяне, а кавказские аланы, которые сами называли себя антами и которые имеют в своей (осетинской) традиции воспоминания о борьбе с племенем «Gut». Вслед за Ольриком стали считать антов Божа аланами Л. Шмидт (L. Schmidt, S. 256), который вообще весь эпизод войны Винитария с Божем склонен рассматривать как миф, и Г. В. Вернадский, который сводит «ант» к «ас» – осетин, алан («Ancient Russia», p. 83—84, 106, 126, 130) и пытается объединить сообщения Аммиана Марцеллина о войне остроготов с аланами (Amm. Marc., XXXI, 3, 3) с данными Иордана о войне остроготов с антами (Get., § 247). Однако позднее в обобщающей статье о древнейших славянах Г. В. Вернадский изменил толкование этнического имени «анты» и смягчил свое мнение об антах, как представителях аланского племени. В главе «Das frühe Slawentum», в отделе «Älteste Umwelt der Slawen» издания «Historia mundi» (V. Bern., 1956, S. 256), Вернадский пишет, что название «анты» – аланского происхождения, потому что в осетинском языке слово «ändä» значит «вне», слово «ändag» значит, «внешнее», а в санскрите «ánta» значит «конец», «граница». «На этом основании, – утверждает Вернадский, – антов можно было бы рассматривать как „внешние“ или пограничные племена (die Randstämme) аланов (предков осетин), которые в процессе переселения освободились от основной массы племени (Hauptmasse des Volkes). Некоторые из этих „внешних“ племен (einige dieser „äusseren“ Stämme), осевшие в Восточной и Средней Европе, были чисто аланскими, другие были славянами, которые подпали под господство аланских родов, но со временем ославянили своих влыдык (ihre Herren... slawisierten). Еще другие не были ни иранцами, ни славянами, но тоже находились под аланским владычеством, вроде „Andi“ на Северном Кавказе».

Таким образом, если согласиться с разъяснением (пока единственным и, возможно, правильным) названия «анты», приводимым Вернадским в упомянутом его обзорном труде (см. также статью G. Vernadsky, Note on the name Antes), то все же нет, как видно, необходимости отвергать принадлежность антов (Иордана, Прокопия и др. писателей) к славянским племенам.

Советские ученые-слависты (М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков, Д. С. Лихачев и др.) не высказывались в пользу мнения об антах – аланах. Вопрос о племени антов в конце IV и в

V вв. содержит еще неразрешенные трудности; сведения об этом периоде в жизни крупного в дальнейшем племени очень скудны. Тем более историки не могут пренебрегать рассказом Иордана, подробным и последовательным, исходящим из ценной для автора традиции прошлого его народа.

Бож (Boz, в некоторых рукописях Booz и Box) – вождь антов в конце IV в.; упоминается только Иорданом (один раз в Get., § 247). Акад. А. А. Шахматов (по его словам, «вслед за другими исследователями») находил вероятным сближение имени антского князя Боза (или Божа) с «Бусом», о котором говорится в «Слове о полку Игореве»: «Се бо Готьскыя красныя девы... поют время Бусово». Шахматов допускал, что в песне готских дев вспоминалась борьба Винитария, вождя готов, с Божем, вождем антов, описанная Иорданом (А. А. Шахматов, Древнейшие судьбы русского племени, стр. 10, прим. 1). Такого же мнения придерживаются акад. А. С. Орлов (см. его комментарий к «Слову о полку Игореве», изд. 2, М.—Л., 1946, стр. 71, 82 и 120) и П. Н. Третьяков («Восточнославянские племена», стр. 67). Акад. М. Н. Тихомиров сопоставляет имя Божа с племенным названием бужан, живших по Западному Бугу и имевших известный во времена Киевского государства город Бужск или Бозк (М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля», – «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 78). Иначе толкует имя Бож (по мнению упомянутых выше русских ученых, имя Бож – славянское) Г. В. Вернадский («Ancient Russia», p. 321—322). Говоря о свидетельстве Масуди (ed. C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, t. III, p. 65) о так называемой «Valinana», он указывает, что Маркварт (J. Markwart, Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, S. 147) видит в «Valinana» антов, а вождя их Маджака, названного у Масуди, отождествляет с Мезамиром (Μεζύμηρος), антским послом к аварам, о котором писал Менандр (Men. fr. 6). По мнению же Вернадского, имя Маджак есть искаженное имя Бож («a distortion of the name Boz»), принадлежавшее вождю антов «в период алано-готской войны конца IV в.». При этом Вернадский напоминает о возможности взаимозамены звуков м и б в осетинском языке, ссылаясь на В. Ф. Миллера (O. F. Miller, Die Sprache der Osseten, – «Grundriss der iranischen Philologie», I, Suppl. Strassburg, 1903, S. 34). Принимая во внимание убеждение Г. В. Вернадского, что анты Иордана были аланами, союзниками гуннов, понятно его стремление считать имя Бож аланским. У Л. Шмидта, который уверенно рассматривает весь рассказ Иордана о Винитарии, его борьбе с антами и с гуннами, как выдумку... Кассиодора («eigene Erfindungen Cassiodors», – L. Schmidt, S. 253), во всей книге – ни в тексте, ни в указателе – нет имени Божа. Обходит молчанием это имя и Э. А. Томпсон, исследователь истории Аттилы, хотя имя

Бож связывается (по Иордану) с гуннами.

Ввиду необычайного разнобоя в толковании имени Бож (Бус из «Слова о полку Игореве»; предводитель племени бужан; Маджак – вождь Valinana) представляется закономерным предположить, что, быть может, слово «Бож» стоит в связи со славянским словом «вождь» (в старинной форме «вож») и потому было не именем собственным, а лишь непонятным в греко-латинском мире синонимом слова «dux». Однако и слово «вождь», «вож» могло быть именем собственным антского предводителя, подобно тому как именами являлись Senator, Patricius или, в более позднее время, Marchesius, Comes, Comitissa, Vassallus, Prepositus и др. (см., например, в указателе в «Codex diplomaticus Cremonae», ed. L. Astegiano, II, Torino, 1899).

612

Здесь Иордан употребил термин римского права. Антов он назвал dediticii, этим именно словом отметив, что они были покорены, имея оружие в руках. Иногда этим термином обозначались рабы, отпущенные на волю по закону Элия Сенция. (См. о дедитициях в «Институциях» Гая: Gaii Institutiones, ed E. Huschke, I, 13—15, 25, 27).

613

Только Иордан записал (Get, § 130, 248—249), черпая сведения из устного готского эпоса, имя предводителя гуннских отрядов, которые обрушились на остроготов и, расколов их на две или три части, подчинили тех из них, которые не ушли со своих мест. Имя этого гуннского предводителя Баламбер (Balamber; разночтения: Balamir, Balamur, Balaber, Balambyr), и определяется он как «rex Hunnorum». Ссылаясь на высокий авторитет Мюлленгоффа, Моммсен отметил: «никто, кроме неопытных, не выдаст это имя за германское» («nemo nisi imperitus pro germanico vendet», см. Index personarum). Однако Л. Шмидт не признал ни рассказа о борьбе Винитария с Баламбером, рассматривая его как Кассиодорову выдумку, ни самого гуннского вождя. Баламбер для Л. Шмидта «подозрителен», а имя его «наверняка не гуннское, скорее, пожалуй, идентично германскому Валамер» (L. Schmidt, S. 256). В примечании к этому месту Л. Шмидт добавляет, что в те времена, т. е.: в IV в., вообще немыслимо заимствование гуннами германских имен. Мысль, высказанная Л. Шмидтом, несомненно, верна, и гуннский предводитель, конечно, не именовался германским именем. Если же оно кажется германским, то не потому ли, что ему придала подобный вид германская, готская традиция? Утвердительный и убедительный ответ на такой вопрос дает небольшой экскурс в книге Э. А. Томпсона, где ясно показано, что трудные для передачи на других языках (латинском, греческом, германском) гуннские имена приобретали вид имен того языка, на который они транскрибировались (см. E. A Thompsom, A history of Attila and the Huns, p. 222– 223). В связи с этим законно предположить, что в готских сказаниях гуннское имя победителя остроготов могло принять германское обличье. Впрочем, Э. А. Томпсон не решается (по-видимому, вслед за Л. Шмидтом) признать историческое существование Баламбера; ему «представляется достаточно вероятным, что Баламбер никогда не существовал». Рассуждения же Томпсона, почему Иордану понадобилось упомянуть Баламбера, не выдерживают критики: «готы выдумали его, чтобы пояснить, кто именно завоевал их» (Ibid., p. 57). При этом Томпсон, противореча своему экскурсу об именах, утверждает, что Баламбер – германское имя, которое гунн никак не мог носить. Г. В. Вернадский полагает, что Баламбер – аланский хан и имя его, через греч. Βαλάμερος (Prisci, fr. 28), является славянским именем Велемир, которое могло быть принято у аланов (G. Vernadsky, Ancient Russia, p. 131).

Эрак, «fluvius nomine Erac». Моммсен, ссылаясь на объяснения Константина Порфирородного, без колебаний говорит, что Эрак – река Фазис (De adm. imp. 45: ο Ἔραξ ήτοι ο Φασις; изд. Moravcsik-Jenkins, p. 212, 214). В древности Фазис – либо Рион, либо верхнее течение Аракса. У Константина подразумевается не Фазис-Рион, а Фазис-Аракс (Ἔραξ) в Армении. У Иордана Аракс в Армении упоминается в §§ 30, 54 и 61 с названием Araxes, Abraxes. Из рассказа Иордана ясно, что военные столкновения между остроготами и уже продвинувшимися к Дунаю гуннами не могли происходить в Закавказье. Соответственно ходу событий, река Эрак, по всей вероятности, – нижний Днепр. В упомянутом трактате Константина Порфирородного Днепр около двадцати раз назван ο Δάναπρις и только один раз ο Βαρούχ. В «Русском этимологическом словаре» М. М. Фасмера («Russisches etymologisches Wörterbuch von Max Vasmer») под словом «Днепр» разобраны различные названия этой реки и указано, что название Βαρούχ (De adm. imp., 38), возможно, близко осетинскому väräχ (в значении «широкий»). У Иордана же (Get., § 269) сообщается, что у гуннов Днепр называют «Var» (ср. прим. 678). Более поздние средневековые аналогии подтверждают правильность предположения, что река Эрак отождествляется с рекой Днепр. В текстах Notitiae episcopatuum встречается такое указание: το ’Ασπρόκαστρον το εις το στόμιον τοῦ ’Ελισσοῦ ποταμοῦ. (H. Gelzer. Ungedruckte und ungenügend ieröffentitchte Texte der Notitiae episcopatuum. – Abh. d. Bayer Akad. d. Wiss. Philos.-philol. Kl. Bd. 21, 1901, S. 632). Аспрокастрон соответствует названиям города Белгород (нын. Белгород Днестровский), Четатя Алба, Аккерман, который расположен на берегу Днестровского лимана, т. е. недалеко от устья Днепра. На итальянских мореходных картах-портоланах XIV– XV вв. встречается обозначение Днепра названиями «Erexe», «Eresse», «Elexe», «Elice». В записях венецианского купца Иосафата Барбаро, который в 1436—1452 гг. жил в Тане, близ устья Дона, названа река Elice; соответственно контексту в ней следует видеть Днепр (Gios. Barbaro, Viaggio alla Tana... cap. 1). Через Киев проехал в мае 1473 г. венец, посол (к Узун-Хасану в Персию) Амвросий Контарини. Он говорил, что Киев (Chio over Magraman) стоит на Днепре: «На una fiumara, che si chiama Danambre in sua lingua, in la nostra Leresse, – la qual passa appresso la Terra [=город Киев], – che mette fine in mar Maggiore». (Изд. 1543 г.: «Viaggi fatti da Vinetia alla Tana in Persia, in India et in Costantinopoli». Aldus, in Vinegia, 1543, p. 68 v.) В этих

источниках – портоланах и записях купца – отражена, конечно, не топонимика древности, которая уже отмерла к XIV—XV вв. и могла встретиться лишь в литературных произведениях, а живая, обиходная топонимика, воспринятая из словаря местного населения. И. Е. Забелин предполагал, что и название «Олешье» произошло от Elice; он приводит рассказ (помещенный в Прологе под 20 июня) о перенесении мощей святых Инны, Римы и Пинны: епископ выкопал их тела и положил в месте, называвшемся «Еликс» (в более поздних списках Аликс, Лякс); здесь был причал, пристань, «пристанище суще» (И. Е. Забелин, Заметка о древности днепровского Олешья, стр. 1 —3). Но М. М. Фасмер в «Русском этимологическом словаре» выводит имя «Олешье» из названия дерева «ольха» (но не из греч. ’Σλισσος, как думает А. И. Соболевский: «Русское начальное „о" = ц.-слав. Іє – „Русский филологический вестник“», т. VIII, № 4, Варшава, 1882, стр. 179). Г. В. Вернадский придерживается особой точки зрения относительно Эрака, считая, что он соответствует нын. реке Тилигул (G. Vernadsky, Ancient Russia, p. 131, со ссылкой на N. Zupanič, Prvi nosilci etničkih imen Srb, Hrvat, Ceh. – «Etnolog», II, 1928, str. 74).

615

Аталарих (Athalaricus) – внук и преемник Теодериха. Аталарих был королем остроготов с 526 по 534 г., но из-за малолетнего возраста не управлял государством. Регентшей при нем была его мать, дочь Теодериха Амаласвинта, а ее ближайшим советником был Кассиодор, фактически руководивший государственными делами. Последний, для того чтобы укрепить и прославить род Амалов, вывел в своем сочинении выдуманную им генеалогию Евтариха, мужа Амаласвинты и отца Аталариха.

616

Матесвента (Mathesuenta) или Матасвинта (у Прокопия Матасунта, Ματασούντα), внучка Теодериха по матери, была насильно взята в жены Витигесом, который не принадлежал к королевскому роду Амалов. Он женился на Матасвинте для упрочения своего влияния среди остроготов. По-видимому, в связи с этим браком Иордан считал Витигеса последним королем остроготов. Принадлежность Матасвинты к династии Амалов сыграла свою роль и во втором ее браке. После смерти Витигеса на ней женился племянник императора Юстиниана, знаменитый полководец Герман. Он собирался взять с собой Матасвинту в поход, в Италию, против Тотилы, полагая, что остроготы не осмелятся поднять оружие против войска, в лагере которого в качестве жены стратига находится внучка славнейшего из Амалов, короля Теодериха. Иордан в дальнейшем стремится показать, что путем брака племянника Юстиниана с внучкой Теодериха образовался союз между династией Амалов и главой империи.

617

Герман (Germanus, Γερμανός) – племянник императора Юстиниана, патриций и полководец, прославившийся особенно в войнах с антами и склавенами. В 550 г. Герман был поставлен во главе большого войска, направлявшегося в Италию против Тотилы и остроготов. Однако Герман не совершил этого похода. Когда по пути на Запад Герман узнал, что массы склавенов, Σκλαβηνων όμιλος, подошли к Наиссу (нын. Ниш) и готовы двинуться к югу с целью захватить Фессалонику, он, по приказу императора, приостановил поход в Италию, чтобы спасти Фессалонику от нашествия склавенов. Одно его имя, широко известное среди антов и склавенов, вселяло в них страх, так как Герман еще в начале правления Юстиниана нанес им жестокое поражение. Когда опасность набега склавенов миновала, Герман должен был продолжать поход в Италию, но внезапно заболел и умер осенью 550 г. в Сердике (нын. София). Сын его от Матасвинты, названный также Германом, родился после смерти отца. (См. о Германе у Прокопия: Bell Goth., I, 11, 17; III, 39, 9—16; III, 40, 1—9; Bell. Vand., II, 16, 1).

618

Витиеватое выражение «тройным цветком» («trino flore») означает, что непосредственное потомство Вандалария состояло из трех сыновей. Имя Вандалария рядом исследователей (Мюлленгофф, Моммсен, Л. Шмидт) считается сомнительным, как сомнительной кажется и восстановленная Кассиодором, затем повторенная Иорданом генеалогия готских королей после Германариха («он [Кассиодор] вывел готских королей, скрытых долгим забвением, из логова древности», «iste reges Gothorum longa oblivione celatos latibulo vetustatis eduxit», – Variae, IX, 25). В указателе имен Моммсен, ссылаясь на Мюлленгоффа, приводит готскую форму Vandlaharjis, а Л. Шмидт (L. Schmidt, S. 256) дает перевод этого слова – «вандалобойца» – «der Wandalenkämpfer». Если это так, то естественно предположить, что в данном случае эпитет («вандалобойца») предыдущего короля (может быть, Германариха или его преемника – по Аммиану Марцеллину – Витимера) обратился в легенде в имя его наследника. Однако в конце IV в. или начале V в. не было никаких сражений между готами и вандалами. Быть может, действительно, здесь подразумевались вовсе не вандалы, более поздние враги готов, а вообще восточногерманские, «готские», племена вандилов (Vandili у Плиния, Plin., IV, 99; Vandilii у Тацита, Germ., 2), с которыми у готских (остроготских) королей могли быть столкновения. Энгельс отчетливо выделяет в статье «Германские племена» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, XVI, М., 1935, стр. 379) вандилов, одно из пяти основных племен, называемых Плинием (Plin., IV, 99). Название «вандилы» дало впоследствии исторически хорошо известное имя племени вандалов.

619

Торисмуд был правнуком Германариха, а Вандаларий – двоюродным (вернее, четвероюродным) братом Торисмуда; отсюда получается, что Вандаларий был не племянником (fratruelis) Германариха, а его правнуком по боковой линии (см. генеалогическую таблицу при «Указателе имен» Моммсена, стр. 142). Торисмуд пал в битве с гепидами (Get., § 250); его сын Беримуд не стал королем остроготов, еще находившихся под владычеством гуннов, а ушел к везеготам; вместе с сыном Ветерихом, не открывая своей принадлежности к роду Амалов, Беримуд жил среди везеготов. Его внук Евтарих вернулся к Амалам, став мужем Амаласвинты, дочери Теодериха (§ 174 и 251). Эти сложные перемены в судьбах представителей Амалов даны, как думает, например, Л. Шмидт, Кассиодором для того, чтобы украсить происхождение Аталариха, который иначе был бы Амалом лишь по матери (см. прим. 615).

620

История преемников Германариха изобилует неясностями (две версии: готы с Витимером – у Аммиана Марцеллина, и готы с Винитарием – у Иордана; возможная искусственность имен Винитария и Вандалария и т. п.). Более определенные черты история остроготов приобретает с начала деятельности трех братьев Амалов: Валамера, Тиудимера и Видимера. Старший из них, достигнув совершеннолетия, стал королем около 440 г. Он подчинялся Аттиле.

621

Здесь Иордан опять показывает, как складывались отношения между гуннами и покоренными ими крупными племенами. Как вначале (на рубеже V в.), так и позднее (в V в. вплоть до распада гуннской державы) готы сохраняли целостность племени, территорию и даже внутреннюю независимость, самоуправление. Иордан несколько раз указывал («ut saepe dictum est»), что после покорения державы Германариха гуннами готы (остроготы) по-прежнему подчинялись своему королю и ими продолжали править представители Амалов. Иордан отметил, что Винитарий, преемник Германариха, «удержал все знаки своего господствования» («principatus sui insignia retinente», – Get., § 246), что «готским племенем всегда управлял его собственный царек, хотя и [соответственно] решению гуннов» («genti Gothorum semperum proprius regulus, quamvis Hunnorum consilio, imperaret», – § 250). Слово regulus Иордан применил к Амалу, по-видимому, как противопоставление слову rex, которым в данном контексте он назвал гуннского вождя Баламбера. Вместе с тем, по сообщению Иордана, в вопросах внешней политики, сводившихся к войнам, короли остроготов со всеми подчиненными им племенами повиновались вождю гуннов. Поэтому-то Иордан и подчеркивает, что Винитарий «с горечью переносил подчинение гуннам» и пытался найти выход из создавшегося положения, которое ограничивало его действия (§ 247). Так, «понемногу (paululum) освобождаясь из-под их [гуннов] власти» (§ 247), он нарушил установленное положение и самовольно пошел войной на антов и их предводителя Божа. Этого не потерпел Баламбер. В трех сражениях мерялись силами гунны и готы, пока Баламбер не убил Винитария и не взял себе в жены племянницу его, женщину из рода Амалов, по имени Вадамерка. И хотя после этого готы были окончательно покорены («populus subactus», – § 249), тем не менее они сохранили своего «царька» («regulus»), который правил ими соответственно указаниям из ставки гуннского вождя. Едва ли справедливы упреки Иордану, что его изображение готов в период гуннского владычества не имеет никакой достоверности (L. Schmidt, S. 262). Иордан говорит как о создавшихся отношениях между гуннами и готами, так и об усилиях готов избавиться от тягостного подчинения им. Приск (Prisci fr. 39), ярко отразивший ненависть готов к гуннам, только дополняет картину, нарисованную Иорданом по древним преданиям.

В данном случае, как это ни странно, Иордан – сам «варвар» – назвал готов «скифским племенем» («gens aliqua Scythica»). Конечно, он не вкладывал этнического смысла в уже устаревший к его времени термин «скифский», но, вероятно, хотел общим названием определить племена, обитавшие на территории «Скифии», описанной им в начале его труда. Прокопий также без этнического значения употребил термин «гуннский», говоря, что анты и склавены сохраняют «гуннские привычки» (имелась в виду примитивность их быта). Прокопий достаточно полно изобразил и быт, и нравы, и облик антов и склавенов, чтобы не предполагать в чем-либо их сходства с гуннами (Bell. Goth., III, 14, 22—30); «гуннский обычай», το Ουννικον ηθος, у антов и склавенов означает лишь то, что они повторяли укладом своей жизни нечто, свойственное гуннам и, быть может, по мнению Прокопия, приличествующее только гуннам.

623

Здесь Иордан всецело обращается к Приску (см. также Malal., 359, 1—4; Evagr. Hist. eccl., 1, 17). Ср. прим. 507.

624

Обряд оплакивания – порезы лица, чтобы кровью, а не слезами почтить память погибшего воина, – описан Менандром (Men., fr. 43): когда в 576 г. византийские послы присутствовали при оплакивании Дизабула, главы Западного Тюркского каганата, то Турксанф, «гегемон» тюрков, предложил послам порезать себе щеки в знак траура (καταχαράττειν τα πρόσωπα ταῖς μαχαίραις).

625

Император Маркиан (450—457).

Судя по словам «немногое из многого» («pauca de multis dicere»), в распоряжении Иордана было гораздо более подробное описание погребения Аттилы (несомненно, по записям Приска), но он привел из него лишь часть.

627

Кассиодор в «Хронике» отметил, что Аттила умер в своем становище (Cass. Chron., a. 453 «...Attila in sedibus suis moritur»), т. е. где-то близ Тиссы. Есть предположение, что «sedes» Аттилы и его резиденция находились к северу от реки Кереша. Так, например, сказано у Бьюри (J. Bury, A History of the later Roman Empire..., I, p. 276). Для погребения тело перевезли в степь, в пустынное место, где должен был быть насыпан курган.

628

«Scythica et Germanica regna» – так определены громадные территории, подчинявшиеся Аттиле. О покорении империи нет, конечно, ни слова: отношение Аттилы к империи Иордан охарактеризовал несколькими словами, когда упомянул о дани (vectigal), которую получал Аттила.

629

Страва – пища, еда, кушанье, яство, блюдо, похлебка, варево (см.: Даль, Толковый словарь). В данном случае Иордан под «стравой» подразумевал «тризну», поминальный пир, поминовение усопшего пиршеством, песнопениями, конскими ристаниями. Собственно сам Иордан объясняет значение слова strava употребленным им в этой же фразе словом commessatio. Гунны либо переняли у славян обычай погребальных пиров, которые называли «стравами», либо – что вероятнее – переняли только славянское название подобного обряда. Напрашивается предположение, что уже в первой половине V в. славяне были насельниками тех областей по Дунаю, куда пришли гунны, и что гунны восприняли от них некоторые слова вроде отмеченного Приском слова «мед» (Prisci fr. 8); «в селениях предлагали нам ...вместо вина мед (αντι δε όνου ο μέδος), так именно называемый в тех местах». (См.: Л. Нидерле, Человечество в доисторические времена, СПб., 1898, стр. 524; L. Niederle, Manuel de l' antiquité slave, t. II, p. 52—53.) Моммсен исключает возможность славянского происхождения слова «страва» на том основании, что в V в. славян еще не было в областях, занятых гуннами, т. е., в областях вокруг реки Тиссы и на среднем Дунае, и склоняется к тому, что слово «страва» происходит от готского слова «straujan», «простирать». Предположение о готском происхождении слова «страва» выдвинул Яков Гримм (1785– 1864 гг.); в статье о древнем обряде трупосожжения (Jac. Grimm, Über das Verbrennen der Leichen, – «Kleinere Schriften», II, Berlin, 1867) он пришел к выводу, что существительное «страва» (от готского глагола straujan) должно было означать погребальный костер, как ложе, на котором простирали мертвеца для сожжения. В следующем же году известный русский славист А. А. Котляревский – исключительный знаток славянского языка, внимательно прочитавший текст Иордана (передающего отрывок из сочинения Приска) о погребении Аттилы, возразил Гримму (А. А. Котляревский, О погребальных обычаях языческих славян, М., 1868, стр. 37—42). Котляревский не мог согласиться с Яковом Гриммом, признавшим слово «страва» готским, и Лоренцом Дифенбахом, включившим его в свой фундаментальный словарь готского языка (L. Diefenbach, Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache, Stuttgart, 1846—1851), по тем соображениям, что 1) Иордан, по всей вероятности, знал готский язык и поэтому трудно допустить, что он не различал готского слова и мог неопределенно сказать, что «так называют» этот обряд сами

гунны («stravam... quam appellant ipsi»); 2) из слов Иордана не следует, что тело Аттилы было сожжено (действительно, Иордан пишет о «трупе, похороненном в земле» – «cadaver terra reconditum», и называет Аттилу «погребенным», «sepultus»); 3) славяне и «доныне обозначают стравой пищу, кушанье, запас яств, составляющих обед», причем в таком значении употребляется это слово и «теперь в наречиях польском, чешском, словацком, мало– и великорусском», а также «в памятнике старой чешской письменности» и «именно со значением погребальных поминок, пира по смерти»; 4) этимология слова «страва» прямо ставит его в родственный ряд слов, древность которых не подлежит сомнению; будучи сложным (с-трав-а), оно идет от славянского «троу», дающего глагол «натровити», напитать. Таким образом, Котляревский пришел к выводу, что «страва» – слово не готское, а славянское и что оно обозначает не костер, а погребальное пиршество, совершавшееся до погребения.

Последнее время немецкие ученые поддерживают мнение о готском происхождении слова «страва». Так, например, Э. Шварц (E. Schwarz, Germanische Stammes künde, S. 225), полагает, что для этого слова (восходящего к sûtrava) наиболее вероятно значение «Gerüst» – леса, подпорки и даже костер (в смысле нагромождения дерева, дров). Шварц ссылается на статью Э. Роот (E. Rooth, Got. strawa «Gerüst, Paradebett»).

В доныне пополняющейся картотеке исторического словаря Института русского языка Академии наук СССР слова «страва», «стравие», «стравительный» отмечены в памятниках XVII в.; «стравление» в смысле пищеварения – в трактате «Назиратель», являющемся переводом (XVI в.) трактата по сельскому хозяйству Петра Кресценция (XIV в.). Академик И. И. Срезневский указывал, что слово «страва» в значении довольствия употреблялось в договорах XV в. между Полоцком и Ригой (И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, СПб., 1893—1912).

630

Неясно, что имел в виду Иордан, употребляя слово «орнат». Царственного орната – убора императора – Аттила, конечно, никогда не имел. Быть может, Иордан хотел таким образом выразить мысль о том, что гуннский вождь настолько возвысился, что получал дань от империи. Как известно, император Феодосий II (ум. летом 450 г.) исправно платил ежегодную огромную дань (2 тыс. золотых ливров) Аттиле, а его преемник Маркиан (450—457) пытался положить этому конец.

631

Словом фалеры (falerae, правильно – phalerae, от греч. τά φάλαρα) определяются медные, серебряные или золотые крупные нагрудные бляхи, служившие почетными знаками воинов. Иордан отметил на фалерах «геммы», т. е. либо драгоценные камни, либо вставки из цветного стекла в выпуклых гнездах на подкладке из фольги. Такие геммы нередко встречаются на вещах из варварских погребений. В статье А. А. Спицына «Фалеры южной России» изображены найденные в курганах южнорусских степей бляхи-фалеры – медные и серебряные украшения воинов и их коней (предположение автора, что они служили не только украшением, но и защитой от стрел, сомнительно). Под 521 г. у Марцеллина Комита говорится, что во время цирковых игр, состоявшихся в связи с консульством Юстиниана, на арену были выведены разные звери и много украшенных фалерами лошадей («numerosos praeterea faleratosque in circo caballos...»). Лошадь с подобными украшениями изображена на диптихе Барберини конца V—начала VI в. (находится в музее Лувра): на нагрудных ремнях и на крупе верхового коня висят фалеры в виде выпуклых кружков с инкрустированными камнями; меньшие фалеры – на уздечке (R. Delbrück, Die Consulardiptychen, Taf. 48).

632

«Diversi generis insignia» в данном контексте – инсигнии покоренных Аттилой племен.

633

Иордан сообщает, что люди, работавшие над устройством кургана Аттилы, были убиты, чтобы не стало известно место погребения, скрывавшее крупные сокровища. О тех же причинах убийства строителей могил-«домов» говорит Ибн-Фадлан в рассказе о погребении «царя хазар или хакана»: «Когда он похоронен, то рубят шеи тем, которые его хоронят, чтобы не было известно, в каком из этих домов находится его могила» («Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», М.—Л., 1939, стр. 84; новое издание: А. П. Ковалевский, Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 г., Харьков, 1956, стр. 146—147). Но не было ли это убийство обрядом? Менандр (Men., fr. 43), описывая оплакивание почившего в 576 г. Дизабула, правителя Западного Тюркского каганата, сообщает, что в день погребения были убиты кони умершего и четыре гунна-пленника, которых как бы посылали в загробный мир к усопшему, чтобы рассказать ему о совершенной в его честь тризне, δοχία (ср. прим. 427).

634

Ардарих (Ardarichus) – король гепидов, верный союзник и советчик Аттилы, сражавшийся вместе со своим племенем на стороне гуннов в Каталаунской битве 451 г. Иордан подчеркивает, что Ардарих был значительной фигурой среди других варварских предводителей. Он называет его «rex famosissimus» (Get., § 199) и отмечает, что он, «fide et consilio clarus», был доверенным и уважаемым лицом в ставке Аттилы. Поэтому понятно, что Ардарих не потерпел презрительного отношения к дружественным ему племенам со стороны сыновей Аттилы, не сумевших удержать огромный союз племен, созданный их отцом. Ардарих был возмущен, что с целыми племенами обращаются, как с презренными рабами, и первый поднял оружие против потомков Аттилы. Гепиды в союзе с другими племенами одержали победу над гуннами при реке Недао, в 453 г.

635

Река Недао в Паннонии никем из авторов, кроме Иордана, не упоминается; пожалуй, Недао можно отождествить с одним из мелких левых притоков Савы – Нетавой. Если это так, то битва произошла в пределах Славонии (ср.: C. C. Diculescu, Die Gepiden, Bd I, S. 65).

636

Копья готов Иордан называет «conti». Слово contus, о κοντός, значит «багор», «длинный шест», которым можно оттолкнуться, стоя на лодке, от берега. Отсюда ясно, что это слово обозначает длинное копье, род пики (в противоположность метательному короткому копью, или дротику, telum).

637

Ввиду того что Иордан описывает, как сражались представители разных племен, то и про руга он, видимо, хотел сказать нечто, рисующее его доблесть. В данном случае не совсем понятно, в чем состоит доблесть руга, «переламывающего» дротики в ранах врагов. (О ругах см. прим. 59).

«Suavum pede, Hunnum sagitta praesumere». Если слово «pede» не было искажено переписчиком – а оно присутствует во всех рукописях текста Иордана – то в сочетании со словом «sagitta» оно выглядит нелепо; буквально: свав с отвагой (глагол «praesumere») применял ногу, гунн – стрелу! Ввиду того что Иордан в данном отрывке одним-двумя словами определил действия каждого племени во время боя, то, возможно, он хотел сказать, что свав «пользовался ногами», т. е. отличался быстротой, крепостью, устойчивостью ног в сражении или же просто применял пеший, а не конный бой. Это неясное место текста Иордана вызвало попытку заменить слово «pede» словом «lapide»; тогда получается, что свав метал камни пращой (W. Fröhner, Kritische Analekten, – «Philologus», Suppl. 5, Göttingen, 1889, S. 55).

Но можно предложить еще одно объяснение загадочного «pede», причем основанное на словаре эпохи. В трактате Сальвиана (V в.) «Ad ecclesiam» говорится, что бог «вырвал посох из руки апостола», «pedum de apostoli manu rapuit» (Salv. Ad. eccl., IX, 41). Слово «pedum», здесь в значении «baculum pastorum» («пастуший посох»), отмечено издателем Сальвиана в индексе редких и несвойственных данному памятнику слов («Index verborum et locutionum». Ibid., p. 175), хотя оно встречается и у Вергилия. В данном случае слово «pede», употребленное в значении одного из видов вооружения племен в битве при реке Недао, может означать боевую дубину, дубинку. Следовательно, в тексте «Getica» надо заменить вызывающий недоумение abl. sing. от «pes» тем же падежом от «pedum» и читать не «pede», а «pedo». Разница – в одной букве, которую либо неверно написал писец, выведя более привычную форму «pede», либо невнимательно прочел Моммсен; даже при сличении ряда рукописей конечное «о» могло легко быть принято за «е». Таким образом, если согласиться с указанным выше толкованием и чтением, надо признать правильным такой перевод: «...можно было видеть... свава, отважно действующего дубинкой, а гунна – стрелой».

Облик сражающегося варвара поражал людей античной культуры. Писатель IV века Аммиан Марцеллин, бывший сам некогда солдатом, в своем труде несколько раз возвращается к описанию варвара в бою. В повествовании о грандиозной битве под Адрианополем в августе 378 г. имеются такие строки: «Можно было видеть варвара, преисполненного ярости, со щеками, сведенными судорогой от пронзительного вопля, с подсеченными коленными сухожилиями, или с отрубленной правой рукой, либо с растерзанным боком, находящегося уже на самой грани смерти и все еще с угрозой вращающего свирепыми глазами. Схватившиеся в бою валили друг друга, и степи покрылись распростертыми по земле телами убитых. Слышались стоны умирающих или пораженных глубокими ранами, порождая великий ужас» (Amm. Marc. XXXI, 13, 4). Тот же автор подробно описал вооружение гуннов: у них были стрелы с костяными наконечниками и мечи, а также аркан – непременная принадлежность кочевника-конника: «они сражаются издали летучими стрелами („missilibus telis“), к которым с замечательным искусством приделаны костяные острия в качестве кончиков жал („acutis ossibus pro spiculorum acumine arte mira coagmentatis“), но, пробежав [отделяющее их от врага] расстояние, они бьются врукопашную мечами (ferro), нисколько не помышляя о себе. Когда же они замечают опасность вражеских лезвий, то брошенными с размаху арканами (contortis laciniis) они опутывают [врагов], чтобы, охватив петлей, отнять у сопротивляющихся способность двигаться верхом или пешком» (Ibid., XXXI, 2, 9). Однако сведения авторов относительно вооружения варваров не всегда совпадают. В то время как Иордан называл вооружение алана тяжелым, Аммиан Марцеллин писал о подвижности аланов вследствие легкости их вооружения («armorum levitiate veloces», – Ibid., XXXI, 2, 21).

Копья, которыми, судя по данному тексту Иордана, были вооружены готы, не являлись оружием специфически готским; они употреблялись в бою и другими племенами. Так, в трактате «Стратегикон» (начало VII в.) сообщается, что каждый славянин (равно как и ант, потому что и те и другие описаны вместе) «вооружен двумя небольшими копьями» (οπλίζονται δε ακοντίοις μικροῖς δυσιν έκαστος ανήρ, – Maur. Strateg., XI, 5). Словом «contus», κοντός, определялось длинное копье в противоположность короткому дротику («telum»). У славян были копья («conti») меньшей, по-видимому, чем обычно, длины,

однако не дротики.

640

Иордан, говоря об отходе гуннов к востоку, вспоминает места на припонтийском побережье, где до продвижения на Балканский полуостров сидели готы. Это – северо-западное Причерноморье, близ Днепро-Бугского лимана. Однако ниже Иордан говорит уже о «древних» местах расселения самих гуннов («Hunnorum populum suis antiquis sedibus occupare», – § 264), по-видимому, имея в виду области, занятые в VI в. гунно-болгарскими племенами.

641

Гепиды заняли места, принадлежавшие до того гуннам («Hunnorum sedes»), а именно равнины по обеим сторонам Тиссы, между Дунаем, Олтом и Карпатами. Несомненно, что гепиды гуще населяли южные части этих областей, так как их интересы были обращены на юг, к нын. Славонии и к узловому пункту путей – городу Сирмию, который они и захватили к концу V в. Когда Иордан (§ 74) говорит о римской Дакии (Dacia antiqua), он приравнивает ее к «Гепидии», что не вполне верно. Здесь (§ 264) он – тоже неправильно – сказал, что гепиды заняли земли «всей Дакии».

642

Strenuus обычно значит «храбрый», «бодрый», «предприимчивый», но иногда – «деятельный», «продвигающий дело». Здесь автор имеет в виду то обстоятельство, что гепиды учитывали соотношение сил и потому решили стать федератами империи.

643

«Annua sollemnia» (ниже – «consuetum donum») – денежные взносы, «подарки» от императора за союз, как федератам, или просто за ненападение. Иордан, закончивший свой труд в 551 г., уже не коснулся роковой для гепидов борьбы их с лангобардами, относившейся к началу второй половины VI в. Когда он писал, империя еще была принуждена откупаться от гепидов.

Antiquae sedes – вероятно, приазовские степи.

645

При перечислении границ Паннонии, полученной готами по решению императора Маркиана после падения гуннской державы Аттилы, Иордан не руководствовался трудом Орозия, которым неоднократно пользовался при географических описаниях. У Орозия Паннония описана суммарно, вместе с Нориком и Рэцией. Иордан же вполне точно называет соседящие с ней провинции и северную ее границу – Дунай. Неясно только, причислял ли Иордан к Паннонии, отданной остроготам, также и восточную ее часть, носившую имя Валерии. Если причислял, то, казалось бы, он должен был назвать Дунай не только северной, но и восточной границей земель, занятых остроготами. Он же восточной их границей назвал только Верхнюю Мезию, как бы исключая Валерию.

646

Характеристика Сирмия (ок. нын. Митровицы) как первого города в Паннонии, а Виндомины (то же, что и Виндобона, нын. Вена) как города последнего соответствует географическим ориентирам Иордана, который писал (§ 147), что Алариx, направляясь от Сирмия, вошел в Италию с правой стороны и что в Испании (§ 230) с правой стороны находятся Галлеция и Лузитания. Автор смотрел с позиции человека, находившегося на юге, в Италии, или, может быть, на Балканском полуострове. Для такого наблюдателя Сирмий является первым, т. е. ближайшим городом, а Виндомина оказывается самой удаленной.

647

Слова «из этого же рода» («ex quo genere») относятся не к племенам сарматов, кемандров и гуннов, а к названным в § 264 готам. (См. разъяснение в прим. 653.)

648

Пентаполь – «Пятиградие» («Pentapolis»). Наиболее известен африканский Пентаполь – пять городов римской провинции Киренаики (Кирена, Птолемаида, Аполлония, Арсиноя, Береника). Но так как владения вандалов в Северной Африке не простирались на Киренаику (королевство вандалов захватывало на востоке только Триполитанию), то едва ли правильно назван «пентаполитанский вождь»; может быть, по ошибке переписчика «вождь пентаполитанский» получился из «триполитанского». В середине VIII в. становится известен италийский Пентаполь, т. е. пять городов на восточном побережье Италии (Анкона, Римини, Пезаро, Фано, Синигалья). Но вряд ли название «Пентаполь» в Италии употреблялось ранее лангобардского и затем каролингского завоевания, поэтому италийский Пентаполь для объяснения данного текста Иордана отпадает. Был еще менее известный Пентаполь мезийский, засвидетельствованный античными надписями. Между хребтом Гема (Балканы) и Истром, на западном побережье Черного моря в надписях отмечен союз пяти городов, главным среди которых – «блистательнейшей метрополией» (ἡ λαμπροτάτη μητρόπολις) были Томы (Τόμοι); остальные четыре: Истр (город), Одесс и попеременно – то Аполлония, то Дионисиополь, то Каллат, то Месемврия, то Маркианополь. В связи с Пентаполем в Нижней Мезии можно указать на сообщение Иордана (Rom., § 221) о том, что Лукулл подчинил Риму города Пульпудеву (позднее – Филиппополь) и Ускудаму (затем – Адрианополь), а также завоевал пять городов по понтийскому побережью: Аполлонию, Каллат, Парфенополь, Томы и Истр. Упоминаемые только Иорданом готы Бливила и Фроила относились, вероятно, именно к этому причерноморскому, т. е. мезийскому Пентаполю. Моммсен (Prooem., p. VI) относит их к Пентаполю африканскому.

Бесса (Bessa patricius) – один из крупных военачальников при Юстиниане, действовавший в войнах с остроготами в Италии и с персами в Лазике. Иордан упомянул о Бессе лишь вскользь, но это упоминание, хотя и неясное, не лишено интереса, а Моммсеном даже введено в анализ происхождения Иордана (Prooem., p. VI—VII). Называя разные племена в связи с их расселением после распада державы Аттилы, Иордан кратко указал, что около города Кастрамартены (в Прибрежной Дакии) поселились сарматы (аланы), кемандры и некоторые из гуннов, после чего записал: «из этого же рода» («ex quo genere») были Бливила, Фроила и Бесса. Естественно думать, что «ex quo genere» относится к предыдущей фразе. Но что получается при более тщательном разборе текста? Во-первых, невозможно представить, чтобы человек одновременно принадлежал к трем разным племенам; поэтому непонятно, кем был Бесса (и его сородичи, Бливила и Фроила) – аланом, кемандром или гунном! Во-вторых, имена Бливила и Фроила – германские. Сравни с другими германскими именами: Унила (Ioh. Chrys., Epist. 14, 5. – MPG 52), Ульфила (Get., § 267) – готские епископы; Оптила и Травстила – приближенные Аэция (Rom., § 334); Бравила или Бракила (Get, § 243), Алла и Синдила (Chron. Gall., 653) – комиты Одоакра; Вела – гепид родом, дорифор императора (Bell. Goth., III, 1, 43); Бадвила-Тотила и др.; кроме того, германские (или германизированные?) имена у гуннов – Ругила, Аттила. В-третьих, имеется весьма четкое сообщение Прокопия, что Бесса – гот (Bell. Pers., 1, 8, 3; Bell. Goth., I, 16, 2). Бесса был современником писателя и участником тех войн, на театре которых присутствовал и Прокопий; поэтому свидетельство последнего, по всей вероятности, правильно. Как же объединить данные обоих авторов – Иордана и Прокопия? Фраза, в которой Иордан говорит о происхождении Бессы, Бливилы и Фроилы, выглядит вставкой в общем рассказе о том, какие земли заняли или получили от империи различные племена после разгрома гуннов на реке Недао. Иначе говоря, следовало бы поменять местами фразу о Бессе и фразу о сарматах, т. е. фразу «из этого же рода [= готов]... Бесса» поместить после слова «Виндомина». Таким образом, первое сообщение окажется связанным с § 264, где идет речь о готах, расселившихся в Паннонии. Готы и являются тем «родом», из которого («ex quo genere») произошли названные Иорданом лица, в том числе и Бесса. Невозможно согласиться с мнением Моммсена, что Бесса «на самом деле, с полной

достоверностью (sane locuplete), происходя от сарматов, кемандров и гуннов, сидевших в Прибрежной Дакии, тем не менее воспринимался как гот (Gothus habitus sit)» потому, что разные племена признавали за собой «имя готов» («Gothorum nomen») и пользовались «готским к ним благоволением» («et Gothica studia», Prooem., p. VII). Те же доводы Моммсен приводит и при решении вопроса, был ли Иордан аланом или готом.

Иордан, говоря о сарматах, вероятно, имеет в виду остатки язигов.

651

Название племени «кемандры» остается без объяснения. Его не упомянули даже Ф. А. Браун и Л. Шмидт. Не отметил его и Моммсен в разночтениях.

652

Имеется в виду префектура Иллирика, т. е. область, охватывающая два диоцеза: диоцез Дакии (пять провинций: Верхняя Мезия, Дакия Прибрежная, Дакия Средиземная, Дардания, Превалитана) и диоцез Македонии (шесть провинций: Македония Первая, Македония Вторая, или Salutaris, Эпир Новый, Эпир Старый, Фессалия, Ахайя). Особой областью являлся диоцез Иллирика, составлявший часть префектуры Италии. Диоцез Иллирика охватывал шесть провинций: Далмация, Верхняя Паннония (с выделением из нее Валерии), Нижняя Паннония, Савия, Норик Прибрежный, Норик Средиземный. Провинции устанавливаются по «Notitia dignitatum», составленной в начале V в. При Иордане, в связи с новыми передвижениями племен за время с середины V по середину VI в. эти деления колебались, но были еще вполне живы и понятны.

653

Кастрамартена (Castramartena urbs), город Castra Martis (около нын. Видина), в провинции Прибрежная Дакия, расположенной на правом берегу Дуная, между Верхней (или Первой) и Нижней (или Второй) Мезиями. Эта провинция входила в состав префектуры Иллирика (но не диоцеза Иллирика, относившегося к префектуре Италии), поэтому Иордан и говорит о «городе Кастрамартене в части Иллирика».

Скиры (Scyri, Sciri) – одно из германских племен, жившее в IV в. в юго-западном Причерноморье (еще до нашей эры имя скиров объединялось с именем бастарнов). В результате передвижений к западу скиры, – вероятно, в немалом количестве, – стали участниками похода Одоакра в Италию; они названы в числе основных племен, сопровождавших Одоакра (Rom., § 344; Get., § 242). Л. Шмидт (L. Schmidt, S. 99, 317) считает, что Одоакр несомненно был скиром, сыном Эдекона, полководца и близкого советника Аттилы. Шмидт высказывает такое предположение потому, что находит возможным отождествить этого Эдекона с предводителем скиров Эдикой, названным Иорданом (Get., § 277). Ко времени походов Одоакра скиры, некогда очень сильное племя, были ослаблены борьбой с готами (§275—277). В решительных боях с ними скиры объединяли свои силы с сарматами (аланами), предводителями которых были Бевка и Бабай. У Иордана в § 265 скиры также объединены с аланами, – они занимали вместе с ними земли в Нижней Мезии и в Малой Скифии. Ввиду выступлений этого племени то в восточной половине Балканского полуострова, то в Италии, существует предположение, что еще в конце IV—начале V в. племя скиров разделилось на две части (см.: Ф. А. Браун, Разыскания в области гото-славянских отношений, стр. 123).

655

Садагарии (Sadagarii) – возможно то же, что и садагии или садаги, которые названы Иорданом в §§ 272—273 как племя, жившее «во внутренней Паннонии». На садагов (в 60-х годах V в.) с грабительскими целями двинулись готы, но были отвлечены походом гуннов, которые под предводительством сына Аттилы Динтцика осадили город Басиану (в южной Паннонии). Ввиду того, что Иордан изобразил поход гуннов как бы в защиту садагов (Динтцик пошел на готов, когда узнал, что они готовы напасть на садагов), можно думать, что садаги были гуннским племенем. Так полагает, например, Л. Шмидт (L. Schmidt, S. 269). Едва ли с достаточным основанием считает Ф. А. Браун («Разыскания...», стр. 124, где он признает тождество садагариев и садагов), что садагарии были аланами (лишь на основании того, что есть чтение не «certi Alanorum», а «ceteri Alanorum» в смысле: садагарии и другие из аланских племен).

656

Кандак (Candac) – имя предводителя аланов, расположившихся после «перераспределения племен» (последовавшего за смертью Аттилы) в Нижней Мезии и Малой Скифии. Имя Кандак (Иордан употребляет это слово, преимущественно несклоняемое, в родительном падеже: Candasic) не германское, а иранское (аланское). Подобных имен известно, по источникам, несколько; они принадлежали часто и неаланам. Таковы: Аддак – король аланов в Галлии, Сафрак – готский предводитель (вместе с Алафеем увел остроготов на Дунай от гуннов); Хернак, Эллак – сыновья Аттилы – имели «чужие», аланские имена, подобно своему отцу, который носил германское (или германизированное?) имя. Д. Шмидт (L. Schmidt, S. 254) думает, что и имя Амала Андаг (Get., § 266) тоже аланское.

Малая Скифия (Scythia minor) совпадает с нынешней Добруджей в Румынии; Малая Скифия была ограничена черноморским побережьем от дельты Дуная до Варны и нижним течением Дуная от г. Силистрии до его устьев.

Нижняя Мезия (Moesia inferior) граничила с Малой Скифией по правому берегу Дуная; она располагалась между Дунаем и Балканами, вплоть до реки Вит (Utus), которая отделяла Нижнюю Мезию от Прибрежной Дакии, лежавшей выше по Дунаю, также на его правом берегу. Река Искыр (Oescus, Hiscus) протекала по Прибрежной Дакии.

659

Нотарий – человек, владевший искусством письма и осведомленный в дипломатике, т. е. умевший составлять документы соответственно принятым формулам. Нотарий при варварском вожде был отнюдь не только писцом, но и лицом, посвященным в политические дела. (Ср. сказанное Моммсеном, – Prooem., p. VI.)

Алановийамутис (Alanoviiamuthis). В такой именно форме дошло до нас в ряде лучших списков это странное «имя». Два крупных лингвиста второй половины XIX в., Мюлленгофф и Моммсен, расходились во мнении относительно этого имени. Мюлленгофф полагал, что написанное во всех рукописях в одно слово Alanoviiamuthis представляет собой два слова, оба в родительном падеже. Первое слово Alanovii (в именительном падеже Alanovius) служит определением к имени «Кандак» и значит «аланский», «аланского происхождения»; второе слово Amuthis является именем (несклоняемым в латинской фразе) отца Иордана. Мюлленгофф, отмечая, что прилагательное alanovius не встречается ни у одного из писателей, допускал, что подобная противоречащая всяким правилам латинского языка форма могла встретиться в придунайской латыни. Имя же «Амут» (Amuthis) он считал германским и сближал его с готским причастием gahamôths в значении «облаченный» (предполагается – в военные доспехи). Таким образом, в толковании Мюлленгоффа утверждается аланское происхождение Кандака, вождя аланов. Моммсен полагал, что в латинском языке, каким бы испорченным он ни был, никак не могло этническое определение Alanovius произойти от слова Alani. Поэтому слово Alanoviiamuthis нельзя делить на две части: по Моммсену, это – единое слово, хотя, по-видимому, и в искаженной переписчиками транскрипции. Таким образом, в толковании Моммсена утверждается имя отца Иордана в виде длинного и вызывающего недоумение слова Alanoviiamuthis.

Моммсен, уверенный, что это – имя отца Иордана, ставил вопрос: кем был по происхождению Иордан – аланом или готом? С одной стороны, он считал неоспоримым заявление самого Иордана, что он гот (Get., § 316), с другой – допускал, что Иордан мог быть и аланом, а называл себя готом в общем смысле, как принадлежащего к племени, с которым его племя – аланы – было тесно связано, верховенство и вождей которого он признавал (Prooem., p. VI—VII).

Нельзя не видеть, что в предположениях Моммсена нет определенности и нельзя не подозревать, что имя Alanoviiamuthis дошло до нас в сильно искаженном виде и потому отличается редкой длиной и нагроможденностью слогов, требующей двух ударений. Уже Ф. А. Браун заметил, что предполагаемое имя отца Иордана искусственно: «Относительно имени Alanoviiamuthis (gen.)..., вторая часть которого напоминает готск. Wiljamoths,

нужно заметить, что рукописные чтения так разноречивы, что было бы опасно основывать на нем [на имени] какие бы то ни было выводы. Даже если форма, которую принял Моммсен, верна, – в чем можно сомневаться, – то мы все-таки имели бы тут дело с искусственным, не народным образованием» (Ф. А. Браун, Разыскания..., стр. 98—99).

Остроумная догадка относительно «искусственного образования» Alanoviiamuthis была высказана Гринбергером (Th. Grienberger, Die Vorfahren des Jordanes, S. 406). Он раскрыл это имя так: Alan(orum) d(ucis) Viiamuthis. Понятно, что при подобном чтении первые два слова относятся к имени Candacis, а третье (готское имя Veihamôts) является именем отца Иордана. Таким образом, Гринбергер предлагает следующее чтение: «cuius Candacis, Alanorum ducis, Uiiamuthis patris mei genitor Paria». Полностью присоединился к такому осмыслению И. Фридрих (J. Friedrich, Über die kontroversen Fragen..., S. 380—381). Предположение Гринбергера является, по всей вероятности, наиболее близким к истине.

Если даже не делить надвое слово Алановийамутис (против его деления возражает Моммсен), то представляется более правильным отнести его не к последующему существительному в род. падеже (patris), а к предыдущему в том же падеже (Candacis). Во-первых, у Иордана ясно сказано, что Кандак был предводителем аланов (аланы – certi Alanorum – названы в перечислении племен последними: скиры, кемандры, аланы). Во-вторых, никто не может возразить, что в дошедшей до нас форме (в род. падеже) загадочного Alanoviamuthis присутствует этническое название (alano-, alani – во всех разночтениях). Это же встречаем у Иордана в словах Gepedoios (§ 96) или Gothiscandza (§§ 26 и 95). Иначе говоря, Иордан, дав имя аланского вождя, определил его – в том же род. падеже, что и Candacis, – еще одним, скажем, прозвищем. Этого вождя звали Candac Alanoviiamuth. Затем из фразы Иордана видно, что ему было важно сообщить именно о своем деде, который был нотарием при вожде племени, так же как позднее был нотарием и сам Иордан при другом вожде. Поэтому Иордан привел имя своего деда – Paria; но мог и не привести имени своего отца, очевидно, ничем не отличавшегося.

К сожалению, Л. Шмидт, крупнейший специалист по истории германских племен, не высказался по поводу вышеупомянутого имени ни в связи с Иорданом, ни в связи с аланами. В одной из новых монографий о Теодерихе Энсслин, автор книги, ограничился словами, что Иордан был потомком готов и аланов, не коснувшись предполагаемого имени его отца (W. Ensslin,

Theoderich..., S. 280).

661

Имя деда Иордана – Paria (в разночтении есть «patria») не поддается пока объяснению.

662

Гунтигис (Gunthicis, Gunthigis). Это имя не склоняется, так же как, например, и хорошо известное имя короля остроготов Витигис (Vitigis). Другое имя, относимое к Гунтигису, – База (Baza) не поддается пока объяснению. Гунтигис был магистром армии («magister militum»); по приблизительному расчету, этот высокий военный пост он мог занимать в начале VI в., находясь, конечно, в зрелом возрасте, когда Иордан, будучи, вероятно, еще молодым, состоял у него нотарием. Гунтигис, племянник Кандака, был аланского происхождения по матери и, как записал Иордан, «de prosapia Amalorum», – представитель знаменитого рода Амалов по деду и отцу. Так косвенно Иордан вскрыл обстоятельства, при которых он соприкоснулся с Амалами.

663

Андагис (Andages, Andagis) или Андаг – несомненно остроготт, так как происходил от Амалов. По-видимому, Андагис (как сообщил Иордан в § 209) сражался в 451 г. на Каталаунских полях на стороне Аттилы вместе с остальными остроготами; от его копья погиб король везеготов Теодорид I (419—451). Описание Каталаунской битвы Иордан мог заимствовать из труда Приска, как и все, что касалось гуннов; но исключительные подробности относительно расстановки войск противников, хода боя и его результатов Иордан мог воспринять из рассказов, слышанных либо от сына Андагиса, Гунтигиса, либо от соратников его отца.

Это единственное место, где Иордан приводит свое собственное имя. Словом «agrammatus» автор хотел показать, что он не получил правильного грамматического образования в школе, т. е. не прошел науки о речи и ее содержании, не изучал «тривия», состоявшего, как известно, из трех дисциплин: грамматики, риторики и диалектики. Иордан правильно назвал себя «agrammatus»; ему не далось искусство речи, его язык и слог тяжелы, он не всегда хорошо подбирает слова и строит предложения, у него нет умения точно выразить свою мысль и изложить ее последовательно. Зная манеру письма Иордана, можно с уверенностью сказать, что материал, который он брал из труда Кассиодора, не приводится им дословно. Между «варварским» языком Иордана и обработанным, то торжественным, то спокойно-серьезным, достаточно грамматически выдержанным, великолепным для Италии VI в. стилем Кассиодора (это видно по его «Variae») нет ничего общего.

665

Бицция (у Иордана в винительном падеже – Bizzim; Bizye, Bizvy, Βιζύη, нын. Вица, Viza) – город во Фракии, в ее наиболее восточной, доходящей до Босфора и Мраморного моря части, которая называлась Европой (provincia Europa).

666

Аркадиополь, Аркадиуполь (Arcadiopolis, Arcadiupolis) – город во Фракии, между Гераклеей и Биццией, на месте древней Бергулы (Bergule, Βεργούλη), переименованной императором Феодосием I в Аркадиополь в честь его сына Аркадия. Этот город лежал на пути из Адрианополя в Константинополь. В 442 г., когда Аттила приблизился к столице Восточной империи, Аркадиополь был захвачен гуннами. Бергула – Аркадиополь – нын. Люлебургаз в Турции.

667

Реки Ут, Гиск, Алм (Utiis, Hiscus, Almus – нын. реки Вит, Искыр, Лом) – правые притоки Дуная, впадающие в него между городом Бононией (нын. Видин) и устьем Алюты (нын. река Олт). Упоминая эти реки, Иордан свидетельствует, что часть гуннов, предводительствуемая двумя сыновьями Аттилы (в тексте – consanguinei eius, его единокровные: либо Аттилы, либо его сына Хернака), Эмнетзуром и Ултциндуром, заняла земли на правобережье Дуная, по названным выше его притокам.

668

Романия (Romania, η Ρωμανία) – Восточная Римская империя, Византия. Гунны перешли на правый берег Дуная и, таким образом, оказались на территории империи: они «прорывались» (proruentes) в Романию.

669

Вульфила (Vulfila, Wulfila) или Ульфила (Ουλφίλας) – готский епископ (311—383 гг.). По свидетельству Филосторгия (Philostorg., Hist. eccl., II, 5), Вульфила был потомком каппадокийских христиан, захваченных в плен готами во время набегов последних на Малую Азию в середине III в. Вульфила провел молодость в Константинополе; кроме готского, он знал еще латинский и греческий языки. По-видимому, под влиянием патриарха Евсевия (338—341) Вульфила стал христианином и был им направлен на проповедь христианства к придунайским готам. Возможно, что он был епископом в области, которой управлял Атанарих. Вульфила пробыл среди готов (везеготов Атанариха?) семь лет, с 341 по 348 гг., но к концу этого периода подвергся гонению со стороны готского предводителя, который стал преследовать готов-ариан; в результате Вульфила со своей паствой укрылся на территории империи, в Нижней Мезии; по разрешению императора он поселился близ Никополя, в предгорьях Гема. Здесь эти готы осели надолго; они отмечены Иорданом, как «малые готы» («Gothi minores»), в середине VI в. на территории Нижней Мезии.

Вульфила знаменит изобретением и введением в практику готской азбуки (у Иордана, Get., § 267: litteras instituisse; у Сократа, Socr., Hist. eccl., IV, 33: γράμματα εφεῦρε Γοτθικά), а также переводом Библии на готский язык. Как известно, словарь этого перевода, «язык Вульфилы», до сих пор берется в основу изучения готского языка.

Имеется в виду Нижняя Мезия.

671

Местность вокруг Никополя, regio Nicopolitana, у подножия Эмимонта (Гема, т. е. Балкан, см. следующее примечание). О городе Никополе Иордан уже писал в § 101. Никополь «близ Гема» или «близ Истра» – город, основанный Траяном около 102 г. н. э. после победы над даками. Но этот Никополь не был расположен ни на самом Дунае, ни близ гор Гема. Он находился на берегу Россицы, впадающей в Янтру, правый приток Дуная. Иордан правильнее других авторов определяет его местоположение: «juxta Jatrum fluvium». По-видимому, Никополь связывается с Дунаем (как с общеизвестной рекой) для отличия от города с тем же именем, основанного также Траяном, но расположенного на впадающей в Эгейское море реке Несте (позднее это название изменилось в Месту) во Фракии. Еще один, более поздний Никополь – на самом Дунае – построен в 629 г. императором Ираклием после победы над персами.

672

Эмимонт (Emimontium, правильно Haemimontium) – название одной из шести провинций диоцеза Фракии, получившееся от названия горного хребта Гема (Haemus, Αιμος) – Балкан, или Старой Планины. Иордан употребил название провинции (Эмимонт) вместо названия горного хребта (Гем).

Здесь Иордан говорит о своей современности (hodieque), о стране (часть Нижней Мезии вокруг города Никополя у подножия Гема), которая несомненно была ему хорошо знакома. Автор отмечает: если эта область не изобилует пшеницей и другими злаками (хотя еще на монетах гетских царей из южной Добруджи изображалась голова Деметры с колосьями), то в ней развито скотоводство и молочное хозяйство; в ней есть и пастбища, и леса. Однако он рассуждает, как человек, который склонен считать виноградарство важнейшим элементом агрокультуры, необходимым для благосостояния страны. По-видимому, сам Иордан находился, когда писал, в местах, изобиловавших виноградниками.

Иордан возвращается к тому, о чем он говорил в § 264, – к рассказу о расселении остроготов в Паннонии под предводительством трех королей-братьев из рода Амалов.

675

Когда Иордан, назвав Паннонию, куда переселились остроготы, указал как границы ее протяжения «первый» с юга город Сирмий и «крайний» с севера город Виндомину – Виндобону, он не имел в виду определение площади владений трех королей-братьев. Вернувшись к прерванному рассказу, он тщательно разъяснил, какая именно часть Паннонии принадлежала каждому из трех братьев.

В определении области старшего короля, Валамера, даны два названия рек, упоминаемые только в труде Иордана: Скарниунга и «Черная вода» («Aqua nigra»). Определенно отождествить эти реки еще не удается. Большинство исследователей видят в Скарниунге реку Лейту, правый приток Дуная, протекающий севернее Нейзидлерского озера; в «Черной воде» – реку Рабу, также правый приток Дуная, но протекающий южнее Нейзидлерского озера. Так полагают Л. Шмидт (L. Schmidt, S. 270), В. Энсслин (W. Ensslin, Theoderich..., S. 12) и Э. Шварц (E. Schwarz, Flussnamen u. Völkerbewegungen in Oberpannonien, S. 333), хотя последний считает «Черной водой» не Рабу, а приток Лейты – реку Шварцах. По мнению названных ученых, Валамер владел землями в северо-западной Паннонии. Иное толкование принадлежит А. Альфёльди (A. Alföldi, Der Untergang..., II, S. 97), который относит владения Валамера к южным частям Паннонии – к Словении, причем «Черная вода» отождествляется с рекой Карашицей (турецк. Кара-су), правым притоком Дравы, а Скарниунга – с неизвестным по имени левым притоком Савы. Расселение части остроготов между Савой и Дравой представляется более вероятным, чем их расселение вокруг Нейзидлерского озера, так как последняя территория была слишком удалена от реальных границ империи (а готы были ее федератами) и, кроме того, отрезана от более южных областей садагами (§ 272), жившими во внутренней Паннонии. Ниже (§ 273) Иордан говорит о Паннонии, «где жили тогда (при Валамере и Тиудимере, в середине V в.) готы», как об области, недалекой от Далмации. Все это позволяет предположить, что область остроготов Валамера находилась в южной Паннонии.

677

Lacus Pelsois или lacus Pelsodis. Двукратное упоминание Иорданом (§§ 268, 274) озера Пелсо не дает никаких нитей к определению его местонахождения. Вообще принято считать, что озеро с этим названием соответствует нынешнему крупнейшему озеру Венгрии Балатону. Л. Шмидт (L. Schmidt, S. 269—270) пишет: «Озеро Пелсойс бесспорно (unstreitig) озеро Платтен, а не Нейзидлерское, как видно из Равеннского анонима (Rav. anon. IV, 19) и из Аврелия Виктора (Aur. Vict. Caes., 40, 4)». Также без оговорок отождествляет Энсслин озеро Пелсо с нын. Балатоном (Ensslin, Theoderich..., S. 12). Однако данные источника, довольно достоверного, каким считается произведение Аврелия Виктора «Epitome de caesaribus» (см. прим 110), решительно препятствуют отождествлению озера Пелсо с озером Балатоном. Если же попытаться связать имя Пелсо с каким-либо другим озером или болотом, то естественно остановиться на северной полосе трясин Hiulca – обширной заболоченной территории, которая примыкает к берегу Дуная и окружает устье Дравы. Конечно, спущенным в Дунай могло быть только какое-нибудь озерцо из общей громадной площади болот Hiulca. Иордан упомянул об озере Пелсо в связи с владениями (Get., § 268) и военными действиями (§ 274) Тиудимера, отца Теодериха. Последний почитался и Кассиодором, и Иорданом как самый выдающийся вождь остроготов. Трудно предположить, чтобы эти авторы не представляли себе с полной ясностью родины своего героя. А вся дальнейшая история остроготов, сначала ходивших за Дунай, в восточную часть Балканского полуострова, а затем направившихся в Италию, ориентирована на юг и никак не свидетельствует об областях наиболее глухой, внутренней части Паннонии около Балатона. Остроготы не жили во «внутренней Паннонии» («interior Pannonia») (§ 272), а делали набеги на эту область, населенную садагами. Кроме того, когда остроготы ушли в поход против садагов, их – остроготов – земли начали грабить гунны, окружив город Бассиану (§ 272), расположенный между Сирмием и Сингидуном; это еще раз подтверждает, что владения остроготов (в том числе и Тиудимера – около озера Пелсо) были в южной Паннонии.

Вар – гуннское наименование Днепра. Название Вар, приводимое только Иорданом, естественно сопоставить с названием Βαρούχ, Варух, упоминаемым в конце 38-й главы трактата «De administrando imperio» Константина Порфирородного, где слово Варух дано первым в перечислении пяти рек, протекавших по областям печенегов: Варух (Днепр), Кубу (Буг), Трулл (Днестр), Брут (Прут), Серет. Название же Варух перекликается с названием Эрак (Erac), также приводимым Иорданом (Get., § 249) и, по всей вероятности, относящимся к Днепру, точнее – к его нижнему течению. Употреблявшееся гуннами слово «Var» нельзя сблизить с венгерским «vár», что значит «крепость», и Моммсен, как давно уже признано, ошибся, указывая (см. его index locorum) на то, что будто бы венгерское слово «vár» значит «река». По-видимому, гунны восприняли, а затем применили для обозначения Днепра бытовавшее до них местное название (ср. прим. 614).

Выше, в § 44, Иордан сообщил о другом – дожившем до наших дней – названии Днепра – «Danaper». Он подчеркнул, что местные жители (accolae) так называли реку Борисфен. По мнению И. Маркварта (Y. Markwart, Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, S. 33), слово Βορυσθένης, оно же иранское waru – stana, дало в сокращении Βαρούχ (по Фасмеру – осетинское väräx: Russisches etymologisches Wörterbuch von Max Vasmer). Таким образом, оказывается, что и Борисфен, и Варух – иранские слова. Разве не было бы последовательно присоединить к этим двум и третье слово Вар? И не просится ли предположение, что хотя Иордан и определил Var, как гуннское слово (lingua sua Hunni Var appellant), оно было, очевидно, искони иранским, происшедшим от усечения древнего названия Дорисфен и только прививишимся в гуннском языке.

В связи с фразой Иордана, в которой он привел название Вар, следует заметить следующее: более ста лет тому назад К. Цейсс (K. Zeuss, Die Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837, S. 726) высказал предположение, что два слова «Hunni Var» (Get., § 269) надо читать слитно – Hunnivar и под этим названием подразумевать страну (т. е. «Скифию»). Однако, подобное слитное чтение ошибочно и не было принято Моммсеном в его транскрипции. К сожалению, лучшая из ныне существующих рукописей, содержащих «Getica» Иордана, именно Палермский кодекс (см. Приложение III), не содержит фразы со словом Var (Get., § 269), так как обрывается на § 236.

679

Год рождения Теодериха устанавливается лишь приблизительно, по некоторым косвенным данным. Примерно в 461 г., после похода в Иллирик и захвата его городов (Диррахий был взят в 459 г.), остроготы заключили договор с императором Львом I (457—474); заложником в Константинополь был отправлен сын Тиудимера Теодерих, которому только что исполнилось семь лет (Get., § 271). Следовательно, он родился не позднее 454 г. Заложником Теодерих пробыл десять лет (Get., § 282). После смерти отца, который умер, вероятно, в 471 г., Теодерих стал (по-видимому, вскоре) во главе остроготов (ср. L. Schmidt, S. 277); между прочим, Л. Шмидт не придает особого значения имеющимся сведениям о возрасте Теодериха (Ibid. S. 273, Anm. l). В 500 г., когда Теодерих посетил Рим, он праздновал там тридцатилетие своей власти (Anon. Vales., 65—69), из чего следует, что он получил после смерти отца власть над своим племенем (но не над Италией) в 470– 471 г. Тогда ему было 18 лет; при сопоставлении дат получается, что он родился примерно в 452—454 гг. (см. прим. 734 и 736).

680

Мать Теодериха (по Иордану, Эрельева – Erelieva, Herilieva; по Анониму Валезия – Ererilіva) была готского происхождения, католичка (неарианка); после крещения получила имя Евсевии (Anon. Vales., 58).

681

Император Маркиан (450—457), преемник Феодосия II, пробовал отменить выплату стипендии федератам, которые за длительное время правления Феодосия II привыкли регулярно получать следуемые им суммы из казны империи. Судя по выражению «ad instar strenuae», речь идет об единовременных «дарах» («dona»), подносимых, как хочет подчеркнуть автор, в виде подарка. Слово «strenua» (лат. strena) и означает именно подарок, подношение к новому году. Однако практически эти якобы щедрые и покровительственные дары императора варварским племенам за их военную помощь империи имели все признаки регулярного и необходимого вознаграждения, настоящей военной стипендии. В письменных источниках подобные взносы определяются рядом слов («dona», «munera», «stipendia», «sollemnia»), которые как бы маскируют зависимость империи от варварских отрядов, стоявших на ее границах. Лев I, преемник Маркиана, выплачивал остроготам 300 ливров золотом ежегодно.

682

Лев I – император (457—474), к которому направили посольство остроготы из Паннонии.

Теодерих, сын Триария (Theodericus Triarii filius; в «Romana», §§ 346—347, добавлено: congnomento Strabo, т. е. по прозванию Страбон, strabo – «косой», «косоглазый»). Иордан отмечает, что Теодерих, сын Триария, был готом по происхождению, но не из рода Амалов. Таким образом, Теодерих, сын Триария, противопоставлен Иорданом одноименному с ним Теодериху, сыну Тиудимера, из рода Амалов, будущему знаменитому королю остроготов в Италии.

Теодерих, сын Триария, начал свою деятельность раньше Теодериха Амала и играл в судьбах Восточной империи и своего народа роль предводителя тех остроготов, которые остались во Фракии после того как основная масса остроготов переселилась в Паннонию. И те и другие остроготы стремились быть федератами империи, каковыми они числились уже около столетия. Император Маркиан (450—457) отменил ежегодную стипендию постоянным федератам – остроготам. К началу правления императора Льва I (457—474) Теодерих, сын Триария, с отрядами фракийских остроготов был включен в состав войск всесильного магистра армии Аспара, который был женат на его дочери. Теодерих служил Аспару вплоть до его падения в 471 г.

Так остроготы фракийские заменили остроготов паннонских. Последние казались, быть может, менее опасными – территория их была дальше от столицы; возобновленные при императоре Льве I обычные «дары» федератам потекли в руки Теодериха, сына Триария. Приехавшее в Константинополь посольство от остроготских королей в Паннонии, братьев Валамера, Тиудимера и Видимера, неожиданно встретило в столице Теодериха Страбона, который, по словам Иордана (§ 270), «процветает», «связан дружбою с римлянами и получает ежегодную выплату». Этот факт вызвал ярость, «furor» паннонских остроготов. Они решили, что император пренебрег ими из-за их соперника, Теодериха, сына Триария, и бросились опустошать Иллирик. Мирные отношения паннонских остроготов с империей наладились к 461 г., когда семилетнего Теодериха, сына Тиудимера, передали заложником в Константинополь ко двору Льва I. Первое время империи, по-видимому, приходилось платить стипендию и паннонским, и фракийским федератам; но спустя некоторое время, после убийства Аспара, Теодерих, сын Триария, претендуя на первенствующее положение, подобное тому, какое имел Аспар, стал под стенами Константинополя и принудил императора Зинона (474—491) заключить с ним мир.

По договору остроготский вождь получил много золота, звание магистра обеих милиций и титул «короля готов», или «автократора».

Угроза нападения остроготов на Константинополь, однако, не отпала, так как Теодерих, сын Триария, подобно многим варварским вождям, мог изменить империи при любом политическом повороте. И действительно, он перешел на сторону кратковременно стоявшего у власти узурпатора, а когда император Зинон был восстановлен на троне, Теодерих Страбон вторично (в 477 г.) осадил Константинополь. Зинон попытался противопоставить ему молодого Теодериха Амала, но Теодерих Страбон привлек последнего на свою сторону. Император становился игрушкой в руках своих федератов. Так как Теодерих Страбон лелеял надежду, что он возглавит всех готов-федератов, а поэтому не хотел ни в чем уступать представителю рода Амалов, то союз обоих Теодерихов не продлился долго: сын Триария сумел снова приблизиться к Зинону, получить от него сан патриция, звание магистра армии и стипендию на многотысячное войско. Последним актом этого коварного и опасного то союзника, то врага империи было его (третье по счету) приближение к Константинополю, когда в городе, в связи с появлением нового узурпатора (в 481 г.), происходили волнения, а положение императора Зинона стало шатким. После того как Теодерих, сын Триария, был отбит от стен столицы исаврийской гвардией Зинона, он отошел к Иллирику и вскоре погиб: его сбросил испугавшийся конь, и Теодерих Страбон упал на острие копья, которое торчало в одной из повозок его войска (Rom., § 346). Смерть его была воспринята как избавление Константинополя от постоянной опасности, что и зафиксировал Иордан следующими словами: «и смертью своей даровал империи праздник» («et rei publicae diem festum morte sua donavit», – Ibid.). Теодерих, сын Триария, – пример варварского вождя, державшего в страхе Восточную империю. Опираясь на сплоченные отряды своего племени и на подчиненные военные силы, он стремился играть в ее политике чуть ли не главную роль. Если смерть его и явилась праздником для империи, то праздник этот был недолгим, так как на смену Теодериху, сыну Триария, пришел Теодерих Амал.

Остроготы Валамера, Тиудимера и Видимера, выйдя из Нижней Паннонии, напали на прилежащие и более отдаленные части Иллирика. Они могли пройти по Верхней Мезии, по обеим Дакиям, достигнуть даже Македонии. Они вторглись в Далмацию, так как известно, что в 459 г. они захватили Диррахий (Prosp. Auct. Havn., a. 459).

685

Теодерих был отдан заложником в Константинополь после переговоров между Львом I и Валамером в 461 г. (см. прим. 679).

Возможно, что садаги тождественны с садагариями, упомянутыми в Get., § 265 (ср. прим. 655).

687

Динтцик (Dintzic) – имя сына Аттилы, которое, вероятно, соответствует приводимому Приском имени Денгизих: οι δε του ’Αττίλα παίδες... Δεγγιζίχ... ’Ηρνάχ – Prisci, fr. 36. То же имя в fr. 38. У Марцеллина Комита приводится имя Denzic. Эта часть гуннов, которой предводительствовал Динтцик, искала себе земель где-то на левом берегу Дуная, поднимаясь по его левобережью до области городов Сингидуна и Сирмия.

688

Племена, объединенные сыном Аттилы Динтциком, были по преимуществу гуннскими (ултзинзуры, биттугуры, бардоры), но среди них названо и германское племя – ангискиры, которых Ф. А. Браун считает «малыми скирами», отделившимися от восточных скиров и еще – до поражения Динтцика остроготами – подчиненными гуннам (Ф. А. Браун. Разыскания... стр. 124). Ултзинзуров упоминает Агафий вместе с кутригурами и утигурами (’άλλοι δε Ουλτίζουροι, – Agath., V, 11).

689

Базиана, Бассиана (правильно Bassianae, нын. Петровцы) – город в Нижней Паннонии, между Сирмием и Сингидуном, в области, ограничиваемой Дунаем и Нижней Савой. Гунны Динтцика окружили Бассиану, находившуюся во владениях остроготов, которые населяли Нижнюю Паннонию; последние вытеснили гуннов «из своих пределов» (Get., § 273), когда отогнали Динтцика от Бассианы.

690

Здесь надо подразумевать свавов (или свевов) наиболее восточных, а именно обитавших к северу от Дуная, в районах его левых притоков Грона (Granua) и Вага (Duria), против правобережных римских городов Brigetio и Crumerum. См. прим. 704.

691

Обычно считается, что Иордан спутал Свавию – область племени свавов (ср. предыдущее примечание) и Савию – провинцию в диоцезе Иллирика, расположенную между Савой и Дравой, с центральным городом Сисцией (Siscia). В подобной, как видно, обычной путанице обвиняет Иордана и Л. Шмидт (L. Schmidt, S. 274). На самом же деле Иордан в данном случае прав, так как именно в этой «Свавии», которая находилась по соседству с Далмацией и была близка к Паннонии, он видел отнюдь не область свевов, а как раз Савию, т. е. область остроготов, где, по рассказу Иордана, свавы Гунимунда захватили бродившие в степях (или в полях) стада готов (Get., 273). Здесь лишний раз подтверждается, что остроготы, – по-видимому, все три части племени, подчиненного трем братьям-королям, – жили между Савой и Дравой. Ошибка Иордана (или переписчика) состоит лишь в том, что он вместо Savia написал Suavia.

692

«У озера Пелсода» («ad lacum Pelsodis») – место близ болотистой территории вокруг устья Дравы; здесь и было то озеро Пелсо, которое определяло, по Иордану, владения Тиудимера (Get, § 268. Ср. прим. 110 и 677 об озере Пелсо). Обратный путь свавов из Далмации и Савии к Дунаю, который им предстояло пересечь, пролегал по восточной части Паннонии, где (около болот Пелсо) их и подстерег Тиудимер.

693

Здесь имеется в виду не простое усыновление, а военная адоптация, [наменовавшая военный союз старшего с младшим. Так, например, у Прокопия сказано, что усыновление у варваров устанавливалось не грамотами, а оружием: ου γράμμασιν οι βάρβαροι τους παιδας ποιοῦνται, αλλ' όπλων σκευζη Bell. Pers., I, II, 22).

694

Здесь Иордан утверждает, будто бы все племя (gens) скиров погибло в сражении с остроготами, а через несколько строк сообщает, что «остатки скиров» («Scirorum reliquias») приняли участие в следующей битве с остроготами у реки Болии в Паннонии.

695

Под сарматами здесь надо понимать язигов, занимавших земли между Дунаем и Тиссой. Географически язиги близки к свевам.

Имя предводителя скиров, Эдика, может быть сопоставлено с именем знатного приближенного Аттилы, Эдекона, многократно упоминаемого Приском (Prisci fr. 7, 8, 12). Хотя Приск называет Эдекона скифом (Ibid., fr. 7) и гунном (Ibid., fr. 8), тем не менее имя его принадлежит к германским. Эдика, вождь скиров, был, по всей вероятности, отцом Одоакра; по крайней мере так (но без указания на скиров) свидетельствует Аноним Валезия (Anon. Vales., 45). По-видимому, Эдика погиб в битве на реке Болии в 469 г.

697

Гунульф был как будто сыном Эдики, следовательно, братом Одоакра. По свидетельству Малха, он был по происхождению скиром (Malchi, fr. 8); перейдя на службу в Константинополь после поражения своего племени в битве на реке Болии в 469 г., он стал стратигом Иллирика.

698

Руги, принявшие участие в борьбе свавов против готов в битве на реке Болии в 469 г., были, по всей вероятности, те самые руги, которые описаны в «Житии св. Северина» (см. прим. 59). Они жили в Паннонии, к северу от готов, занимавших Нижнюю Паннонию (Eugipp., V). Северину приходилось постоянно сталкиваться с королями ругов – Флаккитеем, его сыном Февой (или Фелетеем), с королевой Гизо (Ibid., V, VIII), защищая от них свой монастырь и жителей окрестных городов (Ibid., XL, XLII). В дела королевства ругов вмешивался Одоакр (Ibid., XLIV); вместе с ним руги двинулись в Италию, к которой они стремились еще раньше (Ibid., V). Поэтому, надо думать, Одоакр и называется в источниках «королем торкилингов и рогов» (Get., § 291) и даже считается «рогом» (Rom., § 34). Но часть ругов пришла в Италию позднее, вместе с готами Теодериха, о чем сообщил Прокопий (Bell. Goth., II, 14, 24); поэтому, вероятно, Прокопий называет ругов «готским племенем» (Ibid., III, 2, 1—3).

699

Река Болия (amnis Bolia) в Паннонии упоминается только Иорданом. Предположение, что древняя Болия соответствует нынешней реке Эйпель, впадающей слева в Дунай выше Будапешта, неверно. Эйпель течет вне пределов Паннонии (ср. L. Scimidt., S. 275—276).

Иордан с особенной тщательностью извещает о военных удачах остроготов в первые годы их поселения в Паннонии. Упорным и, по-видимому, опасным врагом остроготов являлись свавы (или свевы), нападавшие с севера, из-за Дуная. Иордан кратко, но отчетливо изобразил четыре войны остроготов со свавами, причем во всех случаях победа оставалась за остроготами.

В первой войне, когда свавы шли после грабительского похода в Далмацию через владения Тиудимера, они были разбиты им близ озера Пелсо (Get., §§ 273—274). Во второй войне свавы, объединившиеся со скирами, снова были побеждены остроготами в кровопролитной битве, причем была уничтожена бóльшая часть скиров; в этой битве пал король остроготов Валамер (§§ 275—276). Третья война была гораздо серьезнее предыдущих, так как против остроготов двинулась целая коалиция придунайских племен: свавы, скиры (их «остатки», «reliquiae»), давние враги остроготов – гепиды, герулы, руги. Есть сведения, что названная коалиция даже имела поддержку со стороны войск императора Льва I (Prisci fr. 35). Остроготами руководил Тиудимер, получивший верховную власть после смерти старшего брата Валамера. Сражение произошло в 469 г. на реке Болии, в пределах Паннонии; битва была настолько жестокой, что поле, пропитанное кровью противников, казалось «красным морем», «rubrum mare», а нагроможденные трупы образовали целые холмы (Get., §§ 277—279). Победа остроготов на реке Болии укрепила их положение среди окружавших племен; она оставила след в эпосе, откуда Иордан (единственный историк, сообщивший об этой битве) и почерпнул сведения. Наконец, четвертая война остроготов со свавами ознаменовалась походом Тиудимера за Дунай в 470 г. в земли последних и полной победой остроготов, которым был тогда же возвращен из Константинополя их заложник, сын Тиудимера, молодой Теодерих.

701

Как известно, большинство писателей, сообщавших о «Скифии», об областях с холодным, суровым климатом, каковыми являлись для греческих и латинских писателей земли к северу от Дуная и от Черного моря, фиксировали свое внимание на замерзающей в зимнюю пору реке, которая тогда переставала быть надежным рубежом и естественной защитой империи, так как обеспечивала враждебным племенам удобный переход по льду. Отразил ли Иордан здесь личные впечатления от покрытого льдом Дуная или своими словами передал картину, изображенную в ряде общеизвестных произведений? По-видимому, на оба вопроса надо ответить утвердительно. Иордану были знакомы берега Дуная, во всяком случае, в Нижней Мезии, где он провел некоторую часть жизни. Вместе с тем, будучи достаточно начитанным, он должен был знать многочисленные описания скованного льдом Истра. Иордан как бы вторил словам писателей, которые запечатлели картины зимы на пространствах от Истра до Мэотиды: Вергилий в «Георгинах» (Georg., III, 360—362) писал о Дунае: «На бегущем потоке вдруг затвердевает кора, а волна на хребте своем несет окованные железом колеса; хотя раньше была она гостеприимна судам, теперь же – широким телегам». Особенно ярко и разнообразно описание застывшей реки в многочисленных стихотворениях Овидия, пережившего много зим на Дунае: «Пока воздух тёпел, мы защищены пролегающим между нами Истром», потому что «он своими текучими водами отвращает войны»; но когда «унылая зима покажет свой оцепенелый лик, а земля станет белой от мраморной изморози», тогда нападают вражеские племена (Trist., III, 10). Известно описание северной зимы Луканом; и этот поэт останавливается на поражавшем южан оледенении поверхности вод Боспора Киммерийского, Истра, Мэотиды, Понта. Почти все авторы подчеркивают значение Дуная как грандиозного рубежа племен и культур: «Данубий и Рейн текут промеж мирного и вражеского [миров]; один предотвращает сарматский напор, разграничивая Европу и Азию; другой отражает германцев – жадное до войны племя» (Seneca, Naturales quaestiones. Ad Lucilium, VI, 7, § 1). Клавдий Мамертин в речи 1 января 362 г., посвященной Юлиану, вспоминает, что император с целью «потрясти ужасом все варварство» («ut... barbariam omnem... terrore percelleret») предпринял плавание по Истру. Вдоль правого берега (т. е. по стороне империи) вытянулись войска и население имперских провинций, по левому же (т. е. по стороне варварских

областей к северу от Дуная) – «павшее на колени в жалкой мольбе варварство» («in miserabiles preces genu nixa barbaria»). Веком позже Сидоний Аполлинарий в панегирике императору Авиту восклицал: «О, Скифии кочующими полчищами попранный Истр!» (Sidon. Apoll., Carm. VII, v. 43—44), а в панегирике императору Анфемию (Ibid., II, v. 289—271) описывал, что варвары, внезапно прорвавшись, переезжали через «твердый Истр колесами („solidumque rotis transvecta [gens] per Histrum“) и колея врезалась в сухие воды („et siccas nciderat orbita lympnas“)». Лед на Истре – условие варварских нападений, поэтому зима – опаснейший период в году. «Зима, – пишет Плиний Младший (62—113 гг.), – время, самое благоприятствующее» варварам и «труднейшее» для римлян, потому что «Данубий соединяет берега морозом („ripas gelu iungit“) и, отверделый благодаря льду, выносит на хребте своем огромные битвы („bella transportat“), потому что озверелые племена вооружаются не столько стрелами, сколько небом своим и погодой» (Panegyr. Traian., 12). Особенно в века варварских нашествий подчеркивается опасность твердого ледяного покрова на пограничной реке, которая выдерживает на замерзшей глади тяжесть пересекающего ее войска. В речи к Константину и Констанцию оратор Либаний (314—393 гг.) говорит, что «единственная мольба, исполнение которой может принести спасение, состоит в том, чтобы Истр не покрывался слишком крепким льдом». Желание, подобное тому, какое высказал Либаний, иногда сбывалось. Орозий подробно сообщает, как проломился лед на Дунае под тяжестью людей и животных и толпа бастарнов, ринувшихся через застывшую реку на правый ее берег, почти полностью погибла (Oros., IV, 20, 34-35). Рассказ Орозия, правда, относится к очень отдаленным временам (описанное им нападение бастарнов произошло в 175 г. (до н. э.), но та же картина наблюдалась и в века, близкие Иордану. Иордан тоже посвятил несколько строк Дунаю, покрытому льдом, который помог Тиудимеру с войском переправиться через реку. В других случаях Иордан упоминал о переходе через Дунай либо по тесно поставленным баржам и лодкам (Get, § 77), либо вброд где-то в дельте, очевидно, через самый мелкий, заболоченный рукав Дуная в Нижней Мезии (§ 92), либо без указания способа переправы (§ 133).

Предполагается, что Тиудимер перевел свое войско по льду где-то близ Будапешта (см.: L. Schmidt, S. 276); перейдя Дунай, Тиудимер оказался, по словам Иордана, в тылу («a tergo») у свевов, обитавших несколько севернее.

703

Байбары (Baibari, то же, что и Baiovarii или Baiuvarii, от древнего Boji) – жители Богемии (Boihaemum), откуда они передвинулись в начале нашей эры к западу, в провинцию Норик. Название «байювары» (байювары входили в союз племен, объединенных именем свевов или свавов – швабов) сохранилось доныне в названии «бавары».

Здесь у Иордана несомненная путаница. Ввиду того, что союз племен, объединенных свавами, распался, племена с именем свавов оказались в разных отдаленных друг от друга областях. Иордан говорит о наиболее восточных свавах, живших на левобережье Дуная, примерно там, где в него впадают реки Ваг и Грон. Л. Шмидт (L. Schmidt, S. 276) условно называет их «венгерскими» свавами. Эти свавы едва ли могли быть связаны с аламаннами. Свавы, жившие западнее (Шмидт называет их «аламанносвевами», «Alamannensweben»), занимали примерно ту территорию, границы которой приводит Иордан, ошибочно приписывая ее свавам «венгерским». «Аламаннские» свавы сидели в V в. на обоих берегах верхнего и среднего Рейна и на обоих берегах верхнего Дуная, распространяясь к югу на провинции Рэцию и Норик (около города Juvavum, нын. Зальцбург). Наконец, самыми западными свавами были свавы «испанские», занявшие в V в. территорию на крайнем северо-западе Пиренейского полуострова.

705

По решению «первого», или «старшего», короля остроготов Валамера его брат, король Тиудимер, должен был отдать заложником императору Льву I своего сына Теодериха (Get., § 271). Ср. прим. 679.

706

Сарматы – язиги, жившие между Дунаем и Тиссой.

707

Сингидун (нын. Белград), будучи расположен при впадении Савы в Дунай, был наряду с Сирмием важнейшим форпостом империи против набегов придунайских племен (язигов, особенно гепидов и затем славян). Около Сингидуна обычно совершалась переправа через реку и находилась пристань сторожевых судов.

Из слов Иордана можно заключить, что Теодерих перед походом на Сингидун обещал вернуть город императору, но не выполнил своего обещания, так как, по-видимому, намеревался усилить мощь своего племени. Возможно, что термин «amatores», которым Иордан определил выше людей из народа, примкнувших к Теодериху, значит не только «охотно идущие по вызову» (старинное слово – «охотники»), но и «сочувствующие». Ясно, что Иордан, преклонявшийся перед Теодерихом, намеренно подчеркнул неповиновение своего героя императору.

Слова «стала противна мирная жизнь» («pax coepit esse contraria») перекликаются с утверждением Тацита, что германцам тягостен, неприятен мир («ingrata genti quies», – Germ., 14).

Иордан констатирует изменение условий жизни остроготов в Паннонии. Кроме того, что эта область (несомненно, южная ее часть) была уже истощена ее последними обитателями, по-видимому, и походы на левый берег Дуная не давали достаточно добычи: сарматы-язиги, например, были уже ограблены и лишены вождя (ср. § 282). Остроготы, вероятно в огромном большинстве, предводительствуемые Тиудимером, Видимером и Теодерихом, покидали Паннонию. Это передвижение на юг совершилось, по-видимому, не раньше весны 470 г., так как Видимер, вторгнувшийся в Италию, застал там императора Гликерия, который начал править с марта 473 г. (по июнь 474 г.)

Интересно, что до основного похода в Италию был совершен предварительный поход (под предводительством Видимера), который явился как бы прелюдией к окончательному переселению остроготов за Альпы. Вероятно, путь в Италию был обдуман остроготами давно; ими не были забыты походы Радагайса и Алариха.

712

Гликерий – император в Западной империи (473—474).

713

Обычный прием, выработанный дипломатией как Восточной, так и Западной империй: прельстить варварского вождя, угрожающего остаться в основных владениях империи (близ Константинополя или в Италии), перспективой выгодных завоеваний отдаленных территорий. Так пытался Гонорий отвлечь Алариха от Италии, посылая его на завоевание Галлии (см. § 153); Зинон, желая избавиться от опасной деятельности Теодериха вблизи от Константинополя (см. §§ 291—292), побудил его идти в Италию, чтобы отвоевывать страну у Одоакра (см. прим. 589, 597).

714

Государство везеготов в Южной Галлии и Испании было в эти годы достаточно прочно; им правил седьмой (от Атаульфа) король – Еврих (466– 485).

715

В связи с соединением небольшой кучки остроготов, побывавших в Италии и продвинувшихся затем в Галлию, с везеготами (в 70-х годах V в.) Иордан вспоминает о временах совместного существования обеих частей племени готов и говорит о «третьем месте поселения» их на Черном море. (Get., §§ 38, 42, 82, 98). Тогда остроготы, жившие восточнее, и везеготы, жившие западнее, по Иордану, составляли «обе ветви одного и того же племени» («utrique eiusdem gentis populi», § 98), и только под влиянием сокрушительного удара гуннов по восточной части готов западная отодвинулась на Дунай и стала искать места для поселения даже на территории империи (Get., §§ 130, 131).

Сав (Saus amnis) – река Сава, правый приток Дуная. Тиудимер вторгся на территорию империи в области двух важнейших придунайских форпостов римлян – Сирмия (на Саве) и Сингидуна (при впадении Савы в Дунай). Перейдя реку он, несомненно, двинулся по правому берегу на восток до Виминакия и затем свернул к югу, следуя по долине правого притока Дуная Марга (Морава Сербская) вплоть до Наисса (нын. Ниш).

717

Отдельные отряды сарматов-язигов находились на правом берегу Дуная на службе Восточной империи.

718

Иордан имеет в виду префектуру Иллирика. Наисс (Ниш) находился в провинции Верхней Мезии, входившей в состав этой префектуры.

719

Лагерь Геркулеса, или Геракла (castra Herculis), находился, по-видимому, в Дардании или в Пэонии (северная часть Македонии), где-то севернее города Стоб (Stobi, у Иордана Stobis).

720

Ульпиана (Ulpiana) – город в Дардании, к юго-западу от Наисса (Ниш). Название «Ульпиана» произошло от имени рода Ульпиев, к которому принадлежал император Траян, совершивший победоносные походы в придунайских областях.

721

Стобис (Stobis) – город Стобы (нын. Градско) в Македонии (в северной ее части, называемой Пэонией), на реке Вардар.

722

Гераклея (Eraclea, нын. Монастырь) близ границы между Македонией и Фессалией.

723

Лариса (Larissa) – крупный город Фессалии. Возможно, что Иордан преувеличивает результаты победы Тиудимера, присоединяя к ней результаты более поздних походов Теодериха в 479 и 482 гг. (ср. L. Schmidt, S. 277).

724

Фессалоника (Thessalonica, нын. Салоники, русск. Солунь) – крупнейший город Восточной Римской империи в провинции Македонии, на берегу Салоникского залива. Тиудимер, выйдя из Наисса, направился к югу вверх по течению Моравы, через горный перевал и вниз по течению Вардара (древний Аксий, Azius), впадающего в Салоникский залив немного западнее Фессалоники.

725

По всей вероятности, Зиноном, который получил власть в феврале 474 г. (правил до 491 г.).

Неправдоподобно. Вряд ли при своей относительной малочисленности готы могли успеть заселить эти города.

7 27

Церры (Cerru, Cerrae, Kyrrhos) – город в Македонии к северо-западу от Фессалоники.

728

Пеллы (Pellae, Pellas, Pella) – город в Македонии к северо-западу от Фессалоники и к северу от озера Яница (древний Борбор, Borborus).

729

Европа (Europa) или Европ (Europus) – город в Македонии к северу от Фессалоники, близ реки Вардар. Европой, кроме того, именовалась небольшая провинция диоцеза Фракии, наиболее восточная и включавшая в себя Константинополь.

730

Медиана (Mediana) – по-видимому, город Метона (Methone) в Македонии к югу от Фессалоники, на побережье Салоникского залива.

731

Петина (Petina), Пидна (Pydna) – город в Македонии к югу от Метоны, на побережье Салоникского залива.

732

Берея (Berrhoea, у Иордана Bereu, нын. Верия или Веррия) – город в горах южной Македонии к западу от Фессалоники. Не путать с Береей, нын. Старой Загорой, во Фракии (ср. прим. 329).

733

По предложению Моммсена, Sium = Δῖος, т. е. город Дий (Dium) южнее Пидны, на побережье Салоникского залива. Энсслин (W. Ensslin. Theoderich..., S. 40) уверен, что названные семь городов Македонии (Церры, Пелла, Европ, Метона, Пидна, Берея, Дий) были переданы Тиудимеру после переговоров с патрицием Гиларианом, который таким образом спас Фессалонику от захвата ее остроготами. Эта македонские города находились к западу от реки Вардара, по обе стороны важнейшей магистрали (древней via Egnatia), которая соединяла берега Адриатического моря (Диррахий) с Фессалоникой и Константинополем. Из этой же области открывался путь к югу, в Фессалию и Грецию. Л. Шмидт относит завоевание семи македонских городов к походу Теодериха в 482 г. (L. Schmidt, S. 277).

734

В данном случае едва ли есть основание не доверять сообщению Иордана о месте смерти отца Теодериха (ср. W. Ensslin, Theoderich..., S. 40, 359). Однако Л. Шмидт полагает, что Тиудимер умер не в Церрах, а в Наиссе (L. Schmidt, S. 277). Относительно года смерти Тиудимера и прихода к власти его сына Теодериха существуют разные суждения. Обычно считается, что Теодерих стал королем в 474 г. Но Л. Шмидт (Ibid. S. 278) признает годом начала правления Теодериха, значит, и годом смерти Тиудимера, 471 г., ссылаясь на сообщение Анонима Валезия (Anon. Vales., 67) и на указания в хрониках Кассиодора и Мария Аваншского (под 500 годом). Ср. прим. 736.

По-видимому, Иордан «модернизировал» церемонию облечения королевской властью, сказав о назначении на престол наследника, «designatio heredis» (У Иордана «filium regni sui designat heredem» – Get, § 288). Едва ли так могло случиться в V в. у остроготов, у которых первенствующую и решающую роль играло народное собрание; обычно оно и аккламировало нового вождя племени. Надо думать, что Иорданом руководило желание (связанное с его тенденцией) показать, что еще в период, предшествовавший приходу остроготов в Италию, положение династии Амалов было уже вполне укрепившимся, поэтому-то он и сказал, что Теодерих облечен королевской властью по волеизъявлению умирающего отца (ср.: L. Schmidt, S. 277—278).

736

В момент смерти Тиудимера (см. прим. 734) Теодерих находился в Новах (Novae, нын. Свиштов, Систов), на Дунае. Став преемником отца, Теодерих был провозглашен «dux Gothorum» и лишь позднее, после смерти Одоакра (в 493 г.), он стал называться «Flavius Theodericus rex». Однако правителем Италии он считал себя со дня перехода через реку Изонцо 28 августа 489 г. (ср. Variae, I, 18; Bell. Goth., I, 1, 31). Еще одно исчисление времени власти Теодериха дает отчетливое сообщение Анонима Валезия (Anon. Vales., 65—69) о том, что после смягчения конфликта между папой Симмахом (498—514) и антипапой Лаврентием Теодерих прибыл в Рим и отпраздновал «тридцатилетие („tricennalia“) своего правления; это событие произошло в 500 г., как указывает Кассиодор в своей хронике (Cass. Chron., p. 160); то же подтверждается записью в хронике Мария Аваншского (Mar. Avent., a. 500, 3). Судя по этой дате (500 г.), Теодерих считал себя правителем готов с момента своего возвращения из Константинополя (в 471 г.). Л. Шмидт получение Теодерихом власти над готами ставит в связь со смертью его отца Тиудимера (L. Schmidt, S. 277—278), что к тому же перекликается с сообщением Иордана в § 288 (см. прим. 735). Путем ли наследственной передачи власти или путем аккламации, Теодерих, вероятно, стал вождем готов лишь после смерти отца, в 474 г. Однако другой исследователь истории готов, В. Энсслин (W. Ensslin, Theoderich..., S. 359), полагает, что Теодерих был с 471 по 474 г. соправителем Тиудимера. Того же мнения придерживается Э. Штейн (E. Stein, I, S. 527). Л. Шмидт с достаточным основанием отрицает соправительство Теодериха (L. Schmidt, S. 277, Anm. 3). Итак, Теодерих стал королем готов в 471 г., фактическим властителем Италии – в 489 г.; официальным правителем Италии – в 493 г., после смерти Одоакра.

Отношение императора Зинона к Теодериху, ставшему повелителем остроготов, диктовалось, с одной стороны, стремлением противопоставить его другому еще не утерявшему могущества предводителю варварских отрядов – Теодериху, сыну Триария, а с другой – необходимостью во что бы то ни стало обезопасить империю от энергичного, полного агрессивных намерений молодого остроготского вождя. Иордан говорит, что Теодерих был приглашен в Константинополь и принят во дворце; в честь его в столице был устроен триумф, а против дворца была установлена конная статуя; Зинон «усыновил его по оружию» и сделал консулом. К этому надо прибавить, что Теодерих получил звание патриция и чин магистра армии, а также всевозможные дары и деньги. Прием Теодериха в Константинополе совершился летом 477 г., после того как он не подпустил Теодериха, сына Триария, к стенам столицы. Вероятно, рассказ Иордана о чествовании Теодериха объединяет несколько приемов, устроенных Теодериху в Константинополе; в 483 г. он был приглашен императором Зиноном (уже после смерти Теодериха, сына Триария) и тогда принял командование над всеми войсками Балканского полуострова (именно стал «magister militum praesentalis»); на следующий, 484 год, он был дезигнирован (назначен) консулом и получил для поселения своего народа Дакию Прибрежную и значительную часть Верхней Мезии.

Предполагалось, что «сын по оружию» («filius in arma») не пойдет войной на своего «отца по оружию». На это своеобразное усыновление хотел опереться в дальнейшем преемник Теодериха Аталарих. Опасаясь изменения отношений с Константинополем (к чему были основания, так как политику империи направлял будущий император Юстиниан, осуществивший впоследствии план уничтожения королевства остроготов в Италии), Аталарих в послании к императору Юстину в 526 г. прибегнул к напоминанию, что он, Аталарих, как наследник Теодериха, «сына» императора, доводится Юстиниану «внуком» и потому просит у него совета и помощи. По-видимому, и не царствовавший отец Аталариха, Евтарих (муж Амаласвинты), был в свое время пожалован «военным усыновлением» со стороны императора Юстина (518—527). Ср. Variae, VIII, I – послание Аталариха императору Юстину в 526 г.

739

Слова Иордана «suis stipendiis» следовало бы передать «на свои средства»; но едва ли средства, потраченные на триумф Теодериха в Константинополе в 485 г. (устроенный в благодарность за поход остроготов за Дунай против булгар), были частными. Это подтверждается соответственным по смыслу текстом из «Romana» (§ 348), где о том же событии сообщается: «устроил триумф на государственные средства» («triumphum ex publico dono peregit»).

740

Теодерих был консулом вместе с Венанцием Децием в 484 г. (Cass. Chron., a. 484).

741

Конная статуя (equestris statua) в знак прославления Теодериха была воздвигнута по приказанию императора Зинона на одной из площадей Константинополя в 484 г., после того как Теодерих оказал Зинону существенную военную помощь в его борьбе с узурпатором Леонтием.

742

Теодерих получил для поселения готов земли в Дакии Прибрежной и в Верхней Мезии, т. е. в двух северных придунайских провинциях префектуры Иллирика.

«Hesperia plaga» – Италия.

Как имя «Roma», так и слово «urbs» – женск. рода; к этим словам относится эпитет «domina», «госпожа». Однако в переводе дано слово «владыка», так как по-русски Рим – мужск. рода.

745

Тираном Иордан называет в данном месте «короля торкилингов и рогов» Одоакра, полновластно распоряжавшегося Италией с 476 г.

746

Император Зинон как бы передал Теодериху – «своему собственному клиенту» (Rom., § 348) – Италию, препоручая ему римский сенат и римский «народ» Западной империи, лишенной уже императора. Иордан называет Италию «regnum».

747

«Слуга ваш и сын» – «сын по оружию» («filius in arma») (см. прим. 693 и 738).

Иордан, являясь сторонником проримской политики готов, тенденциозно освещает отношение императора Зинона к уходу Теодериха и остроготов в Италию. Зинон не только не «огорчался» этим фактом, но подготовил его и считал необходимым для Восточной империи, особенно для Константинополя. Нередко поведение остроготского вождя внушало опасение за судьбы столицы. Даже после устроенного Теодериху триумфа, как награды за победоносную войну с булгарами на нижнем Дунае, после увенчания его славы установкой конной статуи перед императорским дворцом (Get., § 289) и назначения его консулом (на 484 г.) Теодерих, в надежде на политическую самостоятельность, не захотел пребывать в повиновении у императора. После всех перечисленных знаков признания и прославления Теодерих тем не менее в 486 и 487 гг. угрожал осадой Константинополя, которую он снял будто бы по той причине, что к нему явилась с богатыми дарами от императора его сестра Амалафрида. В этот-то момент и возник план похода в Италию с целью отобрать ее у Одоакра, причем руководящим мотивом у Зинона могло быть только стремление избавиться от остроготов и их вождя. Прокопий ставит в прямую связь намерение Теодериха начать осаду Константинополя и предложение Зинона Теодериху относительно Италии (Bell. Goth., I, 1, 9—12; II, 6, 16). Вполне вероятно, сыграла роль и проявившаяся при этом инициатива самого Теодериха, державшего, как передает Иордан, перед императором речь о бедственном состоянии Гесперии-Италии и Рима, которые «носятся... как по волнам, подчиняясь тирании короля торкилингов и рогов» (Одоакра), и которые надо от него освободить. Если официально Теодерих пошел на завоевание Италии с целью воссоединения ее с империей, то действительные, скрытые его намерения простирались гораздо дальше – утвердить власть остроготов над Италией. Он осуществил их полностью. Права Теодериха и готов на Италию не были закреплены каким-либо государственным актом со стороны Зинона, хотя Теодерих уже во время осады Равенны, посылая главу римского сената к императору, надеялся облачиться в царские одежды, «sperans vestem se induere regiam» (Anon. Vales., 53). Прокопий неоднократно указывает как на поручение предпринять поход против Одоакра, так и на передачу (υποθηκη) отвоеванной «Гесперии» остроготам и их предводителю, однако он не упоминает о документе, фиксирующем эту передачу: «и той

землей (Италией) пусть он (Теодерих) и готы владеют в дальнейшем по праву и справедливости» (κρατεῖν ορθως και δικαίως, – Bell. Goth., II, 6, 16; ρр. I, 1, 26). Но в более позднем (X в.) источнике (Hist. miscella, XV) сказано: «предусматривая пользу для империи, Зинон согласился на просьбы Теодериха и передал ему Италию посредством торжественного рескрипта» (per pragmaticum).

749

Знаменитое выражение «Senatus populusque Romanus», высеченное на множестве римских памятников в виде начальных букв этих слов: S. P. Q. R., дожило до V—VI вв., но не сохранило, конечно, прежнего своего значения. При Теодерихе сенат играл лишь роль городского совета в Риме, а то, что называлось «народом», было, по-видимому, собранием представителей купеческо-ремесленной части римского населения, действовавшей, как правило, наряду с сенатом в области городских мероприятий (продовольствие, водоснабжение, публичные игры и т. п.). При этом фактическим управителем Рима и крупным должностным лицом времен поздней империи и варварских государств был префект города, «praefectus urbis» (или в дательном пад. – urbi). Несмотря на то, что значение сената и «народа» римского уменьшилось, они неизменно почитались остроготскими королями. Политическая программа общего характера (в начале царствования, даже просто в начале года) докладывалась сенату и входила в состав обращений к «народу». Через сенат король представлял разных лиц к высоким должностям и званиям. Документами, адресованными сенату и «народу» римскому, изобилуют акты государственной канцелярии остроготских королей, собранные в так называемых «Variae» Кассиодора. Эти знаки почтения и признания старейших институтов древнего Рима составляли показную, декоративную сторону правления остроготских королей, главным образом Теодериха. Как известно, он не стремился к слиянию остроготов с населением Италии и в своей политике учитывал три фактора: а) остроготов с их малочисленностью и фактическим господством в стране, б) местные италийские элементы с их многочисленностью, социальной неоднородностью и с их веками освященными учреждениями и, наконец, в) отдаленную империю, которая в руках Юстиниана (а он действовал уже при Юстине) становилась все более активной в своих завоеваниях. Таким образом, остроготские короли – фактические правители страны – признавали сенат и римский «народ» как необходимые элементы Западной Римской империи, равно как и гражданские должности предоставляли преимущественно италийцам.

750

Теодерих покинул Константинополь в 488 г.

751

Указание Иордана свидетельствует, что остроготы ждали Теодериха на местах их поселения – частично во Фракии, а также в Мезии и в Дакии Прибрежной. Центром, вокруг которого скопились остроготы перед выступлением в поход (и для переселения) в Италию, был город Новы на Дунае, в Нижней Мезии. Теодерих пошел по направлению к Сингидуну и Сирмию осенью 488 г. (так указано у Марцеллина Комита, под 488 г.)

Судя по словам Иордана, не все остроготы последовали за Теодерихом в Италию, а лишь те, которые оказались единомышленниками своего вождя в его предприятии. Некоторая часть остроготов, смешиваясь с местным населением, прочно осела в Мезии и Фракии и не пошла даже за представителем почитаемого остроготами рода Амалов, каким был молодой Теодерих. У Прокопия вскользь брошено замечание о готах, издавна живших во Фракии и не последовавших за Теодерихом в Италию (Bell. Goth., I, 16, 2; Bell. Pers., I, 8, 3; ср. Get., § 267 о «малых готах»). Остроготы двинулись за Теодерихом все же «целым народом» («cum gente Gothica», – Anon. Vales., 49) в виде «войска» («exercitus»), т. е. с женщинами и детьми, с повозками и скотом. Ясно свидетельствует об этом Прокопий: «за ним (Теодерихом) следовал народ Готов (ο των Γότθων λεώς), нагрузив на повозки (εν ταΐς αμάξαις) детей и женщин и пожитки (τα έπιπλα), сколько возможно было увезти» (Bell. Goth., I, 1, 12). Число переселившихся в Италию остроготов не поддается определению. Обычно считают, – конечно, приблизительно, – что с Теодерихом шло до 20 тыс. воинов, всего же (с семьями) – до 100 тыс. человек (ср. L. Schmidt. S. 293). Прокопий назвал (правда, сведения относились к более позднему времени) чрезмерную цифру: 200 тыс. воинов. Однако косвенным путем можно заключить, что Теодерих вел за собой не очень многочисленное войско: между битвами близ Вероны (в сентябре – октябре 489 г.) и Милана (в августе 490 г.) Теодерих расположил свой народ в пределах такого небольшого города, каким был Тицин (Павия), и успешно выдержал за его стенами осаду войска Одоакра.

Прямой путь, о котором говорит Иордан, был старой римской военной дорогой, служившей для походов римских легионов из Италии в придунайские провинции. Эта дорога начиналась от Аквилейи, в провинции Венетий, шла через горные перевалы, направляясь к Эмоне (нын. Любляна) на Саве и к Новиетуну (Дерново) на той же реке, затем следовала по правому берегу Савы через города Сисцию (Сисек), Сервитий (Градиска) на Сирмий и Сингидун. Отсюда дорога продолжалась вдоль южного берега Дуная по обеим Мезиям, а также ответвлялась к югу, в Македонию и во Фракию. О пути, по которому Теодерих провел остроготов в Италию, имеется и иное, менее вероятное сведение. Прокопий сообщает, что Теодерих достиг берегов «Ионийского залива», т. е. Адриатического моря, откуда намеревался переправиться, по-видимому, к Равенне. Но так как кораблей там (вероятно, в порту Салоны) не оказалось, то он вошел в пределы Италии сухим путем, следовательно, двинулся вдоль побережья Далмации (Bell. Goth., I, 1, 13).

Отправившись в Италию через Сирмий (такой именно путь указывает Иордан), Теодерих вступил в области, соседние с Паннонией (Нижней), – в Савию с городом Сисцией на реке Саве, затем в южную часть Норика и, наконец, в Венетии. Старые названия римских провинций продолжали жить и во времена Иордана, хотя они уже постепенно стали стираться как в государстве Одоакра (оно включало в себя Норик), так и в государстве Теодериха.

Венетии (Venetiae) – провинция в префектуре Италии, у́же – в диоцезе Италии, где эта провинция была наиболее восточной; расположенная вокруг северного побережья Адриатического моря, она включала города Аквилейю, Патавий (Падую), Верону и др.

756

Двинувшись (осенью 488 г. из города Новы, Novae) на завоевание Италии, Теодерих вступил в пределы крайней восточной ее провинции – Венетий – через реку Сонций (Изонцо), где была переправа и мост (pons Sontii). Переправа через Изонцо считалась входом в Италию. У Кассиодора встречается такое выражение: «струи Сонция... где впервые принимает нас государство Италии» («Sonti fluenta... ubi primum Italiae nos suscepit imperium», – Variae, I, 18). Несколько ниже Иордан (хотя и забежав вперед с упоминанием о сражении между войсками Теодериха и Одоакра близ Вероны) говорит, что остроготы разобрали свои лагеря (по-видимому, те, которые были разбиты у «Моста Сонция») и Теодерих «вступил в пределы Италии». Вступление остроготов в Италию совершилось 28 августа 489 г. (Cass. Chron., a. 489; Variae, I, 18; Mar. Avent, a. 489; Ennod. Panegyr., 36—38).

Полагают, что «Веронскими полями» Иордан называет местность к северу от Вероны, по направлению к предгорьям Альп. Сражение между войсками Одоакра и Теодериха, закончившееся победой войск последнего, произошло в конце сентября 489 г. Иордан не упомянул о втором, также победоносном для Теодериха сражении с войсками Одоакра, которое произошло 11 августа 490 г. восточнее Милана на реке Адде, после чего Одоакр заперся в Равенне (ср. Anon. Vales., 50—53).

758

См. прим. 756.

759

Войско Теодериха пересекло нижнее течение Пада – реки По, но, несомненно, выше его разветвленной и сильно заболоченной дельты.

760

Пинета (Pineta – от «pinus», «сосна»; pinetum – сосновая роща). Названием «Пинета», сохранившимся до наших дней, именуются обширные пространства близ Равенны, поросшие зонтичными соснами – пиниями.

761

«Почти целое трехлетие» – с конца 490 г. по начало 493 г. Теодерих начал осаду Равенны после победы над Одоакром у Милана в августе 490 г. В феврале или в начале марта 493 г. он вошел в Равенну.

Признание Теодериха повелителем Италии произошло раньше взятия им Равенны (в феврале—марте 493 г.). Еще в 490—491 гг. остроготы овладели рядом городов по реке По; южная Италия и Сицилия были подготовлены к переходу на сторону Теодериха стараниями ее правителя, отца Кассиодора. Чрезвычайно укрепило авторитет Теодериха в Италии признание его римским сенатом. Осенью 490 г. сенатор Фест (Anon. Vales., 53) отправился в Константинополь к императору Зинону (ум. 9 апреля 491 г.) с просьбой пожаловать Теодериху царское облачение («vestem regiam»). Преемник Зинона Анастасий признал Теодериха лишь в 497 г. Император считал Теодериха правителем Италии от его, императора, имени, патрицием и магистром обеих милиций. Для готского населения Италии Теодерих был королем («rex»).

Теодерих, пригласив Одоакра во дворец (через несколько дней после взятия Равенны), своей рукой убил его в марте 493 г. Тотчас же было перебито и все войско Одоакра. Так у Анонима Валезия (Anon. Vales., 55, 56), Иоанна Антиохийского (Ioh. Antioch., fr. 214) и в других источниках. (Ср. прим. 597.)

Третий год по вступлении Теодериха в Италию приходится на 492 г. Быть может, Иордан считал годом вступления остроготов в Италию 490 г., когда Теодерих, после битвы близ Милана, проявил себя безусловным победителем в стране, уже отвернувшейся от Одоакра. Во всяком случае, на третий год по вступлении Теодериха в Италию на престоле Восточной империи сидел уже не Зинон (ум. в 491 г.), а его преемник Анастасий (491—518). Посольство же римского сената с просьбой о признании остроготского вождя повелителем Италии было направлено еще к Зинону.

Теодерих снял одежду своего племени («suae gentis»), т. е. готское одеяние. В период проникновения варваров на территорию Римской империи внешний вид варвара отличался от внешнего вида «римлянина» (римского гражданина). Варвар отпускал длинные волосы, носил тугие, облегающие одежды, употреблял меха, не расставался с оружием. «Римская» молодежь (в Константинополе, в Риме) забавлялась иногда модой одеваться «по-варварски» (в гуннский или в готский костюм). Обыкновенные варвары не одевались «по-римски», только варварские вожди в торжественных случаях облачались в пышные официальные одежды греко-латинских должностных лиц и военных. Так поступали Одоакр и Теодерих – оба патриции и магистры армий (особенно Теодерих, усыновленный византийским императором), показывая тем самым, что они являются правителями и римского, и варварского населения. Иордан употребил для этого сложного понятия термин «Gothorum Romanorumque regnator» (Get., § 295). Император Зинон не утвердил полномочий Теодериха на Италию, так как при жизни Зинона еще не был устранен Одоакр. Только в 496—497 гг. император Анастасий отправил в Италию «знаки царского достоинства» («regalia insignia», – Variae, I, 1), которые были отосланы Теодерихом в Константинополь, где они и находились. Через посланца римского сената Теодериху были переданы «подобающие дворцу убранства» (Anon. Vales., 65).

Лодоин – Хлодвиг, король франков (481—511). Из королей – современников Теодериха – Хлодвиг был самым могущественным, особенно после уничтожения им в 486 г. так называемого «государства Сиагрия» (образовавшегося на остатках территории империи в Галлии, к северу от Луары) и после знаменитой победы франков при Вогладе (франц. Вуйе) в 507 г., когда Хлодвиг нанес поражение везеготам, убил их короля Алариха II и присоединил бóльшую часть южной Галлии (к югу от Луары вместе со столицей везеготов – Тулузой) к своим владениям.

767

Аудефледа – сестра (так у Григория Турского) или дочь (так у Иордана) короля франков Хлодвига, которую в 495 г. Теодерих просил себе в жены и на которой женился.

Первые два имени сводятся к одному – Хильдеберт (Childebertus); третье имя – Теудеберт (Theudebertus) принадлежало не сыну, а внуку Хлодвига.

Имеются в виду войны Хлодвига с везеготами, королем которых был зять Теодериха Аларих II, погибший в борьбе с франками (в 507 г.), и войны сыновей Хлодвига с бургундами, королем которых был равным образом зять Теодериха Сигизмунд, также погибший в борьбе с франками (в 523 г.). Теодерих вмешивался в эти войны, так как, с одной стороны, он не желал усиления Меровингов, а с другой – был заинтересован в землях южной Галлии, где захватил «Провинцию» (Прованс), простиравшуюся к востоку от нижней Роны.

770

Аларих II – король везеготов (485—507). Теодерих выдал за него замуж свою дочь Тиудигото [Thiudigoto; у Анонима Валезия, 63 – Theodegotha; у Прокопия (Bell. Goth., I, 12, 22) – Θευδιχοῦσα]. Их сын Амаларих, рано осиротевший, пользовался покровительством своего могущественного деда, Теодериха. Амаларих был королем везеготов в 507—531 гг.

771

Сигизмунд – король бургундов (516—523), сын короля Гундобада. В 494 г. Теодерих выдал за него свою дочь Острогото. Имя Острогото считается прозвищем дочери Теодериха Ариагны (Anon. Vales., 63: nomine Arevagni), подчеркивавшим ее остроготское происхождение; оно употреблялось для отличия от Ариагны – дочери императора Льва I, жены императора Зинона (474—491), затем Анастасия (491—518).

Беретмод, Беримуд отмечен в родословной Амалов (Get., §§ 79—81) как правнук Германариха, внук Гунимунда и сын Торисмуда. Беримуд (Berimud, Beretmod) явился к везеготам в южную Галлию, покинув соотечественников – остроготов, когда они подчинились гуннам в причерноморских степях. Он не открыл везеготам, что он, Беримуд, является прямым потомком древнего и почитаемого у готов рода Амалов. Беримуд был свидетелем возведения на престол королевства везеготов короля Теодорида I (419—451) из рода Балтов. Беримуд стал ближайшим советником Теодорида (Get., §§ 175 и 251). У Беримуда, по сыну его Ветериху, был внук Евтарих, которого вызвал к себе из Испании Теодерих, король остроготов, чтобы сочетать его – представителя ветви рода Амалов – со своей дочерью (Теодерих не имел сыновей) Амаласвинтой, по отцу продолжавшей линию Амалов. По-видимому, генеалогическая линия Германарих—Гунимунд—Торисмуд– Беримуд – Ветерих – Евтарих является легендарной. По мнению Л. Шмидта, (L. Schmidt, S. 253), она вымышлена Кассиодором.

773

Торисмод (Thorismod или Thorismud) – король остроготов, внук Германариха; погиб в войне с гепидами. Соответственно родословной, он был не дедом Евтариха, как ошибочно указал Иордан (§ 298), а его прадедом. О родословной Евтариха см. предыдущее примечание.

774

Об Амаласвинте, дочери Теодериха и матери его преемника Аталариха, см. прим. 802.

775

Амалафрида – сестра Теодериха; выдав ее замуж за короля вандалов Тразамунда, Теодерих осуществил политический союз с королевством вандалов в Африке.

Теодахад – сын Амалафриды и племянник Теодериха. Дочь Теодериха Амаласвинта, потеряв сына – короля Аталариха (ум. в 543 г.), вышла замуж за Теодахада, своего двоюродного брата, так же, как и она, Амала. До женитьбы он был далек от королевского двора, жил, как «частное лицо около своих ларов» (Get., § 306), где-то в Тусции. Несмотря на то, что именно королеве-регентше он был обязан своим возвышением до сана короля, он сразу же отстранил ее, а затем приказал убить. В течение 534—536 гг. Теодахад один занимал трон Остроготского королевства в Италии. При Теодахаде началось завоевание Италии войсками Велисария, занявшими Сицилию, после чего готское войско свергло Теодахада и провозгласило королем его приближенного, Витигеса.

777

Тразамунд, четвертый по счету король вандалов, начиная с Гейзериха, который привел вандалов в Африку. Тразамунд правил в Карфагене в 496—523 гг. Теодерих, король остроготов, хотел закрепить связи с рядом варварских королевских домов, для того чтобы создать как бы общий фронт против Восточной империи. В 511 г. он писал Тразамунду, что надо заботиться об укреплении (политического) согласия (Variae, V, 43). Теодерих – к концу жизни старейший, обладавший значительным политическим весом варварский король (соперником Теодериха, по существу превосходившим его и силами, и успехами, был франкский король Хлодвиг, который умер в 511 г., на 15 лет раньше Теодериха) – выдал дочь замуж за Амала из той ветви своего рода, которая находилась в Испании, сестру свою сосватал за короля африканских вандалов, а племянницу – за короля туринговв. По приходе в Италию Теодерих немедленно породнился через двух своих дочерей с королевскими домами везеготов и бургундов. Сам Теодерих был женат на Аудефледе, дочери короля франков Хлодвига.

778

Питцам, или Питца, Петца, был одним из полководцев Теодериха, его комитом и «приматом». Последний термин Иордан неоднократно употреблял в отношении представителей варварской знати (Get., §§ 134, 247, 277, 304 и др.) и, по-видимому, в отношении членов ближайшего к королю совета; «приматы», «первые люди» (primi), старейшины, должны были, по свидетельству Иордана, избираться (ср. прим. 796).

Короли гепидов Трапстила (Trapstila, Thrafstila) и сын его Тразарих (Trasaricus, Thrasaricus) были противниками остроготов. Первый из них старался помешать движению Теодериха к городу Сирмию, когда остроготы направились из Мезии в Италию. Однако Трапстила был разбит Теодерихом в сражении при реке Ульке (Ulca fluvius, – Ennod. Panegyr., 28). Быть может, название «Ulca» соответствует названию болот «Hiulca» (Dio Cass. Hist., Rom., LV, 32. 3. Aur. Vict, Epit., 41, 5). После этого гепиды вынуждены были допустить зимовку (в 488—489 гг.) Теодериха с войском в Сирмии. Спустя два века после составления «Getica» Иорданом Павел Дьякон (Pauli Diac. Hist. Rom., lib. XV, cap. XV), отмечая враждебность гепидов к остроготам, записал, что Теодерих «победил Трапстилу, короля гепидов, затеявшего против него козни (insidias sibi molientem)». Сын Трапстилы Тразарих занял Сирмий, когда Теодерих уже был королем в Италии, но после победы Питцама, комита короля Теодериха, над гепидами также принужден был оставить город остроготам. Теодерих особенно упорно отстаивал свои права на Иллирик, потому что иллирийские области издавна причислялись к Западной империи. Кроме того, остроготы всегда были готовы напасть на гепидов в Сирмии, так как этот город считался «границей Италии» («limes Italiae», – Ennod. Panegyr., 12). Но чтобы отобрать Сирмий у гепидов и оказать помощь Мундону, врагу гепидов, остроготы направили комита Питцама. Мундон не справился бы с сильной иллирийской армией императора Анастасия, но, поддержанный войсками Питцама, оказался вместе с ним победителем Савиниана (см. прим. 780, 781).

780

Флавий Савиниан – консул 505 г. (вместе с Манлием Феодором) и магистр армии Иллирика, упомянут Иорданом как предводитель войск, стоявших на берегах Дуная и Савы, в области города Сирмия, который неоднократно переходил из рук в руки (то остроготов, то гепидов, то империи). По свидетельству Марцеллина Комита (под 505 г.), Савиниан потерпел полное поражение от «гета Мундона» (см. следующее примечание), хотя вел против него десять тысяч воинов; за войском следовал обоз с оружием и продовольствием («plaustrasque armis atque commeatibus secum trahens»). Сражение произошло при Horreum Margi, близ реки Моравы (Margus); неудачная для войск империи война названа Марцеллином Комитом «плачевной войной» («lamentabile bellum»). Иордан дал более подробную картину, чем Марцеллин Комит. Он сообщил, что с Савинианом сражался не один Мундон со своими отрядами, но и пришедший к нему на помощь Питцам, комит Теодериха, который послал этого полководца отвоевать Сирмий у гепидов. Сражение между Савинианом, с одной стороны, и Мундоном при поддержке Питцама – с другой, разыгралось, по Иордану, «у города, именовавшегося Margo planum» (см. прим. 782).

781

Мундон (Mundo) был, очевидно, видным деятелем в придунайских областях в начале VI в. Он отмечен в ряде источников, причем даже в столь кратком, как записи Марцеллина Комита. Происхождение этого, несомненно варварского, вождя остается неясным. У Иордана он довольно обстоятельно определен как лицо, связанное с родом Аттилы (что вовсе не означает, что Мундон был гунном): «hic Mundo de Attilanis quondam origine descendens» (§ 301). Может быть, правильнее определение Марцеллина Комита (под 505 г.): Савиниан двинул войска «против Мундона гета» («contra Mundonem Getam»), т. е. гота; ведь Питцам помог Мундону, будучи военачальником готов, хотя его содействие отряду Мундона было и обусловлено политическим соотношением сторон: остроготы шли против своих врагов (и врагов Мундона) – гепидов, а также, оспаривая у империи Иллирик, против Савиниана, врага Мундона. По хронографии Малалы, Мундон был гепидом, сыном короля. Несмотря на то, что этот последний источник наиболее далек от истории Подунавья и возник позднее трудов Марцеллина Комита и Иордана, его свидетельство рассматривается как самое достоверное, причем, по-видимому, только оттого, что оно перекликается со свидетельством Иордана, у которого сказано: Мундон бежал из земель племени гепидов («Gepidarum gentem fugiens», – § 301). В работе А. Д. Дмитрева («Движение скамаров», стр. 10) отдается предпочтение данным Малалы и, кроме того, без всякого основания сообщается, что Мундон будто бы подвергался «преследованиям короля Тразариха» и спасался от него «вместе с группой близких людей».

782

Город (civitas) между Дунаем и его правым притоком Мо́равой назван у Иордана «Ровный Марг» («Margum Planum», – эту форму принял Моммсен в своем географическом указателе). Несомненно, что «Ровный» (т. е. равнинный, лежащий на равнине, среди полей) Марг соответствует «Horreum Margi» («Житница Марга»), указанному Марцеллином Комитом под 505 г. (ср. прим. 780). Может быть, «Ровный Марг», он же «Житница Марга», соответствует нынешнему городу Чуприя у реки Мо́равы. Интересно, что к востоку от Мо́равы, на ее правобережье, есть населенный пункт «Равна-Река».

783

Под «иллирийским войском» («Illyricianum exercitus») надо подразумевать войска империи, которыми командовал магистр армии по Иллирику, в данном случае Савиниан.

Обычно в источниках V—VI вв. выражение «ultra Danubium» означает «Задунавье», с точки зрения обитателя правобережья, т. е. областей империи. «Перейти за Дунай» у Иордана, как и у других современных ему авторов, значит перейти на левый берег, в области, занятые варварами. Но здесь, ввиду того, что Мундон бежал от гепидов, населявших места по левому берегу Дуная, выражение «ultra Danubium», быть может, указывает на правый берег, тем более, что сражение между Мундоном и Савинианом произошло близ реки Марга, правого притока Дуная. По-видимому, Мундон бродил по пустынным местностям Нижней Паннонии и Верхней Мезии.

Запись Иордана о составе набранных Мундоном отрядов, против которых в 505 г. империя выслала специальное крупное войско, привлекает особое внимание. Мундон (по словам Иордана в §§ 300—301) бежал от гепидов за Дунай (вероятно, на правый берег его; ср. предыдущее примечание) и бродил в опустошенных областях (по-видимому, в Верхней Мезии, вдоль Дуная и Мóравы); здесь он привлек к себе толпы бродячего, бездомного и, конечно, нищего люда («plerisque abactoribus scamarisque et latronibus undecumque collectis») и стал «королем своих бродяг» («regem se suis grassatoribus fecerat»).

Историк не может ограничиться неотчетливым утверждением, что Мундон возглавил шайку разбойников. Отряды людей, имевших предводителя, имя которого сохранилось в источниках, людей, против которых направляли войско магистра армии по Иллирику и которых поддержал полководец Теодериха, никак не могли быть случайной бандой грабителей. Естественно задать вопрос об общественном положении тех, кого Иордан вдруг с раздражением определил четырьмя унизительными названиями: «угонщики скота», «скамары», «разбойники», «бродяги» (Get., § 301). Судя по всему, эти люди не только не жили сколько-нибудь обеспеченной жизнью, но вообще находились вне каких-либо твердых социальных рамок; возможно, их действия отражали классовую вражду. Пребывая в опустошенных войной и варварскими набегами областях (к VI веку далеко уже не пограничных, а глубоко вдававшихся в придунайские владения империи), они держали в напряжении (несомненно, вместе с теми или иными варварскими племенами) прилегающие населенные места с городами, укреплениями, возделанными землями, выгонами для скота. Они обрушивались на эти пока еще благополучные территории и причиняли им большой, иногда роковой ущерб. Об этом рассказывает замечательный своей живостью и конкретностью источник – «Житие св. Северина» («Vita s. Severini»), написанное в 511 г. и представляющее собой не столько агиографический памятник, сколько своего рода малую, узколокальную хронику. Автор «Жития» аббат Евгиппий, ученик Северина, зафиксировал в простых и нередко подробных описаниях множество повседневных событий из жизни северо-западной Паннонии и прилежащих к ней частей северо-восточного Норика.

Жизнь этих областей в тревожное время второй половины V

в. (Северин умер в 482 г., а монахи основанного им монастыря вместе с большинством обитателей названных провинций ушли в Италию в 488 г. Ср. Eug. V. Sev. XL, 4—6; XLIII, 9; XLIV, 5, 7) определялась почти исключительно отношениями с варварскими племенами, которые непрестанно делали набеги на города, крепости и селения. Из Нижней Паннонии, т. е. с правобережья Дуная, совершали грабительские походы готы (Ibid., V, 1; XVII, 4), из-за Дуная, т. е. с левобережья, появлялись аламанны, иногда в сопровождении турингов (Ibid., XIX, XXV, XXVII, XXXI), руги (Ibid., V, VI, VIII, XXXI, XL, XLII, XLIV), герулы (Ibid., XXIV). В рассказах Евгиппия, очевидца многих набегов, свидетеля того, что он назвал «жестоким владычеством варваров» («durum barbarorum imperium») или «нечестивым господством варваров» («iniusta barbarorum dominatio», – Ibid., XVII, 2; XL, 4), наряду с общим названием «варвары» («barbari») или названиями племен встречаются вперемежку определения: «грабители» («praedones»), «разбойники» («latrones», «latrunculi», «turba latrocinantium barbarorum»). Их нападения были неожиданны («inopinata surreptio»), они скрывались в гуще лесов, пытались при помощи осадных лестниц взбираться на крепостные стены, разоряли поля, угоняли скот и, что было особенно чувствительно, уводили много пленников, за которых в дальнейшем требовали выкуп. Местное население, не только состоятельные его слои, но и простые земледельцы из горожан и из крестьян, т. е. те, которые собственными руками производили «полевые работы» («opus agrale», – Ibid., XIV), боялось их разорительных набегов и, по всей вероятности, различало среди нападавших, кроме варваров, еще значительные группы людей, к которым и относится несколько загадочное прозвание «скамары» (scamarae, scamere, Σκαμάρεις).

Этимология слова «скамары» окончательно не раскрыта. Его сближали со славянским «скамрах» или «скоморох», как с «бранным или насмешливым нарицательным именем» (так, вслед за Шафариком, у Д. И. Иловайского в работе «Разыскания о начале Руси», М., 1876, стр. 373). Неясно, почему В. Брукнер связывал слово «scamarae» с языком лангобардов; слово «scamarae» употреблялось в V в. в Норике и Паннонии, когда лангобардов там еще не было (W. Bruckner, Die Sprache der Langobarden, Strassburg, 1895, S. 42, 179—180, 211). Автор «Жития св. Северина», конечно, повседневно употреблявший это слово в обыденной речи, дал ему некоторое разъяснение. Сообщая о том, что Северин в поисках уведенного за Дунай привратника Мавра сам переправился через реку, чтобы преследовать latrones, Евгиппий замечает, что последних «народ называл скамарами» («quos vulgus scameras appellabat»). Следовательно, слово

«скамары» было местным, народным («vulgus» означало именно простой народ) термином, распространенным на побережьях Дуная в V в. В VI в. этот же термин, также с указанием на его местное употребление, привел Менандр: οι Σκαμάρεις εγχωρίως ονομαζόμενοι (Men. fr. 35). Иордан (Get., § 301) применил слово «scamarae» вместе со словами «abactores», «latrones» и «grassatores» без особого объяснения, по-видимому, оттого, что сам был уроженцем придунайских областей и знал его как слово обиходное. Позднее оно отразилось в эдикте Ротари (от 643 г.), древнейшем сборнике обычного права лангобардов, быть может заимствовавших это местное придунайское выражение во время своего пребывания в Паннонии (§ 5: «если кто в провинции укроет скамара или даст ему хлеба, навлечет погибель на свою душу», «si quis scamaras intra provincia caelaverit aut anonam dederit, animae suae incurrat periculum», – Ed. F Bluhme, MGH Leges, IV, 1868, p. 13). Еще позднее оно встречается в «Хронографии» Феофана (под 764 г.).

Вопрос о социальной принадлежности скамаров довольно подробно рассмотрен в статье А. Д. Дмитрева «Движение скамаров». Автор высказал правильную мысль, что скамары, они же latrones, были той частью эксплуатируемого населения придунайских провинций, которая бежала от общей хозяйственной разрухи и от своих угнетателей и объединилась с варварскими племенами, производившими набеги на владения империи: «Крестьяне покидали свои участки земли, рабы и городской плебс оставляли города... Они объединялись с отрядами наступавших „варваров“, снабжавших их оружием, и вместе с ними выступали против безмерно угнетавшего их государства.. Рабы, колоны и другие порабощенные бедняки бежали от римского гнета в малодоступные и непроходимые местности, а затем объединялись с вторгавшимися „варварскими“ народностями и совместно с ними выступали с оружием в руках против безмерно угнетавших их рабовладельцев и рабовладельческого государства» (там же, стр. 6 и 9). К сожалению, в интересно задуманном исследовании А. Д. Дмитрева нет необходимой тщательности в разработке сведений из источников; это выражается в том, что автор его нередко ненужным и недопустимым образом «обогащает» свидетельства древних текстов. Например, Евгиппий, автор «Жития св. Северина», в гл. IV пишет: «выйдя на втором милиарии к речке по названию Тиганция, [трибун и солдаты] нашли тех разбойников и сразу же обратили их в бегство...» («exeuntes igitur in secundo miliario super rivum, qui vocatur Tigantia, praedictos latrones invenerunt, quibus in fugam repente conversis...»), а А. Д. Дмитрев

из этого делает следующее: «После тщательной разведки он [трибун Мамертин] выследил скамаров и напал на них в тот момент, когда они после набега беспечно отдыхали на берегу небольшой речки Тиганции» («Движение скамаров», стр. 9). В источнике нет ни «тщательной разведки», ни «выслеживания скамаров», ни их «беспечного отдыха». Снабжены, например, лишними добавлениями сведения из «Getica» Иордана относительно Мундона (на материале § 301 Иордана); без основания подвергаются сомнению сообщения Прокопия об опустошительных походах славян; почему-то мощное вторжение славян на Балканский полуостров оказывается обусловленным движением скамаров и т. п.

786

Ибба – комит Теодериха. Последний направил его в 508 г. в Галлию для освобождения принадлежавшего везеготам города Арелата (нын. Арль). Арелат был осажден бургундами и франками, напиравшими на везеготов после постигшей их неудачи в битве при Вогладе (Вуйе) (см. прим. 766). В результате похода Иббы к королевству Теодериха была присоединена «Провинция» (Прованс), так что владения остроготов простерлись до Роны [ср. Variae VIII, 10, 6 – о жестоких сражениях между готами и франками близ моста через Рону под Арелатом и о приобретении для империи (т. е. для остроготского королевства) «Провинции»]. Жестокую осаду Арля описал очевидец, епископ арльский Цезарий (V. Caes., I, 28).

787

Тиудис (Thiudis, иначе Тевд, Theudis) – оруженосец (armiger) Теодериха, из группы приближенных короля, которые, несмотря на невысокое военное звание, могли получать важные военные и даже политические задания. Тиудису была поручена опека над малолетним Амаларихом, сыном погибшего в битве при Вогладе в 507 г. зятя Теодериха, везеготского короля Алариха II. Это и отмечено Иорданом в термине «tutor» («опекун»). Еще при жизни Амаларихa Тиудис поставил себя в независимое от деда малолетнего короля положение; после смерти Теодериха (в 526 г.) он укрепил свою независимость, а после смерти Амаларихa (в 531 г.) стал полновластным правителем везеготской Испании (531—548). Ср. Bell. Goth., I, 12, 50—54. Иордан сообщает об этом сдержанно, не сочувствуя тому, что на троне Балтов-Амалов оказался случайный пришелец; Иордан назвал его не королем, а лишь захватчиком, «набросившимся» («invadens») на власть, узурпатором, хотя и успешно отражавшим посягательства франков на «Испании», главным же образом на остававшиеся еще у везеготов владения в южной Галлии, а именно на так называемую Септиманию (территория западнее нижнего течения Роны и севернее Пиренейского хребта). Эта область еще в X в. сохраняла название «Готия».

788

Тиудис был, собственно, первым королем везеготов в Испании (531– 548), по Григорию Турскому – «Theoda rex» (Greg. Turon., Hist. Franc., III, 30). Он перенес столицу из Нарбонны в Барселону. Фактически он правил везеготами с 507 г., когда принял на себя опекунство над Амаларихом, последним представителем династии Балтов, который умер в 531 г. В дальнейшем везеготские короли в Испании уже не представляли династического ряда; это были отдельные представители видных родов.

789

Тиудигисглоза (Thiudigisglosa) был королем везеготов в 548—549 гг. Согласно Григорию Турскому (Greg. Turon., Hist. Franc., III, 30) – Theodegyselus, Фредегарию (Fredegar., III, 42) – Theudegyselus; у близко знавшего готские имена Прокопия (Bell. Goth., I, 11, 10) – Θευδέγισκλος, хотя носивший это имя был не везеготским королем, а сыном остроготского короля Теодахада. Правильное написание этого имени – Thiudigisclus или, как у Исидора Севильского, – Theudisclus (Isid. Hist., a. 549).

Агил (Agil, Agila) – король везеготов в Испании (549—554), современник Иордана.

791

Атанагильд (Atanagildus) – король везеготов и Испании в 554—567 гг. Еще при жизни своего предшественника Агила (он правил в 549—554 гг.) Атанагильд стал во главе восстания, поднятого местной, католической частью населения против везеготов-ариан, представителем которых был и король Агил, не сумевший, по-видимому, оградить основное население Испании от произвола везеготов, недавних покорителей страны. Восставшие обратились к императору Юстиниану за помощью, и он направил в Испанию префекта претория Галлий – патриция Либерия. Либерий разбил войска Агила, захватил ряд городов по средиземноморскому побережью и внутри страны и вернул южную Испанию (Бэтику – Андалузию) под власть императора. Тогда же (в 554 г.) был убит король Агил, и на трон вступил Атанагильд (554—567). Следует отметить, что Иордан, называя в своем произведении и Агила, и Атанагильда, ничего не говорит ни о смерти первого, ни о воцарении второго, хотя сообщает о восстании Атанагильда; вероятно, оно произошло ранее 554 г.; Иордан указал на правление Агила как на современное ему. Свой труд он писал в 551 г. (см. вступительную статью), следовательно, о событиях 554 года автор «Getica» не мог знать.

В данном случае сказалось присущее Иордану неумение придерживаться определенной терминологии, вообще уже неустойчивой в его время. В тексте Иордана понятие «regnum» относится к варварским королевствам, а понятие «imperium» – к Римской империи. Здесь он называет империю «Romanum regnum».

Либерий-патриций, Liberius patricius (Petrus Marcellinus Felix Liberius), римлянин (род. в Италии ок. 465 г., ум. после 554 г.), сделавший крупную служебную карьеру при Одоакре и главным образом в период всего правления Теодериха и его преемников. В борьбе Юстиниана против Тотилы Либерий выступал уже на стороне империи. В государстве остроготов, избегавших передавать военные функции лицам неготского и вообще неварварского происхождения, Либерий занимал высшие гражданские должности. Он был префектом претория Италии, затем – Галлий (в той части южной Галлии, восточное реки Роны, которая принадлежала королевству Теодериха), никогда не назначался консулом, но имел сан патриция. Только к концу жизни, после того как изменилась политическая обстановка, когда полководцы Юстиниана вернули империи Африку, почти отвоевали Италию и готовили присоединение Испании, Либерий перешел на сторону империи. Имея крупные военные поручения от императора, он выступил в войне с противниками, которых хорошо знал по службе у остроготов: он руководил морской экспедицией в Сицилию против Тотилы, которую, однако, не закончил (Rom., § 385; Bell. Goth., III, 39, 6—8); он же водил флот (в 554 г.) к берегам Испании на помощь Атанагильду и восставшему католическому населению Испании против везеготов-ариан и их короля Агила.

Об этом походе кораблей и войск императора Юстиниана под начальством Либерия против везеготов в связи с восстанием Атанагильда и упоминает Иордан, современник события. Либерию удалось разбить войска Агила и овладеть многими южноиспанскими городами – Картагеной, Малагой, Кордовой, Спартарией (так, собственно, называлась местность близ города Картагены), Ассидонией. Но неожиданно был убит Агил, и Атанагильд немедленно вступил на оставленный им престол везеготского королевства, после чего волнения утихли. В результате похода Либерия южная часть Испании снова стала римской провинцией. При Теодерихе и при Аталарихе Либерий, несомненно, примыкал к «проримской» (в противоположность чисто «готской») части общества, окружавшего этих королей. Кассиодор в своем послании римскому сенату в 533 г. «рекомендует» (т. е. представляет, характеризует) ему патриция Либерия; среди похвальных эпитетов встречаются и такие, которые свидетельствуют об участии Либерия в каких-то военных делах, вероятно – эпизодически. Кассиодор изобразил Либерия

как «мужа войск» («exercitualem virum»), «приятнейшего в общении, славного заслугами, выдающегося красотой, но еще более украшенного ранами, отмеченного заслугами трудов своих» (Varia, XI, 1).

Здесь сказалась приверженность Иордана к знаменитейшему представителю рода Амалов – королю Теодериху. Одной заключительной фразой (Get., § 303) автор обрисовал могущество основателя королевства остроготов в Италии.

Комиты (comites) – представители дружин варварских вождей или королей. В таком смысле они выступают как у Тацита (Germ., 13, 14), так и значительно позднее, например, у Аммиана Марцеллина (Amm. Marc., XVI, 12, 60). Равнозначен термину «comites» термин «clientes». Но в V– VI вв. «comes» – чин в римском императорском войске; комиты бывали близки к магистру армии, являясь командирами значительных военных подразделений (преимущественно конницы), иногда даже руководителями самостоятельных военных экспедиций. В войске Теодериха комиты были как его ближайшими военными товарищами, так и ответственными начальниками частей готского войска, которым поручались важные военные задания. Примером такого задания, завершившегося существенными для политики Теодериха достижениями, был поход в южную Галлию комита Иббы в 508—509 гг.

796

Приматы (primates) – представители знатных готских родов, так как у Иордана сказано: «приматы его племени, его народа» («gentisque suae primates»). См. прим. 778.

Аталарих, король остроготов (526—534), внук и преемник Теодериха. Теодерих надеялся, что Аталарих будет достойным его наследником, так как в нем соединились две ветви рода Амалов: через мать (дочь Теодериха Амаласвинту) и через отца (Евтариха, вызванного Теодерихом из Испании). .В одной из грамот, изданной от лица малолетнего тогда Аталариха и написанной вскоре после смерти Теодериха (ум. 30 августа 526 г.), говорится: «в седло королевской власти своей посадил он (Теодерих) нас владыкою, чтобы краса рода, в нем самом процветшего, равным блеском воссияла и в преемниках его» (Variae, VIII, 6).

В этих кратких словах Иордан выразил политическую программу Теодериха. В ней указаны следующие элементы, которые по повелению («завещанию») Теодериха должны быть поставлены в тесную связь между собою: 1) король, т. е. остроготы со своим вождем; 2) сенат и народ римский, т. е. древние институты Римской империи, олицетворяющие Западную империю и охваченный ею латинский и латинизированный мир, противостоящий миру варварскому; 3) император Восточной империи, как единственная высшая власть по идее единой империи, простирающая свое могущество и на «Гесперию», где подобной персонифицированной власти уже нет. Все эти элементы, будучи переплетены в политике государя остроготов в Италии, сводились к выработанной им тенденции неразрывного бытия варваров и «римлян», их усилий в поддержании гибридного государственного организма, руководимого непосредственно варварским вождем и теоретически контролируемого императором из Константинополя. Последнее обстоятельство стало более ощутимым, когда после Зинона и Анастасия на императорский престол вступил Юстин (518—527), при котором, по крайней мере во вторую половину правления, власть осуществлялась его будущим преемником Юстинианом. Одним из условий мирных отношений с Восточной империей, уже готовившей походы на варварские государства средиземноморского запада, было тесное, внешне как бы дружественное и неразрывное, сожительство и сотрудничество готов и римлян. В грамоте начала правления наследника Теодериха, его внука Аталариха (и его матери Амаласвинты), изданной вскоре после смерти деда, объявлялось: «соответственно его [Теодериха] велению пожелания готов и римлян сошлись в том отношении, чтобы, связав себя клятвой, дать обещание сохранять верность нашей власти, предавшись ей всей душой» («cui ordinationi Gothorum Romanorumque desideria convenerunt ita ut sub iurisiurandi religione promitterent fidem se regno nostro devoto animo servaturos», – Variae, VII, 6).

799

Аталарих и его мать Амаласвинта правили остроготами с 526 по 534 г.

800

Имеется в виду «Провинция» (Прованс) – область по побережью Средиземного моря к востоку от устьев Роны и до границы северной Италии, примерно около города «Форум Юлия» (фр. Фрежюс). «Провинция» составляла часть римской Нарбоннской Галлии и включала Массилию (Марсель), Арелат (Арль) и др. Теодерих присоединил «Провинцию» к владениям королевства остроготов в результате вмешательства в 523 г. в войну сыновей Хлодвига (Лотаря и Хильдеберта) с бургундами, закончившуюся захватом Бургундии франками (в 532—534 гг.). Через два года (в 536 г.) остроготское королевство принуждено было уступить «Провинцию» франкам.

Юстиниану (527—565).

Амаласвинта, продолжая унаследованную от своего отца политику сохранения мира с империей и благосклонного отношения к представителям и сторонникам «римлян», к сенату и к местной италийской знати (причем католической, тогда как готы были арианами), вызывала недовольство среди готов, составлявших военную опору государства. При Аталарихе готская «партия» усилилась, и когда Амаласвинта после смерти сына (в 534 г.) осталась некоторым образом хранительницей престола, то, чтобы не подвергнуться насилию со стороны не сочувствовавших ее политике готов, она возвысила своего двоюродного брата Теодахада, который стал ее мужем, а следовательно и королем. Этот брак оказался губительным для нее, так как Теодахад очень скоро приказал удушить свою жену, причем весьма вероятно, что он действовал либо в согласии с готской «партией», либо под ее давлением. Понятен усилившийся антагонизм готов к империи и «римлянам» в Италии именно к этому времени. В 533—534 гг. Велисарий уничтожил королевство вандалов в Африке, и император Юстиниан готовил поход против остроготов в Италии.

803

Лары – гении-покровители домашнего очага у римлян.

804

Как Одоакр, так и Теодерих и его преемники управляли Италией из Равенны. Она стала центром государства после того как император Гонорий перенес столицу из Рима в Равенну в связи с движением войск Алариха, закончившимся взятием им Рима в 410 г. Известно, что Теодерих всего один раз (в 500 г.) за все время своего правления в Италии посетил Рим.

805

Бульсинийское озеро (lacus Bulsiniensis; lacus Volsiniensis в Этрурии) – нынешнее озеро Больсена; наибольшее из озер, расположенных к северу от Рима. На острове Мартана, одном из имеющихся здесь двух островов, и была, как полагают, умерщвлена Амаласвинта в 534 г.

806

Ср. § 305. К этому времени император Юстиниан уже отпраздновал в Константинополе триумф по случаю победы над вандалами в Африке (начало 534 г.). Как известно, поводом к отправке флота под командой Велисария против вандалов послужило нарушение завета вандальского короля Гейзериха Гелимером, который сверг короля Хильдериха (сторонника провизантийской политики). Гейзерих, умирая (в 477 г.), завещал: трон передавать старейшему в королевском роде (см. §§ 169—172). Юстиниан (якобы возмущенный поступком Гелимера) выступил будто бы в защиту завещания старого вандальского короля; на самом же деле этот поход Юстиниан задумал для осуществления давно вынашиваемого им грандиозного плана объединения под своей властью всех отошедших к варварам областей Западной империи.

Поводом к проявлению военной активности империи против Италии на этот раз явилось убийство Амаласвинты, которое Юстиниан воспринял якобы как сильнейшее оскорбление (так как Амаласвинта вместе с ее сыном Аталарихом были «подопечными», «suscepti», императора). Не давая более глубокого объяснения действиям Юстиниана, Иордан все же совершенно правильно поставил в связь победоносную африканскую экспедицию Велисария (533—534) с подготовкой тем же полководцем похода против остроготов в Италию.

807

О завоевании королевства вандалов в Африке в 533—534 гг. см. §§ 171—172.

808

С древности Сицилия славилась прекрасной пшеницей и была настоящей житницей для всей Италии, в частности для Рима с его громадным, по тем временам, населением. Теодерих бескровно присоединил Сицилию к своим владениям в Италии, так как управлявший островом Кассиодор (отец Кассиодора Сенатора, канцлера Теодериха) еще до окончания борьбы между Одоакром и Теодерихом (до 493 г.) перешел на сторону последнего. Позднее Теодерих отдал западную часть Сицилии с городом Лилибеем в приданое сестре своей Амалафриде, вышедшей замуж за короля вандалов Тразамунда (ум. в 523 г.). Иордан с основанием назвал Велисария «крайне предусмотрительным» («dux providentissimus») за то, что он, готовясь идти на завоевание Италии, предварительно занял Сицилию; он лишил остроготов их житницы и вместе с тем создал себе базу для нападения на Италию.

809

Тринакрия (Trinacria) – древнее название Сицилии, предшествовавшее названию Σικελία. Слово «Тринакрия», соединенное из τρεῖς, «три», и άκραι, «высокие выступы», «мысы», определяет остров, характерный тремя высокими, гористыми мысами и треугольным очертанием. Античные писатели так и объяснили это название: например, у Дионисия Галикарнасского (конец I в. до н. э.) указано, что остров именуется так «по причине треугольного вида» (I, 22, 2); то же у Плиния (Plin., III, 86).

810

Прокопий тоже отметил имя зятя короля Теодахада (Ἐβρίμους или Ἐβριμούθ); и по Прокопию, Эвермуд перешел к Велисарию (Bell. Goth., I, 8, 3).

811

Мессинский пролив, разделяющий Сицилию и южную оконечность Апеннинского полуострова, назывался в древности и в средние века fretum Siculum, Hadriaticum или Rhegium. Встречающееся название «сицилийское течение» («Σικελός ρόος) связано с наблюдением над водами Тирренского моря, которые через узкий пролив ввергаются в море Адриатическое. Об этом заметном течении в Мессинском проливе сообщал, следуя Эратосфену, и Страбон (Geogr., I, 54), не соглашавшийся, однако, со своим источником, что Тирренское и Адриатическое моря имеют разный уровень воды. По мнению Страбона, ток воды из Тирренского моря и обратно образует пучины и водовороты (Харибда в „Одиссее“, XII, 73). Обстоятельно описывает это явление и Помпоний Мела (Mela, II, 115), говоря о переменном течении („alterno cursu“) воды в проливе и о знаменитых Сцилле и Харибде.

812

Регий (Regium oppidum) – нын. Реджо ди Калабрия у Мессинского пролива.

813

Витигес (Vitiges) – преемник Теодахада на престоле остроготского королевства в Италии. Теодахад, последний король из рода Амалов, был свергнут в 536 г. готским войском, которое не доверяло его политике, особенно в связи с надвигавшейся на Италию опасностью борьбы с войском Велисария.

Витигес служил, как сообщает Иордан, оруженосцем («armiger») короля; это, однако, не значило, что он был телохранителем; Витигес, несомненно, принадлежал к группе приближенных короля – крупных военачальников. Витигес оставался вождем остроготов (до мая 540 г.), пока не был взят в плен Велисарием в сдавшейся императорским войскам Равенне и отправлен к Юстиниану в Константинополь. Там он, пользуясь милостями при дворе, получил сан патриция и крупные земельные владения. Через два года (в 542– 543 гг.) Витигес умер.

814

«Et mox» – в смысле «тотчас же», «немедленно».

815

«Варварские поля» («campi Barbarici») – равнина неподалеку от Рима, там собралось войско остроготов, обеспокоенное известием об измене военачальника Эвермуда, которого король Теодахад послал для отпора надвигавшемуся с юга войску Велисария. На «Варварских полях» остроготы потребовали свержения («Gothorum exercitus Theodahadum clamitat regno pellendum») бездеятельного, вызывавшего у них подозрения Теодахада и провозгласили своим вождем Витигеса (в 536 г.). Название «Варварские поля» встречается только у Иордана (дважды в § 310), но под другим именем эти же «поля» упоминаются Прокопием (Bell. Goth., I, 11, 1 – 2, 5). Он рассказывает: готы, услышав о том, что войска Велисария заняли Неаполь и направляются к Риму, собрались в местности (χωρίον), отстоящей от Рима на 280 стадиев и носящей название «Регата» или «Регета». Здесь готское войско раскинуло лагерь благодаря тому, что вокруг «есть пастбища для коней и протекает река, у местных жителей, в их латинской речи, именуемая Δεκεννόβιον [Decennovium], потому что, пройдя расстояние 19 дорожных знаков [миллиариев, отмечавших на римских дорогах мили, т. е. отрезки, равные 1 тыс. шагов, passus], что составляет 113 стадиев, она впадает в море около города Таракины [Террачины]». Словом «Decennovium» действительно называли отрезок, равный девятнадцати милям вдоль Аппиевой дороги, между Трипонтием и Террачиной, в области Понтинских болот, а не по течению реки (как пишет Прокопий).

На «полях», описанных Прокопием, очевидцем событий Готской войны, остроготы избрали Витигеса «королем (βασιλέα… ειλοντο) для себя и для италиотов (σφίσι τε και ’Ισαλιωταις)». Таким образом, «Варварские поля», или «Регата», находились на расстоянии примерно 56 км (считая, что I стадий – ок. 20 м) к югу от Рима и около 22,6 км от приморского города Террачины.

816

В повествование Иордана, построенное в этой части целиком на глаголах в настоящем времени, врывается из-за присущей автору стилистической неточности глагол в прошедшем времени: «adveniebat», что не отражено в переводе.

817

В оригинале очень тяжелая фраза: «et occiso Theodahado regem qui a rege missus adveniebat (et adhuc in campos Barbaricos erat Vitigis) populis nuntiat». Смысл этих слов прост: Витигес еще стоял на «Варварских полях», когда посланный им в Равенну человек вернулся и объявил войску («народу»), что Теодахад убит. Быть может, Иордан хотел сказать, что посланец «объявил» народу нового «короля» («regem... nuntiat»), Витигеса, потому что был убит Теодахад. Прокопий (Bell. Goth., I, 11, 6—7) даже сообщает имя этого посланца. Он пишет, что его звали Оптар и был он по происхождению готом. Оптар охотно пошел на убийство Теодахада, так как, по словам Прокопия, был им обижен и потому повиновался «как своей страсти [мщения], так и приказу Витигеса» .

818

Имеется в виду Мессинский пролив.

819

Велисарий продержался в Риме со сравнительно немногочисленным войском почти 400 дней, до марта 538 г., когда Витигес принужден был снять осаду.

820

Витигес, будучи незнатного происхождения (Bell. Goth., I, 11, 5) и уже немолод (он прославился в войне с гепидами за город Сирмий еще при Теодерихе), поспешил сочетаться браком с Матасвинтой, внучкой знаменитого короля, чтобы сохранить на троне остроготского королевства род Амалов (Ibid., I, 11, 27).

821

Под Тусцией подразумевается вся область позднейшей Тосканы. По административному делению IV в., живому еще в номенклатуре отдельных провинций, Тусция включает собственно Тусцию (древняя Этрурия) и Умбрию. Главным городом Тусции, как впоследствии и Тосканы, была Флоренция

822

Перузия (Perusia) – нын. Перуджа в Умбрии, на правом берегу верхнего Тибра.

823

Комит (comes) – в значении начальника отряда. Иордан не владея, по-видимому, военной терминологией, называет небольшой отряд комита Магна «небольшим войском», «parvus exercitus», а основные силы Велисария, т. е. римское императорское войско, определяет словами «римское войско», «Romanus exercitus». Ниже (Get., § 312) Иордан говорит, что Витигес собрал «все готское войско» («omnem Gothorum exercitum»).

Arces Иордана переданы в переводе словом «твердыни»; arces – семь знаменитых montes, холмов (Капитолий, Палатин, Эсквилин, Авентин, Целий, Ватикан, Яникул), на которых раскинулся город Рим.

825

См. прим. 819.

826

У Иордана «ad Ariminensem oppressionem praeparat», буквально: «готовится в Ариминскому угнетению». Аримин (Ariminum) – нынешний город Римини на берегу Адриатического моря.

827

Витигес сдал Равенну как свой последний оплот в мае 540 г.

Этим количеством лет Иордан исчислял существование «царства готов», следуя, как надо полагать, данным Кассиодора с добавлением лет, прошедших от смерти Теодериха (в 526 г.) до падения Витигеса (в 540 г.). Таким образом, если вычесть 540 лет из 2030 лет, общего числа лет, в течение которых, как подсчитал Иордан, длилось «Готское (Гетское) королевство», получим 1490 год до нашей эры. Иордан сохранил в «Getica» остатки («rudera», «руины», по выражению Моммсена, – Prooem., p. XX) хронологических данных истории готов и принял опорные пункты всемирной хронологии, разработанной в V в. Иеронимом.

Моммсен предложил (см.: Prooem., p. XXI) составленную им хронологическую таблицу истории готов, на которой показал приблизительное распределение мифологических эпох, связанных в «Getica» с этой историей, годов царствований легендарных «готских» королей и царствований исторических готских королей. В своей попытке наметить хронологию готской истории соответственно повествованию Иордана Моммсен пользовался, как он сам указывает (Prooem., p. XX), исследованиями А. Гутшмида (1835– 1887 гг.). Приводим таблицу Моммсена.

Пять поколений первых готских королей от Берига до Филимера (§§ 25, 12), около 167 лет 1490—1324 г. до н. э.

Танаузис, непосредственно перед Амазонками(§ 49), около 33 лет. 1323—1290

Три поколения Амазонок (Лампето и Марпезия-Меналиппа и Ипполита-Пентесилея) 100 лет (§52) 1289—1190

От Троянской войны или от смерти Пентесилеи (§ 57), или от смерти Еврипила (§ 60) до первого года Кира почти 630 лет (§ 61), вернее 631 год 1190—559

От Кира до Суллы 558—91

Бурвиста, король времени Суллы (§ 67) 90—57

Комозик, король 56—23

Корилл царствовал 40 лет (§ 73); при Тиберии (§ 68) [?] 22 г. до н. э.—18 г. н. э.

Интервал (§ 76) – одно поколение 19—50г.н.э.

Амалы Балты

Гапт Дорпаней, король 51—83 г. н. э.

Хулмул 84—117

Авгис 118—150

Амал 151—183

Хисарна 184—217

Острогота, король Нидада 218—250

Хумул Овида (король Книва?) 251—283
Атал, король Хельдерих 284—317
Агиульф Гиберих, король 318—350
Германарих, король 351—376 г. н. э.
Винитарий… – …
Хунимунд … – …
Торисмуд… – 404 (?)
Междуцарствие – 40 лет (§ 251) 405 (?) – 444 (?)
Валамер 445 (?) – …
Тиудимер… – …
Теодерих 475—526
Аталарих 526—534
Теодахад 534—536
Витигес 536—540

Всего лет царства Готов (regni Gothorum): 1490 + 540 = 2030 (§ 313).

Эта таблица только приблизительно и в самых общих чертах помогает ориентироваться в расплывчатой хронологической канве, положенной в основу того ряда частично легендарных, частично вымышленных фактов, которые переданы Иорданом. Как известно, он придал истории готов, появившихся в южнорусских степях лишь в начале III в. н. э., чужое, так сказать, начало, присоединив к ней рассказ об амазонках, затем о гетах. Иордан и Кассиодор, что было отмечено выше, поставили себе целью подобным «удлинением» истории готов возвеличить род Амалов (см. вступительную статью).

829

Велисарий был ординарным консулом в годы войны с остроготами – в 535, 536 и 537 гг.

Равенна сдалась Велисарию в первой половине 540 г. (вероятно, в мае); следовательно, Витигес умер в конце 542 г. или в начале 543 г.

831

Герман был не брат, а племянник императора Юстиниана, как правильно указывает сам Иордан в §§ 81 и 251. Fratruelis значит «сын брата» Прокопий называет Германа племянником (ο ανεψίος) Юстиниана (Bell. Vand., II, 16, 1).

Ср. прим. 272.

833

Иордану было необходимо показать, что род Амалов не угас и что он еще более возвеличился благодаря соединению с родом императора.

834

Иордан указывает, что в его произведении две темы: происхождение племени гетов-готов («Getarum origo») и деятельность их королей – представителей благородных Амалов («Amalorum nobilitas»). Автор подчеркивает, что его повествование посвящено «подвигам храбрых мужей» («virorum fortium facta») и доведено до конца истории племени и его правителей, Которых должно было заменить владычество сильнейшего вождя – императора Юстиниана.

Автор особенно выделяет победы Юстиниана и Велисария над двумя варварскими королевствами: а) вандалов в Африке (поэтому, конечно, надо объединить оба эпитета «Vandalicus-Africanus») и б) «гетов», т. е. остроготов. Агафий (Agath., I, 4) перечислил ряд подобных «этнических» титулов (ονόματα) Юстиниана, провозглашение которых знаменовало собой победы императора над различными племенами. Эти титулы проставлялись в посланиях Юстиниана государям: εν τοῖς προγράμμασι τοῖς βασιλείοις Φραγγικός τε και ’Αλαμανικός, έτι δε Γηπαιδικός τε και Λογγιβαρδικός, και ετέροις τοιοῖσδε ονόμασιν ανεκηρύττετο.

836

Иордан подчеркивает, что он опирался на сведения, сообщенные «старшими» писателями («scite me maiorum secutum scriptis»).

837

Важное свидетельство Иордана, по которому видно, что сам он считал себя происходящим из готов (См. вступительную статью).

838

Последние слова в произведении Иордана обращены к императору Юстиниану, который как бы затмевает своими победами славу готов и их королей. Здесь отражена та политическая ситуация, которая сложилась ко времени окончания труда Иордана (551 г.)